

Введение.....	9
Глава 1. Психология как наука.....	13
1.1. Плюрализм психологического знания.....	13
1.2. Программы создания психологии как науки.	
Принципы построения психологического знания: детерминизм, системность, развитие. Объект психологии. Многообразие предмета психологии.....	17
1.3. Круг явлений, изучаемых психологией.....	22
1.4. Психология в междисциплинарном пространстве.....	24
1.5. Характеристика основных разделов и отраслей психологии.....	27
1.6. Соотношение житейской, художественной и научной форм психологического знания.....	31
1.7. Методы психологии.....	33
<i>Контрольные вопросы.....</i>	<i>38</i>
<i>Тестовые задания.....</i>	<i>38</i>
<i>Литература.....</i>	<i>39</i>
Глава 2. Историческое развитие предмета психологии и основные направления в психологии.....	40
2.1. Развитие психологических знаний в рамках учений о душе.....	42
2.1.1. Психологическая проблематика в античности.....	42
2.1.2. Психологическая проблематика в Средневековье и в период Возрождения.....	50
2.1.3. Психологические проблемы в Новое время.....	53
2.2. Направления психологии периода ее развития как самостоятельной науки.....	60
2.2.1. Экспериментальная психология сознания.....	60
2.2.2. Гештальтпсихология и проблема целостного анализа психики.....	63
2.2.3. Феномен бессознательного и психоанализ.....	65
2.2.4. Бихевиоризм и проблема объективного проявления психики.....	68
2.2.5. Психика, преобразованная культурой. Культурно-исторический подход в психологии.....	70
2.2.6. Деятельностный подход в психологии.	
Виды и структура деятельности.....	72
2.2.7. Гуманистическая психология.....	74
2.2.8. Когнитивная психология.....	76
<i>Контрольные вопросы.....</i>	<i>78</i>
<i>Тестовые задания.....</i>	<i>78</i>
<i>Литература.....</i>	<i>79</i>
Глава 3. Психика и организм.....	80
3.1. Возникновение и развитие психики в филогенезе.....	80
3.1.1. Проблема объективного критерия возникновения психики. Раздражимость и чувствительность.....	82
3.1.2. Этапы развития психики в филогенезе: элементарная сенсорная психика, перцептивная психика, интеллект.....	84
3.1.3. Возникновение и развитие сознания как главное событие антропогенеза.....	91
3.1.4. Трехаспектная структура сознания: чувственная ткань, значение, личностный смысл.....	92
3.2. Научение.....	95

3.2.1. Концепция физиологии активности Н.А. Бернштейна.....	101
3.3. Подходы к решению психофизиологической проблемы: параллелизм, взаимодействие, корреляция, тождество, дополнительность.....	104
3.4. Психика и нервная система.....	106
3.4.1. Строение и функции нейронов.....	107
3.4.2. Структура нервной системы.....	110
3.4.3. Строение и функции головного мозга.....	111
3.4.4. Кора головного мозга.....	ИЗ
3.4.5. Проблемалокализации психики. Теория системной динамической локализации высших психических функций А.Р.Лурия.....	115
3.4.6. Межполушарная асимметрия. Проблема расщепленного мозга.....	118
3.4.7. Методы изучения головного мозга.....	119
3.5. Измененные состояния сознания.....	121
3.5.1. Сон.....	121
3.5.2. Гипноз.....	123
<i>Контрольные вопросы.....</i>	<i>126</i>
<i>Тестовые задания.....</i>	<i>127</i>
<i>Литература.....</i>	<i>128</i>
Глава 4. Регулятивные процессы психики. Мотивация.....	129
4.1. Общая характеристика мотивационной сферы.....	129
4.2. Общая характеристика потребностей.....	132
4.2.1. Органические потребности.....	136
4.2.2. Надорганические потребности.....	146
4.2.3. Удовлетворение потребностей.....	156
4.3. Иерархическая организация мотивационной сферы личности.....	161
4.4. Интенсивность мотивации и эффективность деятельности. Закон Йоркса — Додсона о наличии оптимума мотивации.....	165
4.5. Динамический аспект мотивации.....	166
4.5.1. Психоаналитические концепции изменения мотивации.....	167
4.5.2. Динамика мотивации в гештальтпсихологии. Квази-потребности.....	169
4.5.3. Когнитивные концепции динамики мотивации.....	170
4.5.4. Деятельностный подход к динамике мотивационной сферы.....	171
<i>Контрольные вопросы.....</i>	<i>172</i>
<i>Тестовые задания.....</i>	<i>172</i>
<i>Литература.....</i>	<i>173</i>
Глава 5. Регулятивные процессы психики. Эмоции и воля.....	174
5.1. Общая характеристика эмоций.....	174
5.1.1. Функции эмоций.....	176
5.1.2. Проблема специфичности эмоций.....	179
5.1.3. Выражение эмоций.....	184
5.1.4. Универсальность выражения дифференциальных эмоций.....	185
5.1.5. Периферические теории эмоций.....	189
5.1.6. Когнитивные теории эмоций.....	191
5.1.7. Уровневая модель функционирования эмоций.....	193
5.1.8. Культурные различия в выражении эмоций.....	195
5.1.9. Субъективное переживание эмоций.....	197
5.1.10. Мозг и эмоции.....	200

5.1.11.	202
Стресс.....	203
5.2. Воля.....	203
5.2.1. Общая характеристика волевых процессов.....	203
5.2.2. Воля как активность.....	206
5.2.3. Воля как функция иерархии мотивов.....	207
5.2.4. Структура волевого акта.....	208
5.2.5. Когнитивные компоненты волевого акта.....	209
<i>Контрольные вопросы</i>	211
<i>Тестовые задания</i>	211
<i>Литература</i>	212
Глава 6. Регулятивные процессы психики. Внимание	213
6.1. Особенности внимания как психического процесса. Объективные и субъективные явления внимания и невнимания.....	213
6.2. Классические теории внимания.....	216
6.2.1. Внимание как апперцепция в теории В. Вундта. Виды внимания, по Э. Титченеру. Понятие преперцепции в работах В. Джеймса.....	216
6.2.2. Моторные теории внимания Т. Рибо и Н.Н. Ланге.....	221
6.2.3. Внимание как «сила Эго» в гештальтпсихологии.....	223
6.3. Модели 6.3.1. Теории ранней селекции. Модель фильтра Д. Бродбента. Модель аттенюатора А. Трейсман.....	226
6.3.2. Теории поздней селекции. Модели Д. и Э. Дойчей и Д. Нормана.....	229
6.3.3. Теории гибкой и множественной селекции А. Трейсман и концепция системы переработки информации как конгломерат процессов автоматической и контролируемой переработки Р. Шиффрина.....	230
6.3.4. Ресурсная модель внимания Д. Канемана.....	232
6.4. Деятельностный подход к интерпретации процессов внимания.....	233
6.4.1. Внимание как высшая психическая функция, по Л.С. Выготскому.....	235
6.4.2. Внимание как функция умственного контроля, по П.Я. Гальперину.....	236
<i>Контрольные вопросы</i>	237
<i>Тестовые задания</i>	238
<i>Литература</i>	238
Глава 7. Познавательные процессы. Ощущение и восприятие	239
7.1. Ощущение.....	240
7.1.1. Общая характеристика ощущений. Классификации ощущений.....	240
7.1.2. Проблема измерения ощущений. Психофизика.....	245
7.1.3. Зрение.....	251
7.1.4. Слух.....	257
7.2. Восприятие.....	259
7.2.1. Цикличность восприятия. Понятие схемы как основного принципа организации потока информации.....	260
7.2.2. Восприятие пространства.....	263
7.2.3. Распознавание и категоризация объектов.....	268
7.2.4. Константность восприятия.....	275

<i>Контрольные вопросы</i>	276
<i>Тестовые задания</i>	276
<i>Литература</i>	277
Глава 8. Познавательные процессы. Память	278
8.1. Круг явлений памяти. Искусство памяти в античности и средние века. Феноменальная память. Амнезии.....	278
Процессы памяти.....	278
8.2. Память как высшая психическая функция. Параллелограмм развития.....	281
8.3. Эмоциональный, мотивационный и волевой компоненты мнемических процессов.....	284
8.3.1. Эмоциональный компонент памяти. Память и стресс.....	285
8.3.2. Мотивационный компонент памяти.....	287
8.3.3. Проблема произвольной регуляции памяти.....	289
8.3.4. Проблема доступности запечатленной информации. Эксплицитная и имплицитная память. Эффекты предшествования.....	293
8.4. Репродуктивный и продуктивный аспекты памяти.....	295
8.4.1. Память как репродуктивный процесс.....	295
8.4.2. Память как конструктивный процесс.....	298
8.5. Структурная модель памяти в когнитивной психологии. Рабочая память. Долговременная память. Процедурная и декларативная память. Семантическая, эпизодическая и автобиографическая память.....	299
8.5.1. Сенсорный регистр.....	300
8.5.2. Распознаватель.....	301
8.5.3. Рабочая память.....	301
8.5.4. Долговременная память.....	304
<i>Контрольные вопросы</i>	317
<i>Тестовые задания</i>	317
<i>Литература</i>	318
Глава 9. Мышление и речь	320
9.1. Общая характеристика мышления.....	320
9.2. Мышление как процесс вывода нового знания.....	324
9.2.1. Логика и психология мышления.....	325
9.2.2. Формально логические и естественные рассуждения.....	328
9.2.3. Источники ошибок в логических рассуждениях.....	332
9.3. Мышление как процесс решения задач.....	337
9.4. Мышление в реальных процессах творчества.....	346
9.5. Язык, речь, мышление.....	348
9.6. Виды обобщений.....	354
9.7. Интеллект.....	361
<i>Контрольные вопросы</i>	363
<i>Тестовые задания</i>	363
<i>Литература</i>	364
Глава 10. Психология личности	365
10.1. Гомеостатические теории личности: ориентация на конфликт.....	369
10.2. Гомеостатические теории личности: ориентация на согласие.....	381
10.3. Гетеростатические теории личности: ориентация на конфликт.....	388

10.4. Гетеростатическиетеоориличности:	
ориентация на согласие.....	396
10.5. Факторные модели личности.....	401
10.6. Индивидуные предпосылки функционирования личности.....	406
10.6.1. Половые различия.....	408
10.6.2. Конституциональные различия.....	409
10.6.3.	
Способности.....	413
вниман	
ия в когнитивной психологии.....	225
0.6.4. Характер.....	414
<i>Контрольные вопросы</i>	416
<i>Тестовые задания</i>	417
<i>Литература</i>	417
Глава 11. Социальная психология	419
11.1. Социальная психология групп.....	421
11.1.1. Продуктивность групповой деятельности.....	427
11.1.2. Социальная роль как функциональная единица группы.....	432
11.1.3. Динамические процессы в малых группах.....	442
11.1.4. Динамические процессы в больших группах.....	449
11.2. Социальное познание.....	451
11.3. Общение.....	456
<i>Контрольные вопросы</i>	463
<i>Тестовые задания</i>	463
<i>Литература</i>	464
Ответы к тестовым заданиям.....	465
Предметный	
указатель.....	466
Персоналии.....	
472	

10.6.4. Характер	414
<i>Контрольные вопросы</i>	416
<i>Тестовые задания</i>	417
<i>Литература</i>	417
Глава 11. Социальная психология	419
11.1. Социальная психология групп	421
11.1.1. Продуктивность групповой деятельности	427
11.1.2. Социальная роль как функциональная единица группы	432
11.1.3. Динамические процессы в малых группах	442
11.1.4. Динамические процессы в больших группах	449
11.2. Социальное познание	451
11.3. Общение	456
<i>Контрольные вопросы</i>	463
<i>Тестовые задания</i>	463
<i>Литература</i>	464
<i>Ответы к тестовым заданиям</i>	465
<i>Предметный указатель</i>	466
<i>Персоналии</i>	472

Введение

Я психолог... о вот наука!

А.С. Пушкин. Сцена из Фауста, 1825 г.

Психология — это, пожалуй, самая сложная, и в то же время самая легкая наука. Сложна она потому, что пытается описать и объяснить постоянно ускользающую от исследователя реальность душевной жизни человека. А что может быть сложнее, чем проникновение в глубины психики? Легка же психология оттого, что каждый из нас сам переживает те явления, которые составляют предмет интереса психологов: любовь и ненависть, страх и восторг, мечты и воспоминания.

За широко известным восклицанием пушкинского Мефистофеля угадывается укоренившийся в современной культуре двойственный взгляд на психологию. Действительно, психология — «о вот наука!», увлекательная и полезная, не чета далеким от жизни физике или химии. Обыватель воспринимает психолога-профессионала как некую мистическую фигуру, почти волшебника, способного «видеть людей насквозь», раскрывать потаенные причины самых, казалось бы, необъяснимых поступков, проникать в суть загадочных порывов человеческой души. Массовая культура неустанно тиражирует образ психолога — сверхчеловека, который может с одинаковым успехом спасти человечество от ужасающих маньяков-убийц или безнаказанно совершать страшные преступления. Вспомним хотя бы персонажей нашумевших голливудских блокбастеров: Кэтрин Тремелл (Шэрон Стоун) из «Основного инстинкта» Пола Верховена или агента Клариссу Старлинг (Джоди Фостер) из «Молчания ягнят» Джонатана Демме.

Вместе с тем отношение к психологии как к науке не мешает каждому чувствовать себя чуть-чуть психологом или, во всяком случае, пытаться улучшить собственную жизнь с помощью рецептов, почерпнутых из популярной психологической литературы. Недаром огромным успехом пользуются «околопсихологические» разделы массовых газет и журналов. Несмотря на значительное упрощение

и даже искажение научных знаний, позитивный аспект популяризации психологии заключается в том, что, приобретая психологические знания, человек не только познает окружающий мир, но и учится лучше понимать самого себя как часть этого мира.

Таким образом, основной секрет притягательности психологии заключается в том, что эта наука, как в академической, так и в популярной формах, дает человеку язык самоописания и различные техники изменения себя. Она ставит субъект в сознательную позицию по отношению к собственному опыту и позволяет активно преобразовывать свой внутренний и внешний мир: свою жизнь, свое окружение, свою судьбу.

Положение психологического знания на сегодняшний день достаточно парадоксально. Поэтому авторы учебника, четко осознавая все трудности, с которыми встречается человек, впервые вступающий на бескрайние просторы материка под названием «Психология», белых пятен на котором едва ли не больше, чем хорошо исследованных земель, решили руководствоваться рядом принципов, следование которым сделает работу с учебником полезной и приятной для самого широкого круга читателей: от студентов, только начинающих знакомиться с данной дисциплиной, до специалистов, которые смогут найти неожиданные ракурсы и новые подходы к решению знакомых вопросов.

Доступно, но не упрощенно. Авторы стремились, чтобы популярность изложения, продиктованная форматом учебной литературы, не привела к такому упрощению концепций различных авторов, когда утрачивается глубина и оригинальность их взглядов, а истинность научных данных искажается. Главной задачей было создание «карты» основных проблемных областей, теорий и эмпирических результатов, составляющих «тело» современной психологии. Поэтому большинство дискуссионных вопросов, актуальных для психологии на современном этапе ее развития, освещены через призму различных точек зрения, что оставляет читателю свободу выработки собственного мнения и определения собственных предпочтений.

Правильно поставленный вопрос — половина ответа. Проблемный стиль позволяет изложить материал так, что каждая гипотеза, эксперимент, теория оказывается ответом на гипотетический вопрос, который конкретный исследователь задавал многогранной психологической действительности. Данный подход позволяет, во-первых, продемонстрировать принципиальную практичность знаний и теоретических построений, полученных в рамках психологии и, во-вторых, помогает понять, почему та или иная теория, тот или иной

автор не способны охватить всю проблематику психического, создать всеобъемлющую, целостную и единую психологию.

Психология как экспериментальная наука. Авторы стремились избегать чисто умозрительных построений в описании психических процессов. Каждое утверждение подкреплено эмпирическими доказательствами, об убедительности которых может судить читатель.

Российская психология как органическая часть мировой науки. Отечественная психология в течение десятилетий развивалась в изоляции. Таким образом, сложилось представление о двух параллельных психологиях — отечественной и зарубежной. В соответствии с таким разделением литература, переведенная с иностранных языков, знакомит читателя с достижениями западных авторов, в то время как отечественные источники преимущественно опираются на данные российских исследователей. Мы предприняли попытку показать психологию как единое научное пространство, где различные направления и школы сосуществуют, оказывая влияние друг на Друга.

Классика и современность. Поскольку основным замыслом учебника является обобщение наиболее устоявшихся и разделяемых научным сообществом знаний, в текст включены основные достижения классиков психологической научной традиции. Наряду с этим в работе представлены и наиболее передовые концепции, которые взяты авторами буквально с «рабочих столов» ведущих авторитетов в мире современной психологии.

Соответствие стандарту. Содержание учебника полностью соответствует государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования Российской Федерации. Данный учебник может служить основным источником при подготовке к экзаменам или квалификационным испытаниям. Краткий список литературы, завершающий каждую главу, поможет читателю углубить знания по интересующим его проблемам, а вопросы для самопроверки и тестовые задания — проверить усвоение материала.

Структура. Учебник состоит из 11 глав. Первая глава знакомит с основными принципами и разделами психологии, ее отраслями и областями применения. Вторая глава посвящена истории становления психологической мысли. (Авторы выражают искреннюю признательность Е.В. Никулину за помощь в работе над этой главой.) В третьей главе речь идет о проблеме возникновения психики в филогенезе и о соотношении психики и ее материального субстрата — нервной системы. Затем излагаются основные взгляды на регулятивные процессы психики: мотивацию, эмоции, волю и внимание (гл. 4, 5, 6). Данное построение учебника продиктовано тем, что,

по мнению авторов, регулятивные процессы представляют собой функциональный аспект психики, отвечая на вопросы: зачем осуществляется психическая активность и как она зависит от внешних и внутренних обстоятельств (причин). Следующие главы посвящены познавательным процессам — ощущению, восприятию, памяти и мышлению (гл. 7, 8, 9), с помощью которых мир предстает перед субъектом и преобразуется им. В десятой главе из мозаики отдельных психологических функций складывается картина целостной личности человека. На этих страницах книги происходит интеграция всех сведений, изложенных ранее. В заключительной одиннадцатой главе обсуждается бытие человека как активного члена социальных общностей, рассматриваются вопросы социального познания, общения, групповые процессы.

Главы 1—8, 10, 11 написаны В.В. Нурковой; подп. 3.5.2 и глава 9 написаны Н.Б. Березанской.

Мы верим, что этот учебник послужит вам надежным компасом в мире современной психологии.

Глава 1

ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА

Чтобы понять науку, надо обратиться к пониманию человека.

СМ. Булгаков

В начале изучения психологии очень важно понять, каково самовосприятие современной психологической науки или, другими словами, методологические основания ее построения. Что такое психология? Насколько и в каком смысле научно психологическое знание? Существует ли единая психология? Вот круг вопросов, которые освещаются в первой главе.

В обсуждении этих вопросов нужно отталкиваться от наиболее широкого определения науки как «систематически организованного процесса превращения неизвестного в известное». Подобное определение позволяет сконцентрировать свое внимание на том существенном аспекте научной формы освоения «психологической действительности», который отличает ее от других культурных форм познания психологических свойств человека (религии, здравого смысла, художественного творчества и т.д.). Оно устанавливает глубокий, не подверженный изменению смысл научной деятельности, тогда как конкретные познавательные стратегии могут значительно различаться.

1.1. Плюрализм психологического знания

Как и искусство, наука является неотъемлемым компонентом культуры, представляя собой образование крайне динамическое и неустойчивое. Принципиальную ограниченность любой научной теории ясно осознавал выдающийся немецкий социолог рубежа XIX—XX вв. Макс Вебер: «Научная работа вплетена в движение прогресса. Напротив, в области искусства в этом смысле не суще-

ствуется никакого прогресса. Совершенное произведение искусства никогда не будет превзойдено и никогда не устареет. Напротив, каждый из нас знает, что сделанное им в области науки устареет через 10, 20, 40 лет. Такова судьба, более того, таков смысл научной работы, которому она подчинена и которому служит, и это как раз составляет ее специфическое отличие от всех остальных элементов культуры; всякое совершенное исполнение замысла в науке означает новые «вопросы», оно по своему существу желает быть превзойденным». Анализируя функции науки в современном обществе, М. Вебер далее пишет: «Во-первых, наука разрабатывает технику овладения жизнью — как внешними вещами, так и поступками людей. Во-вторых, наука разрабатывает методы мышления, рабочие инструменты и навыки обращения с ними. В-третьих, наука содействует в обретении ясности».

Методы мышления, свойственные той или иной науке, кристаллизуются в понятие «парадигмы», или «дисциплинарной матрицы», введенном в науковедческий оборот в 1962 г. американским методологом Томасом Куном. Термин «парадигма» (от греч. *paradeigma* — пример, образец) обозначает систему основных научных достижений, по образцу которых организуется исследовательская практика ученых в конкретной области знаний. По мнению Куна, в истории любой дисциплины периоды «нормальной науки», когда находящийся в распоряжении исследовательского сообщества фонд теоретических построений и результатов не встречает серьезных возражений, располагаются между революционными моментами смены парадигм. В эпоху научных революций формируются и побеждают новые парадигмы исследования. «Путь науки усеян отвергнутыми теориями, которые когда-то провозглашались самоочевидными», — замечает другой известный методолог Карл Поппер.

В большинстве фундаментальных дисциплин можно наблюдать последовательную смену парадигм под давлением новых теоретических моделей, обладающих все большей эвристической силой. Специфика психологии заключается в том, что внутри нее до сих пор не было периодов «нормальной науки», т.е. достаточно полного и универсального согласия между представителями разных подходов (за исключением, конечно, времени марксистско-ленинского идеологического авторитаризма в СССР и странах Восточной Европы). В психологии одновременно сосуществует множество подходов, каждый из которых диктует свою логику постановки проблем, создания исследовательских программ и формулировки выводов. Каждому, берущемуся за изучение психологии, приходится или сделать выбор в пользу того или иного подхода, или попытаться

остаться «над схваткой». Можно ли на основании подобного положения вещей считать, что психология еще не сформировалась как зрелая наука? Реально ли, в принципе, примирить различные направления, соседствующие (иногда мирно, иногда будто бы не замечая друг друга, а зачастую и в открытой конфронтации) в рамках дисциплины под названием «психология»?

Ответить на эти вопросы помогает позиция Виктора Франкла, представленная в работе «Человек в поисках смысла»: «Фактически мы живем во времена научного плюрализма, когда отдельные науки (в данном случае — разные «психологии». — *Прим. автора*) представляют реальность столь различно, что картины противоречат друг другу. Однако я убежден, что эти противоречия не противоречат единству реальности. Это справедливо также и относительно человеческой реальности. Чтобы показать это, вспомним, что каждая наука дает, так сказать, свое сечение реальности», — пишет он и поясняет свою мысль примером. Представьте, что некая изучаемая нами реальность, например психика человека, имеет форму цилиндра с открытым верхом. Один подход будет рассматривать эту реальность в горизонтальном сечении. Результатом будет замкнутая окружность. Такой взгляд на человека разделяют, например, представители психоанализа, считающие, что жизнь человека можно объяснить, исходя из причинного действия его неосознаваемых влечений. Совсем другой взгляд на человека мы получим, если рассмотрим вертикальное сечение. Полученная открытая фигура соответствует взгляду на человека как на открытую сущность и лучше подходит для описания гуманистического подхода в психологии (рис. 1). При этом объект изучения остается прежним! Так как и в том, и в другом случае проекции плоскостные, оба подхода упускают какие-то важные стороны «объемной» реальности, но при этом продвигают нас на пути познания.

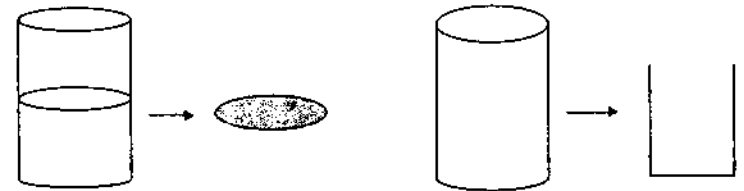

Рис. 1. Горизонтальная и вертикальная проекции объекта на плоскость как метафора сосуществования различных подходов в психологии (по В. Франклу, 1990)

Таким образом, ряд свойств человека находят свое отражение в «сечениях» одного типа и игнорируются «сечениями» другого. При этом трудно утверждать, что один подход «лучше» другого. Скорее, правильно утверждать, что они говорят «о разном».

Одно из традиционных противопоставлений разделяет *естественные и гуманитарные науки*. Здесь определяющими является трактовка объекта и предмета науки. Если предмет рассматривается как независимый от воли исследователя, объективно существующий до и вне его акта познания, мы говорим о естественной науке. В том случае, когда свойства предмета порождаются в самом акте исследования, мы говорим о гуманитарных науках. В зависимости от позиции автора психология может реализовываться как естественная или как гуманитарная дисциплина. Об этой потенциальной возможности свидетельствует даже тот факт, что в разных университетах психология помещается или в группу естественных факультетов (например, университет штата Вашингтон, США), или в группу гуманитарных факультетов (например, Российский государственный гуманитарный университет).

По своим основным характеристикам науки делятся на *номотетические и идиографические* (В. Виндельбанд, Г. Риккерт). Номотетический подход (буквально: «устанавливающий законы» или «генерализирующий», обобщающий) в этой классификации противопоставляется идиографическому (буквально: «описывающему особенное», индивидуализирующему). По мнению философской школы неокантианцев (представителями которой были Виндельбандт и Риккерт), главной характеристикой науки являются те ценности, на которые она ориентируется. В общем виде можно говорить о ценностях количества и ценностях качества. Тогда номотетические науки поднимают вопросы меры, порядка и закона, а идиографические — качественной оценки явлений. Атрибуция науки как номотетической или идиографической зависит от ее метода, а не от предмета или объекта. Так, можно вообразить номотетическую историю или идиографическое почвоведение. В психологии достаточно четко прослеживаются подходы, исповедующие номотетический (например, бихевиоризм) или идиографический (например, гуманистическая психология) взгляд на перспективу описания человека.

Таким образом, психология постоянно находится в состоянии методологического «кризиса» (по выражению Л.С. Выготского), который, скорее всего, никогда не будет преодолен окончательно. Такое положение, однако, ничуть не умаляет полноценность психологии как науки, если допустить, что каждая из парадигм относит-

ся к определенной части психической реальности (в соответствии с этим выделяются различные предметы психологии) и реализуется в способах описания и интерпретации психических явлений, адекватных именно ей.

Закончить обзор методологических предпосылок функционирования психологии можно высказыванием К. Поппера (1993), в котором суммируются принципы научного познания:

- 1) мы знаем много;
- 2) наше знание ограничено;
- 3) каждая теория проясняет отношения между 1 и 2;
- 4) познание начинается с проблем;
- 5) проблемы создаются наблюдением;
- 6) научный метод есть метод решения, контролируемый самой строгой критикой;
- 7) напряжение между знанием и незнанием неразрешимо.

1.2. Программы создания психологии как науки.

Принципы построения психологического знания: детерминизм, системность, развитие. Объект психологии. Многообразие предмета психологии

Как уже излагалось выше, одним из значимых критериев научности является организованность и институционализированность процесса познания. Свидетельством достаточной научной зрелости определенной сферы знания служит создание научно-исследовательской программы, которая сплачивает вокруг себя ученых-единомышленников и ведет к возникновению научных институтов (кафедр, лабораторий, специализированных учебных заведений). Программа должна включать в себя определение объекта и предмета науки, задавать ее проблемное поле и намечать возможные методы решения проблем, определяя тем самым пути развития науки.

Первые программы создания психологии как науки появились в Германии и Франции в конце XVIII—XIX вв. В первую очередь следует упомянуть программы «*практической психологии*» К. Морица (1792), «*экспериментальной психологии*» В. Вундта (1862), «*описательной психологии*» В. Дильтея (1894). Данные программы принципиально различались между собой, но практически в равной мере стали ориентирами для дальнейшего оформления психологической мысли. Они определили эпистемологические координаты психоло-

гии в описанных выше аспектах ценностных предпочтений авторов, в понимании задач, определении предмета и методов новой науки, отвоевывавшей себе жизненное пространство на границах философии и физиологии.

Берлинский учитель К. Мориц предложил создать науку, которая анализирует строение души человека по аналогии с тем, как анатомия рассматривает строение тела. Мориц видел будущую психологию прежде всего описательной практической дисциплиной, которая поможет педагогу развить способности ребенка. В качестве основного метода исследования предлагалось самонаблюдение.

Программа В. Вундта предполагала подразделить психологию на три направления: экспериментальную психологию, психологию народов и научную метафизику. Основания первого мыслились близкими позитивистскому идеалу исследования, реализуемому с помощью лабораторного эксперимента для расчленения сознания на элементы и выяснения закономерной связи между ними. Второе должно было строиться на исследовании артефактов культуры и тяготело к описательности. Третье отражало философскую позицию Вундта как идеалиста и волюнтариста (волюнтаризм — философский взгляд, согласно которому высшим принципом бытия является *воля*: либо автономная человеческая воля, либо мировая безличная воля, либо личная воля Бога).

По В. Дильтею, психология мыслилась возможной только как описательная дисциплина. В ходе своей работы исследователь должен пытаться реконструировать смысл, вкладывавшийся другим человеком в свое действие или в свое создание. При этом осуществляется попытка воспроизведения системы ценностей, представлений о цели и значениях, которыми руководствовался исследуемый автор. Данный процесс строится как герменевтический (истолковывающий) и состоит из двух процедур: вживания в представления другого человека и сообщения о полученных результатах научному сообществу. Вживание само по себе является иррациональным: оно покоится на процедуре вчувствования, сопереживания, постановки себя на место исследуемого лица.

При этом именно психология, по мысли Дильтея, должна стать центром наук гуманитарного цикла. «Психология будет основанием наук о духе, подобно тому, как математика — основа естествознания», — утверждал он.

В последующие два столетия буквально каждый поворот в развитии психологии был отмечен программными манифестами, за-

являющими как о возникновении новых научных школ, так и реорганизуемыми уже сложившиеся подходы. Например, рождение *бихевиоризма* связано с работой Джона Б. Уотсона «Психология глазами бихевиориста» (1913), *психоанализа* — с выходом в свет в 1900 г. «Толкования сновидений» З. Фрейда, *гештальтпсихологии* — с «Экспериментального исследования восприятия движения» М. Вертгеймера (1912). Построение советской психологии на основе философии *марксизма* берет начало со статьи Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» (1927), а «экологический» поворот в рамках современной *когнитивной психологии* — с программного выступления У. Найссера на международной конференции по практическим аспектам исследования памяти в 1978 г.

Начиная с первых программ научной психологии, описанных выше, авторы раскрывают вопрос о том, что же представляет собой психология, ее объект, предмет и метод. Как известно, именно эти категории задают науку. Объект науки обычно представлен в ее названии, в то время как предмет и метод нуждаются в отдельном обосновании.

Изначально термин «психология» появился как составной (*psyche* — душа + *logos* — слово, учение) по аналогии с традиционным наименованием наук, где одна часть обозначает объект науки, а другая — способ его постижения. Термин «психология» был введен немецкими схоластами Р. Гоклениусом и О. Кассманом в 1590 г. и окончательно утвердился после выхода в 1732 г. книги «Рациональная психология» Х. Вольфа. Скорее всего авторы вкладывали в название новой науки исключительно метафорический смысл, и обозначаемая им наука не планировала стать душеведением, т.е. посягать на вотчину, традиционно принадлежащую церкви. Такое видение подтверждает альтернативное название «пневматология» (от греч. «дуновение», воспринимавшееся как популярная аллегория души), которое было предложено Лейбницем в этот же период, но не получило распространения.

Наиболее широкое и непротиворечивое определение психологии дал американский психолог В. Джеймс в первых строках своего классического труда «Принципы психологии» (1890). Согласно ему «психология — это наука о психической жизни». Заметим, что в данном определении не задается предметная или методологическая рамка психологического знания. Все прочие определения неизбежно сужают полноту термина, внося в него воззрения автора. Так, например, Дж. Уотсон определял психологию

как науку о поведении, а Дж. Миллер и Дж. Брунер (основатели когнитивной психологии) позиционировали ее как науку о человеческом познании. А.Н. Леонтьев, один из основоположников советской психологии, дал следующее определение психологии: «*Психология есть наука о законах порождения и функционирования психического отражения в жизни, деятельности живых индивидов*» (1973).

Таким образом, в то время как объект психологии достаточно очевиден как в широком (человек, животное, группа людей), так и в узком (психика как системное свойство высокоорганизованной материи, заключающееся в активном отражении объективного мира) смыслах, суждения о предмете психологии достаточно разноречивы. Мы уже представили психологию как плюралистичную науку, которая включает в себя многообразие представлений о своем предмете. При этом в большинстве случаев, несмотря на полемику представителей различных подходов, история психологии может быть понята как динамическое расширение ее предмета. Альтернативные парадигмы психологической науки одновременно и конкурируют, и плодотворно дополняют друг друга.

В целом в психологии преобладает *естественнонаучная номотетическая стратегия познания*. Однако вкрапления противоположных тенденций придают отдельным парадигмам качественное своеобразие. Использование разных парадигм выразилось в сосуществовании множества «психологий» (бихевиоризм, психоанализ, гуманистическая, когнитивная и др., традиционно называемых «направлениями»), которые принципиально не могут объединиться и сделать психологию единой и целостной.

В настоящее время принято выделять три основных объяснительных принципа научного познания, опираясь на которые наука способна адекватно теоретически отражать свой предмет.

Принцип детерминизма (от лат. *determinare* — определять). Согласно принципу детерминизма все явления взаимосвязаны и взаимобусловлены закономерным образом. «Жить, как будто бы План есть, — вот камень философов», — говорит Умберто Эко, автор культового романа «Маятник Фуко». В приложение к психике можно сказать, что существуют факторы, определяющие происхождение и функционирование, содержание и выражение психического. Принцип детерминизма в психологии не может быть сведен к механистической причинности. Нельзя утверждать, что человек поступает тем или иным образом только под воздействием внешней причины, так как свобода воли является одним из важнейших атри-

бутов человеческого существа. При этом не следует отождествлять свободу и произвол (в этом случае человек был бы вовсе не прозрачен для познания, и психология утратила бы всякий смысл). Свобода предполагает неоднозначное соответствие между воздействием и поступком или переживанием человека, допускает возможность выбора. В книге «Доктор и душа» известный представитель гуманистической психологии Виктор Франкл пишет: «Свобода означает свободу относительно трех вещей: 1) инстинктов, 2) врожденных диспозиций и 3) среды... Исследования показали, как высока степень человеческой свободы в отношении наследственности. Из пары идентичных близнецов один стал ловким преступником, в то время как его брат — искусным криминалистом. Оба родились умными, смысленными, изобретательными, но эти свойства сами по себе не обуславливают развития ни порока, ни добродетели. Что же касается среды, то мы знаем, что не она делает человека и что все зависит от того, что человек делает с ней, от его установки по отношению к ней... В концентрационных лагерях (в 1942—1945 гг. доктор Франкл был узником концлагеря Освенцим. — *Прим. автора*) мы были свидетелями того, как в одинаковой ситуации один человек дегенерировал, в то время как другой вел себя как святой». С.Л. Рубинштейн сформулировал принцип детерминизма (специально для психологии) в более строгой форме: «Эффект воздействия одного явления на другое зависит не только от характера самого воздействия, но и от природы того явления, на которое это воздействие оказано». Другими словами, «внешние причины действуют через систему внутренних условий», т.е. действительность обуславливает психическую жизнь опосредованно, преломляясь через личностные и познавательные свойства субъекта.

Большинство психологов принимают гипотезу о существовании не только причинного детерминизма, который преломляется через систему внутренних (прежде всего личностных) особенностей субъекта, но и целевого детерминизма. В таком случае еще отсутствующая в реальности цель способна определять психическую жизнь человека. Конечно, под словом «цель» носители различных парадигм подразумевают совершенно разное. Так, например, гуманистические психологи говорят о «самоактуализации», к которой стремится человек, в то время как последователи деятельностного подхода имеют в виду предвосхищение результата конкретной предметной деятельности.

Принцип развития. Согласно принципу развития, в связи с тем что имеет место необратимое, направленное, разворачивающе-

еся не только в пространстве, но и во времени закономерное изменение материальных и идеальных объектов, то и познание сущности психического явления требует раскрытия «его истории» (условий и причин возникновения, а также факторов и форм его преобразования). Развитие может быть прогрессивным (улучшение, усложнение, совершенствование) или регрессивным (ухудшение, упрощение, деградация) и носить как эволюционный, так и революционный характер. Результатом развития психики является возникновение ее качественно новых состояний, что фиксируется в структурных изменениях. Так, например, в культурно-исторической концепции Л.С. Выготского описывается трансформация натуральной психики ребенка в культурную (см. гл. 2). Теория происхождения и развития психики в филогенезе А.Н. Леонтьева (см. гл. 3) прослеживает становление психики от чувствительности примитивных живых существ к сознанию и самосознанию человека.

Принцип системности. Согласно принципу системности сложные объекты (к которым, безусловно, относится психика) должны анализироваться как системы. Система — это «совокупность компонентов, обладающих генетической общностью, отношения между которыми носят характер взаимодействия для обеспечения определенного взаимоотношения с миром». В психологии можно говорить о системах разного уровня (психика как целостная система, мотивационная система личности, система памяти и т.д.), каждая из которых является подсистемой в рамках более сложной системы и, в свою очередь, представляет собой вышележащий уровень для более простых систем. Вышележащие уровни системы определяют функционирование нижележащих. Таким образом, хотя в некоторых случаях бывает удобно говорить об изолированном психическом процессе или функции (например, восприятии), всегда следует учитывать системный, целостный характер психики.

1.3. Круг явлений, изучаемых психологией

В связи с тем что психология, как и любая другая наука, имеет дело с теоретическим отражением действительности, встает вопрос о том, какие явления считать областью компетенции психологии, а какие исключить из ее проблемного поля. Безусловно, по самому своему определению, психология должна заниматься *психическими*

явлениями. А какие явления можно отнести к области психических? Толкование психического как особой формы активного субъективного отражения действительности, восходящая к марксистскому пониманию психики как свойства высокоорганизованной материи, предполагает, что психические явления возникают на границе встречи (или столкновения) идеального и материального, социального и индивидуального, символического и предметного миров. Именно на этой границе (в единстве сознания и деятельности) исследователь преодолевает понимание психики как «вещи в себе» (трансцендентного объекта, не доступного познанию, — в терминологии Канта) и получает возможность научного освоения психической реальности. Таким образом, логично описывать круг явлений, изучаемых психологией, в соотношении со сферами реальности, отражением которых они являются.

Психика может отражать четыре своеобразных «мира»: физический мир, социальный мир, мир культуры и психологический мир самого субъекта. Эти «миры» могут быть отражены психикой в различных формах: в формах процессов *ощущения, восприятия, памяти, переживания, мышления, воображения.* Причем один и тот же объект может выступать для носителя психики как референт разных миров. Например, живописное полотно абстракциониста представит неподготовленному зрителю конфигурацией цветовых пятен (физический мир), торговцу — товаром, обладающим определенной ценой (социальный мир), а ценителю искусства — источником эстетического наслаждения (мир культуры).

Психологические феномены существуют как в субъективных формах (т.е. осознаются и/или переживаются субъектом психической жизни), так и проявляются объективно во внешне регистрируемых изменениях ряда показателей (т.е. косвенно открываются наблюдателю). Предметом изучения может быть процессуальная и результативная стороны психологических явлений. Например, при процессуальном анализе мышления предметом изучения становится объективная и субъективная составляющая самой динамики решения задачи, а при анализе результатов — содержательные психологические характеристики гипотез, идей, концепций, понятий, возникающих в ходе решения. Эмоциональный процесс может быть рассмотрен как динамическая смена внутренних душевных (субъективных) переживаний, сопровождающихся объективными показателями (дрожание рук, учащение дыхания, изменение мимики и т.д.), или же в центр исследования помещается его продукт — аффект, эмоция, чувство (табл. 1).

Примеры явлений, изучаемых психологией

Сферы реальности	Познавательные процессы психики		Регулятивные процессы психики	
	Субъективная сторона	Объективная сторона	Субъективная сторона	Объективная сторона
Физический мир	Ощущение Аффект Моторная память	Моторные реакции Вегетативные сдвиги Двигательный навык	Влечение Интерес Утомление	Проявления темперамента
Социальный мир	Симпатия Атрибуция причин поступков людей	Общение Паника Групповые нормы Сплоченность Жест Игра	Подчинение Протест	Конформизм Лидерство Черты характера
Мир культуры	Стыд Вдохновение Понимание Сострадание	Произведения искусства Мемуары Дневники	Нравственный выбор Дружба	Поступок
Психическая жизнь субъекта	Самосознание Рефлексия Сновидения	Психосоматические заболевания	Метапознание Самооценка Любовь	Уровень притязаний

1.4. Психология в междисциплинарном пространстве

Кратко вопрос о месте психологии в пространстве научного знания можно сформулировать так: что заимствует психология от других наук? Что дает психология другим наукам?

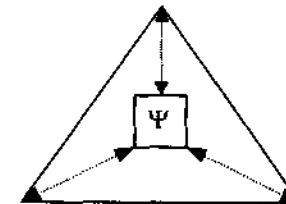
Одна из идей О. Конта, изложенная им в «Курсе позитивной философии» (1839—1843), состоит в том, что все науки находятся друг с другом в тесной связи, пропорционально устройству своего предмета. Так, биологические науки, согласно Конту, ищут более сложные закономерности, чем физические, поскольку объекты биологии, несомненно являясь и физическими объектами, обладают гораздо большей степенью сложности и, соответственно, качественно иной спецификой. По этой же причине и социальные науки, как и открываемое ими знание, стоят выше, чем биологические или физические. Сам Конт не указал места психологии в своей классификации, но можно

предположить, что в зависимости от выбранного исследователем варианта понимания ведущей детерминации психология принадлежит или к кругу биологических, или к кругу социальных наук.

Если обратиться к более далекой истории, то междисциплинарный статус психологии оказывается еще более высоким. Так, Платон разделяет виды наук в соответствии с психическими функциями человека: диалектика (логическое рассуждение), физика (чувственное познание, ощущение и восприятие) и этика (воля и стремление). Таким образом, психология, по Платону, становится «королевой наук», обосновывающей саму возможность их существования. Психология занимает центральное место и в трех влиятельных современных классификациях наук, которые мы рассмотрим ниже.

В рамках нелинейной объектно-ориентированной классификации наук Б.М. Кедрова (1965) психология представляет собой «связующее звено» между вершинами так называемого «треугольника наук» (рис. 2). Сутью данной классификации является отражение предметного и методического родства между различными научными дисциплинами. Схема имеет форму треугольника, вершины которого представляют группы естественных, социальных и философских наук. Психология находится в тесном родстве с естественными науками преимущественно в отношении метода построения исследования (например, прообразом психологического эксперимента в психологии сознания В. Вундта был физиологический эксперимент), во взаимодействии с социальными науками по материалу исследований (психологи используют, например, данные этнографии и лингвистики для построения оригинальных концепций) и по предмету — философскими науками, так как область мышления сама по себе является предметом диалектики и логики.

Социальные науки (социология, история, культурология и т.д.)

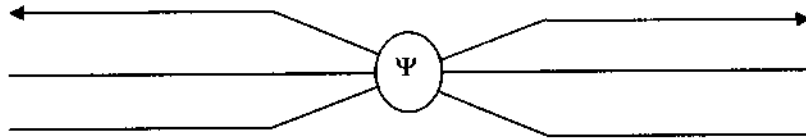

Естественные науки
(физика, биология, химия, математика
и т.д.)

Философские науки
(гносеология, диалектика, этика,
логика)

Рис. 2. Классификация наук по Б.М. Кедрову

По мнению Ж. Пиаже (1966), совокупность наук может быть рассмотрена как некий континуум, в котором к одному из полюсов будут тяготеть науки, которые призваны координировать общую структуру познавательной деятельности человека (философия, математика, логика), а к другому — те, что определяются специфическими особенностями познаваемых объектов (физика, химия, биология). Психология, по словам Пиаже, занимает «ключевую позицию в системе наук», так как именно через нее вся система наук приобретает свою замкнутость и целостность. Психология отвечает на вопрос, как человек познает мир, а все остальные науки — как описывающие абстрактные правила познания, так и распространяющие эти правила на предметный мир — являются конкретным воплощением познания (рис. 3). Другими словами, психология опосредствует понимание деятельности по реализации принципов абстрактных наук на материале наук специальных и процесс ассимиляции данных, полученных в рамках специальных наук, — науками абстрактными.

Науки, представляющие общую структуру координации познавательной деятельности человека:
философия
логика
математика

Науки, определяемые специфическими особенностями познаваемых объектов:
физика
биология
химия

Рис. 3. Классификационная схема наук по Ж. Пиаже

Нобелевский лауреат Г. Саймон разделяет весь корпус современных наук на науки о «естественном» и науки об «искусственном». В науки о «естественном» объединяются те науки, предметом которых являются области действительности, генетически не связанные с деятельностью человека (физика, химия, геология и т.д.). В науки об «искусственном» объединяются науки, предметом которых выступают области действительности, возникновение которых является результатом человеческой деятельности (компьютерные науки,

социология, история, искусствоведение и т.д.). При данной классификации психология выполняет пограничную, связующую роль между различными группами дисциплин. С одной стороны, психика является одним из природных феноменов, с другой стороны, психика порождается в деятельности и тем самым превращается в ходе развития человечества во все более «искусственный» объект и, наконец, сама психика действует как производящая сила, создающая и поддерживающая всю сферу «искусственного».

В практическом плане наиболее очевидна взаимосвязь психологии со смежными дисциплинами, с которыми она во многом пересекается. Такое взаимопроникновение можно проследить на примере «пограничных» отраслей психологии, или междисциплинарных специальных отраслей психологии. Активный взаимный обмен данными исследований и объяснительными схемами происходит у психологии с социологией, историей, культурологией, лингвистикой, компьютерными науками, нейрофизиологией, этологией и генетикой.

1.5. Характеристика основных разделов и отраслей психологии

Современная психология носит не только плюралистичный, но и многоотраслевой характер. Комплекс психологических дисциплин можно разделить на *общую психологию*, которая изучает универсальные закономерности функционирования психики, и *специальные отрасли психологии*. При этом фундаментальные специальные отрасли психологии концентрируются на том или ином аспекте психики: нейропсихология, дифференциальная психология, социальная психология и т.д. А междисциплинарные специальные отрасли разворачиваются на границах психологического знания и областей других наук, например такие, как психофизиология, психолингвистика, психогенетика.

Общая психология включает в себя четыре основных раздела: общетеоретический (вопросы возникновения и функций психического), психологию познавательных процессов (психология ощущения и восприятия, психология памяти, психология мышления и речи, психология воображения), психологию регулятивных процессов (психология эмоций и мотивации, психология внимания, психология воли) и психологию личности. Фундаментальные специальные отрасли психологии и междисциплинарные специальные отрасли

психологии используют в своих построениях теоретический аппарат общей психологии и основываются на основных допущениях и законах функционирования психики, сформулированных в ее рамках. Знания, накопленные общей психологией и преломленные через более конкретную проблематику фундаментальных специальных и междисциплинарных специальных отраслей, находят свое практическое воплощение *в прикладных отраслях психологии*. Последние, в свою очередь, обогащают общую психологию новыми проблемами и результатами, стимулирующими приращение фундаментального знания.

Прикладные отрасли психологии позиционируются в связи с конкретными сферами деятельности психологов-практиков (подбор персонала, консультирование, имиджмейкерство, реклама, создание комфортных условий на производстве, психологическая коррекция семейных отношений, психологическая реабилитация жертв стихийных бедствий и т.д.). Так, например, психотерапевт использует в своей практике общие знания о познавательных процессах (уровень общей психологии), сведения из патопсихологии аномального поведения (уровень фундаментальной специальной отрасли психологии) и из психофизиологии (уровень междисциплинарной специальной отрасли психологии). Совокупность прикладных отраслей психологии отражает области предметной деятельности людей, в которых признано значение психологического фактора. С каждым годом потребность общества в квалифицированных прикладных психологах растет, и конкретные сферы приложения теоретических знаний становятся все более разнообразными. Отдельной областью профессиональной деятельности психологов является популяризация психологических знаний, повышение психологической культуры населения. В обобщенном виде взаимодействие различных отраслей внутри психологической науки представлено на рис. 4.

Выше мы указали основные темы, рассматриваемые в рамках общей психологии. Теперь очертим круг проблем, которыми занимаются фундаментальные специальные отрасли психологии. Критерием их выделения является акцент на одном из аспектов целостного функционирования и развития психики. *Нейропсихология* — отрасль психологии, направленная на изучение мозговых механизмов высших психических функций на материале локальных поражений головного мозга. *Патопсихология* — отрасль психологии, изучающая изменения психической деятельности при патологических состояниях, связанных с психическими или соматическими заболеваниями. *Возрастная психология* — отрасль психологии, изучающая особен-

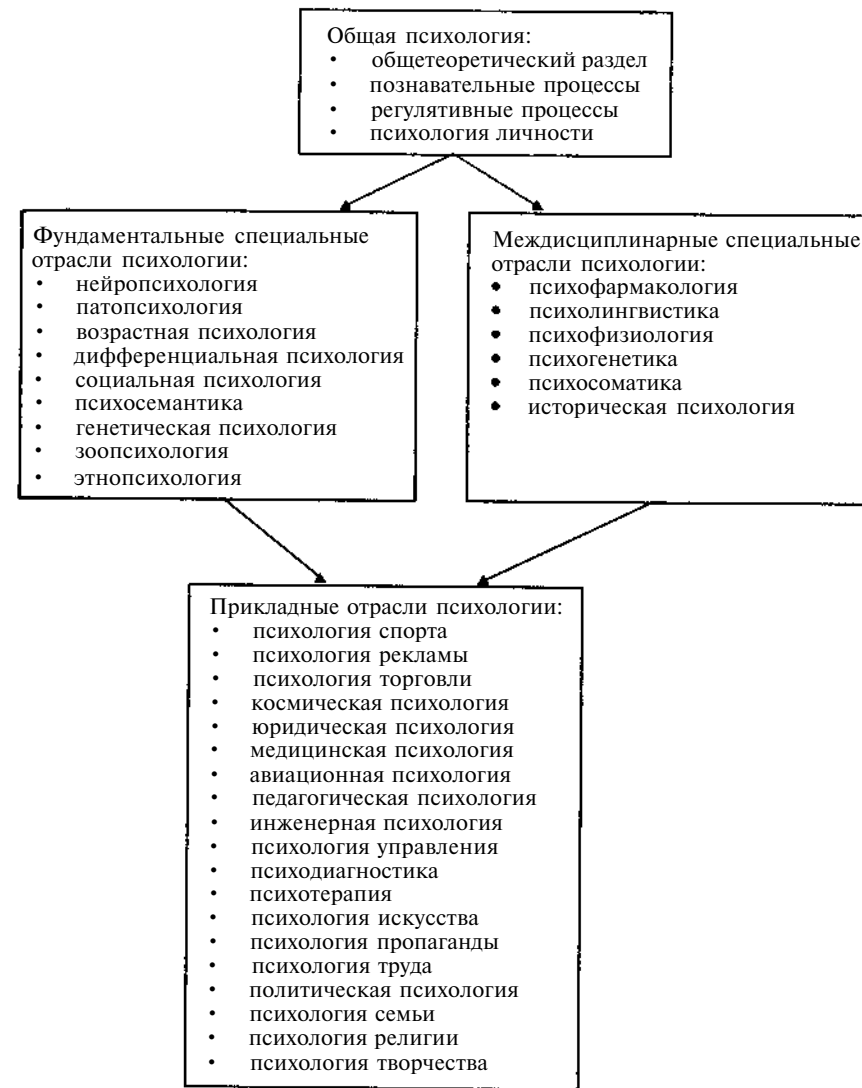

Рис. 4. Отрасли психологии

ности функционирования психики у представителей различных возрастных групп. *Дифференциальная психология* — отрасль психологии, изучающая индивидуальные различия в психической деятельности. *Социальная психология* — отрасль психологии, изучаю-

щая закономерности социально обусловленного поведения и деятельности людей. *Психосемантика* — область психологии, изучающая генезис, функционирование и строение индивидуальной системы значений. *Генетическая психология* — отрасль психологии, изучающая закономерности развития психики в онтогенезе. *Зоопсихология* — отрасль психологии, изучающая эволюцию и закономерности функционирования психики животных. *Этнопсихология* — отрасль психологии, изучающая особенности функционирования психики у представителей различных этнических групп.

Обратимся далее к области интересов междисциплинарных специальных отраслей психологии. *Психофармакология* — отрасль психологии, возникшая на стыке фармакологии и психологии, изучающая воздействие на психику фармакологических средств, среди которых особое место занимают психотропные средства. *Психолингвистика* — дисциплина, изучающая обусловленность процессов речи структурой языка, которая формируется на стыке психологии и лингвистики. *Психофизиология* — область междисциплинарных исследований на стыке психологии и нейрофизиологии, направленных на изучение психики в единстве с ее нейрофизиологическим субстратом. *Психогенетика* — пограничная с генетикой область психологии, задачей которой является выяснение роли наследственности (генотипа) в формировании индивидуальных психологических особенностей. *Психосоматика* — отрасль психологии на стыке с медициной, занимающаяся изучением влияния психологических факторов на возникновение и течение ряда заболеваний. *Историческая психология* — отрасль психологии, ставящая перед собой задачу реконструкции психики людей, живших в предшествующие эпохи, строится на стыке психологии, истории, культурологии.

В заключение перечислим несколько прикладных отраслей психологии.

Психология спорта — отрасль психологии, изучающая закономерности функционирования психики человека в условиях спортивной деятельности. *Психология рекламы* — отрасль психологии, изучающая явления и закономерности воздействия рекламных сообщений на психику и поведение потребителей. *Космическая психология* — отрасль психологии, изучающая явления и закономерности психической жизни людей в условиях подготовки и осуществления космических полетов. *Юридическая психология* — отрасль психологии, изучающая явления и закономерности психической жизни людей, связанные с применением правовых норм и участием в правовой деятельности. *Медицинская психология* — отрасль психологии, изучающая явления и закономерности психической

жизни людей, связанные с применением медицинских манипуляций и пребыванием в медицинских учреждениях. *Авиационная психология* — отрасль психологии, изучающая явления и закономерности психической жизни людей, связанные с профессиональной деятельностью в сфере авиации. *Педагогическая психология* — отрасль психологии, изучающая закономерности усвоения индивидом социального опыта в условиях учебно-воспитательной деятельности. *Экологическая психология* — отрасль психологии, которая занимается изучением наиболее эффективных способов улучшения психологических условий жизни человека в населенных пунктах.

1.6. Соотношение житейской, художественной и научной форм психологического знания

Психологическое знание в широком смысле (представления о душевных качествах и принципах поведения людей) не является прерогативой науки. Психологическое знание буквально разлито в художественном творчестве, социальных практиках и быту человека. В культуре одновременно присутствуют три формы психологического знания: научное, житейское и художественное.

Житейское (обыденное) знание о психике приобретает отдельным человеком и обществом в целом стихийно путем накопления отдельных наблюдений и обобщается индуктивным путем. Оно материализуется в форме пословиц, поговорок, сказок и расхожих представлений «народной мудрости». Житейское знание носит фрагментарный характер и внутренне противоречиво. Практически для каждой поговорки можно найти противоположную по значению («Семь раз отмерь — один раз отрежь» — «Куй железо, пока горячо»; «Ум хорошо, а два — лучше» — «У семи нянек дитя без глаза»). Причина данного явления лежит в том, что житейское знание возникает в конкретной ситуации решения частных задач, так что человек выступает в качестве «наивного исследователя» мира. Содержанием житейского психологического знания обычно становятся простые, явно прослеживаемые причинно-следственные связи и обобщения очевидных фактов (например, «Где коготок увяз, там и всей птичке пропасть»), которые не могут отражать все многообразие, всю сложность реальных психологических закономерностей. Житейские знания передаются «из уст в уста», они не систематизированы и, как правило, не имеют вербализованной логической аргументации.

Художественное отражение психологической реальности существенно иное. *Художественное психологическое знание* отражает уникальное авторское видение. Оно существует в форме художественных произведений, где в образном, эмоционально насыщенном описании единичного художник говорит об универсальной сущности человеческой природы. Художественное познание относится к одному волнующему автора вопросу о психической жизни личности. (Например, вопрос о пределах свободы воли формулируется Ф.М. Достоевским в известной дилемме Раскольникова: «Тварь я дрожащая или право имею?!».) Художественное знание насыщает житейские образы, моделями поведения, способами интерпретации. Оно обогащает душевную жизнь человека тем опытом, который лично он не переживал в реальности, позволяет пройти через предельные психологические состояния и смыслы. Кто из нас, прочитав роман А. Дюма, не воображал себя отважным мушкетером? Не примерял на себя кодекс мушкетерской чести и самоотверженной дружбы? Многие впервые узнают о муках ревности, читая «Отелло». Художественное психологическое знание дает новый язык для организации индивидуальных переживаний и представлений о психике другого человека («Ну просто Чичиков, да и только!», «мечтательный, как Манилов»). В то же время художественное знание важно для развития научной психологии. Многие проблемы и обозначения феноменов в современной психологии вошли в науку «с подачи» художников, а имена героев емко вместили в себя богатейшие феноменологические описания (Эдипов комплекс, синдром Маугли, жизненный сценарий Золушки).

Научное знание, в отличие от житейского и художественного, возникает в результате применения научных методов познания, охватывает и объясняет как явные распространенные факты и явления, так и практически не наблюдаемые в обыденной жизни ситуации, движется по пути устранения внутренних противоречий, стремится быть отраженным в системе четких однозначно понимаемых сообществом ученых понятий, передается через социально нормированные технологии (например, профессиональное обучение, конференции, научные журналы и т.д.). На определенном витке своего развития научное психологическое знание «возвращается в свою колыбель», т.е. входит в культуру и массовое сознание (например, понятия сублимации, комплекса неполноценности, стресса). Правда, при этом происходят неизбежное искажение и преобразование научного знания в ненаучное. Недаром Фрейд заявлял, что он создал не только новую науку о психике, но и жизненную философию, культуру, этику.

«Метод — это путь познания, это способ, посредством которого познается предмет науки», — писал С.Л. Рубинштейн. Специфика человека (системы с рефлексией, по М.А. Розову, 1977) как объекта исследования предъявляет определенные требования к методам психологии и накладывает на них ряд ограничений.

Во-первых, человек как объект исследования способен ставить перед собой новые цели, отличные от тех, которые предписываются ему экспериментальной процедурой, порождать «свое видение экспериментальной ситуации» и действовать адекватно ему, а не внешним требованиям. Такие «неконтролируемые факторы» не позволяют унифицировать процедуру эксперимента, а их значимость возрастает при усложнении исследовательских задач. Испытуемый может стараться понравиться экспериментатору или, наоборот, намеренно делать все наперекор ему; может ориентироваться в своем поведении на то, как, по его мнению, «правильно» вести себя во время психологического опыта (феномен «социальной желательности»), а может и вовсе начать со своей стороны изучать самого исследователя. В целом это обстоятельство можно определить как активность испытуемого в ходе исследования.

Во-вторых, человек обладает практически неисчерпаемым потенциалом самосозидания. В любой момент своей жизни человек способен измениться (т.е. изменить себя), стать другим. Он может сам целенаправленно не только развивать свои познавательные и регулятивные психические функции (память, творческое мышление, управление течением эмоциональных состояний и т.п.), но и совершенствоваться как личность (повысить уверенность в своих способностях, перестроить иерархию мотивов, выработать определенную черту характера). Отметим также, что на определенном этапе своего развития психология превращается в конструктивную науку, использующую свои достижения не только для объяснения, но и для созидания новой психологической реальности. Вспомним еще раз идею «производства и воспроизводства» специфически человеческой формы психики основателя культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и его последователей (не случайно одна из книг А.Р. Лурия в английском варианте называется «The making of mind» — «Создание психики») и идею представителя когнитивного направления Г. Саймона, относившего психологию к наукам «об искусственном». По меткому выражению А.Г. Асмолова, «в настоящее время происходит становление аксиологической психологии, которая задает проект будущего развития человека и культуры».

Поэтому для психолога крайне важно всегда помнить о культурно-исторической природе психики человека и учитывать (а может быть, и проектировать?) направления ее преобразования в системе координат социальных изменений и массового внедрения различных техник психологического воздействия. Отсюда следует парадоксальный вывод о том, что невозможно выносить суждения о свойствах и закономерностях человеческой психики «раз и навсегда». По существу речь идет о психологическом варианте «теории относительности».

В-третьих, важной особенностью является преимущественно реконструктивный характер психологических исследований. Психику (впрочем, как и явления многих других наук, например физические поля, Вселенную, гены и т.д.) нельзя наблюдать непосредственно. Отсюда, критическую значимость приобретает создание адекватных косвенных процедур исследования, на основании которых возможно построение реконструкций не наблюдаемых прямо явлений (примером служит проективный вариант организации исследования).

Современная психология располагает широким арсеналом методов, которые продуктивно учитывают специфику психики (особенно человеческой) как предмета исследования. По критерию *непосредственности* — *опосредствованности* проникновения в психику субъекта методы можно разделить на прямой (интроспекция) и косвенный. Интроспекция как особый способ познания человеком своего сознания через «непосредственное» восприятие психических явлений, в течение долгого периода являвшаяся господствующим методом в психологии (см. гл. 2), исчезла из ее оборота. Действительно, если бы закономерности психического были прямо и непосредственно открыты сознанию исследователя, потерялся бы смысл психологии как таковой (зачем нужна наука, когда и так все ясно?!). Таким образом, в настоящее время все методы психологии имеют косвенный, реконструктивный характер.

Методы психологии различаются по *аспекту динамики*. Все методы могут быть распределены по шкале, границами которой с одной стороны будут *поперечно-срезовые* методы, а с другой — *лонгитюдные методы*. В практике психологического исследования часто ряд «поперечных срезов» соотносится между собой так, чтобы в результате получился «продольный срез», отражающий динамику развития процесса. Ярким примером такого подхода является исследование развития памяти А.Н. Леонтьевым (см. гл. 8), когда на основе «срезового» описания особенностей функционирования

памяти у детей, подростков и взрослых выводилась общая картина становления памяти как высшей психической функции.

По *степени генерализации результатов исследования* методы психологии можно разделить на *методы широкой* и *узкой репрезентативности*. Крайней формой узко репрезентативного метода является популярный в настоящее время метод *case study* (исследование одного случая), а в качестве примера широко репрезентативного метода можно привести *анкетирование* выборки испытуемых, представляющей структуру общества в целом.

Способ «презентированности» субъекта в процессе исследования позволяет выделить *интерактивные методы*, где осуществляется взаимодействие с испытуемым «здесь и сейчас» (например, клиническая беседа, психоаналитическая сессия, глубинное интервью и т.д.) и методы, где материалом анализа становятся артефакты психической жизни субъекта (метод анализа продуктов деятельности, биографический метод, метод исторической реконструкции, рисуночные тесты, метод моделирования).

По *степени формализованности процедуры* исследования и, следовательно, предсказуемости результатов можно говорить об *алгоритмизованных формальных методах* (например, метод тестов-опросников, метод сбережения Г. Эббингауза) и *неформальных методах*, предполагающих вариативность взаимодействия испытуемого и исследователя. В неформальных методах развитие экспериментальной процедуры зависит от конкретных действий или высказываний испытуемого, варианты которых практически безграничны (психотехнические методы, метод включенного наблюдения).

По *способу обработки полученных данных* выделяют методы *количественного анализа*, включающие различные варианты статистической обработки массивов данных, и методы *качественного анализа*.

Наконец, наиболее популярным критерием для классификации методов в психологии является *критерий интервентивности* (от лат. *interventio* — вмешательство). По этому признаку методы психологии разделяют на *наблюдение* и *эксперимент*. Наблюдение характеризуется как максимально неинтервентивный метод психологического познания, в то время как в ходе эксперимента осуществляется активное вмешательство в течение психической жизни испытуемого. Эксперимент всегда носит характер своеобразной провокации, так как ставит своей целью в контролируемых условиях вызвать определенную реакцию испытуемого.

Научное наблюдение — это целенаправленная и преднамеренная фиксация проявлений поведения и суждений. Чрезвычайно важными для научного наблюдения являются требования объективности (возможность повторения и контроля) и однозначности кодов информации. Иначе случается, что психоаналитик сообщает о том, что наблюдает «оральную фиксацию», индивидуальный психолог — «комплекс вины и самонаказание», социальный психолог — «скованность в общении», в то время как бесстрастная видеопленка фиксирует всего лишь тот факт, что человек выкуривает несколько сигарет подряд. Наблюдение подразделяют на *открытое* (когда испытуемый знает, что за ним наблюдают) и *скрытое* (когда испытуемый не знает, что за ним наблюдают); *включенное* (исследователь осуществляет деятельность вместе с испытуемым) и *стороннее*; *естественное и лабораторное*; *периодическое и одиночное*.

В литературе традиционно обсуждают *метод самонаблюдения* как особый тип наблюдения, отличный от интроспекции и заключающийся в своеобразной позиции исследователя: наблюдать за собой, как за другим. Можно так же выделить еще один дополнительный тип наблюдения — *метанаблюдение* (наблюдение за наблюдением). В этом случае объектом наблюдения становится сама деятельность наблюдателя. Метанаблюдение имеет долгую историю: в конце XVIII в. было установлено, что существуют индивидуальные различия в астрономических наблюдениях. В частности, разные астрономы по-разному фиксировали время прохождения звезды через меридиан. Это явление получило название «личного уравнения», т.е. признания факта влияния на результат наблюдения того, с какими научными ожиданиями и в каком физиологическом состоянии исследователь ведет наблюдение.

Эксперимент — научный метод, предполагающий активное вмешательство исследователя в деятельность испытуемого с целью создания условий, в которых выявляется влияние независимых переменных на зависимую. Эксперимент может быть *естественным, полевым или лабораторным; констатирующим* (выявляющим уже сложившиеся структуры) или *формирующим* (предполагающим целенаправленное воздействие на испытуемого в целях формирования у него определенных качеств). Частным случаем эксперимента является *тест* — *стандартизованное психологическое испытание*, в результате которого делается попытка оценить тот или иной психологический процесс или особенности личности. Существенной характеристикой метода тестов является наличие «норм», с которыми

производится сличение полученных показателей. Например, в знаменитом тесте IQ (коэффициент интеллектуальности) оценка в 100 баллов соответствует средним интеллектуальным способностям, а значительное превышение или снижение тестовых результатов свидетельствует, соответственно, об одаренности или дефекте умственного развития. Тесты могут быть индивидуальными и групповыми; вербальными и действенными. Выделяется особый тип *проективных тестов* (например, Тематический апперцептивный тест, см. гл. 4). В проективных тестах испытуемым предъявляется неопределенный стимульный материал и по тому, каким образом испытуемые структурируют его («На что похоже это пятно?»), делается вывод о неосознаваемых психологических факторах.

Моделирование также является своеобразным экспериментальным методом в психологии. Модель представляет собой овеществленное психологическое понятие (например, модели внимания в когнитивной психологии, см. гл. 6). При этом в модели абстрагируются теоретически значимые параметры реальности и игнорируются другие. Компонент моделирования является необходимой частью любого современного исследования. Однако если в некоторых направлениях модель является и источником постановки исследовательской задачи, и результатом исследования (когнитивная психология), то в других она скорее направляет научный поиск (например, какие процессы мы имеем в виду, говоря о мышлении?) и выполняет функцию установления отношений между понятиями, отражающими части психологической реальности (например, модель личности в теории З. Фрейда, состоящую из трех инстанций: «Я», «Оно» и «Сверх-Я», см. гл. 10).

Надо отметить, что наблюдение и эксперимент неразрывны в реальной научной практике. Наблюдение инициирует эксперимент и предшествует ему. В то же время наблюдение включено в качестве составной части в процедуру эксперимента. Так, например, в эксперименте Т. Дембо, посвященном изучению состояния гнева, испытуемому специально создают ситуацию напряженной потребности — требуется найти решение задачи, которую просто невозможно решить (достать предмет, находящийся на значительном удалении от испытуемого, который стоит в пределах начерченного мелом круга) и наблюдают, как человек будет себя вести.

Промежуточное положение в классификации занимает ряд методов, в различной степени совмещающих в себе аспекты эксперимента и метода наблюдения. Сюда можно отнести *психотехнические методы, метод беседы и психотерапевтические методы*. Психо-

технические методы и метод беседы при этом тяготеют к методам наблюдения, а психотерапевтические — к методу эксперимента.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Как, по вашему мнению, соотносятся принцип детерминизма и свобода человеческого поступка?
2. Как вы относитесь к «популярной» психологии?
3. Почему Б.М. Кедров считал, что психология представляет собой «связующее звено» между социальными, естественными и философскими науками?
4. Как соотносятся между собой различные формы психологического знания: житейская, художественная, научная?
5. Почему метод интроспекции подвергся жесткой критике?
6. В чем преимущество скрытого наблюдения перед открытым?

ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Почему психологию можно назвать плюралистической наукой?
А. Авторы получают данные, которые не всегда хорошо согласуются между собой.
Б. Решения о том, считать ли некоторую гипотезу обоснованной, принимаются на Всемирных психологических конгрессах закрытым голосованием.
В. В рамках психологии сосуществуют подходы, основывающиеся на различных, не сводимых друг к другу парадигмах.
2. Термин «психология» возник...
А. В античности.
Б. В конце XVI в.
В. В начале XIX в.
3. Как можно охарактеризовать нейропсихологию — одну из самых бурно развивающихся в последние годы областей знания?
А. Междисциплинарная специальная отрасль психологии.
Б. Прикладная отрасль психологии.
В. Фундаментальная специальная отрасль психологии.
4. Названия каких феноменов перекочевали из специально научного в общеупотребительный лексикон?
А. Оральная фиксация.
Б. Комплекс неполноценности.
В. Сдвиг мотива на цель.
5. Каков основной метод современной психологии?
А. Тестирование.
Б. Интроспекция.
В. Эксперимент.
6. Что является специфической характеристикой метода тестов?
А. Наличие «норм», с которыми сравниваются полученные данные.

- Б. Высокая скорость процедур.
- В. Объективность.

ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. *Асмолов А.Г.* Неклассическая психология сознания. М., 2001.
2. *Вебер М.* Основные социологические понятия. Наука как призвание и профессия. Избр. произв. М., 1990.
3. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М., 1982.
4. *Гиппенрейтер Ю.Б.* Введение в психологию. М., 2001.
5. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977.
6. *Роговин М.С.* Введение в психологию. М., 1969.
7. *Философский энциклопедический словарь.* М., 1989.
8. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.

Дополнительная

1. *Гришун И.Б.* Введение в психологию. М., 1994.
2. *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. М., 2000.
3. *Пиаже Ж.* Психология, междисциплинарные связи и система наук. М., 1966.
4. *Поппер К.* Нищета историцизма. М., 1993.
5. *Рубинштейн С.Л.* Принцип детерминизма и психологическая теория мышления // Психологическая наука в СССР. В 2 т. Т. I. М., 1959.
6. *Саймон Г.* Науки об искусственном. М., 1972.
7. *Франкл В.* Доктор и душа. С.-Пб. 1997.

Глава 2

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРЕДМЕТА ПСИХОЛОГИИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Лучший друг истины — время.

К. Колтон

Обращение к прошлому науки может осуществляться с двух различных позиций. *Позиция антикваризма* (от лат. antiquus — древний) предполагает введение научного факта в контекст эпохи, выяснение того, как то или иное явление трактовалось самим автором научного открытия. *Позиция презентизма* (от лат. praesens — настоящее время) заключается в соотнесении исторического источника с современными знаниями об описанном в нем факте. Например, древнегреческий философ Эмпедокл (V в. до н.э.) представляет фантастическую картину беспорядочного соединения странных существ — неуклюжих созданий с бесчисленными руками, животных с человеческими головами, гермафродитов, сочетающих в себе мужскую и женскую природу: «от их смешения отливались мириады племен смертных существ, уснащенных всевозможными формами — чудо на вид!». Эмпедокл описывает, что эти существа пытались заселить всю Землю, но выжили только наиболее приспособленные формы. И если антикварист пустится в пространные изыскания современных Эмпедоклу зоологических воззрений, то презентист воскликнет: «Да это же теория естественного отбора!». В Новое время Р. Декарт объясняет механизм воздействия внешних стимулов на наши органы чувств с помощью термина «животные духи». Историк науки, стоящий на позиции антикваризма, исследовал бы фрагмент, который включает такого рода описания с точки зрения господствовавших во времена Декарта метафизических представлений. Презентист, напротив, обнаружил бы в данной модели несомненное сходство с учением о нервном импульсе как носителе сенсорной информации.

Таким образом, антикваристская исследовательская позиция стремится объяснить, почему сложилась та или иная научная теория, в то время как презентистская исследовательская позиция позволяет понять значение и место рассматриваемой концепции в современной науке. Творческое взаимопроникновение обеих позиций дает возможность истории науки не только увидеть «временную развертку» динамики представлений о предмете исследования, столкновении идей, преодолении заблуждений, смену круга проблем и объяснительных принципов, но и предвидеть следующий этап развития науки.

«Психология и очень старая, и совсем еще молодая наука. Она имеет за собой тысячелетнее прошлое, и тем не менее она вся еще в будущем», — писал С.Л. Рубинштейн. Психология оформилась в самостоятельную научную дисциплину сравнительно недавно. В строгом смысле история психологии насчитывает не более полутора веков. Но стремление к познанию своего душевного мира сопровождает человека на всем пути его исторического развития. К сожалению, формат учебного пособия не позволяет даже вкратце затронуть все многообразие способов психологической рефлексии, представленных в человеческой истории и культуре. Мы ограничимся лишь кратким очерком основных достижений европейской рациональной мысли, которые составляют предысторию научной психологии.

Научные психологические знания в течение длительного времени вызревали в недрах других наук, прежде всего философии и физиологии. Многие ученые наращивали объем психологического знания, являясь при этом представителями иных дисциплин. «Концентрация психологических знаний происходила на многих участках интеллектуальной работы человечества», — пишет М.Г. Ярошевский. Вместе с тем знания, которые изначально позиционировались как психологические, спустя определенное время оказывались весьма далекими по содержанию от того, что сегодня принято включать в корпус психологического знания. Однако в истории развития науки встречаются и случаи возобновления интереса к таким отторгнутым фактам или исследовательским процедурам (примером может служить судьба алхимии и ее роль в возникновении химии как новой науки; возврат термина «душа» в категориальный аппарат психологии, произведенный К. Юнгом, Э. Фроммом, В. Франклом).

По мнению М.Г. Ярошевского, задачи истории науки сводятся к: 1) изучению внутренних закономерностей смены категорий, понятий и методического аппарата науки; 2) выявлению зависимости процессов порождения, восприятия и передачи знаний от «социаль-

ного запроса», характерного для того времени, когда автор разрабатывал свои идеи; 3) реконструкции личностной неповторимости (мотивов, картины мира, стиля мышления, черт характера и т.д.) конкретных ученых прошлого. Первая из трех задач реализуется преимущественно в презентистском типе анализа, вторая — в антикваристском, третья требует смешанного типа анализа. Использование этих двух линий изучения движения научной мысли задает положение предмета истории психологии в системе трех координат: историологической¹, социальной и личностной.

2.1. Развитие психологических знаний в рамках учений о душе

2.1.1. Психологическая проблематика в античности

«Познай самого себя» — это изречение, приписываемое спартанскому мудрецу Хилону, было по преданию начертано на стенах храма Аполлона в Дельфах². Собственно всю дальнейшую историю развития психологических воззрений древних греков можно рассмотреть как применение и развитие данного принципа.

Само понятие «душа» далеко не однозначно. Во-первых, душа может быть понята как космологическая категория, одна из субстанций мироздания (при дуалистическом подходе) или особая форма существования единой субстанции (при монистическом подходе). Во-вторых, о душе говорят как об особой бессмертной сущности, «одушевляющей» тело. В-третьих, термин «душа» используют для обозначения внутреннего мира человека. Эти три толкования мы встречаем уже в античной философии.

Попытки понять, объяснить психическое существуют столько, сколько и сам род человеческий. Но только с выделением науки как отдельной сферы человеческой деятельности в античном Средиземноморье фрагменты психологического знания стали носить научный характер. Первое упоминание этого термина в рационально-философском контексте встречается у Аристотеля в трактате «О душе», где он ссылается на Фалеса Милетского, жившего в 640—546 гг. до н.э. на территории современной Турции. Согласно Аристотелю,

Фалес «полагал душу двигательным началом, раз он говорил, что магнесийский камень (магнит) имеет душу, так как движет железо». Таким образом, мы можем считать, что с самых первых шагов античной философской мысли душа трактовалась как движущая сила. Душа как особая причина неоднозначного, вариативного поведения при одинаковом воздействии продолжает в дальнейшем оставаться в науке как объяснительная категория.

В основе взглядов крупнейшего представителя ранней греческой мысли Пифагора (570—500 до н.э.) лежит представление о числовой гармонии. Душа, согласно пифагорейцам, бессмертна, неуничтожима и многократно воплощается в живых существах (как в людях, так и в животных) в соответствии с определенными числовыми закономерностями. Именно в пифагорействе коренится субстанциональное различие души и тела, получившее свое развитие в дуализме Платона.

Дуалистического толкования соотношения душевного и телесного придерживался Анаксагор (акме¹ — ок. 462—432 до н.э.). Он предполагал наличие отдельной субстанции — «ум» («нус»), которая входит в состав живых существ и отличает их от неживой материи. Нус в одинаковой мере присутствует в организации как человека, так и животных. Видимое интеллектуальное превосходство человека над животными объясняется тем, что человек располагает оптимальными возможностями для реализации нуса через свое тело (он обладает руками). Другими словами, определенное телесное устройство позволяет проявиться психическому в большей или меньшей степени, но не оказывает на него принципиального влияния.

Концепции дуализма, географически связанной с Италией, можно противопоставить традицию *ионийской натурфилософии*, в которой душа и психические явления рассматривались в одном ряду с явлениями природы, генетически выводились из них.

Так, первая развернутая философская концепция души принадлежит Гераклиту Эфесскому (акме 500 до н.э.). Его единственное сочинение дошло до нас в виде разрозненных фрагментов, попытки синтеза которых стали предприниматься лишь в XIX в. При этом смысл многих высказываний Гераклита казался туманным даже его современникам. Недаром Гераклит заслужил прозвище Темный. В основе мироздания, по Гераклиту, лежит огненный Логос — вечный и неизменный творческий принцип. Этот принцип скрыт от непосредственного познания. Большая часть людей не способна воспри-

¹ Данный термин используется М.Г. Ярошевским для того, чтобы сделать акцент на внутренней логике развития науки.

² Собрание этих изречений было составлено учеником Аристотеля Деметрием Фалерским около 310 г. до н.э.

¹ Термин «акме» обозначает период творческого расцвета античного философа.

нимать вещи такими, какие они есть на самом деле из-за того, что их души «варварские», «влажные». Из несовершенства душ следует недоверие чувственного восприятия («Глаза и уши — дурные свидетели для людей, если души у них варварские»). Именно к изменчивости чувственного опыта человека относится знаменитое изречение Гераклита «Все течет, все изменяется». Гераклит предложил первую типологию душ. Он различал «влажные» и «сухие» души. Чем более «суха» душа, тем благороднее ее суть. «Влажная» душа, наоборот, присуща слабым и порочным людям. «Невозмужалый отрок ведет опьяневшего мужа, который шатается и не замечает, куда идет, ибо душа его влажна», — читаем мы в одной из дошедших до нас работ Гераклита.

В другом фрагменте мы читаем: «Границ души тебе не отыскать, по какому бы пути ты ни пошел: столь глубок ее Логос». Замечательным достижением Гераклита была мысль о сопричастности индивидуальной души и мирового Логоса — Огня и, следовательно, принципиальной познаваемости последнего посредством анализа его воплощения в собственной душе.

Натурфилософ — атомист Демокрит (акме — ок. 420 до н.э.) примечателен как автор первых в мировой истории психологических сочинений. Диоген Лаэртский указывает, что ему принадлежали два сочинения: «Об уме» и «О чувствах», объединенные под общим заглавием «О Душе». Демокрит полагал, что все состоит из атомов — мельчайших, неделимых материальных частиц. Между атомами имеется пустое пространство, и они находятся в постоянном закономерном движении. Существует бесконечное множество разновидностей атомов, которые отличаются друг от друга формой и размером. В этом и заключается подлинная природа мироздания; все же качественные, чувственно воспринимаемые характеристики вещей существуют лишь в человеческом восприятии: «качества существуют лишь по установлению, по природе же существуют только атомы и пустота».

При этом человеческая душа принципиально не отличается от материальных вещей: она точно так же состоит из атомов. Атомы души и атомы огня родственны: им присущи сферическая форма и самые малые размеры. Психические процессы представляют собой движение, т.е., по сути, материальны. Чисто материальными причинами Демокрит объясняет, например, зрительное восприятие: «Видим мы оттого, что в нас попадают и остаются «видности» (eidolai), т.е. особые мельчайшие частицы».

В учении Демокрита важен принцип детерминизма («Все возникает по неизбежности»). Впоследствии Эпикур усложнил представ-

ления о механистической обусловленности душевных явлений, введя в сферу психического фактор случайности.

Наряду с попытками описать происхождение и онтологический статус души, возникает интерес к внутренней жизни субъекта. Складываются классификации психических процессов, описания их свойств и возможностей управления психическими феноменами. Важную роль в постановке этих проблем сыграло учение о темпераментах Гиппократов, а также психологические воззрения Сократа и софистов.

Гиппократ (460—370 до н.э.) развил представления Гераклита о «жидкостной» природе различий между людьми. В его учении простейшая модель Гераклита (влажная — сухая душа) была усложнена введением четырех психических типов, каждый из которых связывался с преобладанием той или иной жидкости в организме. Преобладание крови определяло тип сангвиника, желтой желчи — холерика, черной желчи — меланхолика, а флегмы (скорее всего, имелась в виду лимфа) — флегматика. Рассматривая учение Гиппократов, можно провести параллель с воззрениями Анаксагора, так как аналогично его построениям Гиппократ усматривал в особенностях телесной организации условие конкретного воплощения универсальной души. Поскольку Гиппократ был не философом, а практикующим врачом, он рассматривал человека сквозь призму конкретных медицинских задач. Сохранившиеся сведения об основоположнике греческой медицины интересны не только теоретическими построениями, но и практическими рекомендациями и приемами. Так, видимо, к Гиппократу восходит принцип терапевтической беседы.

Софисты, виднейшими представителями которых были Протагор и Горгий, обратились к изучению речевого поведения в связи со своими профессиональными задачами. Софисты («учителя мудрости») учили искусству аргументации и спора вне зависимости от содержания выступления. Можно сказать, что основным предметом их исследования были формы публичной коммуникации, трактуемой в том числе и со стороны психологического воздействия. Знаменитое изречение Протагора «Человек — мера всех вещей» имеет не столько этический смысл, сколько фиксирует роль говорящего в оценке явлений объективного мира.

Сократ (470—399 до н.э.), акцентируя диалогический характер мышления, предложил особый педагогический метод — *майевтику* (дословно — повивальное искусство). Суть метода заключалась в том, чтобы путем умело поставленных вопросов побуждать собеседника «породить» истинное знание. При этом предполагалось, что истинное знание уже неявным образом присутствует в душе собе-

седника. Ему остается лишь «припомнить». Философские беседы Сократа, не оставившего письменных сочинений, легли в основу творчества его ученика Платона (428—348 до н.э.). В платоновском диалоге «Менон» Сократ для иллюстрации своего учения о врожденности знания заставляет мальчика-раба, заведомо не обладавшего никакими познаниями в геометрии, «вспомнить» геометрическую теорему. Но тем же самым методом, по мысли Сократа, мы можем пользоваться и для решения этических и политических проблем. В учении Сократа зарождается гуманитарная составляющая научного знания о мире, в который с необходимостью включен и сам человек. Человек начинает мыслиться одновременно и как объект, и как субъект научного познания.

В своих диалогах Платон обосновал универсальность метода майевтики, выдвинув теорию припоминания. В соответствии с ней мы узнаем путем воспоминания то, что наши души уже знали, будучи причастными миру идей. «Знание на самом деле не что иное, как припоминание: то, что мы теперь припоминаем, мы должны были знать в прошлом, — вот что с необходимостью следует из этого довода. Но это было бы невозможно, если бы наша душа не существовала уже в каком-то месте, прежде чем родиться в нашем человеческом образе» (диалог «Федон», 72e). Эффективное воспоминание требует стороннего вмешательства, которое лучше всего осуществлять, придерживаясь принципов метода майевтики. Только философ способен к самостоятельному «припоминанию», разворачивая этот процесс в форме внутреннего диалога. Таким образом, в концепции Платона припоминание становится центром психической жизни человека, вытесняя другие процессы на периферию.

Платон — пожалуй, один из самых влиятельных философов в истории — заложил основы теории познания, которая включала в себя два основных тезиса. Во-первых, в концепции Платона полагалось существование двух «миров», каждый из которых обладал субстанциональностью — мира идей и мира вещей. Функция души двойка. С одной стороны, она причастна миру идей и поэтому потенциально способна приобрести истинное знание. Во-вторых, душа пленена телом и обслуживает его практические нужды. «У философа тело не в почете», — говорит Платон, подразумевая, что телесность ограничивает познавательные возможности души. Восприятия, которые душа может почерпнуть из опыта, представляют собой лишь «мнения» и неизбежно затемнены искажающим воздействием наших органов чувств. Для описания данного положения Платон использует притчу о пещере. Вообразим человека, который заключен в пещеру (подразумевается плен телесной оболочки). За спиной заключенного разведен костер, но он закован и не может обернуть-

ся, чтобы посмотреть, что же происходит позади него. Он видит только пляску теней на стене пещеры и, рассматривая причудливые отсветы огня, пытается постичь истину. Только «припоминая» истинные сущности, душа может вернуться к знаниям, которые лишь фрагментарно представлены в видимом мире. Так, например, существует понятие «красота». Однако никто из людей не обладает красотой в полном смысле этого слова. Встречаясь со множеством людей, каждый из которых красив лишь отчасти, познающий может извлечь идею непогрешимой красоты, припоминая ту абсолютную красоту, с которой его душа соприкоснулась в ином мире.

Платон также предложил структурное представление о психике. Для описания различных соподчиненных частей души он использовал миф о возникновении, управляющем парой коней (диалог «Федр»). Возница — это воля, а кони — разум и низшие чувственные побуждения. По этой причине душевная жизнь человека изначально обречена на динамический конфликт. В движении неоплатонизма противопоставление души и тела приобрело еще более фатальный характер.

Аристотеля (384—322 до н.э.) можно считать основателем функционального подхода к психике. Он понимал душу как «форму тела», т.е. как функцию и вместе с тем причину телесной организации человека. «Если бы у глаза была душа, то его душой было бы зрение», — говорил Аристотель. В книге «О Душе» Аристотель рассматривает душу как связанную с телом («Итак, душа неотделима от тела»). Аристотель предлагал свой вариант деления души на составляющие ее части. Он выделял душу разумную и неразумную. Неразумная душа разделялась им на растительную (вегетативную) и страстную (животную). Соответственно, только разумная часть души, по Аристотелю, может претендовать на бессмертие. Аристотель также ввел в научный обиход понятие целевой (конечной) причинности. В отличие от механистической причинности Демокрита принцип целевой причинности подразумевает развитие в стремлении к некоторой еще не осуществленной цели, существующей в виде замысла или образа.

Параллельно умозрительным рассуждениям о природе и структуре души разворачивается эмпирическое медицинское исследование физиологических основ психики. Мы уже упомянули типологию темпераментов врача Гиппократ. Врач Алкмеон (VI в. до н.э.) предположил, что органом души является мозг. Гален (II в.) установил роль нервной системы как «проводника» воздействий души на тело. Заслуга Галена состоит также в том, что он предположил двусторонний характер взаимодействия соматического и психического: не только душа через нервные пути осуществляет контроль

над телесными проявлениями, но и телесные изменения оказывают влияние на течение душевных процессов.

Идея совершенствования души через особые педагогические воздействия была развита представителями двух «практических» философских школ — *стоиками* и *эпикурейцами*. Ранние стоики — Зенон, Клеанф, Хрисипп разработали подробную концепцию чувственного восприятия. В их гносеологии ключевым термином является так называемое «схватывающее восприятие». «Он считал, что схватывание чувственных данных является верным и надежным, и не потому, что оно схватывает все свойства вещи, а потому, что не упускает ничего из того, что ему доступно, и природа сама установила его как некую норму знания и естественную основу, откуда в душах потом запечатлеваются общие представления о вещах», — сказано о Зеноне во Второй Академике Цицерона. Данное описание практически точно повторяет феномен «гештальтности» восприятия, т.е. целостного схватывания явлений, который в начале XX в. поднимут на щит создатели гештальтпсихологии.

Стоики, подразделявшие философское знание на логику, физику и этику, основное значение придавали именно этическим вопросам, рассматривая учения о природе и о человеческом познании как вспомогательные. Целью человеческой жизни они считали достижение бесстрастия (*apatheia*) и душевной невозмутимости (*ataraxia*). Именно этот аспект их учения получил развитие в поздней Стое, полностью утратившей интерес к логико-гносеологической проблематике. Поздние стоики стремились научить человека сохранять мужество под ударами судьбы, жить согласно Логосу (мировому закону). «Смотри всегда на человеческие дела как на нечто однодневное, ничтожное: вчера ты слизь, а завтра — набальзамированное мясо или пепел. Итак, проведи этот короткий отрезок времени сообразно природе и отделись кротко, как падает созревшая оливка, благословляя выносившую ее землю и чувствуя благодарность к возрадившему ее дереву», — наставлял философ и император Рима Марк Аврелий (121-180).

Эпикур (342—270 до н.э.) и его последователи создали философию, предназначенную для того, чтобы обеспечить счастливую жизнь. Удовольствие, которое Эпикур полагал высшей и более чем достойной целью любой жизни и проповедовал в своем учении, заключалось скорее в отсутствии страдания, чем в активном поиске наслаждений. Одним из самых непереносимых страданий Эпикур считал страх смерти. Поэтому всю свою теоретическую силу он направил на формулировку аргументации для преодоления страха смерти. Следуя Демокриту, Эпикур считал, что душа материальна

и состоит из атомов. Атомы души распределены по всему телу. Ощущения вызываются особыми нитями, которые, исходя от объектов, соприкасаются с атомами души. Сновидения возникают в том случае, если нити объектов еще существуют, в то время как сами объекты уже исчезли. В момент смерти атомы души рассеиваются и, теряя связь с телом, утрачивают способность к ощущениям и страданиям. Таким образом, нет никаких оснований бояться смерти, ведь «смерть не имеет никакого отношения к нам: то, что разложилось, не чувствует, а то, что не чувствует, не имеет отношения к нам».

Плотин (204—270) видел в оторванности души от своего источника в потустороннем мире непреодолимую преграду истинному познанию. Порфирий в работе «Жизнь Плотина» назвал его «философом, который стыдится того, что он оказался в теле». Плотин ввел также проблематику рефлексии, т.е. выделил процессы обращенности души на саму себя. От Плотина через труды Августина выкристаллизовывается традиция суждения о душе как антиподе тела.

Таблица 2

Вклад ученых античности в познание души

Авторы	Основные психологические идеи
Фалес	Душа как активное начало
Гераклит	Подобие индивидуальной души и мирового Логоса
Демокрит	Детерминизм: все возникает по необходимости Монистический материализм: объяснение психического из физического
Анаксагор	Роль телесной организации в проявлении психического
Гиппократ	Учение о темпераментах
Софисты (Горгий, Протагор)	«Человек — мера всех вещей»; интерес к коммуникативным аспектам поведения человека
Сократ	Диалогический характер мышления и метод диалога в педагогике; майевтика
Платон	Проблематика универсальных форм мышления Диллогичность познания Конфликт как неотъемлемая характеристика психической жизни
Аристотель	Целевая детерминация развития человека Функциональный подход к душе Уровневая структура души; и
Стоики	Способы совладания с жизненными кризисами
Эпикурейцы	Категория случайности в психической жизни Психотерапевтическая позиция в отношении страха смерти
Плотин	Явление самосознания
Гален	Обнаружение роли нервной системы

2.1.2. Психологическая проблематика в Средневековье и в период Возрождения

Ориген (185—253), первый из церковных писателей, имевший систематическое философское образование, обогатил христианскую мысль сокровищами античной учености. Будучи последовательным платоником, он резко противопоставляет душевное и телесное. Целью человеческой жизни является созерцание Бога. Оно достигается путем систематической борьбы со страстями и освобождением от них. Под страстями Ориген понимал подчинение всему, что не есть Бог. В соответствии с этой целью выделяется задача тщательного изучения страстей и разработки психотехнических практик овладения своими желаниями и помыслами. Они реализуются в корпусе аскетической литературы, основателем которой был образованный египетский монах IV в. Евагрий Понтийский. Уже в его сочинениях мы сталкиваемся с детальным и эмпирически точным описанием целого ряда психологических феноменов. Пожалуй, самую строгую и полную таксономию страстей создает Иоанн Синаит — автор книги, известной в славянском переводе как «Лествица», оказавшей колоссальное влияние на дальнейшую историю контроля человека над своим душевным миром.

Один из отцов христианской церкви Августин Аврелий (350—430) соединил аристотелевское представление об иерархической организации души с христианской теологией. Кроме введенных Аристотелем вегетативной, животной и разумной души он различал разные уровни совершенства последней. Разумная душа включала в себя уровень совершенства души, на котором она начинает стремиться к благу; уровень очищенной души, свободной от страха смерти; уровень чистого стремления к Богу и наивысшую ступень — душу, поглощенную божественным, т.е. погруженную в непосредственное созерцание Божества. Атрибутами души Августин считал Разум, Волю и Память. При этом он наследовал взгляды Платона, считая Память самой значительной из частей души, в которой заключена идея Бога. Эту идею невозможно познать эмпирически, но можно «припомнить» в абсолютно платоновском смысле. Августин предложил метод интроспекции (в христианской трактовке — исповеди) в качестве основного средства познания души и этим во многом определил пути психологической мысли.

Среди ключевых фигур исламской науки Средневековья выделяют Ибн-Сину (Авиценна, 980—1037) и Ибн-Рушда (Аверро-

ис, 1126—1198). Оба они были видными комментаторами Аристотеля. Авиценна вывел формулу, описывающую процесс индуктивного познания: «Мышление выводит всеобщее из отдельных вещей». Аверроис полагал, что истина может быть постигнута одним разумом без привлечения откровения. Арабо-язычные ученые не ограничивали свои изыскания исключительно умозрительными построениями, что было типично для европейских современников. Их интересы лежали и в практической плоскости, прежде всего в области медицины. Поэтому в работах представителей арабского мира зачастую наблюдается причудливый параллелизм метафизического истолкования души и естественнонаучной направленности в описании психических феноменов. Например, Ибн-аль-Хайсам (Альгазен, 965—1038) начинает изучение зрительного аппарата человека, основываясь на рассмотрении глаза как оптического прибора. Впоследствии именно оптика становится «мостиком» между физиологией и психологией, воплощаясь в разнообразные концептуальные формы: учение о «перспективе» Роджера Бэкона (1214—1294), науку живописи Леонардо да Винчи (1452—1519), учение о восприятии цвета Гёте. Общим для всех этих теорий является то, что психический феномен зрения объясняется через физические законы построения образа в оптической системе глаза.

В Европейской мысли преемником Аристотеля можно считать схоласта Фому Аквинского (1225—1274). Фома развил идеи Аристотеля, предложив учение о «лестнице форм», на которой в иерархически соподчиненном порядке располагаются растительная, животная и разумная типы души, каждая из которых соответственно отвечает за порождение различных психических явлений: ощущения, представления и понятия. Фома конкретизирует термин «рефлексия» Плотина, описывая его как последовательно сменяющие друг друга фазы познания внешнего объекта, осознания акта познания и позиционирования души как метафизической сущности через преломление этого осознания. Разумная душа обладает бессмертием, в то время как растительная и животная смертны. Однако в земной жизни все три типа души неразрывно связаны.

Схоластическая наука Средневековья на новом витке осмыслила конфликт «линии Платона» и «линии Аристотеля» в вопросе об источниках человеческого познания. Этот спор получил название «спора об универсалиях». Одна из позиций — *реализм* (от лат. *realis* — вещественный) — заключалась в принятии по-

Вклад ученых Средневековья и периода Возрождения в познание души

Авторы	Основные достижения
Ориген	Таксономия страстей души и психотехники их преодоления
Августин Аврелий	Интроспекция
Авиценна, Аверроис	Открытие трудов Аристотеля для средневекового мира, обоснование индуктивного метода познания
Альгазен	Исследование зрительной системы, выведение психологического феномена зрения из структурных свойств зрительного аппарата
Реалисты / номиналисты	Постановка проблемы индуктивного и дедуктивного способа познания
Фома Аквинский	Структура души в соответствии с психическими функциями: ощущение, представление, понятие Понимание рефлексии как продукта осознания явлений внешнего мира
Гуманисты	Возврат к «сократическим» вопросам: место человека в мире, проблема личности
Леонардо да Винчи	Классификация аффектов Предпосылки создания психофизиологии двигательных актов

2.1.3. Психологические проблемы в Новое время

Фигурой, стоящей у истоков Нового времени с его гносеологическим оптимизмом и призывом к опытному изучению психики, является Фрэнсис Бэкон (1561 — 1626). Бэкон предложил рассматривать душу и тело в единстве. Вслед за томистами (последователями Фомы Аквинского) Бэкон все еще придерживался традиционного деления души на рациональную божественную душу и нерациональную чувствующую душу. Рациональная душа с помощью индукции (восхождения от частного к общему) преобразовывает данные чувствующей души и таким образом познает. Критически важным для верного познания Бэкон считал индуктивный метод, который противопоставлялся дедуктивному (нисхождение от общего к частному). Именно поэтому его основной труд, как бы бросая вызов дедуктивной методологии Аристотеля, получил название «Новый органон» (работа Аристотеля называлась «Органон»). Однако, несмотря на преимущества индукции, Бэкон достаточно скептически оценивал возможности человеческого познания. Препятствия на пути к адекватному познанию Бэкон определил как

ложения о первичности неких абстрактных универсальных форм (идей), которые осваиваются человеком преимущественно в форме божественного дара откровения. Другая — *номинализм* (от лат. «*nomina*» — имена) — признавала только эмпирический путь получения знаний. Полагалось, что знание формируется абстракцией значимых качеств из многократно повторяющегося опыта. Например, человек встречает много белых объектов — молоко, снег, облака и, в конце концов, абстрагирует понятие белизны. Фома различал два типа познания — естественное и сверхъестественное, занимая, таким образом, промежуточное положение в споре об универсалиях.

Эпоха Возрождения, которую можно назвать уникальной интеллектуальной субкультурой в рамках Средневековья, снова воскресила круг «сократических» вопросов: каков человек, какое место в мире соответствует его достоинству, каковы пределы педагогического воздействия на сущность человека? Философы эпохи Возрождения называли себя гуманистами (от лат. «*humanus*» — человеческий). Хотя основным занятием представителей Возрождения была филология (отсюда самоназвание — «граждане страны Словесности»), основная заслуга философов Возрождения заключалась в том, что они вернули в научный обиход доаристотелевские представления о материальном основании души и подкрепили их обширными открытиями в сфере анатомии и техники. Труженики и творцы эпохи Возрождения, будучи активно задействованными в практической деятельности — архитектуре, живописи, педагогике, — заложили основы *эмпиризма*, который расцвел в Новое время. Так, например, Леонардо да Винчи — наиболее универсальный человек своего времени — создал систематику аффектов, в которой все многообразие человеческих эмоциональных состояний могло быть сведено к четырем «базовым» аффектам: радости, горю, распре и усилению. Важно, что в основу классификации были положены не гипотетические предположения, а данные наблюдений и анатомических исследований. Леонардо пытался моделировать движения живых существ в технических устройствах (например, конструировал крылья), учитывая ведущую роль нервной системы в построении движений. Можно утверждать, что он предвосхитил биомеханику — одну из бурно развивавшихся в XX в. отраслей знания.

Таким образом, делая шаг назад в метафизике, Возрождение (особенно в лице своих титанов) совершило прорыв в подведении психических явлений под общие законы физического мира.

«идолы». Различаются идолаи рода — ложные восприятия, обусловленные самой природой человека; идолаи пещеры — заблуждения человека, связанные с обстоятельствами его индивидуальной жизни (здесь ясно видна аналогия с образом пещеры у Платона); идолаи площади — результат неверного образования понятий, и идолаи театра, которые Бэкон обозначает как ошибки теорий и методов доказательства истины, опирающихся на слепую веру в авторитет. Очевидно, что идолаи могут быть преодолены. Например, идолов рода можно победить развитием технических средств познания (использование увеличительного стекла делает более объективным зрение), идолов пещеры — продуманной педагогией и т.д.

Уже Бэкон совершает переход от отождествления души и психического к трактовке психики как сознания. Окончательно этот шаг был сделан Рене Декартом (1596—1650). Декарт — дуалист, поскольку он рассматривает материальное и идеальное в качестве двух разнородных субстанций. Атрибутом идеального является мышление, а атрибутом материального — протяженность. В своем знаменитом «*cogito ergo sum*» («мыслю, следовательно, существую») Декарт зафиксировал сознание как предмет психологической рефлексии. Логика его рассуждения такова: человек может сомневаться во всем, но, даже сомневаясь, он переживает свое сомнение как психологическое явление. Таким образом, сомнение является единственным «несомненным» знанием. Сомнение — это акт мышления. Отсюда, мышление понимается как неотъемлемый атрибут идеальной субстанции и одновременно основание существования души-сознания. Мышление полагается Декартом независимым от тела. Однако тело и душа «соприкасаются». Мозг и нервная система являются частями телесной «машины» и не имеют отношения к сознанию. Тело действует по принципу рефлекса. Все функционирование организма человека и животного определяется движением «животных духов» (сейчас мы бы назвали их «нервными импульсами») от органов чувств к мозгу и в обратном направлении. Например, если человек дотрагивается до горячего предмета, «животные духи» устремляются к мозгу, который направляет усиленный поток «животных духов» обратно к руке (мы бы сказали, что мозг при этом «перерабатывает информацию»), в ответ рука отдергивается. Сознание не принимает в этом акте участия, он совершается рефлекторно. Сознание, однако, способно «наблюдать» за деятельностью тела и даже корректировать его. В свою очередь, и сознание может оказывать влияние на тело. Декарт поместил сознание в эпифиз (шишковидную железу в глубине мозга). Если сознание «хочет» чего-либо от тела, оно начинает «раскачивать» эпифиз, заставляя тем самым

«животные духи» выполнять свои команды. Тело может существовать без души (так и происходит у животных), как и душа — без тела. Душа способна познавать как себя, так и тело, которое является частью материального мира. Таким образом, дуализм Декарта носит не до конца последовательный характер. На деле оказывается, что имеет место как минимум взаимодействие сознания и телесных явлений, которое будто бы ничем не мотивировано (зачем душе вызывать у тела реакции, если она к нему безразлична?!). Потомки многократно возвращались к концепции Декарта, изгоняя метафизические представления о различной субстанциональности материального и идеального (которые определяют противоречивость самой теории Декарта) и сохраняя ее достижения. Проблема отношения психического и физического, заявленная Р. Декартом, получила название «психофизической проблемы» (сам Декарт решил ее в духе взаимодействия психического и физического). Различные варианты ее разрешения дебатировались в мировой науке до сих пор (см. раздел 3.3).

Дуализм Декарта был преодолен в первую очередь психологической концепцией Б. Спинозы (1632—1677). Бенедикт Спиноза предположил, что существует только одна единая субстанция, а мышление и протяженность являются ее атрибутами. Тогда душа и тело неразрывно связаны и являются сторонами одного и того же явления. Когда мы говорим о протяженности, то мыслим телесную сторону явления, а когда говорим о мышлении, то открываем душевную сторону явления. Душа и тело не воздействуют друг на друга, а соответствуют друг другу. Отсюда становится понятным главный тезис Спинозы о том, что «порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей». Спиноза решает психофизическую проблему в духе *единства*. Спиноза дает классификацию познавательных функций психики в зависимости от способа познания, который в них реализуется. Случайное познание существует в форме образа и соответствует мнению и воображению. Познание от общего положения к частному случаю (дедуктивное) приводит к формированию абстрактных понятий. Интуитивное постижение сущности вещей дает истинное знание, в котором соединяется существенное и индивидуальное. Спиноза также создал теорию аффектов, понятий как естественные проявления человеческой природы. Любой аффект образуется из трех первичных аффектов: удовольствия, неудовольствия и желания. Развитие личности идет по пути укрощения аффектов, освобождения из их рабства.

Решение психофизической проблемы в духе *параллелизма* предложил Г.В. Лейбниц (1646—1716). Сам он называл свою теорию

гипотезой «предустановленной гармонии», полагая, что существуют два «царства» — мир тел и мир душ, каждое из которых подчинено своим собственным законам. Никакого воздействия на душу извне быть не может. Душа представляет собой «монаду» (от греч. «единое»). Отсюда название концепции Лейбница «монадология». Монада — это зеркало всей Вселенной, которая стремится к совершенству. Душа-монада способна воспринимать все, что происходит во Вселенной, и поэтому ее восприятия могут носить неосознаваемый характер. Лейбниц вводит понятие «преформы», т.е. некоторого божественного замысла о каждой душе — монаде (Бог, кстати, определяется им как «монада всех монад»).

Т. Гоббс (1588—1679) вернулся в своей философии к материалистической трактовке души, лишив психическую жизнь своеобразие и сводя психические явления к проявлению движения. Психика для Гоббса — эпифеномен (явление, сопутствующее другим явлениям и не имеющее собственных функций). Для пояснения данного толкования часто приводят метафору человека и его тени: тень, конечно, существует, но не в состоянии влиять на то, что человек делает. Мышление — смена теней физических воздействий на организм, другими словами, цепь ощущений. Объяснение же мышления заключается в законе простейшей ассоциации (от лат. «associatio» — соединение). Таким образом, сознание можно легко объяснить, но оно не имеет никакой объективной ценности.

Средневековый спор об универсалиях во многом перекочевал в Новое время, обосновавшись здесь под именем *дилеммы рационализма — эмпиризма*. Рационалисты (среди них Декарт, Спиноза и Лейбниц) были уверены в том, что абстрактное знание невозможно вывести из опыта. Предполагалось наличие в психике некоторых врожденных форм мышления или «идей», в чем рационалисты были близки реалистам (правда, перенеся мир идеальных форм извне вовнутрь). В философии позицию рационализма отстаивал И. Кант (1724—1804), который постулировал наличие врожденных доопытных категорий («априорных форм»), через которые реализуются конкретные акты мышления. *Эмпиристы* (Т. Гоббс, Д. Локк), наоборот, считали, что все знание может быть выведено из опыта.

Ярчайшим представителем эмпиризма был Джон Локк (1632—1704). Его интересовал вопрос о том, как опыт формирует сознание человека. Локк предположил, что новорожденный представляет собой в познавательном смысле «чистую доску» (*tabula rasa*), на которой прижизненно складывается все многообразие форм мышления. Существует два источника опыта: 1) из ощущения, 2) из рефлексии. Сначала ребенок улавливает простые идеи (знания) из эм-

пирически наблюдаемых фактов. К простым идеям относятся такие, как, например, «желтизна», «горячее» и т.д. Источником простых идей является информация, полученная от органов чувств. Простые идеи преобразуются в сложные путем соединения идей, сравнения и установления отношений между ними и процесса абстрагирования. Примерами сложных идей, имеющих источник в ощущении, могут быть «отношение», «равенство» и т.д. Опыт второго типа извлекается из наблюдения души за ее собственной деятельностью. К рефлексивным идеям относятся такие идеи, как «познание», «желание», «восприятие», т.е. собственно психические феномены. Отсюда следует понимание интроспекции как основного метода познания психики («Если я мыслю, но об этом не знаю, никто другой не может знать этого»).

Локк определяет сознание, которое становится предметом психологии на последующие два столетия, через его субъективную доступность — «Сознание есть восприятие того, что происходит у человека в его собственном уме». В мире психики правит бал закон ассоциаций (по сходству, смежности, контрасту). Именно за счет ассоциаций происходит связывание идей в целостные представления. По мнению Локка, крайне важно, чтобы ребенок устанавливал ассоциации между идеями под руководством наставника. Иначе могут сформироваться ложные связи. Например, няньки, которые пугают своих воспитанников привидениями, создают ошибочную ассоциацию между темнотой и вымышленными существами, так что ребенка начинают мучить необоснованные страхи.

Таблица 4

Вклад ученых Нового времени в формирование психологического знания

Авторы	Основные достижения
Ф. Бэкон	Апология индуктивного метода познания, классификация препятствий на пути реализации индуктивного метода («идолы»)
Декарт	Сознание как предмет психологии Психофизическая проблема: решение в духе взаимодействия Рефлекторный принцип функционирования тела Регуляторная функция психики
Спиноза	Мышление — центр психической жизни Психофизическая проблема: решение в духе единства Классификация познавательных процессов Классификация аффектов на основе сведения к трем простейшим — удовольствие, неудовольствие, желание

Авторы	Основные достижения
Лейбниц	Психофизическая проблема: решение в духе параллелизма Введение проблематики неосознаваемого познания
Гоббс	Психика как эпифеномен Разработка понятия ассоциации
Рационалисты / эмпиристы	Дедуктивный или индуктивный способ познания
Локк	Теория преобразования сенсорного опыта в понятия Разработка законов ассоциаций Интроспективный метод

В эпоху Просвещения (XVIII в.) происходит дальнейшее усиление интерпретации психологического знания как эмпирического по своей сути и интроспективного по способу получения. Учения о сознании все больше смыкаются с механикой, как образцом научности данного исторического периода. Основное внимание уделяется действию механизма ассоциации. Именно поэтому XVIII в. для психологии был веком *ассоцианизма*. Ассоцианизм воспринял учение Локка и творчески преобразовал его.

Например, Д. Гартли (1705—1757) как представитель *материалистического ассоцианизма* развивал учение о психике как продукте деятельности мозга. Психическое включает в себя три простейших типа содержаний: ощущения, идеи ощущений и аффективные тона. Механизм ассоциации организует три основные формы психического в сложное течение душевной жизни. Ассоциации являются пассивными «дубликатами» нервных связей в мозге, которые возникают за счет одновременной вибрации различных областей мозга под воздействием внешних стимулов. Так, память для Гартли — это воспроизведение прошлых ощущений по ассоциации с раздражителем, который воздействует на вспоминающего в настоящий момент («Вид человека наводит на идею о его имени»).

Французские материалисты-просветители в целом разделяли взгляд на психику как конфигурацию ощущений, возникших в нервном субстрате в ответ на внешние воздействия на организм, которые постепенно усложняются по принципу ассоциации, образуя поток внутреннего опыта (Э. Кондильяк, Ж. Ламетри, К. Гельвеции, П. Гольбах, Д. Дидро).

Противоположную позицию относительно сущности ассоциаций занимали *идеалистические ассоцианисты* Д. Беркли (1685—1753) и Д. Юм (1711—1776). Не сомневаясь в том, что именно закон ассоциации управляет душевной жизнью человека, они предположили в

качестве их источника не мозг, а сознание. Беркли выдвинул тезис «быть — значит быть в восприятии». При этом вопрос об объективном существовании материального мира отклонялся как неразрешимый.

XIX в. ознаменовался переходом от механистической к физиологической трактовке психики. Открыто различие между чувствительными и двигательными нервными путями (И. Прохазка, Ф. Мажанди, Ч. Белл), что привело к формулировке представления о «рефлекторной дуге» (см. гл. 3). Ф. Галль (1758—1829) создал «карту головного мозга», которая связывала определенные участки мозга с локализованными в них способностями. Джон Стюарт Милль (1806—1873) создал «ментальную химию» — учение о сложных психических явлениях как результате взаимодействия простых психических форм, но несводимых к ним (аналогично тому, как вода является результатом реакции водорода и кислорода, но обладает совершенно новыми свойствами). Милль заявил о необходимости поиска «атомов» сознания. И. Герbart (1776—1841) расширил представление о психическом за рамки сознания и пытался с помощью математических формул описать законы взаимоперехода сознательных и неосознаваемых явлений. Огромным шагом вперед стало появление *психофизики* — дисциплины, изучающей взаимное соответствие между физическими стимулами и субъективными ощущениями (см. гл. 7). Г. Гельмгольц (1821—1894) пришел к выводу об особой психологической причинности, которая не может быть редуцирована ни к механической, ни к химической, ни к биологической, ни к физиологической. Описывая процесс зрительного восприятия, он установил, что субъект не пассивно подчиняется воздействию внешних стимулов, а активно перерабатывает поступающую на его сенсорные поверхности стимуляцию (см. гл. 7).

Подъем этнографических исследований пробудил интерес к межкультурным различиям и разделению универсального и специфического в психике человека. Начала разворачиваться так называемая «психология народов» (М. Лацарус, Х. Штейнталь, 1860), вызвавшаяся исследовать «народный дух», понимаемый как система языка, религии, морали, способов воспитания и определяющий индивидуальные особенности представителя той или иной культуры. Нельзя обойти вниманием также революцию в интерпретации функций психики в животном мире, которая была предрешена книгой Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859). Принцип эволюции, обоснованный Дарвиным на огромном эмпирическом материале, заставил ученых принять гипотезу об адаптивном значении психики (иначе она бы исчезла в результате отбора).

Таким образом, к последней трети XIX в. сложились предпосылки для выделения психологии в самостоятельную науку.

Таблица 5

Вклад ученых XIX в. в психологию

Авторы	Основные достижения
Гартли	Механистический ассоцианизм: ассоциации — дубликаты нервных связей в мозге
Прохазка, Мажанди, Белл	Различение чувствительных и двигательных нервных путей, развитие учения о рефлексе
Галь	Карта головного мозга: локализация психических функций в определенных областях мозга
Д.С. Милль	Ментальная химия: учение о несводимости сложных психических явлений к простейшим ощущениям
Фехнер	Психофизика: установление соответствия между физическим стимулом и субъективным ощущением
Гельмгольц	Принцип психологической причинности Активность субъекта в акте восприятия
Лацарус, Штейнталь	Психология народов: учет фактора культуры в формировании психических свойств
Дарвин	Принцип биологического детерминизма Принцип эволюции Адаптивная функция психики

2.2. Направления психологии периода ее развития как самостоятельной науки

Как было изложено в гл. 1, обособление новой науки от смежных дисциплин требует формулировки *научных программ* и создания *научных школ*. Первая психологическая лаборатория была открыта В. Вундтом в 1879 г. в университете г. Лейпцига (Германия). Там же в 1881 г. был учрежден институт экспериментальной психологии. С этого момента принято вести отсчет истории психологии как самостоятельной науки.

2.2.1. Экспериментальная психология сознания

Сознание, как уже отмечалось выше, стало первым предметом психологии. Психология сознания не представляла собой целостного подхода. Скорее она являлась конгломератом нескольких парадигм исследования, объединенных общим предметом и согла-

сием во взгляде на психологию как на науку о «непосредственном опыте» (В. Вундт). Такое понимание психологии предполагало *метод интроспекции* в качестве основного ее исследовательского приема.

Первую версию психологии сознания можно определить как *структурную психологию сознания*. Основными ее авторами являются В. Вундт (1832-1920) и Э.Б. Титченер (1867-1927). Основной задачей психологии, по Вундту, является разложение непосредственного опыта сознания на элементы, выделение связей элементов друг с другом и определение законов этих связей. *Элементы сознания — это ощущения, представления и чувствования*. Описание всех видов чувствований, в свою очередь, укладывается в трехмерное пространство, которое состоит из координатных осей удовольствия — неудовольствия; напряжения — разрядки и возбуждения — успокоения. Основными процессами психики, результатом творческого синтеза которых и выступает сознание, являются процессы перцепции и апперцепции. *Апперцепция* представляет собой активный процесс, с помощью которого сознание реализует свой потенциал к самоорганизации на качественно ином, чем простая сумма его элементов, уровне. Апперцепция противостоит механистическому принципу ассоциации, так как приводит к образованию осмысленных и упорядоченных совокупностей психических элементов.

В лаборатории Вундта проводились исследования *восприятия цвета, простых звуковых раздражителей* (с помощью метронома). Особое место занимали исследования *времени реакции*. Вундт полагал, что, измеряя время реакции, можно экспериментально продемонстрировать три этапа реакции человека на раздражитель: восприятие, апперцепцию и проявление воли (мышечное движение). Вундт считал, что сложные психические функции изучать с помощью методов физиологической психологии невозможно. Однако уже спустя несколько лет методология Вундта была распространена на исследования *явлений памяти* (Г. Эббингауз. «О памяти», 1885).

Ученик Вундта Титченер разработал *метод аналитической интроспекции*, усилив тем самым ориентацию его версии психологии сознания на разложение сложных состояний сознания на простейшие элементы. Главным в его методе была попытка избежать «*ошибки стимула*», т.е. смешения психических процессов восприятия объекта и влияния самого объекта. Например, испытуемому показывают яблоко. Подготовленный интроспекционист (реагент, как

называл их сам Титченер) должен «забыть» о том, что перед ним яблоко, и отчитываться о «цветовых пятнах», «изгибах линий» и т.д. Результатом подобного атомистского подхода стала книга «Очерки психологии», где Титченер представил список из 44 000 элементарных ощущений!

Одновременно со структурной психологией Вундта развивалась *теория актов сознания* Франца Brentano (1838—1917). Главным предметом психологии Brentano считал не содержание и структуру сознания, как Вундт, а *активность сознания*. Свой фундаментальный труд «Психология с эмпирической точки зрения» Brentano выпустил в свет в 1874 г. Brentano также пытался найти единицы психики, но обнаруживал их в элементарных психических актах.

Под влиянием Вундта и Brentano в рамках психологии сознания возникло оригинальное направление — *вюрцбургская школа*, представители которой сконцентрировались на проблеме мышления (см. гл. 10).

Структурализму Вундта (в особенности в упрощенном его толковании Титченером) противостоял *функционализм* Вильяма Джеймса (1842—1910). Джеймс использовал метафору «поток сознания», которая фиксировала динамичность психических явлений. Соответственно и аналитическая интроспекция теряла в концепции Джеймса эвристическую ценность: если остановить поток сознания, что имело место в акте аналитической интроспекции, он терял свои свойства, превращался в мертвый «срез» реальности психической жизни. Цель психологии Джеймс полагал не в выявлении элементов опыта, а в изучении приспособительной функции сознания. *Сознание по Джеймсу, — это жизненно важная функция человека, живущего в сложной среде*. Джеймс ввел «личностное» измерение сознания, считая, что сознательный опыт всегда переживается как «мой», как «принадлежащий мне». Джеймс внес огромный вклад в психологию личности (см. гл. 10), психологию эмоций (см. гл. 5), психологию внимания (см. гл. 6) и психологию памяти (см. гл. 8). Учебник «Основы психологии», выпущенный Джеймсом в 1890 г., до сих пор служит настольной книгой психологов.

Таким образом, психология сознания заложила основы научной психологии как самостоятельной дисциплины. Неправомерно сужая класс психических явлений, ограничивая их только сознательным опытом, психология сознания тем не менее сформулировала многие законы функционирования психики, не опровергнутые и

поныне. В спорах с психологией сознания возникли другие школы и направления современной психологии.

2.2.2. Гештальтпсихология и проблема целостного анализа психики

Рубеж XIX и XX вв. был отмечен революционными преобразованиями в физике: открыты явления радиоактивности, претерпевает коренные изменения понятие энергии, создана теория поля. Материя уже не представляется состоящей из неделимых атомов. Физические открытия заставляют усомниться и в атомистическом подходе к психике. Возникает новая методология в психологической науке. В то время как представители структурного подхода в психологии считали, что сложные психические явления производны от простейших элементов психики, гештальтпсихологи (от нем. *gestalt* — целостная форма, структура) выдвинули противоположный тезис. Они постулировали первичность целостных форм восприятия, от которых лишь в результате анализа можно прийти к элементарным ощущениям. Например, вы замечаете в отдалении фигуру человека, затем, по мере сокращения расстояния, вы видите, что этот человек — мужчина. Спустя еще некоторое время вы опознаете в приближающемся мужчине своего знакомого. То есть сначала вы воспринимаете целостный образ, который впоследствии становится все более дифференцированным. Такие целостные формы, которые определяют психическую жизнь, получили название *«гештальтов»*.

Движение гештальтпсихологии оформилось после опубликования в 1910 г. М. Вертгеймером (1880—1944) результатов исследования «иллюзорного движения». Другими видными представителями этого направления стали В. Келер (1887—1967), К. Коффка (1886—1941) и впоследствии К. Левин (1890—1947). Начав с исследования процессов восприятия, гештальтпсихология достаточно быстро расширила свою тематику, включив в нее проблемы развития психики, анализ интеллектуального поведения высших приматов, рассмотрение памяти, творческого мышления, динамики потребностей личности и др.

Экспериментальная установка, которой пользовался Вертгеймер, представляла собой окружность с двумя прорезями-радиусами. Прорези были расположены под углом 30 градусов друг к другу (рис. 5). Луч света пропускался попеременно то через одну, то через другую прорезь так, что испытуемый видел две светящиеся полосы.

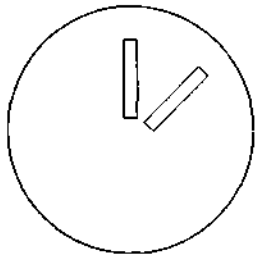

Рис. 5.
Экспериментальная
установка для
исследования
фи-феномена

Вертгеймер установил, что в том случае, когда интервал между освещением первой и второй прорези составлял около 60 мс, у испытуемого создавалось впечатление, что светящаяся полоска «движется» по часовой стрелке. Очевидно, что возникновение иллюзорного движения не могло быть объяснено суммой статических элементарных ощущений от двух не связанных между собой полосок света. Вертгеймер объявил, что полученный им эффект представляет собой один из «гештальтов», т.е. особых психических функциональных структур, которые по присущим им законам упорядочивают нашу психическую жизнь. Представители

гештальтпсихологии предположили, что все разнообразные проявления психики подчиняются законам гештальта. Так как в первые годы основным объектом их исследований были процессы восприятия, они экстраполировали принципы организации восприятия на психику вообще: тяготение частей к образованию симметричного целого, группировка частей в направлении максимальной простоты, близости, равновесия, тенденция каждого психического феномена принять определенную, завершенную форму (см. гл. 7).

Рис. 6. Э. Боринг «Жена или теща»

Психика человека и животного понималась гештальтпсихологами, как целостное «*феноменальное поле*» (совокупность переживаемого субъектом в данный момент), которое обладает определенными свойствами и строением. Основными компонентами феноменального поля являются *фигуры* и *фон*. Другими словами, часть того, что мы воспринимаем, выступает отчетливо и наполнено смыслом, в то время как остальное лишь смутно присутствует в нашем сознании.

Парадоксально, но фигура и фон могут меняться местами в пределах одного изображения. Например, когда вы рассматрива-

ете фотографию, то можете воспринимать в качестве фигуры изображенного на ней человека, тогда пейзаж окажется для вас фоном. Но вдруг вам скажут, что снимок был сделан в уникальном природном заповеднике, теперь пейзаж станет для вас фигурой, а образ человека как бы отойдет на задний план, трансформируется в фон. Знаменитый пример данного эффекта дал американский психолог Э. Боринг. Представленная на рис. 6 картина воспринимается то как профиль девушки, то как лицо старухи (поэтому картина и получила название «жена или теща»). Интересно, что в тот момент, когда воспринимается одно из конкурирующих изображений, другое совершенно ускользает от восприятия.

Схожий процесс, названный «*переструктурирование поля*», лежит, по мнению гештальтпсихологов, в основе решения интеллектуальных задач. Мгновенное переструктурирование поля (оно переживается как «Ага!»-реакция) ведет к усмотрению скрытого до этого решения задачи. Такое явление было названо *инсайтом* (от англ. insight — прониновение в суть).

Ряд представителей гештальтпсихологии считали, что феноменальное поле изоморфно (от греч. isos — одинаковый и morphe — форма) процессам, происходящим внутри мозгового субстрата. Причем мозговые процессы носят характер электрических взаимодействий.

В рамках гештальтпсихологии было получено много экспериментальных данных, которые остаются актуальными и по сей день. Важнейшим законом, полученным гештальтпсихологами, является *закон константности восприятия*, фиксирующий тот факт, что целостный образ не меняется при изменении его сенсорных элементов (вы видите мир стабильным, несмотря на то, что постоянно изменяется ваше положение в пространстве, освещенность и т.д.). Принцип целостного анализа психики сделал возможным научное познание сложнейших проблем душевной жизни, которые до этого считались недоступными экспериментальному исследованию.

2.2.3. Феномен бессознательного и психоанализ

Тот факт, что психическая жизнь человека разворачивается не только в плане сознания, был зафиксирован еще в монадологии Г. Лейбница. Однако именно в учении З. Фрейда (1856—1939) *феномен бессознательного* стал основным предметом психологического исследования. Фрейд создал динамическую концепцию психики человека, на формирование которой большое влияние оказала фи-

зическая картина мира, господствовавшая на рубеже XIX—XX вв. (учения об энергиях). Предполагалось, что главную роль в психической жизни человека играют не ощущения или формы восприятия, а мотивы, которые, преломляясь в аффектах, определяют психологический строй жизни личности.

Первое систематическое изложение теории Фрейда было принято в книге «Толкование сновидений» (1900). Материалом для исследования Фрейд избрал необычные проявления психики: *психопатологическиерасстройств, сновидения, повседневные ошибки*. Фрейд считал, что только через «сбои» в работе психики можно проникнуть в сферу бессознательного, которая и составляла область его интереса. Фрейд предложил трехкомпонентную модель психики, состоящую из «Оно», «Я» и «Сверх-Я». «Оно» — это сфера неосознаваемых влечений человека, которые представляют собой сочетание двух базовых психических «энергий»: *экспансивных* (Эрос) и *разрушительных* (Танатос). Эти две энергии, которые Фрейд иногда называет «инстинктом жизни» и «инстинктом смерти», стараются реализовать себя не взирая ни на какие внешние обстоятельства. «Сверх-Я» — это своеобразное отражение социального мира в психике человека. Содержание сферы «Сверх-Я» составляют моральные запреты, нормы социального общежития, религиозные установления. В то время как «Оно» рождается вместе с ребенком, «Сверх-Я» развивается постепенно путем воспитания. «Оно» эгоистично, «Сверх-Я» ориентировано на общество. «Оно» и «Сверх-Я» пребывают в постоянном напряженном конфликте, который отражает конфликт общества и индивида (чтобы жить в обществе, человеку приходится ограничивать себя во многих желаниях). Однако ни «Оно», ни «Сверх-Я» не могут проявить себя непосредственно. Свое объективное существование они получают через «Я» (примерно совпадающее с сознанием). «Я» ребенка слабо и вначале пытается жить по установлениям «Оно» (поэтому ребенок эгоистичен, капризен, зол), но со временем, постоянно наталкиваясь на противодействие взрослых, «Я» приобретает средства для адаптации в социальном мире, и начинает существовать по «принципу реальности». Основными орудиями этой адаптации являются «механизмы психологической защиты» (активно исследовались дочерью Фрейда Анной), с помощью которых происходит обуздание «Оно», направление его энергии «в мирное русло». «Я» находится под давлением как «Оно» (что проявляется в желаниях, вспышках агрессии, невротических симптомах), так и «Сверх-Я» (чувство вины, депрессия, тревога). По Фрейду, гармоничная личность та, которая максимально овладела умением сдерживать порывы «Оно» за счет усиления функции

сознания. Фрейд предложил свою концепцию развития личности (см. гл. 10) и описал проблемы, подстерегающие человека на каждом из этапов его становления.

Среди учеников Фрейда, преобразовавших его концепцию, выделяются А. Адлер (1870-1937) и К.Г. Юнг (1875-1961).

Адлер, в целом принимая структурную модель психики, разработанную З. Фрейдом, заменяет крайне абстрактные движущие силы личности Эрос и Танатос на более конкретные. Он предположил, что жизнь человека определяется борьбой двух основных потребностей: потребности *во власти и превосходстве* и потребностью *в привязанности и принадлежности к социальной группе*. Центральным для концепции Адлера стало понятие «компенсации». Маленький ребенок переживает свою неполноценность, ущербность по сравнению со старшими (отсюда термин «*комплекс неполноценности*»). Стремление преодолеть комплекс неполноценности запускает процесс развития человека. По мнению Адлера, именно стремление к сверхкомпенсации, возникающее в ответ на ярко выраженный дефект, приводит к выдающимся успехам (например, мальчик, которого все дразнят за субтильное телосложение, становится знаменитым спортсменом). Адлер придерживался мнения, что нормальный человек способен достичь баланса между стремлением к превосходству и стремлением к социальной привязанности. Таким образом, человек старается достичь первенства, но в тех областях, которые полезны обществу. Адлер вводит понятие «*стиль жизни*». Стиль жизни — это уникальный способ, которым индивид преодолевает свой комплекс неполноценности и достигает общности с людьми.

Юнг расширил саму модель психики Фрейда. Наряду с индивидуальным бессознательным он постулирует наличие *коллективного бессознательного*. В коллективном бессознательном в форме *архетипов* (от греч. archetipos — первообраз) фиксируется весь опыт человечества. Архетипы наследуются и являются универсальными для всех представителей человеческого рода. Архетипы проявляются в сновидениях, мифах, ритуалах и индивидуальном творчестве. Юнг выделил два вида психологической направленности личности: *интровертивную* (на внутренний мир) и *экстравертивную* (на внешний мир) и создал учение о восьми психологических типах. Психологические типы были выделены Юнгом на основе сочетания психологической направленности человека и преобладающей у него психической функции, например интровертивный мыслительный тип или экстравертивный интуитивный тип.

Психоаналитический подход в целом оказал огромное влияние на мироощущение XX в. Можно отметить, что психоанализ стал ми-

ровоззрением современности и проник во все сферы жизни. Для психологической науки, при всей мифологичности™ психоаналитических построений, ценной оказалась переориентация исследований на проблемы мотивации, эмоций и личности.

2.2.4. Бихевиоризм и проблема объективного проявления психики

Бихевиоризм (от англ. behavior — поведение) — это направление в психологии, которое отвергло как сознание, так и бессознательное в качестве предмета психологии. Истоки бихевиоризма следует искать в исследованиях психики животных. Понятно, что в случае с животным не приходится говорить о явлениях сознания и тем более об интроспекции как способе постижения реальности психического.

Бихевиоризм как самостоятельное научное течение опирается на работы Э. Торндайка (1874—1949), который, основываясь на изучении поведения кошек, сформулировал два основных «закона научения». *Закон упражнения* гласит, что, чем чаще повторяются действия, тем прочнее они закрепляются. *Закон эффекта* указывает на роль «наград» и «наказаний» в построении или разрушении различных форм поведения. При этом Торндайк считал, что «награды» оказываются более эффективными регуляторами поведения, чем «наказания».

Учение И.П. Павлова (1849-1936) об *условном рефлексе* (хотя его работы были переведены на английский язык только в конце 1920-х гг.) и теория *сочетательного рефлекса* В.М. Бехтерева (1857—1927) также оказали значительное влияние на формирование «психологии без сознания». Однако настоящим отцом бихевиоризма считается Дж. Уотсон (1878-1958), который в 1913 г. выступил с манифестом нового направления в психологии под названием «Психология глазами бихевиориста». Задачу психологии Уотсон видел в изучении *поведения* живых существ, адаптирующихся в физической и социальной среде. Цель психологии — в создании средств для контроля над поведением. Основным механизмом поведения является *связь между стимулом и реакцией* (знаменитое S → R). То, что психологи прежде называли «сознанием», также является поведением, только внутренним, и происходит из поведения внешнего. Внутреннее поведение отличается от внешнего поведения лишь тем, что в этом случае реакции столь слабы, что не могут быть замечены наблюдателем (например, мышление — это речь минус звук).

В центр интересов Дж. Уотсона сразу стала педагогика. Он полагал, что правильное воспитание, т.е. выработка полезных сочетаний стимулов и реакций, может направить формирование ребенка по любому строго определенному пути. В историю вошло экспериментальное исследование Уотсона по формированию чувства страха на нейтральные или даже приятные объекты. Испытуемым в данном эксперименте стал сын одной из сотрудниц Уотсона — маленький Альберт. Уотсон сочетал демонстрацию ребенку пушистого белого кролика и резкий звук. В результате ребенок начал реагировать плачем не только на самого кролика, но и на все похожие предметы (это явление получило название «генерализации»). Таким образом, Уотсон пытался показать, что нерациональное поведение (например, алкоголизм, курение, антисоциальные поступки) имеют в своей основе «неправильные» замыкания стимулов и реакций, закрепившиеся в детстве.

Последователи Уотсона значительно смягчили безапелляционный характер его концепции. Например, Э. Газри (1886—1959) ввел вероятностный принцип в описание соотношения стимула и реакции. Б. Скиннер (1904—1990) разделил *классический (пассивный) рефлекс* И.П. Павлова и *оперантное научение*, в котором субъект проявляет активность в поиске подкрепления своего поведения. Подкрепление — необходимое следствие действия, которое выполняет живое существо. К оперантному научению Скиннер относит все формы психической жизни человека: восприятие, внимание, мышление. Например, восприятие, с его точки зрения, есть особое поведение, которое заключается в рассматривании, слушании, ощупывании. Подкреплением такого поведения является усиление действия воспринимаемого объекта на организм. Скиннер ввел понятие «*символического подкрепления*» и описывал социум как систему символических подкреплений.

В начале 1930-х гг. появились первые попытки расширить предмет бихевиоральной психологии за счет учета в исследовании не наблюдаемых прямо явлений (*небихевиоризм*). Э. Толмен (1886—1959) пришел к выводу о необходимости введения понятия «*промежуточных переменных*». В качестве промежуточных переменных Толмен предложил рассматривать намерения, ожидания и знания. Таким образом, поведение в целом трактовалось Толменом как функция стимулов окружающей среды, промежуточных переменных (намерений, ожиданий, знаний — прошлого опыта, зафиксированного в системе сложившихся реакций), наследственности и возраста. Только рассматривая все эти факторы в совокупности, по мнению Толмена, можно адекватно описать поведение.

Толмен также ввел понятие «когнитивной карты», которая представляет собой целостные структуры представления мира. Наличие «когнитивных карт» было показано на примере поведения животных. Крыса, изучив устройство лабиринта, бежит к месту, где расположено корм вне зависимости от того, из какой точки начинается движение. Другими словами, она ориентируется не на последовательность движений, которые однажды привели ее к успеху (например, направо — налево — направо — налево), а использует целостное представление об устройстве лабиринта. Таким образом, дополнения Толмена значительно усложнили бихевиоризм и позволили его представителям анализировать более широкий круг явлений.

В настоящее время модификации бихевиоризма широко распространены в американской психологии и представлены прежде всего теорией социального научения А. Бандуры (род. 1925) и Д. Роттера (род. 1916).

2.2.5. Психика, преобразованная культурой. Культурно-исторический подход в психологии

Понимание социальной обусловленности психики человека предполагает принципиально иной подход к психологическому исследованию. Впервые вопрос о социальности, как системообразующем факторе психики был поставлен французской социологической школой. Основатель данной школы Э. Дюркгейм (1858—1917) с помощью термина «социальный факт» или «коллективное представление» иллюстрировал, например, такие понятия, как «брак», «детство», «самоубийство». Социальные факты отличны от своих индивидуальных воплощений (нет «семьи» вообще, но существует бесконечное количество конкретных семей) и носят идеальный характер, который оказывает воздействие на всех членов общества.

Л. Леви-Брюль (1857—1939), используя этнографический материал, развил тезис об особом типе «первобытного» мышления, которое отлично от мышления цивилизованного человека. Причину этих отличий он искал не во врожденных умственных дефектах представителей некоторых народов, а в определяющей роли коллективных представлений, бытующих в том или ином сообществе людей. П. Жане (1859—1947) еще более углубил принцип социальной детерминации, предположив, что внешние отношения между людьми постепенно превращаются в особенности строения индивидуальной психики. Так, им было показано, что феномен памяти заключается в присвоении внешних действий выполнения поручения и пересказа (см. гл. 8).

Наиболее полно принцип культурно-исторической детерминации психики был раскрыт в работах Л.С. Выготского (1899—1934), разработавшего учение о высших психических функциях. Л.С. Выготский предположил существование двух линий развития психики: *натуральной* и *культурно опосредствованной*. В соответствии с этими двумя линиями развития выделяются «низшие» и «высшие» психические функции.

Примерами низших, или естественных, психических функций могут служить произвольная память или произвольное внимание ребенка. Ребенок не может ими управлять: он обращает внимание на то, что ярко, неожиданно; запоминает то, что случайно запомнилось. Низшие психические функции — это своего рода зачатки, из которых в процессе воспитания вырастают высшие психические функции (в данном примере — произвольное внимание и произвольная память). Превращение низших психических функций в высшие происходит через овладение особыми орудиями психики — знаками и носит культурный характер. «Культурное развитие заключается в усвоении таких приемов поведения, которые основываются на использовании знаков в качестве средств для осуществления той или иной психологической операции, в овладении такими вспомогательными средствами поведения, которые человечество создало в процессе его исторического развития и какими являются язык, письмо, система счисления и др.», — пишет Л.С. Выготский. Роль знаковых систем в становлении и функционировании психики человека, безусловно, принципиально — оно определяет качественно новый этап и качественно иную форму существования психики (условия ее возникновения, способы детерминации и организации). Представьте себе, что дикарю, не владеющему счетом, надо запомнить стадо коров на лугу. Как ему придется справляться с этой задачей? Ему необходимо создать точный зрительный образ того, что он увидел, и потом

Рис. 7. Л.С. Выготский

попытаться воскресить его перед глазами («Вижу белую корову с пятнами, потом пеструю» и т.д.). Скорее всего, он потерпит неудачу, пропустит что-нибудь. Вам же нужно будет просто сосчитать коров и впоследствии сказать: «Я видел семь коров». Задача выполнена!

Как же ребенок осваивает эти знаковые системы? Многие факты свидетельствуют, что это овладение не происходит само собой (феномен Маугли в науке полностью противоположен литературной версии, созданной Р. Киплингем!). Здесь и проявляется роль взрослого. Взрослый, общаясь с ребенком и обучая его, сначала сам «овладевает» его психикой. Например, взрослый показывает ему что-то, по его мнению, интересное, и ребенок по воле взрослого обращает внимание на тот или иной предмет. Потом ребенок начинает сам регулировать свои психические функции с помощью тех средств, которые раньше применял к нему взрослый. Так, даже будучи взрослыми и уже культурными людьми, мы, устав, можем сказать сами себе: «Ну-ка, посмотри сюда!» и действительно «овладеваем» своим ускользящим вниманием или активизируем процессы воображения. Перипетии важного для нас разговора мы создаем и анализируем заранее, как бы проигрывая в речевом плане (внешнем или внутреннем) акты своего мышления. Затем происходит так называемое *вращивание*, или *«инттериоризация»* (от лат. interior — внутренний) — превращение внешнего средства во внутреннее. В результате из непосредственных, натуральных, произвольных психические функции становятся опосредствованными знаковыми системами, социальными и произвольными.

Культурно-исторический подход в психологии продолжает плодотворно развиваться и сейчас, как в нашей стране, так и за рубежом. Особенно эффективным этот подход оказался при решении проблем педагогики и дефектологии.

2.2.6. Деятельностный подход в психологии.

Виды и структура деятельности

Пафос деятельностного подхода к психике, который создавался в Советской России с начала 1920-х гг. может быть кратко суммирован в виде выдержки из работы одного из основателей данного подхода С.Л. Рубинштейна (1889—1960): «Субъект в своих деяниях не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется. Тем, что он делает, можно определять то, что он есть; направлением его деятельности можно определять и формировать его самого».

Рубинштейн сформулировал принцип *единства сознания и деятельности*, который фиксирует тот факт, что сознание (или шире — психическое) не управляет деятельностью извне, а составляет с ней органическое единство, будучи как предпосылкой (мотивы, цели), так и результатом (образы, состояния, навыки и т.д.) деятельности. Принцип единства сознания и деятельности позволил выделить деятельность, как, с одной стороны, *самостоятельный предмет психологического исследования* (познавая деятельность, мы открываем психический мир человека), а с другой — *как объяснительный принцип*. Деятельность в отличие от реакции — это процесс активного отношения человека к действительности, поэтому проблематика деятельностного подхода включает в себя и проблему личности.

В деятельностном подходе впервые был поставлен вопрос о происхождении психики в животном мире. Для объяснения того, как и почему возникла психика в филогенезе, А.Н. Леонтьев (1903—1979) расширил принцип единства сознания и деятельности, выдвинув принцип *единства психики* (в ее различных формах) и *деятельности* (см. гл. 3). Деятельность описывается как состоящая из трех структурных единиц: деятельности -- действия — операции. Деятельность определяется *мотивом*, действие — *целью*, а операция — конкретными *условиями* ее протекания. Например, учебная деятельность, которую осуществляет студент, может направляться мотивом подготовки к профессиональному труду или мотивом приобщения к интеллектуальной элите, или мотивом общения со сверстниками, или мотивом самосовершенствования и т.д. В реальности каждой деятельности обычно соответствуют несколько мотивов (не или/или, а и/и), поэтому говорят о полимотивированности деятельности. На уровне действия в рамках учебной деятельности студент может готовиться к экзамену, т.е. реализовывать конкретную осознанную цель — получить высокую отметку. *Цель представляет собой образ потребного будущего*, для достижения которого требуется осуществить действие, в свою очередь заключающее

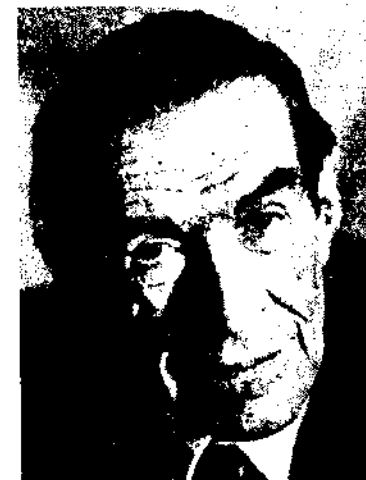

Рис. 8. А.Н. Леонтьев

в себе ряд операций. Операцией в рамках действия подготовки к экзамену может быть чтение учебника, просматривание конспектов, употребление кофе, чтобы не заснуть, и т.д. Понятно, что способ, которым выполняются операции, определяется условиями — есть ли нужная книга в домашней библиотеке, какое сейчас время суток, закипел ли чайник на плите и т.д. Структурные единицы деятельности подвижны. Так, то, что еще вчера было действием, сегодня может перерасти в самостоятельную деятельность. Например, если сейчас вы читаете учебник только для того, чтобы завтра ответить преподавателю, то впоследствии можете так увлечься, что перечитаете всю доступную психологическую литературу. Она станет вам интересна сама по себе вне связи с вашей учебной деятельностью. Такое явление А.Н. Леонтьев назвал «*сдвигом мотива на цель*». Деятельность можно различать *по направленности*: на объект внешнего мира, на другого человека и на самого себя. Деятельность также различают *по предмету*, например: игровая деятельность, учебная деятельность, трудовая деятельность и т.д. Д.Б. Эльконин ввел понятие «*ведущей деятельности*», т.е. деятельности, которая соответствует наиболее значимому мотиву в тот или иной возрастной период или в той или иной личностно значимой ситуации (см. гл. 10).

2.2.7. Гуманистическая психология

В 1960-х гг. в. сформировалось новое течение психологической мысли, ориентированное на описание психологически здоровых, зрелых, творчески активных представителей человечества, которых отличает непрерывное развитие и активное отношение к миру. Основные принципы этого направления, получившего название «*гуманистической психологии*», заключались в: 1) убежденности в целостном характере природы человека (в этом они противостояли стремлению представить человека как результирующую разнонаправленных сил, свойственному и бихевиоризму, и психоанализу); 2) подчеркивании роли сознательного опыта (в этом заключался пункт основной полемики с господствовавшими в то время направлениями) и 3) априорном признании свободы воли, спонтанности, ответственности (принцип *активности и самодетерминации*) и творческой силы человека. Гуманистические психологи отрицали наличие значительного конфликта человека и общества и утверждали, что именно социальные успехи характеризуют полноту человеческой жизни. Ярчайшим выразителем идей гуманистической психологии стал А. Маслоу (1908—1970). Маслоу сконцентрировал свое внимание на описании и изучении людей, достигших, по его мнению, наивысших достижений, адек-

ватных природе человека. Этих людей он назвал «самоактуализирующимися личностями». *Самоактуализация — это «полное использование и раскрытие талантов и способностей человека»*. Маслоу предположил, что в каждом человеке заложена потребность в самоактуализации, которая, как правило, начинает функционировать тогда, когда удовлетворены все потребности более низкого порядка (см. раздел 4.3). При самоактуализации личность испытывает особый класс эмоциональных состояний — *высшие переживания* (реак-рецигенция), за которыми стоит реализация *бытийных ценностей* (красота, истина, справедливость, добро и т.д.).

Другим признанным представителем гуманистической психологии был К. Роджерс (1902—1987) — автор концепции «*психотерапии, центрированной на клиенте*». Роджерс также разделял позицию Маслоу о присущей каждому потребности в самоактуализации, считая, что основной причиной неврозов является расхождение между тем, кем себя считает человек, и тем, каким он хочет быть. Суть метода Роджерса направлена на то, чтобы, во-первых, сформировать у человека новый, более адекватный образ самого себя и, во-вторых, сделать более реальным, соответствующим возможностям человека представление о его идеале. Роджерс предлагал наполнить понятие «*психического здоровья*» позитивным содержанием. Другими словами, *психическое здоровье — это не отсутствие болезни, а позитивный способ жизни, который характеризуется открытостью новому опыту, стремлением к полноте жизни, доверием к своим чувствам и высокой творческой активностью*.

Несколько иначе выступает сущность личности в концепции В. Франкла (1905—1997), назвавшего свой подход *логотерапией* (от греч. *logos* — смысл). Франкл считает основной движущей силой личности не потребность раскрыть себя (самоактуализироваться), а потребность выйти за пределы своей ограниченности, «*самотрансцендироваться*» (от лат. *transcendens* — выходящий за пределы). Это стремление человека может быть названо *волей к смыслу*. Франкл уделяет особое внимание ситуации смыслаутраты («*экзистенциального вакуума*») и поиску смысла в безнадежных ситуациях (сам во время Второй мировой войны был узником Освенцима). Франкл приходит к выводу о том, что «страдание имеет смысл, если оно изменяет к лучшему тебя самого».

Заслуга гуманистической психологии заключается в том, что она поставила на первый план изучение важнейших проблем личностного бытия и развития, задала психологической науке новые достойные образы как самого человека, так и сущности человеческой жизни. Гуманистически ориентированная психотерапия дерзнула

взяться за такие проблемы в жизни реального человека и обратиться к таким аспектам его переживаний, которые не поднимались традиционным психоанализом или бихевиоральной терапией.

2.2.8. Когнитивная психология

Бихевиоризм пытался реализовать идеал позитивной науки, изгоняя из своей проблематики внутреннюю составляющую поведения человека, презрительно именуя ее «промежуточной переменной». Не стоит поэтому удивляться, что появилась группа ученых, которые желали сохранить строгость экспериментальных процедур и при этом проникнуть в суть внутренней жизни человека. Эти авторы сконцентрировались прежде всего на познавательной активности человека. Отсюда название — «*когнитивная психология*»- (от лат. *cognitio* — познание). Надо отметить, что и до возникновения этого направления проводились исследования когнитивных структур. Ж. Пиаже (1896—1980), например, разработал детальную концепцию развития и смены психологических схем познания в различных возрастах. На становление когнитивной психологии оказало влияние и развитие компьютерных наук, в недрах которых родилось понятие «*искусственного интеллекта*», сравнивающего деятельность мозга человека и переработку информации компьютерными программами.

Основателями когнитивной психологии считаются Д. Миллер (род. 1920), Д. Брунер (род. 1915) и У. Найссер (род. 1928). Когнитивные психологи работают над созданием моделей различных функций психики человека (ощущений, восприятия, воображения, памяти, мышления, речи). *Модели познавательных процессов* позволяют по-новому взглянуть на сущность психической жизни человека. «Когнитивная, или иначе познавательная, активность — это активность, связанная с приобретением, организацией и использованием знания. Такая активность характерна для всех живых существ, и в особенности для человека. По этой причине исследование познавательной активности составляет часть психологии», — пишет У. Найссер в своей фундаментальной работе «Познание и реальность» (1976). Исследования когнитивных психологов охватывают как сознательные, так и бессознательные процессы психики, при этом и те и другие трактуются как различные способы переработки информации.

Когнитивный подход имеет в своей основе ряд аксиоматических предпосылок (Хабер, 1964). Во-первых, это *представление о поэтапной переработке информации*, т.е. о том, что стимулы внешнего мира проходят внутри психики через ряд последовательных

преобразований. Во-вторых, это *допущение об ограниченной емкости системы переработки информации*. Именно ограниченность способности человека осваивать новую информацию и преобразовывать уже существующую заставляет искать наиболее эффективные и адекватные способы работы с ней. Эти стратегии (в гораздо большей степени, чем соответствующие им мозговые структуры) моделируют когнитивные психологи. И, в-третьих, вводится *постулат о кодировании информации* в психике. Данный постулат фиксирует предположение о том, что физический мир отражается в психике в особой форме, которую нельзя свести к свойствам стимуляции (см. гл. 8).

Вариантом когнитивной теории, завоевывающим все большую популярность в последние годы, является *теория уровней переработки информации* (Ф. Крейк, Р. Локхард, 1972). В настоящее время когнитивная психология все еще находится в стадии становления, но уже стала одним из самых влиятельных направлений мировой психологической мысли.

Современное состояние психологической науки может быть охарактеризовано как сосуществование различных исследовательских парадигм, по-своему открывающих предмет психологии (табл. 6).

Таблица 6

Психология как конгломерат различных представлений о своем предмете

Направления психологии	Предмет	Основные представители
Психология сознания	Осознаваемые явления (ощущения, представления, чувствования, идеи) и акты	В. Вундт, Ф. Brentano, Э.Б. Титченер, В. Джеймс
Психоанализ Бихевиоризм	Неосознаваемые процессы Поведение	З. Фрейд, А. Адлер, К.Г. Юнг Э.Л. Торндайк, И.П. Павлов, Дж.Б. Уотсон, Э.Ч. Толмен, Б. Скиннер, А. Бандура
Гештальт-психология	Феноменальное поле	В. Келер, М. Вертгеймер, К. Коффка, К. Левин
Культурно-историческая психология	Психика, преобразованная культурой	Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль, П. Жане, Л.С. Выготский
Деятельностный подход	Субъект, включенный в деятельность	А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн
Гуманистическая психология	Модель идеальной личности	А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл
Когнитивная психология	Модели познавательных процессов	Дж. Миллер, Дж. Брунер, У. Найссер

(?) КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие проблемы, поставленные мыслителями античности, на ваш взгляд, не потеряли своего значения для современной психологии?
2. Что такое психофизическая проблема и какова суть ее решения в духе взаимодействия (Декарт), параллелизма (Гоббс, Лейбниц), единства (Спиноза)?
3. Что, по вашему мнению, объединяет теории столь различных авторов, как З. Фрейд, А. Адлер и К.Г. Юнг, в общее направление «психоанализ»?
4. Почему возникла «поведенческая психология» (бихевиоризм) и каковы основные положения этого направления?
5. Почему гуманистическую психологию назвали «третьей силой» в психологии XX в.?
6. В чем заключаются основные задачи когнитивной психологии?

ф ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Какое название получил феномен, заключающийся в том, что при последовательном освещении двух расположенных под углом друг к другу прорезей на диске с интервалом около 60 мс создается иллюзия движения?
А. Пси-феномен.
Б. Фи-феномен.
В. Би-феномен.
2. За счет чего, по мнению Дж. Уотсона, у человека формируются явно вредные формы поведения, например алкоголизм и курение?
А. За счет создания ошибочных с точки зрения адаптации условно-рефлекторных связей.
Б. За счет слишком жесткого воспитания.
В. За счет наследственной предрасположенности.
3. Как называется в концепции Л.С. Выготского процесс превращения внешнего разделенного действия во внутреннюю психологическую функцию?
А. Интеграция.
Б. Индивидуализация.
В. Интериоризация.
4. Как А.Н. Леонтьев назвал феномен, заключающийся в том, что действие, существующее в рамках определенной деятельности, становится самостоятельной деятельностью?
А. Сдвиг мотива на цель.
Б. Автономизация.
В. Автоматизация.
5. Кто из представителей гуманистической психологии предложил видение человека как существа, основной движущей силой которого является стремление к осмысленной жизни?
А. Маслоу А.

Б. Роджерс К.

В. Франкл В.

6. Каково одно из допущений, лежащее в основе когнитивной психологии?

А. Допущение о преобладании познавательной мотивации в жизни человека.

Б. Допущение об ограниченных возможностях системы переработки информации у человека.

В. Допущение о познаваемости мира.

Ш ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. *Ждан А.Л.* История психологии от античности до наших дней. М., 1990.
2. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История и теория психологии. Т.1, Ростов-на-Дону, 1996.
3. *Соколова Е.Е.* Тринадцать диалогов о психологии. М., 2002.
4. *Шульц Д., Шульц С.* История современной психологии. С.-Пб., 1998.

Дополнительная

1. *Аврелий Марк.* «К себе самому». М. Алтея - Новый Акрополь, 1998.
2. *Рассел Б.* История западной философии. Новосибирск, 1999.
3. *Степанов С.* Психология в лицах. М., 2001.
4. *Фрагменты ранних греческих философов / Под ред. А.В. Лебедева.* М., 1989.
5. *Ярошевский М.Г. Анциферова Л.И.* Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М., 1974.

Глава 3

ПСИХИКА И ОРГАНИЗМ

Рост жизни не в одном развитии мышц,
По мере роста тела, в нем, как в храме,
Растет служенье духа и ума.

В. Шекспир. «Гамлет»

3.1. Возникновение и развитие психики в филогенезе

Когда возникает психика? Есть ли «душа» у растений? С чем связано важнейшее для существования человеческого рода событие — пробуждение сознания? Казалось бы, обсуждая проблемы такого рода, мы вступаем в область философского знания. Действительно, большинство направлений современной западной психологии избегают дискуссий о возникновении психики в филогенезе, принимая ее существование как данность.

Можно указать четыре традиционных позиции, которые характеризуют «момент» перехода от непсихической формы отражения к психической. Первая позиция — это *панпсихизм*. Учение о панпсихизме, т.е. всеобщей одухотворенности природы, разделяли многие мыслители, например греки Гераклит и Анаксагор. На заре становления психологии как самостоятельной науки эту точку зрения отстаивал и создатель психофизики Фехнер. Другой, более мягкой, позицией в данном вопросе является позиция *биопсихизма*, которая признает психику свойством не всякой, а только живой материи. Среди представителей биопсихизма можно назвать В. Вундта. Третьей позицией является *нейропсихизм*, который признает наличие психики лишь у организмов, обладающих нервной системой. В данном случае психика однозначно связывается с нервным субстратом. Сторонником нейропсихизма был, например, Ч. Дарвин. И, наконец, максимально узкое решение вопроса предлагает *антропоспсихизм*, который связывает возникновение психики с появлением че-

ловека. Очевидно, что с точки зрения антропоспсихизма психики лишены не только растения, но и животные. Выдающимся мыслителем, который считал душу прерогативой человека, был Р. Декарт.

Однако ни одна из перечисленных выше точек зрения не может быть признана удовлетворительной на современном этапе развития психологии, так как не объясняет причин возникновения психики.

В рамках деятельностного подхода, развиваемого российской психологией и опирающегося на диалектическую философскую традицию, сформировалось убеждение о необходимости установления «точки отсчета», с которой ведет свою историю предмет психологии. А сама психика рассматривается как исторический феномен. «Психика, психические явления не существуют как нечто изначально данное. Они имеют историю своего возникновения, историю своего развития, в ходе которого приобретают те формы, которые мы знаем сейчас», — пишет А.Н. Леонтьев.

Предлагаемый А.Н. Леонтьевым критерий психики не является структурным (например, наличие нервной системы), а является функциональным (организм должен быть способен справиться с задачей, для решения которой необходима психика). На первый взгляд, выглядит парадоксальным тот факт, что отечественная традиция, безусловно, признавая психику атрибутом живой материи, не считает необходимой для реализации простейших форм психического нервную систему. Другими словами, психика существует в мире живой природы не только до появления человека, но и до появления в ходе эволюции нервной системы и мозга.

Отечественная психология усматривает главный «двигатель» становления психики в особенностях жизнедеятельности живых существ: психическая функция зарождается на имеющемся морфологическом субстрате для обеспечения решения новых жизненных задач, а затем, усложняясь, формирует новые органы. Очевидно, что наиболее совершенным органом, обеспечивающим функционирование психики, является мозг человека.

А.Н. Северцов различает два способа приспособления организмов к среде. Первый способ заключается в постепенном изменении строения и функционирования органов. Например, в ходе эволюции плавники рыб приспособляются к передвижению по суше, и из них образуются лапы. Второй способ заключается в изменении поведения. Причем одни формы поведения приобретаются медленно, из поколения в поколение (инстинктивное поведение), а другие — стремительно, в течение жизни животного (индивидуальное научение). Именно второй способ адаптации к среде связан с необходимостью существования психики.

По мнению П.Я. Гальперина, необходимость в психике возникает при освоении изменчивой среды обитания, где биологически значимые объекты разнообразны, а конкретная реакция должна быть подогнана к особенностям объекта и ситуации. Надо отметить, что многие, на наш взгляд, удивительно сложные реакции организмов не предполагают участия психических процессов.

3.1.1. Проблема объективного критерия возникновения психики. Раздражимость и чувствительность

Казалось бы, проще всего узнать о наличии психики, обратившись с вопросом к ее носителю. Однако, как мы увидим далее, данные самонаблюдения могут помочь нам обнаружить те или иные психические явления только в том случае, когда мы говорим о высших формах психики: сознании и самосознании. Если же мы хотим знать о психике в целом, то, по словам Гегеля: «У животных есть душа, но душа эта не открывает им самое себя». То есть, во-первых, мы не можем спросить у животного, какое психическое состояние оно испытывает. Во-вторых, несмотря на то, что психика животных успешно выполняет функцию их ориентировки в мире, она настолько отлична от нашей, что даже если бы животные вдруг «заговорили», мы бы не смогли понять, что и как они переживают. На дочеловеческой стадии развития психики нет оснований говорить о «внутренней картине мира», которую мы привычно представляем себе, рассуждая о психике и душе. В связи с этим встает проблема поиска объективного, внешнего критерия наличия психики как таковой, а не только психики человека.

По А.Н. Леонтьеву, граница между миром психического и миром непсихического проходит между двумя типами реагирования организма: раздражимостью и чувствительностью. *Раздражимость* — это способность организма реагировать на биологически значимые воздействия. Раздражимость представляет собой фундаментальное свойство живой материи, так как вписывает живые существа в контекст необходимых для их выживания стимулов (если бы животные не поглощали пищу и не предпринимали попыток покинуть непосредственно угрожающую их жизни среду, они бы просто вымерли). Например, подсолнух двигается вслед за солнцем, поглощая, таким образом, максимальное количество солнечной энергии, необходимой для успешного протекания процесса фотосинтеза (такие движения называют *тропизмами*). Однако, по Леонтьеву, подсолнух не обладает психикой, так как он может реагировать исключительно на раздра-

жители (в данном случае свет), которые удовлетворяют его биологическую потребность в энергии света. Класс раздражителей, которые напрямую удовлетворяют биологическую потребность, называют *биотическими*. Однако подсолнух не может научиться реагировать на другой класс раздражителей, которые сами по себе не удовлетворяют потребности, но сигнализируют о биологически значимых объектах. Даже если вы тысячи раз будете сочетать освещение цветка с определенным звуком, вам не удастся «научить» его заранее поворачиваться в сторону звука, за которым последует освещение.

В качестве объективного критерия возникновения психики А.Н. Леонтьев выдвинул *способность организма реагировать на биологически нейтральные (абиотические) воздействия*. Эта способность открывает организму дорогу к приобретению тех способов действия, которые не были запрограммированы генетически, т.е. к прижизненному научению. Эта способность, в отличие от раздражимости, была названа *чувствительностью*. Таким образом, психика возникает тогда, когда появляется минимальная возможность научения.

Реакция на нейтральные воздействия формируется в связи с тем, что они находятся в устойчивой связи с биологически значимыми воздействиями и являются их сигналами. Здесь важна именно характеристика устойчивости связи между биотическими и абиотическими раздражителями. Каждый объект реальности обладает целым «веером» свойств, часть из которых полезна (или вредна) для организма, а часть — нейтральна. Обладающий чувствительностью организм получает преимущество в ориентировке в окружающей среде. Он может реагировать на биотический стимул не только, когда «он уже здесь», но и предсказывать его появление. Так, сигналом пищи может быть шорох, форма, цвет и размер объекта и т.д. Сигналом повышения температуры — свет, сигналом опасности — запах. Другими словами, обретение психики, понятой как чувствительность, дает возможность действовать, опираясь не на одно, а на множество параметров мира, что, конечно, существенно обогащает функционирование организма. Только с появлением чувствительности оформляется поведение в собственном смысле этого слова. Поведение, таким образом, также связывается с простейшей формой научения.

Гипотеза А.Н. Леонтьева о *чувствительности как объективном критерии наличия психики* позволяет снять методологическую проблему, описанную нами в начале этого параграфа. Объективный критерий психики дает ключ к локализации момента появления психики на линии эволюции.

Однако психика даже в своих самых ранних формах должна характеризоваться не только объективно, но и иметь субъективную представленность. По А.Н. Леонтьеву, субъективным критерием психики является *ощущение*. В отличие от А.Н. Леонтьева С.Л. Рубинштейн считал первичной субъективной формой психического *эмоцию*. Развивая свою теорию, А.Н. Леонтьев снял данное противоречие, предположив, что на начальных ступенях эволюции психики ощущение и эмоция составляют единое неделимое целое. «Первоначальные формы чувствительности, в отличие от того, что мы имеем в виду под ощущениями в обыденной жизни, не отделены от «чувствований» и «аффектов»... Там нет деления на состояния, вызываемые объектом, которые мы называем «чувствованиями» и «воспринимаемыми» свойствами этого объекта. В первоначальной форме чувствительность в смысле «ощущения» и чувствительность в смысле «чувствования» слиты друг с другом. В широком смысле «чувственное» означает эмоционально-сенсорное, эмоционально окрашенное сенсорное отражение», — суммирует А.Н. Леонтьев результат компромисса с точкой зрения С.Л. Рубинштейна.

3.1.2. Этапы развития психики в филогенезе: элементарная сенсорная психика, перцептивная психика, интеллект

Следуя логике излагаемого подхода, примитивные формы психики можно обнаружить даже у мельчайших одноклеточных животных. Уже ресничные инфузории демонстрируют способность к пластичности поведения, проявляющейся в форме привыкания. Так, инфузории в естественных условиях безразличны к фактору освещенности. Когда этих одноклеточных животных помещали в емкость с водой, половина которой была затемнена, а половина освещена, и фиксировали время их пребывания в разных областях, показатели были примерно равными: инфузории с равной вероятностью проводили время как в затемненной, так и в освещенной частях сосуда (свет — абиотическое воздействие). С другой стороны, температура воды является для инфузурий значимым биотическим воздействием. Они активно перемещаются в ту часть водной среды, которая характеризуется оптимальными температурными показателями (теплота — биотическое воздействие). Исследователи многократно сочетали засвечивание определенного участка капли воды с оптимальной температурой. Спустя некоторое время температурный фактор убирался: сосуд опять был поделен на темную и светлую области одинаковой температуры. Оказалось, что инфузории про-

водят в 4,5 раза больше времени в освещенной части сосуда! Они «научились» связывать свет и температуру, т.е. проявили себя как существа, обладающие психикой!

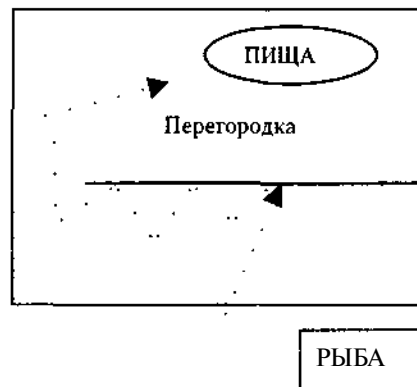
Первичная, наиболее примитивная стадия психики, которая свойственна огромному количеству видов живых существ от простейших насекомых до некоторых позвоночных, получила название элементарной сенсорной психики. *Элементарная сенсорная психика* характеризуется тем, что животное реагирует на отдельные изолированные абиотические свойства объектов. На данной стадии активность животного носит целостный нерасчлененный характер, его поведение представляет собой однофазный акт, протекающий от возникновения ощущения к результату. Способность к обучению минимальна и в основном выражается в привыкании.

Известный отечественный зоопсихолог К.Э. Фабри выделяет низший и высший подуровни элементарной сенсорной психики. При переходе на более высокий подуровень наблюдается усложнение поведения и развитие поисковой активности. Более того, именно на стадии возникновения высшего уровня элементарной сенсорной психики наблюдается своеобразный «прорыв» в развитии нервной системы — она дифференцируется, появляются ее разнообразные формы: сетчатая, кольцевая, радиальная. Рыбы, рептилии, земноводные обладают наиболее филогенетически древними структурами головного мозга.

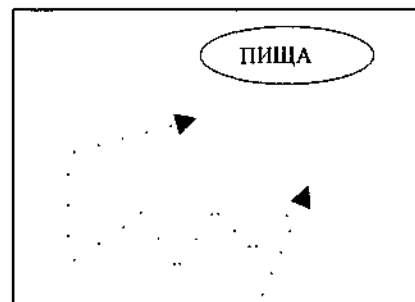
Типичными носителями элементарной сенсорной психики являются насекомые. Ярким примером проявления элементарной сенсорной психики является пищевое поведение паука, для которого значимым абиотическим свойством пищи служит вибрация паутины. Хорошо известно, что стоит обездвижить муху и осторожно поместить ее на паутину, как она теряет пищевую ценность для паука. Как было замечено М. Холзапфелом (М. Holzapfel, 1935), голодный паук будто бы «не замечает» аппетитную жертву и может погибнуть от голода, находясь в непосредственной близости от пищи.

В том, что для носителей элементарной сенсорной психики абиотическое свойство субъективно выступает в неразрывной целостности с биотическим, убеждает эксперимент, проведенный на американских сомиках (А.В. Запорожец, И.Г. Диманштейн, 1939). Аквариум разделялся проницаемой для запаха перегородкой. В перегородке находилось отверстие, а пища помещалась в противоположной стороне аквариума. Сначала рыбы устремлялись непосредственно на запах пищи и, естественно, наткнулись на перегородку

ку. Тогда они немного изменяли траекторию движения и повторяли попытки до тех пор, пока случайно не находили верный путь к пище. После этого перегородку убрали. Как вы думаете, менялось ли поведение рыб? Ничего подобного! Они продолжали добираться до пищи по окружному пути, хотя могли без всяких препятствий достичь ее напрямую (рис. 9). Такого парадоксального поведения нельзя обнаружить у более высоко организованных животных, находящихся на высших стадиях развития психики. Полученные факты подтверждают, что для сомиков «путь» к пище субъективно являлся как бы частью пищи, ее устойчивым свойством, которое они обнаружили при проведении опыта.

РЫБА

РЫБА

Рис. 9, а. Траектория движения рыбы при выработке реакции обходного маневра

Рис. 9, б. Траектория движения рыбы после того, как перегородка убрана

Важно отметить, что на элементарной сенсорной стадии развития психики воздействия должны носить последовательный характер (проще говоря, один объект — одно свойство). Разнообразие свойств объекта, которое облегчает ориентировку на более высоких стадиях развития психики, лишь «путает» животное.

Иллюстрацией может служить дальнейшее исследование поведения рыб. В серии экспериментов, подобных описанным выше, рыбы научились реагировать на положение отверстия в прозрачной перегородке, которое служило «дверью» в контейнере с пищей. После многочисленных проб, когда рыбы усваивали, где именно находится отверстие, его дополнительно помечали черной рамкой. Казалось бы, подобные действия должны были повысить эффектив-

ность нахождения пищи, ведь теперь рыбы не только «помнили» место, где находилось отверстие, но и видели метку. На самом деле все происходило по-другому. Время достижения пищи не только не сократилось, оно увеличилось в четыре раза! Рыбам пришлось устанавливать совершенно новую связь «метка — пища» вместо «положение отверстия — пища», причем две эти реакции вступали в конфликт друг с другом.

Вернемся к настойчивым сомикам, которые предпочитают двигаться к своей цели обходным путем. Большинство млекопитающих повели бы себя в аналогичной обстановке по-другому. Они бы бросились к пище, не обращая внимания на выработанную реакцию. В чем же заключается суть изменений их психики, которые позволяют им легко решать задачу, непосильную для рыб и насекомых? Дело в том, что они достигли более высокой стадии развития психики, получившей название перцептивной.

Перцептивная психика характеризуется способностью реагировать не на изолированные свойства объектов, а на целостные предметы. Действительность воспринимается в форме образов вещей. Например, в одном из исследований на глазах у кролика в ящик помещался кочан капусты. Экспериментатор незаметно заменял в ящике капусту на морковь. Затем кролику позволяли залезть в ящик и съесть находящийся там предмет. Несмотря на то, что в естественной ситуации морковь является таким же привлекательным пищевым стимулом, как и капуста, кролик всем своим видом демонстрировал «удивление» и продолжал поисковую активность. Другими словами, кролик «ожидал» найти капусту, а не пищу «вообще», т.е. воспринимал пищу «предметно».

Объект для носителей перцептивной психики выступает отдельно от условий, в которых он дан восприятию. В образе предмета интегрируются его многочисленные свойства, так что одновременное восприятие нескольких свойств предмета делает его в большей степени представленным в психике животного. Как заметил А.Н. Леонтьев: «Для собаки имеют одинаковый смысл и раздавшееся завывание волка, и запах его следов, и показавшийся вдалеке силуэт зверя». Другими словами, пища для таких животных — это пища, а преграда — преграда. Они связаны ситуацией, но в принципе независимы друг от друга. В активности животных появляется новая структурная единица — операция. *Операции* — это акты, содержание которых отвечает не самому предмету потребности, а условиям, в которых он находится. Перцептивная стадия характеризуется бурным развитием головного мозга, возникновением коры больших

полушарий. На разных уровнях перцептивной стадии развития психики стоит большинство позвоночных животных.

Важной особенностью перцептивной стадии развития психики является тот факт, что основу всех форм поведения составляют инстинктивные действия, т.е. генетически наследуемые элементы поведения. Вопреки распространенному мнению, инстинкты не являются «машинообразными», раз и навсегда закрепленными реакциями. Большую роль в реализации инстинктов играет научение. Известно, например, что певчие птицы не поют, если не слышат пения своих старших собратьев, у домашних животных, выросших среди людей, часто нарушено половое поведение. К.Э. Фабри писал: «На стадии перцептивной психики каждый поведенческий акт формируется в онтогенезе путем реализации генетически фиксированных компонентов видového опыта в процессе индивидуального научения» (см. подробнее об инстинктивном поведении гл. 4).

На перцептивной стадии развития психики появляются многообразные виды активности животных, в первую очередь *навык и игра*. Навык определяется как закрепленные, стабилизированные операции. Многие животные эффективно переносят сформированные навыки из одной ситуации в другую. Каждый, кто держит дома кошку или собаку, знает, что стоит ей научиться открывать лапой дверь в одну из комнат, как она вскоре испробует этот навык на всех дверях в квартире.

В игре операции отделяются от деятельности и приобретают самостоятельный характер. Играя, молодые животные «отрабатывают» операции, которые пригодятся им в дальнейшем.

Наиболее высокоорганизованные млекопитающие (человекообразные приматы) достигают самой высокой стадии развития психики в животном мире — *интеллектуальной*. Исследованиями интеллекта человекообразных обезьян («ручного мышления») активно занимались представители гештальтпсихологии. Наиболее широкую известность приобрели работы В. Келлера, проведенные им на острове Тенерифе.

Интеллектуальная стадия развития психики предполагает отражение мира в форме целостных ситуаций, состоящих из нескольких компонентов. Животное способно не просто воспринять предметы, но и установить значимые связи между ними. Интеллектуальная стадия развития психики характеризуется следующими особенностями: 1) активное использование «орудий»; 2) явление инсайта, т.е. мгновенного нахождения решения задачи без видимой наблюдателю фазы проб и ошибок; 3) закрепление эффективного способа ре-

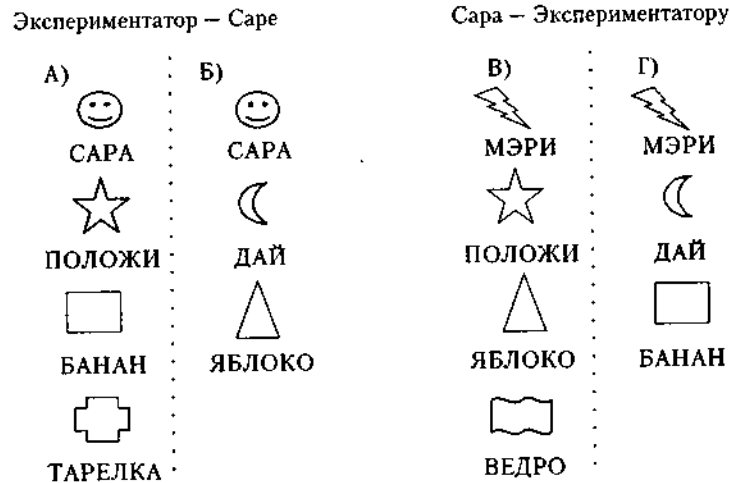
шения после единственной удачной попытки; 4) возможность переноса способа решения на широкий класс схожих задач; 5) способность решать «двухфазные» задачи, т.е. к объединению в рамках одной задачи двух уже сформированных операций. Например, вне клетки, где находится обезьяна, кладут банан. Несколько ближе кладут длинную палку. Еще одна палка, более короткая, находится в зоне досягаемости обезьяны. Чтобы достать банан, животному необходимо сначала с помощью короткой палки притянуть к себе длинную, взять ее, а уж потом, орудуя длинной палкой, достать банан. Обычно обезьяны достаточно легко справляются с подобными заданиями.

Хотя некоторые видные исследователи, например К.Э. Фабри, отрицали существование интеллектуальной стадии развития психики у высших животных, в последнее время получены данные, что человекообразные обезьяны, имеющие головной мозг со значительно развитой корой больших полушарий, могут достичь некоторых успехов в овладении зачаточными формами «речи».

Известно, что большинство животных издают звуки. Стадные животные пользуются звуком для коммуникации. Однако такая сигнализация носит характер эмоционального заражения. Так, зебра, почуяв запах хищника, издает ржание определенного типа, которое пугает остальных членов группы и заставляет их спасаться бегством. Ни одно из животных, находящихся на перцептивной стадии развития психики, не способно к образованию связи между конкретной фонемой и предметом внешнего мира. Проще говоря, ржание зебры обозначает «страх», но никогда не обозначает предмета (льва или охотника), вызвавшего этот страх.

Первые опыты по развитию голосовой речи у обезьян также не привели к заметным успехам. Одной из причин неудачи оказалось то, что звуковой репертуар обезьян насчитывает всего около 13 звуков, причем эти звуки значительно отличаются от тех, что составляют основу фонем человеческой речи. Но как только исследователи попробовали, что в качестве единиц речи использовать жесты (подобно жестовому языку глухонемых) или другие знаки, обезьяны стали обнаруживать способность к построению примитивных предметных сообщений. Так, шимпанзе Уошо освоила 132 знака, комбинируя из них связные цепочки в 2—5 слов (А. Гарднер, Б. Гарднер, 1969). Впоследствии авторы показали, что эффект обучения не мог быть сведен к простой дрессировке. Уошо отвечала на вопросы даже тогда, когда экспериментаторы не знали содержания вопроса, который задавали и, соответственно, не могли невербально подсказать

правильный ответ. Более того, Уошо сама выдумывала новые «слова» для обозначения незнакомых объектов. Так, впервые увидев лебедя, она назвала его «водяной птицей», а арбуз — «сладким питьем». Феноменальные способности Уошо проявлялись и в том, что она могла обобщать конкретные значения слов и переносить общее значение слова на схожие в каком-то смысле объекты. Так, овладев словом «цветок» на примере конкретных растений, впоследствии она называла «цветком» запах табака (который ей нравился) и запах вкусной пищи. Супруги Дэвид и Анна Примак (1978) научили шимпанзе Сару читать и писать. Сара пользовалась пластмассовыми фигурками абстрактной формы и составляла предложения на магнитной доске. Сара выучила 120 символов и комбинировала из них различные сочетания (рис. 10).

- А) «Сара, положи банан на тарелку».
- Б) «Сара, дай яблоко».
- В) «Мэри, положи яблоко в ведро».
- Г) «Мэри, дай банан».

Рис. 10. Пример системы сигнализации для шимпанзе, по Д. Примаку, 1978

Таким образом, можно считать, что предпосылки создания языка — главного орудия собственно человеческой психики — подготавливаются на высших ступенях эволюции еще до появления человека.

3.1.3. Возникновение и развитие сознания как главное событие антропогенеза

Психика человека предполагает сосуществование различных уровней психического отражения, из которых наиболее высоким является уровень сознания. По мнению А.Н. Леонтьева, сознание не возникает одновременно, а формируется постепенно по мере усложнения общественных отношений. *Сознание — это такое отражение действительности, в котором выделяются ее объективные, независимые от субъективного состояния свойства и формируется устойчивая картина мира.* Перефразируя Гегеля, можно сказать, что в сознании, наконец, душа открывает мир и саму себя. В этом смысле говорят о беспристрастности сознания, так как оно отражает мир «сам по себе», а не в связи с тем или иным потребностным состоянием субъекта.

По А.Н. Леонтьеву, главной предпосылкой возникновения сознания является *совместный труд*, включающий в себя разделение трудовых функций. Получается, что одни члены группы осуществляют активность, которая ведет к непосредственному биологическому результату, например добывают животное для питания. Другие же совершают, на первый взгляд, биологически бессмысленные действия, например изготавливают орудия охоты. Сами по себе орудия охоты — копья, луки и т.д. — не способны удовлетворить никакой биологической потребности, но выступают условием ее удовлетворения.

Чтобы пояснить это положение, перенесемся в первобытные времена. Представьте себе, что голодные женщины и старики, которые обычно и занимались изготовлением орудий, увидев, что их соплеменники собираются на охоту, бросаются за ними следом. Даже если у мужчин уже есть оружие для добычи зверя (например, они захватили его при набеге на соседнее племя), скоро им понадобится новое. А его-то лишенные сознательного отражения (идеального предвосхищения результата своих действий) люди и не смогут изготовить. Другими словами, часть членов племени должна остаться дома и продолжать заниматься своим делом, ожидая, что охотники поделятся с ними добычей в награду за поддержание огня и новую партию вооружения. Охотники, в свою очередь, должны помнить о тех, кто остался дома, и принести им трофеи, а не съесть все на месте. И тем и другим необходимо сознание, иначе они просто одичают и вернуться к животной форме существования. Конечно, нам очень трудно представить, что за картина мира была у первобытного человека, но можно предположить, что в нее были включены образы жилища, охотничьих пространств, членов племени и т.д.

Если обратиться к структуре деятельности, появляющейся на данном этапе, то мы видим, что начинают обособляться виды активности, в которых *предмет* (изготовление копья) и *мотив* (утоление голода) не совпадают между собой. Такой структурный компонент деятельности А.Н. Леонтьев называет «действием». Действие направляется не напрямую на мотив, побудивший его деятельность, а на отличающуюся от мотива цель. Причем, как уже отмечалось, в человеческом обществе происходит разделение обязанностей (особенно это важно для трудовой деятельности). Деятельность становится социально «разделенной», а это требует отражения не только своих целей в их отношении к мотивам (что доступно уже для высших приматов, находящихся на интеллектуальной стадии), но и представления о целях действий и мотивах других людей — участников совместной деятельности. С возникновением целенаправленного действия, таким образом, складывается объективная необходимость и возможность сознания.

Другим важнейшим фактором, участвующим в формировании сознания, является *язык*. Причем язык человека коренным образом отличается от коммуникативных сигналов животных. Человеческий язык — истинный носитель сознания. Сам термин сознание включает в себя две составляющих: со — знание, т.е. совместное, общественное, универсальное для всех знание. Слово языка несет в себе не просто предметное значение, но *обобщенное предметное значение*. Произнося слово, люди должны быть уверены, что имеют в виду одно и то же и понимают друг друга. Таким образом, «сознание обязано своим возникновением происходящему в труде выделению действий, познавательные результаты которых абстрагируются от живой целостности человеческой деятельности и идеализируются в форме языковых значений», — пишет А.Н. Леонтьев.

Конечно, зачаточное сознание первобытного человека несопоставимо с сознанием человека современного. Развиваясь и совершенствуясь, сознание достигает формы самосознания, в котором происходит осознание человеком самого себя, своих качеств и свойств, потребностей, целей и ценностей.

3.1.4. Трехаспектная структура сознания: чувственная ткань, значение, личностный смысл

Сознание имеет сложное строение. Представления о структуре души как конфигурации разнородных сущностей восходят к античности. Вспомним хотя бы миф о вознице Платона или трехкомпо-

нентную теорию души Аристотеля (см. гл. 2). По А.Н. Леонтьеву, следует говорить о трех, различных по своему функциональному значению образующих сознания.

Первая из них — это *чувственная ткань сознания*. Чувственная ткань сознания включает в себе чувственные впечатления, чувственные образы. Основная функция чувственной ткани сознания заключается в создании «чувства реальности» внешнего мира: благодаря ей мир выступает для субъекта как существующий не в сознании, а вне его. А.Н. Леонтьев при работе в госпитале во время Великой Отечественной войны с ранеными минерами, которые потеряли кисти рук и зрение, заметил, что они, утратив визуальную и осязательную образность внешнего мира, переживали странное состояние — «утрату связи с реальностью». Чувственная ткань — необходимая, но во многом второстепенная образующая сознания. Например, несмотря на то, что слепые люди лишены визуальной составляющей чувственной ткани сознания, их сознание равноценно, равноправно сознанию зрячего. Люди, страдающие дефектом цветового зрения — дальтонизмом, видят мир лишенным ряда цветов и, соответственно, располагают чувственной тканью сознания, отличной от обычной, что, однако, не оказывает фатального влияния на их картину мира.

Второй образующей сознания является *значение*. Совокупность значений включает в себя не только значения слов языка, но и значения событий, состояний и т.д. В универсальных значениях, с которыми оперирует сознание, в свернутой форме представлен весь опыт культуры, важные для всех людей («общественные») свойства предметов.

Однако при одной и той же предметной отнесенности значения слов достаточно сильно различаются для разных людей. Эти различия коренятся, в первую очередь, в несовпадении культурного опыта. Кроме того, значения не существуют изолированно, а объединяются в сложные системы. За счет того или иного положения в системе индивидуальных значений слова приобретают коннотации, т.е. дополнительные значения, которые не зафиксированы в словарях. Например, слово «немец» еще долго после окончания Второй мировой войны для жителей СССР было тесно связано с понятиями «враг», «плохой человек».

Генезис, строение и функционирование конкретных систем значений изучает психосемантика. С помощью метода построения субъективных семантических пространств специалисты в данной области выясняют, какова картина мира у отдельных людей или представителей определенных социальных групп. Поясним техно-

логию выявления структуры семантического пространства на примере конкретного исследования (В.Ф. Петренко, 1997). В данном исследовании испытуемым студентам предъявлялся список сказочных героев. Каждого из героев следовало оценить по 54 шкалам (например, сказать, какой Карлсон: хороший или плохой, болтун или молчун, мудрый или глупый, дружелюбный или враждебный, веселый или грустный, контактный или замкнутый и т.д.). Поскольку ряд ответов показывали высокую корреляцию между собой (так, например, если кого-то из героев оценивали как «хорошего», то велика была вероятность, что его также оценят как «контактного»), группы шкал объединяли в факторы (подробнее о принципах факторного анализа см. гл. 10). Таким образом, каждый из сказочных персонажей получал свои координаты в семантическом пространстве личностных качеств. Рассмотрим пространство, сформированное двумя факторами, которым были присвоены названия «сила личности» и «артистизм — стереотипность поведения». В фактор «сила личности» вошли 17 шкал, а в фактор «артистизм» вошли 6 шкал.

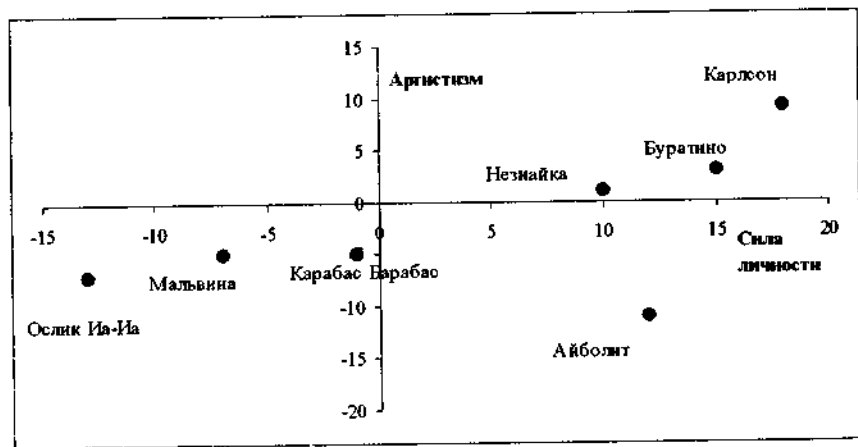

Рис. 11. Размещение сказочных персонажей в семантическом пространстве (Φ_1 , Φ_2) личностных качеств (адаптировано из Петренко В.Ф., 1997)

Если проанализировать полученное пространство, станет видно, что испытуемые воспринимают Незнайку, Буратино и Карлсона как сильных личностей с высоким уровнем артистизма. Причем Карлсон — вне конкуренции по обоим параметрам. Айболит — сильная

личность, но при этом обычный человек, в поведении которого нет ничего «особенного». Мальвина Ослик Иа-Иа — слабые, нерешительные существа, стереотипные в своем поведении. Семантическое пространство позволяют увидеть, насколько психологически «близки» или «далеки» друг от друга объекты, которые подверглись испытанию. Так, например, Карлсон и Буратино воспринимаются похожими друг на друга и кардинально отличающимися от ослика Иа-Иа и Мальвины (рис. 11).

Аналогичный прием можно использовать для выяснения отношения, например, к политическим деятелям или партиям, размещая их в семантическом пространстве добродетелей и пороков.

Третьей образующей сознания является *личностный смысл*. Личностный смысл, в отличие от универсального значения «для всех», фиксирует, что то или иное событие значит для человека лично, как оно относится к его системе мотивов. Например, одно дело рассуждать о росте преступности и соглашаться с тем, что нужно принимать меры по ее искоренению, и совсем другое — стать жертвой уличного ограбления. Одно и то же понятие «преступление» в первом случае будет иметь универсальное беспристрастное значение, а во втором окрасится субъективным личностным смыслом. Личностный смысл задает пристрастность сознанию и делает его «моим», поскольку личностные смыслы отражают опыт индивидуальной деятельности.

Таким образом, как пишет А.Н. Леонтьев: «Сознание выступает перед нами как движение, связывающее сложнейшие моменты: реальность мира, представленную в чувственной ткани, опыт человечества, отраженный в значении, и пристрастность существования каждого из нас, заключающуюся в обретении личностного смысла — значения для индивидуальной жизни».

3.2. Научение

Как уже было изложено, возникновение и развитие психики связано с прижизненным овладением все более сложными и разноплановыми способами деятельности. Психика необходима живым существам для того, чтобы успешно справляться с требованиями Изменчивой среды, а на высших ступенях развития и формировать ее (создание культуры). Поэтому центральной проблемой психологии с самого начала ее существования и до сегодняшнего дня является проблема научения. В основе научения могут лежать различные механизмы. По степени активности организма в процессе

научения выделяют *реактивное научение*, при котором организм непроизвольно реагирует на внешние воздействия, и *оперантное научение*, когда организм сам инициирует активное взаимодействие со средой. По акценту на изменениях во внешнем поведении или во внутренней картине мира можно различать *поведенческое* и *когнитивное* научение.

Формой реактивного научения в рамках инстинктивного поведения является *импринтинг*, т.е. мгновенное и необратимое запечатление некоторых свойств среды, по отношению к которым разворачивается поведение. Например, многие животные в первые часы после рождения запечатлевают образы родителей, братьев и сестер, место обитания (см. подробно гл. 4).

Примером реактивного научения является также *классический условный рефлекс*, открытый в 1903 г. русским физиологом И.П. Павловым (1849—1936). Механизмом формирования классического условного рефлекса является образование ассоциации между специфическим стимулом, вызывающим безусловную реакцию, и непосредственно предшествующим ему во времени нейтральным (условным) стимулом. К открытию условного рефлекса И.П. Павлова подтолкнуло наблюдение за подопытными собаками, которые принимали участие в его опытах над процессами пищеварения. Собаки были прооперированы таким образом, что протоки слюнных желез у них были выведены на внешнюю сторону морды. Павлов заметил, что слюна у собак выделяется не только в тот момент, когда пища попадает им в пасть (безусловный слюноотделительный рефлекс), но и когда они просто видели кусок мяса или даже слышали звон миски. И.П. Павлов предложил схему образования условного рефлекса, изображенную на рис. 12.

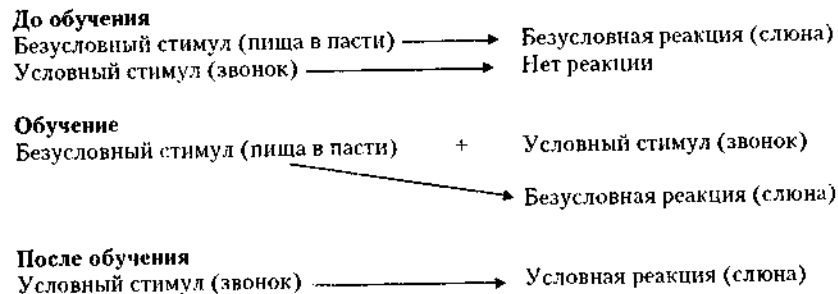

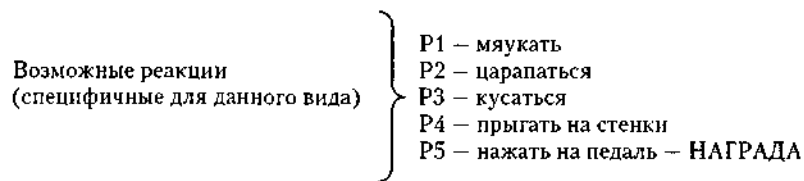
Рис. 12. Схема образования классического условного рефлекса, по И.П. Павлову

Динамика условного рефлекса включает в себя три основных явления: угасание условного рефлекса, генерализация условного стимула, дифференциация условного стимула. Если в течение длительного срока не происходит повторное сочетание условного и безусловного стимулов, условный рефлекс угасает, так как условный стимул перестает быть эффективным ориентиром для организма (действительно, сколько же можно выделять слюну в ответ на звонок, если корм все не приносит!). Эффект генерализации стимула заключается в том, что условный рефлекс начинает вызываться не только самим условным стимулом, но и стимулами, в чем-то похожими на него. Например, младенец, которому медицинская сестра сделала болезненный укол, будет бояться не только ее, но и вообще всех людей в белой одежде. Впоследствии он, возможно, сам не зная почему, не будет любить белый цвет. Дифференциация стимула — это процесс, обратный генерализации. При определенных условиях условный стимул может приобретать все более узкое значение. Например, у собаки можно выработать условную реакцию слюноотделения не на звонок как таковой, а на звонок определенной длительности или тона, при этом животное постепенно научится отличать ключевой стимул в ряду похожих на него.

Важная особенность условного рефлекса заключается в том, что после того как условная связь между условным стимулом и условной реакцией закреплена достаточно прочно, условный стимул может выступать как вторичная «безусловная» основа для формирования новых условных рефлексов. Таким образом, может быть сформирована целая «цепочка» рефлексов. Павлов назвал данное явление «обусловливанием второго порядка». Данная находка активно использовалась представителями бихевиоризма, которые пытались трактовать сложные формы поведения человека как конфигурацию из условных рефлексов первого, второго, третьего и т.д. рядков.

Примером активного научения служит *оперантное научение*, которое по-другому называют еще инструментальным условным рефлексом. При оперантном научении награда (например, пища) следует не автоматически за сочетанием безусловного и условного стимула, а зависит от правильной реакции организма. Ранние исследования оперантного научения проводились Э.Л. Торндайком. Он помещал кошку в особый «проблемный» ящик, из которого животное пыталось выбраться. Для того чтобы покинуть ящик, нужно было нажать на педаль, однако кошка не получала никаких «подсказок». Активность кошки представляла собой образец действия методом проб и ошибок: сначала она беспорядочно металась по клет-

ке и мяукала, пока случайно не задела педаль и дверца не распахивалась. Наблюдая за кошками в проблемных ящиках, Торндайк вывел *закон эффекта*, гласящий, что реакция, за которой следует награда, закрепляется в поведении. Другими словами, Торндайк считал, что научение основано на постепенном закреплении эффективных действий и отмирании неэффективных (рис. 13).

До научения

Вероятность P1 = B P2 = B P3 = B P4 = B P5

После научения

Вероятность P5 >>>>>> B P1, B P2, B P3, B P4

Рис. 13. Схема оперантного научения, по Э.Л. Торндайку

Концепция Торндайка была значительно развита Б.Ф. Скиннером. Скиннер подверг критике случайный характер нахождения верного решения в модели Торндайка (представьте, что вы случайным образом гадаете, сколько будет пятью пять — скорее всего, вы никогда не отыщете правильный ответ). Он предложил *метод научения (формирования реакций) с помощью последовательных приближений*. Этот метод заключается в том, что экспериментатор разбивает весь путь решения на несколько этапов. Тогда награда следует не за правильным решением, а за каждым шагом в верном направлении. Например, в эксперименте с проблемным ящиком кошка сначала получила бы награду за то, что оказалось в той части клетки, где находится педаль, затем за правильное «бьющее» движение лапой и т.д. до тех пор, пока она не нажмет на педаль. Таким образом, вырабатывается заданное поведение.

Скиннер отмечал, что научение путем последовательных приближений спонтанно используется родителями при воспитании детей. Например, младенец произносит какие-то нечленораздельные звуки (это естественные реакции ребенка). Случайно в его лепете родители слышат сочетание звуков «ме-ме», что вызывает у них бурный восторг. Младенец, воодушевленный вниманием старших, начинает повторять на разные лады это сочетание, пока случайно не произнесет «ма-ма» (правда, это кажущаяся случайность,

как как закрепленная реакция «ме-ме» со значительно большей вероятностью перейдет в «ма-ма», чем, например, в «бу-бу»). Как только это происходит, «ме-ме» перестает вызывать интерес взрослых, и они концентрируются на первом слове «мама».

Скиннер разработал *метод программированного обучения* в школе, в котором применительно к детям реализовывался данный подход. Кроме того, Скиннер провел тщательную классификацию эффективных видов наград, которые он называл подкреплениями. Главным в его концепции стало понятие социального подкрепления (одобрение окружающих, повышение оценки), в отличие от прямо физиологического подкрепления (пища, тепло).

В своей знаменитой книге «По ту сторону свободы и достоинства» (1973) Скиннер разработал утопическую модель идеального общества, в которой психологи-«планификаторы» будут жестко контролировать различные подкрепления, которые человек будет получать в течение своей жизни для того, чтобы сформировать из каждого полезного для общества гражданина.

Отличие от научения через ответные последствия действий (а именно так можно суммировать суть оперантного научения) один из наиболее влиятельных современных психологов Альберт Бандура предложил концепцию научения через моделирование (1977). Данный тип научения называют еще *научением путем наблюдения*, или теорией социального научения. Бандура заметил, что многие способы поведения возникают не в результате направленного сочетания условных и безусловных стимулов (классический условный рефлекс) или путем внешнего подкрепления определенных спонтанных реакций (инструментальный условный рефлекс), а основываются на наблюдении за поведением других представителей сообщества.

Бандура разделяет два вида научения через наблюдение: *чистое подражание* и *викарное научение* (от лат. vicarius — заместительный). В первом случае копируется поведение модели без осознания последствий этого поведения. Простейшим примером чистого подражания служит поведение человекообразных обезьян (есть даже глагол «обезьянничать»). Так, в одном исследовании ученые, наблюдавшие жизнь стаи обезьян, вымыли в их присутствии фрукты. Молодые обезьяны, ставшие свидетелями этой сцены, тут же принялись мыть фрукты. Скоро уже вся стая, за исключением самых старших его членов, была увлечена мытьем. Очевидно, что обезьяны не понимали смысла выполняемого действия (потом, правда, им понравился вкус вымытых в соленой воде овощей), а просто подражали действиям людей. Чистое подражание играет большую роль в раннем развитии детей. Наблюдая за старшими и подражая им,

дети овладевают многими навыками, которые, безусловно, пригодятся им в дальнейшей жизни, но смысла которых они пока не в состоянии понять.

При vicарном научении субъекты осознают последствия действий, которым они подражают. Более того, можно сказать, что подражание происходит именно в надежде достичь тех же результатов, что и образец для подражания. В связи с этим понятно, почему большинство из нас склонны копировать поступки, убеждения и даже внешний вид успешных и знаменитых людей. В одном из исследований Бандуры (1977) каждой из трех групп детей демонстрировали различные видеофрагменты. В одном фрагменте дети видели персонажа, который вел себя агрессивно, и его поведение вознаграждалось; во втором — агрессивный персонаж был наказан, в третьем — персонаж вел себя мирно. Дети, которые видели вознаграждение агрессии, по окончании просмотра вели себя значительно более агрессивно, чем те, кто видел, что зло наказано или вовсе не видели агрессивных сцен.

Поскольку при vicарном научении в отличие от чистого подражания происходит анализ поведения модели, данный тип научения можно отнести к *когнитивному научению*. Пионером когнитивной теории научения, суть которой сводится к тому, что научение понимается не как изменение поведения, а как приобретение нового знания, был Э.С. Толмен. В рамках бихевиоризма проведено огромное количество исследований *когнитивных карт* крыс и голубей. Излюбленной установкой для исследования в данном подходе был лабиринт. Показано, что, например, крысы легко научаются находить путь к пище в сложном лабиринте и потом воспроизводят его. Если следовать логике поведенческого подхода к научению, то крысы усваивают последовательность реакций, которая приводит их к успеху (например, «бежать прямо — направо — направо — налево — прямо — пища»). Однако что же происходит, если закрыть знакомый путь в лабиринте? Оказывается, если крыса умеет достигать цель по одному маршруту, она спонтанно его меняет и безошибочно находит пищу, обгибая преграды и двигаясь в правильном направлении. При других условиях эксперимента старый лабиринт заполнялся водой, и опять крыса вплавь находила правильный путь к пище. Значит, крыса ориентируется не на механическую последовательность реакций, описанную выше, а на некоторое представление о планировке лабиринта. Основываясь на данных подобного рода, Толмен предположил, что животные в ходе научения формируют «когнитивные карты» (от лат. cogito — познание), которые отражают пространственное соотношение объектов. Очевидно, что на бо-

лее высоких уровнях развития психики роль знаний в обучении неизмеримо вырастает.

Вариантом когнитивного научения является *инсайт*. При инсайте разнородная информация, как находящаяся в памяти, так и воспринимаемая непосредственно, объединяется в одно целое и используется в новой ситуации. Вспомните, как шимпанзе решала двухфазные задачи. Несколько антропоморфизируя ее внутренний мир, можно сказать, что сначала длинная палка, короткая палка, банан и прутья клетки выступали для нее разрозненными фрагментами опыта. Потом все эти элементы связались в целостную ситуацию, и решение было найдено. Феноменально научение по типу инсайта кажется наблюдателю внезапным, ничем не подготовленным. Однако на самом деле необходимо, чтобы частные способы решения задач были уже известны субъекту и следовало только их интегрировать. В этом, кстати, заключается основное отличие научения по типу инсайта от истинного творчества (см. гл. 10).

Человеку свойственно *научение через рассуждение*. Наличие сознания позволяет ему создавать модели мира и «проигрывать» различные версии событий в идеальном плане. Как отмечал К. Поппер, сознание позволяет нам, «чтобы вместо нас самих погибали наши гипотезы».

3.2.1. Концепция физиологии активности Н.А. Бернштейна

Альтернативная теория формирования двигательных навыков была разработана выдающимся отечественным физиологом Н.А. Бернштейном (1896—1966). Н.А. Бернштейн заметил: в то время как технические устройства изнашиваются от многократного выполнения того или иного действия, живые существа характеризуются упражняемостью. Упражняемость как свойство живого организма заключается в том, что каждое следующее исполнение действия оказывается лучше предыдущего, оно не копирует предшествующее, а развивает его. По мнению Н.А. Бернштейна, живое движение есть «повторение без повторения», оно представляет собой постоянно совершенствующуюся систему и поэтому его нельзя описывать в механистических терминах «стимул-реакция».

Суть выработки навыка заключается в открытии принципа решения двигательной задачи. Причем это решение проходит в несколько этапов.

На первом этапе происходит разделение на смысловую структуру (А что я собственно хочу сделать?) и двигательный состав дей-

ствия. Например, смысловой структурой может быть желание плыть, а двигательным составом — способ исполнения этого замысла — определенный стиль плавания: кроль или брасс. Учтите, что пока еще вы плавать не умеете и поэтому наблюдаете за опытными пловцами, выбирая наиболее приемлемый для себя стиль.

На втором этапе происходит выявление и роспись сенсорных коррекций. Одной из значительных заслуг Н.А. Бернштейна стало то, что он отказался от понятия «рефлекторной дуги», выработанного еще Декартом, и перешел к понятию «*рефлекторного кольца*». Суть этого перехода заключается в том, что навык не может быть стереотипной последовательностью выученных действий, на всем его протяжении требуется постоянная сверка движения с реальными условиями. Представьте себе, что вы затвердили последовательность движений, соответствующую навыку письма, в следующей форме: «сначала сжать пальцы таким образом, чтобы между пальцами остался зазор в полсантиметра, затем повернуть кисть руки под углом 45° и начать двигать ею слева направо». Казалось бы, данная последовательность хорошо описывает начало акта письма. Однако ведь ручка может оказаться большего размера, чем вы предполагали в ходе тренировки. Или вам придется писать не на ровной поверхности стола, а, например, на доске. Получается, что с таким трудом выработанную последовательность действий применить невозможно. Однако мы ведь пишем! Постоянную координирующую информацию, которую наш сенсорный аппарат получает по ходу разворачивания навыка, Н.А. Бернштейн и назвал «*сенсорными коррекциями*».

Разница между определением двигательного состава и «прощупыванием» сенсорных коррекций заключается в том, что на первом этапе учащийся устанавливает, как выглядят те движения, из которых складывается навык с позиции наблюдателя, а на втором — пытается ощутить эти движения изнутри. На этом этапе необходимо максимальное количество повторений, каждое из которых, как уже было отмечено выше, будет не механическим возобновлением движения, а его модификацией. Работа с навыком здесь идет на сознательном уровне. Человек старается разобраться в движении (Как это у них получается?) и подобрать уже готовые двигательные автоматизмы из своего личного репертуара движений или же создать новые. Когда такие автоматизмы найдены, происходит чудесный, на первый взгляд, скачок в развитии навыка. Как пишет Н.А. Бернштейн: «Секрет освоения движения заключается не в каких-то особых телодвижениях, а в особого рода ощущениях. Их нельзя показать, а можно только пережить».

В связи со вторым этапом формирования навыка новое звучание приобретает *проблема «переноса» навыка*. В традиции бихевиоризма до сих пор бытует *теория «тождественных компонентов»*. Согласно ей вырабатывается именно последовательность реакций, которую потом можно перенести с одной деятельности на другую. Подобная логика рассуждения приводит нас к выводу, что, например, умение пилить дрова должно помочь овладеть игрой на скрипке — движения-то вроде бы одни и те же! Однако каждый из нас понимает, что это не так. Н.А. Бернштейн считал, что перенос навыка возможен. Но это должен быть не перенос движений, а перенос уже готовых сенсорных коррекций. Так, например, человек, который умеет ездить на велосипеде, легче научится кататься на коньках. Дело в том, что в основе и первого, и второго навыка лежит общее ощущение движения, а именно — удержание равновесия над узкой опорой.

На третьем этапе формирования происходит «*развертка фонов*», т.е. автоматизация двигательного навыка. Сформированные на предшествующем этапе сенсорные коррекции покидают сознание и начинают выполняться автоматически. Постепенно все большая часть навыка становится практически независимой от сознания. Мы ведь в отличие от начинающего пловца не думаем, как нам плыть, а «просто» плывем.

Задачей четвертого этапа является *срабатывание фоновых коррекций*. Все компоненты навыка интегрируются в единое целое.

Пятый этап — это этап *стандартизации навыка*. Навык делается устойчивым, каждое новое его исполнение все более похоже на предшествующее (именно похоже, так как на самом деле каждый раз существуют вариации).

И, наконец, последний, шестой этап — это этап *стабилизации*. Навык становится устойчивым к помехам, осуществляется будто бы сам собой. Этот этап хорошо знаком людям, которые недавно сели за руль автомобиля. Сначала они могут вести автомобиль только в полной тишине, но постепенно учатся совершать несколько действий одновременно, например не только следить за дорогой, но и слушать радио и даже поддерживать разговор.

Преимущество концепции Н.А. Бернштейна перед всеми описанными выше интерпретациями научения заключается в том, что здесь навык представляется иерархически организованной системой. Эта система включает в себя и наблюдение, и инсайт, и выработку реакций. Только взятые в совокупности все «элементы» научения приводят к успешному освоению навыка.

Таким образом, можно выделить различные этапы эволюции психики, связанные, в первую очередь, с усложнением условий жизни и активности организмов (табл. 7). Приспособление к изменяющимся условиям включает в себя аспект прижизненного формирования новых способов поведения — научение. Чем выше уровень психической организации организма, тем в более разнообразные и системные процессы научения он включен.

Таблица 7

Стадии развития психики и их особенности

Стадия развития психики	Отражаемые аспекты реальности	Формы научения активности	Структура
Допсихическая стадия	Физические воздействия	Нет научения	Нет деятельности
Элементарная сенсорная психика	Отдельные свойства объектов	Условный рефлекс	Однофазная активность
Перцептивная психика	Целостные объекты	Оперантное научение	Выделение операций
Интеллект	Ситуации	Подражание Инсайт	Перенос операций с одной деятельности на другую
Сознание	Объективные устойчивые свойства реальности вне их связи с субъективным состоянием	Викарное научение Научение через рассуждение	Выделение действий Речь

3.3. Подходы к решению психофизиологической проблемы: параллелизм, взаимодействие, корреляция, тождество, дополнительность

Суть психофизиологической проблемы заключается в попытке ответить на вопрос о соотношении психических и физиологических (нервных) процессов.

Обсуждение психофизиологической проблемы преимущественно находится в ведении философов. Однако и для психологов она представляется крайне важной, так как, во-первых, определяет соотношение предметов смежных наук психологии и нейрофизиоло-

гии, а во-вторых, позволяет выработать личное отношение к наметившемуся в XXI в. массивному сдвигу собственно психологических исследований к поиску физиологических коррелятов психических феноменов (в каждой уважающей себя психологической лаборатории вы найдете сейчас компьютерный томограф).

Со времен Декарта, ясно сформулировавшего психофизиологическую проблему, наметилось пять подходов к ее решению. *Позиция параллелизма* утверждает независимость психики от физиологических процессов, происходящих в нервной системе (и наоборот). При этом статус психического может занижаться, и тогда психика вообще переходит в разряд «эпи-феноменов». Такой позиции придерживались, например, многие представители бихевиоризма, которые были уверены, что понятие «сознание», используемое в психологии, ничего не добавляет к их знанию о поведении человека.

Традиции трактовки психофизиологической проблемы *в духе взаимодействия* восходят к Декарту. Будучи бестелесной сущностью, душа может оказывать влияние на тело, соприкасаясь с ним в шишковидной железе мозга, считал он. Идею взаимодействия разделяли многие выдающиеся психологи, и в их числе У. Джеймс. Он определял функцию мозга как «трансмиссивную», т.е. «высвобождающую». Другими словами, он считал, что мозг — это особый прибор, который делает духовные сущности явными в материальном мире, но ни в коем случае не производит их. Можно провести аналогию с телеприемником. Телевещание существует независимо от нас, но телевизор, если мы настроимся на нужную волну, позволяет нам получать желаемую информацию. Случается так, что телевизор ломается и не принимает сигнал того или иного канала. Но нам же не приходится в голову считать, что вещание вообще прекратилось!

Корреляционный подход объединяет в себе черты решения психофизиологической проблемы в русле параллелизма и взаимодействия. Его сторонники утверждают, что «не знают», какова связь между мозгом и психикой, да и есть ли она, однако объективно фиксируют, что определенные воздействия на человека приводят к регистрируемым изменениям как в сфере психического, так и в сфере физиологического. «Возможно, за этими изменениями стоит какой-то неведомый третий фактор, который на самом деле оказывает влияние и на то, и на другое, — говорят они, — но этот фактор непознаваем». Например, путем неоднократного наблюдения мы устанавливаем следующую закономерность: каждый раз, когда мальчик приходит из школы домой, потребление электричества в доме, где он живет, возрастает. На самом деле, прямой причиной повыше-

ния потребления электроэнергии служит его мать, которая ставит на плиту обед, но от этого выявленная закономерность не перестает действовать. Как ни странно, большинство современных ученых придерживаются именно такой позиции.

Принцип тождества применительно к психофизиологической проблеме гласит, что психическое и физиологическое — суть одно и то же, дело не в качественных, а в степенных отличиях. Просто мы уже обладаем достаточно адекватным инструментарием, чтобы измерять физиологические процессы, и только приближаемся к тому, чтобы проникнуть в психические. Для иллюстрации позиции тождества можно привести пример часовых механизмов. Грубые часы измеряют время с точностью до часов и минут (физиология), а сверхточные атомные устройства могут фиксировать миллионные доли секунд (психология будущего). Различие же между физиологическими и психологическими механизмами аналогично различию между минутами и миллисекундами.

Принцип дополнительности (единства), перенесенный в психологию из квантовой физики, предлагает еще одно объяснение. По мнению С.Л. Рубинштейна, физиологическое и психическое — это одна и та же отражательная деятельность, но рассматриваемая соответственно психологией и физиологией в разных отношениях. Другими словами, психическое и физиологическое — это две стороны одного и того же явления (как, например, температура и плотность — две характеристики материального тела). Для полного описания явления, в данном случае человека, нельзя игнорировать ни ту ни другую сторону процесса отражения.

3.4. Психика и нервная система

Как уже излагалось выше, нервная система не является необходимой предпосылкой возникновения психики, скорее, с определенного момента психика формируется в ответ на требования активности живых существ. Однако уже на стадии элементарной сенсорной психики происходит неразрывное связывание психических явлений с нервным субстратом: сначала это сетевидная нервная система (кишечнополостные животные); потом — ганглиозная («узловая» — плоские черви) и, в конце концов, нервная система, основным координирующим центром которой является мозг.

Головной мозг животных и человека значительно варьирует как по абсолютным, так и по относительным размерам. Например, са-

мым большим мозгом среди млекопитающих обладает слон (5 кг), однако вес мозга составляет лишь 1/500 от веса его тела. Таким образом, абсолютная масса мозга не может служить критерием интеллектуального потенциала живого существа. Вес мозга человека равняется около 1400 г и составляет 1/40 веса его тела. Но относительный вес мозга мыши составляет 1/23. Значит, и относительная величина мозга также не свидетельствует о психическом развитии организма. Скорее, самую важную роль играет сложность устройства этого органа. Однако прежде чем обратиться к описанию этого феноменального явления природы, рассмотрим более элементарные И филогенетически древние компоненты нервной системы.

3.4.1. Строение и функции нейронов

Нейроны являются базовыми структурными элементами нервной системы. По данным Д. Пауэлла, нервная система человека состоит приблизительно из 30 миллиардов нейронов (D. Powell, 1980). Количество нейронов само по себе не определяет уровень сложности нервной системы. Например, никто не сомневается, что сообразительная ворона «умнее» глупого осьминога. Однако в ее нервной системе «всего» десятки миллионов нервных клеток, а в примитивно организованной нервной системе осьминога — сотни миллионов нейронов. Но степень координации взаимодействия между нейронами, их способность организовывать нейронные сети и решать задачи совместно намного важнее, чем их количество. Общее число соединений между нейронами в мозгу человека достигает астрономической цифры — 10 в 15-й степени!

Нейрон представляет собой клетку, состоящую из трех основных частей: тела, дендритов и аксона. Тело клетки имеет шарообразную форму и содержит все структурные элементы любой соматической клетки: ядро, митохондрии и т.д. От тела нейрона отходит основной отросток цилиндрической формы — аксон. Основная функция аксона — передача электрического импульса. Аксон покрыт жировой оболочкой, которая препятствует утечке импульса. Кроме аксона от тела нейрона отходит множество коротких отростков — дендритов, которые служат для приема информации. Длина аксона колеблется в пределах от долей миллиметра до метра и более, длина дендритов не превышает миллиметра. Вблизи своего окончания аксон разделяется на мелкие веточки, которые близко подходят к телам и Дендритам других нейронов, но не соприкасаются с ними вплотную. Зазор между концевыми участками аксона и дендритами других

клеток называется *синаптической щелью*, а сама эта область — *синапсом* (рис. 14).

Любые виды информации, которые циркулируют в нервной системе, передаются по нейронным сетям в виде электрических импульсов. Скорость передачи нервного импульса по аксону нервной клетки может превышать 100 м/сек. При некоторых заболеваниях, например рассеянном склерозе, разрушается миелиновая оболочка аксонов, и скорость передачи снижается за счет утечки электрических зарядов. Удивительно, что независимо от того, какую информацию передают нервные импульсы, они ничем не отличаются друг от друга. Качественные различия между сигналами определяются не самими этими сигналами, а тем местом, куда они приходят. Условно говоря, если звук горна слышат в детском лагере, то дети выстраиваются на утреннюю линейку, а если в концертном зале — то раздаются аплодисменты слушателей. Как же происходит эта передача? Принцип передачи электрического импульса внутри нейрона был открыт в 1952 г. А. Ходжкином и А. Хаксли.

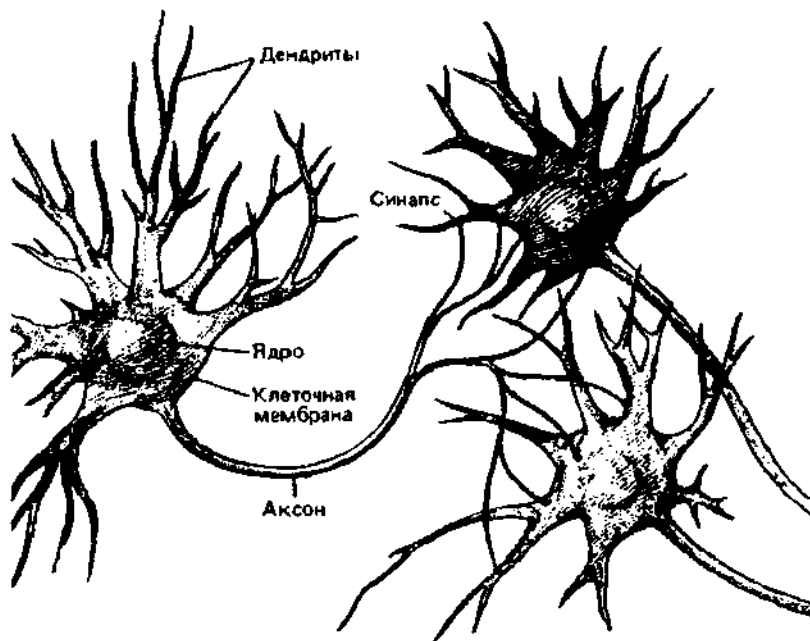

Рис. 14. Внешний вид нейрона

Нервный электрический импульс возникает в результате химических процессов в основании аксона. В спокойном состоянии жидкая среда внутри аксона содержит преимущественно отрицательно заряженные ионы (Cl), а жидкая среда снаружи аксона — положительно заряженные (Na, K). Клеточная мембрана аксона пронизана особыми отверстиями — натриевыми и калиевыми каналами (первые избирательно пропускают ионы натрия, а вторые — калия). В состоянии **покоя** большинство калиевых каналов открыто, а большинство натриевых каналов закрыто. При воздействии на тело клетки происходит деполяризация: натриевые «поры» мембраны небольшого участка аксона раскрываются и избирательно пропускают внутрь положительно заряженные ионы натрия. Участок жидкой среды вблизи активированного канала мгновенно становится электроотрицательным снаружи и электроположительным внутри (напряжение внутри клетки меняется примерно с +70 до — 40 милливольт). Результатом становится «выстрел» нейрона — генерация электрического импульса. Нейрон производит электрические импульсы по закону «все или ничего», т.е. сила и скорость импульса всегда постоянна. Интенсивность действия стимула кодируется с помощью частоты импульсации — при слабом воздействии электрические разряды образуются редко, а при сильном воздействии — часто.

Электрический разряд пробегает по аксону подобно пламени по бикфордову шнуру и достигает конечных разветвлений аксона. Достигнув окончания аксона в месте синаптического соединения с другим нейроном, импульс провоцирует высвобождение молекул специальных химических веществ — нейромедиаторов. Нейромедиаторы достигают поверхности соседнего нейрона и активизируют или тормозят его. Каждый нейрон способен образовывать около 1000 синапсов, так что каждый нейрон получает информацию от множества других нейронов.

В различных частях нервной системы используются специфические нейромедиаторы. В настоящее время описано около 75 разных нейромедиаторов. Такое разнообразие веществ, обеспечивающих «связь» в разных отделах нервной системы объясняет, в частности, влияние некоторых препаратов на психическое состояние. Например, наркотические препараты опиатной группы содержат морфин — вещество, близкое по составу природному нейромедиатору эндорфину, который курсирует в областях мозга, ответственных за снятие боли и создание приятных ощущений. Поэтому употребление наркотика воздействует избирательно только на упомянутые зоны мозга, тогда как другие нейроны остаются к нему нейтральными. Беда заключается в том, что под воздействием искусственных Морфинов организм перестает вырабатывать естественные эндор-

Ствол мозга — самый эволюционно древний отдел головного мозга. Он включает в себя продолговатый мозг, Варолиев мост и средний мозг. *Продолговатый мозг* включает в себя центры, которые регулируют сердцебиение, дыхание, сосание, жевание, глотание, кашель и т.п. *Варолиев мост* находится выше продолговатого мозга, там расположены центры, ответственные за мигание, моторику кишечника и т.п. *Средний мозг* представляет собой передаточный центр, через который проходят пучки нервных волокон.

Мозжечок (что обозначает «маленький мозг») расположен позади Варолиева моста и прикрыт корой больших полушарий. Мозжечок отвечает за координацию движений. Ядра *ретикулярной* формации, образования, тянущегося вдоль всего ствола мозга, выделяют нейромедиаторы. Функция ретикулярной формации заключается в активировании коры мозга, при этом происходит «фильтрация» поступающей информации на более или менее неотложную.

Продолжением среднего мозга является *промежуточный мозг*. Промежуточный мозг включает в себя таламус, гипоталамус, лимбическую систему, миндалины, гиппокамп. Над стволом мозга находится таламус — парный орган в форме двух яйцеподобных образований. *Таламус* является центральным «пультом управления» мозга, через который связаны все его органы и системы.

Гипоталамус регулирует физиологические потребности организма. Особенностью гипоталамуса является то, что этот орган образует прямые связи со всеми другими мозговыми структурами. Гипоталамус имеет миниатюрные размеры, однако в его функции входит также синтез важнейших гормонов, которые секретируются гипофизной железой, прикрепленной у его основания. Именно в недрах гипоталамуса Дж. Олдс и П. Милнер обнаружили так называемый «центр удовольствия» (J. Olds, P. Milner, 1954). Если вживить в эту область электрод и дать экспериментальному животному, например крысе, возможность самостоятельно стимулировать ее, то крыса проявляет фантастическую активность. Частота нажатий достигала порой 7 тысяч в час, крысы стимулировали «центр удовольствия» до тех пор, пока буквально не падали от изнеможения.

Лимбическая система мозга представляет собой пучок волокон, связывающий воедино переднюю часть гипоталамуса, гиппокамп и миндалины. *Гиппокамп* играет большую роль в эмоциональных процессах и процессах памяти. Когда обезьян хирургическим путем лишают гиппокампа, они забывают все, что происходило с ними в течение последних месяцев (Л. Сквайер, 1991). *Миндалины* — два парных ступка нейронов — участвуют в регуляции агрессии и страха (реакции типа «нападай или беги»). Если стимулировать различ-

ные области миндалины у животных с помощью электрода, то можно добиться того, что обычно трусливое животное, например мышь, будет отчаянно набрасываться на кошку, а та, в свою очередь, станет сжиматься от ужаса перед маленькой мышкой.

Передний мозг, который расположен над более древними структурами ствола и промежуточного мозга, у человека достигает максимальных размеров и становится главным управляющим уровнем. У человека вес переднего мозга составляет 80% всей массы мозга. Передний мозг состоит из двух полушарий, покрытых корой. Белое вещество больших полушарий включает в себя группу ядер, участвующих в координации двигательных реакций. Серое вещество, образованное в основном телами нейронов и дендритами (этим и объясняется его серый цвет), покрывает собой большие полушария, собираясь в складки. Складки коры, называемые извилинами, позволяют ей разместиться в черепной коробке (площадь коры составляет около 2500 кв. см). Если бы природа не «додумалась» до такого эргономичного решения, голова взрослого человека имела бы размер телевизора с диагональю экрана 72 см!

Именно на кору больших полушарий мозга возложена обязанность осуществления сложных, собственно человеческих психических функций, в том числе сознания.

3.4.4. Кора головного мозга

Кора больших полушарий представляет собой слой нейронов толщиной около 3 мм. Кора каждого полушария образует шесть обособленных долей, разграниченных бороздами. *Лобная, теменная, височная и затылочная доли* хорошо видны на рис. 16, а островок и доля мозолистого тела спрятаны на внутренних поверхностях больших полушарий.

В коре больших полушарий выделяют зоны трех типов. Во-первых, *сенсорные зоны*, которые получают информацию от рецепторов. Сенсорные зоны имеются в разных долях коры. Зона общей чувствительности находится в теменной доле, зрительная зона — в затылочной, слуховая — в височной, вкусовая — в нижней части теменной доли. Повреждение какой-либо из этих зон приводит к блокаде сенсорных сигналов от соответствующих органов чувств. При поступлении сенсорной информации поток нервных импульсов достигает коры. Например, зрительные проекционные зоны активируются при анализе зрительной информации (рис. 17).

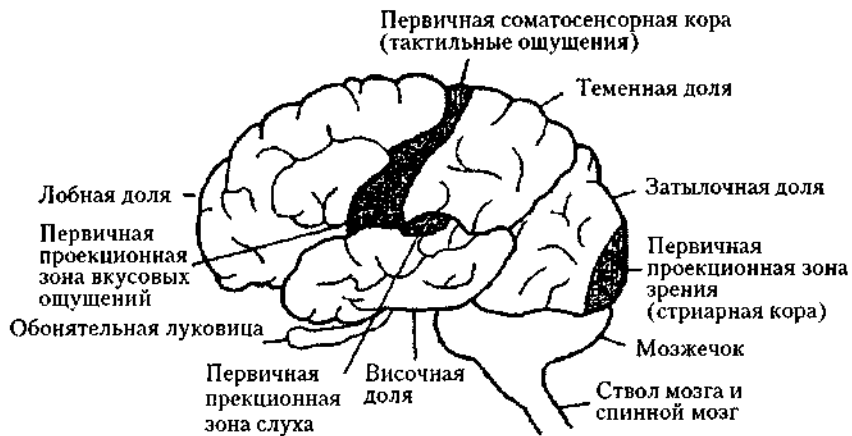

Рис. 16. Кора больших полушарий головного мозга человека

Во-вторых, выделяют *моторные зоны*, которые посылают в нижележащие структуры команды, управляющие движениями. Область, отвечающая за произвольные движения, расположена в лобной доле. Отходящие от нее волокна направляются в спинной мозг и оттуда — к мышцам.

Сенсорные и моторные зоны называют проекционными, так как они формируют своеобразные карты, на которых специфические участки коры соответствуют частям тела, которыми они управляют или информацию от которых получают (см. рис. гл. 7).

И, в-третьих, говорят об ассоциативных зонах. *Ассоциативные зоны* коры мозга человека занимают до 75% ее площади. Данные области коры больших полушарий можно охарактеризовать как «неспецифические». Эти участки коры не задействованы в выполнении первичных моторных и сенсорных функций. Долгое время считалось, что ассоциативные зоны коры — это балласт мозга. Отсюда, кстати, возникло расхо-

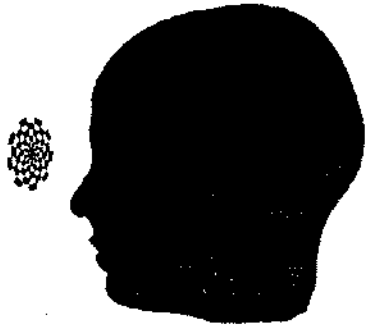

Рис. 17. Активация зрительной сенсорной коры в затылочных долях мозга при восприятии визуальной информации. Изображение получено методом МРТ

жее и крайне живучее мнение о том, что в повседневной жизни человек использует лишь малую часть потенциала мозга. На самом деле в них идет самая кропотливая обработка информации. Ассоциативные зоны представляют особый интерес для психологов, так как они принимают участие в протекании высших «корковых» процессов: восприятия, памяти, мышления, воображения, речи и т.д. Например, ассоциативные зоны лобных долей необходимы при планировании действий. Повреждение лобных долей делает человека неспособным к выходу за пределы конкретной ситуации, он начинает жить исключительно «здесь и сейчас», хотя в остальном его умственные способности остаются неизменными. Установлено, что при поражении зоны Брока (находится в передней лобной доле левого полушария) человек теряет способность правильно произносить слова, а при поражении зоны Вернике (находится в височной доле левого полушария) — понимать обращенную к нему речь.

Важно отметить, что в мозге нет конкретной структурной организации, которая соответствовала бы категориям нашего поведения или субъективным состояниям. Так, в ассоциативной коре нет участков, где рождаются, например, мысли или воспоминания. Даже в осуществление простых психических функций вовлечено множество структур мозга. В случае же сложных психических процессов уместнее говорить о вариативных функциональных системах, обслуживающих то или иное действие.

3.4.5. Проблема локализации психики.

Теория системной динамической локализации высших психических функций А.Р. Лурия

В подходах к тому, как определить «место» психических функций в мозге, существует две крайних позиции: *локализационизм* и *антилокализационизм*. Представители первого подхода считают, что за осуществление каждой психической функции отвечает строго определенный участок мозга. Соответственно, при локальных поражениях мозга психические функции будут страдать избирательно. Ярким воплощением локализационизма является френологическая концепция Ф. Галля, согласно которой каждый «бугорок» мозга отвечал за конкретную умственную способность (включая и такие комплексные способности, как «любовь к родителям» или «честолюбие»), а по их выраженности можно было судить о психологических особенностях человека.

Представители второго подхода уверены, что психические функции являются результирующей работой всего мозга в целом. Согласно этой точке зрения при поражении мозга страдает вся психика, и чем больше площадь поражения, тем серьезнее нарушение. Истина, как всегда, лежит посередине.

Когда речь идет о примитивных сенсорных и моторных процессах, которые жестко генетически связаны с проекционными зонами коры больших полушарий, наиболее адекватным представляется первый подход. Такие элементарные процессы, как светоразличительная способность сетчатки глаза, различение звуков или тактильные ощущения, за миллионы лет эволюции обрели свое место на определенной ограниченной группе нервных клеток. История человека насчитывает всего десятки тысяч лет, так что за это время просто не могли сформироваться особые, генетически закрепленные «зоны счета», «зоны чтения», «зоны письма», «зоны музыки» и т.д.

По мнению А. Р. Лурия, высшие психические функции представляют собой функциональные системы, каждая из которых включает в себя несколько звеньев. В данном контексте трактовка термина «функция» отличается от обыденной: функция как действие какого-либо органа (например, функция слезной железы — выделение слезной жидкости). Функция понимается здесь как сложная деятельность, направленная на решение задачи. В то время как конечная задача функциональной системы является постоянной (например, «узнать, который час»), ее составные части могут быть пластичны (можно посмотреть на часы, или позвонить по телефону «100», или спросить у прохожего).

Сам термин «функциональная система» был введен П.К. Анохиным в 1935 г. для описания организации процессов в целостном организме, взаимодействующем со средой. Поясним это понятие на примере достаточно простого процесса — дыхания. Известно, что определенная область продолговатого мозга раздражима по отношению к концентрации углекислого газа в крови. Если его уровень повышается, посылается импульс в спинной мозг и оттуда — к мышцам диафрагмы, которые в ответ сокращаются (вдох). Однако если перерезать двигательный нерв диафрагмы, животное не задохнется. Вдох будет осуществлен за счет межреберных мышц. Исключение межреберных мышц приведет к использованию других способов доставки воздуха в легкие, например заглатыванию воздуха. То есть звенья, входящие в данную функциональную систему, не представляют собой фиксированной и постоянной цепи реакций и обладают значительной замещаемостью.

Для объяснения работы психических функций в указанном смысле А.Р. Лурия предложил *теорию динамической системной локализации*. Как считает Лурия: «Если дыхание представляет собой столь сложную и пластичную функциональную систему, совершенно естественно, что не может быть и речи о локализации этой функции в каком-либо ограниченном участке мозга». По А.Р. Лурия, структуры мозга и, в первую очередь, ассоциативные зоны коры • «функционально многозначны», т.е. могут включаться в различные функциональные системы. Высшие психические функции социальны по своему происхождению и формируются прижизненно. В процессе их формирования складываются «функциональные мозговые органы» (А.Н. Леонтьев), объединяющие в единые системы множество специфических участков мозга. Причем на последовательных этапах своего развития высшие психические функции не сохраняют единой структуры, но решают одни и те же задачи с помощью различных, закономерно сменяющих друг друга систем связей. Например, мозговая организация речи у ребенка, не владеющего грамотой, значительно отличается от таковой у грамотного взрослого. Участие слуховых и зрительных зон коры, существенное на ранних этапах формирования познавательной деятельности, перестает играть такую роль на поздних этапах, когда мышление начинает опираться на совместную деятельность разных систем коры мозга. Поэтому поражение, например, зрительных сенсорных отделов коры в раннем детстве приводит к недоразвитию познавательных способностей и мышления, в то время как у взрослого аналогичное поражение может компенсироваться влиянием уже сформировавшихся высших функциональных систем.

Более того, различия в специализации различных областей мозга в зависимости от особенностей социальных воздействий можно обнаружить даже на таких фундаментальных явлениях, как явления межполушарной асимметрии (см. ниже). Если у европейцев, чья письменность носит фонематический характер (мы пишем, условно говоря, «звуки»), в процессы, связанные с речью, вовлечено левое полушарие мозга, то у народов, обладающих символической письменностью, например у китайцев, — правое.

Огромный успех концепции динамической системной локализации высших психических функций А.Р. Лурия связан, в первую очередь, с возможностями ее эффективного использования в клинической практике. Если какое-то звено функциональной системы поражено, представляется возможность перестроить систему и добиться компенсации функции.

В качестве иллюстрации рассмотрим страшное заболевание, возникающее обычно в результате кровоизлияния в мозг, — афферентную моторную афазию. Симптоматика афферентной моторной афазии заключается в том, что больной не в состоянии правильно произносить слова, путая близкие по артикуляции звуки, например «л» и «н», «б» и «м» и т.д. Случается это, если поражена зона Брока, расположенная в левой лобной доле коры больших полушарий мозга. Программа восстановления речевой функции в данном случае направлена на создание новых систем движений для произнесения звуков. То, что обычный человек делает автоматически, здесь приходится выстраивать как отдельный навык (вспомните модель Н.А. Бернштейна). При наблюдении за такими больными выясняется, что вне речевой ситуации они способны совершать необходимые движения. Например, артикуляторная картина звуков «п» и «б» сходна с той, которая возникает при резком задувании спички. Положение губ в момент, когда человек дует на горячий чай, такое же, как и при произнесении звука «у» и т.д. Итак, больной много раз дует на спичку и старается осознать и зафиксировать те изменения, которые происходят. С помощью различных внешних средств (зеркал, особых схем) добиваются закрепления заново выученных звуков. Таким образом, в результате кропотливой реабилитационной работы высшие сознательные психические функции замещают низшие автоматизмы.

3.4.6. Межполушарная асимметрия.

Проблема расщепленного мозга

Передний мозг состоит из двух полушарий. На первый взгляд, они похожи как братья-близнецы. Каждая половина имеет собственные проекционные сенсорные и моторные зоны. Долгое время считали, что полушария как бы «дублируют» друг друга. Причем главенствующая роль приписывалась левому полушарию. Однако на сегодняшний день господствует точка зрения о специфических функциях левого и правого полушарий.

Правое и левое полушарие соединяются *мозолистым телом* — мощным пучком проводящих волокон. Исследования Р. Сперри и М. Гэззениги (R. Sperry, M. Gazzaniga, 1967) показали, что при рассечении мозолистого тела, которое еще недавно практиковалось для лечения ряда нарушений, например эпилепсии, происходят необычные вещи.

Если поместить некоторый предмет в левое поле зрения или вложить его в левую руку испытуемого с рассеченным мозолистым телом (в этом случае информация поступает только в правое полушарие), он не может сказать, что именно он держит или видит. Может быть, он не узнает предмет? Однако, если дать испытуемому подержать предмет в левой руке некоторое время, а потом положить его в мешок и попросить найти именно тот предмет, который уже побывал в его руке, он безошибочно выполнит задачу. Более того, если дать такому человеку подержать в левой руке крупные карманные часы (которые он, как мы уже знаем, не сможет назвать), а потом протянуть мешок, где среди прочих предметов будут только наручные часы, он вынет именно их. Таким образом, правое полушарие мозга не может нормально пользоваться речью, но запоминает информацию и даже образует понятия («часы»), т.е. мыслит.

Особые функции правого полушария становятся очевидными, если поменять процедуру так, чтобы информация поступала только в изолированное левое полушарие мозга. При таком условии левое полушарие не справляется с заданиями на пространственное и «ручное» мышление. Например, не удастся правой рукой построить фигурку из кубиков или сложить по предложенной схеме лист бумаги. Самое интересное, что у животных подобных эффектов при расщеплении мозга не наблюдается!

Таким образом, люди располагают как бы не одним мозгом, а двумя! Каждый из них в принципе достаточен для первичной ориентации во внешнем мире. Данные свидетельствуют о том, что левое полушарие активно при решении вербальных или символических, а правое — при решении пространственных и образных задач. Однако по-настоящему эффективная работа мозга возможна лишь при совместной работе обоих полушарий.

3.4.7. Методы изучения головного мозга

Долгое время единственным доступным методом исследования функций различных отделов головного мозга был естественный эксперимент. В этом случае объектами исследования становились люди, которые перенесли травмы мозга. По нарушениям их психической деятельности судили о связи различных областей мозга и психических функций.

В современных исследованиях широко применяются как интервентные методы исследования мозга на животных (например, вне-

дрение электродов в определенные участки мозга), так и неинтервентные методы изучения мозга человека.

Электрэнцефалография (ЭЭГ) — регистрация электрических потенциалов головного мозга с помощью датчиков, размещенных на поверхности головы. Работа мозга регистрируется на мониторе или ленте в виде кривых линий. Исследования проводятся в состоянии покоя или сна, а также на фоне особой стимуляции. Обычно воздействуют на основные органы чувств: зрение (вспышки света, вращающаяся картинка в виде шахматной доски), слух (звуки различной частоты). Хотя метод ЭЭГ широко применяется в клинике, в исследовательской практике он уже уходит в прошлое. Так как ЭЭГ фиксирует суммарную электрическую активность мозга, его познавательный потенциал невелик.

Электромиография (ЭМГ). Электромиография основана на регистрации электрических потенциалов мышц. Это исследование подходит для выявления заболеваний периферической нервной системы, мышц и спинного мозга. Его суть — проверить проводимость нервных волокон, например зафиксировать реакцию мышцы на магнитную или электрическую стимуляцию участка коры головного мозга, отвечающего за подвижность этой мышцы. Так, можно «прощупать» нервные волокна и определить причину двигательных расстройств, таких как паралич или тик.

В последние десятилетия наиболее активно мозг исследуется при помощи компьютерных методик.

Самый наглядный способ получения «картинки» структурных изменений в головном мозге — различные методы *компьютерной томографии*. По сути, они дают послойное сканирование мозга, причем современная аппаратура позволяет получать изображение срезов в несколько миллиметров (этот процесс можно сравнить с нарезкой сыра тонкими ломтиками). Самый простой вид томографии связан с использованием рентгеновских лучей. В результате получается черно-белое изображение мозга.

Магнито-резонансная томография (МРТ) (рис. 18). Для получения изображения этим методом используется эффект магнитного резонанса атомов водорода. Голову испытуемого помещают в сильное магнитное поле, которое упорядочивает вращающиеся атомы водорода. Затем с помощью короткого импульса их дезориентируют. Восстанавливая свое естественное движение, атомы излучают сигналы, которые фиксирует компьютер. В результате получается картина более и менее плотных участков мозга.

Если повторять процедуру МРТ с частотой несколько раз в секунду, можно судить не только о повреждениях мозга (наличии уплотнений или полостей, наполненных жидкостью), но и выделять среди них более и менее активные зоны, анализируя динамику приливов крови к различным областям. Пример изображения, полученного при помощи методики МРТ, можно видеть на рис. 17.

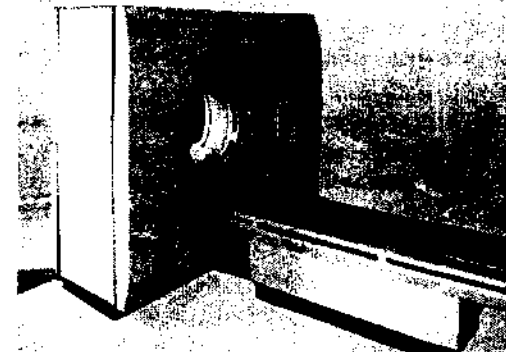

Рис. 18. Аппарат для МРТ

Позитронно-эмиссионная томография (ПЭТ). Испытуемому делается инъекция слаборадиоактивного раствора глюкозы. Глюкоза является «быстрым» источником энергии для клеток мозга. Соответственно, при повышении активности клеток, повышается и потребление ими глюкозы. По уровню поглощения клетками радиоактивной глюкозы судят об активных областях мозга в процессе той или иной психической деятельности.

3.5. Измененные состояния сознания

Функция сознания заключается в отражении целостной картины мира и очень важно, чтобы это отражение было адекватно реальности. Однако существует ряд особых состояний сознания, когда восприятие реальности искажено. В последние годы интерес к таким измененным состояниям сознания заметно вырос.

3.5.1. Сон

Сон является одним из самых распространенных измененных состояний сознания. Сон — это неоднородное состояние. Выделяют две стадии сна: медленноволновой сон и быстроволновой сон (парадоксальный сон). Данные названия связаны с тем, что мозг на разных стадиях сна генерирует различные паттерны электрической активности, фиксируемые с помощью электроэнцефалограммы (ЭЭГ). Медленноволновой сон характеризуется замедлением сер-

дечного ритма и дыхания, расслаблением мускулатуры, снижением артериального давления и темпа обменных процессов в организме. Другими словами, налицо все признаки того, что организм «отдыхает». При медленноволновом сне амплитуда колебаний на ЭЭГ максимальна, волны длинные, медленные (рис. 19). Частота волн во время медленноволнового сна колеблется в пределах 0,5–7 Гц. Современная наука склонна рассматривать стадию медленноволнового сна как время физического восстановления организма. Тяжелая физическая нагрузка приводит к увеличению продолжительности этой стадии сна.

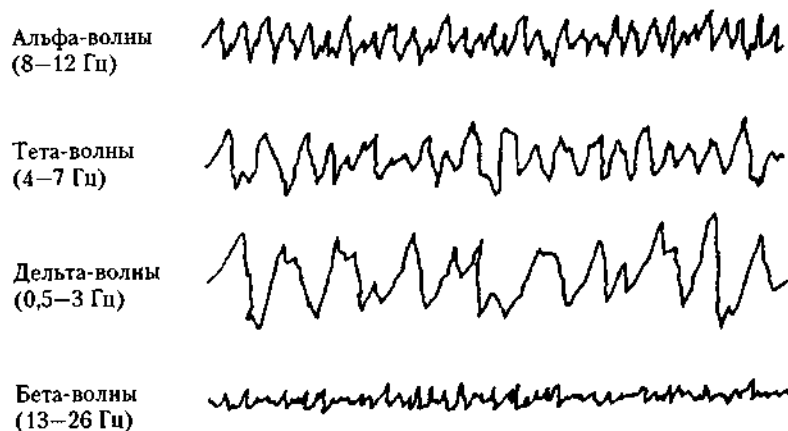

Рис. 19. Альфа-волны — состояние бодрствующего покоя; тета-волны — начало медленноволнового сна; дельта-волны — глубокий медленноволновой сон; бета-волны — быстроволновой сон

Одним из ярких расстройств стадии медленноволнового сна является лунатизм или сомнамбулизм (от лат. *somnus* — сон и *ambulare* — ходить, бродить). Сомнамбулизм проявляется в выполнении во время сна бессознательных, но внешне упорядоченных действий, о которых человек не может вспомнить после пробуждения. Так, лунатик (древние связывали данное расстройство с пагубным влиянием ночного светила) может ходить по комнате, переставлять предметы и т.д. При сомнамбулизме сон носит как бы «частичный» характер, когда торможение захватывает только часть коры головного мозга, оставляя в неприкосновенности двигательные зоны. В нормальном случае медленноволновой сон продолжается непрерывно около полутора часов. Затем следует переход к быст-

роволновому сну. Факт наличия быстроволнового сна был открыт в 1953 г. Ю. Азеринским и Н. Клейтманом. Быстроволновой сон продолжается всего несколько минут, после чего происходит возвращение к медленноволновой стадии. В течение ночи человек переживает несколько периодов быстроволнового сна, причем каждый последующий длиннее предыдущего (при 8-часовом сне данная фаза перед пробуждением может достигать 45 минут). Быстроволновой сон сопровождается учащением пульса и дыхания, артериальное давление повышается, обмен веществ становится более интенсивным, а глаза совершают характерные быстрые движения. ЭЭГ в это время фиксирует быстрые колебания с небольшой амплитудой, схожие с состоянием бодрствования. Частота волн во время быстроволнового сна колеблется в пределах 13–26 Гц. Быстроволновой сон — это сон со сновидениями. Скорее всего, основная функция быстроволнового сна заключается в активной переработке полученной за день информации.

3.5.2. Гипноз

Другой известной формой измененного состояния сознания является гипноз. Психические явления, обозначаемые термином «гипноз», очень разнообразны и известны с давних времен. Многие ритуалы шаманов и колдунов основывались на введении окружающих в состояние транса (или, что по сути то же самое, гипноза). И сегодня мы можем увидеть сеансы массового гипноза, которые даются публично в переполненных залах. Загипнотизированный человек всегда удивляет присутствующих своим необычным поведением. Он выполняет, казалось бы, абсурдные команды гипнотизера: или вдруг впадает в глубокий сон, или увлеченно «собирает цветы с клумбы» (а на самом деле с пустой сцены) и с явным удовольствием нюхает отсутствующий в его руках букет. Человеку, находящемуся в гипнотическом трансе, можно также задать «постгипнотическое внушение», которое будет выполнено уже после выхода из гипноза, например в солнечный день открыть зонт и выйти с ним на балкон. Напомним, что случай с зонтом относится к классическим экспериментам З. Фрейда, который использовал опыты с гипнозом для демонстрации своим оппонентам факта существования бессознательной части психики, которая определяет наше поведение «вне контроля сознания».

Характерной чертой гипнотического транса является то, что, возвратясь в обычное состояние, человек абсолютно не помнит, что с

ним происходило всего несколько минут назад. Этот феномен спонтанного забывания своих действий после глубокого транса назван «постгипнотической амнезией», и его появление служит для специалистов показателем того, что испытуемый не притворялся, «подыгрывая» гипнотизеру, а действительно пребывал в измененном состоянии сознания.

Интересно, что при многократном участии в сеансах гипнотический опыт «суммируется»: входя в очередной транс, человек вспоминает прошлые эксперименты и образует как бы единая линия «жизни в гипнозе» («гипнотическое сознание»), не пересекающаяся с обычным сознанием. Этот же механизм раздельного функционирования отдельных частей сознания (со своей чувственной тканью, системой значений и смыслов) проявляется иногда во сне (повторение снов и их «досматривание» в следующую ночь), а также при приемах психоактивных средств (наркотиков, алкоголя).

Спектр внешних проявлений гипнотических состояний весьма противоречив — от пассивного сна до активной творческой деятельности. Все зависит от методов введения в транс и конкретных инструкций, поступающих от гипнотизера.

Если гипнотизация производится монотонными слабыми раздражителями (качающийся маятник, мелькание световых вспышек, равномерные «убаюкивающие» звуки) или дается прямая команда «спать», то внешне загипнотизированный выглядит как действительно спящий, правда, с одним отличием — он сохраняет «раппорт» (активный участок коры головного мозга, обеспечивающий возможность реагирования на слова гипнотизера). Именно поэтому известный физиолог И.П. Павлов предложил свою теорию гипноза как «частичного сна». Взгляд на гипноз как на частичный сон достаточно широко распространен. С этой точки зрения все вызываемые в гипнозе феномены объясняются ни чем иным, как необычным сочетанием «обычных» психофизиологических механизмов. А отличие гипноза от естественного сна состоит в том, что если механизмы сна запускаются врожденной, генетической программой, то гипноз вызывается специальной искусственной программой, формируемой другим человеком или путем самопрограммирования (так называемый самогипноз). Кстати, представления о гипнозе как об «охранительном торможении» в нервной системе, имеющем адаптационную функцию, позволили увидеть эволюционное сходство гипнотического состояния человека с «гипнозом» животных — состоянием, возникающим при резком изменении окружающей среды под воздействием сверхсильных и опасных раздражителей, когда нужно немедленно заблокировать активность (вспомним то состояние оце-

пенения, в которое впадает кролик при виде удава, или курица, которую перевернули вниз головой).

Однако при иной организации гипнотического сеанса человек может демонстрировать достижения, существенно превосходящие те, что доступны ему в обычном состоянии сознания, например: актуализировать давно утраченные воспоминания и двигательные программы — вплоть до точного воспроизведения детского почерка и схем мышления, легко заучивать большие объемы информации, осваивать иностранный язык, рисовать, писать стихи, играть в шахматы. В связи с этим стали развиваться представления о возможности создания с помощью гипноза таких состояний сознания, в которых открывается доступ к резервам человеческой психики (Л.П. Гримак) и развитию новых творческих способностей (В.Л. Райков). Методика «внушения образа другой личности», широко применявшаяся в работах В.Л. Райкова, показала, что творческие результаты повышаются не только во время самого сеанса, но и за счет эффекта гипнотического последствия (сохранение высокой мотивации) происходит дальнейшее развитие способностей уже без применения гипноза.

Формы активного гипноза как особого состояния измененного самосознания (но не сна!) нашли свое объяснение в теориях диссоциации, которые развиваются в психологической и физиологической версиях.

В психологической версии речь идет о диссоциации сознательных и бессознательных процессов (Й. Брейер, З. Фрейд) или отдельных частей сознания (П. Жанэ). Специфика гипнотического состояния состоит в диссоциации планирующей, исполнительной и контролирующей составляющей поведения, отсутствии сознательной саморегуляции. «Я» субъекта как бы временно исчезает, и эти функции переходят к гипнотизеру. При наблюдении сеанса гипноза со стороны может возникнуть впечатление, что человек превращается в робота, который находится в полном подчинении и автоматически выполняет любую команду. Однако долгая история экспериментов в этой области (В.М. Бехтерев, К.И. Платонов, Л.Черток, В.Л. Райков и др.) показывает, что это не так. Испытуемому нельзя внушить такие действия, которые он ни при каких обстоятельствах не совершил бы в обычном состоянии (например, «украдите кошелек у женщины, а потом подойдите и ударьте мужчину»), но можно так преподнести смысл требуемых действий, что они «обойдут цензуру», не вызовут нравственного сопротивления и будут выполнены («ударьте этого мужчину, он — грабитель и хочет

украсть у женщины кошелек, а пока лучше возьмите кошелек себе и спрячьте его»).

В терминах диссоциации легко объясним еще один интересный гипнотический феномен — негативные галлюцинации. Если испытуемый получает инструкцию «не видеть красные предметы», то действительно все, что имеет красный цвет, перестает осознаваться, однако неосознаваемые формы отражения этих предметов тем не менее остаются и регулируют поведение — на красные стулья человек не натывается, он строит маршрут своего движения так, чтобы они не попались на пути. Следовательно, и в ситуации гипнотического внушения вся поступающая информация анализируется, но либо минуя уровень сознания, либо в иной категориальной и смысловой системе, определяющей суть изменения сознания.

В физиологическом плане диссоциация трактуется как рассогласование типичных, сложившихся систем организации активности нервной системы. Так, при внушении образа другой личности («Вы, Репин, Илья Ефимович Репин, известный художник. Рисуйте!») происходит переструктурирование самосознания: вместо «собственного Я» начинает функционировать гипнотическое самосознание, основанное на той информации, которая есть у испытуемого о художнике Репине. При этом на фоне общего возрастания активности всех зон коры мозга (десинхронизации альфа-ритма и возрастания интенсивности бета-ритма) электроэнцефалограмма показывает развитие сверхмедленных волн (тетта-ритм) в правой лобной доле, что свидетельствует об «отключении» собственного самосознания. Приведем еще один пример из исследований В.Л. Райкова: при внушении взрослому человеку состояния новорожденности «оживляется» рефлекс «плавания глаз» (гипнотически снимаются программы синхронизации и координации движения глазных яблок, которые формируются в самом раннем детстве и произвольно не управляемы).

Таким образом, гипноз представляет собой особое состояние сознания, которое характеризуется диссоциацией в работе отдельных психических подструктур и обеспечивающих их физиологических процессов.

© КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Как понимать выражение «язык животных» и в какой степени животные могут овладеть речью?
2. Почему первобытному человеку стало необходимо сознание?
3. Каким образом концепция Н.А. Бернштейна интегрирует представления об условном рефлексе, оперантном научении, научении через наблюдение, инсайтном научении и научении через рассуждение?

4. Почему часто говорят, что в обыденной жизни мы используем лишь четверть ресурсов нашего головного мозга?

5. В чем заключается суть психофизиологической проблемы и каковы подходы к ее решению?

6. Чем различаются стадии быстроволнового и медленноволнового сна?

(У ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Что, по А.Н. Леонтьеву, служит объективным критерием возникновения психики?

А. Понимание речи.

Б. Наличие нервной системы.

В. Способность к образованию реакции на нейтральные стимулы, которые служат сигналами биологически значимых стимулов.

2. Какой тип нервной системы контролирует учащение сердцебиения и усиление потоотделения, когда мы занимаемся спортом?

А. Центральная.

Б. Симпатическая.

В. Парасимпатическая.

3. При повреждении какой структуры головного мозга нарушается процесс адекватного переживания эмоции страха?

А. Миндалина.

Б. Мозжечок.

В. Варолиев мост.

4. Каким образом возможно восстановление высших психических функций при локальных повреждениях мозга?

А. С помощью препаратов, улучшающих мозговое кровообращение.

Б. Необходимо таким образом перестроить функциональную систему, чтобы высшие психические функции взяли на себя роль ее поврежденных звеньев.

В. Восстановление невозможно.

5. Какие явления наблюдаются при изоляции полушарий переднего Мозга?

А. Человек теряет способность видеть в одном из полей зрения.

Б. Наступает паралич верхних конечностей.

В. Нарушается способность к речевому оформлению информации, поступающей в правое полушарие.

6. При каком методе исследования головного мозга используется тот факт, что активные нейроны поглощают больше глюкозы, чем пассивные?

А. Позитронно-эмиссионная томография.

Б. Магнито-резонансная томография.

В. Электроэнцефалография.

Основная

1. Бернштейн Н.А. О ловкости и ее развитии, М, 1991.
2. Вульдридж Д. Механизмы мозга, М., 1965.
3. Гамезо М.В., Домашенко И.А. Атлас по психологии. М., 1986.
- А. Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д. Основы психологии. С.-Пб.,

2001.

5. Годфруа Ж. Что такое психология. В 2 т. М., 1992.
6. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М., 2000.
7. Общая психология. Тексты. Введение / Под. ред. В.В. Петухова, Ю.Б. Дормашева, С.А. Капустина, М., 2001.

Дополнительная

1. Леонтьев А.Л. Проблемы развития психики. М., 1981.
2. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека. М, 1969.
3. Милнер П. Физиологическая психология, М., 1973.
4. Хьюбел Д. Глаз, мозг, зрение, М., 1990.
5. Шиффман Х. Ощущение и восприятие. С.-Пб., 2003.

Глава 4

РЕГУЛЯТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПСИХИКИ. МОТИВАЦИЯ

Главной движущей силой здорового человека является потребность в развитии и полной актуализации заложенных в нем способностей. Если человек постоянно ощущает влияние иной потребности, он болен, и эта болезнь так же серьезна, как нарушение солевого или кальциевого баланса.

А. Маслоу

4.1. Общая характеристика мотивационной сферы

Исследовательская позиция по отношению к человеку подразумевает попытку не просто описания того «Что» он делает, но и «Почему» и «Зачем» он это делает. Даже на бытовом уровне очевидно, что наша оценка того или иного поведения включает в себя учет мотивационного (от фр. *motif* — причина) фактора. Например, вы идете по улице, и вдруг вас толкает пробегающий мимо человек. Ваше первое чувство — возмущение («Хулиган!» — думаете вы). Но если, обернувшись, вы видите, что за незадачливым «хулиганом» гонится разъяренная собака, возмущение сменяется состраданием. Теперь вы понимаете, почему он бежит, не разбирая дороги. Проникновение в движущие силы поведения другого человека может происходить и по-иному. Вы провожаете взглядом бегущего и обнаруживаете, что он спешит остановить ребенка, который вот-вот окажется на проезжей части. Тут вы не просто забываете о своем возмущении, но и готовы броситься ему на помощь. Ведь вы ответили себе на вопрос, зачем бежит ваш «обидчик». Другими словами, то, как мы относимся к окружающим, базируется на наших знаниях о причинах и целях их поступков. Психологические факторы, которые побуждают, направляют, поддерживают и прекращают специфические виды деятельности, называются *мотивацией*.

Проблема мотивации возникает в связи с двумя типами событий. Во-первых, когда мы обращаем внимание на то, что в аналогичной ситуации два человека ведут себя по-разному. Например, заметив лежащий на дороге кошелек, один возьмет его и постарается поскорее скрыться с находкой, а другой станет разыскивать владельца пропажи. Такой случай может быть схематически описан формулой: $C_1 = C_2, T1 \setminus \Phi P_2$, где C — ситуация, а P — поведение. Во-вторых, когда один и тот же человек в различных ситуациях обнаруживает схожее поведение. Например, говорит правду не только, когда это ему выгодно, но и когда это грозит ему неприятностями. Такой случай может быть схематически описан формулой: $C \setminus \Phi C_2, \Psi = P_2$. В обоих случаях исследователю приходится предположить, что человек находится под воздействием ряда внутренних условий, которые объективно проявляются как в межиндивидуальной вариативности, так и в индивидуальной устойчивости поведения. Против данного факта не могли возразить даже представители школы бихевиоризма, ортодоксальная форма которого считала возможным лишь регистрацию внешних проявлений активности живого организма. Для объяснения описанной выше неоднозначности реагирования, не укладывающейся в простую схему «стимул — реакция», Э.Ч. Толмен ввел понятие «промежуточной переменной» — совокупности скрытых от наблюдателя факторов, оказывающих влияние на поведение. Как говорил сам Толмен, «поведение пахнет целью», что предполагает существование некоторых психологических побуждений, которые делают поведение в данной конкретной ситуации целенаправленным.

В истории психологической мысли вопрос о детерминации поступков человека решался по-разному, тяготея то к полюсу механистической обусловленности поведения воздействиями среды, то к объяснению богатства человеческих проявлений свободой воли, автономной от какой-либо внешней причинности. Реально мы, конечно, имеем дело с циклическим взаимодействием стимуляции (внешнего) и мотивации (внутреннего), которые поддерживают и развивают друг друга. Так, под воздействием голода младенец начинает кричать и получает грудь матери, которая, в свою очередь, вызывает сосательную реакцию, как бы подстегивая чувство голода. Книга с интригующим названием (стимуляция) может заставить вас забыть, что вы зашли в книжный магазин за канцелярскими скрепками, и надолго задержать у полки, пробудив познавательную мотивацию, а та, на новом витке, — активизировать поиск других работ данного автора.

Вернемся к началу главы, где мы намеренно разделили аспекты Причинного и целевого управления поведением. Мотивационную сферу согласно этому разделению составляют потребности (ответ на вопрос: «Почему?») и собственно мотивы (ответ на вопрос: «Зачем, ради чего?»). По определению А.Н. Леонтьева, «потребность как биологическое понятие выступает перед нами как объективная необходимость, т.е. объективная нужда организма в чем-то внешнем, во внешних условиях, которые служат как бы дополнением живых систем». Надо отметить, что между объективной нуждой и субъективным переживанием необходимости лежит целая пропасть. Например, организм, безусловно, нуждается в уровне радиационного фона, не превышающем определенной нормы, однако он лишен специфических рецепторов, отвечающих за оценку этого параметра среды. В силу этого радиация выступает для нас «невидимым убийцей» — ее разрушительные последствия мы начинаем ощущать, когда предпринять что-либо уже поздно. Потребностные состояния организма должны ему «сигнализироваться» (по А.Н. Леонтьеву). Поэтому потребностями следует называть только такую нужду живого организма, в отношении которой он вооружен специальными механизмами ее обнаружения и устранения. Причем эти механизмы могут быть как природными (физиологическими), так и социальными (культурно обусловленными). Абориген племени, проживающий в джунглях Амазонки и никогда не сталкивавшийся с письменностью, не имеет потребности в чтении, хотя у некоторых представителей западной цивилизации она достигает такой остроты, что они буквально «кидаются» на любой печатный текст вне зависимости от его содержания. «Читай, читай! — кричит мне кровь моя», — пишет в одном из стихотворений В. Набоков. В то же время у человека субъективная нужда часто не совпадает с объективной. Так, ребенок требует конфет, несмотря на явные признаки аллергии, а многие взрослые испытывают потребность в том, что принято называть «вредными привычками».

В ряде концепций в понятие «мотивационная сфера» включают и иные «мотивационные диспозиции»: *побуждения, влечения, склонности, стремления, желания, мечтания, интересы* и т.д.

Потребности первоначально носят диффузный характер и предшествуют формированию мотивов (почувствуйте разницу между «хочу есть» и «хочу бабушкиных пирожков с капустой»). Процесс нахождения конкретного объекта, который может удовлетворить потребность, называется *опредмечиванием*. Таким образом, *мотив может быть определен как «предмет потребности»*. Только встреча потребности с конкретным предметом позволяет перейти от ста-

дии хаотичного поиска подходящего предмета (вспомните маленького ребенка, который тянет в рот «что попало») к стадии целенаправленного действия. Обретение цели действия (реально присутствующей или только мыслимой) знаменует начало по-настоящему активной фазы в развитии мотивационной сферы, скачок от «Почему?» к «Во имя чего?».

В связи с генетической первичностью потребностей по отношению к мотивам и целям мы сначала остановимся на их характеристике.

4.2. Общая характеристика потребностей

Потребности можно классифицировать по различным основаниям. Многие авторы создают реестры потребностей, состоящие из множества рядоположенных наименований. В данном случае единственным критерием для классификаций выступает само содержание потребности. Например, У. МакДауголл (1923), понимавший потребности как инстинктоподобные готовые способы реагирования, выделяет: пищедобывание, отвращение, сексуальность, страх, любознательность, покровительство, общение, самоутверждение, подчинение, гнев, поиск помощи, созидание, накопление, смех; отдых и сон, комфорт, передвижение; «примитивные» склонности — кашель, чихание, дыхание и т.д. Классификация Ф. Лерша (1938) насчитывает 18 потребностей (автор называет их «стимулирующими переживаниями»). Однако, как верно указал А. Маслоу: «При желании можно создать «перечень», в котором будет фигурировать лишь одна потребность, и равноправным такому списку будет другой, объединяющий в себе миллион желаний. Пора уже осознать, что каждая из фундаментальных человеческих потребностей на самом деле представляет собой коллектор разнообразных желаний, и подходить к его анализу следует так же, как к анализу фундаментальных категорий». Следуя совету одного из самых уважаемых авторитетов в области мотивации человека, выделим те основания классификаций, которыми пользовались представители самых разных течений в психологии, описывая мотивационное поле личности.

По критерию, притягательным или отталкивающим является предмет потребности, говорят о *позитивных* и *негативных мотивах*. Первые будут побуждать организм к достижению некоторого объекта, а вторые — к избеганию. Примером мотива позитивного типа может служить мотив достижения, а примером мотива второго

типа — мотив избегания неудач. Соответственно, поведение, инициированное позитивными мотивами, объективно будет проявляться в приближении к объекту, а поведение, разворачивающееся под воздействием негативных мотивов, — удалением от него.

По критерию времени актуализации потребности (постоянства ее присутствия у субъекта) выделяют *постоянные* (например, потребность в кислороде), *устойчивые* (например, потребность в общении), *циклические* (например, потребность в нише, потребность в размножении у животных) и *ситуативные* (например, потребность в поедании мела у женщин в период вынашивания ребенка). По интенсивности субъективного переживания потребности состояния (особенно при невозможности реализации потребности) потребности можно разделить на сильные и слабые. По преобладанию ориентации на результат деятельности (например, труд, учение) **или** на сам процесс ее выполнения (например, игра) выделяют процессуальные и результативные потребности. Близко к данной классификации стоит предложенное А.Н. Леонтьевым разделение на предметные и функциональные потребности. Автор персонологической концепции личности Г. Мюррей по аналогичному основанию выделяет модальные и эффективные потребности.

Важным критерием для классификации потребностей является их витальность (необходимость для поддержания жизни) или факультативность. Причем одни авторы считают, что факультативные потребности — это просто некоторая надстройка над витальными потребностями, что-то похожее на более «хитрый» способ их удовлетворения. Так, Г. Халл говорит о первичных и вторичных побуждениях: вторичные побуждения возникают на основе первичных по принципу условно-рефлекторной связи, но впоследствии могут приобретать определенную автономность, как бы «отрываться от корней». Например, стремление к академическим успехам (вторичное побуждение) формируется у ребенка как фиксация сложившейся в опыте связи между получением хорошей оценки и вкусными блюдами (первичная пищевая потребность), которыми родители ее поощряют. Г. Мюррей разделяет потребности на висцерогенные и психогенные. Первые — это потребности, связанные с органической стороной жизни субъекта (например, потребность в кислороде, воде и т.д.). Вторые — это потребности, не обнаруживающие очевидной связи с системами организма (например, потребность в понимании, потребность в уважении и т.д.).

Другие авторы считают, что тот тип потребностей, которые называются факультативными, изначально независим от первичных биологических потребностей. А. Маслоу строит свою классифика-

цию потребностей на основании разграничения двух видов потребностей, тех, что отражают актуальные нужды, и тех, что как бы «смотрят в будущее», т.е. не ограничиваются сохранением существующего, а нацелены на рост и развитие. Соответственно, эти две группы названы А. Маслоу потребностями дефицита и потребностями роста. *Потребности дефицита* функционируют по гомеостатическому принципу (принципу равновесия, баланса): актуализация — удовлетворение (насыщение) — угасание. Отсюда следует циклическая природа их динамики. *Потребности роста* отличаются их принципиальной ненасыщаемостью и возрастом интенсивности по мере удовлетворения. «Много пользы нам принесло бы осознание того факта, что высшие стремления являются частью биологической природы человека, столь же неотъемлемой, как потребность, в пище», — пишет он. Правда, сам А. Маслоу считал, что высшие потребности, или потребности роста, могут стать явными только после того, как низшие дефицитарные потребности минимально удовлетворены.

Потребности также можно различать по их представленности в конкретной ситуации, тогда речь идет об актуализированных и потенциальных потребностях. В определенных ситуациях потребности, по предшествующим наблюдениям, безусловно, типичные для данного человека, не проявляются открыто. Например, любознательный человек не проявляет свойственной ему потребности в познании, когда очень утомлен («Я так устал, что мне сейчас ничего не интересно»). Или, например, универсальная потребность в пище как бы «исчезает» в ситуации насыщения.

По степени активности субъекта, вовлеченного в мотивационный процесс, Г. Мюррей разделяет проактивные и реактивные потребности. Проактивные потребности преимущественно детерминированы внутренним состоянием субъекта (сон после тяжелой работы), а реактивные активируются вследствие определенных событий во внешней среде (засыпание в затемненной комнате в полной тишине). Очевидно, что одна и та же потребность может быть реализована и как проактивная, и как реактивная. В связи с этим Г. Мюррей проводит типологию людей на проакторов (люди, которые обычно активно ищут условия для удовлетворения своих потребностей) и реакторов (тех, кто пассивно реагирует на действующие помимо их воли стимулы среды).

Существует также ряд классификаций потребностей, базирующихся на представлении о диалектической борьбе разнонаправленных побуждений, динамика которых создает внутренне противоречивую картину жизни человека. Такой взгляд особенно присущ

психоаналитически ориентированным концепциям. Например, З. Фрейд постулировал в качестве базисных потребностей влечение к жизни и экспансии (либидо) и влечение к смерти и исчезновению (мортидо). Протекание психической активности человека представлялось ему в непрекращающейся битве Эроса и Танатоса, либидо и мортидо. Представители неофрейдизма, сохраняя общую модель «единства и борьбы противоположностей» в мотивационной сфере личности, заменили крайне биологизированные эротические и танатозные побуждения другими парами: стремление к власти, могуществу, превосходству и стремление к принадлежности, общности (А. Адлер).

Специалисты, работающие в области психопатологии, акцентируют внимание на особых «невротических» потребностях, которые не присущи здоровому человеку. Так, К. Хорни (1942) предлагает перечень из десяти *невротических потребностей*, формирование которых обусловлено крахом в совладании с неизбежно возникающим у каждого ребенка при рождении «чувством изоляции и беспомощности в потенциально враждебном мире»:

- 1) невротическая потребность в любви и одобрении (человек живет ради хорошего мнения о себе);
- 2) невротическая потребность в опекуне (такую позицию в быту часто называют «вампиризмом» — человек тратит всю свою энергию на то, чтобы не оказаться брошенным партнером);
- 3) невротическая потребность в ограничении жизненных целей;
- 4) невротическая потребность в силе (проявляется в подчеркнутом презрении к слабым и неудачливым);
- 5) невротическая потребность в эксплуатации других;
- 6) невротическая потребность в собственной значимости;
- 7) невротическая потребность в том, чтобы быть объектом восхищения;
- 8) невротическая потребность в личных достижениях (гонка за успехом);
- 9) невротическая потребность в независимости (страх связать себя узами с другим человеком);
- 10) невротическая потребность в совершенстве и безупречности.

По принадлежности предмета потребности к материальной, социальной или культурной сфере разделяют материальные, социальные и духовные потребности. Для удобства дальнейшего рассмотрения все богатства потребностей (и, соответственно, значительно превосходящего их по численности богатства мотивов) можно разделить на *органические* и *надорганические*. Данное деление включает в себя предшествующий критерий, объединенный с кри-

терием локализации изменений, возникших в результате удовлетворения потребности. Возможные основания для классификации потребностей представлены в табл. 9.

Таблица 9

Основные классификации потребностей

Основание классификации	Виды потребностей	
Валентность мотива	Позитивные	Негативные
Постоянство	Устойчивые	Ситуативные
Интенсивность	Сильные	Слабые
Ориентация на результат / процесс деятельности	Результативные	Процессуальные
Необходимость для выживания организма	Витальные	Факультативные
Ориентация потребности в настоящее / будущее	Потребности дефицита	Потребности роста
Представленность в ситуации	Актуальные	Потенциальные
Активность субъекта в формировании потребности	Проактивные	Реактивные
Диалектическое взаимодействие парных потребностей	а) Либи́до б) Стремление к превосходству	а) Мортидо б) Стремление к принадлежности
Присутствие в норме и патологии	Нормальные	Невротические
Отнесенность предмета потребности к различным сферам мира	а) Висцерогенные б) Материальные в) Органические	а) Психогенные б) Духовные в) Надорганические

4.2.1. Органические потребности

Органические потребности являются общими для человека и других представителей живой природы. Предметом органической потребности выступают физические компоненты внешнего мира. В результате удовлетворения органических потребностей происходят определенные телесные (физиологические) изменения, которые у человека могут быть отражены в сознании (например, изменение состояния сознания при приеме психоактивных веществ) или протекать без участия сознания (поддержание склеры глаза во влажном состоянии). Удовлетворяются органические потребности могут как пассивно (например, при понижении температуры сужаются кровеносные капилляры в коже), так и активно (перемещение в более теплое место). Причем активная форма удовлетворения может носить инстинктивную или деятельностную форму. Отметим, что у человека способ активной реализации любой органической по-

требности носит социокультурный характер. Например, человек не рвет сырой кусок мяса руками, а готовит из него бифштекс, который ест с помощью ножа и вилки. Базовая специфика человеческих потребностей (по сравнению с представителями растительного и животного мира) заключается в том, что человек:

- способен производить новые предметы для удовлетворения своих потребностей;
- в его деятельности постоянно формируются новые потребности;
- включен в динамику опредмечивания и распредмечивания существующих у него потребностей, т.е. может осознанно менять (или выбирать) предметы потребностей;
- на определенном этапе своего развития приобретает возможность произвольной регуляции своих потребностей (например, может объявить голодовку в знак протеста).

Среди органических потребностей человека и животных наиболее изучены потребность в воздухе, потребность в температурной регуляции внутренней среды организма, потребность в сне, потребность в пище и воде, потребность в самосохранении и потребность в размножении. Рассмотрим подробнее некоторые из органических потребностей.

Температурная регуляция. Хотя в некоторых случаях субъект может испытывать удовольствие от кратковременного нарушения температурного баланса своего организма (например, посещая сауну или купаясь в ледяной воде проруби), в целом температурная регуляция является примером органической потребности, которая функционирует по принципу гомеостаза. Принцип гомеостаза является хронологически первым объяснительным принципом механизма действия потребности. Он заключается в утверждении тенденции организма к сохранению постоянного оптимального для представителя данного вида внутреннего состояния организма. В гомеостатических концепциях потребность мыслится как нечто негативное, то, что организм стремится минимизировать. Другими словами, у живого существа нет потребности в тепле или холоде, а есть потребность находиться в нормальной температурной среде, т.е. избегать перегрева и переохлаждения; нет потребности в пище, а есть потребность не чувствовать голода.

Пассивными реакциями организма, позволяющими избегать перегрева, являются расширение кожных капилляров (в результате чего кровь приливает к внешней поверхности тела и происходит выделение избыточного тепла) и потоотделение (испарение жидкости ведет к охлаждению). Кстати, именно терморегуляция с помощью потоотделения послужила моделью для создания, пожалуй, самого распространенного бытового прибора — холодильника. Если

бы наше тело вместо кожи, способной отдавать тепло окружающей среде, было покрыто теплоизоляционным футляром, уже через двое суток мы бы в буквальном смысле «закипели». При переохлаждении организм «включает» обратные механизмы: сужение поверхностных сосудов кожи и прекращение потоотделения. У животных дополнительным механизмом служит взъерошивание шерсти, что создает своеобразную «воздушную подушку» вокруг тела. Всем нам знакомо ощущение «гусиной кожи», представляющее собой не что иное, как рудимент взъерошивания в отсутствие выраженного волосяного покрова. На более продолжительном временном отрезке эффективной стратегией совладания с низкими температурами является накопление подкожного жира, а также сезонная смена волосяного покрова с летнего на зимний и наоборот.

Показано, что ведущую роль в определении отклонения температуры тела от оптимальной играет гипоталамус (см. гл. 3). Поскольку гипоталамус является частью головного мозга, именно нагревание или охлаждение мозга в первую очередь влияет на наше субъективное переживание холода или тепла. Интересно, что подъем температуры тела при простуде (т.е. реакция, на первый взгляд, противоречащая гомеостатической гипотезе, — организм повышает температуру выше оптимальной, что сопровождается характерным ощущением жара) также связан с функционированием гипоталамуса — его реакцией на определенные биохимические вещества, которые поступают в кровь в ответ на появление очага воспаления.

Активный способ удовлетворения потребности в оптимальной температуре имеет более разнообразные проявления — от простого перемещения в пространстве до сложных форм поведения (строительства убежищ, использования одежды и т.д.).

Сон. Потребность в сне — пример еще одной потребности, которая удовлетворяется в соответствии с принципом гомеостаза. Около трети жизни человек проводит во сне. Причем человек еще не самый «сонливый» из млекопитающих. Например, сурикуня вполне оправдывает свою репутацию, проводя во сне до 20 часов в сутки. До сих пор до конца не выяснено, зачем нужен сон. Описаны случаи, когда человек утрачивал способность спать и при этом не наблюдалось сколько-нибудь серьезных нарушений его здоровья. Возможно, что периодическое обездвиживание организма помогало выживанию вида, выполняя функцию, схожую с затаиванием (особенно в темное время суток). Однако во время сна организм вовсе не пребывает в полном покое: расслабление тела соседствует с напряженной активностью мозга. Сон — это неоднородное состояние. Выделяют две стадии сна — медленноволновой сон и быстроволновой (парадоксальный) сон (см. гл. 3).

Но каким же образом мозг «узнает» о том, что ему необходимо спать? Во-первых, сон наступает как реакция на физическое утомление. Следовательно, можно предположить, что отток крови от мозга в связи с физической нагрузкой на другие органы дает мозгу сигнал «покой!» (например, вас клонит в сон после обильного обеда, когда усиливается приток крови к желудку). Тот факт, что медленноволновой сон всегда предшествует быстроволновому, подтверждает необходимость временного снижения питания мозга как пускового механизма актуализации потребности в сне. Отметим, что широко известный факт — «трудно заснуть натошак» — говорит только о двоякой сигнальной роли уровня питательных веществ в крови. Незначительное падение этого уровня наряду с другими факторами, описанными ниже, посылает сигнал «спать», в то время как значительное падение активизирует пищевую потребность, как бы говоря: «не спи — ищи пищу». Снижение активности коры мозга провоцирует впадение в медленноволновой сон, который может возникнуть и в результате особых характеристик внешней стимуляции, например монотонных повторяющихся звуков. Во-вторых, сон развивается как реакция на избыток в крови особых веществ (их называли раньше гипнотоксинами, или «ядами сна»). Действительно, если ввести в кровь бодрого животного «сонную» кровь, содержащую повышенную концентрацию гормона мелатонина, от другой особи, которая на протяжении длительного времени была лишена сна, оно засыпает. Мелатонин образуется только в светлое время суток, так что утром его количество минимально, а с наступлением сумерек максимально. Таким образом, колебание уровня мелатонина в организме совпадает с объективным циклом смены дня и ночи, что соответствует гипотезе эволюционного значения сна как способа уберечь животное от активности в условиях сниженной видимости. Описанные выше данные отражают взгляд на сон как на системную, биохимически детерминированную реакцию мозга. Ряд клинических данных подтверждают такое видение. Например, терапия больных, страдающих летаргическим (от греч. *lethe* — забвение и *argia* — бездействие) сном, проводится предшественником нейромедиатора дофамина (L — DOPA). L — DOPA повышает скорость проведения импульсов между различными структурами мозга.

С другой стороны, исследования сиамских близнецов (патологически сросшихся близнецов, которые имеют два независимых мозга и общую кровеносную систему) показывают, что в то время как один из них крепко спит, другой может бодрствовать, т.е. изменения биохимического состояния организма недостаточно для наступления сна. Следовательно, потребность в сне представляет собой

двусторонний процесс: изменения в биохимическом составе внутренней среды организма приводят к засыпанию только в том случае, если мозг «готов» к наступлению сна. Таким образом, необходимо установить области мозга, которые реагируют на сигналы, потенцирующие потребность в сне. Хотя специфические рецепторы сна до сих пор не обнаружены, исследования показывают, что в смене состояния сна и бодрствования большую роль играют области гипоталамуса и миндалина (В. Гесс, К. Экономо). Кроме того, вероятно, следует говорить о сне как реакции не только на физическую, но и на умственную усталость. Избыток информации, нуждающейся в обработке и классификации, также должен «требовать» сна, повышая активность одних областей мозга и снижая активность других.

Жажда. Организм человека почти на 70% состоит из воды. Пассивное удовлетворение потребности в жидкости происходит за счет внутренних резервов организма без переживания ощущения жажды. Особые клетки — осморорецепторы, расположенные в гипоталамусе, реагируют на соотношение натриевого и калиевого баланса внутри и вне клеток. Если концентрация ионов калия и натрия вне клетки выше, чем внутри, клетка начинает терять воду. Этот процесс продолжается до тех пор, пока осмотическое давление не выровняется. Обезвоживание осморорецепторов в гипоталамусе стимулирует выработку гормона вазопрессина, который запускает обратное всасывание воды почками из первичной мочи, находящейся в почечных лоханках. Другим измерительным прибором, показания которого служат для определения отклонения объема жидкости внутри организма от оптимального, служит кровяное давление. Падение давления также стимулирует выработку вазопрессина. В том случае, когда работа организма оказывается недостаточной, возникает ощущение жажды, и организм принуждается к активному поиску жидкости во внешней среде. Здоровый человек должен потреблять около двух литров жидкости в сутки. Причем поддержание гомеостатического состояния водного баланса организма настолько важно, что жажда обычно носит упреждающий характер.

Голод. Для поддержания нормального уровня жизнедеятельности взрослый человек должен получать с пищей ежедневно 2000—4000 килокалорий (10 ккал образуется при окислении 2,5 г белков, или 1,1 г жиров, или 2 г углеводов). Мозговым центром регуляции голода и насыщения являются боковые и нижняя центральная области гипоталамуса. Команда «Есть!» отдается гипоталамусом на основании анализа информации об уровне глюкозы в крови, о состоянии желудка (пустой или полный желудок) и жировой ткани (кон-

центрация гормона липтина отражает количество жира в организме). До последнего времени считалось, что боковые области гипоталамуса отвечают за чувство голода, так как при их разрушении подопытные животные отказывались от приема пищи, несмотря на явные признаки истощения. Повреждения же нижней центральной части гипоталамуса ведет к непомерному обжорству. Более тщательное изучение механизмов голода и насыщения Дж. Пинелом привело к уточнению данной гипотезы двойной обусловленности пищевой мотивации: активация определенных областей гипоталамуса ведет не столько к прямому указанию «Есть!», сколько к усилению или торможению выработки инсулина поджелудочной железой, которые, в свою очередь, побуждают организм накапливать жир или расходовать его (J. Pinel, 1993). Другими словами, например, повреждение нижней центральной части гипоталамуса ведет к перепроизводству инсулина и к запуску процесса накопления жира, несмотря на его достаточное количество в организме. Отсюда переедание и, как следствие, ожирение. Можно сказать, что существо с дефектом нижней центральной области гипоталамуса чувствует себя голодным, хотя объективно сыто. И, наоборот, недостаток инсулина, развивающийся вследствие разрушения боковых областей гипоталамуса, приводит к сохранению высокой концентрации глюкозы в крови: животное чувствует насыщение, несмотря на то, что объективно нуждается в пище. «Инсулиновая» модель регуляции пищевой мотивации схематически представлена на рис. 20.

А. Порог реагирования рецепторов нижней центральной области гипоталамуса. Когда уровень глюкозы в крови достигает А, прекращается выработка инсулина — прекращается депонирование питательных веществ в жировые клетки: «Используй, то, что есть!» — наступает чувство насыщения

Б. Оптимальный уровень глюкозы в крови

В. Порог реагирования рецепторов боковых областей гипоталамуса. Когда уровень глюкозы в крови падает до В, активизируется выработка инсулина — депонирование питательных веществ в жировые клетки: «Ешь еще, надо делать запасы!» — наступает чувство голода

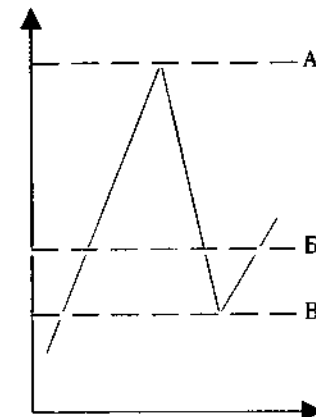

Рис. 20. «Инсулиновая» модель регуляции пищевой мотивации

Однако у человека нарушения питания возникают не только в результате физиологического повреждения мозговых центров. В развитии таких болезней, как ожирение (превышение массы тела более чем на 20% от нормы, вычисляемой по формуле: рост в см — 100), нервная анорексия (понижение массы тела более чем на 15%) и булимия (обжорство, сменяющееся приступами рвоты) огромную роль играют культурные факторы. Пища и масса тела значат для человека гораздо больше, чем просто средства поддержания жизни. Это и инструмент наслаждения, и попытка удовлетворения ряда надорганических потребностей (см. 4.2.2). Например, Т. Штраурманом и А. Гленбергом было показано, что женщины с низкой самооценкой гораздо больше склонны к нарушениям питания, чем женщины с нормальной или высокой самооценкой (Т. Strauman, A. Glenberg, 1991). Случается, что мы «заедаем» скуку, грусть, одиночество. Стройная фигура в современном западном обществе является элементом престижа, при этом само представление о «стройности» противоречит всем медицинским нормам. Если бы кому-либо пришло в голову увеличить тело куклы Барби — идеала современных девушек — до размеров взрослого человека, ее параметры: грудь — талия — бедра равнялись бы 82—41—73, что соответствует глубокой стадии дистрофии.

Рис. 21. Б. Лагетан, 1966.
Модель Твигги

Отчасти переворот представлений в отношении желаемой массы тела произошел в 1960-х гг. на волне успеха британской манекенщицы Твигги (Лесли Хорнби, рис. 21), которая, кстати, обожая вкусно поесть, просто отличалась чрезмерно высоким уровнем метаболизма и поэтому не толстела. Теперь, спустя 35 лет после своего триумфа, Хорнби жертвует огромные суммы на реабилитацию девушек, пострадавших от нервной анорексии.

Половая потребность. На уровне органических потребностей можно выделить потребности «сохранения» и потребности «развития» (П.В. Симонов, 1987). В период до достижения половой зрелости к потребности развития может быть отнесена также пищевая потребность.

Организм потребляет пищу, необходимую не только для поддержания его наличного состояния, но и для увеличения массы тела, а также для формирования новых систем организма. Ребенок за первый год жизни увеличивает свой вес более чем в 3 раза, а за 10 лет — более чем в 10 раз! Очевидно, что в данном случае пищевая потребность как бы «работает на опережение». Заметим, что такая превосходящая будущее политика пищевой потребности уникальна (всем хорошо известно, что нельзя выспаться или согреться впрок) на данном этапе развития организма.

После достижения половой зрелости место потребностей роста в ряду органических потребностей занимает потребность в размножении. Отметим, что только человек способен связать причинно-следственной связью акт зачатия и акт рождения. Для животных, а также, как показывают этнографические исследования, и для представителей примитивных народов мотивирующей силой обладает именно половой акт как таковой, а факт рождения детеныша оказывается «неожиданным». С развитием контрацепции и альтернативных форм репродукции (экстракорпоральное оплодотворение, суррогатное материнство, клонирование) в западных обществах потребность в размножении и половая потребность также приобретают функциональную автономность.

Некоторые авторы считают сексуальность потребностью актуальной на всем протяжении человеческой жизни. Например, З. Фрейд создал периодизацию развития личности на основе динамики эrogenных зон (см. гл. 10). Однако специфическое поведение, связанное с удовлетворением половой потребности, все-таки может быть объективно зарегистрировано лишь с наступлением пубертатного периода (от лат. *pubertas* — половая зрелость). Ключевыми событиями пубертатного периода являются наступление первой менструации у девочек (11—15 лет) и первого семяизвержения у мальчиков (11—16 лет). В этом возрасте наблюдается повышение уровня половых гормонов — тестостерона («мужской»), эстрогена и прогестерона («женские»). Современные исследования показывают, что ситуативный уровень половых гормонов не слишком влияет на половое поведение человека, но оказывается крайне значимым в долговременной перспективе. Дисфункция половых желез в отроческом возрасте приводит к отсутствию нормального полового влечения. Причем на интенсивность половой потребности как у мужчин, так и у женщин влияет мужской гормон тестостерон (люди с высоким уровнем выработки тестостерона отличаются сильной «половой конституцией»).

Повышенный уровень полового гормона воздействует на кору головного мозга через гипоталамус. При реализации половой потребности у мужчин большую роль, чем у женщин, играет преоптическая зона коры, расположенная перед передней частью гипоталамуса (наверное, не зря говорят, что мужчины «любят глазами»),

В последние годы в центр исследований специалистов, занимающихся вопросами мотивации полового поведения, встала проблема сексуальной ориентации, т.е. предпочтения полового партнера противоположного (гетеросексуальность) или аналогичного пола (гомосексуальность). Американская психиатрическая ассоциация в 1973 г. исключила гомосексуальность из перечня психических заболеваний. В России ст. 121 Уголовного кодекса РСФСР, карающая за гомосексуализм, была аннулирована лишь в 1994 г. По данным Национального центра здоровья США (1991) примерно 4% мужчин и 1% женщин являются гомосексуальными. В настоящее время преобладает биологическая, а не культурная гипотеза детерминации гомосексуального поведения. Существуют данные С. ЛеВэя, К. Алена, Р. Горского (S. LeVay, 1991, K. Allen, R. Gorsky, 1994), что мозг гомосексуальных мужчин анатомически сходен с мозгом женщин. Так, например, мозолистое тело, соединяющее левое и правое полушарие, у них на треть больше, чем у гетеросексуальных мужчин. Описаны и различия в строении гипоталамуса — центрального звена органической мотивации. Напротив, работы по воздействию культурных факторов на формирование половой ориентации не обнаруживают значительного вклада обстоятельств воспитания. Например, вопреки распространенному мнению сыновья слабых отцов и матерей, доминирующих в семье, имеют не больше шансов вырасти гомосексуалистами, чем дети, воспитывавшиеся в семьях с традиционным распределением половых ролей (Storms, 1983). Однако ограничение контактов с представителями противоположного пола в подростковый период (раздельное обучение, закрытые учебные заведения и т.д.) предсказывает большую по сравнению с нормальным распределением вероятность гомосексуальности. Более того, как показал Р. Блэнчард, половая гомогенность внутри семьи также оказывается значимым фактором: мужчины, у которых есть старшие братья, чаще становятся гомосексуалами, чем те, кто рос с сестрами или был единственным ребенком в семье: вероятность 3% — для первого сына; 4% — для второго сына и 5% — для третьего (R. Blanchard, 1996). Однако подобная тенденция может быть связана не с влиянием собственно культурных воздействий, а с биологическим явлением полового импринтинга (см. 4.2.3. «Инстинктивное удовлетворение потребностей»). Для всех высших живот-

ных в период полового созревания важно общение с представителями «другого» пола, в противном случае происходит сбой нормального развития полового влечения.

Несмотря на изложенное выше, половая потребность у человека крайне социализирована. Само по себе удовольствие от полового акта во многом представляет собой лишь средство вовлечения субъекта в широкий круг социальных отношений (например, брачные отношения). Отношение к сексуальной практике как к социальной норме (человек, воздерживающийся от сексуальных контактов, подвергается осуждению), долгу (каждый должен в определенном возрасте создать семью, человек, не имеющий семьи — холостой, т.е. «пустой», «беспольный») или развлечению диктует форму и интенсивность половой жизни помимо действия органической потребности. Пожалуй, нет другого вида мотивации, который был бы в такой степени регламентирован культурой. Ярким примером может быть вопрос о допустимости половой жизни до брака. В ряде культур девственность считалась главным достоянием невесты и ценилась настолько, что девушка, не сумевшая сохранить себя в неприкосновенности до свадьбы, каралась смертью. В других же наличие девственной плевы, наоборот, рассматривалось как тягостное бремя, которое нужно как можно скорее скинуть. Во многих национальных традициях предусматривалось принесение девственности в жертву божествам плодородия и, соответственно, процедуру КОЛЛЕКТИВНОГО избавления от нее, например в день летнего солнцестояния (у древних славян). Кстати, именно из мистического страха перед девственностью и берет свое начало широко известный ритуал «права первой ночи», заключавшийся в том, что суверен в ходе сбадебного обряда лишал невинности невесту вассала или, что было гораздо чаще, крестьянина. Дело тут не в унижении нижестоящего на социальной лестнице, напротив, феодал по праву старшего брал на себя крайне опасную обязанность и тем самым избавлял своего подданного от неоправданного риска.

Утрированное значение биологического аспекта сексуальности отражено в концепции З. Фрейда, где практически любая активность субъекта рассматривается как замещающая прямую реализацию половой потребности (например, художественное творчество как сублимация сексуальной потребности). В реальной жизни современного человека половая потребность тесно переплетена с реализацией других, уже надорганических или просоциальных мотивов. Анонимный опрос студенток показал, что для них основным Двигателем половой активности является стремление «стать взрослой» (31%). Затем следуют «желание быть как все, не выделяться

среди друзей, которые уже обладают сексуальным опытом» (21%), желание удержать партнера (15%), поиск душевного тепла и поддержки (13%), любопытство (11%) и, как и следовало ожидать, на последнем месте собственно «потребность в сексе» (9%).

4.2.2. Надорганические потребности

Предметами надорганических потребностей становятся социальные и культурные аспекты мира. Результатом удовлетворения надорганических потребностей являются социальные и личностные изменения, которые могут быть ясно осознаваемы (например, достижение желаемого социального статуса). Надорганическим потребностям присущ исключительно активный способ удовлетворения. Их динамика не описывается гомеостатической моделью. В общем виде эти потребности практически ненасыщаемы, они снижаются только утомлением. Рассмотрим несколько наиболее широко исследуемых надорганических потребностей.

Потребность в общении. В возрастной психологии описан так называемый «комплекс оживления», заключающийся в том, что младенец тянет ручки к попавшему в его поле зрения человеку и издает специфические звуки («гулит»). При этом младенец не требует пищи и не сигнализирует о какой-либо другой телесной нужде. Он стремится к контакту со взрослым бескорыстно. По данным М.И. Лисиной и А.В. Запорожца, новорожденные больше привязываются не к тем, кто их кормит и ухаживает за ними, а к тем, кто с ними разговаривает, улыбается, ласкает.

Автономность потребности в контакте от пищевой потребности была исследована Х. Харлоу (1959). В его эксперименте детеныши макаки-резуса росли изолированно от матери. Однако в их вольеры были помещены «псевдо-матери» — манекены. Один из манекенов был изготовлен из проволоки, но снабжен емкостью с молоком, другой — обтянут плюшем. Таким образом, контакт с первым манекеном обеспечивал удовлетворение пищевой потребности, а второй имитировал физический контакт без пищевого подкрепления. По данным Х. Харлоу, детеныши проводили большую часть времени с плюшевой «псевдо-мамой», лишь ненадолго подбегая к проволочной, чтобы покормиться. Когда их что-то пугало, они стремились прижаться к мягкому плюшевому манекену. Таким образом, показано, что потребность в контакте присутствует у детеныша «сама по себе» и не сводима, по словам Дж. Боулби, к «буфетной» мотивации, когда мать служит объектом привязанности только как источник

пищи и защиты. Если же потребность в такого рода «первичном контакте» не может быть удовлетворена, то и потребность в общении не развивается: дети и в 2—3 года не обнаруживают интереса к взрослым (по М.Ю. Костяковской, 1970). Наблюдается так называемый «синдром госпитализма», получивший свое название от госпиталей, где содержались дети-сироты, чьи физиологические потребности удовлетворялись, но они были лишены достаточного контакта со взрослыми.

Начинаясь с потребности в физическом контакте, мотивация общения приобретает впоследствии крайне широкую и разветвленную структуру. Первоначальная потребность в физическом контакте преобразуется в потребность в социальном контакте (принадлежности) и социальном взаимодействии (близости). В общем виде эти потребности выглядят как *потребность в аффилиации* (от англ. affiliation — соединение, связь). Главенствующую роль в удовлетворении потребности в аффилиации играет эмоциональный, а не когнитивный компонент. Например, в исследовании С. Шехтера (1959) группе студентов сообщали, что им предстоит перенести болезненный удар электрическим током. Они могли выбирать, в какой обстановке ожидать «экзекуции»: в группе собратьев по несчастью, в группе студентов, которые якобы просто коротали время до прихода преподавателя, или в одиночестве. Испытуемые предпочитали ожидать в компании тех, кто так же, как они, должен был получить электрические удары. Те, кому предлагалось выбрать между вторым и третьим условиями, предпочитали одиночество. Другими словами, перед лицом тяжелого испытания у людей активизировалась потребность в психологической принадлежности. Дефицит принадлежности к социальной группе сказывается и на соматическом состоянии человека. Так, согласно Л. Беркману и С. Сайму отсутствие налаженных контактов с членами семьи и друзьями является фактором риска для инфаркта миокарда (L. Berkman, S. Syme, 1979).

Если *потребность в принадлежности* отражает стремление к широким и разнообразным эмоциональным контактам с людьми (экстенсивный аспект), понятие *потребности в близости* указывает на интенцию создания уникальных взаимоотношений с избранным человеком. Стадии формирования близких отношений описываются в модели М. Кнаппа и А. Вангелисти (М. Knapp, A. Vangelisti, 1992). Сначала потребность в близости опредмечивается в конкретном человеке (например, любовь с первого взгляда) и появляется Мотив созидания союза. Затем разворачиваются стадии поиска психологических «точек соприкосновения», через которые отношения приобретают интимный и уникальный характер. Вслед за этим про-

исходит объединение двух изолированных «Я» в одно общее «Мы», которое может привести к завершающей стадии формирования социально нормированной общности, например браку. К сожалению, как уже отмечалось выше, человек склонен не только к опредмечиванию, но и к распредмечиванию потребностей. После достижения высшей стадии развития близкие отношения могут вступить на путь инволюции. В этом случае они так же проходят несколько стадий, но в обратном порядке. В адаптированном виде цикл установления — распада близких отношений представлен на рис. 22.

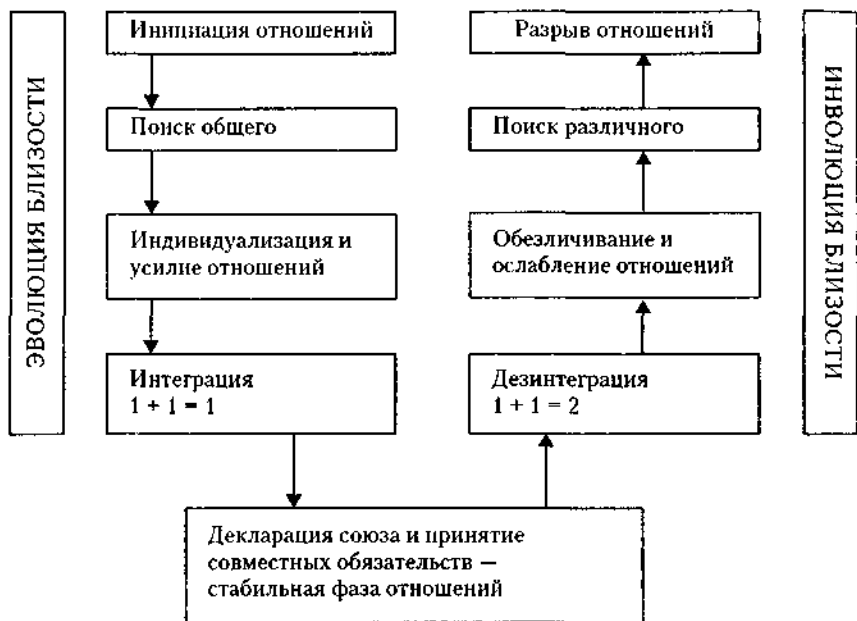

Рис. 22. Цикл установления — распада близких отношений по Кнаппу и Вангелисти, 1992

Если вернуться к предложенному А.Н. Леонтьевым противопоставлению предметных и функциональных потребностей, то потребность в общении, безусловно, носит функциональный характер (как гласит пословица: «не по хорошему мил, а по милу хорош»). Другое дело, что ее реализация часто имеет своим побочным продуктом и некоторый инструментальный результат. Например, «общаясь с этим милым человеком, я узнал много нового» или «мне с ним так легко, что, кажется, все мне по плечу».

Познавательная потребность. Ориентировочный рефлекс, открытый И.П. Павловым, заключается в том, что новый раздражитель вызывает у животного реакцию настройки рецепторов. Животное как будто хочет узнать: «Что такое?». Таким образом, уже в животном мире мы сталкиваемся со специфической формой познавательной мотивации. По мнению Е.Н. Соколова, чем более совершенно строение мозга животного, тем сильнее проявляется ориентировочный рефлекс, т.е. животное становится все «любопытнее». Например, в одном исследовании Х. Харлоу (1950) обезьяну помещали в закрытое помещение с окошком. Нажимая на рычаги, обезьяна могла открыть окошко и в течение 30 секунд наблюдать происходящее вне помещения. Если обезьяна вообще не нажимала рычаг, окошко все равно открывалось на то же самое время (30 сек), только не сразу, а позже — через 5 минут. Эксперимент проводился в течение пяти дней, однако нажатия не прекращались — животному буквально «не терпелось» увидеть, что же там снаружи, хотя по опыту оно уже «знало», что ему и так все покажут спустя несколько минут. Было обнаружено также, что обезьяны могут часами складывать простые головоломки, не получая никакого поощрения, кроме самой возможности выполнения задания.

Сила познавательной мотивации у человека (и высших приматов) может быть очень велика и успешно конкурировать с органической мотивацией (не зря говорят о «жажде» истины). Так, по данным Х. Харлоу, ребенок, даже будучи голодным в течение 14 часов, сядя за стол, часто вместо того, чтобы есть, начинает изучать столовые приборы, перемешивать различные виды пищи и т.д. Получается, что живое существо нуждается в притоке новой информации не меньше, чем в пище и воде (до известного предела, конечно). «Детей не нужно учить любопытству. Детей можно лишь отучить от любопытства», — пишет А. Маслоу. Простейшую форму познавательной потребности, которая заключается в активном исследовании вещного окружения ребенка, Л.И. Божович (1968) назвала «потребностью в новых впечатлениях». Правомочность такой точки зрения доказывают и исследования, связанные с исключением доступа к новой информации. В эксперименте Д. Хебба испытуемого добровольца помещали в звуконепроницаемую камеру, где он вынужден был лежать неподвижно, на его глаза надевались очки, не позволяющие различать предметы, к минимуму сводились и тактильные ощущения. После 12 часов такой информационной («сенсорной») депривации наблюдалось возникновение галлюцинаций, т.е. мозг начинал самостоятельно генерировать паттерны информации, чтобы скомпенсировать недостаток впечатлений извне.

Однако интенсивность познавательной потребности не является исключительно врожденным качеством, хотя и базируется на свойствах нервной системы, проявляясь в особенностях психофизиологических реакций «на новизну стимула». В случае дефицита познавательной потребности у ребенка ее можно усилить при помощи связывания исследовательской деятельности с органическими потребностями. Показательны данные, полученные при работе со слепоглухонемыми детьми в специализированном интернате в г. Сергиев Посад. Ребенок, от рождения лишенный основных органов чувств, спонтанно не проявляет познавательных реакций. В отличие от нормального ребенка он безразлично выпускает из руки вложенный предмет. Достаточно, однако, подкрепить безразличный раздражитель безусловным, например вложить в руку ребенка ложку, затем зачерпнуть ею пищу и положить в рот, чтобы пробудить у него познавательную активность в отношении этого предмета (А.И. Мещеряков, 1960). О том, насколько интенсивно может развиваться такая искусственно спровоцированная познавательная мотивация, свидетельствует судьба ряда выпускников этого интерната, например, доктора психологических наук А. Суворова или скульптора А. Лернера.

Эстетическая потребность. Археологические находки свидетельствуют о том, что первобытные люди начали практиковать применение красящих веществ около 50 тыс. лет назад, а первые образцы наскальной живописи относятся к периоду около 30 тыс. лет назад. Значит, уже в глубокой древности человек стремился к тому, чтобы окружающие его предметы не просто удовлетворяли его потребности, но и были красивыми, гармоничными. По наблюдениям П.П. Блонского, даже грудной младенец активно предпочитает блестящий объект нейтральному, а в возрасте двух лет он уже проявляет определенное отношение к рисунку, воспринимая изображение не как рядоположенное предметному миру, а как особую «художественную» реальность. У детей трех — семи лет внешняя привлекательность может играть значительную роль в выборе партнера по играм (Т.А. Репина, 1988). «Человек испытывает непреодолимое желание поправить криво повешенную картину», — пишет А. Маслоу, подразумевая, что эстетическая потребность является одной из базовых характеристик человеческой природы.

Можно выделить три основных подхода к пониманию источника эстетической потребности.

Теории эстетического гедонизма (от греч. *hedone* — наслаждение) сводят природу эстетической потребности к получению удовольствия. Еще Дж. Локк утверждал, что терминами «прекрасное»,

«красота» человеку свойственно обозначать все то, что «вызывает нас, когда мы их наблюдаем, чувства радости и наслаждения». В рамках гедонистического подхода к эстетической мотивации возникла «экспериментальная эстетика». Ее создателем был основоположник психофизики Г. Фехнер (см. гл. 7). Главная цель экспериментальной эстетики заключалась в том, чтобы определить основные условия, при которых возникает эстетическое удовольствие. Г. Фехнер предъявлял испытуемым элементарные конфигурации цветов, форм и звуков. В результате он установил шесть «законов» Эстетического удовольствия: эстетический порог; эстетическое усиление; единство в соединении разнообразного; отсутствие противоречий; ясность; принцип эстетических ассоциаций. Очевидно, что данные принципы значительно пересекаются с принципами организации поля, предложенными позднее гештальтпсихологами (см. гл. 7). Получается, что при совпадении параметров стимуляции с врожденными диспозициями восприятия, человек испытывает буквально физиологическое удовольствие. В развитой форме концепция Г. Фехнера нашла свое широкое применение в промышленном дизайне и массовой культуре. Действительно, всем нравятся обтекаемые формы и традиционно красный цвет автомобиля «Феррари», но далеко не каждый способен насладиться изломанными линиями и цветовым контрапунктом живописи немецких экспрессионистов. Другими словами, гедонистический подход к эстетической потребности достаточно хорошо объясняет простейшие реакции наивного потребителя искусства, но ничего не может дать для понимания восприятия сложных форм искусства, особенно так называемого «концептуального искусства».

Другим подходом к пониманию эстетической потребности является теория «вчувствования», или «эмпатии». Суть данного подхода заключается в том, что субъект как бы переносит свои переживания на объект искусства, идентифицируется с ним. Встречаясь с искусством, человек объективирует свои внутренние переживания, как бы «перетекая» в само произведение. Ф. Шиллер определил искусство, как способ «делать своими чужие чувства». Процесс вчувствования, или эмпатии (способности проникать в психику другого человека, сочувствовать ему так, как будто происходящее с ним происходит с вами), носит интуитивный характер. Легко видеть, что если в гедонистических концепциях восприятие искусства носит пассивный характер (картина должна быть создана «по правилам», чтобы вызвать эстетический ответ у зрителя), то в теориях вчувствования акцент переносится на активность самого субъекта. Необходимо лишь, чтобы произведение успешно резонировало с пси-

хическим состоянием зрителя. При таком понимании эстетическую потребность в принципе может удовлетворить любой объект, а градус и знак эстетического переживания зависят в основном от настроения зрителя. Например, в одной ситуации мелодия может показаться праздничной в связи с моим собственным приподнятым эмоциональным состоянием и тем самым усилить хорошее настроение, а в другой ситуации аналогичная мелодия прозвучит тревожно, так как ей приписывается тревога, которая владеет человеком в данный момент.

Третий подход к толкованию эстетической потребности можно назвать «когнитивным». Еще Аристотель рассматривал искусство как форму постижения мудрости. Сходно звучит художественное кредо поэта-классициста Н. Буало: «Так пусть же будет смысл всего дороже вам / Пусть блеск и красоту лишь он дает стихам!». Гегель определял искусство, как способ познания «всеобъемлющих истин духа». Искусство в данном подходе рассматривается как «мышление в образах» (ВТ. Белинский), т.е. эстетическая потребность понимается как частный случай потребности познавательной.

В отличие от изложенных выше взглядов на природу эстетической потребности Л.С. Выготский в своей ранней работе «Психология искусства» предлагает понимать стремление человека к взаимодействию с произведениями искусства как необходимую (особую) форму социализации мира его чувств. По Л.С. Выготскому, потребность человека в эстетическом переживании определяется тем, что индивидуальные чувства, эмоции, страсти преобразуются произведением искусства, обобщаются и становятся «культурными». Этот процесс носит характер катарсиса, переживаемого как состояние просветления, разрешения мучительного противоречия в чувствах, открытия новой, собственно человеческой правды конкретной жизненной ситуации. Именно достижение катарсиса (суть которого не сводима к разрядке подавленных аффективных влечений, как это описывалось З. Фрейдом) и является подлинной мотивационной основой эстетической деятельности.

В заключение отметим, что по мере формирования художественного вкуса способы удовлетворения эстетической потребности становятся все более опосредствованными. Так, для того, чтобы пережить эстетическое наслаждение от встречи со сложными художественными объектами, необходимо располагать широким контекстом знаний и богатым эстетическим опытом.

Потребность в достижении. «Достиг я высшей власти», — говорит Борис Годунов в трагедии А.С. Пушкина. Многим людям свойственно стремление добиваться успеха, делать что-то лучше

рших окружающих, занимать лидерскую позицию. Потребность в достижении была впервые описана Г. Мюрреем и впоследствии тщательно исследована Д. МакКлелландом (1965). Было выяснено, что в целом потребность в достижении является устойчивой характеристикой личности, т.е. проявляется в широком спектре ситуаций независимо от их конкретного содержания. Так, МакКлелланд обнаружил, что среди людей, занимающихся предпринимательской деятельностью, 83% демонстрировали высокую выраженность мотивации достижения, в то время как среди тех, кто предпочитал быть наемным работником, таких было всего 21%. Л.П. Дмитриенкова (1980) выявила значительно более высокую мотивацию достижений у спортсменов высокой квалификации, чем у спортсменов, не показывающих стабильно высоких результатов на соревнованиях.

Наряду с потребностью в достижении успеха значительным мотивационным потенциалом обладает и близкая по содержанию, но противоположная по направленности потребность в избегании неудач. Исследования показывают, что мотивация стремления к успеху и мотивация избегания неудач — не два полюса одной шкалы, а достаточно независимые факторы. По данным Кестнера и Д. МакКлелланда (1990) испытуемые с преобладающей мотивацией достижения выбирают по возможности задачи, которые кажутся им средними по уровню сложности. Дело в том, что задачи именно такого типа в связи с равной вероятностью выигрыша и проигрыша могут максимально эффективно удовлетворить потребность в достижении успеха. Испытуемые с ярко выраженной мотивацией избегания неудач, наоборот, с большей готовностью берутся за решение или простейших задач (где вероятность проигрыша стремится к 0), или за решение самых сложных задач. В этом случае неуспех может быть приписан внешним факторам («Задача была слишком трудной!»), и ответственность за личную неэффективность субъективно снижается, а значит, и переживания менее болезненны.

В различных культурах социально одобряется преимущественно один или другой вид мотивации. Так, например, североамериканское общество четко ориентирует людей на достижения и жизненный успех. В традиционном российском менталитете преобладает Поощрение альтернативной модели поведения: более важно не обогнать соперников (таких людей называют «выскачками»), а сохранить позитивный эмоциональный климат в коллективе, оправдать Доверие окружающих, не подвергать их неоправданному риску и т.д.

Альтруистическая мотивация. В целом людям свойственно Помогать ближним. Под альтруистическим поведением понимаются действия, направленные на поддержку других, реализующие кон-

кретные виды помощи. Однако собственно альтруистическая мотивация является только одной из детерминант «помогающего поведения» наряду с другими мотивами: потребностью в социальной оценке, потребностью в самоутверждении, чувством корпоративной чести, религиозным чувством и т.п. Параллельно существуют две концепции альтруистической мотивации. Сторонники первой признают альтруизм естественной составляющей природы человека. Альтруизм существует, потому что полезен для выживания вида, считают они. Такой подход можно назвать «биологическим», ведь альтруистическое поведение по своей внутренней сущности понимается как тождественное «эгоизму вида». Суть второй концепции заключается в том, что альтруизм есть следование культурной норме и, таким образом, не может быть сведен к фактору прагматической полезности.

Одним из «биологически» мыслящих психологов является Р. Доукинс. Глобальной идеей концепции Доукинса выступает идея врожденного эгоизма. «Все, что эволюционировало, должно быть эгоистичным... Если мы обнаруживаем, что наше предположение неправильно, если мы видим, что человеческое поведение истинно альтруистично, тогда мы сталкиваемся с какой-то загадкой» (Dawkins R., 1977). Автором утверждается неизменная подчиненность внешне альтруистических поступков эгоистическим побуждениям. Развитие этого взгляда представлено в теории Дж. Раштона (J.P. Rushton, 1989). Она предполагает наличие «родственного отбора» (kin selection), т.е. способности людей отличать генетически сходных с ними других людей. Таким образом, согласно этой теории, генетически сходные люди имеют возможность находить друг друга и обеспечивать взаимоблагоприятную окружающую среду через брак, дружбу, помощь или формирование социальных групп. Несколько иной вариант подхода предлагает концепция реципрокного альтруизма Р. Триверса (R.L. Trivers, 1971). Проявление альтруистического поведения со стороны партнера по взаимодействию, согласно этой концепции, ведет, в свою очередь, к ответному альтруистическому акту, что генетически закреплено и, с точки зрения самого субъекта, служит выживанию вида. Примером может служить теория Дж. Аронфрида (J. Aronfreed, 1973), согласно которой в основе альтруистического поведения лежит предрасположенность к переживанию эмоционального состояния другого человека. Подкреплением здесь выступает удовольствие, которое человек получает при виде своего альтруистического поступка. В рамках психоаналитических концепций предлагается понимание альтруистического поведения как поведения, направленного на достижение

благополучия других людей, но обеспечивающего субъекту удовлетворение собственных влечений и вытесненных побуждений. Причина подобного социально одобряемого поведения видится в неосознаваемом стремлении путем бескорыстного поступка преодолеть изначально присущее человеку чувство вины перед другими и самим собой. Для подтверждения данной теории проводились эксперименты, в которых у испытуемых намеренно создавали чувство вины, что вело к активизации альтруистического поведения. Анализу альтруистических проявлений была посвящена также глава в работе А. Фрейд (1990), где в качестве причины альтруизма описывается вытесненная агрессия, а механизмы реализации альтруистических действий объясняются в терминах проекции и идентификации.

Культуроориентированный подход исходит из того факта, что альтруистическое поведение является социально поощряемым во всех обществах и культурах. В обществе формируются особые нормы альтруизма, среди которых выделяются «норма ответственности» и «норма взаимности» (Х. Хекхаузен, 1986). Норма социальной ответственности требует оказания помощи во всех случаях, когда нуждающийся находится в зависимости от потенциального субъекта помощи (помощь слабому). Норма взаимности представляется универсальным принципом социального взаимодействия и происходящего в обществе обмена материальными и социальными благами, действиями, благодеяниями и вредом (знаменитый принцип «ты — мне, я — тебе»). Культурно задается и приемлемый «уровень» альтруизма. Например, тот, кто готов «отдать последнюю рубашку», рассматривается как не совсем нормальный, а человек, не демонстрирующий даже формального альтруизма (уступить место в транспорте пожилому человеку, открыть дверь перед женщиной), причисляется к «невоспитанным», а значит, и стоящим вне культуры.

Масштабное исследование альтруизма было проведено выдающимся социологом и философом Питиримом Сорокиным (1950), который в качестве основной детерминанты поведения и отношений людей рассматривает принимаемые социальными группами моральные нормы. Исследование П. Сорокина получило название «Добрые соседи» в силу специфики отбора людей в «альтруистическую группу». По данным автора, женщины более альтруистичны, чем мужчины, наиболее активно альтруизм проявляется в возрасте 30—59 лет, обычно люди с альтруистической направленностью воспитывались в больших семьях и 90% из них счастливы в своей личной Жизни. Среди мотивов стремления оказывать помощь испытуемые П. Сорокина назвали: 21% — религию, 29% — воспитание в семье,

8% — школу, 11% — жизненный опыт, 28% — примеры из истории и литературы.

Гуманистически ориентированные подходы подчеркивают факт постоянного стремления к достижению гармонии личности с окружающим миром, условием которой является понимание и принятие личности со стороны окружающих. Альтруистическая помощь способствует гармонии, основывается на эмпатии и выступает в функции поддержки другого в его личностном росте и развитии, выражаясь не только в конкретных действиях, но и в демонстрации понимания, принятия нуждающегося в этом человека (К. Роджерс). В гуманистической парадигме разрабатывается представление об альтруизме как высшей, «бытийной» ценности и показателе психологического здоровья личности и общества. Стремление к альтруизму считается изначально присущим каждому человеку как отражение его собственно человеческой природы (А. Маслоу). Известнейший современный автор Эрих Фромм считает невозможным противопоставлять альтруизм эгоизму, поскольку они определены общим свойством человека «любовью к жизни и ко всему живому вообще»: «Утверждение своей собственной жизни, своего счастья, развития, свободы основано на способности любить, то есть на заботе, уважении, ответственности и знании... Если индивид способен на плодотворную любовь, он любит также и себя, если он способен любить только других, он не способен любить вообще» (Э. Фромм, 1992).

4.2.3. Удовлетворение потребностей

С точки зрения адекватного удовлетворения потребности критически важным являются процессы опредмечивания и распределмечивания потребности. *В акте опредмечивания потребности рождается мотив.* Суть процесса опредмечивания потребности состоит во встрече живого существа с миром, когда внутренняя готовность к действию приобретает конкретную направленность — становится деятельностью. Деятельность всегда мотивирована, т.е. детерминирована мотивом — предметом, на который она направлена. Возможность (и представленность в эволюционном развитии) противоположного процесса распределмечивания потребностей обеспечивает гибкость и вариативность поведения, как при изменениях внешнего мира (среды обитания животных или условий жизни человека), так и в связи с изменениями самого субъекта, что особенно важно для жизнедеятельности личности.

Инстинктивное удовлетворение потребностей. Наиболее значимые с точки зрения эволюции потребности приобрели в филогенезе фиксированные способы удовлетворения. Поведение по удовлетворению потребностей, которое осуществляется на основе врожденных программ, называется *инстинктивным поведением*. Реализация инстинкта представляет собой цепочку фиксированных действий, которая приводится в действие врожденным и специфичным для данного вида животным сигнальным раздражителем. Сигнальный раздражитель — это какой-либо аспект среды (цвет, запах и т.д.), а не целостный объект. Например, у самца небольшой рыбы — трехиглой корюшки — в брачный период брюшко становится ярко-красным. Красное пятно на брюшке рыбы выступает в качестве сигнального раздражителя, который запускает инстинктивное поведение защиты территории у других самцов. В период размножения самцы корюшки будут совершать грозные наскоки даже на грубый муляж с красным пятном, сохраняя при этом полную индифферентность по отношению к самцу своего вида, у которого краснота будет замаскирована.

Классическая концепция инстинктивного поведения была сформулирована Конрадом Лоренцом и Нико Тинбергом, которым в 1973 г. была присуждена Нобелевская премия в области медицины. К. Лоренц и Н. Тинберген утверждали, что для реализации инстинкта важны как внутренние, так и средовые факторы. Модель, предложенная К. Лоренцем и Н. Тинбергом, получила название «гидромеханической модели Мотивации» (рис. 23).

Инстинктивное поведение определенного типа может быть начато при различных условиях. Во-первых, в «резервуаре» может скопиться настолько большое количе-

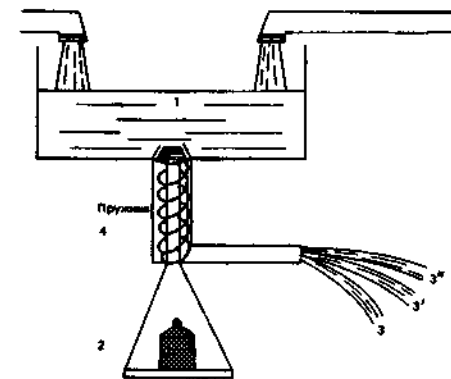

Рис. 23. Гидромеханическая модель мотивации (К. Лоренц, 1950):

- 1 — резервуар, в котором накапливается «энергия» активации, различная для каждой потребности. Накопление энергии связано с физиологическим состоянием организма;
- 2 — внешние сигнальные раздражители («гирьки»);
- 3, 3', 3'' — варианты интенсивности реализации инстинктивного поведения;
- 4 — порог запуска инстинктивного поведения

ство энергии инстинкта, что поведение начинает разворачиваться без воздействия внешних раздражителей. Так, голод вынуждает живое искать пищу, даже когда ничто во внешней среде о ней не напоминает. Во-вторых, достаточно высокая степень активации снижает порог запуска инстинктивного поведения, и сигнальный раздражитель слабой интенсивности срабатывает. Ярким примером такого механизма является миграция лосося (А. Хаслер, 1960). Тихоокеанский лосось вылупляется в ручьях западной части США и Канады. Затем мальки вместе с течением уходят в Тихий океан. Спустя два года, когда в их организмах накапливается необходимый уровень половых гормонов, лососи устремляются обратно к месту своего рождения. Реализация полового инстинкта лососей включает в себя ориентацию на минимальную концентрацию химических веществ родного ручья, которая дает им возможность безошибочно выбирать направление и идти на нерест туда, куда «нужно». Не достигшие половой зрелости рыбы остаются безразличными к такого рода сигнальным раздражителям, в то время как зрелые рыбы демонстрируют фантастическую чувствительность: буквально капли родной воды (сигнальный раздражитель) достаточно для запуска инстинктивного поведения.

И, в-третьих, сигнальный раздражитель может быть настолько силен, что инстинктивное поведение осуществляется, несмотря на недостаточную готовность организма. Например, известно, что сигнальным раздражителем для птиц-родителей служит широко открытый клюв птенцов. Мотивационной привлекательностью широко открытого клюва птенца, которой родители просто не могут противостоять, умело пользуются представители других видов, успешное выживание которых связано с паразитированием. Так, птенцы кукушки, подброшенные матерью в гнезда более мелких птиц, конечно, разевают клюв шире, чем их родные дети. В результате несчастные родители неутомимо выкармливают подкидыша, обрекая своих птенцов на голодную смерть.

При инстинктивной мотивации процесс опредмечивания потребности часто носит характер *импринтинга*. Открытие явления импринтинга, т.е. мгновенного и необратимого нахождения потребностью своего предмета, принадлежит Дугласу Сполдингу (D. Spalding, 1875). Он наблюдал развитие вылупившихся из яйца цыплят и обнаружил, что в первые дни после рождения цыплята следуют за любым движущимся предметом. Они как бы «считают» его своей матерью и впоследствии демонстрируют ему привязанность. Однако наблюдения Сполдинга не были оценены при его жизни и получили широкую огласку только в 1950-х гг. К. Лоренц повторил и

значительно расширил данные Сполдинга. Он считал, что явление импринтинга возможно только на строго определенной стадии развития организма (сензитивные периоды). Цыпленок проявляет ярко выраженную реакцию следования (импринтинг матери) только в период 5—25 часов после вылупления из яйца. После завершения этого периода при приближении аналогичного объекта он скорее будет демонстрировать реакцию страха. Наличие сензитивных периодов для инстинктивного опредмечивания потребности биологически целесообразно. Действительно, существо, которое детеныш увидит сразу после рождения, скорее всего, окажется его матерью, а тот, кто придет позже, может быть опасным хищником. В свою очередь, у матери также наблюдается импринтинг своего детеныша. Так, у коз имеется особая чувствительность к запаху детеныша, которая быстро исчезает. Если в этот сензитивный период подменить козленка, согласно данным П. Клопфера и Дж. Гэмбла, коза будет воспринимать его как своего, а родного детеныша отвергать (P. Klopfer, J. Gamble, 1966).

Вопрос о наличии инстинктивного поведения у человека до сих пор остается открытым. Существуют данные, что явления, подобные импринтингу у животных, наблюдаются и у людей. Термин «*бондинг*» употребляется для обозначения процесса возникновения эмоциональной привязанности между родителями и новорожденным, формирующейся в первые часы и дни после рождения. Например, отцы, которые присутствовали при рождении своих детей и имели возможность общаться с ними в первые часы жизни, впоследствии проявляли гораздо большую любовь и участие к ним. В другом исследовании было показано, что матери, которые находились в одной комнате с младенцем в течение трех дней после родов, даже по прошествии нескольких лет демонстрировали значительно более высокую привязанность к своим детям, чем те, которым младенцев приносили только для кормления. Есть данные и о том, что у людей, которые провели вместе детство, отсутствует половое влечение друг к другу. Данный факт связывается с действием механизма, аналогичного родственному импринтингу у животных: поскольку близкородственное скрещивание является эволюционно опасным, животные избегают при образовании пары своих семейных собратьев, запечатлевая их в ранний период жизни.

Несмотря на важную роль инстинктивного поведения для биологической эволюции, очевидно, что на уровне человека приобретенные формы удовлетворения потребностей играют несравненно большую роль, чем врожденные. Особенно значимо это проявляется в процессе распределения потребностей, т.е. в про-

цессе, когда потребность меняет свой предмет. Как уже было указано выше, классическое представление об инстинкте включает в себя представление о необратимом характере импринтинга, т.е. формировании жесткой мотивационной связи с объектом. Хотя схожие явления можно наблюдать и в человеческом поведении (некоторые мужчины влюбляются только в блондинок), все-таки человек ориентируется не на изолированные характеристики объекта, а на целостную картину мира.

Деятельностное удовлетворение потребностей. В жизни человека инстинктивный способ удовлетворения потребностей (если он вообще существует) является скорее рудиментом, чем преобладающей формой. Человек включен в постоянную цепь деятельности, в которой он не только удовлетворяет уже сложившиеся у него потребности, но и создает новые. Можно сказать, что человек выступает в роли «производителя» своих мотивов. Человек ставит перед собой цели (сознательные представления о потребном будущем) и руководствуется ими не в меньшей степени, чем актуальной ситуацией.

Одним из путей порождения новых мотивов в деятельности является механизм «сдвига мотива на цель», описанный А.Н. Леонтьевым. В данном случае новый мотив возникает из цели действия, которое прежде было компонентом иной деятельности. Поясним действие данного механизма на примере. Студентка отправляется на лекцию нового преподавателя, привлеченная интригующим названием его курса. Ею движет познавательная мотивация, а также мотив достижения, так как она хочет наилучшим образом освоить все необходимое для ее будущей профессии. Эти две присущие нашей героине потребности опредметились в ее мотиве — походе на лекцию. Но, зайдя в аудиторию, она обнаруживает, что новый преподаватель — очень привлекательный молодой человек. С этого дня она не пропускает ни одной лекции этого преподавателя, и даже те, что читаются на других факультетах и не включены в ее учебный план; преподаватель приобретает для нее мотивирующую силу сам по себе, как интересующая ее личность. Произошел «сдвиг мотива на цель», т.е. то, что сначала выступало для нее целью конкретного действия (прослушивание курса) в рамках деятельности более высокого уровня (обучение и овладение профессией), теперь превратилось в самостоятельный мотив (увидеть данного человека). На этом примере удобно пояснить и еще одно важное в деятельностном подходе разделение на «внешние» и «внутренние» мотивы деятельности. Внутренние мотивы — это те, что совпадают по содержанию с выполняемой деятельностью, а внешние — те, что выходят за ее

рамки. В нашем случае внутренними мотивами остаются мотивы учения и достижения (ведь девушка не перестала интересоваться своей профессией и не стала менее любознательной), которые совпадают с тем, что собственно она делает (ходит в институт и посещает лекции). Внешним же мотивом для нее стала привлекательность преподавателя. Этот мотив, на первый взгляд, не имеет отношения к учебной деятельности, но на деле дополнительно побуждает и поддерживает ее.

4.3. Иерархическая организация мотивационной сферы личности

Очевидно, что различные потребности появляются в репертуаре психической жизни человека не одновременно. Хотя логично было бы предположить, что органические потребности как потребности, от которых зависит функционирование организма, и являются базовыми (то есть первыми), но, по мнению ряда авторов, это не так. Так, например, Дж. Боулби (1939) выделяет в качестве первичной потребности, присущей даже новорожденным детенышам высших животных и человека, потребность в привязанности. Боулби выводил все остальные потребности человека из этой первичной потребности. Данный подход может быть обозначен как концепция «единого мотива», которая нашла отражение, например, в классическом психоанализе. Концепции единого мотива видят свою задачу в том, чтобы определить общий источник, из которого развивается вся мотивационная сфера человека. Таким образом, какая-то одна потребность рассматривается как главная, «настоящая», а все другие представляются как ее более или менее отдаленные производные.

Альтернативой концепциям «единого мотива» являются модели, которые полагают, что все потребности человека являются по сути «равноправными». Они не выводятся одна из другой и, соответственно, не могут быть сведены друг к другу. Другое дело, что в филогенезе, онтогенезе и актуалгенезе потребности возникают в определенной последовательности (именно в этом смысле говорят об «уровнях» потребностей), так что потребность более высокого уровня может стать явной лишь тогда, когда потребность более низкого уровня минимально удовлетворена. Однако, однажды появившись, потребность более высокого уровня не утрачивает своего мотивирующего потенциала даже при деприва-

ции более низких. Более того, она может служить для своеобразной компенсации дефицита нижележащих потребностей. По меткому сравнению В.Е. Субботина, процесс развертывания мотивационной сферы личности напоминает «шлюзование» судна при подъеме по течению реки: пока степень наполнения предыдущего отсека шлюза не достигнет необходимого уровня, движение вверх невозможно.

Первая работа, реализующая данную модель соотношения различных потребностей, была выполнена Л. Брентано в начале XX и. (на русском языке его книга «Опыт теории потребностей» вышла в 1921 г.). Он расположил потребности в порядке их неотложности для человека. С этой точки зрения, первой оказалась потребность в пище, второй — половая потребность, третьей — потребность «признания другими», четвертой — религиозная потребность («потребность в заботе о своем благе после смерти»). Затем шли потребность в образовании, в науках и искусстве» и потребность творчества.

Наибольшую популярность приобрела модель «иерархии потребностей» американского психолога А. Маслоу, которая обычно изображается в виде пирамиды (рис. 24).

Рис. 24. Иерархическая пирамида потребностей, по А. Маслоу (1970)

Модель А. Маслоу предполагает, что путь развития мотивационной сферы человека заключается в последовательном пробуждении и удовлетворении все более высоких потребностей вплоть до высшей — потребности в самоактуализации (см. гл. 10). Форма модели в виде пирамиды отражает то, что он называет «мерой удовлетворения потребности». Другими словами, потребности, лежащие в основании пирамиды, в среднем удовлетворены полнее, чем те, которые расположены у вершины. По мнению А. Маслоу, у среднестатистического гражданина западного общества физиологические потребности удовлетворены на 85%, потребность в безопасности удовлетворена на 70% (в том числе за счет института страхования), потребность в любви — на 50%, потребность в самоуважении — на 40%, а потребность в самоактуализации — лишь на 10%. Концепция А. Маслоу была отчасти проверена экспериментально. Так, в одной маленькой стране работа рыбаков оценивалась как более интересная, чем работа на плантации тростника (потребность в самоактуализации). Однако оплата труда рыбаков сильно колебалась (обеспечение физиологических потребностей), кроме того, им не оплачивали дни, пропущенные по болезни (потребность в безопасности). Согласно иерархической теории А. Маслоу, те, у кого потребности низшего уровня удовлетворены недостаточно, не выберут работу рыбака. Действительно, по данным исследования Дж. Ароноффа, среди рыбаков наблюдался более низкий уровень фрустрации потребности в безопасности (25% против 80% у сборщиков тростника) или потребности в самоуважении (20% против 80%) (J. Aronoff, 1967).

Мотивы, которые являются результатом опредмечивания потребностей, становятся все более разнообразными по мере продвижения личности к вершине пирамиды. Так, предметом пищевой потребности может быть только пища, в то время как потребность в самоактуализации выражается у каждого человека по-своему. «Один человек желает стать идеальным родителем, другой стремится достичь спортивных высот, третий пытается творить или изобретать. Похоже, что на этом уровне мотивации очертить пределы индивидуальных различий почти невозможно», — замечает А. Маслоу. В поздних работах А. Маслоу указывает также на познавательную и эстетическую потребности, предполагая, что они, постоянно присутствуя в мотивационном репертуаре человека, при этом претерпевают эволюцию. Сначала они служат средствами удовлетворения базовых потребностей (например, как максимально эффективно выстроить укрытие от дождя?). На данном уровне и познавательная, и эстетическая потребности прагматичны. «Умное» и «Красивое»

совпадают по смыслу с «Полезным». Соответственно, личность, ведомая потребностями этого уровня, не может быть оригинальным мыслителем или утонченным художником. Но на уровне самоактуализации познавательная и эстетическая потребность приобретают автономность и существование в качестве бытийных ценностей «Красоты» и «Истины».

А. Маслоу считал, что описанная им последовательность актуализации потребностей не является произвольной. Так, например, мы можем наблюдать что, судя по поведению какого-то человека, для него потребность в самоутверждении выглядит как более насущная, чем потребность в любви. Однако если присмотреться, зачастую оказывается, что такие люди уверены, что сильные и властные личности легче достигают любви окружающих. Именно в силу такого представления человек, которому недостает любви, демонстрирует агрессивное поведение. Другими словами, только кажется, что он добивается власти и признания, а на самом деле он ищет любви и привязанности.

Концепцию А. Маслоу часто критикуют за то, что она не находит объяснения ситуациям, когда человек идет на тяжелые испытания и даже гибель ради высших ценностей, например поведением Яна Гуса или Джордано Бруно, сожженных на костре (А.И. Юрьев, 1992). Предвидя упреки такого рода, А. Маслоу вводит гипотезу, гласящую, что степень индивидуальной устойчивости к депривации той или иной потребности зависит от полноты и регулярности ее удовлетворения в прошлом. Другими словами, удовлетворение базовых потребностей в детстве и отрочестве закладывает у человека основы высочайшей способности детерминировать свои поступки высшими потребностями, которые у них открылись, оттесняя на периферию низшие. «Можно предположить, что у людей, которые большую часть жизни, и особенно в раннем детстве, были удовлетворены в своих базовых потребностях, развивается особый иммунитет к возможной фрустрации данных потребностей, что фрустрация их не страшит хотя бы потому, что они обладают сильным здоровым характером, истоки которого лежат в базовом чувстве удовлетворенности. Это — сильные личности, они не боятся осуждения и не отступят перед трудностями, они умеют плыть против течения, против общественного мнения, они всегда стоят за правду, чего бы это не стоило им. Они умеют по-настоящему любить, они способны к настоящей дружбе, той, которой не страшны никакие испытания», — пишет А. Маслоу.

Понимание строения структуры мотивационной сферы в деятельностном подходе также включает в себя представление об

иерархии мотивов. Однако здесь акцент делается не на универсальной, а на индивидуально сложившейся иерархии мотивов конкретного человека.

4.4. Интенсивность мотивации и эффективность деятельности. Закон Йеркса — Додсона о наличии оптимума мотивации

Как соотносятся сила мотива и результат деятельности при его реализации? Всегда ли мы лучше осуществляем деятельность, которая определяется наиболее интенсивным мотивом? Зависит ли это соотношение от сложности самой деятельности? Первые попытки найти ответ на эти вопросы были предприняты в начале XX в. Р. Йерксом и Дж. Додсоном (R. Yerkes, J. Dodson, 1908). Авторы провели серию экспериментов, которые дали сопоставимые результаты, когда испытуемыми являлись крысы, цыплята, кошки и люди. Испытуемые выполняли задание на различение двух яркостей. Варьировался уровень сложности задачи и степень мотивации. Степень мотивации определялась через силу наказания ударом электрического тока при неправильном ответе. На основании полученных данных (рис. 25) был сформулирован закон «оптимума мотивации», который связывает силу мотива достижения результата, сложность поставленной задачи и эффективность выполнения деятельности.

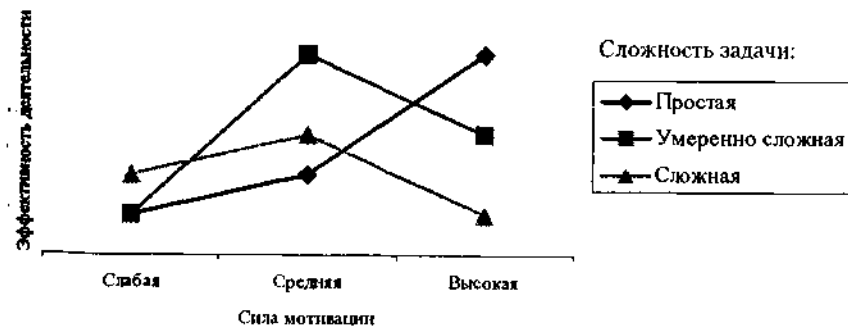

Рис. 25. Зависимость эффективности деятельности от уровня сложности задачи и интенсивности мотивации (адаптировано из П. Фресс, 1975)

Данный закон формулируется так: для достижения оптимальной скорости обучения с увеличением трудности задачи интенсивность поощрения или наказания должна уменьшаться. Другими словами, если деятельность является относительно простой, лучше всего она будет выполняться при высоком уровне мотивации, а если сложной — при умеренной. Если субъект не мотивирован вовсе — не развернется и деятельность. А если имеет место гипермотивация, сложная деятельность распадается, ее качество снижается. Схожие данные были получены и в более поздних исследованиях, проведенных исключительно на людях. Например, в эксперименте Дж. Патрика (1934) испытуемого помещали в кабину с четырьмя дверьми, из которых лишь одна была выходом. Логического решения задачи не существовало, так как место искомой двери постоянно менялось, однако испытуемый мог выработать более или менее рациональную стратегию ее обнаружения. Патрик установил, что при усилении мотивации испытуемого немедленно покинуть кабину (на его голову сверху начинали сыпаться гвозди или через пол пропускали слабый, но неприятный разряд электрического тока), решения становились менее рациональными, стереотипными и малоэффективными.

Очевидно, что в описанном типе исследований экспериментаторы манипулировали внешней мотивацией испытуемых (удары током не относились к сути дела, например определению яркости пятен или поиску нужной двери). Учет внутренней мотивации субъекта приведет, безусловно, к значительному усложнению картины.

4.5. Динамический аспект мотивации

Мотивация как «энергетическая» составляющая деятельности не является стабильной. В простейших случаях можно говорить о гомеостатической динамике мотивации: по мере того как потребность удовлетворяется, потребностное напряжение снижается, а предмет потребности теряет свою привлекательность. Так, начиная обед с сильным чувством голода, мы реагируем с аппетитом на любое блюдо («Я так голоден, что могу проглотить суп вместе с тарелкой!»). Впоследствии мы постепенно насыщаемся вплоть до того, что можем отказаться от самого изысканного десерта. Подобной динамикой пищевой мотивации часто пользуются опытные родители, которые не просто запрещают не слишком полезные, на

их взгляд, блюда, а откладывают их на потом, когда потребность будет редуцирована. Они, например, говорят ребенку: «Ты, конечно, получишь конфеты, но только после первого и второго». Однако движение мотивационных процессов на самом деле гораздо разнообразнее.

4.5.1. Психоналитические концепции изменения мотивации

В классическом психоанализе З. Фрейда подразумевается единый, хотя и диалектически противоречивый, источник всего богатства мотивационных проявлений личности (мортидо и либидо). Динамика развития личности заключается в смене объектов, на которые направлена мотивация с помощью продуктивного, по З. Фрейду, механизма сублимации или ряда невротических механизмов (например, вытеснения, фиксации, регрессии). Согласно модели З. Фрейда, зрелость личности определяется способностью направить психическую энергию сексуальных и разрушительных потребностей в социально нормированное русло, например на общественно полезный труд, создание семьи, художественное творчество и т.д.

Несколько по-иному рассматривает мотивационные процессы Г. Мюррей. По Г. Мюррею (1938), единицей исследования поведения человека служит эпизод, в котором организм и среда образуют неразрывную целостность. Субъект не просто реагирует на ситуацию, но активно создает ее. Долговременная единица анализа — это индивидуальная жизнь, которую Г. Мюррей предлагает трактовать как последовательность элементарных эпизодов. В эпизоде встречаются потребность (need) индивида и давление (press) ситуации. Давление — это некоторое воздействие, оказываемое ситуацией, на субъекта. Г. Мюррей различал два вида давлений: альфа-давление — объективные требования ситуации и бета-давление — субъективную интерпретацию этих объективных требований ситуации. Потребность и давление содержательно соответствуют друг другу: давление актуализирует соответствующую ей Потребность, потребность ищет соответствующее ей давление. Г. Мюррей описал 20 потребностей (например, потребности в автономии, в доминировании, в порядке, в защите, в игре, в чувственных впечатлениях и т.д.) и 16 типов давлений (например, отсутствие родителя, одиночество, недостаток общения, наличие соперника, религиозное воспитание, опека, уважение, обольщение и т.д.). Давления-прессы могут носить как негативный, так и пози-

тивный характер. Важно, что они определенным образом стимулируют активность субъекта.

Результат взаимодействия потребности и давления Г. Мюррей называет «темой». Можно сказать, что жизнь человека есть сплетение различных тем. При этом возможно выделить «единую», т.е. главную, тему, пронизывающую в разнообразных вариантах все существование личности. От термина «тема» произошло название знаменитого Тематического апперцептивного теста (ТАТ), разработанного Г. Мюрреем для диагностики ведущих тем в жизни личности (рис. 26).

Рис. 26. Пример стимульного материала Тематического апперцептивного теста (иллюстрация № 14)

ТАТ был создан для того, чтобы вычленил единую тему личности. ТАТ представляет собой образец проективного теста, где испытуемому предлагают неоднозначный стимульный материал (в данном случае его просят составить рассказ по рисунку), полагая при этом, что характер ответа определяется особенностями его личности, как бы «проецируются» на материал. Например, человек у окна, изображенный на рисунке, может, по мнению испытуемого, любоваться звездным небом или готовиться к самоубийству. Соответственно с основными линиями рассказа, которые будет строить испытуемый относительно сюжета рисунка, психолог и сделает вывод о главенствующей в данный момент теме его жизни.

Таким образом, психоаналитически ориентированные авторы анализировали развитие мотивации как в ситуативной перспективе, так и в перспективе целостной жизни личности. В каждой конкретной ситуации актуальное поведение определяется взаимодействием субъективной интерпретации требований наличной ситуации и потребностных состояний, на содержание

и интенсивность которых значительное влияние оказывает прежде всего детский опыт субъекта.

4.5.2. Динамика мотивации в гештальтпсихологии.

Квази-потребности

Аналогично Г. Мюррею К. Левин считал, что понимание поведения возможно лишь исходя из целостной психологической ситуации, в которую включен субъект. Другими словами, поведение рассматривается как функция сложившегося в данный момент психологического поля. Поле существует здесь и теперь, но включает в себя и воспоминания о прошлом и предвосхищения будущего. К. Левин вывел уравнение поведения, имеющее следующий вид: Поведение (V) есть функция личностных факторов (P) и факторов окружения (U): $V = f(P, U)$. Подход К. Левина к мотивации можно отнести к гомеостатическому. Он предположил, что в том случае, когда баланс между субъектом и ситуацией нарушается ($P \neq U$), у человека возникает состояние напряженности, которое субъект пытается редуцировать, предпринимая для этого определенные действия. Эту напряженность К. Левин назвал «квази-потребностью». *Квази-потребность можно определить как намерение совершить какое-либо целенаправленное действие.*

В экспериментальном исследовании М. Овсянкиной (1928) проверялась гипотеза о том, что человек будет проявлять настойчивость в реализации своего намерения до тех пор, пока ему не удастся выполнить начатое действие, т.е. пока напряжение в поле не разрядится. Испытуемым предлагался ряд из 20 заданий. Половину заданий они доводили до конца, а половина прерывалась экспериментатором. Затем экспериментатор под благовидным предлогом покидал комнату, оставив на столе материал заданий, и скрыто наблюдал, возобновит ли испытуемый работу над теми или иными заданиями. Оказалось, что испытуемые значительно чаще возобновляли выполнение именно тех заданий, которые были перед этим прерваны исследовательницей. Другими словами, мотивация выполнения задания, вызванная инструкцией, сохранялась до тех пор, пока задание не было выполнено. В другой более известной серии экспериментов, проведенных по аналогичной методике Б. Зейгарник, индикатором сохранения напряженности квази-потребности служила фиксация содержания задания в памяти испытуемых (см. гл. 8).

Кроме того, ученицами К. Левина было выяснено, что неудовлетворенные потребности как последствия незавершенных действий могут быть удовлетворены через замещающие действия, т.е. через выполнение других заданий, сходных с незавершенными. В работах К. Лисснер (1933), В. Малер (1933) и М. Хенле (1944) были описаны ряд факторов, влияющих на эффективность такого замещения. Для успешного замещения важно, чтобы замещающее задание и прерванное задание были сходны: 1) по содержанию; 2) степени слож-

ности; 3) цели; 4) степени реальности замещающей деятельности и 5) степени привлекательности замещающей деятельности.

Еще одна важная проблема, поднятая в рамках школы К. Левина, — это вопрос о том, задачи какой сложности ставит перед собой тот или иной человек. Одни люди стремятся достичь максимально высоких результатов и готовы для этого рисковать, а другие исповедуют принцип «лучше синица в руке, чем журавль в небе». Данный феномен был назван «уровнем притязаний». При этом оказалось, что значение имеет не объективная успешность деятельности, а субъективное совпадение предполагаемого и реального результата (например, оценка «хорошо» будет воспринята как личный триумф студентом с низким уровнем притязаний и как личный триумф студентом с высоким уровнем притязаний). В экспериментальных исследованиях было показано, что уровень притязаний обычно не является стабильным, он меняется в зависимости от успешности протекания деятельности. Например, человеку предлагается решить ряд задач, каждой из которых присвоена степень сложности от одного до десяти (как в популярной телепередаче «Своя игра»). Испытуемый не знает содержания задач, а может ориентироваться только по маркеру сложности. Общая задача испытуемого — набрать как можно больше очков (очевидно, что, например, 10 очков он может набрать, решив одну задачу за 10 очков или пять задач за 2 очка). Какую стратегию изберет человек, и как она будет меняться в зависимости от успехов или проигрышей по ходу ответов? Было показано, что обычно, если поставленная цель достигнута, уровень притязаний повышается (т.е., если человек легко решил задачу за 5 очков, следующей он скорее попытается задачу за 6 очков, чем задачу за 4 очка). И наоборот, неудача приводит к понижению уровня притязаний. Данные наблюдения оказались очень важны для понимания динамики мотивационных процессов и учета фактора прошлого опыта (успеха или неудачи) в постановке новых целей.

4.5.3. Когнитивные концепции динамики мотивации

Когнитивные теории динамики мотивации предполагают, что человек в своем поведении стремится к тому, чтобы достичь согласованности различных информационных потоков. Наиболее известна теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера (1956), основным постулатом которой является наличие у человека потребности в гармонии (конгруэнтности) внешне го мира и себя самого. Диссонанс переживается как неприятное, дискомфортное состояние, которое побуждает активность, направленную на его устранение (редукцию) и восстановление согласованности содержаний сознания. Тенденция к когни-

тивному согласованию мотивационных эффектов и представлений о характеристиках ситуаций, связанных с удовлетворением потребностей, порождает развертывание сложных процессов интерпретаций и переинтерпретаций, позволяющих снять имеющиеся противоречия. Классический пример, рассматриваемый этой теорией, — курильщик, который знает, что курение наносит большой вред здоровью, но не может отказаться от этой пагубной привычки. Л. Фестингер описывает три стратегии работы с противоречием между потребностью в курении и имеющимися у субъекта знаниями об опасности развития рака легких, диссонансирующими с переживаемой потребностью. Человек может изменить один из элементов диссонанса (бросить курить, уменьшить число выкуриваемых в день сигарет и думать, что болезнь ему теперь не грозит); добавить новые элементы (вспомнить курильщиков, обладающих отменным здоровьем и доживших до глубокой старости) или повысить в своих глазах ценность курения (считать и собирать доказательства, что курение повышает работоспособность, снимает стресс или убедить себя, что очень скоро будет найден способ лечения рака). Такая «информационная регуляция» потребностей позволяет повышать устойчивость функционирования одной из потребностей, выбранной субъектом для реализации, в случае равенства силы нескольких потребностей, актуализированных одновременно (хочется отдохнуть, но надо готовиться к экзамену). Механизм редукции когнитивного диссонанса, кроме того, позволяет обеспечить мотивационное обоснование для вынужденных форм поведения, которые были навязаны извне и в момент их выполнения не имели внутренней мотивации. Например, когда американских солдат во время войны во Вьетнаме заставляли есть непривычную и вызывающую отвращение пищу (лягушек), то вскоре обнаружилось, что, по их мнению, «лягушки — это очень вкусно, а их мясо — полезно». Так сформировался новый мотив, который сохранился и после снятия внешнего Давления. Когда война окончилась, на территории США начался расцвет ресторанов, которые специализировались на вьетнамской кухне, т.е. бывшие солдаты и члены их семей теперь готовы были не просто употреблять в пищу еще недавно отталкивающие продукты, но и тратили на это значительные денежные суммы.

4.5.4. Деятельностный подход к динамике мотивационной сферы

Понятие «ведущей деятельности» принципиально по-новому Раскрывает путь развития и изменения содержания и иерархии мотивов личности. Ведущая деятельность — это такая деятельность,

в которой формируются новые значимые свойства личности. Например, для старшего дошкольника ведущей деятельностью является ролевая игра (знаменитые «дочки-матери» для девочек и «война» для мальчиков). В ролевой игре дети формируют межличностные отношения, учатся действовать совместно и «примеряют» на себя социальные роли, которые им придется исполнять в будущем. Согласно концепции А.Н. Леонтьева, *путь развития мотивационной сферы личности заключается в увязывании различных деятельностей в сложную иерархическую структуру*. Их «узлы» завязываются в той системе социальных связей и реальностей, в которой находится субъект деятельности. Соответственно включению в системы деятельности и складывается мотивационная сфера личности. При этом определяющей на каждом этапе развития мотивации является ведущая деятельность. По Д.Б. Эльконину, смена ведущих деятельностей внутри систем «ребенок — общественный предмет» и «ребенок — общественный взрослый» представляет собой циклический процесс, определяющий преимущественное развитие то социальной (коммуникативной), то предметной (познавательной) потребности, характеризующей каждый этап (см. подробнее гл. 10).

© КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. В чем заключается суть процесса опредмечивания потребности? Что является результатом этого процесса?
2. Чем человеческие потребности отличаются от потребностей представителей растительного и животного мира?
3. Какова роль физиологических и культурных факторов в формировании нарушений пищевого поведения различного рода: ожирении, нервной анорексии, булимии?
4. Чем инстинктивный способ удовлетворения потребностей отличается от деятельностного?
5. Что такое модель «иерархии потребностей» А. Маслоу? Как представляют иерархичность мотивационной сферы другие авторы?
6. Для каких целей психологи используют Тематический апперцептивный тест (ТАТ)?

(D) ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

1. В каком типе наблюдаемых ситуаций возникает необходимость введения проблематики мотивации?
А. Младшие дошкольники во время игры часто разговаривают сами с собой, в то время как старшие дошкольники преимущественно обращаются к партнерам.
Б. Два приятеля идут по улице и видят, как к девушке пристает компания подвыпивших подростков, один из приятелей делает вид, что ничего особенного не происходит, а второй — бросается на помощь.

В. Человек, сон которого был прерван на медленноволновой фазе, не может дать отчет о своих сновидениях.

2. Представление о диалектическом взаимодействии противоположных по содержанию потребностей было введено в рамках...
А. Бихевиоризма.
Б. Деятельностного подхода.
В. Психоанализа.
3. В основе функционирования какой из перечисленных ниже потребностей лежит принцип гомеостаза?
А. Половой.
Б. Познавательной.
В. Потребности в сне.
4. Какой безусловный рефлекс лежит в основе познавательной потребности человека?
А. Рефлекс избегания опасности.
Б. Ориентировочный рефлекс.
В. Хватательный рефлекс.
5. На сколько процентов, по мнению А. Маслоу, у среднего гражданина западного общества удовлетворена потребность в самоактуализации?
А. На 10%.
Б. На 50%.
В. На 100%.
6. Закон Йеркса -- Додсона о наличии оптимума мотивации гласит, что...
А. Чем сильнее мотивация, тем эффективнее выполняется деятельность.
Б. Оптимальный уровень мотивации для сложных заданий ниже, чем для простых.
В. Эффективность выполнения задания не зависит от мотивационного состояния человека.

Ш ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. *Виллюнас В.К.* Психологические механизмы мотивации человека. М., 1990.
2. *Ильин Е.Л.* Мотивация и мотивы. С.-Пб., 2002.
3. *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. М., 2000.
4. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. Т. 1 и 2. М., 1986.

Дополнительная

1. *Джигдарьян И.А.* Эстетическая потребность. М., 1976.
2. *Мак-Фарленд Д.* Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция. М., 1988.
3. *Маслоу А.* Мотивация и личность. С.-Пб., 1999.
4. *Обуховский К.* Психология влечений человека. М., 1972.
5. Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Под Ред. Шороховой Е.В., Бобновой М.И., М., 1976.
6. *Холл К.С., Линдсей Г.* Теории личности. М., 1997.

Глава 5

РЕГУЛЯТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПСИХИКИ.

ЭМОЦИИ И ВОЛЯ

Говорят, что несчастье — хорошая школа; может быть. Но счастье есть лучший университет.

А.С. Пушкин

Воля есть отличительный признак человеческого рода, и сам разум — только вечное правило для руководства ею.

Ф. Шиллер

5.1. Общая характеристика эмоций

Представьте себе, что вы вдруг лишились способности переживать эмоции. Солнечное утро не вызывает у вас радости, а известие о болезни друга — печали; вас не охватывает волнение при виде любимого человека, и даже несправедливость оставляет вас равнодушным.

У. Джеймс в статье под названием «Что такое эмоция?» (1884) приводит выдержку из самоописания пациентки, страдающей нарушением эмоций: «Я окружена всем, что может сделать жизнь счастливой и привлекательной, но я не способна ни радоваться, ни чувствовать... Все функции и действия в моей жизни сохранились, но они лишены соответствующего чувства и удовлетворения от них. Когда у меня мерзнут ноги, я их согреваю, но не чувствую удовольствия от тепла. Я узнаю вкус пищи, но ем без всякого удовольствия. Мои дети растут красивыми и здоровыми — так говорят мне все, я и сама это вижу — но восторга и внутреннего удовлетворения, которые я должна испытывать, у меня нет. Музыка потеряла для меня всю прелесть, а я любила ее так нежно. Моя дочь играет очень хорошо, но для меня это просто шум». Ужасная картина! Теряя эмоции, человек перестает быть человеком в полном смысле этого слова, он утрачивает пристрастность по отношению к миру, в котором

живет. По мнению С.Л. Рубинштейна, именно эмоция является первичной формой психического (в этом состоит один из пунктов полемики С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева, считавшего ощущение субъективным критерием наличия психики).

Эмоция (от лат. *emoveo* — потрясаю, волную) — это психическое отражение в форме непосредственного пристрастного переживания отношения явлений и ситуаций к потребностям. Подчеркнем, что адекватное понимание эмоции возможно только при учете как внешней ситуации, так и внутреннего потребностного состояния организма. Одна и та же ситуация может спровоцировать абсолютно различные эмоции. Например, звук шагов на лестнице вызовет у вас радость, если вы ожидаете прихода друга, или страх, если он раздается среди ночи, когда вы одни в квартире.

К эмоциональной сфере традиционно относят не только эмоции как таковые, но и аффекты, настроения, чувства. Перечисленные формы эмоциональных состояний отличаются от эмоций временем протекания, интенсивностью и устойчивостью. Так, *аффект* — это стремительно и бурно протекающий эмоциональный процесс взрывного характера, который может дать неподвластную сознательному контролю разрядку в действии, по преимуществу с потрясениями, выражающимися в дезорганизации деятельности (С.Л. Рубинштейн). *Чувства* — это устойчивые эмоциональные образования, имеющие объектный (предметный) характер. Чувство может продуцировать широкий спектр более конкретных эмоций. Например, чувство любви к ребенку может в определенных обстоятельствах вызывать у вас по отношению к нему нежность, тревогу или даже гнев (эмоции). Говорят также об обобщенных чувствах: чувстве юмора, иронии, возвышенного, прекрасного, трагического и т.п. Эти чувства могут проявляться более или менее ситуативно, но по большей части они выступают как формы целостного отношения человека к миру. *Настроение* — это достаточно продолжительное эмоциональное состояние невысокой интенсивности, которое образует эмоциональный фон для протекающих психических процессов. В дальнейшем мы будем рассматривать только эмоции, так как принципы функционирования всех упомянутых форм эмоциональных состояний являются практически аналогичными.

А теперь попробуйте рассказать о своей эмоции другому человеку. Как ни странно, эта, на первый взгляд, простая задача (ведь каждый из нас знает, что такое пережить страх, боль, радость или удивление) оказывается невероятно трудной. Эмоцию легко показать, но сложно передать словами. Это наблюдение подводит нас к мысли о телесности эмоций. Действительно, любая эмоция представля-

ет собой единство трех составляющих: физиологической, субъективной и экспрессивной. Это означает, что мы, во-первых, претерпеваем эмоцию как физиологическое состояние, во-вторых, переживаем ее и, в-третьих, выражаем.

5.1.1. Функции эмоций

Из античности до наших дней дошло представление об эмоциях как о явно негативном факторе, разрушающем разумную деятельность человека. Вспомним миф о вознице, предложенный Платоном (см. гл. 2). Разум и чувства представлены в этом мифе в виде двух непримиримых соперников, которые способны двигаться в одном направлении только под кнутом возницы — Воли. Стоики и эпикурейцы по различным основаниям призывали воздерживаться от эмоций. И в наше время подобный взгляд на эмоции сохранился, например в юридической практике. Суды учитывают эмоциональное состояние обвиняемого в момент совершения преступления, подразумевая, что «сильное душевное волнение» или аффект приводят к потере контроля над своими действиями (см., например, ст. 107 «Убийство, совершенное в состоянии аффекта» или ст. 113 «Причинение вреда здоровью в состоянии аффекта» в УК РФ).

Однако уже Ч. Дарвин (1872) говорил о биологической целесообразности эмоций. По некоторым данным человек является самым эмоциональным среди представителей животного мира. Таким образом, логично предположить, что богатство эмоционального мира человека, значительно превосходящее элементарные эмоциональные реакции животных, оказывается полезным для выживания и развития человечества. Рассмотрим наиболее часто обсуждаемые в психологической литературе функции эмоций.

Функция оценки. Эмоция дает возможность мгновенно оценить смысл изолированного раздражителя или ситуации для человека. Эмоциональная оценка предшествует развернутой сознательной переработке информации и поэтому как бы «направляет» ее в определенное русло. Все знают, как важно первое впечатление, которое мы производим на нового знакомого. Если первое впечатление от человека благоприятное, то в дальнейшем достаточно сложно разрушить возникшую позитивную настройку восприятия («Все, что делает этот приятный человек, — хорошо!»). И, наоборот, «реабилитировать» в своих глазах человека, который почему-то показался нам неприятным, удается с трудом.

Функция мобилизации. Мобилизующая функция эмоций проявляется, в первую очередь, на физиологическом уровне: выброс в

кровь адреналина при эмоции страха повышает способность к бегству (правда, чрезмерная доза адреналина может привести и к обратному эффекту — ступору), а понижение порога ощущения (см. подробнее гл. 8), как составляющая эмоции тревоги, помогает распознать угрожающие стимулы. Кроме того, феномен «сужения сознания», который наблюдается при интенсивных эмоциональных состояниях, заставляет организм сосредоточить все усилия на преодолении негативной ситуации.

Функция следообразования. Эмоция часто возникает уже после того, как то или иное событие завершилось, т.е. тогда, когда действовать уже поздно. По этому поводу А.Н. Леонтьев замечал: «В результате аффекта, характеризующегося ситуацией, из которой, в сущности, уже поздно искать выход, создается своеобразное настояживание по отношению к возбуждающей аффект ситуации, т.е. аффекты как бы метят данную ситуацию... Мы получаем предупреждение».

По мнению П.К. Анохина, эмоции сформировались в эволюционном процессе как факторы, поддерживающие адаптивное поведение. Образование ассоциативной связи между отрицательной эмоцией и определенным типом ситуации удерживает от повторения ошибок в будущем, а положительные эмоции, наоборот, закрепляют приемлемые формы поведения. Особенно важна данная функция в том случае, когда адаптивный результат поведения отсрочен. Например, удовольствие от питья возникает как бы само по себе до того, как организм действительно обезвожен (см. гл. 4). Таким образом, эмоция приобретает автономную роль в побуждении поведения живого существа (есть — потому что вкусно, а не от голода).

Следообразующая функция эмоций отчетливо видна на примере развития ребенка. Каждый родитель знает, как трудно убедить ребенка не совершать опасных действий. Но стоит ему в буквальном смысле «обжечься», как он навсегда запоминает значение слова «нельзя». Кроме того, эмоции имеют тенденцию к обобщению. Все ситуации, сколько-нибудь схожие с теми, что уже были пережиты, приобретают определенный эмоциональный маркер. Справедлива пословица: «Обжегшись на молоке, дуют и на воду». В целом механизм обобщения эмоций носит позитивный характер, но иногда он приобретает и патологические, нерациональные формы фобий (см. ниже).

Поскольку суть следообразующей функции эмоций заключается в предвосхищении событий, которые произойдут в будущем, некоторые авторы склонны говорить об эвристической (от греч. *heurisko* — нахожу) или предвосхищающей функции эмоций (О.К. Тихомиров, 1969).

Функция побуждения и поддержания деятельности. Как уже было упомянуто, регуляция нашей деятельности осуществляется не только на основе знаний о мире, но и ориентируясь на эмоции. Вы можете отправиться на прогулку, потому что «кислород полезен для организма» или потому что «вам приятно подышать свежим воздухом». Причем именно во втором случае вы, скорее всего, получите удовольствие от променада. Согласно формулировке С.Л. Рубинштейна, «эмоции являются субъективной формой существования потребностей». Современный человек весьма изощрен по части мотивировок своего поведения, однако именно эмоции открывают ему (и окружающим) истинные мотивы. Во время осуществления деятельности динамика эмоций сигнализирует об ее успешности или препятствиях. Например, при интеллектуальной деятельности эмоциональная «ага-реакция» предвосхищает еще не осознанное субъектом нахождение решения задачи (см. гл. 10).

Функция компенсации информационного дефицита. Описанная выше оценочная функция эмоций особенно полезна в том случае, когда нам не хватает информации для рационального принятия решения. «Эмоции обладают совершенно экстраординарным значением в функционировании живых организмов и вовсе не заслуживают того, чтобы их противопоставляли «интеллекту». Эмоции, скорее всего, сами представляют высший порядок интеллекта», — пишет О.Г. Маурер (1960). Другими словами, эмоция является своеобразным «запасным» ресурсом для решения задач. Возникновение эмоций как механизма, компенсирующего дефицит информации, объясняет гипотеза П.В. Симонова (1972). Основываясь на данных, полученных при обследовании космонавтов, П.В. Симонов предположил, что мера переживания эмоции зависит от двух факторов: 1) значимости потребности (И1) и 2) разности между информацией, необходимой для ее удовлетворения (Ин), и доступной в данный момент информацией (Ид). Указанная разность отражает, по мнению автора, субъективную вероятность достижения цели. Причем в том случае, если $Ин < Ид$, наблюдается возникновение отрицательных эмоций (страх, гнев, тревога, отвращение), а если $Ин > Ид$ — то положительных (радость, интерес). Возникновение положительных эмоций усиливает потребности, а отрицательных — снижает их интенсивность. Проиллюстрировать концепцию Симонова можно с помощью известной басни Крылова «Лиса и виноград». Негативная эмоция разочарования от недостижимости винограда ослабляет желание Лисы достичь его.

Функция коммуникации. Экспрессивный (выразительный) компонент эмоций делает их «прозрачными» для социального окруже-

ния. Выражение некоторых эмоций, например боли, вызывает побуждение альтруистической мотивации у других людей. Например, матери легко отличают плач детей, вызванный болью, от плача по другим причинам и быстрее спешат на помощь. Известно, что эмоции обладают «заразительностью». «Заражение» эмоциональным состоянием происходит именно потому, что люди могут понять и примерить на себя переживания другого человека. Такое явление часто наблюдается во время смеха: один из членов группы начинает смеяться по вполне определенному поводу, а другие просто подхватывают смех. Особенно важна коммуникативная функция эмоций для маленьких детей, которые еще не располагают речевыми средствами общения. Можно сказать, что для них эмоциональная коммуникация — это единственный способ поддержания и развития связей с внешним миром. На эмоциональном уровне мы «общаемся» с природой, произведениями искусства, животными и растениями. Для того чтобы содержание эмоции было верно истолковано окружающими, эмоции должны выражаться в конвенциональной (т.е. понятной всем членам общества) форме. Отчасти это достигается врожденными механизмами реализации базовых эмоций. В значительной степени значение мимики и особенно пантомимики (экспрессия тела) постигается в ходе социализации. При этом одни и те же позы и жесты в разных культурах могут отражать различные эмоции.

Функция дезорганизации. Интенсивные эмоции способны нарушить эффективное протекание деятельности. Однако, по замечанию В.К. Вилюнаса, «в положении о дезорганизующей функции эмоций столько же правды, сколько, например, в утверждении, что праздничная демонстрация выполняет функцию задержки движения автотранспорта». Даже аффект оказывается полезен, когда человеку необходимо полностью мобилизовать свои физические силы. Однако длительное действие интенсивной эмоции обуславливает развитие состояния дистресса, который, в свою очередь, действительно приводит к расстройству поведения и здоровья (психосоматическими заболеваниями являются язва желудка, гипертония, инфаркт и др.).

5.1.2. Проблема специфичности эмоций

Всякое эмоциональное состояние включает в себя компонент физиологических изменений. Центральными для теории эмоций являются два вопроса: во-первых, вопрос о специфичности физио-

логического проявления эмоций. Другими словами, соответствует ли каждому эмоциональному состоянию уникальная конфигурация физиологических реакций? Положительный ответ на этот вопрос предполагает возможность создания «словаря» эмоциональных проявлений, по которому можно безошибочно отличить одну эмоцию от другой.

Во-вторых, это вопрос о соотношении внешнего проявления и внутреннего переживания эмоций. Что возникает сначала: физиологические изменения или субъективное переживание? Влечет ли за собой переживание телесные изменения? Или может быть, что именно телесные реакции вызывают субъективные переживания? Как ни парадоксально, существует традиция «периферического» толкования эмоций (теория Джеймса — Ланге), суть которой заключается в следующем: мы испытываем страх оттого, что дрожим, а не дрожим оттого, что нам страшно; грустим, оттого, что у нас на глазах выступили слезы, а не плачем оттого, что нам грустно.

Попытаемся ответить на первый вопрос. По мнению сторонницы бихевиористского подхода Е. Даффи (Е. Duffy, 1962), физиологическое проявление эмоций настолько генерализовано, что опознать по физическим характеристикам конкретное эмоциональное состояние невозможно.

Значительно раньше аналогичного толкования проблемы специфичности эмоциональных состояний придерживался и В. Вундт (1896). Он предположил, что любое эмоциональное состояние может быть представлено в виде точки в трехмерном пространстве, координатные оси которого образуются парами возбуждение — успокоение; удовольствие — неудовольствие; напряжение — разрядка (рис. 27).

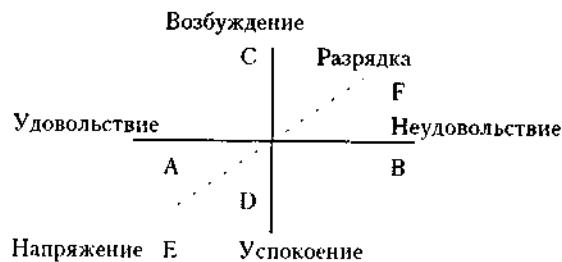

Рис. 27. Трехмерное пространство эмоциональных состояний, по В. Вундту

Некоторые простейшие эмоциональные формы включают в себя только одно из измерений, в то время как другие — два или три. Например, согласно В. Вундту, при прослушивании ударов метронома в промежутке от одного удара до другого появляется особое эмоциональное состояние напряжения, которое после наступления удара переходит в свою противоположность — разрядку (включено одно измерение). Созерцание красного и голубого цветов характеризуются двумя различными эмоциональными состояниями, первое из которых может быть задано как удовольствие — возбуждение, а второе — как удовольствие — успокоение (включены два измерения). Таким образом, эмоция представляет собой комбинацию трех простейших пар переживаний, что означает отсутствие качественного своеобразия эмоциональных состояний. «Все простые чувства образуют одно целое связанное многообразие, так как нет ни одного чувства, отправляясь от которого нельзя было бы через ряд промежуточных ступеней и полосу безразличия дойти до всякого другого чувства», — пишет В. Вундт в своем фундаментальном труде «Основы физиологической психологии».

Гипотеза В. Вундта о динамике эмоциональных состояний как переходе в противоположное в рамках одного измерения (напряжения в разрядку, удовольствия в неудовольствие, возбуждения в успокоение) недавно получила свое развитие в модели оппонентных эмоциональных процессов Р. Соломона (R. Solomon, 1974, 1980). Р. Соломон попытался объяснить широко известный факт, что за приятным эмоциональным состоянием часто следует своеобразная «эмоциональная расплата» в виде опустошения и подавленности, а за неприятным переживанием, наоборот, приподнятое настроение. Согласно этой концепции, каждая эмоция через несколько мгновений после своего возникновения пробуждает противоположную эмоцию. Действие противоположной эмоции приводит к угасанию первоначальной эмоции и возвращению организма к состоянию равновесия. Поскольку противоположная эмоция развивается позже, чем первоначальная, ее действие продолжается и после того, как первоначальная эмоция исчерпала себя. Например, страх перед прыжком с парашютом вызывает противоположную эмоцию — восторг, который вы чувствуете еще некоторое время после приземления. Семейная ссора может привести ее участников в состояние благодушия и расслабленности.

Причем чем интенсивнее первоначальная эмоция, тем более ярко выражена противоположная. Поэтому многие люди обожают смотреть фильмы ужасов или намеренно провоцируют конфликты из-за радости разрешения ссоры и счастья примирения. Обратное явление

ние наблюдается в том случае, когда первоначальная эмоция положительная. Так, эйфория от алкогольного опьянения сменяется похмельем, а интенсивная радость, — на первый взгляд, беспричинными слезами. Концепция Р. Соломона помогает нам понять необъяснимое до этого отсутствие логики во многих человеческих поступках. Вопреки здравому смыслу (и концепции З. Фрейда) люди зачастую ищут отрицательных эмоций и избегают положительных. На самом деле происходит своеобразная «отсрочка» удовольствия, которое неизбежно последует за неприятностями.

Предположение о том, что отдельные формы мимического выражения не имеют качественных особенностей и их можно представить в виде некоторого континуума или шкалы, получило дальнейшее развитие в работах Гарольда Шлоссберга с соавторами (R. Woodworth, G. Schlossberg, 1952, 1955). В экспериментах Шлоссберга испытуемым предлагалось оценить выражения лиц людей на фотографиях по двум шкалам, каждая из которых состояла из девяти пунктов. Шкалы повторяли измерения эмоциональных состояний, предложенные В. Вундтом (удовольствие — неудовольствие и принятие — отталкивание). Впоследствии Шлоссберг добавил третью шкалу — сон — напряжение, сделав аналогию с концепцией В. Вундта полной. В результате была создана шкала Шлоссберга для предсказания категории эмоций с помощью оценок удовольствия — неудовольствия и принятия — отталкивания. Шкала является

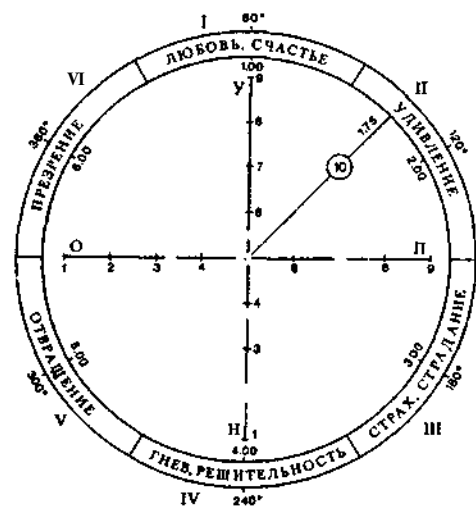

Рис. 28. Шкала Г. Шлоссберга

круговой и включает шесть основных категорий: 1) любовь, радость, счастье; 2) удивление; 3) страдание, страх; 4) решимость, гнев; 5) отвращение; 6) презрение (рис. 28).

Чем больше расстояние между отдельными позициями на шкале, тем менее сходны соответствующие мимические выражения. Любое предьявленное мимическое выражение может быть представлено как точка в пространстве, ограниченном окружностью.

Прочертив отрезок из точки пересечения шкал через эту эмпирически полученную точку к ближайшей дуге окружности, можно определить содержание переживаемой эмоции.

Представление о принципиальном «однообразии» эмоциональных состояний привело к созданию теории «параллелизма» субъективного переживания эмоций и их физиологических коррелятов. Ее авторы У. Кэннон и Ф. Бард (1928) считали, что реакции тела недостаточно различимы, чтобы быть однозначно связанными с той или иной эмоцией. Например, учащенное сердцебиение может свидетельствовать и о страхе, и о гнев, и даже о состоянии влюбленности. У. Кэннон в своей работе «Телесные изменения при боли, голоде, страхе и гнев» (1915) связывал эмоциональные состояния с работой вегетативной симпатической нервной системы (ускорение сердцебиения, увеличение частоты дыхания, повышение артериального давления, снижение слюновыделения, торможение пищеварения, выделение адреналина корой надпочечников). Он утверждал, что вегетативные изменения в организме обычно сопровождают развитие эмоциональных состояний, поскольку они биологически целесообразны. Ситуация, вызывающая эмоции, несет в себе определенный «призыв» к совершению действия («потенциал действия», по выражению Н.Х. Фриджды (Frijda, 1986), а телесные изменения служат настройке организма на эффективную реакцию (например, бегство или нападение). Однако они лишь соседствуют с субъективным переживанием, а отнюдь не вызывают его. Концепцию Кэннона — Барда часто называют «таламической», так как в ней центральная роль в запуске эмоциональных состояний отводится таламусу. По их мнению, таламус выполняет роль «диспетчера», который при возникновении эмоциональной ситуации одновременно посылает информацию вегетативной нервной системе и коре больших полушарий мозга.

Ограниченность подхода Кэннона и Барда, утверждающего психофизиологический параллелизм, стала очевидна при проведении экспериментальных исследований. Например, Дж. Хохман в 1966 г. провел интервью 25 ветеранов Второй мировой войны, получивших ранения позвоночника. Лишенные возможности получать физиологическую информацию от своего тела, они констатировали значительное снижение общей интенсивности переживания эмоций. Причем данный опыт нельзя признать абсолютно «чистым», так как обследованные ветераны, безусловно, помнили сигналы своего тела, которые они испытывали до ранения. Однако заслуга Кэннона и Барда состоит в том, что они переместили акцент исследований эмоций в собственно психологическую плоскость, и благодаря им про-

изошел поворот от преимущественно физиологических воззрений на эмоции к учету когнитивного фактора.

Другая линия развития представлений об эмоциональных процессах берет свое начало с работ Ч. Дарвина и допускает *существование дифференциальных эмоций* (вызванных уникальными физиологическими изменениями). Согласно данному подходу именно уникальная конфигурация физиологических изменений ведет за собой их осознание в качестве определенной эмоции. Для подобной интерпретации критическую значимость имеет каталогизация физиологических коррелятов различных эмоциональных состояний.

5.1.3. Выражение эмоций

Безусловно, самый простой способ узнать об эмоциональном состоянии другого человека — это спросить его об этом. «Мне весело», «Мне грустно», «Я боюсь» — каждый из нас может облечь в словесную форму свое переживание. Однако внимание номотетически ориентированных ученых всегда привлекали объективные, не связанные с самоотчетом признаки эмоциональных состояний.

П. Экман и В. Фризен (P. Ekman, W. Friesen) в 1969 г. выделили пять классов невербальной эмоциональной экспрессии: 1) адаптационные проявления — неспецифические выражения эмоций, которые сигнализируют об общем состоянии организма, например ходьба «из угла в угол» при душевном волнении, подпрыгивание на месте при радости; 2) регуляторы — движения, придающие ритм течению эмоционального процесса, например покачивание головой при переживании печали, постукивание пальцами при состоянии неопределенности; 3) иллюстраторы — телесные выражения интенсивности эмоции, например размахивание руками в состоянии возбуждения; 4) демонстрация — намеренное усиление эмоционального выражения с помощью мимики, например нахмуривание бровей при гневе, улыбка и 5) знаки — культурно обусловленные жесты, значения которых колеблются в различных сообществах. К этим выразительным средствам можно добавить и интонационные характеристики голоса (печальный голос, гневный возглас и т.д.). Хотя, по данным Дж. Питтама и К. Шерера (J. Pittam, K. Scherer, 1993), интонация сама по себе не является достаточной для верного опознания эмоции. В одном из исследований испытуемым, которые не владели голландским языком, давали прослушать аудиозапись эмоционально насыщенных фраз. Жители Азии не могли идентифицировать интонации удовольствия, а печальный голос часто путали с

тревожным. С другой стороны, произвольное интонационное повышение голоса при лжи позволяло испытуемым П. Экмана и О'Салливана (1991) в 86% правильно отличить субъектов, которые лгали, от тех, кто говорил правду.

Наиболее широко в настоящее время исследованы экспрессивные проявления, относящиеся к четвертому и пятому классу.

5.1.4. Универсальность выражения дифференциальных эмоций

Рис. 29- Исследование мускульных движений лица при испуге (Дж. де Болон, Н. Турнашон. *Mecanisme de la Physionomie humaine...* Париж, 1862)

Гипотеза об *универсальности выражения эмоций* опирается на три типа аргументов. Во-первых, это концепция выразительной составляющей эмоций как рудимента активных реакций у животных. Ч. Дарвин выдвинул гипотезу, согласно которой мимические движения образовались из «полезных» действий. Другими словами, то, что на уровне человека опознается как выражение эмоций, в животном мире было реакцией, имевшей определенное приспособительное значение. Мимические движения, возникшие из преобразованных полезных движений, представляют собой либо ослабленную форму этих полезных движений (например, оскаливание зубов при гневе является

остаточной реакцией от использования их в борьбе), либо их противоположность (например, расслабление мышц лица — улыбка, выражающая приветливость, является противоположностью напряжения мышц, характерного для враждебных чувств), либо прямое

выражение эмоционального возбуждения (дрожь — это следствие напряжения мышц при мобилизации организма, скажем, для нападения). Таким образом, согласно Дарвину, мимика обусловлена врожденными механизмами. Отсюда следует, что мимические реакции должны быть тесно связаны с определенными эмоциями. Установление таких связей сделало бы возможным однозначное распознавание эмоций по мимическому выражению.

Джулиан Дюшен де Болон в 1862 г. с помощью брата — великого фотохудожника Надара Адриена Турнасона — выпустил книгу, посвященную универсальному выражению эмоций у человека (рис. 29). На лица моделей помещались электроды, которые, передавая слабые разряды тока, вызывали механическое сокращение мышц, якобы соответствующее различным эмоциям. «Гальванизированная маска», в которую был превращен человек, выражала удивление, удовольствие, горе, тоску, страх.

Данный цикл исследований можно рассматривать как предтечу периферической теории эмоций Джеймса — Ланге, сводившей субъективные эмоциональные переживания к отсроченной интерпретации телесных проявлений, вызванных естественными изменениями внутренней среды организма (5.1.5).

Однако вопрос о том, насколько человек способен правильно распознавать мимические реакции других людей, до сих пор остается открытым. В одном из исследований испытуемым демонстрировались фотографии актеров, изображавших различные эмоции. Было установлено, что число правильных оценок чувств, которые хотел изобразить актер, составляет от 17 до 58%. Впрочем, нельзя сказать, что идея классификации душевной жизни индивида вовсе не привела к значительным достижениям.

К числу примеров продолжения исследования эмоциональных проявлений с помощью фотографии относятся эксперименты К. Лэндиса (С. Landis, 1924). Лэндис стремился преодолеть условность показа моделями эмоциональных состояний за счет использования «экологических» экспериментальных процедур, которые включали даже элементы жестокости. Так, чтобы вызвать сильные отрицательные эмоции, за спиной испытуемого неожиданно раздавался выстрел; испытуемому приказывали отрезать большим ножом голову живой белой крысе, а в случае отказа экспериментатор у него на глазах сам совершал эту операцию. В других случаях испытуемый, опуская руку в ведро, неожиданно находил там трех живых лягушек и одновременно подвергался удару электрического тока. Каждое эмоциональное состояние фиксировалось на фотографии. При этом основные группы лицевых мышц обводили улем. Это

позволяло впоследствии измерять смещения, которые происходили при различных эмоциональных состояниях в результате сокращения мышц. Попытки точно установить, какие группы мышц участвуют в выражении конкретных эмоциональных состояний, дали отрицательные результаты. Вопреки ожиданиям оказалось невозможным найти мимику, типичную для страха, смущения или других эмоций. К. Лэндис предположил, что только мимическая имитация эмоции соответствует общепринятым формам экспрессии, в то время как внешнее выражение переживания подлинной эмоции индивидуально. Таким образом, на сегодняшний день признано необходимым различать закрепленную в культуре конвенциональную мимику и спонтанное проявление эмоций (Я. Рейковский, 1979).

Р. Плутчик (R. Plutchik, 1962) определяет эмоцию как комплексный ответ организма, соответствующий одному из адаптивных биологических процессов, которые являются общими для всех живых организмов. Таким образом, эмоции различаются относительно классов общих ситуаций, которые их вызывают (табл. 10).

Таблица 10

Соответствие адаптивных биологических комплексов и базовых эмоциональных состояний, по Р. Плутчику

Адаптивный комплекс	Эмоция
Объединение со средой — поглощение пищи и воды	Принятие
Неприятие — реакция устранения, выделение, рвота	Отвращение
Разрушение — устранение препятствия на пути удовлетворения потребности	Гнев
Защита — ответ на боль или угрозу боли	Страх
Воспроизведение — ответы, связанные с сексуальным поведением	Радость
Лишение — потеря объекта, приносящего удовлетворение потребности	Горе
Ориентировка — ответ на контакт с новым незнакомым объектом	Испуг
Исследование — случайные действия в изучаемой окружающей среде	Ожидание или любопытство

К. Изард, один из наиболее авторитетных исследователей данной тематики, предложил перечень из десяти фундаментальных эмоций: интерес — возбуждение, удовольствие — радость, удивление, горе — страдание, гнев — ярость, отвращение — омерзение, презрение — пренебрежение, страх — ужас, стыд — застенчивость, вина — раскаяние. Использование двух слов для обозначения большинства фун-

даментальных эмоций объясняется стремлением показать полюса интенсивности той или иной эмоции (например, страх — средняя интенсивность, ужас — высокая интенсивность). В реальности, по мнению К. Изарда, существует огромное количество смешанных эмоций, которые он назвал диадами (например, страх — стыд или интерес — удовольствие) и триадами (например, горе — гнев — отвращение или интерес — удовольствие — удивление). Из десяти фундаментальных эмоций можно составить (и пережить!) 45 диад и 120 триад. Несмотря на такой удивительно многообразный репертуар эмоциональных состояний, которые потенциально доступны человеку, Изард считает, что в каждый момент времени возможно испытывать только одну преобладающую эмоцию.

Выделение названных 10 эмоций в качестве фундаментальных связано с тремя факторами: а) наличием характерных мимических выразительных комплексов; б) уникальным субъективным переживанием (феноменологическое качество) и в) специфическим нервным субстратом. Так, существуют данные, что механизмы, связанные с выражением и переживанием положительных эмоций, являются функцией коры левого полушария, а отрицательных эмоций — функцией коры правого полушария. Например, в эксперименте Р. Дэвидсона в 1990 г. регистрировалась ЭЭГ испытуемых при просмотре приятных и неприятных видеоклипов. В первом случае наблюдалось повышение активности в левой лобной области коры, а во втором — в правой (рис. 30).

1. Интерес — возбуждение
2. Удовольствие — радость
3. Удивление
4. Горе — страдание
5. Гнев — ярость
6. Отвращение — омерзение
7. Презрение — пренебрежение
8. Страх — ужас
9. Стыд — застенчивость
10. Вина — раскаяние

Рис. 30. Фундаментальные эмоции человека, по К. Изарду, 1980

Исследование, проведенное П. Экманом (Ekman) в 1998 г. в 21 стране мира, подтвердило универсальность выражения и схожесть в переживании фундаментальных эмоций, описанных К. Изардом. По эмоции удивления совпадение имело место в 20 странах, по эмоции страха — в 19, по эмоции гнева — в 18. П. Экман проводил свое исследование не только в западных культурах или в культурах,

подверженных влиянию западной цивилизации. Он отправился в бесписьменную, практически изолированную от внешнего мира культуру Папуа — Новой Гвинеи. Неграмотным испытуемым зачитывались рассказы, описывающие различные эмоционально насыщенные события (например, «у человека умер ребенок») и предлагалось выбрать подходящую фотографию из набора. К. Хайдер в 1972 г. по аналогичной методике изучал представителей народности дани в западном Иране. Л. Самрасом проводился также анализ мимической активности младенцев в течение первого года жизни (L. Samras, 1992). Полученные данные подтвердили гипотезу об универсальности фундаментальных эмоций.

5.1.5. Периферические теории эмоций

По мнению В. Джеймса (1884), каждая эмоция имеет свой отличный физиологический рисунок. *Эмоция — это осознание происходящих в организме физиологических изменений.* «Мой тезис состоит в том, что телесные изменения следуют непосредственно за восприятием волнующего факта и что наше переживание этих изменений, по мере того как они происходят, и является эмоцией. Обычно принято говорить: мы огорчены и плачем, нам повстречался медведь — мы испугались и обращаемся в бегство, нас оскорбил соперник — мы разгневаны и наносим удар. Защищаемая здесь гипотеза утверждает, что этот порядок событий является неправильным, что одно психическое состояние не сразу вызывается другим, что между ними необходимо вставить телесные проявления и что правильнее говорить: мы огорчены, потому что плачем, разгневаны, потому что наносим удар, испуганы, потому что дрожим, а не наоборот», — пишет В. Джеймс. Свою гипотезу Джеймс подкрепляет следующими аргументами: 1) существует однозначное соответствие между определенными переживаемыми эмоциями и типичными для них телесными реакциями («Огромное множество различных сочетаний, в которые способны соединиться физические сдвиги, делают в принципе возможным, что каждому, даже слабо выраженному оттенку эмоции, соответствует свой уникальный, если его рассматривать в целом, комплекс изменений в теле.»); 2) лишенная телесного выражения эмоция перестает переживаться («Чем бы была печаль без слез, рыданий, боли в сердце и стеснения в груди? Бесчувственным заключением о том, что некоторые обстоятельства достойны сожаления — ничего больше. Полностью лишенная телесного выражения эмоция — ничто.») и 3) невозможно выполнение

движений, соответствующих одной эмоции, и одновременное переживание другой. Из последнего пункта для Джеймса разворачивается целая философия управления эмоциями. Достаточно намеренно начать демонстрировать нужную эмоцию, как она заменит нежелательную. «подавите внешние проявления страсти, и она умрет... Расправьте морщины на лбу, зажгите взор огнем, выпрямите корпус, заговорите в мажорном тоне, скажите что-нибудь сердечное, и ваше сердце должно быть поистине ледяным, если оно постепенно не оттает», — наставляет В. Джеймс.

Аналогичную позицию занял в последовавшей через год (1885) публикации датский ученый Г. Ланге. В связи с этим теория получила двойное название. По данным Р. Зайонца (R. Zajonc, 1989), повторение звуков «и» и «а», артикуляционные характеристики которых схожи с теми, что задействованы в естественной улыбке, приводят к переживанию приподнятого настроения. Интересно, что задолго до появления периферической концепции эмоций данный прием, помогающий «властвовать собою», получил широкое распространение в странах Азии. Американский журналист Дональд Ричи, живущий в Японии с 1960-х гг. и постоянно пишущий о своеобразии японской культуры, в эссе «Жесты как язык» указывает на особую функцию улыбки как средства контроля над собственными негативными эмоциями: «В Японии функция улыбки интернализирована, введена вовнутрь. Улыбка стала здесь бессознательным жестом и наблюдается даже тогда, когда улыбающийся человек думает, что за ним не наблюдают. Скажем, он хочет успеть на поезд метро. Уже почти успел, но — дверь закрывается. Какова будет его реакция? Почти наверняка улыбка. Эта улыбка не означает радости. Но она означает, что к неприятности отнеслись без ропота и с бодростью. С самых юных лет японцев учат воздерживаться от выражения эмоций, которое могло бы нарушить столь непрочную гармонию».

Одно из явлений, к которым может быть продуктивно приложена периферическая концепция эмоций Джеймса — Ланге, это массовое переживание экстатических состояний на концертах современной музыки (рис. 31).

Ритмическая основа многих популярных произведений воспроизводит учащенный ритм сердца. Таким образом, под ее воздействием активируется симпатическая нервная система — в организмах слушателей происходят соматические изменения, сходные с естественным состоянием экстаза. Телесные изменения, индуцированные музыкой, приводят к переживанию крайне интенсивной эмоции удовольствия.

Одной из версий периферических теорий эмоций является *теория мимической обратной связи* П. Экмана, Р. Левинсона и В. Фризена (P. Ekman, R. Levinson, W. Friesen, 1983). В отличие от классической версии Джеймса — Ланге она концентрируется не на физиологических изменениях, продуцируемых симпатической вегетативной нервной системой, а на изменениях лицевых мышц. Согласно этому взгляду, автоматическое изменение конфигурации лицевых мышц, развивающееся как

Рис. 31. Концерт группы «Битлз» в Манчестере, ноябрь 1963 г. (из архива Press Association, UK)

реакция на воздействие стимула, приводит к осознанию эмоционального состояния, соответствующего этой конфигурации и, как следствие, к возникновению эмоции.

5.1.6. Когнитивные теории эмоций

С. Шахтер и Дж. Сингер (S. Schachter, J. Singer) в 1962 г. выдвинули когнитивную теорию эмоций, являющуюся по сути «компромиссом» между периферической теорией Джеймса — Ланге и таламической теорией Кэннона — Барда. С. Шахтер и Дж. Сингер предположили, что *эмоции есть следствие познавательной интерпретации многозначной физиологической активации*. Важное отличие этой теории от теории Джеймса — Ланге заключается в том, что связь «физиологическое изменение — осознание эмоции» носит вариативный характер. Оpozнание эмоции зависит от контекста ситуации, в которой произошло то или иное телесное изменение. Например, слипание глаз переживается нами как скука, если мы в данный момент слушаем неинтересную лекцию, или как реакция на экстремальное напряжение, если мы только что нашли решение очень сложной проблемы.

Данная модель получила название «*двухфакторной*», так как предполагала необходимость и физиологических изменений, и осоз-

нанной интерпретации как двух взаимодействующих факторов в развитии эмоционального состояния. В критическом эксперименте Шахтера и Сингера испытуемым была сделана инъекция гормона адреналина, вызывающая активацию симпатической вегетативной нервной системы. Одной половине испытуемых сообщили о том, какие симптомы вызывает инъекция, в то время как другой половине не сказали, что им введен физиологический раствор. Затем каждый из испытуемых по очереди попадал в помещение, где находился актер, изображавший либо гнев (он читал некое письмо и будто бы в припадке бешенства рвал его на мелкие кусочки), либо эйфорию (он читал письмо и начинал прыгать от радости). Испытуемые были отделены от актера прозрачной перегородкой и поэтому не могли вступить с ним в контакт. Все испытуемые испытывали аналогичные физиологические изменения в организме (учащенное сердцебиение, потоотделение и т.д.), однако те, кто был предупрежден о действии адреналина, не испытывали сколько-нибудь отчетливых эмоций. Другие же испытуемые, напротив, переживали достаточно выраженные эмоциональные состояния, заражаясь от актера соответственно гневом или радостью. Тот факт, что одно и то же физиологическое состояние мы можем переживать как различные эмоции в зависимости от когнитивных факторов, подтвердился во многих исследованиях. В работе, посвященной восприятию алкогольного опьянения у подростков, две группы испытуемых получали идентичные дозы алкоголя. Те, кто знал, что за «лекарство» они приняли, демонстрировали типичное «пьяное» поведение, находились в подчеркнуто приподнятом настроении, а те, кто употребил алкоголь под видом неизвестного медикамента, отчитывались о разного рода недомоганиях.

В классических исследованиях Р. Лазаруса и его коллег (Lazarus, Mordkoff & Davison, Spcisman), проведенных в 1964 г., специально проверялось влияние интерпретации событий на силу возникающих переживаний. Четырем группам испытуемых демонстрировался один и тот же фильм с жестоким ритуалом, принятом в отсталых племенах, но титры в каждой группе были разными. При этом фиксировалась динамика сопротивления кожи (КГР), являющаяся объективным показателем силы эмоции. Первой группе давалась информация о том, что данная процедура очень болезненна и травматична, второй — фильм демонстрировали без всяких пояснений, третьей группе сообщалось, что этот ритуал не вызывает боли и абсолютно необходим для превращения юноши в настоящего мужчину, четвертой — ничего не говорилось о чувствах, а просто подчеркивался факт существования своих обычаев в других куль-

турах. Соответственно, сила эмоций участников эксперимента уменьшалась от первой «травматической» группы к четвертой, названной авторами «интеллектуальной», что, безусловно, доказывает решающую роль нашего понимания происходящего как условия возникновения определенных эмоциональных процессов. Многие современные психотерапевтические практики используют приемы переинтерпретации травмирующих жизненных событий для преодоления негативных эмоциональных состояний человека.

Когнитивные теории эмоций позволяют вырваться из порочного круга вопроса «Что первично — курица или яйцо?». В данном случае вопрос звучит так: что было вначале — телесное изменение (периферические теории) или субъективное переживание (центральные теории)? Для когнитивных теорий важна именно *взаимосвязь познавательных и физиологических процессов*, при этом они допускают, что как когнитивная интерпретация может базироваться на уже состоявшемся физиологическом изменении, так и физиологическое изменение может быть результатом психологического переживания (например, эмоциональной памяти, воображения, подражания).

5.1.7. Уровневая модель функционирования эмоций

В 1990-х гг. появились *уровневые теории эмоций*, например работы М. Джонсон, К. Малтхауи, М. Пауэра и Т. Далглейша (M. Johnson, K. Multhaup, 1992, M. Power, T. Dalgleish, 1997), которые по-своему преломили проблематику эмоций через популярные и последнее время модели уровней переработки информации (см. подробно гл. 8).

Модели уровней переработки информации предполагают, что психика человека обрабатывает информацию, «проводя» ее через ряд последовательных стадий, каждая из которых обладает своими специфическими характеристиками. Постулируется, что эмоциональная реакция развивается только при переработке информации на высшем уровне самоотношения, который отражает смысл того или иного явления для субъекта. Различают:

- сенсорный (аналоговый) уровень переработки (простейшие сенсорные компоненты стимуляции, например ответ на вопрос «Шрифтом какого цвета набрано это слово?»);
- перцептивный (ассоциативный) уровень переработки (более сложный уровень, связанный с целостными свойствами объектов, Например ответ на вопрос «Рифмуется ли это слово со словом "мрак"?»);

- **семантический** (уровень объективных закрепленных в языке значений, например ответ на вопрос «Обозначает ли это слово болезнь?»);

- **смысловой** (уровень самоотнесенной информации, например ответ на вопрос «Умер ли кто-либо из ваших близких родственников от этой болезни?»).

Сенсорный уровень можно условно поставить в соответствие процессам ощущения, перцептивный — восприятия, семантический — мышления, уровень самоотнесения — связи со смысловыми структурами личности. Конкретный уровень, на котором будет переработана информация, определяется в большей мере не особенностями стимула, а целями человека. Поэтому один и тот же стимул будет обладать эмоциональным значением на одном уровне переработки и окажется эмоционально нейтральным на другом. Например, человек может спокойно читать медицинские журналы и рассуждать о различных болезнях, но стоит ему наткнуться в тексте на название болезни, от которой умер его близкий родственник, как возникает сильная негативная эмоция — страх (табл. 11).

Таблица 11

Уровневая модель функционирования эмоций

РАК	Шрифтом, какого цвета набрано это слово?	Сенсорный уровень переработки	Нет эмоции
	Рифмуется ли это слово со словом «мрак»?	Перцептивный уровень переработки	Нет эмоции
	Обозначает ли это слово болезнь?	Семантический уровень переработки	Нет эмоции
	Умер ли кто-либо из ваших близких родственников от этой болезни?	Смысловой (самоотнесения) уровень переработки	эмоция

Уровневые теории функционирования эмоций хорошо предсказывают, насколько человек будет эмоционально вовлечен в ту или иную ситуацию. Они фиксируют известное явление: эмоции играют значительную регулятивную роль в протекании познавательных процессов только тогда, когда человек сталкивается не с сухой, безличной информацией, а с тем, что касается его персонально, задевает за «болезное».

5.1.8. Культурные различия в выражении эмоций

В параграфе 5.1.4 мы упоминали о том, что фундаментальные эмоции носят универсальный характер и проявляются одинаково в большинстве культур, тем не менее существуют значительные вариации, во-первых, в жестовых выражениях эмоций; во-вторых, в интенсивности мимической экспрессии и, в-третьих, в выражении так называемых сложных эмоций.

Жестикуляция является наиболее сильно варьирующим от культуры к культуре компонентом выражения эмоций. Конвенциональные жесты представляют собой практически независимую от физиологических универсалий знаковую систему. Поэтому жесты, которые однозначно интерпретируются внутри одной культуры, совершенно непонятны в другой. О. Клинберг (O. Klineberg, 1937) проанализировал описания выражения различных эмоциональных состояний в китайской литературе. Как вы думаете, что может означать такая фраза: «Он поджал ногу и замер, стоя на одной ноге»? Или: «Он громко вскричал хо-хо!»? Или вовсе: «Он стал царапать мочки своих ушей и щеки»? Оказывается, подобная жестикуляция дает читателю-китайцу понять, что герой повести соответственно удивлен, зол и испытывает радость. Отсутствие сколько-нибудь очевидных коррелятов между национально специфичными языками жестов и поз (почему в Болгарии покачивание головой из стороны в сторону значит «да», а для всех остальных европейцев — «нет»?) приводит к необходимости создания специальных «словарей».

Дж. Рассел (1991) указывает, что не все языки имеют термин, сходный по значению со словом «эмоция». Например, его нет у таитян и у народности ифалук из Микронезии. Значительно различаются и национальные эмоциональные лексиконы. В английском языке нет понятия, соответствующего русскому слову «зло-радство», а понятиям ужас, кошмар, опасение, робость, страх, стыд на языке австралийских аборигенов соответствует одно слово «гуракади». Таким образом, даже относительно фундаментальных эмоций, существование которых признается большинством ученых, трудно установить полную аналогию для различных культур.

П. Экман и В. Фризен предложили учитывать культурные правила выражения и переживания эмоций, которые действуют в различных культурных общностях. Для подтверждения роли культурных правил в выражении эмоции в 1972 г. ими был проведен остроумный эксперимент. Американским и японским испытуемым

демонстрировались фрагменты фильмов, имеющие негативное эмоциональное содержание. В том случае, когда испытуемые просматривали фрагменты в одиночку, их мимические проявления можно было описать как универсальные. Однако положение менялось, когда в помещение заходил старший по возрасту экспериментатор. Американцы проявляли негативные эмоции: отвращение, страх, грусть, гнев — так же свободно, как и прежде. А все японцы улыбались. При этом их улыбки не были интернализированными реакциями на негативную ситуацию, как в наблюдениях Д. Ричи, о чем свидетельствовали другие вегетативные проявления и данные самоотчета. Таким образом, выражение эмоций на лице подвергается двойному влиянию универсальных, биологически детерминированных факторов выражения фундаментальных эмоций и специфических для данной культуры правил. Д. Мацумото с коллегами (D. Matsumoto) в 1998 г. провел опрос жителей Японии, России, Южной Кореи и США. Респондентов спрашивали, что бы они сделали, если бы им пришлось пережить одну из эмоций в различных социальных ситуациях. Представители всех культур (правда, в разном соотношении) говорили, что могут: 1) выразить эмоцию без изменения; 2) ослабить выражение эмоции; 3) преувеличить выражение эмоции; 4) маскировать истинную эмоцию с помощью выражения другой эмоции; 5) улыбнуться; 6) постараться сохранить нейтральное лицо. На основании данного перечня «манипуляций» с естественным выражением эмоций была создана двухфакторная модель выражения эмоций (рис. 32).

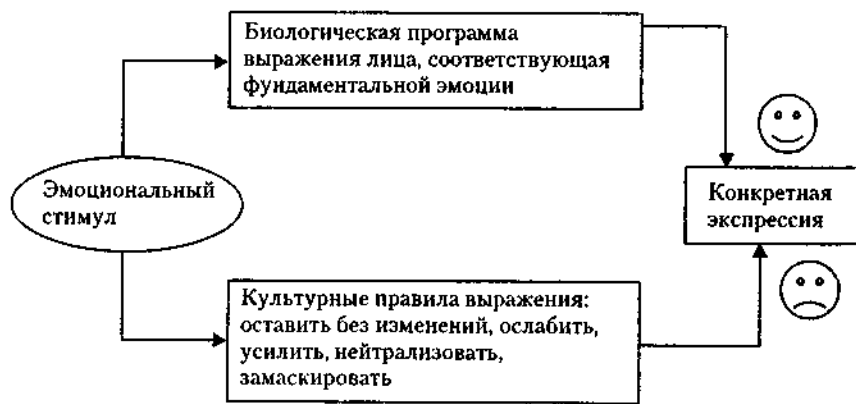

Рис. 32. Двухфакторная модель выражения эмоций под влиянием культурных правил

Очевидно, что конкретный способ трансформации эмоции будет зависеть от господствующего в данной культуре образца выражения эмоций. Например, в коллективистских азиатских культурах, где открытая агрессия в межличностных отношениях табуирована (см. подробнее гл. 11), будет наблюдаться ослабление или маскировка негативных эмоций. Наоборот, в индивидуалистических культурах Запада, где уместно выражать негативные эмоции в кругу «своих», экспрессия такого рода будет оставлена без изменений.

Несмотря на «приглушенную» экспрессивность в ряде культур и подчеркнутую — в других, в целом при восприятии эмоций окружающих люди склонны ориентироваться на правило: чем ярче выражение, тем сильнее вызывающая его эмоция. В связи с этим наблюдается интересный эффект в межкультурном взаимодействии. В широкомасштабном исследовании К. Шерера в 1994 г., в котором приняли участие более 3000 человек из 37 стран, было выяснено, что, по данным самоотчетов, жители Востока испытывают эмоциональные состояния чаще, чем американцы или европейцы. Однако за счет экспрессивной сдержанности восточных стран их жители приписывали большую эмоциональность американцам и европейцам. Другими словами, тот факт, что люди западных культур бурно выражают средние по интенсивности эмоции, а люди Востока скрывают даже крайне интенсивные эмоции, ведет к ошибкам в оценке их истинного состояния представителями других культур. С другой стороны, традиция культурного запрета на демонстрацию негативных чувств привела к тому, что, действительно, в эмоциональном репертуаре американцев и европейцев гнев представлен более широко, чем у японцев.

5.1.9. Субъективное переживание эмоций

Очевидно, что основная ценность эмоций для нас заключается в том, что мы их переживаем. Остановимся подробнее на особенностях переживания некоторых основных эмоциональных состояний.

Гнев. Гнев возникает как ответ на препятствия к реализации цели. «Препятствование движениям младенца является фактором, который помимо всякого обучения вызывает движения, определяемые как ярость», — пишет Дж. Уотсон. Переживание гнева сопровождается учащением сердцебиения, повышением температуры и артериального давления. В переживании гнева четко выделяется компонент мобилизации организма: человек чувствует, что у него «кипит кровь», «чешутся кулаки», он «вот-вот взорвется» и т.д. Воз-

никает иллюзия собственной силы и потребность действовать. Поэтому гнев относят к импульсивным эмоциям. По данным К. Изарда, у человека, который находится в состоянии гнева, возникают мысли о «мщении, разрушении, нападении на других» (44%), «способах удержать контроль над собой» (14%), «ненависти, неприязни, осуждении других» (12%).

Гнев может выразиться в агрессивных действиях, направленных прямо на объект, который препятствует субъекту. Одним из парадоксов гнева можно назвать его способность к переносу на нейтральный объект, который представляет меньшую опасность, чем реальный обидчик. На карикатуре Х. Бидструпа (рис. 33) представлен классический пример переноса гнева.

Страх. Страх, безусловно, является крайне неприятным переживанием. Объектом страха может стать практически любой предмет. Ассоциация страха, первично возникающего в ответ на узкий круг раздражителей (громкий резкий звук, потеря опоры, по Дж. Уотсону), с новыми прежде нейтральными или даже приятно эмоционально окрашенными стимулами возникает по принципу условно-рефлекторной связи. Опыт страха приобретает также путем подражания. Физиологический рисунок страха отчасти совпадает с гневом по учащению сердечных сокращений на 8 ударов в минуту, при этом наблюдается снижение температуры, измеряемой на кончиках пальцев по методике П. Экмана, на 0,01 градуса.

Страх является эмоцией большой силы и может приобретать болезненную форму фобий. Фобия (от греч. *phobos* — страх) — это навязчивые неадекватные переживания страхов конкретного содержания. Обычно больные фобиями осознают необоснованность своих страхов, но не в состоянии их контролировать. Выделяют нозофобии (страх заболеть определенной болезнью), социофобии (страх публичных выступлений), клаустрофобии (боязнь замкнутого пространства), агрофобии (страх открытого пространства) и др. В результате квалифицированного психотерапевтического вмешательства в большинстве случаев удается установить причины фобии и устранить ее.

Счастье. Радость и счастье являются максимально желательными эмоциями. В среднем при стабильных социальных условиях около 30% населения считают себя счастливыми. Парадоксально, но вопреки расхожему мнению субъективное переживание счастья практически не зависит от возраста, расы, пола, уровня образования, наличия или отсутствия детей и даже физического здоровья (Д. Майерс, Е. Диенер, 1996). По данным К. Швальц (К. Chwalisz, 1988) 50% физически здоровых студентов считали себя счастливыми,

22% — несчастными и 29% — не могли определенно ответить на подобный вопрос. В свою очередь, студенты-инвалиды демонстрировали сходные показатели, оценивая свою жизнь как счастливую или несчастливую.

Рис. 33. Карикатура Х. Бидструпа

Наиболее надежными предсказателями счастья является соответствие образа жизни субъекта двум принципам: принципу уровня адаптации и принципу социальной относительности (Н. Nelson).

Принцип уровня адаптации заключается в том, что для того, чтобы чувствовать себя счастливыми, мы должны постоянно улучшать качество своей жизни. Любой достигнутый уровень благополучия со временем становится привычным, и мы больше не можем наслаждаться им. Ярким примером действия принципа уровня адаптации служит исследование уровня счастья у «счастливиц», выигравших в лотерею от 50 тысяч до 1 миллиона долларов, проведенное в 1978 г. Ф. Брикманом, Д. Коатсом и Р. Янофф-Бульманом (Ph. Brickman, D. Coates, R. Janoff-Bulman). У большинства выигравших наблюдалось снижение субъективного уровня счастья, так как они находили меньше удовольствия, чем раньше в каждодневных достижениях, которые «меркли» по сравнению с главным финансовым триумфом их жизней. Как мудро заметил один теолог XIX в.: «Для нас лучше желать вещи, которые мы имеем, чем иметь вещи, которые мы желаем».

Принцип социальной относительности заключается в том, что мы склонны оценивать свои достижения ни сами по себе, а в их соотношении с достижениями других людей. Этот факт хорошо фиксирует поговорка «Лучше быть первым парнем на деревне, чем десятым в городе». Если мы хуже тех, с кем себя сравниваем, то мы чувствуем себя несчастными, а если лучше — счастливыми. Знаменитый историк Бертран Рассел по этому поводу заметил: «Нищие не завидуют миллионерам, хотя, конечно, они обязательно будут завидовать другим, более удачливым нищим».

5.1.10. Мозги эмоции

Можно сказать, что эмоции являются наиболее комплексными функциями мозга. Эмоции, с одной стороны, представляют собой одни из наиболее ранних в филогенезе форм психического, а с другой — неразрывно связаны с эволюционно поздними психическими функциями: мышлением, воображением, речью и личностью. Поэтому как старые, так и новые отделы мозга вовлечены в порождение, переживание и выражение эмоций.

Исходная трехуровневая модель взаимодействия различных отделов мозга в переработке эмоциональной информации была предложена в 1959 г. Дж. Хьюлингсом-Джексоном (J. Hughlings-Jakson). Он считал, что простые рефлекторные нервные пути связывают

органы чувств с гипоталамусом, а тот, в свою очередь, находится под контролем областей коры головного мозга. Низшие уровни отвечают за возникновение физиологических коррелятов эмоций, а корковые — за переживание и анализ эмоциональных состояний.

В настоящее время накоплено достаточно данных, проясняющих роль как высших, так и низших мозговых структур в переработке эмоциогенной информации. Например, установлено, что правая сторона коры больших полушарий тесно связана с переработкой эмоциональной экспрессии, а левая сторона играет лишь незначительную роль в анализе эмоциональной составляющей визуальной информации. Результаты экспериментов Э. Штрауса и М. Москвича показывают, что если проецировать изображения выразительных лиц изолированно в правое или левое поле зрения, то результаты распознавания окажутся значительно лучше в левом (E. Strauss, M. Moscovich, 1981). Данный факт связан с тем, что информация, которая проецируется в поле зрения левого глаза, поступает в правое полушарие, а информация, которая проецируется в поле зрения правого глаза, — в левое. Если в распознавании эмоциональной информации главную роль играет боковая область коры правого большого полушария мозга, то для переживания и выражения эмоций значимы лобные области коры обоих полушарий. Существуют данные, что механизмы, связанные с выражением и переживанием положительных эмоций, являются функцией лобных долей коры левого полушария, а отрицательных эмоций — функцией лобных долей коры правого полушария. Произвольное сжатие мышц левой половины лица (сигналы в правое полушарие) вызвали у испытуемых Б. Шиффа и М. Ламона эмоции печали, а сжатие мышц правой стороны лица (сигналы в левое полушарие) — ощущение радости и уверенности в себе (B. Schiff, M. Lamon, 1994). Так что, если вас охватило уныние или предстоит неприятный разговор, сделайте психологическую зарядку — интенсивно подмигните правым глазом, и плохого настроения — как ни бывало!

Среди нижележащих отделов мозга важную роль в регуляции эмоциональной жизни современные авторы приписывают миндалине — парному органу, который находится в глубине мозга (см. гл. 3). Хирургическое удаление миндалины у подопытных животных вызывает разрушение нормальной эмоциональности. По мнению физиолога Дж.Е. ЛеДу (J.E. LeDoux, 1996), миндалина выполняет роль координатора потоков информации, идущих как от коры, так и от более примитивных структур, и оценивает ее на предмет значимости для организма. Таким образом, в современной физиологии происходит конкретизация положений, выдвинутых Кэнноном — Бар-

дом, о наличии «центрального диспетчера», координирующего «тело» и «разум» при управлении эмоциями.

5.1.11. Стресс

Обсуждая тематику эмоций, трудно обойти вниманием проблему стресса. *Стресс* (от англ. stress — давление, напряжение) — это общая неспецифическая реакция организма в ответ на интенсивное воздействие любой модальности (стрессор). Термин «стресс» ввел канадский биолог и врач Ганс Селье (1907—1982). Согласно его определению, стресс представляет собой *общий адаптационный синдром*, обеспечивающий мобилизацию организма для приспособления к трудным условиям.

По Селье, стресс имеет три стадии развития. На первой стадии под воздействием стрессора *активизируется симпатическая нервная система*. Человек при этом может переживать тревожное эмоциональное состояние (если стрессор носит угрожающий характер) или душевный подъем (если стрессор в принципе связан с позитивным прогнозом). На второй стадии (ее еще называют «стадией борьбы») надпочечники начинают выделять в кровь гормон кортизол, и происходит *мобилизация организма*. На второй стадии человек может максимально эффективно решать задачи, требующие значительного усилия, которое выходит за рамки обычных. Если же действие стрессора продолжается, наступает третья стадия — *стадия истощения*. Если на третьей стадии возможности для мобилизации организма исчерпаны, то возникает *дистресс*. Именно дистресс ведет к значительным нарушениям как психической активности, так и физического здоровья человека.

В обыденном сознании понятие стресса однозначно связывается с негативными переживаниями. Действительно, например, по данным Каприо (Carpio), исследовавшего в 1987 г. истории болезни 96 000 вдовцов и вдов, риск умереть в течение недели после смерти мужа или жены возрастает вдвое. Однако и позитивные изменения в жизни могут стать причиной глубокого стресса, переходящего в дистресс. Т. Холмс и Р. Раэ (Т. Holmes, R. Rahe, 1967) разработали перечень типичных жизненных ситуаций, которые вызывают стрессовое состояние. Наиболее стрессогенной оказалась ситуация смерти супруга (100 баллов), однако за такими, безусловно, негативными ситуациями, как тюремное заключение (63 балла) и травма (53 балла), следуют позитивные и даже желательные ситуации, например вступление в брак (50 баллов) или рождение ребенка (40 баллов).

Важнейшим фактором благополучного преодоления стресса является уверенность в том, что ситуация остается под контролем. В одном из экспериментов две крысы одновременно получали болезненные удары током. Одна из них никак не могла повлиять на ситуацию, в то время как другая, дернув за кольцо, «контролировала» болевое воздействие. На самом деле сила и продолжительность электрического удара были идентичны для обеих участниц опыта. Однако у пассивной крысы развивалась язва желудка и снижался иммунитет, а активная сохраняла устойчивость к действию болевого стрессора. Аналогичные данные были получены и для людей. Например, служащие, которым было позволено организовывать пространство офиса по своему усмотрению, в меньшей степени подвергались разрушительному действию дистресса, чем те, кто работал в раз и навсегда созданном окружении.

Л.А. Китаев-Смык выделил два типа изменений поведения при стрессовых воздействиях: пассивно-эмоциональные изменения, которые проявляются в ожидании окончания воздействия экстремального фактора («перетерпеть») и активно-эмоциональные, направленные на активное удаление экстремального фактора, преодоление ситуации. Как видно из приведенных выше исследований, именно второй путь дает более позитивный психологический прогноз.

5.2. Воля

5.2.1. Общая характеристика волевых процессов

В рассказе японского писателя Кана Кикичи (1888—1948) описывается поступок человека по имени Итикуро. Итикуро в молодости был грабителем, который отнял жизнь у многих людей. Раскаившись, он поклялся прорубить в скале тоннель, который должен был уберечь от опасности крестьян, вынужденных переправляться через бурную реку по шаткому мостику. «Почти двадцать лет в сидячем положении он работал в глубине скалы. Поэтому ноги болели и не могли свободно сгибаться. Из-за того что долгое время он находился во мраке, да к тому же осколки породы то и дело попадали в глаза, он, словно крот, перестал различать свет. И старческая немощ настигла в конце концов железного Итикуро. Жизнь он не Дорожил, но было так досадно умереть, не закончив своего дела. «Протерпеть бы еще года два!» — стонало его сердце, а тело бросалось в работу, чтобы забыть о старости». Только несгибаемая воля Дала Итикуро возможность не только выбрать путь искупления

своего прошлого, но и в течение десятилетий не отклоняться от цели.

Воля как способность человека к самодетерминации и саморегуляции делает его свободным от внешних обстоятельств. Воля делает человека во многом непредсказуемым, несводимым к простой арифметике действующих мотивов. Она вводит в жизнь человека по-настоящему субъективное измерение. Поэтому тема воли трудно согласуется с номотетическим подходом в психологии и практически отсутствует в направлениях западной науки, ориентированных на жесткий детерминизм. Согласно единой справочной системе PsycLit среди десятков тысяч психологических исследований, осуществленных в мировой психологии за период с 1996 по 1999 г., лишь 56 посвящено проблематике воли.

Воля является психической функцией, которая буквально пронизывает все стороны жизни человека. Она задает упорядоченность, целенаправленность и сознательность человеческой жизни и деятельности. «Волевое действие — это сознательное, целенаправленное действие, посредством которого человек осуществляет стоящую перед ним цель, подчиняя свои импульсы сознательному контролю и изменяя окружающую действительность в соответствии со своим замыслом», — пишет С.Л. Рубинштейн. Воля представляет собой, безусловно, высший уровень регуляции психики по отношению к уровням мотивации, эмоций и внимания.

Волевое действие определяется следующими вариантами условий его реализации:

- выбором мотивов и целей при их конфликте (селективная функция);
- восполнением дефицита побуждения к действию при отсутствии его достаточной мотивации (инициирующая функция);
- ослаблением избыточной мотивации при нежелательности действия (ингибирующая функция);
- поддержанием выбранного уровня выполнения действия при наличии помех (стабилизирующая функция);
- произвольной регуляцией внешних и внутренних действий и психических процессов.

Примером первой функции служит ситуация, когда вам нужно отправиться на утреннюю пробежку, в то время как у вас слипаются глаза. Во-первых, вам следует выбрать один мотив из нескольких конкурирующих («спать», «встать», «повалиться в постели и посмотреть телевизор» и т.д.). Затем, если вам удастся усилием воли заставить себя одеться и выйти на улицу, — вторая функция волевого действия реализована. Однако в описываемой нами ситуации

будет проявляться и третья функция. Ведь с помощью воли вам необходимо будет ослабить действие актуального мотива «спать». Во время пробежки по новому маршруту вам может встретиться продуктовый магазин и актуализироваться новый пищевой мотив и возникнет цель — «зайти туда на минутку и купить свежего хлеба к завтраку». На этой стадии функция воли будет заключаться в том, чтобы сохранить темп бега и не отвлекаться на другую деятельность. И, наконец, во время бега вы, может быть, стараетесь продумать все дела, которые вам необходимо сделать в этот день. Даже если ваша мысль будет порой «соскальзывать», вы окажетесь все-таки способны к поддержанию выбранного хода мыслей.

Впервые среди греческих мыслителей волю основой нравственности сделал Аристотель. Он рассмотрел связь этики и человеческой воли, сделав человека ответственным за свою судьбу и благополучие. При этом он предвосхитил современную деятельностную трактовку воли, утверждая, что о волевом поступке можно говорить, только рассматривая целостную деятельность человека. «Человек — сила действующая. Первоначало действия, как хорошего, так и плохого, — это намерение, воля. Мы свои действия изменяем добровольно, так что и первоначало, т.е. намерение и воля, меняются добровольно. Отсюда ясно, что от нас зависит быть хорошими или дурными» («Большая этика», 1187Ь10). Добровольность для Аристотеля — это, во-первых, свобода выбора, а во-вторых, ориентация на разумные цели. Воплощением воли является мужество. Причем, если граждане проявляют мужество «по принуждению начальников», то их мужество не является подлинным, во всяком случае, их мужество ниже по степени, так как «они поступают так не от стыда, а от страха, избегая не позора, а страдания» («Никомахова этика», И 16а30).

На заре становления психологии как самостоятельной науки широкое распространение получил волюнтаризм — признание воли особой автономной силой, лежащей в основе функционирования психики в целом. Согласно данной позиции, волевые акты не могут быть сведены ни к каким другим психическим процессам, но сами определяют их ход. Учение об апперцепции В. Вундта (см. гл. 6) заключало в себе мысль о том, что психическая причинность получает высшее выражение в волевом акте (апперцепция не нуждается в объяснении, она является законом, по которому происходит организация сознания). По В. Джеймсу, волевое действие есть результат волевого решения, духовного акта. Джеймс утверждал, что волевое решение строится по принципу «Fiat lux!» (библейское «Да

будет свет!»). Именно таким образом, опираясь на чистую волю, Господь создал Вселенную.

Способность к совершению волевых действий (поступков) формируется по мере развития личности и воплощается в устойчивые личностные качества: целеустремленность, настойчивость, выдержку, решительность, инициативность, самостоятельность, организованность, дисциплинированность, смелость и др. Безвольная личность характеризуется нерешительностью, внушаемостью, слабостью, упрямством. Упрямство часто путают с истинным проявлением воли.

5.2.2. Воля как активность

В качестве основного атрибута волевого акта Д.Н. Узнадзе выделяет три основных характеристики.

Во-первых, в акте воли происходит объективация индивидуального Я и индивидуального поведения. В волевом акте субъект как бы «выпадает» из потока бытия и оценивает себя самого и мотивы своей деятельности извне. Например, вы должны признать свои взгляды неверными, хотя вам, конечно, очень не хочется этого делать. Чтобы внутренне согласиться с признанием своей ошибки, необходимо субъективно противопоставить себя самого и свою деятельность, на какое-то время отстраниться от обычного слитного существования субъекта и деятельности. В этом смысле можно говорить о волевом акте как о совершенно особом состоянии сознания.

Во-вторых, воля всегда перспективна по своей сути, она направлена в будущее. Совершая волевой поступок, человек думает не о своем положении в настоящий момент, а о том, каким оно станет в дальнейшем, если он сделает или не сделает нечто.

В-третьих, воля переживается как активность Я. Например, человек чувствует жажду. Он встает, берет графин с водой, наливает и пьет. В таком типе поведения отсутствуют все перечисленные Узнадзе атрибуты волевого акта: нет ни субъективного разделения субъекта и ситуации, ни сколько-нибудь выраженной ориентации в будущее, ни активности субъекта. Другими словами, при обычном (импульсивном) поведении его источником переживается скорее сама потребность, чем активное Я. Волевое же поведение никогда не бывает реализацией актуального импульса и, следовательно, необходимую для реализации деятельности энергию заимствует из другого источника. Что это за источник? По мысли Д.Н. Узнадзе, таким источником является личность человека.

5.2.3. Воля как функция иерархии мотивов

По мнению А.Н. Леонтьева, ни ситуация выбора, ни факт преодоления препятствий, ни наличие физического усилия сами по себе не свидетельствуют о проявлении воли. Например, человек может сделать выбор, принять решение и поступить вразрез с ним. Леонтьев приводит пример из романа Л.Н. Толстого «Война и мир», когда Пьер Безухов раскладывает пасьянс, чтобы решить, отступить из Москвы или нет. Пасьянс говорит, что надо отступить, и Пьер Безухов, ни минуты не думая о дальнейшем, остается в Москве. Напротив, солдат, повинаясь приказу, встает в атаку и этим демонстрирует свою силу воли. Известно, что больные, одержимые различного рода зависимостями (например, наркоманы), демонстрируют удивительную находчивость для того, чтобы добыть наркотик. При этом их деятельность никак нельзя назвать волевой. Животные в период половой активности преодолевают огромные расстояния, чтобы найти партнера, но их действия тоже нельзя отнести к явлениям воли. Так в какой же ситуации мы фиксируем волевой акт?

А.Н. Леонтьев считает, что волевое действие — *есть процесс победы открыто социальных и идеальных мотивов в индивидуальной системе иерархии мотивов над объектно-предметными и наглядными*. Поясним этот тезис на примере. Допустим, мы имеем феномен некоторого действия, например человек ест. Представим себе мотивы, которые гипотетически могут стоять за таким простым действием. Пусть это будут два положительных мотива: утолить голод и сделать приятное жене, которая приготовила обед. Очевидно, что действие в таком случае протекает само по себе, без участия воли. Другая ситуация — человек не ест. Возможно, за этим «не-деянием» стоит пара отрицательных мотивов: «я сыт и не нуждаюсь в пище» и «обед приготовила теща, которой я не хочу доставлять удовольствия зрелищем того, как я с аппетитом поедаю пищу». Очевидно, что и в этом случае о воле говорить излишне. То есть и в первом, и во втором случае мы имеем дело с неволевым (хотя и произвольным) действием, которое основывается на простой сумме влияний актуальных мотивов. А теперь вообразим третью возможность: у человека имеется один побуждающий и один тормозящий действие мотив, например «я сыт» и «хочу сделать приятное жене». Что мы увидим в этом случае? Казалось бы, возникает равновероятная альтернатива. Может победить как один мотив, так и другой. Все дело в том, какой в этот момент окажется сильнее. Однако А.Н. Леонтьев утверждает, что это не так. У сложившейся личности (см. подробно гл. 10), а мы предположим, что герой нашего воображаемого сюже-

та взрослый человек (вполне зрелая личность), социальный мотив («отношения с женой») за счет волевого акта всегда будет играть решающую роль и возьмет верх над объектным, биологическим («не хочу есть»). Данный эффект А.Н. Леонтьев называет «приматом открыто социальной мотивации». И, соответственно, мы получим сцену «муж ест».

У недостаточно зрелой личности или в ситуации экстремально сильного действия биологического мотива регулирующая роль перейдет к чужой воле — приказу или перейдет во внешний план самокоманды. В своей лекции, посвященной проблеме воли, Леонтьев иллюстрирует такой вариант с помощью анекдотической истории: «У некоторого офицера был денщик. Однажды этот офицер услышал, что денщик его в соседней комнате глубоко вздыхает. Он его, естественно, спросил: «Что ты вздыхаешь?» — «Пить хочется». — «Ну, так ты пойдй, принеси воды и напейся». — «Да идти не хочется». Тогда офицер говорит: «Слушай, Иван! Принеси мне стакан воды!». Денщик вскакивает, бежит за водой, приносит стакан воды. «Пей!» История была разрешена».

Теперь обратимся ко второй составляющей исходного тезиса об условиях протекания волевого акта. Например, вам нужно заставить маленького ребенка съесть кашу. Что будет эффективнее: пообещать ему, что он получит вкусное пирожное после того, как съест кашу (идеальная форма мотива), или положить вожделенное пирожное перед ним? Ответ очевиден. В первом случае ребенок мгновенно проглотит нелюбимое блюдо, а во втором — разразится плачем. То есть в случае конфликта мотивов прием соподчинения их в качестве последовательных этапов деятельности и представленность одного из них в идеальном (воображаемом) плане действует достаточно эффективно. При одновременном присутствии и каши, и пирожного волевого усилие должно быть приложено значительно больше.

Таким образом, волевой акт, представляющий, по сути, результат борьбы конкурирующих мотивов, разворачивается в направлении актуализации социального по происхождению и идеального по форме мотива в ущерб биологическому и наглядному.

5.2.4. Структура волевого акта

С.Л. Рубинштейн различает четыре стадии волевого акта.

- Возникновение побуждения и предварительная постановка цели. Субъективно эта стадия переживается как стремление сделать нечто.

- Стадия обсуждения и борьбы мотивов.
- Решение. Процесс принятия решения может протекать различно. В первом случае (когда нет «борьбы мотивов») оно протекает как бы бессимптомно: постановка цели условно совпадает с принятием решения. Как пишет С.Л. Рубинштейн: «Стоит только представить себе цель, чтобы чувствовать и знать: да, я этого хочу! Стоит только это почувствовать, чтобы уже перейти к действию». Во втором случае, если мотивы различны по значимости, решение наступает как полное и окончательное разрешение того конфликта, который вызвал борьбу мотивов. В третьем случае (здесь мотивы практически равны по значимости и интенсивности) решение наступает как насильственное снятие все еще бушующей борьбы мотивов. Акт принятия решения характеризуется своеобразным субъективным переживанием. Человек чувствует, что дальнейший ход событий зависит от него. «Осознание последствий будущего поступка и зависимости того, что произойдет от собственного решения, порождает специфическое для сознательного волевого акта чувство ответственности».

- Выполнение.

5.2.5. Когнитивные компоненты волевого акта

В.А. Иванников рассматривает волевою регуляцию как произвольное изменение (усиление или ослабление) побуждения к действию, сознательно принятому по необходимости (внешней или внутренней) и выполняемому человеком по своему решению. Необходимость такого изменения возникает, как уже отмечалось, при недостатке соответствующей принятому действию мотивации. Что же при этом делает человек? Как он достигает необходимого изменения побуждения.

По мысли В.А. Иванникова, формирование побуждения к волевому действию достигается через трансформацию или создание дополнительного смысла действия. То есть действие после свершения волевого акта осуществляется уже не только в силу исходного (недостаточного) мотива, в согласии с которым было принято решение о его реализации, но и в силу других мотивов. В исследовании А.В. Запорожца было показано, что в зависимости от того, какой смысл имеет для испытуемого задание, кардинально меняется уровень его исполнения. Трех группам испытуемых предлагали поднимать и опускать достаточно тяжелый груз. Испытуемым первой группы не указывали смысл выполнения задания. Испытуемым во

второй группе сообщалась его цель, т.е. их просили **поднять** груз максимально возможное количество раз, чтобы установить личный рекорд. Испытуемым третьей группы предлагали вообразить ситуацию, когда они не просто поднимают груз, а вырабатывают силой своих мышц электроэнергию для того, чтобы в городе зажегся свет. Нетрудно догадаться, что наивысший результат был получен у участников последней группы.

Изменение смысла действия возможно через изменение позиции субъекта. Так, в работе А.И. Липкиной отстающим ученикам поручали опекать школьников младших классов. Смена позиции с «ученика» на «учителя, наставника» приводила к изменению самого смысла учебы и, как следствие, к повышению настойчивости в овладении учебной программой.

Смысл действия может также быть изменен при помощи предвосхищения последствий того или иного действия. П. В. Симонов, автор информационной теории эмоций, рассмотренной нами выше (см. раздел 5.1.1), приводил для иллюстрации данного механизма случай из своей жизни. Когда ему не хватило смелости для прыжка с парашютом, он подумал о своем товарище, который не решился прыгнуть накануне. Поставив себя на его место и представив, как стыдно ему было смотреть в глаза друзьям, Симонов прыгнул с парашютом.

Еще один механизм изменения смысла принятого действия заключается в добавлении нового смысла к уже существующему. Например, не только «пробежать 2 километра», но и «по дороге пересчитать все деревья в сквере».

Придание дополнительного смысла принятому действию может осуществляться приемами «мифологического мышления». Тогда недостаточно мотивированное действие способно превратиться в символический акт. Например, студентка может загадать, что, если она хорошо подготовится к семинару, юноша, который ей нравится, пригласит ее в кино.

Последним из распространенных вариантов трансформации смысла является связывание действия с новыми, не типичными для него мотивами (использование приема самостимуляции). Например, женщина, которая решила соблюдать диету, может укрепить свою волю, сказав себе: «Если я продержусь неделю, то куплю себе новое платье».

Гипотеза В.А. Иванникова может быть хорошо проиллюстрирована с помощью знаменитой притчи о строительстве Шартрского собора. Когда у трех людей, каждый из которых толкал перед собой тележку, нагруженную камнями, спросили «Что ты делаешь?», один ответил: «Везу камни», другой: «Зарабатываю деньги, чтобы про-

кормить семью», а третий сказал: «Строю храм». Очевидно, кто из них толкал свою тележку с большим энтузиазмом и чье поведение было более волевым.

❓ КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Зачем возникают в эволюции эмоциональные процессы?
2. Как можно объяснить тот факт, что одна и та же информация может вызвать сильную эмоцию или оставить человека равнодушным?
3. Почему представители азиатских культур оценивают европейцев и американцев как более эмоциональных людей, чем они сами?
4. Как развивается реакция стресса?
5. Каковы основные признаки волевого действия?
6. С помощью каких механизмов происходит трансформация или создание дополнительного смысла действия, регулирующего выполнение волевого действия?

© ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Гипотеза о том, что различные эмоциональные состояния можно определить по трем характеристикам: успокоению — возбуждению, удовольствию — неудовольствию, напряжению — разрядке, лежит в основе теории...
 - А. Джеймса — Ланге.
 - Б. Шахтера — Сингера.
 - В. Кэннона — Барда.
2. Сколько универсальных эмоций выделяют в настоящее время психологи?
 - А. Три.
 - Б. Десять.
 - В. Сорок пять.
3. В рамках уровневой теории функционирования эмоций предполагается, что эмоциональная реакция сопровождается переработку информации на...
 - А. Смысловом уровне.
 - Б. Семантическом уровне.
 - В. Сенсорном (аналоговом) уровне.
4. Данные исследований показывают, что, когда человек лжет, он непроизвольно...
 - А. Понижает голос.
 - Б. Повышает голос.
 - В. Говорит в более быстром темпе.
5. Согласно современным данным надежным предсказателем субъективного состояния счастья является...
 - А. Высокий материальный доход.
 - Б. Физическая привлекательность.

- В. Лучшее положение по сравнению с окружающими.
6. Какова динамика борьбы мотивов при реализации волевого акта у взрослого человека?
А. Биологический мотив побеждает социальный.
Б. Биологический мотив трансформируется в социальный.
В. Социальный мотив побеждает биологический.

III ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. *Иванников В.А.* Психологические механизмы волевой регуляции. М., 1998.
2. *Изард К.* Эмоции человека. Издательство МГУ, 1980.
3. *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. Лекции 48—50. М., 2000.
4. Общая психология. Сборник текстов / Под ред. В.В. Петухова. Вып. II. М., 1998.
5. Психология эмоций / Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер, Изд-во МГУ, 1984.
6. Психология. Комплексный подход / Под ред. М. Айзенка. Минск, 2002.

Дополнительная

1. *Аристотель.* Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М., 1984.
2. *Вилюнас В.К.* Психология эмоциональных явлений. М., 1976.
3. *Квинн В.Н.* Прикладная психология. С.-Пб., 2000.
4. *Мацумото Д.* Психология и культура. Современные исследования. С.-Пб.-М., 2002.
5. Психология. Учебник для гуманитарных вузов / Под ред. В.Н. Дружинина. С.-Пб., 2001.
6. *Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций. М., 1979.
7. *Симонов П.В.* Что такое эмоция. М., 1966.
8. *Узнадзе Д.Н.* Психология установки. С.-Пб., 2001.

Глава 6

РЕГУЛЯТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПСИХИКИ. ВНИМАНИЕ

Гений — это внимание.

В. Джеймс

6.1. Особенности внимания как психического процесса. Объективные и субъективные явления внимания и невнимания

На международном психологическом конгрессе 1925 г. был представлен доклад, который произвел на слушателей глубокое впечатление. Он назывался «Несуществование внимания». Докладчик, представитель гештальтпсихологии, Э. Рубин считал, что слово «внимание» является излишним и вредным, а термин «внимание» означает либо нечто весьма неопределенное, либо нечто неоднородное, в разных случаях различное». Действительно, трудно отыскать в психологии столь же противоречивый предмет, каким оказалось для исследователей внимание.

Многообразие явлений внимания приводит к тому, что каждая группа исследователей прибегает к своему (чаще всего метафорическому) объяснению того, что же все-таки представляет собой внимание. Представители психологии сознания сравнивали внимание с лучом прожектора, выхватывающим ясную область сознания; в когнитивном подходе используется метафора фильтра, производящего селекцию поступающей информации; бытует также метафора внимания как управляющего центра, который распределяет ограниченный ресурс психической «энергии» между различными видами деятельности. Историки психологии насчитали 35 различных определений и, соответственно, точек зрения на то, что такое внимание!

Еще одна сложность в изучении внимания заключается в том, что внимание нигде не выступает как изолированный процесс. По

словам П.Я. Гальперина (1958), «и про себя, и внешнему наблюдению внимание открывается как *направленность, настроенность и сосредоточенность любой психической деятельности*, следовательно, только как сторона или свойство этой деятельности». В связи с вышеизложенным очевидно, что внимание не имеет своего отдельного специфического продукта, который может стать предметом рассмотрения. В отличие, например, от желания — продукта мотивационного процесса, воспоминания — продукта мнемического процесса и т.д. внимание лишь изменяет результат процесса, к которому присоединяется. Внимание — не просто регулятивный процесс психики, оно буквально «встроено» в само протекание других процессов. Таким образом, зачастую складывается мнение, что внимание не может быть суверенным предметом психологической науки. Не соглашаясь с этим мнением, другие исследователи считают, что именно содержательная «пустота» акта внимания делает его удобным для формального изучения. При таком понимании внимания служит своеобразным прототипом других психических процессов и, исследуя его, мы претендуем на получение данных, важных для психологии в целом. Недаром именно с моделей внимания в когнитивной психологии началось осмысление целостного процесса переработки информации человеческой психикой. Кроме того, не следует забывать, что существование внимания — очевидный факт внутреннего опыта каждого человека. *Состояние внимания переживается как напряжение, усилие, интерес, удивление, активность и т.д.*

В последние годы ученых, изучающих внимание, привлек еще один феномен, связанный с явлением всеохватывающего тотального внимания, — *опыт «потока»*. Опыт «потока» (М. Чиксентмихайя, 1990) сопряжен с осуществлением деятельности, которая доставляет субъекту наслаждение сама по себе, вне прямой зависимости от ее конечного результата. К деятельности такого рода можно отнести игру, медитацию, вдохновение, любовные переживания и т.д. Многие люди, которых спрашивают, зачем они тратят время и деньги на практически бесполезные занятия, порой даже связанные с риском для жизни (например, альпинисты, ныряльщики, гонщики), отвечают, что делают это именно для того, чтобы достигнуть состояния полного погружения в деятельность или, другими словами, максимально интенсивного внимания.

Внимание в целом как психический феномен обладает рядом свойств. Во-первых, состояние внимания характеризуется не только особыми субъективными переживаниями, но и четко выраженными объективными признаками. Это различные соматические проявления (специфические позы, задержка дыхания, учащение

пульса) и наблюдаемое повышение продуктивности деятельности. Во-вторых, внимание может быть произвольным и непроизвольным. Термины «концентрация» и «абсорбция» отражают аспект произвольности внимания. О концентрации говорят в том случае, когда мы намеренно направляем внимание на объект. Состояние абсорбции возникает в том случае, когда нечто захватывает наше внимание помимо воли. В-третьих, внимание обладает рядом динамических характеристик: оно может направляться, сосредоточиваться, удерживаться, колебаться, распределяться, переключаться и отвлекаться. В соответствии с основными свойствами внимания формулируются и вопросы конкретных исследований. Как быстро может переключаться внимание? Как долго можно удерживать внимание на одном объекте? Какова максимальная интенсивность внимания? На сколько объектов одновременно может быть направлено внимание? Какие факторы приводят к отвлечению внимания? Наконец, надо отметить, что внимание обладает не только положительным влиянием на психические процессы. Зачастую приходится фиксировать отрицательные эффекты внимания, когда излишнее внимание нарушает плавное протекание деятельности. Можно упомянуть известный «эффект сороконожки»: как только бедное насекомое задумалось, в какой же последовательности она перебирает своими многочисленными ножками, оно уже не смогло сделать ни шагу.

Значимость проблематики внимания в повседневной жизни проявляется в многочисленных характеристиках личности человека, связанных с фактором внимания. Человек может быть как наблюдательным, собранным, усидчивым, внимательным, усердным, целеустремленным, так и рассеянным, халатным, разболтанным, ветреным, легкомысленным, непредусмотрительным.

Антонимом понятия «внимание» выступает «рассеянность». Можно говорить о четырех качественно различных видах рассеянности. *Студенческая рассеянность* переживается как состояние «пустой головы». Низкая концентрация внимания сопровождается в этом случае стремительным переключением внимания с одного предмета на другой. *Поэтическая рассеянность* присуща людям, переполненным разнородными идеями. «Роение» мыслей приводит к тому, что внимание, достигающее высоких степеней концентрации в каждый отдельный момент времени, быстро перекакивает с одного объекта на другой и создает противоположный эффект. Такое явление называют еще «скачкой идей». *Профессорская рассеянность* представляет собой псевдо-рассеянность. В данном случае речь идет о максимальной концентрации на одном объекте (обычно теме научных изысканий) в ущерб адекватному реагированию на внешние

бытовые обстоятельства. *Старческая рассеянность* наблюдается при общем снижении уровня функционирования организма. Здесь плохая концентрация сопровождается низкой переключаемостью. Пожилой человек «застревает» на одном объекте на длительное время, но все же не может эффективно осуществить действие с ним.

6.2. Классические теории внимания

6.2.1. Внимание как апперцепция в теории В. Вундта.

Виды внимания, по Э. Титченеру. Понятие реперцепции в работах В. Джеймса

Центральные вопросы в отношении внимания, занимавшие основателя экспериментальной психологии В. Вундта, можно сформулировать так: как соотносятся сознание и внимание, какую функцию выполняет внимание в организации содержания сознания?

Для разграничения явлений внимания и явлений сознания, которые в целом представлялись В. Вундту однородными, он использовал *метафору зрительного поля*: наиболее отчетливо воспринимаемое содержание в зрительном поле лежит в его фиксационной точке, тогда как менее отчетливое содержание распределено в обычном поле зрения. Таким образом, внимание выступает как «психический процесс, происходящий при более ясном восприятии ограниченной по сравнению со всем полем сознания области содержания». Как мы видим, внимание, по В. Вундту, представляет собой одну из характеристик сознания, вернее, свойство части сознания (фокуса).

В своих опытах по изучению объема сознания Вундт установил, что объем сознания составляет около шести ассоциативно связанных объектов. Количественной мерой объема сознания для него служил мелодический ряд, включающий различное количество тактов. Объем сознания определялся длиной такого ряда, что при последовательном прослушивании двух рядов испытуемый мог непосредственно установить их равенство. Другими словами, Вундт давал испытуемым прослушивать ряд, состоящий из одного, двух, трех, четырех и т.д. тактов. Такты могли быть различной степени сложности: двухдольные (тик-так), трехдольные (ритм вальса: и — раз — два — три), четырехдольные и т.д. Испытуемым было запрещено специально сосчитать количество тактов. Сразу после завершения одного ряда предъявлялся второй. Испытуемый должен был сказать, возникает ли у него ощущение равенства рядов или нет.

Испытуемые давали верные ответы для 8 двухдольных, 6 трехдольных и 5 четырехдольных тактов. Однако не все такты мелодии воспринимались испытуемыми одинаково ясно и отчетливо. Такт, воспринимаемый в данный момент, был наиболее отчетлив, следующий — менее отчетлив и так далее вплоть до полного исчезновения ощущения. Вундт пришел к выводу, что только такт, воспринимаемый в данный момент, находился в фокусе сознания, т.е. был «внимательным», а все остальные такты удерживались за счет ассоциативной связи с фокусом.

Для того чтобы измерить «объем» той узкой зоны поля сознания, который Вундт и называл вниманием, он предъявлял испытуемым матрицы со случайными наборами букв или последовательности изолированных звуков, которые испытуемым не удавалось объединить в такты. В этом случае испытуемые могли ясно различить только шесть элементов. Таким образом, В. Вундт пришел к заключению, что постоянный объем сознания включает в себя около шести целостных сложных элементов, которые ассоциативно связаны между собой, а объем внимания состоит из шести изолированных элементов.

Способность человеческого внимания одновременно охватывать не более шести изолированных элементов, по мнению Вундта, была эмпирически обнаружена задолго до его исследований. Так, разработанный французским учителем XVIII в. Луи Брайлем алфавит для слепых кодирует каждую букву при помощи комбинации из выпуклых точек. Каждый из 63 символов в алфавите Брайля включал в себя не более шести точек (рис. 34). Таким образом, слепой мог одновременно распознать букву.

Рис. 34. Буквы алфавита Л. Брайля

Процесс действия внимания Вундт наглядно продемонстрировал на примере восприятия многобуквенных слов. Бросьте взгляд на слово «достопримечательность». Несмотря на то что в этом слове 21 буква, т.е. его длина в несколько раз превышает объем внимания, вы способны мгновенно его осознать. По Вундту, внимание не схватывает все слово сразу. В его объем в каждую единицу времени попадает лишь ограниченная часть целого (в нашем

случае шесть букв), от которой психическое сцепление элементов переходит к тем частям целого, которые находятся в более отдаленных областях сознания. Иными словами, ассоциативная связь фокуса (внимания) и периферии дает нам возможность осознать целое.

Описывая отношения содержаний сознания, которые находятся в фокусе внимания и тех содержаний, которые принадлежат более отдаленным его областям, В. Вундт использовал предложенные еще Лейбницем термины «перцепции» и «апперцепции». *Перцепцией называется входжение содержания в сознание. Апперцепцией называется сосредоточение внимание на определенном объекте, т.е. входжение его в фокус сознания.* Вундт отмечал, что наша способность к осознанию не является постоянной, а зависит от характера материала, который мы воспринимаем. Если мы воспринимаем набор не связанных друг с другом элементов, объемы сознания и внимания совпадают. Границей сознания становится граница внимания (Внимание = Сознание). Если же перед нами стимул, который состоит из множества взаимосвязанных элементов, то апперципируемое (находящееся в фокусе) и перцепируемое (то, что выходит за пределы внимания) сливаются в одно целое. При этом сознание «расширяется» (Сознание > Внимание), а апперцепция осуществляет связующую функцию между элементами сознания.

Э.Б. Титченер, в основном разделяя взгляд Вундта на внимание, привлек для его иллюстрации дополнительную *метафору волны*. В метафоре волны фиксируется прерывистый характер внимания, т.е. представление о том, что в каждый момент времени только одно содержание достигает «гребня волны внимания» (апперципируется). Титченер описал явление «аккомодации внимания», или преимущества при апперципировании того содержания, которое лучше согласуется с предшествующим. Явление аккомодации внимания было показано в эксперименте.

Для проведения опыта использовалась несложная установка: картонная дуга, надетая на метроном и колокольчик (рис. 35). Испытуемый видел стрелку, движущуюся вдоль дуги. Деление в 22 градуса было отмечено красной чертой. Когда стрелка достигала красной черты, звонил колокольчик. Испытуемые должны были ответить на вопрос: «Где находится стрелка в тот момент, когда звонит колокольчик?». Одних испытуемых при этом просили следить за стрелкой, а других — за колокольчиком. Представители первой группы говорили, что в момент звона колокольчика стрелка

ка находилась на отметке в 30 градусов. Другими словами, они сначала видели стрелку, а потом, с задержкой, слышали звук. В данном случае проявлялась аккомодация внимания к зрительному стимулу в ущерб слуховому. Представители второй группы говорили, что в момент звона колокольчика стрелка находилась на отметке в 15 градусов. Получается, что они сначала слышали звук, а уж потом видели стрелку. Здесь Титченер сталкивался с аккомодацией внимания к слуховому стимулу в ущерб зрительному. Эффект аккомодации внимания тесно связан с явлением инерции внимания. По словам Титченера, «легче сохранить существующее направление внимания, чем проложить ему новый путь». Действительно, нам легче, например, поддерживать уже начатого разговора даже среди многочисленных помех, чем переключиться на новый.

Титченер также создал одну из ранних классификаций внимания, разделив виды внимания по степени произвольности. Он выделил *первичное внимание* (непроизвольное). В случае первичного внимания новые, неожиданные или, наоборот, прочно связанные с течением наших мыслей содержания буквально берут наше сознание штурмом. С иной формой первичного внимания Титченер связывает случаи совпадений. По его мнению, совпадений в собственном смысле этого слова не так уж и много. Чаще мы просто думаем о каком-либо предмете и именно поэтому все, что связано с ним, обращает на себя наше внимание. *Вторичным вниманием* Титченер называет такой вид внимания, которое мы способны удерживать только с помощью усилия. Вторичное внимание является активным и произвольным. Вторичное внимание всегда включает в себя конфликт между волевым усилием и попыткой первичного внимания завладеть сознанием человека.

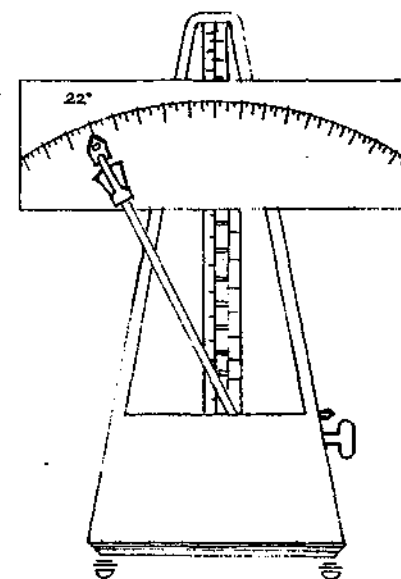

Рис. 35. Экспериментальная установка для исследования аккомодации внимания

Классификация видов внимания, по В. Джеймсу

	Непроизвольное	Произвольное
Чувственное	<div style="border: 1px solid black; padding: 2px; margin-bottom: 2px;">Опосредствованное</div> <div style="border: 1px solid black; padding: 2px;">Непосредственное</div>	<div style="border: 1px solid black; padding: 2px; text-align: center;">Опосредствованное</div>
Интеллектуальное	<div style="border: 1px solid black; padding: 2px; margin-bottom: 2px;">Опосредствованное</div> <div style="border: 1px solid black; padding: 2px;">Непосредственное</div>	<div style="border: 1px solid black; padding: 2px; text-align: center;">Опосредствованное</div>

Например, спешащий на работу человек вдруг замирает у витрины магазина, увидев на обложке одного из журналов фотографию девушки, похожей на одноклассницу, в которую он когда-то был влюблен. В этом случае его акт внимания можно классифицировать как чувственное непроизвольное опосредствованное внимание. Когда выпускник института мысленно продумывает порядок разговора с потенциальным работодателем, от успеха которого зависят его дальнейшие служебные перспективы, мы говорим об интеллектуальном произвольном опосредствованном внимании.

6.2.2. Моторные теории внимания Т. Рибо и Н.Н. Ланге

Моторные теории внимания объединяет акцент на двигательной составляющей акта внимания. Субъективное переживание внимания понимается в них как равноправная сторона физиологического процесса.

Т. Рибо определяет внимание как *умственный моноидеизм* (господство одной идеи в сознании), сопровождаемый естественным (при непроизвольном внимании) или искусственным (при произвольном внимании) приспособлением индивида. Внимание, по Рибо, представляет собой определенное психофизиологическое сочетание, в котором и двигательные, и субъективные составляющие являются необходимыми элементами. Рибо трактует внимание как явление психологической и физиологической неподвижности (задержки) и в этом смысле — как состояние, которое противостоит нормальному течению жизненных процессов. «Антагонизм между вниманием и нормальной психической жизнью заключается в том,

В качестве особого вида внимания Титченером выделяется *первичное производное* внимание, определяемое как возвращение к первичному вниманию, но на другом витке. Оно наблюдается тогда, когда объект, на котором мы старались удержать вторичное внимание, начинает интересовать нас сам по себе. Например, книга, которая вначале показалась неинтересной, но которую вы читали по необходимости, постепенно увлекает вас настолько, что вы уже не слышите ни шума за окном, ни даже телефонных звонков (стимулы для привлечения первичного внимания).

В. Джеймса как убежденного функционалиста в первую очередь волновала проблема колебаний внимания. Он считал, что произвольное внимание не может продолжаться более нескольких секунд. После этого внимание либо отвлекается, либо направляется на иные стороны того же объекта. Данное положение легко проиллюстрировать с помощью «двузначных фигур» (см. рис. 6). Если просто смотреть на подобное изображение, Жена и Теща начинают «перемигиваться». Внимание на одном из изображений можно устойчиво удерживать только в том случае, когда вы станете некоторым образом «развивать» объект внимания. Например, станете считать морщины на шее Тещи или ресницы Жены. Именно со способностью постоянно развивать объект своего внимания, находить в нем новые стороны Джеймс связывает феномен гениальности. Он полагает, что гений способен добиться выдающихся успехов на каком-либо поприще оттого, что его занятие ему никогда не наскучивает, он все время воспринимает его по-разному, все более и более вовлекаясь в него.

В работах Джеймса встречаются указания на явление «*преперцепции*». Смысл этого понятия очень близок термину аккомодация в терминологии Титченера. *Преперцепцией называется мысленное ожидание наступающего явления*. «Преперцепция есть половина перцепции», — говорит Джеймс. В дальнейшем мысль о готовности психики избирательно воспринимать один тип информации и отвергать другой получила развитие в когнитивной психологии.

Джеймс предложил также одну из самых многоаспектных классификаций внимания. Он выделили шесть видов внимания (табл. 12) по критериям произвольности, направленности (на внешний или внутренний мир субъекта) и способу связи акта внимания с наличным мотивационным состоянием (непосредственно или через ассоциативную связь).

что внимание стремится к единству сознания, в то время как нормальное состояние — это множественность состояний», — пишет он. Т. Рибо выделяет три вида физиологических элементов внимания: 1) сосудистые, 2) дыхательные, 3) мимические и пантомимические. Особенно ярко явление внимания проявляется в мимике. В акте внимания происходит сокращение лобного мускула, за счет чего приподнимаются брови, широко раскрываются глаза и рот, а губы немного вытягиваются вперед. Эволюционный смысл подобной мимики заключается в том, чтобы лучше видеть (а может быть, даже и попробовать на вкус) исследуемый объект. Неразрывность физиологической и психологической сторон внимания Рибо иллюстрирует устойчивыми языковыми идиомами: «собраться с мыслями», «ломать голову», «глаза на лоб полезли от удивления».

Особенно значимым Рибо считал *воспитание произвольного внимания*. Развитие произвольности внимания, по его мнению, начинается с опоры на простейшие аффекты ребенка. То, что само по себе не вызывает естественного внимания, ассоциативно связывается с объектами, которые вызывают произвольный интерес. В дальнейшем произвольное внимание поддерживается привычкой.

Отечественный ученый Н.Н. Ланге выдвинул *концепцию волевого внимания*. Он определил внимание как «целесообразную реакцию организма, моментально улучшающую условия восприятия». Критерий моментальное™ был введен в определение для того, чтобы подчеркнуть отличие акта внимания от других приспособительных реакций организма (например, обучения или полезных мутаций). Н.Н. Ланге разбивает протекание акта внимания на три фазы: первичное восприятие; реакцию, улучшающую восприятие, и собственно улучшенное восприятие.

Классификация видов внимания Н.Н. Ланге совпадает с классификацией различных форм реагирования человека. *Рефлективное внимание* лишено эмоционального компонента и осуществляется автоматически (например, расширение зрачка в темном помещении). В *инстинктивном внимании* приспособительная реакция опосредствуется эмоциональным состоянием (например, реакция удивления). И, наконец, *волевое внимание* включает в себя сознательное предвосхищение того, что должно быть воспринято. Волевое внимание тесно связано с памятью, в которой хранятся образы ожидаемых событий.

Ланге задается вопросом об основном механизме волевого внимания. Чем достигается эффект волевого внимания — усилением интенсивности представления или увеличением ясности и отчетливости представления? Ланге приходит к выводу, что верна первая

гипотеза: улучшение восприятия достигается за счет усиления интенсивности представления. Поясним мысль Ланге на примере. Допустим, вы назначили встречу с приятелем. Вы ждете его уже долгое время, а он все не появляется. Вы всматриваетесь в толпу, представляете себе, что ваш друг вот-вот подойдет. И, в конце концов, четко различаете его силуэт среди людского потока. Но несколько минут спустя выясняется, что вы обознались. Почему так произошло? Ланге полагал, что слабое ощущение, соединяясь с ярким образом памяти, приобретает интенсивность, достаточную для того, чтобы произошло восприятие. Именно поэтому мы часто видим или слышим то, что хотим, а не то, что происходит на самом деле.

6.2.3. Внимание как «сила Эго» в гештальтпсихологии

Согласно теории гештальта, одним из значимых принципов восприятия, объясняющим, почему мы склонны воспринимать группы элементов как единое целое, является принцип близости.

Мы объединяем в группы элементы, которые расположены близко друг к другу, и субъективно отделяем целостные группы от других объектов (см. подробнее гл. 7). Для пояснения данного принципа посмотрим на фотографию (рис. 36). Опишите, что вы видите. Скорее всего, вы скажете, что видите двух женщин с детьми, стоящих в дверном проеме и нескольких людей,

Рис. 36. Семья поселенцев

которые сидят поодаль. Что произошло? С точки зрения гештальтпсихологов, вы реализовали принцип близости, т.е. объединили тех, кто находится рядом в одну группу. Однако остается открытым вопрос, насколько близко должны быть расположены объекты, чтобы мы воспринимали их как целое? Не углубляясь в подробности, можно сказать, что на структурирование поля оказывают влияние многие факторы.

Гештальтпсихологи представляли себе внимание как один силовой фактор, оказывающий влияние на психологические процессы субъекта. «Внимание — это сила, исходящая от Эго и направленная к объекту (случай произвольного внимания), или сила, исходящая от объекта в направлении Эго (случай непроизвольного внимания)», — писал К. Коффка. Подобное понимание процесса внимания предполагает его рассмотрение как одного из факторов, включенных в процесс структурирования феноменального поля (см. гл. 7).

Экспериментально влияние внимания на *порог расчленения фигур* было показано в эксперименте В. Келера и П. Адамса. Испытуемым демонстрировался щит белого цвета с нанесенными точками (рис. 37). В случае, когда расстояние между точками по вертикали и по горизонтали было равно, щит воспринимался как равномерно заполненный точками. От пробы к пробе расстояние по горизонтали оставалось константным, а расстояние по вертикали постепенно уменьшалось. Одной группе предъявлялся только щит (условие наличия внимания), а другой группе на фоне щита показывали вырезанные из бумаги фигурки, которые им следовало описать (условие отсутствия внимания).

Рис. 37. Целевой стимул в эксперименте В. Келера и П. Адамса на зависимость порога расчленения фигуры от наличия / отсутствия направленного на нее внимания

После выполнения задания испытуемых спрашивали, что они видели — точки или столбцы. Оказалось, что при наличии внимания, для того чтобы россыпь точек начала восприниматься как вертикальные столбцы, расстояние между точками по вертикали должно стать в 1,7 раза меньше, чем расстояние между точками по горизонтали. В отсутствии внимания это расстояние должно стать в три раза меньше. Другими словами, в условиях внимательного восприятия порог расчленения фигуры становился значимо ниже (расстояние между точками в тот момент, когда они уже воспринимаются как «столбцы, должно быть больше), чем в том случае, когда щит выступал фоном.

Для объяснения полученного эффекта привлекалась аналогия из мира физики. В физике первой трети XX в. широко обсуждалась следующая закономерность: когда открытая система получает дополнительную энергию извне, процессы внутри нее активизируются, и система стремится к большей расчлененности. Например, при нагревании (сообщении тепловой энергии) вещество может плавиться, т.е. жесткая структура, состоящая из связанных элементов, превращается в совокупность более мелких подструктур. Аналогично и «феноменальное поле» (т.е. совокупность всего, что переживает человек в данный момент) может рассматриваться как своеобразная открытая система. Внимание в этом случае подобно энергии, которую Я направляет на определенную часть зрительного поля. Сообщение дополнительной энергии части поля приводит к тому, что эта часть стремится перейти от крупных групп элементов к мелким группам элементов (в нашем случае — к столбцам). Поэтому в той **О**чисти поля, на которую направлено внимание, принципы его организации, описанные гештальтпсихологами (в данном случае принцип близости), действуют при более слабой стимуляции.

6.3. Модели внимания в когнитивной психологии

Возможности человеческой психики, к сожалению, не безграничны. В когнитивной психологии проблема внимания в целом формулируется в виде вопроса о природе ограничений, накладываемых на переработку информации свойствами психики. Другими словами, внимание понимается как своеобразный селектор, который спасает психику от перегрузки. Решение проблемы ограниченной способности переработки информации предполагается в трех вариантах.

Существует группа теорий, которая рассматривает внимание как «фильтр», который блокирует переработку избыточной информации (Д. Бродбент, А. Трейсман, Д. и Э. Дойчи). Тогда центральной становится тематика описания свойств такого фильтра и его местоположения в системе. Данный подход к вниманию можно назвать структурным. Функциональный подход к вниманию в рамках когнитивной психологии распадается на ресурсные концепции внимания, которые предполагают характеристику внимания как стратегии распределения ограниченного ресурса системы. Между «потребителями» (Д. Канеман) и понимание внимания как «Активного отбора необходимой информации» (У. Найссер).

6.3.1. Теории ранней селекции. Модель фильтра Д. Бродбента. Модель аттенюатора А. Трейсмана

Внимание как фильтр, отсекающий излишнюю в данный момент времени информацию, восходит к так называемому «эффекту вечеринки». Давно замечено, что человек, находящийся на вечеринке в шумной компании, легко справляется с задачей поддержания разговора, который его интересует. Он практически не отвлекается, несмотря на то, что его окружает поток звуковой, зрительной и тактильной стимуляции. Однако, если его окликают по имени или соседи по столу начинают обсуждать важную для него тему, он способен переключиться на «новый канал» информации.

Инженер-акустик К. Черри (1953) попытался предположить, какие параметры стимуляции необходимы для выделения и удержания одного сообщения в потоке других. Чтобы смоделировать ситуацию вечеринки, Черри создал методики избирательного слушания, которыми и по сей день активно пользуются исследователи. Суть данных методик заключается в том, что испытуемым через наушники подается два текста. Текст может подаваться в бинауральном режиме (на каждый наушник подается оба текста одновременно) или в дихотическом режиме (на один наушник подается один текст, а на второй — другой текст). Испытуемого просят следить за одним из сообщений (релевантный канал) и не обращать внимания на другое (нерелевантный канал). Черри обнаружил, что, если оба текста читаются одним и тем же диктором с одинаковой громкостью бинаурально, испытуемым практически не удается следить за релевантным сообщением. Было сделано предположение, что отделение релевантного сообщения от нерелевантного происходит на основе анализа грубых физических характеристик (направление источника звука, громкость, высота, тембр голоса).

В другом эксперименте он попытался выяснить, что воспринимает испытуемый из нерелевантного сообщения. В то время как испытуемый вторил релевантному сообщению, подаваемому дихотически, нерелевантное сообщение постоянно подвергалось изменениям: мужской голос менялся на женский, запись начинала прокручиваться в обратную сторону, диктор переходил на другой язык, звучал резкий звуковой тон. После прослушивания у испытуемого спрашивали, заметил ли он что-нибудь необычное в нерелевантном сообщении. Испытуемые замечали только смену голоса и звуковой тон. Исследования Черри легли в основу моделей ранней селекции, в которых постулировалось, что «фильтр» располагается на входе в систему переработки информации.

Первую собственно психологическую модель данного типа предложил Д. Бродбент (1958). В целом соглашаясь с описанием фильтра как устройства, которое жестко отсекает нерелевантную информацию на основе анализа сенсорных признаков, он дал объяснение того, как формируются настройки фильтра. Ведь если бы фильтр не растраивался» определенным образом перед приемом информации, мы бы были вынуждены всю жизнь воспринимать только один тип стимулов, например только женские голоса. Бродбент предположил, что фильтр включается не сразу, а только после того как возникает угроза перегрузки блока переработки информации ограниченной емкости. Этот блок находится после системы первичного сенсорного анализа и предназначен для перцептивной обработки поступающей информации. Блок перцептивной обработки может одновременно «впустить» в себя не более шести единиц информации. Как только он оказывается заполненным, включается фильтр, который «впускает» новые порции информации, подобные уже содержащейся в нем. Происходит это по мере «продвижения» перцептивно обработанной информации в глубь системы. Блок перцептивной обработки структурно и функционально аналогичен подсистеме кратковременной памяти (см. гл. 8).

Свою гипотезу Д. Бродбент проиллюстрировал с помощью эксперимента на «расщепленный» объем памяти. Испытуемым по релевантному каналу дихотически подавался ряд из шести цифр. По нерелевантному каналу подавался ряд из двух цифр. Причем цифры могли подаваться одновременно с началом или концом ряда. Потом испытуемых просили воспроизвести цифры, которые они услышали. Оказалось, если подача пары цифр по нерелевантному каналу совпадала с началом релевантного ряда, испытуемые воспроизводили ее примерно в 50% случаев. Когда же она совпадала с концом ряда, испытуемые могли воспроизвести их только в 25% случаев. Полученные данные подтверждали гипотезу Бродбента: сначала в блок перцептивной переработки поступает информация как с релевантного, так и нерелевантного канала, но когда объем информации достигает шести единиц, нерелевантный канал блокируется. Именно поэтому испытуемые не могут воспроизвести нерелевантную пару цифр, когда она звучит в конце серии (ограниченный объем уже заполнен).

Однако представление о жестких свойствах фильтра были скоро смягчены. В эксперименте Н. Морей (1959) испытуемые не реагировали на команды «Остановись!» или «Переключись на другое Ухо!», когда они подавались по нерелевантному каналу. Но в том случае, если команды предварялись обращением к испытуемому по

имени («Джон Смит, остановись!» или «Джон Смит, переключись на другое ухо!»), испытуемые их выполняли.

В эксперименте А. Трейсмана (1964), которая впоследствии предложила модель «аттенюатора», испытуемым по нерелевантному каналу с небольшой отсрочкой подавался текст, аналогичный по содержанию релевантному сообщению, но на другом известном испытуемому языке. Испытуемые фиксировали факт тождественности сообщений («Да ведь это одно и то же!»). Таким образом, данные свидетельствовали о том, что нерелевантная информация может подвергаться анализу на уровне значения.

Модель аттенюатора А. Трейсмана предполагает, что фильтр, расположенный у входа в систему, не блокирует нерелевантный поток информации, а лишь ослабляет его (от фр. *attenuer* — смягчать, ослаблять). Модель Трейсмана описывает и дальнейшую судьбу информации, которая проходит через аттенюатор. Трейсман включает в модель систему «словаря», во многом тождественную долговременной памяти. Поясним, как происходит переработка информации в модели А. Трейсмана. После того как поток стимуляции преодолевает аттенюатор, часть каналов остается в неизменном виде, а часть ослабляется. Для того чтобы подвергнуться дальнейшей обработке, канал должен «встретиться» с соответствующей ему единицей словаря (категорией). Сигнал, идущий по неослабленному релевантному каналу, с максимальной вероятностью «встретит» свою семантическую единицу и подвергнется дальнейшей обработке. Сигналы, идущие по нерелевантным каналам и, следовательно, ослабленные, имеют меньше шансов достичь соответствующие им словарные единицы.

Однако дело не всегда обстоит так просто. Словарные единицы имеют различный порог активации. Условно можно представить ситуацию так, что различные единицы находятся на разном «расстоянии» от аттенюатора. Например, такие категории, как имя испытуемого, то, что связано с его профессией или увлечением, расположены «близко» к аттенюатору. А слова, связанные с травматическим опытом, — «далеко». Поэтому словарным единицам, имеющим минимальный порог активации, достаточно и ослабленного аттенюатором сигнала. Кроме того, Трейсман вводит понятие «контекстуального понижения порога активации»: единицы, близкие по значению тем единицам, которые уже активированы, как будто «придвигаются» к аттенюатору и в связи с этим становятся легче доступными для активации. Механизм работы системы переработки информации в модели А. Трейсмана показан на рис. 38.

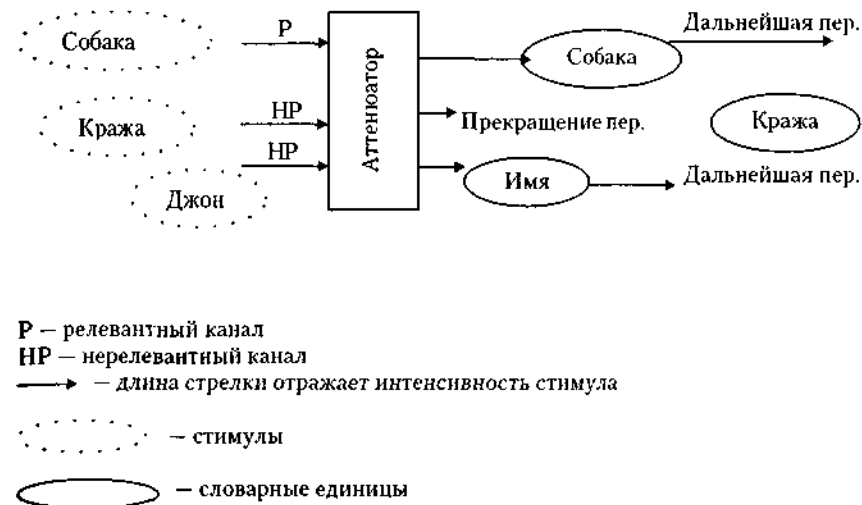

Рис. 38. Система переработки информации под воздействием потока стимуляции, по А. Трейсмана

Таким образом, в моделях ранней селекции внимание понимается как фильтр (аттенюатор) с особыми свойствами, который расположен вблизи от входа в систему переработки информации и ограничивает ее поток для того, чтобы избежать перегрузки системы.

6.3.2. Теории поздней селекции. Модели Д. и Э. Дойчей и Д. Нормана

Д. Дойч и Э. Дойч поставили под сомнение существование механизма ранней селекции (1963). По их мнению, ограничения в системе переработки информации лежат не на входе, а на выходе из системы, а именно на стадии осознания, принятия решения и ответа. Активизируются все единицы словаря, которые подверглись воздействию. Но в связи с различием «реактивности» самих единиц (с какой силой единица отвечает на воздействие) и неоднородностью воздействия всегда только несколько стимулов оказываются «победителями». Они усиливаются «фильтром выхода» и получают доступ в сознание. Многочисленные данные в поддержку гипотезы поздней селекции получены в рамках исследования *имплицитной памяти* (см. гл. 8). В целом они сводятся к фиксации того факта, что только небольшая часть информации перерабатывается на сознательном уровне.

не. Огромный поток информации подвергается переработке, минуя уровень сознания. При этом результаты переработки этой информации проявляются в деятельности человека.

Д. Норман в 1968 г. дополнил модель Дойчей с помощью «Блока уместности». В модели Нормана активация единиц словаря предшествует собственно акту восприятия. Система таким образом предвосхищает то, что будет воспринято. «Блок уместности» определяет уровень совпадения стимуляции и ожиданий субъекта и усиливает адекватную информацию. Модель Нормана, как легко видеть, напрямую наследует идее преперцепции В. Джеймса и концепции эффекта волевого внимания Н.Н. Ланге (см. 6.2.1 и 6.2.2). С помощью введения «Блока уместности» Норман, в первую очередь, дает рациональное объяснение проблемы иллюзорного восприятия, когда слишком высокий уровень активации фильтра выхода позволяет системе принять ошибочное решение на основе недостаточной сенсорной информации.

Таким образом, основные отличия между моделями *ранней* и *поздней селекции* заключаются в следующем:

- ранняя селекция: отбор на основе физических признаков и торможение нерелевантного канала на входе в систему;
- поздняя селекция: отбор на основе значимости и уместности для субъекта и усиление релевантного канала на выходе из системы.

6.3.3. Теории гибкой и множественной селекции А. Трейсман и концепция системы переработки информации как конгломерата процессов автоматической и контролируемой переработки Р. Шиффрина

Теория гибкой и множественной селекции, предложенная А. Трейсман несколько позднее (1969), предполагает, что система переработки информации обладает не одним, а многими фильтрами. В отсутствие конкретной задачи переработки информации фильтры находятся в состоянии покоя. Решение задачи происходит путем последовательной переработки информации на различных стадиях: *стадии сенсорных признаков, стадии перцептивных признаков и стадии семантических признаков*. Впоследствии была предложена и еще одна более высокая стадия переработки информации — *стадия самореференции*, т.е. анализа информации относительно ее личного смысла (см. гл. 9).

Какие именно фильтры будут включены на каждой стадии переработки, зависит от условий задачи и состояния испытуемого. На-

пример, если испытуемому требуется отыскать среди нагромождения букв на экране «красную А», на перцептивной стадии обработки должен быть включен только фильтр цвета, который отсеивает все не красные объекты. При этом потенциально доступные фильтры размера, ориентации, звучания и т.д. не участвуют в процессе отбора информации.

Рональд Шиффрин в 1988 г. предложил иной вариант «примирения» подходов ранней и поздней селекции. Шиффрин развивал взгляд на психику человека как на совокупность автоматических и контролируемых процессов переработки информации (рис. 39).

Автоматические процессы носят экстенсивный характер. Психика человека способна учитывать воздействие огромного количества стимулов, не доводя результаты их переработки до сознания. Действительно, мы принимаем определенные позы, перемещаемся в пространстве, оперируем с так называемыми «подпороговыми» стимулами, совершенно не осознавая этого. Большая часть информации, переработанной с помощью автоматических процессов, так никогда и не становится достоянием сознания. Автоматические процессы эволюционно более древние, ими располагают не только человек, но и животные. Обсуждая автоматические процессы переработки информации, удобнее говорить о фильтрах выхода или применять к ним модели поздней селекции.

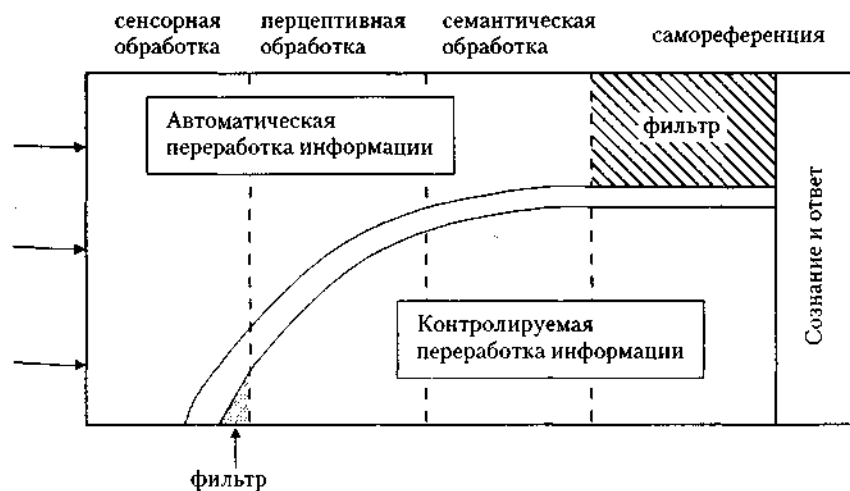

Рис. 39. Модель переработки информации в психике человека, включающая автоматические и контролируемые процессы переработки информации (адаптировано из Р. Шиффрина)

Контролируемые процессы переработки информации, наоборот, осуществляются интенсивно. Объем такой контролируемой переработки крайне ограничен, однако управляемый характер процесса дает значительное преимущество в качестве переработки. Контролируемые процессы связаны с сознанием и вниманием в собственном смысле этого слова. Поэтому контролируемые процессы удобнее описывать с использованием модели ранней селекции.

6.3.4. Ресурсная модель внимания Д. Канемана

Проблема количественной оценки ограничений внимания рассматривает Д. Канеман (лауреат Нобелевской премии). Дэниел Канеман в 1973 г. выдвинул *концепцию внимания как умственного усилия*, которая должна была дополнить структурные модели внимания в функциональном аспекте. Канеман понимал феномен внимания как своего рода «психическую энергию» (см. 6.2.3), которая позволяет человеку одновременно осуществлять ограниченный объем деятельности. Канеман исходил из того, что условия задачи требуют от субъекта определенного «вложения» ресурса внимания, которое обеспечивает ее эффективное выполнение. Когда задание выполняется безошибочно, субъект обладает достаточным ресурсом внимания. Ресурс внимания, который остается неиспользованным для выполнения текущей задачи, Канеман назвал «дополнительной мощностью» системы. Если в данный момент субъект не располагает необходимым ресурсом внимания для решения данной задачи (из-за общего состояния организма или потому что выполняет другую деятельность), он не способен с ней справиться. Канеман эмпирически установил один из надежных показателей расхода энергии внимания — изменение диаметра зрачка. Увеличение диаметра зрачка свидетельствует об увеличении вкладываемой в решение задачи энергии.

Положения своей концепции внимания Канеман проиллюстрировал с помощью результатов эксперимента по *методике вторичной зондовой задачи*. Суть опыта заключалась в следующем. Испытуемые выполняли основное задание: им предъявлялся ряд из четырех цифр со скоростью одна цифра в секунду. Потом следовала пауза 2 с, затем испытуемый должен был в том же темпе отвечать последовательностью цифр, которые отличались от исходных на единицу (1 — 3 — 5 — 7 — пауза — 2 — 4 — 6 — 8). Испытуемые стабильно выполняли задание, допуская около 18% ошибок. При выполнении задания зрачок сначала расширялся, достигая пика в тот момент, когда

задание становилось максимально энергоемким (первый ответ «2» в нашем примере). Предполагалось, что на данной стадии испытуемый должен удерживать в памяти четыре цифры и производить арифметическое действие. После этого зрачок начинал сужаться, возвращаясь к исходному диаметру по окончании выполнения задания. Для измерения дополнительной мощности была введена вторичная задача: на экране неожиданно возникла цифра, которую испытуемый должен был опознать и отчитаться о ней в конце эксперимента. Процент ошибок в выполнении вторичной задачи и служил критерием измерения доступной испытуемому дополнительной мощности. Оказалось, что эффективность выполнения вторичной задачи зависела от времени появления цифры на экране. Наименьшее количество ошибок допускалось испытуемыми, когда цифра появлялась в начале и в конце выполнения основной задачи, а наибольшее — когда цифра появлялась примерно одновременно с периодом максимальной энергоемкости основной задачи. Другими словами, в том случае, если испытуемые имели достаточный запас дополнительной мощности, они эффективно справлялись со вторичной задачей, а если дополнительная мощность иссякала, происходили срывы в ее выполнении. Канеман считал, что колебания эффективности выполнения вторичной задачи на фоне относительной стабильности выполнения основной отражают ограничения ресурса внимания и показывают основную политику его распределения. Сначала субъект тратит энергию на основную деятельность, а ее «остатки» направляет на дополнительные задачи.

Представление Канемана о внимании как процессе распределения ограниченного энергетического ресурса психики проясняет вопрос о свойствах фильтров в системе переработки информации. Если деятельность, которую выполняет субъект, требует значительного усилия, фильтры становятся более жесткими. Если же основная деятельность оказывается достаточно простой, возможна эффективная переработка информации по нескольким каналам одновременно.

6.4. Деятельностный подход к интерпретации процессов внимания

У. Найссер подверг критике теории, в которых внимание трактуется как фильтр, подчеркивая значение активности субъекта в акте внимания. Для того чтобы пояснить свою мысль, Найссер при-

водит следующий пример. Представьте, что вы пришли в сад с намерением сорвать яблоко. Увидев перед собой яблоню с гнущимися от обилия плодов ветвями, вы не «фильтруете» все возможные яблоки, а просто берете одно из них.

Таким образом, акт внимания для Найссера — это *акт активного выбора*, а не пассивного отбора. «Внимание — это ничто иное, как восприятие; мы выбираем то, что хотим видеть, предвосхищая структурированную информацию, которая будет при этом получена... Мы выбираем то, что услышим или увидим, активно включаясь в процесс восприятия, а не блокируя конкурентные сообщения», — пишет он.

Найссер считает, что *акт внимания определяется предвосхищающими познавательными схемами*, которые делают субъект готовым к восприятию информации определенного рода. Выбор релевантной информации из потока стимуляции происходит в рамках перцептивного цикла. Перцептивный цикл начинается с активизации схемы-предвосхищения, запускающей процесс восприятия и направляющей исследование потока информации. Исследовательская активность, в свою очередь, ведет к выбору адекватного предвосхищению фрагмента реальности, который, неизбежно отличаясь от предвосхищаемого образа, модифицирует исходную схему (см. гл. 8).

Свою точку зрения Найссер обосновал в 1979 г. серией экспериментов на «избирательное смотрение». На экран видеомagneфона подавались наложенные друг на друга записи спортивных игр с мячом. В обеих видеозаписях игроки двигались по залу и перебрасывали друг другу мяч. Обе записи были идентичны по сенсорным, перцептивным и семантическим характеристикам (одни и те же траектории движений, одни и те же игроки, одна и та же игра). Таким образом, условия эксперимента не давали возможности испытуемым «фильтровать» нерелевантный поток информации ни по одному из известных параметров. Релевантная игра начиналась на несколько секунд раньше, чем нерелевантная. Испытуемых просили нажимать на кнопку после каждого паса мяча в релевантной видеозаписи. Оказалось, что испытуемые достаточно эффективно справляются с поставленной задачей (продуктивность отслеживания пасов в контрольных условиях раздельного просмотра игр составляла 0,96, а в экспериментальных условиях — 0,67). Таким образом, именно предвосхищением направления броска определялся выбор релевантного сюжета. Тот факт, что испытуемые неполностью «замыкались» в выбранной последовательности движений, но были способны также воспринимать некоторые фрагменты нерелевант-

ного сообщения (вспышка в углу экрана), по мнению Найссера, был обусловлен не «анализом до фильтра», а «деятельностью за пределами основного потока обработки информации».

6.4.1. Внимание как высшая психическая функция, по Л.С. Выготскому

Отечественный психолог Н.Ф. Добрынин в 1938 г. предложил классификацию видов внимания по степени активности субъекта в акте внимания. Он выделял *вынужденное внимание, эмоциональное (потребностное) внимание, привычное внимание (иницируемое прошлым опытом), целевое внимание (произвольное) и волевое внимание*. Последний вид внимания полагался наивысшим, обусловленным сложными мотивационными диспозициями личности. Проблему анализа перехода от непроизвольного, неорганизованного, натурального внимания к произвольному и опосредствованному вниманию поставил перед собой Л.С. Выготский.

Напомним, что путь развития человеческой психики, по Выготскому, проходит через трансформацию натуральных непосредственных психических процессов в форму высших психических функций (социальных по своей природе, сознательных по способу регуляции и опосредствованных знаковыми системами). Каждая психическая функция в своем формировании появляется сначала в виде внешнего действия, разделенного с другим, а впоследствии интериоризируется (присваивается), переходя во внутренний план.

Внимание в этом смысле представляет собой *интериоризованный акт указания на значимые признаки того или иного объекта*. Осуществление акта внимания в форме внешнего разделенного действия Выготский иллюстрирует следующим примером. Ребенку предлагается игра: перед ним две чашки, в одной из них лакомство, которое ребенок может получить, если верно догадается, где именно оно лежит. Чашки покрыты кусочками картона, причем на той чашке, в которой в данный момент лежит лакомство оказывается всегда более темная наклейка (ребенок, естественно, об этом не подозревает). Сначала ребенок пытается случайным образом угадать правильную чашку. Потом он пытается найти закономерность: может быть, лакомство всегда в той чашке, которая стоит справа, или «правильные» чашки чередуются между собой? Поисковое поведение ребенка никак не может увенчаться успехом. Переждав несколько безрезультатных попыток, экспериментатор молча показывает Пальцем на одну из крышек. Наступает пауза, и ребенок приходит

к решению задачи. Он говорит: «Ага! Орех там, где наклейка темнее!». Таким образом, адекватное решение задачи включает в себя, во-первых, обращение внимания на существенный в данной ситуации признак (более темный цвет наклейки) и, во-вторых, установление связи между существенным признаком и целевым объектом. Ребенок оказывается готовым к реализации второй фазы, но не может эффективно миновать первую. На данной стадии развития вниманием ребенка управляет взрослый. Акт внимания осуществляется как внешняя разделенная деятельность ребенка и взрослого.

Путь перехода функции внимания от натуральной непосредственной формы к внешне, а затем и внутренне опосредствованной деятельности (с ней мы имели дело в опыте с чашками) отражен в «параллелограммеразвития внимания».

Дошкольникам, школьникам и взрослым предлагалось сыграть в игру с «запрещением цветов». Правила игры были таковы: перед испытуемыми раскладывался ряд цветных карточек. Испытуемым задавалась серия вопросов, ответы на которые подразумевали использование названия цветов (например, «какого цвета трава?»). В течение одной игры название каждого из цветов можно было использовать только один раз. Тот, кто случайно повторил один и тот же цвет дважды, считался проигравшим. Дошкольники использовали карточки — внешние средства регуляции внимания неэффективны. Зато школьники были способны быстро сообразить, что откладывание «использованных» цветов в сторону помогает не ошибиться при дальнейших ответах. Взрослые же снова вели себя «как дети». Они не пользовались карточками для того, чтобы регулировать свое внимание, но, несмотря на это, хорошо справлялись с заданием.

По мысли Вygотского, стратегии использования карточек в игре на «запрещение цветов» отражает различные стадии развития произвольного внимания от непосредственного (дошкольники), к внешне опосредствованному карточками (школьники) и, в конце концов, к внутренне опосредствованному (взрослые). Взрослые больше не нуждались в карточках, так как у них уже была сформирована высшая психическая функция внимания (подробно о «параллелограмме развития психических функций» см. гл. 9).

6.4.2. Внимание как функция умственного контроля, по П.Я. Гальперину

Оригинальную трактовку внимания дал в своих работах автор теории *планомерного (поэтапного) формирования умственных*

действий П.Я. Гальперин. Суть его концепции заключается в том, что всякое *действие* (в том числе и умственное) *состоит из ориентировочной* (собственно психической) и *исполнительной частей*. Гальперин выделяет шесть основных этапов формирования умственного действия (например, счета), в ходе которых происходит интериоризация, обобщение и сокращение действия: 1) формирование мотивационной основы действия; 2) формирование схемы ориентировочной основы действия; 3) становление материализованной основы действия; 4) формирование действия в громкой речи; 5) действия во внешней речи про себя; 6) действия в умственном плане.

Данная концепция рассматривает *внимание как результат интериоризации, обобщения и сокращения действия контроля*, существовавшего первоначально во внешней форме. Гальперин постулировал, что основная функция психики в целом заключается в адекватной ориентировке организма в действительности. Контроль за выполнением различных действий является, таким образом, неотъемлемой частью выполнения любого действия. Наиболее эффективным методом психологического исследования Гальперин считал формирующий эксперимент (см. гл. 1). Следуя этой логике, если в результате планомерного (поэтапного) формирования умственного контроля мы получим эффект, феноменально не отличимый от явления внимания, представление о внимании как о контроле может считаться обоснованным. Именно такие данные были получены в 1974 г. в работе С.Л. Кабыльницкой по формированию контроля ошибок на письме у школьников. «Не всякий контроль есть внимание (оно должно быть интериоризированно, обобщено и сжато), но всякое внимание есть контроль», — суммирует свою теоретическую позицию П.Я. Гальперин.

© КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Чем отличаются студенческая, поэтическая, профессорская и старческая виды рассеянности?
2. Как соотносятся объем сознания и объем внимания в теории В. Вундта?
3. В чем вы видите смысл утверждения «гений — это внимание»?
4. Каким образом Д. Канеману удалось продемонстрировать ограниченность ресурса внимания?
5. Почему имеет смысл говорить скорее об активном отборе информации, чем о ее селекции?
6. Как происходит развитие произвольного внимания?

ф ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

1. В чем заключается специфика внимания по сравнению с другими регулятивными процессами психики?
 - А. Внимание не имеет своего специфического «продукта».
 - Б. Внимание трудно исследовать экспериментально
 - В. В термин «внимание» разные авторы вкладывают различное содержание.
2. Какова основная функция внимания в концепции В. Вундта?
 - А. Перцепция.
 - Б. Преперцепция.
 - В. Апперцепция.
3. Какое действие оказывает аттенюатор на нерелевантный поток информации?
 - А. Усиливает.
 - Б. Ослабляет.
 - В. Блокирует.
4. Каким образом происходит «примирение» моделей ранней и поздней селекции информации в гипотезе о контролируемых и автоматических процессах Р. Шиффрина?
 - А. «Фильтр» помещается между автоматическими и контролируемыми процессами переработки информации.
 - Б. Сначала происходит селекция на позднем этапе переработки информации для автоматических процессов, а затем — селекция на раннем этапе для контролируемых процессов переработки информации.
 - В. Положение «фильтров» в системе различно для автоматических и контролируемых процессов переработки информации.
5. Согласно точке зрения У. Найссера, внимание — это процесс...
 - А. Отбора.
 - Б. Перебора.
 - В. Выбора.
6. Рассматривать внимание как форму умственного контроля предложил...
 - А. Выготский Л.С.
 - Б. Гальперин П.Я.
 - В. Найссер У.

Ш ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. *Дормашев Ю.Б., Романов В.Я.* Психология внимания. М., 1999.
2. *Психология внимания.* Хрестоматия по психологии / Под ред. Ю.Б. Гшшенрейтер и В.Я. Романова. М., 1998.

Дополнительная

1. *Андерсон Д.Р.* Когнитивная психология. С.-Пб., 2002.
2. *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. М., 2000.
3. *Найссер У.* Познание и реальность. М., 1981.
4. *Солсо Р.Л.* Когнитивная психология. М., 1996.

Глава 7

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ. ОЩУЩЕНИЕ и ВОСПРИЯТИЕ

Мир соткан не из света, цвета, вибраций, тепла, холода. Он выступает в этих свойствах лишь в процессе познания мира. То есть не как комплексы ощущений, а как действительность, передающая себя, говорящая о себе на языке этих сенсорных модальностей.

А.Н.Леонтьев

Мы погружены в мир, и сами являемся частью этого мира. Для того чтобы адекватно действовать, нам необходимо соотносить себя с его постоянно изменяющимися характеристиками и в то же время сохранять представление об устойчивых свойствах внешнего мира. В результате в психике формируется целостный образ мира, что позволяет субъекту активно взаимодействовать с окружающей действительностью, приспосабливаясь к ней или преобразуя ее.

Первые этапы на пути познания объективно существующей вне нас реальности реализуются психическими функциями ощущения и восприятия. В психической жизни взрослого человека трудно разделить эти два процесса, настолько они взаимосвязаны. Более того, окружающий мир по своей природе предметен, так что мы достаточно редко имеем дело с ощущениями «в чистом виде» (мы воспринимаем яблоко, а не комбинацию желтых и красных пятен; съедаем завтрак яичницу, а не комбинацию вкусовых ощущений). Даже новорожденный обладает некоторыми «настройками», которые не позволяют говорить о том, что мы когда-либо сталкиваемся с ощущением как таковым без участия восприятия. Например, он безошибочно поворачивает голову к источнику звука. Данный акт предполагает решение чрезвычайно сложной задачи: младенец как будто бы «вычисляет» расстояние между своими ушами, затем устанавливает различие во времени достижения звуком одного и другого уха, на основании этого определяет направление звука, лока-

лизует в пространстве его источник и осуществляет движение, улучшающее условия слышимости.

Однако эксперименты с животными, наблюдения над новорожденными детьми и результаты исследования клинических случаев показывают, что ощущение как простейшая форма познания, состоящая в отражении отдельных свойств предметов, генетически предшествует восприятию как более сложному, интегральному процессу познания целостных предметов и явлений. Так, например, В.Н. Дружинин описывает состояние слепого от рождения человека, который после успешной операции впервые обрел зрение: «Человек в таких обстоятельствах говорит только о вращающихся массах света и цветов и оказывается совершенно неспособным зрительно выделить объекты, распознать или назвать их».

Ощущение и восприятие составляют единство процессов, идущих «снизу вверх» (от момента воздействия «энергии стимула» на сенсорные поверхности органов чувств до возникновения отражения свойств источника воздействия и опознания его как целостного реально существующего объекта или предмета) и процессов, идущих «сверху-вниз» (от предвосхищения потенциально возможных для восприятия объектов к соответствующей им «настройке» анализаторов для селекции и интеграции ожидаемой информации).

7.1. Ощущение

7.1.1. Общая характеристика ощущений.

Классификации ощущений

Итак, *ощущение* — это психическое отражение изолированных свойств предметов объективного мира, возникающее при их непосредственном воздействии на органы чувств.

Возникновение ощущений связано с особыми физиологическими процессами, участвующими в приеме и первичном преобразовании воздействий определенных раздражителей из внешней и внутренней среды организма. Эти устройства получили название *анализаторов* (И.П. Павлов). Каждый анализатор состоит из трех частей: во-первых, периферического отдела (рецептора), где происходит перекодировка физического воздействия в нервные импульсы; во-вторых, афферентных (от лат. *afferentis* — приносящий) нервных путей, по которым информация, закодированная в виде нервных импульсов, передается в центральную нервную систему (у выс-

ших животных и человека — в головной мозг), и, в третьих, центра анализатора — специального участка коры головного мозга. В результате переработки поступившей информации в корковом отделе анализатора и возникают ощущения. Обратный сигнал, который реализует реакцию организма на стимул, проходит по эфферентным (от лат. *efferentis* — выносящий) нервным путям.

Живые существа отличаются по тем стимулам, на которые они реагируют, и, соответственно, по тем ощущениям, которые у них возникают. Есть данные о том, что птицы ориентируются во время дальних перелетов по магнитному полю Земли и поэтому должны обладать каким-то необъяснимым для человека «магнитным» ощущением. Акулы обладают чувствительностью к электрическим разрядам, идущим от чешуи рыб. Летучие мыши имеют особый ультразвуковой анализатор, с помощью которого они распознают встречающиеся на их пути преграды. Насекомые видят в недоступной нам части цветового спектра. Человеческий слух фиксирует диапазон 15—20 000 Гц, в то время как собака может различать звук большей частоты. На этом эффекте основан известный цирковой номер «передачи приказа на расстоянии» от дрессировщика к животному. Собаку обучают реагировать определенным образом на свисток частотой около 35 000 Гц. Зрители не могут слышать условного сигнала (продуцировать такого рода звуки достаточно просто при помощи чуть модифицированного свистка), и им кажется, что собака выполняет трюки по волшебству, читая мысли хозяина. Вероятно, при определенных условиях и у человека может быть сформирована чувствительность к стимулам, обычно находящимся за пределами возможности работы сенсорных систем. Примером может служить эксперимент по формированию «кожного зрения», проведенный А.Н. Леонтьевым (см. 7.1.4).

Различные анализаторы имеют неравноправную проекцию в коре головного мозга. Экспериментально были получены карты, которые в схематическом виде показывают расположение и величину площади коры, обеспечивающей анализ ощущений, поступающих от различных областей тела. Один из вариантов такой карты представлен на рис. 40. Отметим, что различные виды животных имеют существенно разные «карты».

Так, у человека максимальную площадь коры больших полушарий мозга занимают проекционные зоны области рта, глаз и кистей рук, что определяется ведущей ролью зрения, речевой активности (она требует развитой сенсорной чувствительности губ и языка) и тонких движений рук для социальной жизнедеятельности. У животного, для которого наибольшим значением обладает другой тип сен-

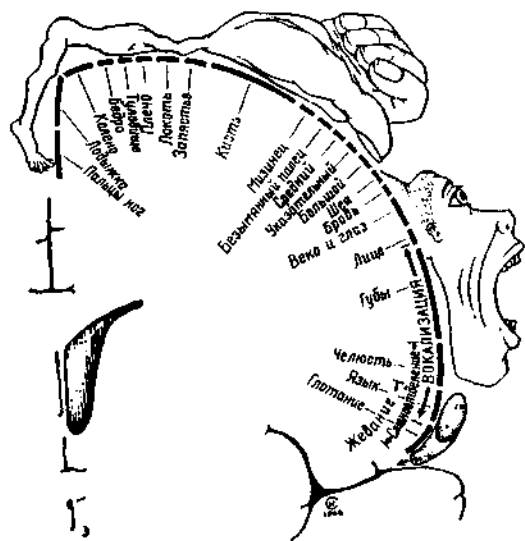

Рис. 40. Проекционные зоны различных частей тела человека в сенсорной области коры головного мозга, по У. Пенфилду

ств ощущений и свойств объектов внешнего мира. Другими словами, необходимо понять, насколько точно мы можем судить по нашим ощущениям о реальных свойствах стимулов?

И. Мюллер (1801—1858) выдвинул гипотезу «специфических энергий органов чувств». Суть этой гипотезы состоит в том, что ощущения не отражают реальных свойств раздражителя, а лишь сигнализируют о состоянии наших анализаторов. «То, что дают нам наши ощущения, отражает, выражает природу и состояние наших органов чувств, нервов, а не природу того, что эти ощущения вызывает», — писал Мюллер. Он иллюстрировал свою мысль простыми примерами: если ударить по главному яблоку, человек ощутит, как «искры посыпались из глаз», т.е. получит субъективное зрительное ощущение. Аналогично, если лизнуть полоску металла, через которую пропущен слабый электрический ток, появляется ощущение кислого вкуса. Возникает впечатление, что ощущение — это чистая субъективность, лишь случайно связанная с объективным миром. Позиция И. Мюллера в свое время оказала большое влияние на интерпретацию явлений ощущения. Однако эволюционная аргументация приводит нас к выводу, что мы имеем дело с псевдопроблемой.

сорного отражения действительности, при аналогичном картировании выявляются иные пропорции площадей проекционных зон системы анализаторов (например, аппарат обоняния развит у собаки примерно в тысячу раз лучше, чем у человека, и, соответственно, именно он занимает большую корковую площадь).

Наличие высоко специфичных анализаторов, каждый из которых восприимчив только к одному определенному типу стимуляции, ставит проблему отношения свойств

Даже если мы в отдельных случаях ощущаем мир не таким, каков он есть на самом деле, наши ощущения в целом адекватны миру, поскольку позволяют эффективно ориентироваться в среде. Более глубокое постижение мира обеспечивается другой психической функцией — мышлением, которое заключается в обобщенном и опосредствованном познании реальности (см. гл. 9).

Второй вопрос, который возникает при обсуждении темы ощущения, — это вопрос о «непосредственности» действия раздражителя. Действительно, мы не только получаем ощущения от раздражителей, напрямую соприкасающихся с поверхностью нашего тела (осязаем, чувствуем вкус и запах), но и видим, и слышим то, что находится на значительном расстоянии от нас. Древние мыслители решали эту проблему, допуская, что предметы «испускают» из себя тончайшие эфирные копии, которые беспрепятственно проникают в глаза, уши и т.д. На новом витке развития наука, в сущности, вернулась к аналогичному пониманию, найдя физические носители «далеких» стимулов, которые делают их «близкими». Для зрения таким стимулом будет свет, для слуха — колебания воздуха, для обоняния — взвешенные в нейтральной среде мельчайшие частицы вещества. По Ч. Шеррингтону, ощущения принято разделять на *контактные* (раздражитель сам действует на воспринимающий орган, и посредник, доставляющий информацию, не требуется) и *дистантные* (т.е. необходим особый «агент», доводящий информацию до сенсорной поверхности). Контактными ощущениями являются вкусовые, обонятельные, кожные, кинестетические (ощущения положения отдельных частей тела) и органические (голод, жажда и т.д.), дистантными — слуховые и зрительные ощущения.

Однако существуют иные предпосылки для деления ощущений на дистантные и контактные. Они заключаются в анатомических особенностях строения соответствующих им органов чувств. Очевидно, контактные ощущения являются филогенетически более древними, чем дистантные. Рецепторы контактных анализаторов в основном не составляют целостные органы чувств. Например, тактильная чувствительность обеспечивается за счет изолированных клеток — рецепторов кожи (так называемые тельце Паччини, тельце Майсснера). Первые реагируют на надавливание, вторые — на вибрацию. Дистантные же анализаторы представляют собой сложные ансамбли, которые включают в себя как сами рецепторы, сконцентрированные в определенном участке тела, так и дополнительные «приспособления», обеспечивающие максимальную эффективность ощущения. Как указывает А.Н. Леонтьев, на определенном этапе эволюции эти ансамбли обзаводятся собственным двигатель-

ным аппаратом, приобретают достаточно автономные от всего остального организма двигательные возможности (проприомоторный аппарат). Глаз, к примеру, обладает глазодвигательными мышцами, цилиарными мышцами и т.д. Таким образом, воздействие на дистантные органы чувств предполагает более высокую встречную активность субъекта. Недаром А. Шопенгауэр сравнивал зрение с ощупыванием: «Зрение можно рассматривать как несовершенное, но уходящее вдаль осязание, которое пользуется лучами света как длинными щупальцами», — писал он в работе «Мир как воля и представление». Такая эмансипация дистантных органов чувств, без сомнения может рассматриваться как эволюционный рывок в становлении сенсорных систем. В отличие от контактных, они реагируют не на уже сложившуюся ситуацию, а активно упреждают ее (П.К. Анохин).

Кроме деления на контактные и дистантные Ч. Шеррингтон также предложил классифицировать ощущения по расположению соответствующих им рецепторов (по рецептивным полям). В этом случае они различаются на *интерорецептивные* ощущения (от рецепторов, расположенных во внутренних органах), *проприорецептивные* (от рецепторов, расположенных в мышцах, связках и сухожилиях) и *экстерорецептивные* (от рецепторов, расположенных на наружной поверхности организма). В общем виде классификация ощущений представлена в табл. 13.

Таблица 13

Классификация типов ощущений

Основания классификации	Тип ощущений		
	По способу воздействия раздражителя	Контактные	
По времени возникновения в филогенезе	Палео-		Нео-
По функции	Констатирующие		Упреждающие
По расположению рецептивных полей	Интерорецептивные	Проприорецептивные	Экстерорецептивные

7.1.2. Проблема измерения ощущений. Психофизика

Каждое ощущение независимо от его принадлежности к определенной сенсорной системе, например зрению, слуху, осязанию и т.д., обладает свойствами *интенсивности, длительности и пространственной локализации*.

Проблеме измерения соотношения объективной и субъективной интенсивности стимула посвящен особый раздел психологии — *психофизика*. Основателем психофизики считается Г.Т. Фехнер (1801—1887), опубликовавший в 1860 г. фундаментальный труд «Элементы психофизики». В дальнейшем установлением количественной меры ощущений занимались многие ученые.

Психофизика основывается на ряде эмпирических фактов. Во-первых, легко видеть, что не всякий объективно воздействующий физический раздражитель вызывает у нас ощущение. Во-вторых, мы обладаем очень ограниченной способностью различать ощущения, в то время как технический прибор точно показывает, что их источники по физическим характеристикам отличаются. Например, неподготовленному слушателю ноты «си» и «до» могут показаться одинаковыми, хотя на самом деле они отличаются на целый тон. В-третьих, даже в том случае, когда мы способны сказать, что одно ощущение отличается по интенсивности от другого (свет свечи мы видим как более слабый, чем свет настольной лампы), нам трудно судить о конкретной величине этого различия. Так, мы не можем сказать, что звук громкостью в 10 Дб (шорох листьев) в два раза тише, чем звук громкостью в 20 Дб (шепот), а тот, в свою очередь, в три раза тише, чем звук громкостью в 60 Дб (нормальный разговор). Другими словами, объективная (физическая) шкала изменения раздражителя не совпадает с субъективной шкалой изменения ощущения. Поэтому возникает вопрос о психологических правилах (законах) приведения в соответствие шкалы изменения раздражителя и шкалы изменения ощущения. Фехнер и его последователи были уверены, что данные соотношения носят не случайный характер, и попытались описать эти закономерности математически.

Первая проблема, с которой приходится сталкиваться исследователям, связана с фактом существования порога ощущений. Выделяют абсолютный нижний и абсолютный верхний пороги ощущений. *Абсолютный нижний порог ощущения определяется минимальной интенсивностью раздражителя, при котором возникает соответствующее ощущение*. Для установления значения нижнего абсолютного порога (который различен для каждой модальности, завися от свойств анализатора и психологического состояния человека) пользуются следующими приемами:

- постепенно увеличивая интенсивность стимула (например, громкость звука) от неощущаемой зоны до момента возникновения ощущения (испытуемый сообщает, что «появился чуть слышный звук»), экспериментатор фиксирует эту критическую точку, замеры производятся несколько раз и вычисляется среднее значение;

- постепенно уменьшая интенсивность стимула (например, громкость звука), двигаясь из отчетливо ощущаемой зоны к моменту исчезновения ощущения (испытуемый сообщает «звук пропал»), экспериментатор фиксирует это критическое значение, замеры также производятся несколько раз и вычисляется среднее;

- вычисляют среднюю интенсивность раздражителя, в ответ на который в 50% случаев фиксируется наличие ощущения, при этом предъявление дискретных стимулов разной интенсивности (близкой к зоне порога) осуществляется в случайном порядке с разными интервалами, а испытуемый должен сообщать о каждом замеченном им раздражителе.

Данные замеров, полученных разными методами, как правило, несколько отличаются, что объясняется явлением адаптации и эффектом ожидания.

Абсолютный верхний порог ощущения — это максимальная интенсивность раздражителя, при котором ощущение теряет свою модальную специфичность (часто переходя в боль). Так, для слуховой чувствительности нижним абсолютным порогом будет громкость примерно в 0,3 Дб (тиканье ручных часов в полной тишине на расстоянии 6 м), а верхним абсолютным порогом — громкость в 150 Дб (шум взлетающего самолета). Следует заметить, что даже для одного и того же человека величина абсолютного порога носит непостоянный характер: он оказывается то выше, то ниже. Еще И. Мюллер в середине XIX в. отмечал, что по мере накопления опыта (тренировки) величина нижнего абсолютного порога понижается, а по мере утомления — повышается. Влияние фактора «тренированности» испытуемого на порог чувствительности его сенсорных систем связано с тем, что человек начинает предвосхищать нужные стимулы и поэтому легче находит их (в процесс ощущения включаются механизмы восприятия).

Еще в большей степени эта неразрывность процессов ощущения и восприятия проявилась в концепции «обнаружения сигнала» Д. Грина и Дж. Светса (1966). Они предположили, что вероятность обнаружения слабого раздражителя, близкого по своему значению к пороговому, зависит от «цены» ответа. Грин и Свете разделили два типа ошибок — «ошибки пропуска» и «ложные тревоги». Первый тип ошибки означает, что слабое ощущение присутствует в сознании

субъекта, но он не обнаруживает его и не дает реакции. Второй тип ошибки проявляется в том, что субъект реагирует на ощущение, которого объективно нет. Для иллюстрации концепции Грина и Светса представим себе врача-диагноста. Он рассматривает рентгенограмму опухоли и должен определить, свидетельствует ли она о наличии опухоли. Если он пропустит тревожный сигнал, расплатой может стать жизнь пациента. А если поднимет ложную тревогу, пациенту придется всего лишь пройти процедуру повторного обследования. Очевидно, что в такой ситуации врач скорее будет «замечать» признаки опухоли в недостаточно определенном изображении, чем игнорировать их (Дж. Лофтус (G. Loftus), 2002). Аналогичный пример можно привести из области обоняния. Например, запах какого-то блюда кажется вам немного подозрительным. Если вы заботитесь о своем здоровье, вы не станете есть такое блюдо: лучше остаться голодным (ошибка ложной тревоги), чем отравиться (ошибка пропуска). Обратная тенденция будет наблюдаться, если цена ложной тревоги высока. Например, влюбленный упорно не хочет замечать недостатки характера предмета своего обожания, которые очевидны для всех окружающих. Ведь в противном случае он рискует потерять прекрасное чувство.

Другим понятием, связанным с проблемой порогов, является дифференциальный порог, или порог различения. *Дифференциальный порог* — это минимальное различие в интенсивности двух раздражителей, при котором возникают отличные друг от друга ощущения. Измерение дифференциального порога связано с упомянутым уже нами эмпирическим фактом — нашей ограниченной способностью к различению стимулов. Изучение дифференциальных порогов оказывается очень важным для решения широкого круга практических задач. Насколько автомобилист может превысить допустимую скорость, чтобы его нарушение визуально не было замечено регулировщиком движения? - Не покажется ли вам, что чемодан стал намного тяжелее, если положить в него еще одно платье? Почувствуют ли гости, что блюдо пересолено, если хозяйка положила в кастрюлю на 1 г больше соли, чем было указано в рецепте? Ответ на эти вопросы дает психофизический закон Э. Вебера (1795—1878). Вебер поставил перед собой цель установить величину *едва заметного различия*, т.е. наименьшего различия между двумя физическими раздражителями, которое может определить человек. Он экспериментировал со способностью различения веса. Оказалось, что различительная способность зависит не от абсолютной, а от относительной величины изменения. Так, испытуемому казались разными грузы весом 40 г и 41 г, но грузы весом 80 г и 81 г оценивались

как равные. Таким образом, Вебер установил, что величина едва заметного различия составляет 1/40 от первоначального веса и является константой. Одновременно с Вебером вел исследования и другой ученый — П. Бугер, поэтому этот психофизический закон получил название по именам обоих авторов. *Закон Вебера — Бугера* выражается формулой

$\Delta I / I = \text{const.}$, где I — интенсивность стимула, ΔI — приращение стимула.

Впоследствии были получены данные о величине едва заметно различия относительно других модальностей (табл. 14).

Таблица 14

Дифференциальные пороги для ощущений различных модальностей

Видоощущения	Величина едва заметного различия (константа Вебера — Бугера), %
Ощущение изменения высоты звука	0,3
Ощущение изменения яркости света	1,7
Ощущение изменения веса предметов	2,5
Ощущение изменения громкости звука	1
Ощущения изменения давления на поверхность кожи	3,4
Ощущение изменения вкуса соляного раствора	20

Последующие исследования, правда, показали, что закон Вебера — Бугера действителен только для средней части диапазона чувствительности сенсорной системы. При приближении к пороговым величинам в закон должна быть внесена поправка, отражающая величину ощущения от деятельности самой системы (например, биения сердца в слуховой модальности или собственного свечения сетчатки в зрительной модальности).

Таким образом, в окончательном виде этот закон имеет следующий вид: $\Delta I / (I + P) = \text{const.}$, где P — поправка на «шум» от работы сенсорной системы.

Эмпирический факт несовпадения объективной шкалы изменения раздражителя и субъективной шкалы изменения ощущения был описан основным психофизическим законом, установленным Фехнером и впоследствии модифицированным Стивенсом. Фехнер, используя математические преобразования соотношения Вебера — Бугера, пришел к выводу, что *изменение силы ощущения пропорционально десятичному логарифму изменения силы воздействующего раздражителя*. Другими словами, когда раздражитель растет в гео-

метрической прогрессии (увеличивается в N раз), ощущение вырастает лишь в арифметической прогрессии (увеличивается на N).

Основной *психофизический закон Фехнера* выражается формулой $R = C (\lg I - \lg I_0)$, где R — интенсивность ощущения, I — интенсивность действующего стимула, I_0 — интенсивность стимула, соответствующая нижнему абсолютному порогу, а C — константа Вебера — Бугера, специфичная для каждой модальности.

Форма психофизической кривой для ощущения громкости звука условно отражена на рис. 41.

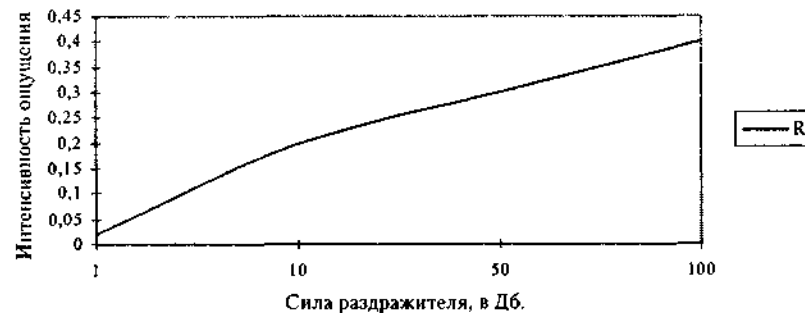

Рис. 41. Логарифмическая кривая зависимости интенсивности ощущения громкости от силы звука

При выведении этого закона Фехнер исходил из невозможности непосредственной оценки испытуемым интенсивности возникающего у него ощущения. Поэтому в его формуле единицами измерения выступают физические величины. В 1941 г. С. Стивенс из Гарвардского университета выдвинул идею о возможности прямой оценки человеком своих ощущений. Поэтому он модифицировал соотношение Вебера — Бугера, заменив в нем отношение физической величины едва заметного изменения стимула к физической интенсивности исходного стимула на отношение *субъективного переживания* едва заметного изменения стимула к *субъективному переживанию интенсивности* исходного стимула. Соотношение Стивенса означает, что *ощущение едва заметного изменения относится к исходному ощущению с постоянной величиной*. Другими словами, когда мы ощущаем слабый стимул, то достаточно небольшого изменения, чтобы мы могли уловить различие, а если мы переживаем сильное ощущение, то нам требуется значительная «добавка» для того, чтобы мы зафиксировали в сознании факт изменения ощущения. В результате такой модификации Стивенс вывел свою вер-

сию *основного психофизического закона*, который носит не логарифмический, как у Фехнера, а степенной характер:

$$R = C(I - I_0)^n.$$

Показатель n степенной функции Стивенса различен для разных модальностей ощущений. Например, он варьирует от 0,3 для громкости звука до 3,5 для электрического удара. В настоящее время версии психофизического закона Фехнера и Стивенса рассматриваются как дополняющие друг друга.

Динамика изменения ощущения не сводится исключительно к действию психофизических законов. Важную роль играют такие механизмы изменения чувствительности, как адаптация, сенсбилизация, явления контраста и синестезии. *Адаптация — это понижение чувствительности (повышение порога) сенсорной системы в результате длительного воздействия раздражителя.* Например, обычно вы не ощущаете давления одежды и тиканья своих наручных часов, хотя эти стимулы оказывают на вас реальное физическое воздействие. Или, например, если вы прыгните в холодную воду, то через несколько минут обнаружите, что она, оказывается, не такая уж холодная. В таком случае говорят, что ваша сенсорная система адаптировалась к действию стимула. Явление адаптации крайне полезно для организма: оно позволяет освобождать систему от обработки тех стимулов, значение которых уже оценено. Как остроумно заметил лауреат Нобелевской премии Д. Хьюбел: «Прежде всего нас интересует все новое и неизвестное. Никому не нужно, чтобы на протяжении 16 часов кому-то напоминали, что у него на ногах ботинки». Но адаптация — не всегда благо. В зрительной системе в связи с этим сформировались особые приспособления для борьбы с адаптацией. Показано, что если бы глаз оставался неподвижным, достаточно скоро мы перестали бы видеть изображение. Поэтому наши глаза постоянно совершают своеобразные скачки, которые обеспечивают поступление новой стимуляции на сенсорную поверхность глаза.

Сенсбилизация — это процесс, обратный адаптации. Он заключается в повышении чувствительности (снижении порога) сенсорной системы к длительно действующему раздражителю. Так, долгое воздействие раздражителя, вызывающего боль, не ведет к тому, что субъективно ощущение боли исчезает, наоборот, переживание боли становится все сильнее. Таким образом, организм как бы «усиливает требование» удалить опасный раздражитель.

Явление контраста заключается в том, что предшествующее ощущение оказывает влияние на последующее. Например, после

того, как мы съели что-то сладкое, кислое кажется нам еще более кислым, если дотронуться до холодного предмета после прикосновения к горячему, ощущение холода будет более интенсивным. Особенно полно явления контраста исследованы для зрительной системы.

Синестезия — это феномен слияния свойств различных сенсорных систем. Например, каждый из нас интуитивно понимает, что обозначают словосочетания «холодный звук» или «крикливый цвет», хотя очевидно, что с точки зрения объективной реальности звук не обладает температурными характеристиками, а цвет — звуковыми.

7.1.3. Зрение

Зрительная система человека реагирует на электромагнитные волны в узкой полосе спектра с длиной волны от 400 до 700 нанометров (1 нанометр = 0,00000001 метра). Волны именно этого диапазона ощущаются нами как свет. Вне чувствительности нашей зрительной системы остается огромное разнообразие электромагнитных воздействий от коротких рентгеновских лучей до длинноволнового излучения, которое используется в радиовещании. Главные характеристики света — это частота (воспринимается как цвет) и интенсивность (воспринимается как яркость).

Сенсорной поверхностью, специализированной для реагирования на свет в зрительной системе, является *сетчатка (retina)*. Однако прежде чем достичь ее, луч света проходит сквозь *роговицу, радужку, хрусталик и стекловидное тело*. Все перечисленные элементы вместе с мышечно-связочным аппаратом представляют собой части сложного оптического устройства глаза. Они идеально приспособлены к тому, чтобы создать сетчатке оптимальные условия для приема световой информации при меняющихся внешних условиях. Например, отверстие в радужке — *зрачок* — изменяет свой размер, расширяясь при недостаточном освещении и сужаясь при избыточном (зрачок способен изменять свой размер в 16 раз). На рис. 42 представлено изображение глаза человека.

Пройдя через все структурные компоненты глаза, свет попадает на сетчатку. Название этого ансамбля рецепторов происходит от слова «сеть», так как сетчатка насыщена густой сетью кровеносных сосудов. Сетчатка представляет собой тонкий слой взаимно связанных между собой светочувствительных нейронов, которые преобразуют поток света в электрические импульсы. Сетчатка содержит большое количество зрительного пигмента родопсина, так что эре-

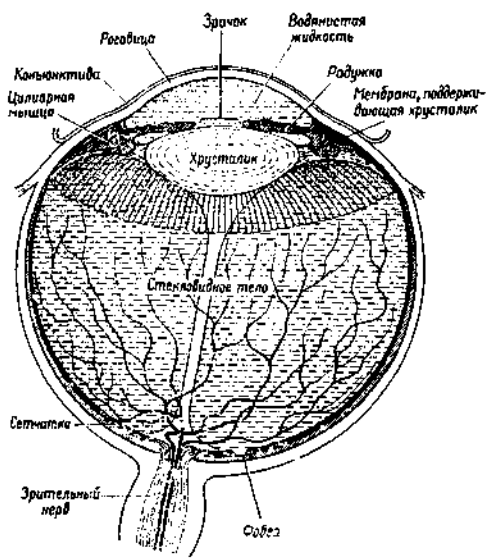

Рис. 42. Глаз человека

ние начинается в сущности как фотохимическая реакция разложения родопсина под действием света. Сетчатка — это часть коры мозга, вынесенная вовне, поэтому она является не просто пассивным «преобразователем» световой энергии в электрические импульсы. Сетчатка содержит два типа светочувствительных клеток — палочки и колбочки, которые получили свое название в соответствии с внешним видом. Цветное зрение при ярком свете обеспечивается *колбочками (фотопическое зрение)*, а черно-белое сумеречное зрение —

палочками (скотопическое зрение). Колбочки концентрируются на одном участке сетчатки, который называется *фовеа*, или центральная ямка. Попадание света на этот участок необходимо для эффекта цветового зрения. Светочувствительные клетки соединены со слоем ганглиозных биполярных клеток, которые формируют зрительный нерв, проводящий электрические импульсы в мозг. Каждая ганглиозная клетка посылает в зрительный нерв одно волокно. В итоге зрительный нерв состоит в среднем из 800 тысяч волокон. Место, где зрительный нерв покидает сетчатку, получил название *слепого пятна*, так как в нем сетчатка не содержит светочувствительных клеток и, соответственно, зрение отсутствует.

Зона коры больших полушарий, ответственная за зрение, находится в задних отделах мозга и называется *зрительным проекционным полем*. В зрительной коре более 50% нейронов занято анализом информации, идущей от центральной ямки, которая занимает не более 10% зрительного поля. Таким образом, именно та часть изображения, которая соответствует фовеальной области, перерабатывается максимально детально.

Каким же образом в мозгу кодируется зрительный образ? Каждый образ может быть охарактеризован с точки зрения его яркости,

конфигурации и цвета. Упрощенно можно сказать, что выделение контуров объекта напрямую связано со степенью возбуждения светочувствительных клеток. В формировании изображения контуров объекта на сетчатке важную роль играют различия в интенсивности света. В настоящее время считается, что анализ формы воспринимаемого объекта на уровне ощущения связан с двумя факторами. Во-первых, это эффекты контраста, которые обусловлены тем фактом, что возбужденные участки сетчатки взаимодействуют между собой. А во-вторых, это — результаты деятельности специальных клеток-детекторов, которые выборочно реагируют на объекты различной пространственной ориентации.

Первое явление, связанное с взаимодействием возбужденных участков, носит название *латерального торможения*. Механизм латерального торможения заключается в том, что рецептор, получивший большую стимуляцию, тормозит возбуждение соседних клеток. Таким образом, получается, что ответное возбуждение нейронов, испытывающих воздействие одинаковой интенсивности, слабое, а нейроны, которые находятся в области перепада световой интенсивности, возбуждаются значительно сильнее. В результате кодируются границы между объектами. Поясним роль латерального торможения в кодировании границы между более и менее яркими областями изображения на примере (рис. 43).

Представьте, что перед глазом испытуемого находится параллелепипед. Поверхности, образующие угол, различаются по яркости. Передняя поверхность ярче, чем боковая. Задача латерального торможения в данном случае — закодировать границу перехода от светлого к темному. Возьмем гипотетический участок сетчатки, состоящий из семи светочувствительных рецепторов. Каждый из рецепторов, находясь в активном состоянии, понижает ответ соседних рецепторов на величину, в половину меньшую своей активности. Например, рецептор, на который воздействует свет интенсивностью 20 ед. будет осуществлять торможение соседних клеток на 10 ед., а тот рецептор, который получил воздействие интенсивностью в 10 ед., — на 5 ед. Легко видеть, что ганглиозные клетки, которые соответствуют рецепторам I, II и III, останутся в покое, так как каждый из их «соседей» понизит их активность на 10 ед. ($20 - 10 - 10 = 0$). Ганглиозная клетка IV даст ответ силой в 5 ед. ($20 - 10 - 5 = 5$). Ганглиозная клетка V даст ответ силой в -5 ед.; ганглиозные клетки VI и VII останутся в покое. Таким образом, результатом кодирования станет граница между темным и светлым участком, а избыточную информацию система проигнорирует.

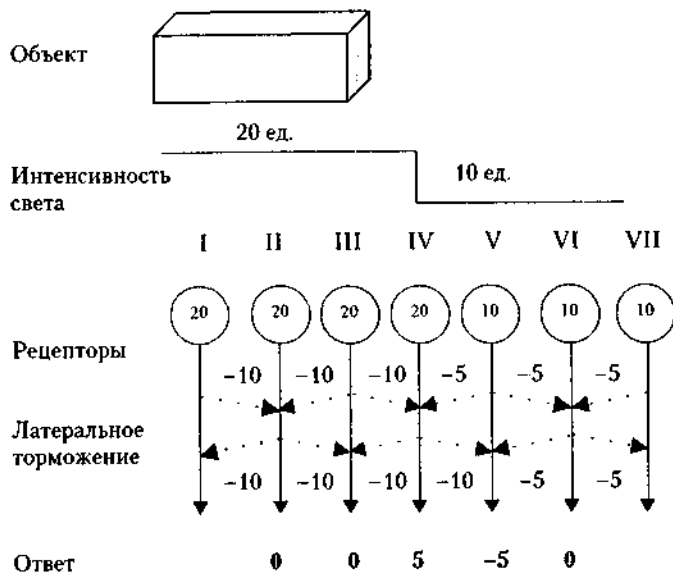

Рис. 43. Латеральное торможение как механизм выделения контура видимого объекта

Описанная в данном примере нейронная сеть реагирует на контуры: она превращает мир в штриховой рисунок. Механизм латерального торможения отражает один из аспектов порождения видимого мира силами самого рецептора.

Второй фактор связан с тем, что в коре головного мозга обнаружены специальные клетки-детекторы, которые выборочно реагируют на объекты различной ориентации (рис. 44). Первооткрыватели данного явления Д. Хьюбел и Т. Визел были удостоены Нобелевской премии по физиологии. Информация о различных конфигурациях объектов подвергается детекции в коре головного мозга с помощью механизмов, открытых Хьюбелом и Визелом.

Человеческий глаз способен воспринимать не только контуры объектов. Все объекты внешнего мира по-разному отражают свет. И если палочковые рецепторы сетчатки реагируют только на интенсивность света и, соответственно, формируют ахроматическое изображение, то колбочковые рецепторы, фиксируя частоту световой волны, дают нам возможность различать цвета.

Первая попытка объяснить цветовое зрение была предпринята в 1802 г. английским физиологом Томасом Юнгом и получила название *трихроматической*. Позднее она была развита Г. Гельмгольцем.

По мнению этих авторов, все богатство цветовых ощущений можно свести к результату смешения трех основных цветов — синего, зеленого и красного. В центральной ямке сетчатки располагаются три вида колбочек, каждый из которых выборочно реагирует на короткие волны (синий цвет), средние волны (зеленый) и длинные волны (красный цвет). Так, одновременная стимуляция «красных» и «зеленых» колбочек вызывает ощущение желтого цвета. Георг Вальд получил Нобелевскую премию в 1964 г. за экспериментальное доказательство этой теории. Однако ряд факторов не укладывается в трихроматическую концепцию цветового зрения. Один из них — это наличие цветов-антагонистов, которые проявляются, например, в *эффекте послеобраза*. Если вы долго будете смотреть на красный предмет, а потом переведете взгляд на белую стену, вы увидите зеленое изображение. Аналогичной парой являются синий и желтый цвета.

Рис. 44. Реакция клеток-детекторов вертикального стимула

Гипотеза цветового зрения, альтернативная трихроматической, получила название *«теория оппонентных процессов»*. Впервые она была выдвинута Е. Герингом в 1870 г. Впоследствии она была усовершенствована Л. Гурвичем и Д. Джеймсом (1957). Теория оппонентных процессов утверждала, что в нашем зрительном аппарате происходят разнонаправленные процессы трех типов: красно-зеленые, сине-желтые и черно-белые. Цвета, относящиеся к разным сторонам оппонентного процесса, не могут переживаться одновременно. Вот почему мы не можем себе вообразить «голубоватый желтый» или «красноватый зеленый». Каждая пара цветов-антагонистов представляет собой подобие аптекарских весов. Например, в том случае, когда на глаз действует длина волны около 460 нм, «сине-желтые» весы склонятся в сторону синего, а «красно-зеленые» и

«черно-белые» останутся в равновесии. В результате мы будем переживать ощущение синего цвета. Когда на глаз воздействует световой поток с длиной волны около 450 нм, «синие-желтые» веса склонятся в сторону синего, «красно-зеленые» — в сторону красного, а «черно-белые» останутся в равновесии. В результате мы будем переживать ощущение фиолетового цвета. Теория оппонентных процессов хорошо объясняет явления цветовой слепоты, или дальтонизма. Самый распространенный вариант этой болезни заключается в неспособности различения красного и зеленого цветов, что может быть связано с дефектом красно-зеленой системы оппонентных процессов (у большого она всегда находится в равновесии). Одной из основных трудностей при принятии гипотезы оппонентных процессов является проблема перехода от трех типов колбочек к четырем качественно различным оттенкам цвета (пара черный — белый определяет светлоту оттенка). Гурвич и Джеймсон справились с этой проблемой, предположив, что к каждой системе оппонентных цветов подключены все три типа колбочек.

Например, синий полюс синие-желтой системы активизируется коротковолновыми колбочками, а желтый тормозится средневолновыми и длинноволновыми колбочками. Если силы возбуждения от коротковолновых колбочек перевешивают торможение от средневолновых и длинноволновых колбочек, получается ощущение синего цвета. Если перевешивает торможение от средневолновых и длинноволновых колбочек, мы переживаем ощущение желтого. В том случае когда силы оказываются примерно равны, цветовое ощущение, относящееся к данной паре, не возникает (рис. 45).

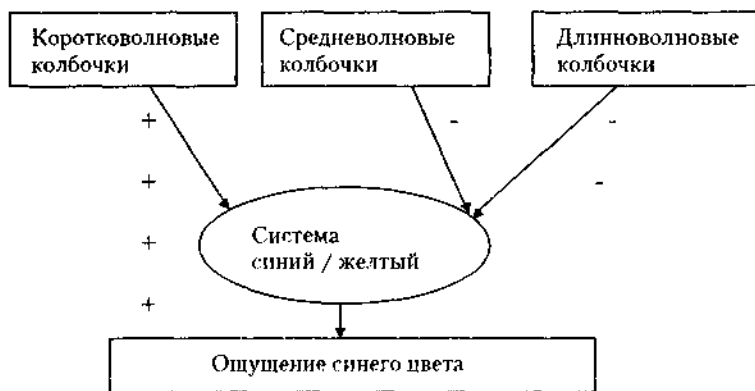

Рис. 45. Роль различных типов колбочковых рецепторов сетчатки в осуществлении оппонентного процесса в синие-желтой системе

В заключение следует упомянуть несколько слов о бинокулярности зрения человека. Когда мы смотрим двумя глазами, на каждой из сетчаток формируется свое изображение. Зрительная система способна оценивать угол, который образуют оси зрения, идущие от каждого глаза, и на основании этой оценки судить о расстоянии до предмета. Таким образом, «удвоение» изображения служит своеобразным дальномером для нашего зрения.

В результате сложного процесса кодирования зрительной информации в коре головного мозга складывается конфигурация основных свойств видимого мира: линий, углов, движения и цвета. В дальнейшем эта информация подвергается комплексной переработке в процессах восприятия.

7.1.4. Слух

Стимулом для слуховой системы являются звуковые волны, которые представляют собой колебания воздуха. Звуковые волны так же, как и электромагнитные колебания, могут быть описаны с помощью длины волны, определяющей частоту (воспринимается как высота звука), и амплитуду волны (воспринимается как громкость). Человеческое ухо способно адекватно формировать ощущения в ответ на стимуляцию звуковыми волнами в диапазоне интенсивности от 1 до 150 Дб и в диапазоне частоты от 5 до 20 000 Гц.

Звуковые волны, достигая периферии слуховой системы, оказывают давление на барабанную перепонку — упругую мембрану, находящуюся в конце слухового прохода. Далее колебания барабанной перепонки с помощью слуховых косточек передаются на пластинку овального отверстия, которое

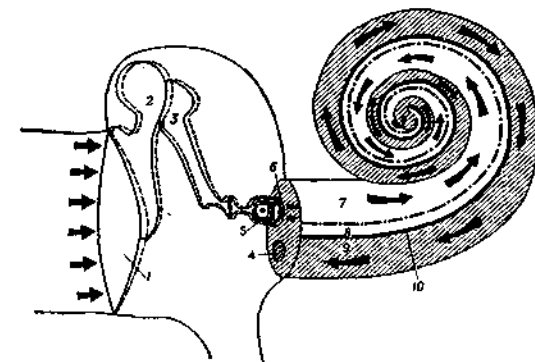

Рис. 46. Строение внутреннего уха человека:

- 1 — барабанная перепонка; 2, 3, 5 — слуховые косточки; 4 — круглое окно; 6 — овальное окно;
- 7 — вестибулярная лестница; 8 — перепончатый канал; 9 — барабанная лестница;
- 10 — основная мембрана

редают частоту и усиливают амплитуду колебаний, делая нашу слуховую систему более чувствительной.

Сенсорной поверхностью слухового анализатора является *улитка*. Внутри улитки находится основная мембрана — кусочек кожи длиной около 3,5 см. Движение жидкости внутри улитки деформирует основную мембрану, покрытую *волосковыми клетками*, которые и являются рецепторами слуховой системы. Ганглиозные клетки соединяются с волосковыми клетками, образуя слуховой нерв, который несет импульсы в височные доли коры головного мозга.

Каким образом смещение волосяных клеток основной мембраны улитки кодирует различные аспекты звукового сигнала? По величине временного интервала между достижением звуковой волной одного и другого уха устанавливается направление звука. Оценка высотных характеристик звукового сигнала описывается с помощью *локализационной теории*, выдвинутой Г. Гельмгольцем (1863) и подробно разработанной Г. Бекеши (1899—1972). Бекеши, экспериментируя с препаратами улиток быка, выяснил, что волосяные клетки основной мембраны по-разному реагируют на звуки различной частоты. При высокой частоте звука активизируются рецепторы, расположенные вблизи овального отверстия, а при понижении высоты пик активации смещается в сторону верхушки улитки. Однако локализационная теория объясняет кодирование высоты звука только в пределах выше 50 Гц. При частоте звука ниже 50 Гц вся поверхность основной мембраны реагирует практически равномерно. Процесс кодирования частоты звука меньше 50 Гц описывается *теорией частоты*. Предполагается, что в этом случае сенсорная система действует напрямую, передавая соответствующее число нервных импульсов в секунду (например, частота самой низкой ноты рояля 27 Гц, эта высота будет закодирована с помощью паттерна с характеристиками 27 колебаний/с). Скорее всего, в кодировании информации о высоте звука принимают участие оба механизма. Происходит разделение зон ответственности, продиктованное, прежде всего, соображениями экономии. Кодирование больших величин связано с местом на мембране, а кодирование малых величин — с прямой трансформацией физического стимула в электрические импульсы. Очевидно, что такое устройство слухового аппарата определяет более качественную различительную способность для низких частот и весьма приблизительную — для высоких.

В заключение вернемся к проблеме ограничений, наложенных природой на наши сенсорные системы. Возможно ли преодолеть их? В эксперименте А.Н. Леонтьева удалось научить испытуемых реагировать на такие раздражители, которые обычно не вызывают

ощущений. Данное исследование получило название эксперимента по формированию «кожного зрения». По мнению А.Н. Леонтьева, «для того, чтобы биологически адекватный, но в нормальных случаях не вызывающий ощущения агент превратился в агент, вызывающий субъективные ощущения, необходимо, чтобы была создана такая ситуация, в условиях которой воздействие данного стимула опосредствовало бы его отношение к какому-нибудь другому внешнему воздействию». Другими словами, человек сможет реагировать на ранее нейтральный раздражитель тогда, когда эта реакция станет для него значимой. Для проведения исследования была создана установка, в которую помещалась рука испытуемого. Внизу установки находилась лампочка. Лампочка освещала ладонь испытуемого, и вслед за вспышкой он получал неприятный удар током. Тепло- и светоизоляция не позволяла испытуемому судить о вспышке света, опираясь на данные зрительной или тепловой чувствительности. В контрольных условиях даже после 400 сочетаний двигательный рефлекс на действие света не образовывался. Потом испытуемый получал следующую инструкцию: «За несколько секунд до удара тока рука будет подвергаться слабому воздействию, которое вы сможете уловить». Ошибки типа «ложной тревоги», т.е. одергивание руки наугад, пресекалось при помощи системы штрафов. Удивительно, но испытуемые после ряда попыток действительно обучались реагировать на освещение ладони так, как будто были способны «видеть» кожей вспышки лампочки. При этом они говорили о том, что у них в ладони возникает странное ощущение «волны». Таким образом удалось показать, что спецификация наших органов чувств зависит, прежде всего, от биологической целесообразности развития чувствительности к тому или иному аспекту реальности, и в принципе потенциал чувствительности наших сенсорных систем значительно превосходит актуально необходимый уровень.

Таким образом, мозг в каждый момент времени имеет дело со сложной конфигурацией «букв», из которых ему в акте восприятия предстоит сложить «предложение» целостного образа видимого мира. Эту задачу решает процесс восприятия.

7.2. Восприятие

Восприятие (перцепция) — это целостное отражение предметов, ситуаций и событий, возникающее при непосредственном воздействии адекватных физических раздражителей на органы чувств.

Рис. 47. «Лунный» пес, по Р. Грегори, 1972

Восприятие всегда больше суммы ощущений, на которых оно базируется. Наши органы чувств снабжают нас либо неполной, либо избыточной, либо равновесной, а зачастую и противоречивой информацией, которая опознается и подвергается категоризации системой восприятия в соответствии с нашим опытом, ожиданиями и планами. Например, вы ожидаете важного телефонного звонка. Наконец, звонок раздается, но на линии много помех, и голос в трубке звучит неразборчиво. Однако вы, скорее всего, безошибочно опознаете в зашумленной помехами конфигурации звуков именно голос своего друга (неполная стимуляция).

Посмотрев на рис. 47, вы без труда ответите, что на нем изображено. Конечно же, это собака! Однако на самом деле поверхность рисунка заполнена пятнами одинаковой яркости, и верная отгадка возможна лишь как результат решения сложной перцептивной задачи. Таким образом, восприятие представляет собой не пассивную переработку сенсорной стимуляции, а активный процесс сбора, анализа и интерпретации информации.

7.2.1. Цикличность восприятия. Понятие схемы как основного принципа организации потока информации

У. Найссер использует для обозначения системы анализа сенсорной информации, которым мы руководствуемся в акте восприятия, термин «схема». *Схема — это активный организатор опыта, который подготавливает субъекта к принятию информации строго определенного типа* (первым начал исследовать влияние схем Ф. Бартлетт). Схемы по существу являются оперантом долговременной памяти (см. гл. 8) и детерминируют вклад прошлого опыта (как индивидуального,

так и генетического) в наличное восприятие. Психика располагает арсеналом разнообразных схем, взаимодействующих друг с другом сложным образом. Более широкие (например, схема организации пространства) и более узкие (например, понятие «четвероногие животные») схемы как бы «вложены» друг в друга. Поэтому можно сказать, что восприятие является результатом взаимодействия схемы и наличного потока сенсорной информации.

У. Найссер предложил *модель перцептивного цикла* (цикла восприятия), которая объясняет, как мы используем схемы при восприятии мира. Модель Найссера включает в себя три составляющих, закономерно взаимодействующих между собой: схему, исследование и объект внешнего мира (рис. 48).

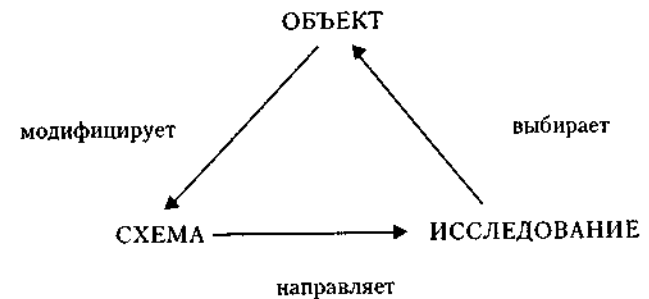

Рис. 48. Модель перцептивного цикла, по У. Найссеру (1981)

Схема — это та часть перцептивного цикла, которая является внутренней по отношению к воспринимающему, она модифицируется опытом и специфична в отношении того, что воспринимается. Схема принимает информацию и сама изменяется под влиянием этой информации. Схема направляет исследовательскую активность, благодаря которой открывается доступ к новой информации, вызывающей, в свою очередь, дальнейшее изменение схемы.

Схемы формируются и развиваются по мере накопления опыта. Сначала они грубы и приблизительны, но со временем становятся все более дифференцированными и точными. Эволюционно важно, чтобы даже новорожденный ребенок обладал рядом схем. Так, например, установлено, что способностью оценивать удаленность объектов располагают уже дети в конце первого года жизни. Э. Гибсон (1960) был проведен следующий эксперимент. Детей выпускали на специально организованную поверхность: обычный непро-

Рис. 49. Экспериментальная установка, имитирующая «обрыв», Э. Гибсон

зрачный пол переходил в стеклянный настил, так что создавался зрительный «обрыв» (рис. 49).

Конечно, экспериментальная установка была абсолютно безопасна для ребенка, при этом возникла зрительная иллюзия «пропасти». Дети наотрез отказывались ползти в зону «обрыва», даже когда их пытались заманить туда привлекательными игрушками. Было показано также, что дети справляются с задачей оценки направления движения. Уже на первом месяце жизни они уклоняются от движущегося прямо на них объекта и не реагируют,

если объект движется под углом к ним.

Крайне важно, чтобы задатки восприятия вовремя были поддержаны соответствующим опытом. В противном случае схема замирает и не развивается. Об этом говорят данные, полученные в серии экспериментальных исследований над животными (по этическим соображениям проводить такого рода эксперименты над людьми нельзя). К. Блейкмор и Г. Купер (1970) выращивали котят в цилиндрических вольерах, одна половина стен которых была окрашена в вертикальные полосы, а другая половина — в горизонтальные. Когда котята выросли и попадали в нормальную среду, их поведение свидетельствовало о том, «вертикальные» животные воспринимают только вертикально ориентированные объекты, а «горизонтальные» животные — только горизонтальные. Например, когда исследователи протягивали им палочку вертикально, кошки, выращенные в первых условиях, принимались хватать ее, в то время как другая группа их игнорировала. Если же правила менялись и палочка подавалась горизонтально, кошки из второй группы включались в игру, а первые не проявляли к ней интереса. Таким образом, существуют определенные оптимальные периоды для развития восприятия. В особенности это касается человеческих форм восприятия: восприятия речи, лиц и т.д.

Данные Р. Хелда и А. Хейна (1963) показывают, что критическую роль в развитии восприятия играет собственная активность воспринимающего. В их опытах, так же как и в опытах Блейкмора и Купера, пары котят воспитывались в темноте. Только на несколько часов в день их выпускали в полноценную зрительную среду, помещая при этом в специальное устройство — карусель. Причем один котенок сидел в корзинке и пассивно воспринимал окружающий мир, а другой служил своеобразной «лошадкой»: он был запряжен в тележку и вращал карусель, где находился его брат. Оказалось, что у активного котенка зрительное восприятие формировалось нормально, в то время как пассивный котенок вырастал практически слепым, хотя физиологически был здоров.

Подытожив изложенное, можно утверждать, что понятие схемы помогает объяснить, как мы заполняем «пробелы» в сенсорной информации, как отсекаем избыточную информацию и как выбираем нужную интерпретацию из набора равновероятных альтернатив. Другими словами, *схема — это способ организации новой информации в соответствии с уже существующей*. Она «подсказывает» субъекту, что может означать тот или иной паттерн (от англ. pattern — узор) стимуляции. Восприятие носит циклический характер: мы отбираем поступающую информацию, основываясь на предсказаниях существующих у нас схем, а затем изменяем схемы в соответствии с поступающей информацией. В следующих разделах мы проследим, как схемы организуют различные аспекты нашего восприятия.

7.2.2. Восприятие пространства

Для того чтобы воспринять внешний мир во всей его полноте, нам необходимо правильно идентифицировать объекты, т.е. ответить на вопросы: движутся окружающие нас объекты или находятся в покое; какие объекты дальше, а какие ближе к нам; какие группы стимулов объединены в целостные объекты?

Установление факта движения является, пожалуй, самой важной задачей восприятия. Именно движущиеся объекты представляют биологический интерес для живого существа (то, что передвигается, может оказаться или подходящей жертвой, или опасным хищником). Поэтому многие животные реагируют только на движущиеся объекты. Например, паук погибнет от голода, но не заметит парализованную муху в своей паутине, так как способен воспринимать только подвижную жертву. Изменение местоположения на сетчат-

ке стимула со схожими характеристиками однозначно интерпретируется мозгом как движение. На этом факте основывается не только феномен кажущегося движения, открытый М. Вертгеймером (см. гл. 2), но и технологии кино и мультипликации. Однако часто нам приходится решать задачу «на движение», исходя из оценки изменения расстояния между объектами.

В разделе 7.1.3 уже было описано явление бинокулярного параллакса, т.е. физиологического различия между осями зрения двух глаз. На основании бинокулярного параллакса мозг непосредственно оценивает расстояние до объекта. Однако мы можем выносить суждения о глубине и размере объектов, основываясь на данных лишь одного глаза. В этом случае в действие вступают так называемые монокулярные признаки расстояния. Монокулярные признаки расстояния тесно связаны с принятием решения о наличии или отсутствии движения. Среди монокулярных признаков расстояния выделяют признаки относительного размера, интерпозиции, относительной четкости, относительной яркости, градиента текстуры, относительного движения и т.д. Остановимся подробнее на основных из них.

Относительный размер. Из двух объектов дальше от нас находится тот объект, чей образ на сетчатке будет меньшим. В реальности мы всегда имеем дело с конфликтующей информацией: воспринять два объекта разными по размеру и расположенными на одинаковом расстоянии от нас или признать, что субъективно меньший

объект находится дальше от нас. Сложность решения данной задачи можно проиллюстрировать с помощью эффекта Эймса. Исходя из опыта, мы предполагаем, что люди имеют примерно одинаковый размер, поэтому обычно мы считаем, что меньший человек не лилипут, а находится на некотором расстоянии от нас. С другой стороны, схема комнаты включает в себя представление о прямоугольной форме. То есть люди, стоящие у противоположной от нас стены комнаты, кажутся нам равноудаленными. Что случится, если эти две схемы восприятия — схема человека и схема комнаты — вступят в противоборство? Для проверки этого вопроса А. Эймс сконструировал «перекошенную комнату» (рис. 50). Наблюдатель при вос-

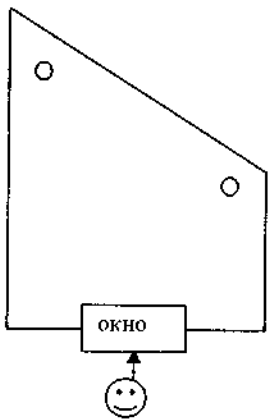

Рис. 50. Схема комнаты А. Эймса

приятию этой комнаты исходит из допущения, что комната имеет стандартную форму, несмотря на то, что левый угол находится на большем расстоянии, чем правый.

Когда в углы комнаты Эймса помещают двух людей, у наблюдателя формируется парадоксальное восприятие. Один человек кажется значительно меньше другого! В данных необычных условиях наше восприятие впадает в ошибку. Мы настолько привыкли к прямоугольным комнатам, что считаем это аксиомой. Оказывается, что нам проще исказить любые помещенные в такой комнате объекты, чем допустить возможность нарушения сложившейся схемы. Однако существуют данные (Р. Грегори, 1970), что в том случае, когда мы точно уверены в размерах объектов, иллюзия не возникает. Так, матери не видят своих детей измененными — они воспринимают их размер нормально и мгновенно разгадывают загадку Эймса.

Иная интерпретация возникает в том случае, когда на сетчатке схожие изображения разного размера разнесены во времени. Такое последовательное уменьшение или увеличение объекта мы воспринимаем как движение. В первом случае нам кажется, что объект удаляется, а во втором — приближается.

Интерпозиция. Если изображение одного объекта частично перекрывает другое, мы воспринимаем его как расположенный на более близком расстоянии.

Относительная четкость и яркость. В связи с тем, что свет, отражаемый отдаленными объектами, рассеивается в большей степени, нечеткие объекты кажутся нам расположенными дальше, чем объекты с выразительными деталями. Э. Росс (1975) просила испытуемых оценить расстояние между белыми дисками, установленными на земле в условиях тумана и в условиях ясной видимости. Испытуемые, которые выполняли задание в туманную погоду, считали, что диски находятся на значительно большем расстоянии друг от друга и от наблюдателя. Кроме того, наша схема пространства включает в себя предположение о наиболее типичном местонахождении источников света (обычно свет падает сверху и слева). Поэтому затемнение части изображения создает ощущение глубины.

Градиент текстуры. Действие факторов относительной четкости и яркости объектов проявляется и в том, что мы оцениваем смену крупных и отчетливых объектов более мелкими и более тесно расположенными как сигнал увеличения расстояния (рис. 51).

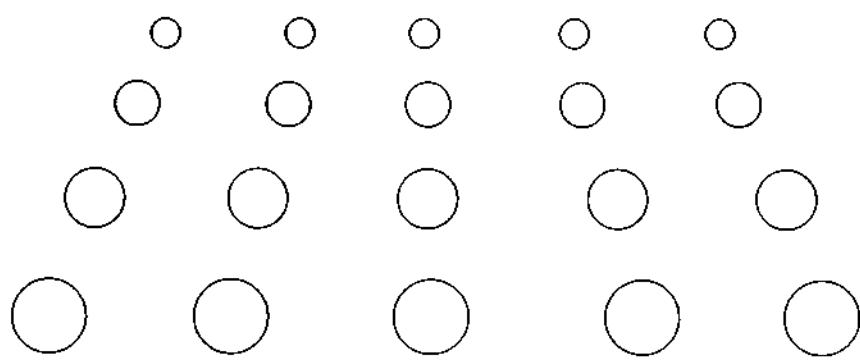

Рис. 51. Градиент текстуры

Относительное движение (двигательный параллакс). Мы воспринимаем не просто движение изолированных объектов в пространстве, но и изменение их взаимного расположения. Кроме того, мы сами осуществляем различные движения, что приводит к огромной вариативности сетчаточных проекций даже одного и того же объекта восприятия. По законам оптики проекции близлежащих к глазу объектов перемещаются с большей амплитудой, чем проекции равных по размеру удаленных объектов, поэтому на основании оценки относительной скорости перемещения сетчаточных изображений мы способны определять расстояние между объектами. Если и мы перемещаемся в пространстве относительно объекта восприятия, тогда к зрительной импульсации добавляется проприоцептивная импульсация, идущая от наших органов движения, и при обработке нервной системой оба информационных потока соотносятся, что позволяет отличать ситуации, когда объекты неподвижны, а движемся мы, от ситуаций, когда движутся объекты, а мы остаемся в покое. Одну из иллюзий, вызванную работой этих механизмов восприятия движения, переживал практически каждый: если смотреть в окно вагона плавно трогаящегося поезда, то в первый момент создается впечатление, что начал двигаться сам перрон, а не поезд.

Для того чтобы распознать целостные объекты, нам необходимо выяснить, какие группы стимулов составляют части предметов. Это предполагает, что должны существовать способы эффективного структурирования потоков ощущений. Основные принципы группировки стимулов в зрительном поле были описаны гештальтпсихологами (см. гл. 2). Основные принципы организации феноменального поля представлены на рис. 52.

Принцип близости. Элементы, которые близки друг к другу в пространстве или во времени, кажутся объединенными в группы. На рис. а вы видите три пары вертикальных колонок, а не набор кружков.

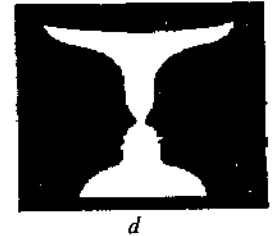
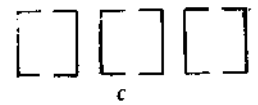
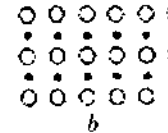
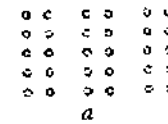

Рис. 52. Принципы организации феноменального поля

Принцип непрерывности. Существует тенденция следовать в направлении, позволяющем связывать элементы в непрерывную последовательность. На рис. а вы воспринимаете колонки в направлении сверху вниз.

Принцип сходства. Подобные элементы воспринимаются совместно, образуя замкнутые ряды. На рис. б круги и точки объединяются соответственно с кругами и точками, так что вы видите ряды кругов и ряды точек, а не колонки как в предшествующем примере.

Принцип замыкания. В нашем восприятии существует тенденция завершения незаконченных предметов и заполнения пробелов в образе. Фигуры на рис. с вы воспринимаете как квадраты, хотя их контуры не замкнуты.

Принцип простоты (прегнантности). В восприятии происходит организация стимулов таким образом, чтобы получившаяся фигура была максимально симметричной, простой и устойчивой. Квадраты с являются примерами прегнантных («хороших») фигур.

Принцип выделения фигуры из фона. Восприятие работает таким образом, что мы склонны разделять зрительное поле на объект (фигуру) и задний план (фон), на котором она располагается. При этом фигура кажется более яркой. Пример d — это двусмысленное изображение, в котором фигура и фон флуктуируют (сами меняются местами), поскольку изображение сконструировано так, что перцептивные гипотезы относительно того, что следует считать фигурой, а что фоном, выступают как равновероятные. Таким образом, вы видите то вазу, то два профиля.

Можно сказать, что принципы организации объектов в пространстве, открытые в гештальтпсихологии, — это широкие схемы У. Найссера. Они позволяют субъекту произвести первоначальное структурирование хаотических потоков стимуляции и подготовить следующий этап восприятия — *распознавание, категоризацию и классификацию отдельных объектов.*

7.2.3. Распознавание и категоризация объектов

Важнейшей особенностью восприятия является его *предметность*. Мы слышим не набор звуков, а слово, видим не конфигурацию поверхностей, а вещь. Образы восприятия презентуют человеку мир как систему объектов, имеющих определенные устойчивые предметные характеристики (социальные значения), на основе чего и становится возможной человеческая деятельность.

Рассмотрим *механизмы категоризации* (определение предметного значения) на примере одной из сложнейших проблем восприятия — распознавание речи. На элементарном уровне она сводится к вопросу: как мы воспринимаем буквы и звуковые единицы, из которых впоследствии складываются речевые структуры — слова и предложения? На начальном этапе исследований в психологической науке были выдвинуты две гипотезы: *гипотеза сравнения с эталоном* и *гипотеза черт*. Первая предполагала, что восприятие той или иной буквы происходит по принципу точного однозначного соотношения с эталоном («идеальной» схемой буквы, хранящейся в системе долговременной памяти). Однако, во-первых, такой способ распознавания должен быть признан крайне неэкономным. Ведь нам пришлось бы иметь точные идеальные изображения букв всех знакомых нам алфавитов (включая сюда и нотные, цифровые и т.д. знаки). Во-вторых, мы легко опознаем написанные буквы, несмотря на бесконечное множество их конкретных начертаний (после определенной тренировки можно научиться читать даже перевернутый текст). Кстати, до сих пор не разработана компьютерная программа, которая смогла бы сортировать различные буквы вне зависимости от особенностей почерка. То, что по силам людям, не под силу машине!

Гипотеза эталона получила свое развитие в *гипотезе черт* (Сэлфридж, 1955). В ней предполагалось, что каждый символ кодируется с помощью комбинации простейших деталей — эталонов и ключевых связей между ними. Так, например, буква А — это три линии, две из которых расположены под углом 30 градусов, а третья — горизонтальная — пересекает их посередине. Гипотеза черт включает в себя гипотезу эталонов (должны существовать схемы-эталонны первичных элементов стимулов), но она гораздо экономичнее. Данные в пользу гипотезы черт были получены Г. Кинни, М. Марсеттой и Д. Шоуменом (G. Kinney, M. Marsetta, D. Showman, 1966). Они предъявляли испытуемым на короткое время букву G и просили опознать ее. Естественно, что испытуемые часто ошибались. Однако их ошибки носили регулярный характер: в 72% случаев они пу-

тали G и C, в 21% случаев они путали G и O, и только в 3% случаев ошибок приходилось на B или цифру 9. Других ошибок не наблюдалось вовсе. Таким образом, для ответов испытуемые выбирали объекты со сходным набором деталей. Ошибки же, по мнению авторов, происходили потому, что испытуемые не успевали проанализировать все черты стимула.

Получены данные, свидетельствующие, что гипотеза черт верна и для распознавания устной речи. Правда, возникал вопрос, что представляют собой «черты», т.е. элементарные единицы звуковой стимуляции? Н. Хомский и М. Халл (M. Chomsky, M. Hall, 1968) предложили в качестве «черт» для звуковой информации три параметра: 1) свойство гласности /согласности звука; 2) свойство звонкости / глухости, связанное с тем, что для того, чтобы извлечь звонкий звук, говорящий выпускает воздух одновременно с вибрацией голосовых связок, а для того, чтобы извлечь глухой звук, воздух должен покинуть голосовой аппарат до начала вибрации и 3) место артикуляции звука, т.е. то место, в котором речевой аппарат сжимается при произнесении звука. По признаку места артикуляции все согласные звуки подразделяются на *билабиальные* (губы закрыты, например «п» и «м»), *лабио-дентальные* (нижняя губа прижата к зубам, например «ф» и «в»), *альвеолярные* (корень языка прижат к альвеолам, например «т» и «д») и *задненебные* (язык прижат к мягкому небу, например «к» и «г»).

Г. Миллер и П. Найсли (G. Miller, P. Nicely, 1955) предлагали испытуемым опознать на фоне шума звуки «б», «п» и «т». Они предположили, что если гипотеза Хомского и Халла верна, то испытуемые будут с большей вероятностью путать между собой согласные, которые различаются минимальным количеством параметров. Например, звук «б» отличается от звука «п» только параметром звонкости / глухости, а от звука «т» — и местом артикуляции (звук «б» — билабиальный, а звук «т» — альвеолярный), и параметром звонкости / глухости. Экспериментальные данные подтвердили, что испытуемые значительно чаще смешивают звуки, отличающиеся одной «чертой», чем двумя. Другими словами, испытуемые часто путали «б» и «п» и редко — «б» и «т».

Установлено также, что восприятие звуков речи носит категорический характер, т.е. происходит по принципу или/или. *Категорическое опознание* — это такой тип восприятия, когда объекты опознаются, как принадлежащие к разным категориям, и исключается возможность их градации в пределах одной категории. Например, мы не можем оценить некоторый звук как средний между «б» и «п». Поскольку глухие и звонкие согласные различаются соотношением

момента выпуска воздуха и вибрации голосовых связок, то для глухих звуков выпуск воздуха несколько запаздывает. В случае с парой «б» — «п» эта задержка составляет около 60 мс. Л. Лискер и А. Абрамсон (L. Lisker, A. Abramson) в 1970 г. провели остроумный эксперимент для демонстрации эффекта категорического восприятия звуков речи. С помощью компьютера они генерировали искусственные звуки, в которых интервал между выдохом и вокализацией варьировал от -150 до 150 мс. Испытуемым же надо было ответить на вопрос: «Что вы слышите: «б» или «п»?».

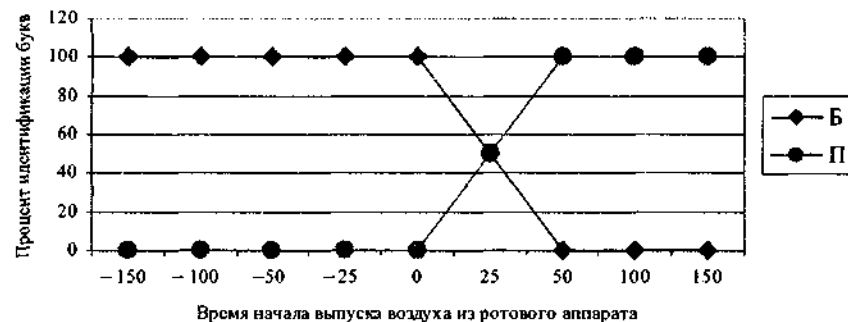

Рис. 53. Процент идентификации звука как «б» или как «п» в зависимости от времени начала звучания голоса, по Лискеру, Абрамсону, 1970

Как видно из рис. 53, до времени задержки вокализации в 25 мс все испытуемые слышали звук «б», а после этого момента они воспринимали уже звук «п». Нельзя было обнаружить сколько-нибудь четко выделенного периода взаимоперехода звуков. Таким образом, гипотеза черт объясняет, как из изолированных ощущений с помощью элементарных схем — черт формируются образы сложных объектов.

Однако в реальности мы имеем дело не с отдельными буквами или символами, а с осмысленными высказываниями, и здесь большую роль играют схемы более высокого порядка. С ними, например, связано явление «схватывания» слов, которые часто встречаются в языке, или ошибки корректоров, пропускающих опечатки из-за того, что они «видят» буквы, которые должны быть в том или ином месте слова, исходя из контекста. Я. Стюарт-Гамильтон приводит исторический пример печальных последствий такого рода ошибок предвосхищения. В 1632 г. в Англии вышла в свет Библия, которая тут же получила прозвище «нечестивая». В тексте этого

издания в седьмой заповеди был допущен пропуск частицы «не», так что она звучала: «прелюбодействуй!» Человек, считывавший верстку, просто не мог себе представить подобного кощунства и поэтому не заметил его.

Еще одной гипотезой, показывающей возможный путь категоризации сложных объектов мира «сверху-вниз», является *gunomezа прототипа*. Прототип — это некоторая «главная идея» того или иного объекта. Прототип задает внешнюю рамку опознания объекта, как бы ставя перед субъектом вопрос: входит ли данный стимул в множество N? Показано, что прототип не имеет четко фиксированных границ, так что отнесение объекта к той или иной категории зависит от контекста. Общий контекст восприятия вынуждает нас интерпретировать объект определенным образом. Например, символ O будет опознан как звук «о» в сочетании КОТ или как цифра 0 в сочетании 601.

Роль контекста в отнесении объекта к той или иной категории была показана в эксперименте В. Лабова (1973). Лабов предъявлял испытуемым картинки различных объектов, «похожих на чашку». Объекты варьировали в соотношении ширины основания к высоте (рис. 54).

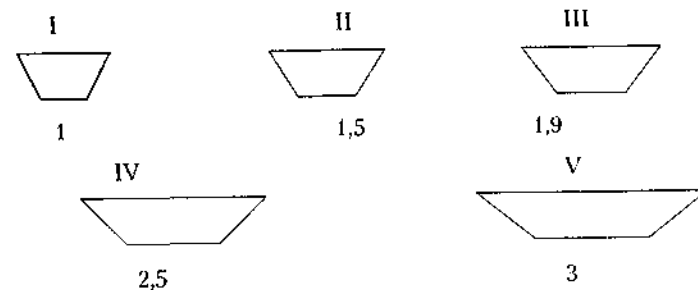

Рис. 54. Различные похожие на чашку объекты, использовавшиеся для определения границ категории «чашка». Отношение ширины основания к высоте указано под рисунком (адаптировано из В. Лабова, 1973)

Испытуемых спрашивали, на что больше похож изображенный объект — на чашку или на миску? В условиях отсутствия контекста для того, чтобы «чашка» превратилась в «миску», отношение между величиной основания и высотой должно было превысить 2,5 (в таком случае 50% испытуемых говорили, что видят чашку, а 50% — что видят миску). То есть объекты 1, 2, 3 однозначно казались испытуемым чашками, а объект 4 — уже миской. Когда же задавался кон-

текст, ситуация менялась. Например, если испытуемых просили представить данные объекты, наполненные картофельным пюре, категориальная рамка опознания их как мисок сдвигалась влево. Объект 3, который в нейтральных условиях распознавался как чашка, превращался в миску. И наоборот, когда испытуемые мысленно наполняли объекты сладким чаем, даже объект 5 все еще воспринимался как чашка.

Почему мы так подробно останавливаемся на данном исследовании? Оно хорошо показывает механизм актуализации вложенных схем, о которых шла речь в разделе 7.2.1. Контекстуальная информация активирует соответствующую ей схему-прототип (чашка), которая включает в себя более элементарный вариант обработки информации (предположение о примерном равенстве основания и высоты у обычных чашек). Далее анализируется конфигурация черт объекта, причем система восприятия как бы «скрадывает» излишек ширины и реализует тенденцию воспринимать объект как чашку настолько возможно долго. Таким образом, *гипотеза черт* и *гипотеза прототипа* не являются взаимоисключающими, а дополняют друг друга, представляя различные уровни функционирования схем. В акте восприятия встречаются встречные потоки информации от конкретных черт и от более широкого прототипа, и распознавание происходит в их активном взаимодействии.

Подходят ли описанные выше гипотезы распознавания паттернов информации для понимания того, как мы справляемся с еще одной специфической задачей, не уступающей по сложности анализу речи?

Распознавание лиц настолько важно для эффективной ориентации человека в социальном окружении, что некоторые авторы признают существование особой зоны коры больших полушарий, ответственной за кодирование эталонов лиц наиболее значимых людей. Такую точку зрения подтверждает наличие специфической патологии восприятия — лицевой агнозии, заключающейся в том, что больной не может узнавать знакомые лица и запоминать новые. В пользу того, что лица кодируются в мозге целиком, без дробления на составные элементы, говорит и тот факт, что нам значительно труднее опознать перевернутое изображение лиц, чем объектов другого рода (К. Паттерсон, А. Бэддели, 1977). Попытки повысить качество опознания, научив людей «считывать» лица, исходя из анализа отдельных черт, потерпели неудачу. Так, М. Вудхед, А. Бэддели и Д. Симмондс в 1979 г. тренировали группу испытуемых классифицировать элементы лиц и складывать из них различные комбинации. Проверка результатов обучения проводилась в игровой форме. Испыту-

емые играли роли таможенников. В их задачу входило не пропустить через контрольно-пропускной пункт «преступников», находящихся в розыске. Перед началом игры испытуемым демонстрировали фотографии «преступников», а затем они в случайной последовательности появлялись среди других фотографий. Метод анализа лиц по элементам оказался неэффективным. Испытуемые, прошедшие тренинг, показывали даже худшие результаты, чем наивные наблюдатели. Скорее всего, при восприятии лиц мы пользуемся более осмысленными критериями для классификации, соотнося черты лица с личностными свойствами человека. Действительно, если попросить испытуемых оценить фотографии с точки зрения предполагаемых характеристик запечатленного на них лица (умное лицо, живой взгляд, лукавая улыбка и т.д.), то опознание оказывается гораздо более эффективным, чем в случае анализа по простым физиологическим параметрам (длинный нос, миндалевидные глаза, узкие губы и т.д.). Тогда становится ясно, отчего нам так сложно запомнить лица представителей другой этнической группы. Мы обладаем прототипическими образами лиц своего этноса, связываемыми ту или иную особенность облика с психологическим свойством (например, вздернутый нос — зазнайка). Лица же людей другой расы мы пытаемся опознать на основе прямого анализа физиологических черт и поэтому зачастую впадаем в ошибку. Аналогичными причинами объясняются трудности опознания лица преступника по фотороботу — составленному из элементов изображения.

Деятельностный подход существенно дополняет представления когнитивной психологии о *механизмах предметности восприятия*. Многими исследованиями подтверждено, что содержание сенсорных эталонов определяется той деятельностью, в которой они формируются. В зависимости от того, какие задания получали дети в экспериментах (например, определить, можно ли проташить данный предмет через определенное отверстие или переместить один предмет с помощью другого), у них по-разному складывались и *перцептивные действия* (способы ощупывания, осмотра объектов), и *образы ситуации* (А.В. Запорожец и др.).

А.Л. Ярбус (1965), записывая движения глаз при восприятии сложных изображений (например, известной картины И.Е. Репина «Не ждали»), предлагал испытуемым разные задания (определить возраст изображенных на картине, материальное положение семьи и т.д.) и обнаружил, что характер движения глаз (выделение элементов зрительного поля, точки фиксации, повторные осмотры фрагментов картины), решаемая перцептивная задача (цель

восприятия информации) и содержание сложившегося образа од-
нозначно взаимосвязаны (рис. 55).

1

2

3

Рис. 55. Зависимость траектории движений глаз и точек фиксации от содержания задания, по А.Л. Ярбусу:

1 — картина И. Репина «Не ждали»;

2 — запись движений глаз, соответствующих инструкции: «оцените материальное положение семьи, изображенной на картине»;

3 — запись движений глаз, соответствующих инструкции: «определите возраст изображенных на картине лиц»

Таким образом, содержание деятельности оказывается ведущим условием интеграции всех других описанных нами механизмов предметности восприятия.

7.2.4. Константность восприятия

Явление константности восприятия фиксирует факт относительного постоянства воспринимаемых свойств предметов в широком диапазоне изменения условий восприятия. Еще древнегреческий геометр Евклид удивлялся тому, что законы нашего восприятия не совпадают с законами геометрической перспективы. Мы не просто знаем, что грузовик больше самоката, но и видим это, хотя сетчаточное изображение грузовика может оказаться значительно меньшим, чем изображение самоката, если тот находится далеко. Этот феномен получил название *константности размера*. Зная, что тот или иной объект имеет определенную форму, мы воспринимаем его именно таким, несмотря на то, что под различными углами зрения его проекция на сетчатку может быть иной. Так, книга кажется нам прямоугольником, хотя ее изображение на сетчатке часто принимает форму трапеции, а мяч видится шарообразным, хотя проекция может оказаться эллипсом. В данном случае говорят о *константности формы*. Белый лист кажется нам белым и при ярком свете, и в темной комнате, хотя при этом отражается различное количество света (*константность цвета*).

Существуют различные версии объяснения феномена константности восприятия.

Объяснение, которое дал Г. Гельмгольц, получило название «*теории бессознательных умозаключений*». Гельмгольц предполагал, что система восприятия производит молниеносные вычисления, исходя из постоянства отношения размера изображения на сетчатке и расстояния до него. Эти вычисления носят неосознаваемый характер и происходят автоматически. Например, изображение человека среднего роста, который находится на расстоянии 10 шагов от наблюдателя, составляет 4 мм. Изображение того же человека, но на расстоянии 20 шагов, будет уже 2 мм. В обоих случаях произведение расстояния на величину изображения равняется константе. Поэтому наблюдателю достаточно дважды увидеть один и тот же объект на различном расстоянии от себя, чтобы потом безошибочно удерживать его образ константным.

Другую модель сохранения константности мира в акте восприятия дал Д. Гибсон в 1979 г. Он считал, что важны не сами по себе размер изображения на сетчатке или вычисление расстояния до объекта. По мнению Гибсона, образ в целом непосредственно несет информацию о неизменных свойствах объектов. Условно говоря, пропорции между сетчаточными изображениями остаются стабильными независимо от их абсолютного размера. Этим свойством ча-

сто пользуются криминалисты, когда делают снимки на месте происшествий. Они помещают рядом с неопределенным объектом предмет, размер которого известен всем, например, спичечный коробок. Неважно, каков масштаб фотографии, мы всегда будем правильно воспринимать размер целевого объекта. Концепция Д. Гибсона получила название «*экологической теории восприятия*».

☞ КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Почему говорят о взаимосвязи процессов ощущения и восприятия?
2. В чем заключается основное различие между контактными и дистантными органами чувств?
3. В чем биологический смысл явлений адаптации и сенсбилизации?
4. Каким образом А.Н. Леонтьеву удалось сформировать кожное зрение у группы испытуемых?
5. Каковы монокулярные признаки расстояния между объектами? Что происходит при конфликте различных признаков?
6. Почему мы мгновенно распознаем лица представителей своей расы и затрудняемся в различении лиц представителей чужой расы?

© ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

1. С чем связаны размеры проекционных полей различных анализаторов в коре головного мозга?
 - А. С тем, что различные органы имеют разные размеры, например рука больше носа.
 - Б. С тем, что органы, которые раньше сформировались в филогенезе, имеют большие по площади проекции.
 - В. С тем, что информация, идущая от тех сенсорных поверхностей, которые играют максимальную роль в адаптации животного, должна быть переработана наиболее тщательно.
2. Какие задачи решает психофизика?
 - А. Установление соотношения между объективными раздражителями и субъективными ощущениями.
 - Б. Описание физических свойств нервной системы человека и животных.
 - В. Адаптация законов физики для нужд психологической науки.
3. С помощью какого механизма зрительная система кодирует границы между более темными и более светлыми областями зрительного поля?
 - А. Двигательный параллакс.
 - Б. Детекция направления.
 - В. Латеральное торможение.
4. Каким образом в слуховой системе кодируются звуки частотой выше 50 Гц?
 - А. Звуки различной частоты активизируют разные участки мембраны.
 - Б. Количество нервных импульсов соответствует частоте звука.

В. Кодировается не частота, а интенсивность звука.

5. Каким образом схемы определяют наше восприятие?

- А. С помощью схем мы сопоставляем поступающую стимуляцию с прошлым опытом и классифицируем ее.
 - Б. Схемы позволяют нам быстро уловить главное в потоке информации.
 - В. Схемы регулируют скорость переработки информации.
6. Каковы основные принципы группировки стимулов в зрительном поле, открытые представителями гештальтпсихологии?
 - А. Принципы простоты, замыкания и близости.
 - Б. Принципы градиента текстуры и интепозиции.
 - В. Принципы изоморфности.

Ш ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. *Андерсон Д.Р.* Когнитивная психология. С.-Пб., 2002.
2. *Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д.* Основы психологии. С.-Пб., 2001.
3. *Леонтьев АН.* Лекции по общей психологии. М, 2000.
4. *Линдсей П., Норман Д.* Переработка информации у человека. М., 1974.

Дополнительная

1. *Дружинин В.Н.* Психология общих способностей. С.-Пб., 1998.
2. *Грегори Р.* Разумный глаз. М., 1972.
3. *Грегори Р.* Глаз и мозг. М., 1970
4. *Логвиненко АД.* Психология восприятия. М., 1987.
5. Психология. Учебник для гуманитарных вузов / Под ред. В.Н. Дружинина. С.-Пб., 2001.

Глава 8

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ. ПАМЯТЬ

Я рассматриваю нашу память не как некий инструмент, который что-то случайно задерживает, а что-то случайно утрачивает, но как силу, которая сознательно упорядочивает и мудро исключает. Все, что забывается, по сути дела, давно уже обречено на забвение. И лишь то, что сохранилось в душе, имеет какую-то ценность и для других.

С. Цвейг

8.1. Круг явлений памяти. Искусство памяти в античности и средние века. Феноменальная память. Амнезии.

Процессы памяти

Память — это процесс запечатления, сохранения, воспроизведения и утраты прошлого опыта, который делает возможным использование опыта в деятельности и восстановление его в сфере сознания. Термин «память» удивительно многозначен. Говоря «я помню», человек может иметь в виду совершенно разные вещи. Например, то, что он владеет какими-либо сведениями (я помню, что Париж — столица Франции), что он способен выполнять определенные действия (я помню, как пользоваться китайскими палочками для еды) или возвращаться к событиям, пережитым в прошлом (я помню, как встретил свою первую любовь). К явлениям памяти относят и узнавание.

Способность человека запоминать вызывала интерес уже в глубокой древности. Мнемозина — богиня памяти в греческой мифологии — не только покровительствовала памяти, но и почиталась как мать девяти муз от брака с верховным божеством пантеона Зевсом. Таким образом, признавалось ведущее значение памяти для всех сфер деятельности человека. В современной психологии при-

нято говорить о памяти как о «сквозном» процессе, нарушения которого ведут к расстройству целостной работы психики.

В античной философии память понималась как Дар, роднящий человека с миром Божественного. Платон считал память основной способностью души. Платон утверждал, что существует знание, не выводимое из чувственных впечатлений, что в нашей памяти хранятся формы или шаблоны идей, сущностей, которые душа знала до того, как была извергнута на землю. Знание истины заключено в памяти души, в припоминании некогда виденных всеми душами идей, смутными копиями которых являются все земные вещи. Всякое знание и всякое научение в этом случае есть попытка припомнить сущности, приведя в единство множество чувственных восприятий через соотнесение их с идеальными формами («идеями» вещей). В дальнейшем эта концепция памяти получила развитие в работах одного из виднейших отцов христианской церкви Бл. Августина, который считал память истинной «сокровищницей души» и утверждал, что в конгломерате трех основных способностей души (воля, рассудок, память) именно последняя заключает в себе идею Бога (см. гл. 2).

Однако уже в древности наряду с метафизической трактовкой памяти присутствовала и другая, более близкая к современной: понимание памяти, как «восковой дощечки» (*tabula rasa*), фиксирующей и сохраняющей прижизненные впечатления. В рамках этой трактовки закономерно возник вопрос о тренировке и развитии памяти. Методики улучшения памяти легли в основу целого направления античной и средневековой мысли, названного искусством памяти.

На пиру, устроенном фессалийским аристократом по имени Скопас, поэт Симонид Кеосский, прозванный «медоречивым», исполнил заказанную ему хозяином лирическую поэму. Как только Симонид вышел из зала, крыша здания обрушилась и все участники пира погибли под обломками. Симониду удалось помочь родственникам погибших опознать изуродованные тела, так как он запомнил расположение гостей за столом. Принцип упорядочивания информации с помощью метода мест (*loci*) и лег в основу искусства памяти. Первенство Симонида в изобретении *мнемотехники* было признано уже при жизни: он получил приз хора в Афинах как «изобретатель системы вспоможения памяти» (ок. 477 до н.э.).

В Древней Греции профессиональные ораторы овладевали мнемотехническими приемами в курсе риторики. Детальную процедуру запоминания и воспроизведения длинных речей разработал известный политический деятель Рима Марк Туллий Цицерон (106—

43 до н.э.). Он предложил различать *память на слова* (точное словесное оформление высказывания) и *память на вещи* (значение). В современных классификациях говорят о памяти *механической* и *смысловой*. Цицерон учил, что искусная память состоит из «мест и образов». Содержания, которые предстояло запомнить, следовало воплотить в максимально яркие и неожиданные образы и вообразить разнесенными в виде цепочки в знакомом оратору месте. После этого в нужный момент необходимо просто двигаться мыслью от одного места к другому и «собирать» накрепко запечатленные в памяти идеи.

В средние века разнообразие систем приемов памяти создавались для того, чтобы облегчить запоминание религиозных истин. Литературной вершиной среди систем памяти, сконструированных по модели мест и образов, безусловно, является творение Данте Алигьери «Божественная комедия» (1307—1321). Продвигаясь под водительством Вергилия от периферии к центру девяти кругов ада, автор дает читателю крайне удобный для запоминания перечень грехов и устрашающие образы страдающих грешников.

Овладение искусством памяти приводило к поразительным результатам: так, по свидетельству современников, Сенека мог повторить две тысячи имен в том порядке, в котором они были названы; Луций Сципион помнил имена всех жителей Рима; Кир знал поименно всех солдат своей армии; Митридат Понтийский владел языками всех 22 народов, проживавших в его владениях. Примеры феноменальной памяти встречаются и в наши дни. Гениальный шахматист Александр Алехин в 1933 г. в Чикаго провел одновременно 32 партии, не глядя на доску (т.е. удерживая в памяти все ходы!).

А.Р. Лурия описал в «Маленькой книжке о большой памяти» свои тридцатилетние наблюдения за уникальным «экспериментом природы» — феноменальной памятью С. Шерешевского. Исследования Лурии не обнаружили границ памяти Шерешевского ни *по объему* (он мог запомнить и воспроизвести ряды из 30, 50, 70 и более элементов), ни *по прочности* (вся информация сохранялась в неизменном виде и спустя десятки лет). Главной особенностью этого феномена оказалась предельная *образность памяти*. Запоминающая что-либо, Шерешевский интуитивно прибегал к технологиям, которые много веков назад были разработаны в рамках искусства памяти. Так, однажды его попросили заучить первую строфу «Божественной комедии». Текст был на итальянском языке, которым испытуемый не владел: *Nel mezzo del camin di nostra vita...* («Земную жизнь, пройдя середины...»). Вот как Шерешевский решил эту задачу: «*Nel* — я заплатил членские взносы, и там в коридоре была балерина Нельская; *mezzo* — это женский голос сопрано, я скрипач,

поэтому я поставил рядом с ней скрипача, который играет на скрипке; рядом папиросы «Дели» — это *del*; рядом тут же ставлю камин (*camin*); *di* — это рука показывает на дверь; *pos* — это нос, человек попал носом в дверь и прищемил его; *tra* — он поднимает ногу через порог, там лежит ребенок — это *vita*». Однако такое чрезмерное развитие мнемических способностей неблагоприятно сказывалось на других психических функциях. Шерешевскому было очень трудно решать задачи, требующие абстрактного мышления, жизнь в целом и свое место в ней казались ему не совсем реальными. Он путался в созданных им же самим мире образов и не мог забыть то, что было раз запомнено.

К сожалению, в нашей жизни мы гораздо чаще сталкиваемся не с избыточностью памяти, а с ее дефицитом. Широкий спектр нарушений памяти получил название *амнезий* (от греч. *а* — отрицательная частица + *mneme* = память). По причине возникновения различают *органические* и *аффектогенные* амнезии. Органические амнезии являются результатом поражения мозга, а аффектогенные связаны с психологическими травмами. В этом случае пациент забывает как само травмирующее событие, так и то, что каким-либо образом с ним связано. По динамике течения различают *стационарные* (устойчивые), *прогрессирующие* и *регрессирующие* (с тенденцией к излечению) амнезии. По направленности — *ретроградную* и *антероградную* амнезии. Ретроградная амнезия проявляется в виде нарушения памяти на события, предшествующие травме, в то время как антероградная амнезия — это нарушение памяти на события, происходящие после начала заболевания. При поражении памяти и на отдаленные во времени, и на вновь свершающиеся события говорят об антероретроградной амнезии. В зависимости от того, какой именно процесс памяти страдает в первую очередь, различают *фиксационную* (нарушения запечатления) и *анекфорную* (нарушения воспроизведения) амнезии.

8.2. Память как высшая психическая функция.

Параллелограмм развития

В рамках культурно-исторического подхода процесс развития памяти рассматривается как переход от непосредственной памяти, присущей животным, к произвольно регулируемым, опосредствованным знаками, специфически человеческим формам памяти (об основных принципах данного подхода см. гл. 2). Французский уче-

ный П. Жане (1859—1947), работы которого оказали значительное влияние на концепцию памяти Л.С. Выготского, писал: «Память представляется нам своеобразным действием, изобретенным людьми в ходе их исторического развития, а главное, — действием, совершенно отличным от обычного, автоматического повторения». Согласно П. Жане, в социальном взаимодействии людей возникает новый тип феноменов памяти. Чтобы пояснить свою мысль, Жане приводит в пример племя дикарей, которые посылают часовых на охрану своего лагеря. Часовой значительно удален от лагеря, поэтому в тот момент, когда он видит врагов, первый его порыв — бежать в лес или немедленно вступить в бой с ненавистным противником, но вместо этого он старается незаметно вернуться в лагерь, чтобы сообщить об опасности. Получается, что часовой действует против своего непосредственного желания, преобразуя его в *акт памяти — рассказ*. Как вы видите, логика автора очень близка к рассуждениям А.Н. Леонтьева о социальной детерминации возникновения сознания (см. гл. 3). Следовательно, *истинно человеческая память оказывается порожденной и преобразованной речью*, представляя собой, по словам Жане, «производную форму речи».

Л.С. Выготский раскрывает проблематику *социальности и опосредствования натуральной памяти*, свойственной маленькому ребенку или примитивному человеку, более фундаментально. Доказывая, что превращение памяти из натуральной в высшую психическую функцию начинается тогда, когда человек переходит от использования своей памяти как физиологической способности к господству над ней посредством знаковых систем. Причем сначала используются уже готовые, имеющиеся в культуре знаки (так, мать, отправляя сына в магазин, дает ему листочек со списком необходимых покупок), а потом человек учится сам создавать для себя эффективные мнемические знаковые средства. «Вращивание» знака знаменует собой переход от внешнего развития памяти к внутреннему. При этом меняется и само строение памяти, и то, как человек ею пользуется.

Советский психолог П.П. Блонский предложил генетическую классификацию видов памяти, которая отражает путь развития памяти у ребенка. Генетически первичной является *моторная* память, которую можно зафиксировать уже у месячного младенца. Так, младенец, помещенный в позу кормления, начинает причмокивать губами даже в том случае, если на руки его взял мужчина. Наоборот, оказавшись в непосредственной близости от матери в непривычной позе, он не проявляет готовности к приему пищи. Здесь мы наблюдаем сочетательный рефлекс в моторной сфере, а значит, простейшие явления памяти. Далее появляется *аффективная* (чувственная)

память. На этой стадии развития основанием для формирования реакции служит эмоция. Можно обратиться к известному примеру выработки реакции страха на нейтральные или прежде привлекательные раздражители (кролик) у маленького Альберта в опытах Дж. Уотсона (см. 2.2.4). Следующая стадия — возникновение *образной* памяти, за которой следует высшая форма, свойственная взрослому — *словесно-логическая* память. Именно проблеме перехода от образной к словесно-логической памяти посвящена работа А.Н. Леонтьева «Развитие высших форм запоминания».

Исследование развития высших форм запоминания проводилось А.Н. Леонтьевым с использованием *методики двойной стимуляции*. Напомню, что в данной методике испытуемым предлагается два ряда стимулов. Запоминание одного ряда является прямой задачей (стимулы-объекты), в то время как второй ряд представляет собой так называемые стимулы-средства, с помощью которых и должно осуществляться запоминание. Детям разного возраста и подросткам предлагался список из 15 слов и набор карточек с картинками. Инструкция звучала так: «Когда я назову слово, посмотри в карточку, выбери и отложи такую карточку, которая поможет тебе позже припомнить слово». В контрольных сериях эксперимента карточки испытуемым не предоставляли. Результаты проведенного исследования в виде графика зависимости количества верно воспроизведенных слов от способа запоминания (с карточками или без) схематично приведены на рис. 56.

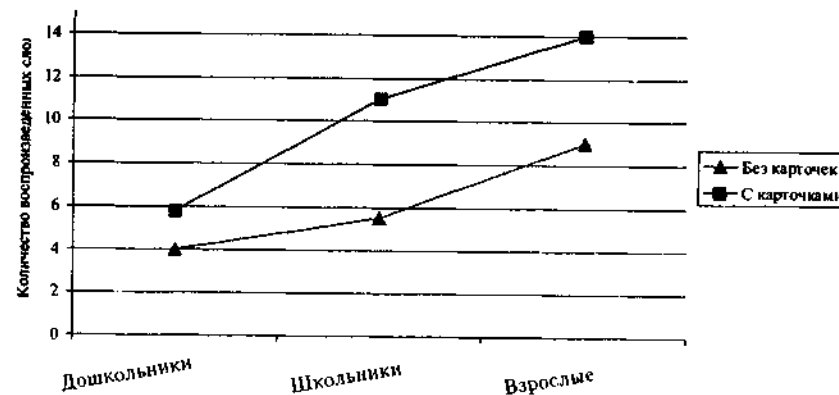

Рис. 56. Зависимость эффективности воспроизведения от способа запоминания, по А.Н. Леонтьеву, 1972

Если присмотреться к графику, то станет очевидно, что он похож на параллелограмм. Поэтому и принцип развития памяти, отраженный на нем, получил название «параллелограмма развития памяти». Его суть заключается в том, что начиная с дошкольного возраста темп развития запоминания с помощью внешних средств (в данном случае карточек) значительно превышает темп непосредственного запоминания, т.е. график, фиксирующий эффективность запоминания с карточками, имеет более крутую форму. Напротив, начиная со школьного возраста, повышение показателей *внешне* непосредственного запоминания идет быстрее, чем возрастание *внешне* опосредствованного. Обратим внимание на слово «внешнее». В том-то и дело, что для стороннего наблюдателя дело выглядит так, как будто взрослые пользуются карточками «все хуже и хуже». Но, по мысли Леонтьева, за внешним пренебрежением к карточкам (внешним средствам запоминания) на фоне все возрастающей эффективности запоминания стоит скрытый процесс «вращения» внешнего средства, превращения его во внутреннее, психологическое средство. *Принцип «параллелограмма запоминания»* представляет собой выражение того общего закона, что развитие высших знаковых форм памяти идет по линии превращения внешне опосредствованного запоминания в запоминание внутренне опосредствованное», — пишет А.Н. Леонтьев.

Таким образом, в ходе становления памяти как высшей психической функции *и в онтогенезе, и в социогенезе память становится, во-первых, опосредствованной различными знаковыми системами (прежде всего речью), во-вторых, произвольной и сознательно регулируемой.* Человек перестает подчиняться своей несовершенной памяти, а начинает управлять ею, организовывать процесс запоминания и воспоминания, структурировать запоминаемые содержания.

8.3. Эмоциональный, мотивационный и волевой компоненты мнемических процессов

Что мы лучше запоминаем? То, что заучили специально, или то, что случайно запечатлелось в нашей памяти? Почему мы не можем вспомнить факт или случай, которые, казалось бы, должны помнить? Какой материал лучше удерживается в памяти: тот, что связан с позитивным или с негативным опытом? Все ли забытое действительно утрачено? Так вкратце можно сформулировать вопросы, на которые отвечает данный раздел главы.

8.3.1. Эмоциональный компонент памяти. Память и стресс

Пожалуй, все психологи сходятся в том, что эмоции оказывают значительное влияние на процессы памяти. Однако часть из них считает, что преимущество как при фиксации, так и при воспроизведении отдается позитивно эмоционально окрашенным событиям. Например, представители психоанализа придерживаются мнения, что неприятные воспоминания, связанные с психологической травмой, с трудом проникают в сознание, в то время как приятные не встречаются на своем пути никаких преград. В литературе (не только психоаналитической) встречается множество описаний забывания травмирующих фрагментов прошлого опыта. В классической работе представителя французской социологической школы П. Жане описан случай некой Ирен, которая была настолько потрясена смертью матери, что в течение долгого времени не могла вспомнить это событие и отказывалась признать, что ее матери больше нет в живых.

Сторонники эволюционных идей считают, что логика биологического развития человеческого вида диктует иную точку зрения: негативный опыт должен запоминаться лучше, так как он представляется более важным для адаптации организма в агрессивной среде. Чтобы справиться с угрозой, необходимо понять ее источники и возможные последствия, другими словами, максимально полно переработать тревожную информацию и сохранить ее для последующего использования в аналогичных случаях. Теория мобилизации-минимизации С. Тейлора (S. Taylor, 1991) утверждает, что опасные стимулы вызывают самую глубокую когнитивную переработку и наиболее надежно отпечатываются в памяти. Однажды столкнувшись с негативным опытом, человек пытается путем внутреннего повторения максимально достигнуть полного осмысления ситуации, разрешить проблему, чтобы быть подготовленным к дальнейшему противодействию обстоятельствам, и поэтому хорошо запоминает его (Е. Клингер, П. Барда, М. Максейнер — E. Klinger, P. Barcla, M. Maxeiner, 1980). Среди советских психологов аналогично рассуждал П.П. Блонский.

Еще одним важным фактором, определяющим эффективность воспроизведения следов памяти, является не знак эмоции как таковой (в момент фиксации или при актуализации), а совпадение состояний запечатления и воспоминания. В состоянии грусти нам легче вспомнить печальные события, а в приподнятом настроении — радостные. Этот эффект получил название «*конгруэнтности настроения*» (от лат. *congruens* — совпадающий).

Возможно также, что эмоциональное состояние имеет значение просто как частный вид общей активации организма. В эксперименте Бэддели (1990) у испытуемых вырабатывались ассоциации на нейтральные и эмоционально насыщенные слова. Половину группы опрашивали сразу же после завершения процедуры заучивания, а вторую — спустя четыре недели. В первом случае преимущество принадлежало нейтральным словам, что, казалось бы, подтверждало гипотезу вытеснения эмоционально окрашенной информации. Однако во втором случае лучше вспоминались эмоционально насыщенные слова. Полученные результаты позволили автору предположить, что высокий уровень активации способствует прочности закрепления следа памяти, но на ранних стадиях затрудняет воспроизведение.

Выше речь шла об общей активации организма в нормальных условиях. В случаях же повышенного возбуждения, следы памяти разрушаются. По данным психологов, работающих в сфере криминалистики, около половины преступников не могут сколько-нибудь точно припомнить момент совершения преступления. То же происходит и с жертвами насилия. Э. Лофтус был описан *«эффект оружия»*. Испытуемые приглашались для проведения исследования в лабораторию. Возле двери стояла скамейка, на которую их просили присесть и подождать несколько минут до тех пор, пока все будет готово к проведению эксперимента. Представители одной группы испытуемых слышали, как за дверью идет обсуждение неполадок в компьютере, потом дверь открывалась, из нее выходил человек с каким-то прибором в руках, здоровался и удалялся. Другая группа слышала, как из-за двери доносился шум борьбы, крики и стоны. Потом дверь распахивалась, и из нее выскакивал человек с огромным окровавленным ножом в руках (конечно, это была всего лишь краска). Впоследствии представителей обеих групп просили, как можно подробнее вспомнить, что они видели. Группа, пережившая стресс, т.е. те, кто повстречался с актером-«преступником», могли воспроизвести значительно меньше деталей события и ошибались при опознании виденного человека, так как их внимание было полностью сконцентрировано на «оружии». По мнению Лофтуса, эффект оружия препятствует эффективному опознанию преступников жертвами преступлений.

Таким образом, можно утверждать, что *сильный стресс ведет к нарушению работы памяти*, что эмоционально окрашенные события запоминаются в целом лучше, чем нейтральные, и что при спонтанном воспоминании некоторое преимущество имеет информация, связанная с положительно окрашенными эмоциями.

Механизмы мотивационно обусловленного забывания в психоанализе. Зигмунд Фрейд предположил, что наряду с простым забыванием, зависящим от времени, значительную роль в психической жизни человека играет забывание, имеющее мотивационно обусловленную природу. Он считал, что мы забываем нечто в том случае, если на самом деле не хотим это помнить. Свое положение Фрейд иллюстрирует многочисленными примерами из обыденной жизни. Он приводит и случай, произошедший с ним самим. Однажды знакомая Фрейда попросила его купить шкатулку для хранения документов. Фрейд охотно взялся исполнить поручение, так как был уверен, что знает, где в городе продают нужный тип шкатулок. Он вышел из дома в приподнятом настроении, однако спустя некоторое время обнаружил, что не может найти искомый магазин. В смятении вернувшись домой, он открыл городской справочник и там нашел адрес магазина. Оказалось, что лавка располагается в том же доме, где живет некий господин, с которым Фрейд как раз недавно поссорился. Таким образом, Фрейд, не отдавая себе в этом отчета, старался избежать случайной встречи с неприятным знакомым. По сути, он не хотел идти туда, но феноменально «забыл дорогу».

Согласно модели Фрейда, *содержание памяти может быть вытеснено в область бессознательного («забытого»)* подвум причинам. Во-первых, это происходит, когда воспоминание несет в себе травматический опыт. Во-вторых, вытеснение имеет место, когда содержание воспоминания само по себе нейтрально, но может быть ассоциативно связано с иным, травмирующим содержанием. Конечно, в этом случае понять истинную причину забывания гораздо сложнее. Исходя из данной теоретической посылки, Фрейд пытался истолковать, почему он трижды забывал купить в писчебумажном магазине свой любимый сорт бумаги (по-немецки *fließpapier*). В результате анализа он пришел к выводу, что данное слово также созвучно с фамилией неприятного для него человека (Dr. Fließ) и посему было вытеснено и, как следствие, забыто. Безусловно, интерпретации Фрейда кажутся во многом надуманными, но поднятый им вопрос о мотивационной составляющей процессов памяти нельзя не признать важным.

Исследования мотивационно обусловленного запоминания и забывания в гештальтпсихологии. В гештальтпсихологии воспроизведение содержания памяти связывается с тем, как относится вспоминаемое событие к потребности, возникшей в данный момент. Актуальная в настоящий момент потребность представляет собой

силу, удерживающую объект в плане сознания. Исходя из этого понимания предполагается, что *доступным для воспроизведения будет то воспоминание, которое относится к цели, реализуемой человеком в данный момент времени*. Остальные, нейтральные к актуальной потребности содержания будут с трудом извлекаться из памяти. Для проверки данной гипотезы было предпринято два критических экспериментальных исследования.

Б.В. Зейгарник изучала *воспроизведение воспоминаний о завершенных и незавершенных действиях*. Испытуемые получали ряд заданий, которые требовалось выполнить как можно быстрее и лучше. В момент наибольшей вовлеченности испытуемых в задание, когда они уже почти достигли конечного результата, часть заданий прерывалась экспериментатором. После завершения экспериментальной серии испытуемых неожиданно спрашивали, какие из заданий они запомнили. Было выяснено, что незавершенные (прерванные) задания воспроизводились почти в два раза лучше, чем завершённые. Данный эффект был назван *«эффектом Зейгарник»* (еще его называют эффектом незаконченного действия) и, по мнению автора, подтверждал исходную гипотезу о связи напряженного состояния психологического поля (потребность довести решение до конца) и продуктивности актуализации воспоминания. Если цель была достигнута и, следовательно, мотивационное напряжение снято, то испытуемые не воспроизводили содержание выполненного задания.

На аналогичных теоретических основаниях Г.В. Биренбаум изучала *воспроизведение намерений к действию*. Испытуемым предлагался ряд математических задач, каждая из которых была напечатана на отдельном листе бумаги. По мере решения задач испытуемые должны были ставить свою подпись внизу каждого листа. После выполнения нескольких заданий делалась пауза, которая заполнялась отвлекающими заданиями, потом испытуемые продолжали прерванную работу. Большинство испытуемых после перерыва забывали подписать первые два листа с решенными заданиями, но потом вспоминали о своем намерении и вновь начинали подписывать листы. Полученные данные интерпретируются как подтверждение гипотезы, так как, по мнению автора, намерение сохранялось лишь до тех пор, пока было включено в целостную систему действий (решение задачи плюс подпись), и забывалось в результате нарушения этой целостности. При «оживлении» психологического поля, соответствующего сложившейся последовательности действий, его составляющие «включались» не одновременно — сначала основной компонент (решение задачи) и лишь с отсрочкой дополнительный (подпись).

Кроме того, был описан *эффект замещающего выполнения намерения*. В том случае, когда основным заданием для испытуемых становилось изображение собственной монограммы, они не сохраняли намерение ставить подпись внизу листа. Объяснение было следующим: схожее задание (монограмма — почти то же самое, что и подпись) способно частично разрядить целевую напряженность, так что после выполнения основного задания сила напряжения потребности оказывалась недостаточной для удержания намерения выполнить дополнительную процедуру подписи.

8.3.3. Проблема произвольной регуляции памяти

Французский философ Анри Бергсон выделил два принципиально различных типа памяти — *«память тела»* (или «память-привычка») и *«память духа»* (или «память спонтанная»). Первый тип памяти направлен на выработку двигательных навыков (в том числе и речевых) и достигается повторением, в то время как второй фиксирует единичные события прошлого и представляет собой яркие образы — воспоминания. Память-привычка произвольна, но часто искажает запечатленную с ее помощью информацию, а спонтанная память не подчиняется волевым усилиям, но при этом сохраняет точные «слепки» реальных событий. В данной дихотомии впервые артикулируется противоречие между произвольностью и эффективностью запоминания. В дальнейших исследованиях это противоречие, связанное с ролью мотивации и воли, по-разному рассматривается авторами, в зависимости от их принадлежности к определенному направлению в психологии.

Деятельностная интерпретация проблемы произвольной регуляции памяти. Проблематика соотношения эффективности произвольной и непроизвольной памяти в зависимости от мотивации получила оригинальное развитие в деятельностном подходе.

В исследовании З.М. Истоминой было показано, что эффективность произвольного запоминания во многом зависит от возраста. По ее данным, произвольная память у детей начинает формироваться к пяти-шести годам, когда происходит выделение особого рода действий, соответствующих целям *«запомнить»* и *«припомнить»*. У детей более младшего возраста произвольное запоминание не эффективно, а имеет место в основном непроизвольное запоминание, которое возникает как побочный продукт иной целенаправленной деятельности. Воспитанников детского сада просили заучить ряд слов. Уровень заучивания оказывался крайне низок. Потом им пред-

лагали сыграть в игру «магазин», в которой те же самые слова, что предъявлялись им ранее, представляли в качестве списка покупок. Таким образом, мнемическая задача встраивалась в игровую деятельность. При такой организации процесса запоминания, когда само по себе заучивание слов становилось действием, подчиненным более широкой деятельности игры, дети намного лучше справлялись с заданием.

У взрослых произвольное запоминание более продуктивно, чем у детей. Взрослым чаще всего удается сознательно контролировать, что и как они запоминают. Причем сознательная цель запомнить позволяет им осуществлять особые мнемические действия, связанные с воспроизведением образа искомого объекта. Так, один из известных отечественных исследователей памяти А.А. Смирнов ссылается на случай, описанный сербским ученым начала XX в. Родославлевицем. В одном из его опытов испытуемый, плохо владевший сербским языком и вследствие этого не разобравшийся в инструкции, около пятидесяти раз повторял вслух ряд бессмысленных слогов. При этом запоминания не наблюдалось. Когда же ему разъяснили, что список надо именно заучить, а не просто повторять, он справился с задачей с шестого раза. Хорошо известно, что экспериментаторы плохо понимают стимульный материал, который предъявляют своим испытуемым, хотя многократно повторяют его. Сам А.А. Смирнов предлагал школьникам заучивать по два равных отрывка текста. При этом сообщалось, что один они должны будут воспроизвести на следующий день, а второй — через две недели. На самом деле опрос проводился через неделю. Цель запомнить на определенный срок (надолго или ненадолго) оказала значительное влияние на то, насколько полно и точно школьники смогли воспроизвести оба текста.

Однако в реальной жизни мы достаточно редко ставим перед собой задачу точно запомнить материал, огромный объем информации попадает в нашу память, на первый взгляд, случайно. А.А. Смирнов также поставил своей задачей исследовать, чем же определяется такое «случайное», т.е. *непроизвольное запоминание*. Для того чтобы выяснить это, он спросил пятерых своих коллег по Психологическому институту о том, что они запомнили из своего утреннего пути к месту работы. Оказалось, что сослуживцы рассказывали главным образом о том, что было связано с основным руслом их деятельности, т.е. с путем на работу. Они хорошо помнили помехи, возникшие на этом пути (например, очередь к билетной кассе в метро) или неожиданные обстоятельства, которые облегчали выполнение их задачи (не опоздать на работу). Кроме этого им запомнилось и то, что было связано с военной темой, волновавшей в те дни всех (один

из испытуемых запомнил заголовок газеты с военной сводкой в руках товарища). Однако они совершенно не помнили тех обстоятельств своего пути, которые не имели отношения к их деятельности («скорее добраться до рабочего места»). Таким образом, было выяснено, что *важнейшим условием непроизвольного запоминания является причастность материала к основному руслу осуществляемой в данный момент деятельности и/или к сфере значимых, устойчивых мотивов*.

П.И. Зинченко в 1961 г. сформулировал данное наблюдение более емко. Он утверждал, что *основная форма непроизвольного запоминания является продуктом целенаправленной деятельности, не мнемической по своему характеру*. Методика его эксперимента заключалась во включении материала (запоминание которого впоследствии тестировалось) в деятельность, не связанную с запоминанием. Испытуемым предъявлялось 15 карточек, в центре которых были изображения различных бытовых предметов, игрушек, фруктов, животных, а в углу — цифры. Одной группе испытуемых предлагалось расклассифицировать изображения предметов, а другой — составить возрастающий числовой ряд из цифр. При тестировании обнаружилось, что те, кто выполнял задачу на классификацию предметов, вспоминал цифры почти в 10 раз хуже, чем предметы. Те же, кто имел дело с числовым рядом, наоборот, практически не могли воспроизвести предметы, которые видели на карточках. Таким образом, была выявлена *высокая продуктивность непроизвольного запоминания картинок и чисел там, где они были предметом деятельности, и плохая эффективность там, где они были лишь фоновыми раздражителями*.

В следующей серии экспериментов П.И. Зинченко предлагал испытуемым два набора по 15 карточек с изображениями предметов. Требовалось или составить пары карточек по совпадению первых букв названий предметов (мяч — молоток), или объединить пары по смыслу (молоток — гвоздь). При втором варианте инструкции испытуемые могли вспомнить значительно большее количество карточек, чем при первой. Так, было отброшено сомнение некоторых критиков П.И. Зинченко, которые считали, что полученный эффект можно было свести к проблеме внимания. Важным фактором эффективности непроизвольного запоминания оказалась не только включенность материала в выполняемую деятельность, но и сложность самой деятельности, ее «энергоемкость» для испытуемого. После целого ряда уточняющих экспериментов, был сделан вывод о том, что *оптимальным для непроизвольного запоминания является соответствие материала целевому уровню деятельности*.

Теория уровневой переработки информации. Теория уровневой переработки информации, предложенная в 1972 г. канадскими когнитивными психологами Ф. Крейком и Г. Локхартом, отталкивалась от работ П.И. Зинченко, показавших, что включение материала в более сложную деятельность ведет к его лучшему запоминанию. Данная теория утверждает, что *качество следа памяти является функцией глубины (широты, полноты) переработки информации.* Авторами постулируется, что воспринятая информационная единица последовательно проходит ряд стадий переработки:

- первичный анализ сенсорных качеств объекта;
- распознавание отдельных признаков;
- семантическая обработка (определение значения);
- самореференция (соотнесение с «Я»-системой).

На выделение именно такой последовательности уровневой структуры переработки оказала влияние модель А. Трейсман, предложенная несколькими годами ранее (см. гл. 6). По Крейку и Локхарту, уровень воспроизведения информации определяется целью действия субъекта во время кодирования информации. Другими словами, в том случае, если испытуемому надо грубо оценить стимул (например, ответить на вопрос: справа или слева на листе напечатано слово) требуется только первичный анализ. Если задача включает более сложную обработку (например, ответить на вопрос: рифмуются ли слова в паре) необходимо провести и первичный анализ, и распознать отдельные признаки (фонетические). Задача, решение которой предполагает анализ значения материала (например, найти синонимичные слова), включает в себя уже последовательную переработку на трех уровнях: первичного анализа, отдельных признаков и семантическом. А задача на соотнесение материала с личностью испытуемого (например, ответ на вопрос: описывает ли данное слово особенности вашего характера) задействует все возможные уровни переработки. Соответственно *с усложнением процесса переработки возрастает и эффективность запоминания материала.*

Многочисленные эксперименты, проведенные в рамках теории уровневой переработки информации, убедительно показали зависимость эффективности запоминания («глубины кодирования», в терминологии авторов) от того, какого уровня переработки достигла воспринятая субъектом информация. При этом проблема произвольности снималась с повестки дня. Авторы были уверены, что только глубина переработки, а не желание запомнить материал важны для запоминания. Так, в эксперименте Т. Хайда и Дж. Дженкинса (Т. Hyde, J. Jenkins, 1973) испытуемым давалась задача на анализ

отдельных свойств (есть ли в словах буквы «e» и «g») и на семантический анализ (приятное или неприятное явление обозначает слово). При этом одной группе сообщали, что впоследствии будет проверяться качество запоминания материала, а другой — нет. Полученные результаты показали, что *глубина переработки информации оказывается более значимой, чем различия между ситуацией произвольного и произвольного запоминания испытуемыми* (т.е. введение дополнительной цели «запомнить» параллельно с целью «выполнить» основное задание не оказывает существенного влияния на результат запоминания).

Теория уровневой переработки информации на сегодняшний день является одной из самых влиятельных в психологии. Однако, концентрируясь на объективных требованиях задачи, представители данной теории упустили из виду аспект собственной активности субъекта, тот факт, что человек сам ставит перед собой задачу, а не слепо следует инструкциям.

8.3.4. Проблема доступности запечатленной информации.

Эксплицитная и имплицитная память.

Эффекты предшествования

Каждый из нас часто сталкивается с ситуацией, когда он не может вспомнить нечто, что должно присутствовать в памяти. Действительно ли мы окончательно забываем то, что, как нам кажется, не способны воспроизвести? По критерию доступности воспоминания для введения в оборот сознания разделяют *эксплицитную* и *имплицитную* память. «Память означает использование и участие предыдущего опыта в настоящем поведении», — писал Л.С. Выготский. Приходится констатировать, что порой это участие происходит помимо нашего сознания и воли. Спросите опытного машинистку, где точно находится клавиша с буквой «Д» на клавиатуре компьютера. Скорее всего, она затруднится с ответом. Однако такое забывание ничуть не мешает ей отлично печатать тексты.

Эксплицитная память — это тип памяти, который включает в себя произвольную и сознательную актуализацию зафиксированного опыта. *Имплицитная память* — это тип памяти, в рамках которого не удастся произвольно и сознательно актуализировать опыт, наличие которого в памяти может быть выявлено косвенными методами.

Общий пафос исследователей имплицитной памяти можно выразить словами: забытое все еще существует в нашей памяти! Данные, полученные в подтверждение этого тезиса нейрофизиологом

У. Пенфилдом в 1959 г., вызвали настоящую сенсацию в научном мире. В ходе хирургических операций по устранению эпилептических очагов Пенфилд вводил в мозг пациентов тонкие металлические электроды. Электрическая стимуляция височных долей мозга вела к тому, что пациенты (они находились в сознании) сообщали о необычайно ярких воспоминаниях, которые были им недоступны в нормальном состоянии. Чаще всего это были сцены из раннего детства. В другом исследовании пациентам, находящимся под наркозом, зачитывали названия животных. После пробуждения они не могли воспроизвести ни одного слова из списка. Однако когда их попросили назвать первых пришедших им на ум животных, они чаще вспоминали именно тех, что были им зачитаны.

Т. Нельсон в 1971 г. просила испытуемых заучить наизусть 20 парных ассоциаций «число — существительное». Через две недели они правильно воспроизводили 75% существительных в ответ на предъявление чисел-стимулов. Нельсон сконцентрировалась на тех 25%, что, казалось, были забыты. Испытуемым снова предъявляли 20 пар слов. Из них половина состояла из старых чисел и новых существительных, а половина повторяла пары, заученные в предыдущей серии. После однократного предъявления ряда испытуемые могли воспроизвести 43% измененных пар и 78% неизмененных. Остроумный эксперимент в 1989 г. был проведен Л. Якоби. Сначала испытуемые прослушивали серию предложений. Затем им предлагали принять участие в опыте по оценке громкости различных шумов. Шумы подавались в наушники одновременно с предложениями, среди которых были как новые, так и уже звучавшие ранее. Шумы, звучавшие на фоне уже предъявлявшихся предложений, казались испытуемым тише, чем те, что звучали на фоне новых. Другими словами, испытуемые лучше слышали старые предложения, так как имплицитно помнили их, хотя и не отдавали себе в этом отчета. Все описанные выше явления получили название «*эффектов предшествования*». Именно на основании эффектов предшествования делают вывод о наличии информации в имплицитной памяти. Надо заметить, что зависимость между энергоемкостью задачи, в которую включен мнемический материал, и эффективностью запоминания, выявленная в рамках теории уровней переработки информации, *не действует для имплицитной памяти*).

Близким к понятию эффекта предшествования является *эффект неосознаваемой установки*, описанный в школе грузинского психолога Д.Н. Узнадзе. Неосознаваемой установкой называется готовность субъекта к совершению определенного действия или к реагированию в определенном направлении, являющаяся результатом

его прошлого опыта. Различаются *перцептивные* (относящиеся к сфере восприятия), *моторные* (относящиеся к двигательной сфере) и *интеллектуальные* (относящиеся к сфере мышления) установки. Например, в классическом эксперименте школы Узнадзе испытуемому давали в каждую руку по шару. Причем один из них (например, в правой руке) постоянно был тяжелее, чем второй. Пробы повторялись около десяти раз. Потом неожиданно испытуемому давали два равных по весу шара. В этом случае ему казалось, что тот шар, который в предшествующих пробах всегда был тяжелее (в правой руке), легче второго, хотя объективно они, конечно же, были одинаковы. Испытуемый имплицитно помнил о том, что шар в правой руке тяжелый и поэтому реальный вес шара вступал в психологический конфликт с весом ожидаемым. Тот факт, что действие установки носит неосознаваемый характер был доказан в несколько модифицированном эксперименте, когда установочная серия проводилась под гипнозом, а контрольная (шары равного веса) — в бодрствующем состоянии.

8.4. Репродуктивный и продуктивный аспекты памяти

Раздельное рассмотрение памяти как процесса точной репродукции запечатленного материала или как процесса активного конструирования материала при воспроизведении, конечно, является весьма условным. Ориентация на крайние точки континуума репродуктивность — продуктивность привели бы нас к исчезновению самого феномена памяти. В первом случае память превратилась бы в пассивное хранилище информации, своеобразный довесок к процессу восприятия, а во втором — в воображение. Однако различные подходы к исследованию памяти рассматривают тот или иной аспект ее функционирования.

8.4.1. Память как репродуктивный процесс

Г. Эббингауз — представитель классической психологии сознания занимался исследованиями памяти всего два года. Несмотря на это, его работа увенчалась выходом фундаментального труда «О памяти» (1885), который на десятилетия стал ведущим изданием в этой области. Эббингауза волновали три группы процессов памяти: 1) возникновение ассоциаций (т.е. запоминание и узнавание); 2) судьба ассоциаций (т.е. сохранение и забывание) и 3) процесс

воспроизведения. Эббингауз хотел исследовать память при помощи строгого эксперимента. По его мнению, слова или отрывки текста для такого исследования не подходили, так как были уже отягощены многочисленными ассоциативными связями. Эббингауз создал особый материал для исследований памяти, который был свободен от старых ассоциаций и поэтому ничто не могло помешать контролировать процесс образования и разрушения новых ассоциаций. Это были 2300 бессмысленных слогов, построенных по схеме согласная — гласная — согласная (ВУХ, КАЗ, БИЖ и т.д.). Эббингауз составлял из подобных слогов ряды и старался заучить их. Во время своих опытов он объединял в одном лице и экспериментатора, и испытуемого. Наибольшую известность приобрел изобретенный им *метод сбережения* (экономии). Он заключался в том, что испытуемый сначала повторял ряды бессмысленных слогов до тех пор, пока не смог воспроизвести их безошибочно. Спустя некоторое время проводилась проверка. Конечно, испытуемый обычно не способен снова воспроизвести все ряды без ошибок (вообще учить бессмысленные слоги достаточно неблагоприятное занятие!). Тогда он снова начинал повторять их до полного заучивания. После этого подсчитывалось количество повторов, которое потребовалось для полного заучивания в первом и во втором случаях. Разность этих чисел (количество повторов при первичном заучивании — количество повторов при втором заучивании) и составляло «экономии». Ряд важнейших законов памяти был установлен Эббингаузом на материале бессмысленных слогов.

Во-первых, это *закон накопления и распределения повторений*, в окончательной форме сформулированный Йостом (*закон Йоста*). Данный закон отвечает на вопрос: что более эффективно, заучивать весь материал сразу или распределить заучивание на несколько приемов? Испытуемые получали 12 слогов, которые могли повторить 24 раза. Причем они могли делать или по 8 повторов за 3 дня, или по 4 повтора за 6 дней, или по 2 повтора за 12 дней. Последний этап давал максимальный эффект. Таким образом, в упрощенной форме закон Йоста звучит так: *при фиксированном количестве повторений, распределенные во времени повторения оказываются более эффективными, чем одновременные*. Для объяснения полученного эффекта прибегали к гипотезе Мюллера — Пильцекера — которая предполагала, что обусловленные упражнением биофизические процессы продолжают еще некоторое время после окончания заучивания, что приводит к закреплению следов памяти после каждой серии повторений. Педагоги до сих пор пользуются законом Йоста при планировании учебных нагрузок.

Во-вторых, был открыт «*позиционный эффект*». Позиционный (краевой) эффект заключается в том, что *при заучивании расположенных в ряд элементов, хуже всего запоминаются элементы, несколько смешанные от центра к концу ряда*.

В-третьих, была создана знаменитая «*кривая забывания*», показывающая зависимость забывания материала от времени. Как видно на рис. 57, кривая, полученная Эббингаузом, не линейна: сначала она круто падает с достигнутой высоты, а затем продолжает падать с все прогрессирующим замедлением. По истечении одного часа для восстановления выученного материала в полном объеме необходимо более половины времени, истраченного на первоначальное заучивание. По истечении месяца необходимо лишь 4/5 исходного времени.

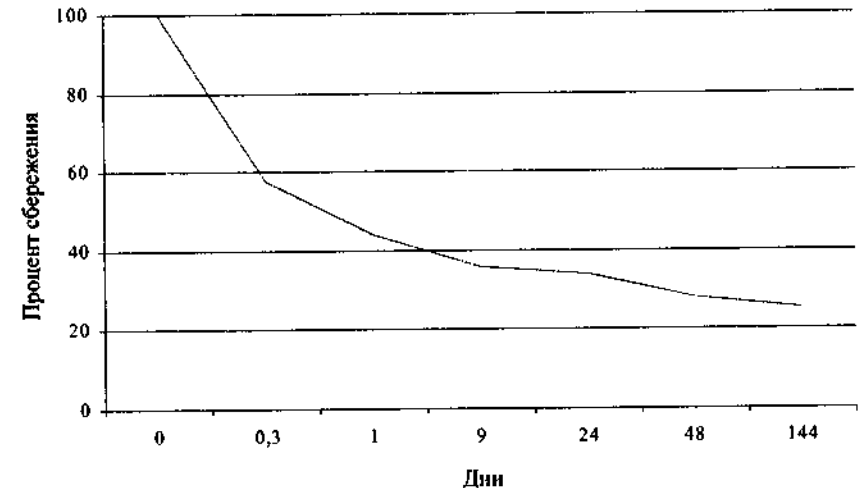

Рис. 57. Процент сбереженного материала при повторном заучивании, по Эббингаузу, 1912

В рамках обсуждения репродуктивных процессов памяти ставился также вопрос о влиянии сходства и различия материала в ряду на запоминание. Свое решение эта проблема получила в так называемом «*эффекте фон Ресторфа*»: *независимо от характера материала, если в заучиваемом ряду разнородные элементы перемежаются с большим количеством однородных, то эти разнородные элементы сохраняются в памяти лучше, чем однородные*.

Фон Ресторф (1933) предлагала испытуемым запомнить ряды, состоящие из разнообразного материала (слоги, фигуры, числа, буквы, цвета и т.д.). Допустим, ряд состоял из четырех пар слогов, одной пары фигур, одной пары чисел, одной пары букв и одной пары цветов. После трех предъявлений проверялся уровень запоминания. Оказалось, что для однородных пар (слоги) этот показатель составлял 33%, а для разнородных (фигуры, числа, буквы, цвета) — 74%.

Закономерности, выявленные авторами, которые придерживаются взгляда на память как на репродуктивный процесс, отличаются высокой устойчивостью. Они соответствуют классическим идеалам (см. гл. 1) научности и легко воспроизводимы при повторении тех же экспериментальных условий. К сожалению (или к счастью?!), в нашей каждодневной жизни, за исключением весьма специфических случаев сдачи экзамена по курсу «Психология» или разгадывания кроссворда, мы почти не встречаем необходимости точно (дословно) воспроизводить информацию. Скорее нам необходимо ее творчески преобразовать, чтобы сделать пригодной для использования в постоянно меняющемся мире.

8.4.2. Память как конструктивный процесс

Книга выдающегося английского ученого Фредерика Чарльза Бартлетта «Воспоминание» вышла в свет 1932 г., в тот период развития психологии, когда репродуктивный аспект памяти считался единственным заслуживающим внимание исследователя. Бартлетт и его подход к памяти как к активному явлению был буквально возвращен из забвения только через полвека — в конце 1970-х гг.

Ф. Бартлетта интересовало запоминание в той форме, как оно происходит в реальной жизни. Созданные им *методики повторной и сериальной репродукции* были призваны сделать видимым процесс изменения материала при повторяющихся воспоминаниях. В первом случае испытуемый воспринимал материал, а потом пытался несколько раз воспроизвести его с 15-минутным интервалом. Во втором случае в работе принимали участие несколько человек. Экспериментальная процедура напоминала игру «испорченный телефон»: первому участнику показывали изображение или зачитывали рассказ, а потом он пересказывал увиденное или услышанное второму, второй — третьему и т.д. Бартлетт считал, что результаты применения обеих методик вполне сопоставимы, так как разделял мнение о социальном происхождении психики человека (в этом его взгляды близки Л.С. Выготскому). Задача исследователя заключа-

лась в том, чтобы проследить, какие трансформации претерпевает непривычный (например, инокультурный) материал при многократном повторении.

Бартлетт выяснил, что при повторяющемся воспроизведении материал становится все более стандартным, подходящим к тому, что он обозначил термином «схема». *Схема*, по Бартлетту, — это способ организации воспринимаемой информации, который основывается на прошлом опыте субъекта. Вся поступающая информация соотносится с теми схемами познания, которые имеются в наличии у человека и преобразуется в соответствии с ними. Впоследствии понятие «схема» стало важнейшим при описании процессов человеческого восприятия (см. гл. 7).

Таким образом, можно утверждать, что память имеет как *репродуктивный* (реконструктивный), так и *продуктивный* (конструктивный) аспект. Преобладание того или иного аспекта диктуется:

- направленностью деятельности субъекта (какова цель — запомнить точно или уловить суть);
- особенностями запоминаемого материала (стихотворение будет воспроизводиться репродуктивно, а прочитанный роман — продуктивно);
- экспериментальных процедур, к которым прибегает исследователь.

8.5. Структурная модель памяти в когнитивной психологии. Сенсорный регистр. Рабочая память. Долговременная память. Процедурная и декларативная память. Семантическая, эпизодическая и автобиографическая память

Идея представления памяти в форме совокупности взаимосвязанных структурных блоков восходит к В. Джеймсу (1890). Он ввел деление на *первичную* (совпадающую с содержанием сознания в данный момент) и *вторичную* (содержащую весь прошлый опыт субъекта) память.

В настоящее время структурная модель памяти представляет собой крайне сложную конфигурацию взаимодействующих подсистем, которые обеспечивают выполнение всех основных функций памяти: фиксацию, переработку и воспроизведение мнемических содержаний в поведении и сознании. В современных структурных моделях памяти выделяют следующие блоки (подсистемы): *сенсор-*

ный регистр, блок распознавания информации (распознаватель), рабочую память и долговременную память.

8.5.1. Сенсорный регистр

Сенсорный регистр — это сверхкратковременное хранилище информации очень большого объема. В сенсорном регистре информация сохраняется от 250—500 мс (зрительная) до 2 с (слуховая). Основная задача блока сенсорного регистра заключается в том, чтобы предоставить следующему блоку возможность классифицировать поступающую информацию и отправить на дальнейшую переработку. Сенсорный регистр необходим нам для того, чтобы переживать мир как непрерывную целостность. Если бы мы не обладали сенсорным регистром, мир представлял бы для нас последовательность не связанных между собой изображений (перерывы в восприятии, связанные с морганием и саккадическими скачками глаз, приводили бы к забвению предшествующей информации) и разорванных звуков (слуховой сенсорный регистр позволяет опознавать слова как осмысленные комплексы).

Код сенсорного регистра изоморфен нашим органам чувств. То есть зрительная информация кодируется в виде образов, звуковая — звуков, кинестетическая — тактильных ощущений. Сенсорный регистр работает автоматически вне зависимости от нашей воли. Прекратить его работу можно, только остановив поток информации, например закрыв глаза.

Забывание в сенсорном регистре связано с интерференцией (постоянным поступлением новой информации, которая стирает старую) и *затуханием*. Так, после прекращения звука мы еще короткое время «слышим» его эхо, которое сменяется тишиной. Существование сенсорного регистра было открыто Дж. Сперлингом в 1960 г. Сперлинг показывал испытуемым наборы букв, расположенных в виде матриц. Изображение демонстрировалось в течение очень короткого времени. Затем испытуемого просили сообщить, какие буквы он видел. При «полном» отчете испытуемый мог воспроизвести около 4—5 букв. Тогда была введена процедура «частичного отчета». После показа изображения звучал музыкальный тон. Если это был высокий тон, то испытуемые должны были отчитаться о буквах в верхнем ряду, если средний — в среднем, а если низкий — в нижнем. Оказалось, что в том случае, когда интервал между предъявлением и звуковым тоном не превышал 0,5 с испытуемые могли воспроизвести любую строку матрицы, а значит, сохраняли всю матрицу в памяти, но на очень короткое время.

8.5.2. Распознаватель

Распознаватель — это часть долговременной памяти, вынесенная вовне (аналогично тому, как глаз является частью мозга, вынесенной вовне).

С помощью распознавателя происходит превращение хаотичного потока информации в организованные осмысленные единицы. В клинических наблюдениях выявлено явление «ассоциативной агнозии», когда пациент способен воспринять изображение, но не может его опознать (видит совокупность пятен). В данном случае происходит нарушение прохождения потока информации через блок распознавания. В ходе процесса распознавания долговременная память предоставляет в распоряжение распознавателя различные «инструменты». В первую очередь, это схемы познания. Существуют гипотезы эталонов, прототипов и черт. Данные гипотезы объясняют процедуры опознания материала разного типа (см. подробно гл. 7).

8.5.3. Рабочая память

Рабочая память — это блок памяти, в котором «циркулирует» информация, необходимая для осуществления текущей деятельности и/или присутствующая в сознании.

Содержание рабочей памяти — это то, что человек вспоминает, думает, чувствует, делает сейчас, в данный момент времени. Концепция рабочей памяти была предложена А. Бэддели и Г. Хитчем в 1974 г., придя на смену более ранней концепции кратковременной памяти Д. Нормана и Н. Во (D. Norman, W. Waugh, 1965). В данном параграфе мы будем пользоваться и тем и другим термином, в зависимости от позиции излагаемых авторов.

Объем рабочей памяти ограничен (мы не можем выполнять слишком много дел одновременно!). Ограниченность емкости рабочей (кратковременной) памяти была показана Саулом Стернбергом (1966) с помощью метода «вычитания». Данный метод основывается на предположении о том, что любой психический процесс разворачивается во времени. Измеряя время реакции в определенных условиях, исследователь делает вывод о том, имеет ли место в действительности тот или иной психический акт. Соответственно, можно выдвинуть гипотезу о том, какие элементарные психические акты включены в выполнение задания.

Поясним логику метода вычитания на примере исследования С. Стернберга, интересовавшегося стратегией извлечения информации из кратковременной памяти. Первая проблема формулирова-

лась так: каким образом человек «сканирует» информацию кратковременной памяти — параллельно или последовательно? Вторая проблема заключалась в выяснении, какой характер носит сканирование — полный или самопрекращающийся.

Для решения первой проблемы испытуемым предлагали два ряда цифр. Первый ряд включал в себя четыре цифры, а второй — пять. Ни в том ни в другом ряду не было цифры 5. Однако испытуемых спрашивали, не помнят ли они, встречалась ли им в ряду цифра 5. Если поиск носит параллельный характер, т.е. все элементы списка проверяются одновременно, на «сканирование» первого и второго рядов должно было уйти одинаковое количество времени. Однако на самом деле испытуемым требовалось больше времени, чтобы ответить: «цифры 5 не было», во втором случае, т.е. когда ряд был длиннее. На основании этого Стернберг сделал вывод о последовательном сканировании информации в кратковременной памяти.

Для решения второй проблемы испытуемым предлагался ряд цифр, включающий или не включающий цифру 5. Например, 2 — 4 — 7 — 3 (нет цифры 5) или 2 — 4 — 5 — 3 (есть цифра 5). Затем испытуемых опять спрашивали, была ли в предъявленном наборе цифра 5. Если поиск носит самопрекращающийся характер, т.е. человек перестает сканировать информацию после того, как искомый элемент обнаружен, то время, затраченное на решение задачи в том случае, когда в ряду есть цифра 5, должно быть меньше, чем в том случае, когда этой цифры в ряду нет. Однако Стернберг получил противоположный результат. Время в первом и во втором случаях оказалось равным. Таким образом, Стернберг установил, что *в кратковременной памяти имеет место полный последовательный перебор всей находящейся там информации*. Очевидно, что такая стратегия эффективна (да и вообще возможна), если только объем кратковременной памяти ограничен. В противном случае человек бы бесконечно долго перебирал информацию и не пришел бы к какому-либо конечному результату.

Информация удерживается в рабочей памяти до тех пор, пока идет выполнение задачи. Затем она либо переводится в долговременную память, либо теряется. Д. Норман и Н. Во показали, что *основным механизмом потери информации из кратковременной памяти является интерференция*. Другими словами, «старая» информация, находящаяся в кратковременном хранилище, вытесняется вновь поступающей. Испытуемым предъявляли ряд из 16 цифр (количество, явно превосходящее объем кратковременной памяти). Одна из цифр была «зондом». Она появлялась в списке дважды. Задача испытуемого заключалась в том, чтобы, услышав второй раз

одну и ту же цифру, вспомнить цифру, которая предшествовала ей при первом предъявлении. Например, испытуемому давали ряд: 1, 2, 5, 7, 6, 3, 4, 5. Так как в данном случае зондом была цифра 5, правильный ответ — 2. Если гипотеза Нормана и Во о преобладании механизма интерференции в кратковременной памяти верна, то успех решения задачи должен зависеть от количества цифр, которые включены в ряд между цифрами-зондами и не зависеть от скорости предъявления цифр. Действительно, в том случае, когда за равный промежуток времени испытуемому успевали прочесть, например, четыре или шесть цифр между цифрами-зондами, он лучше справлялся с задачей при четырех «интерферирующих единицах», чем при шести.

Некоторый объем информации, непосредственно не включенной в выполнение задачи (5—8 информационных единиц), может удерживаться в рабочей памяти путем повторения. Существуют данные о том, что качество удержания информации в рабочей памяти напрямую зависит от количества повторений. В эксперименте А. Бэддели, Н. Томсона и М. Бачанана (А. Baddeley, N. Thomson, M. Buchanan, 1975) испытуемых просили удержать в памяти ряд из восьми слов. Слова представляли собой названия государств, причем для одной группы испытуемых слова были короткими (например, Чили, Китай, Чад, Бирма и т.д.), а для другой — длинными (например, Афганистан, Великобритания, Нидерланды, Швейцария и т.д.). Испытуемые из первой группы показывали значительно более высокие результаты. Авторы связывали полученные результаты с тем, что за фиксированный промежуток времени представители первой группы могли мысленно повторить ряд слов большее число раз, чем представители второй группы.

В концепции Бэддели и Хитча рабочая память разделена на три подструктуры: *центрального исполнителя*, который имеет небольшую емкость, но управляет двумя другими подструктурами; *фонологическую петлю* — «место», где идет работа с вербальной информацией, и *визуально-пространственную матрицу* — «место», где идет работа с визуальными объектами.

Некоторое время считалось, что в кратковременной памяти доминирует акустическое (звуковое) кодирование. Первым такую позицию сформулировал Р. Конрад в 1964 г., предъявивший испытуемым ряды согласных букв и обнаруживший, что испытуемые часто совершают ошибки по созвучию, а не по сходству написания. Например, при воспроизведении путают «б» и «п», а не «т» и «п». Для признания существования иных невербальных форм кодирования в кратковременной памяти важными оказались исследования

Роджера Шепарда (1971). Он показывал испытуемым изображения трехмерных фигур, состоящих из цепочек кубиков, развернутых в пространстве (рис. 58). Испытуемые должны были сравнивать пары фигур и принимать решение об их тождестве или различии.

Испытуемые легко решали подобные задачи, несмотря на то, что стимульный материал, который использовал Шепард, было практически невозможно облечь в словесную форму и, соответственно, закодировать акустически.

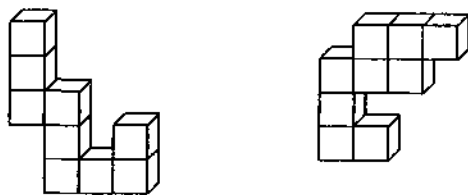

Рис. 58. Тождественны ли эти фигуры? Материал для экспериментов на «умственное вращение»-, по Р. Шепарду, 1971

Таким образом, в настоящее время принято говорить о блоке рабочей памяти, состоящей из трех подструктур. Подструктура центрального исполнителя характеризуется ограниченным объемом (5—9 единиц информации). Фонологическая петля и визуально-пространственная матрица представляют собой рабочие «органы» данного структурного блока памяти и позволяют оперировать информацией в различных формах. Функция блока рабочей памяти заключается в том, что, во-первых, он обеспечивает нашу текущую деятельность, во-вторых, подготавливает информацию к переводу в постоянное хранилище долговременной памяти и, в-третьих, обеспечивает связь памяти в целом с другими психическими функциями и внешним миром.

8.5.4. Долговременная память

Долговременная память — это постоянное хранилище информации.

Объем долговременной памяти практически не ограничен (см. раздел об имплицитной памяти). Человек может хранить в своей памяти огромное количество знаний, навыков и личных воспоминаний. Многочисленные данные свидетельствуют о том, что *забывания как такового в долговременной памяти не существует*. Скорее можно говорить о трудностях нахождения того или иного фрагмента

информации. С этим явлением связан описанный Р. Брауном и Д. МакНейлом (R. Brown, D. McNeil, 1966) эффект «*верчения на кончике языка*». Случается так, что человек понимает, что знает искомое слово. Порой он может дать его определение, указать с какой буквы оно начинается и т.д., но не может обнаружить само слово.

Помните рассказ Чехова «Лошадиная фамилия»? Генерал Булдеев мучается от зубной боли. Его приказчик, пытаясь облегчить страдания своего шефа, рекомендует ему обратиться к знахарю. Все бы хорошо, только приказчик никак не может вспомнить фамилию лекаря. «Такая еще простая фамилия... словно как бы лошадиная... Кобылий? Нет, не Кобылин. Жеребцов, нешто? Нет, и не Жеребцов... Кобылицын... Кобылятников... Жеребчиков... Лошаднин... Лошаков... Жеребкин... Все не то! Коненко... Жеребеев?» Приказчик так и не вспомнил нужной фамилии, так что пришлось посылать за доктором, который вырвал больной зуб. Прощаясь, доктор спросил у приказчика овса. И тогда случилось чудо. «Надумал, ваше превосходительство! — закричал приказчик радостно, — Овсов!». Но было уже поздно.

Данный пример хорошо иллюстрирует мощный потенциал содержания долговременной памяти, который, однако, вступает в противоречие с ограниченными возможностями доступа к нему. Поэтому говорят, что задать правильный вопрос — это уже половина правильного ответа.

Процедурная и декларативная память. Долговременную память подразделяют на процедурную и декларативную (Л. Сквайер, 1987).

Процедурная память — это тип памяти, не связанный с представлениями (условные рефлексy, явления предшествования, двигательные навыки). Большинство явлений, относимых к процедурному типу памяти, проявляют себя в движении. Феномен памяти в двигательной сфере заключается в том, что после того, как навык приобретен, мы способны восстановить его достаточно быстро, даже если длительное время не упражнялись в нем.

Проблема формирования двигательного навыка находилась в центре внимания бихевиористов (см. гл. 2). Ими была построена «*кривая научения*», которая отражает ход формирования сложного двигательного навыка. На первом этапе выполнения движения его эффективность невелика («начальная площадка навыка»), потом происходит резкое повышение эффективности, затем испытуемый достигает некоторой фазы стабильного выполнения движения, и его развитие как бы останавливается («плато навыка»). В это время стороннему наблюдателю кажется, что испытуемый не совершенствует навык, однако спустя некоторое время происходит резкий скачок

в качестве выполнения движения, за которым снова следует период, когда вроде бы «ничего не происходит». Форма «кривой научения» представлена на рис. 59.

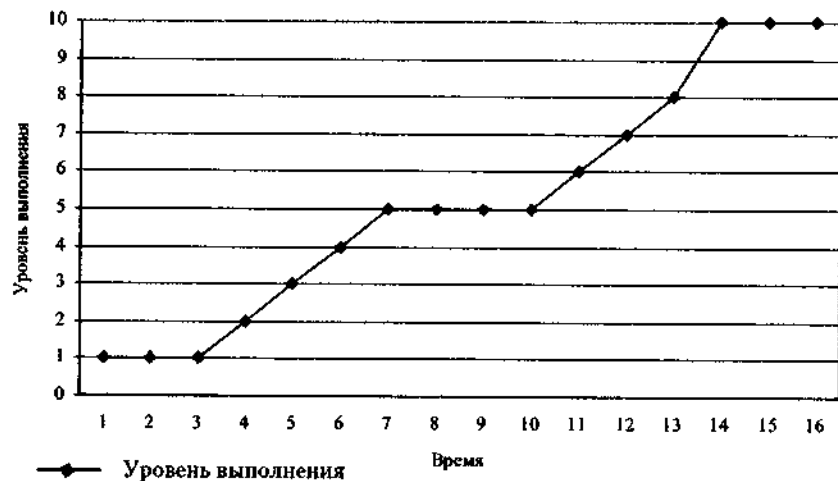

Рис. 59. Кривая научения, по Брайену и Хартеру, 1899

Конечно, наиболее интересным является ответ на вопрос: что же происходит в тот период, когда нет видимого прогресса в развитии навыка? Ученые пришли к выводу, что «плато навыка» является периодом, в течение которого происходит автоматизация навыков более элементарного порядка. Когда они достигают максимума развития, происходит перестройка всего способа выполнения движения, изменяется размер единицы действия. Так, Д. Норман в юности учился на курсах телеграфистов. Достаточно быстро он достиг скорости приема сообщений 15 слов в минуту и с этого момента перестал повышать показатели. Несмотря на упорные тренировки, скорость его работы не повышалась. Тогда он пошел к опытному телеграфисту и спросил его, в чем дело. «Ты принимаешь отдельные буквы, а надо — целые слова!», — ответил телеграфист. После этого Норман переосмыслил свою задачу и очень скоро совершил прорыв в скорости приема телеграфных сообщений (его навык стал принципиально новым).

Значимым также представляется вопрос о пределе совершенствования навыка. Можно ли улучшать качество выполнения движения бесконечно, или существует «физиологический пре-

дел» навыка? В уникальном многолетнем исследовании Е. Кроссмана (1959), проводившемся среди рабочих сигарной фабрики, было показано, что даже после 10 лет работы навык продолжал улучшаться, хотя и приближался к некоторому постоянному значению. Огромный вклад в понимание процесса построения двигательного навыка внес Н.А. Бернштейн (см. гл. 3). В рамках его интерпретации навыка как умения решать двигательную задачу, было показано, что секрет освоения нового навыка кроется не в каких-то особых движениях, которые можно автоматически перенять у более опытного человека, а в специфических ощущениях движения. Эти ощущения нельзя скопировать, их можно только пережить. Поиск адекватных ощущений, которые обеспечивают наиболее комфортное и эффективное выполнение движения, Н.А. Бернштейн назвал «прощупыванием сенсорных коррекций». Как только человеку удастся нащупать подходящие ощущения движения, происходит «озарение», умение постигается сразу и навсегда.

Еще одна проблема в рамках исследований процедурной памяти — *перенос навыка*. Переносится ли умение с одних действий на другие? Долгое время в психологии господствовала теория тождественных компонентов, которая утверждала, что из одного навыка в другой могут переноситься идентичные движения. Однако Н.А. Бернштейн опроверг эту концепцию. Действительно, движения, которые выполняются при игре на скрипке, очень похожи на те, которые производятся при распилке бревна. Но умение пилить бревна совершенно бесполезно при посещении скрипичного класса (как, впрочем, и наоборот). С другой стороны, круговые движения ног при катании на велосипеде, казалось бы, не имеют ничего общего с движениями конькобежца. Однако человек, который уже владеет одним из этих навыков, гораздо легче приобретает другой. По Бернштейну, дело здесь не в прямом переносе компонентов движений, а в сенсорных коррекциях (ощущении движений). В основе езды на велосипеде, так же как и в основе катания на коньках, лежит ощущение удержания равновесия над узкой опорой. Человек, знакомый с этим ощущением, легко переносит его на другое движение.

Декларативная память — тип памяти, связанный с представлениями. Она подразделяется на подсистемы *семантической, эпизодической и автобиографической памяти*.

Семантическая, эпизодическая и автобиографическая память. Семантическая память — тип памяти, отражающий обоб-

ценные знания о мире («медведь — это млекопитающее животное», «в прямоугольном треугольнике сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы»). Информация в семантической памяти хранится в иерархически организованных сетевых структурах, которые состоят из узлов и отношений между ними. Каждому узлу соответствует набор свойств, который является истинным для него самого и всех категорий нижележащего уровня. Автор концепции семантических сетей М. Киллиан (M. Quillian, 1969) провел эксперимент с измерением времени реакции. Испытуемым предлагалось оценить истинность утверждений типа «канарейки могут петь», «канарейки имеют перья», «канарейки имеют кожу». Оказалось, что время, затраченное на оценку истинности первого утверждения, было меньше, чем затраченное на оценку второго, а оно, в свою очередь, меньше, чем на оценку третьего (рис. 60).

Рис. 60. Фрагмент семантической сети, включающей три узла

По мнению Киллиана, обнаруженный факт связан с тем, что для проверки первого утверждения испытуемый мог сразу адресоваться к категории «канарейка» (канарейка поет и желтая), для проверки второго утверждения ему следовало «пройти» один узел (канарейка — птица, птицы имеют перья), а для проверки третьего — два узла (канарейка — птица — птицы имеют перья, птицы — животные — животные имеют кожу). Элеонора Рош в 1973 г. дополнила модель Киллиана, введя понятие *степени категориального членства*. Степень категориального членства отражает то, насколько тот или иной объект является типичным представителем

своей категории. Рош просила своих испытуемых оценить типичность различных объектов по 7-балльной шкале. Наиболее типичным овощем оказалась морковь, а наименее типичным — петрушка; наиболее типичным видом спорта — футбол, а наименее типичным — тяжелая атлетика; наиболее типичной птицей — канарейка, а наименее типичной — пингвин и т.д. При решении задач аналогичных тем, которые использовал Киллиан, время, затрачиваемое на идентификацию менее типичных представителей категории, было больше, чем на идентификацию более типичных. Например, испытуемый соглашался с тем, что «канарейка — птица» быстрее, чем с тем, что «пингвин — птица». Рош показала своими исследованиями, что семантические сети в долговременной памяти строятся не только по формальным признакам объектов. Значительную роль играет также эмпирическая частота встречаемости тех или иных свойств. Важно отметить, что узлы семантических сетей могут представлять собой не только словесные описания, но и образы, схемы и сценарии (фиксированные последовательности действий).

Эпизодическая память была выделена в отдельную подструктуру долговременной памяти Э. Тульвингом (1972). *Эпизодическая память — тип памяти, в которой хранятся эпизоды прошлого*. Именно ей мы обязаны переживанием прошлого, настоящего и будущего, так как единицами эпизодической памяти являются эпизоды, локализованные во времени. В эпизодической памяти действует принцип специфичности кодирования, который заключается в том, что доступность образа прошлого определяется совпадением «ключевых» элементов ситуации кодирования и извлечения. По данным Дж. Эйча (J. Eich, 1989), если испытуемые заучивали ряд слов после принятия определенной дозы алкоголя, результат воспроизведения оказывался лучше после приема аналогичной дозы. Схожие данные были получены Д. Годден и А. Бэддели (1975) для аквалангистов, которые заучивали и воспроизводили списки слов под водой и на суше.

Автобиографическая память — тип памяти, занимающий промежуточное положение между семантической и эпизодической памятью. В автобиографической памяти сохраняются личностно отнесенные события и состояния, которые определяют самоидентичность личности.

Автобиографическая память, безусловно, несет в себе некоторые черты как семантической памяти (например, создание словесно оформленной истории жизни), так и эпизодической памяти

(представление прошлого в виде ярких эпизодов), однако не может быть сведена к ним. Скорее автобиографическая память представляет собой структуру, «пронизывающую» многообразный мир мнемических процессов и связывающую память в целом с личностью (см. гл. 10).

Рассмотрение функций автобиографической памяти в жизни личности помогает понять, почему данной проблемой занимаются как психологи — специалисты по познавательным процессам, так и психологи, которые работают в сфере изучения личности. Функции автобиографической памяти можно разделить на три группы: связанные с жизнью человека как члена социума (*интерсубъективные*), связанные с саморегуляцией личности (*интрасубъективные*) и *экзистенциальные* функции, которые необходимы личности для переживания и понимания своей уникальности. К группе интерсубъективных функций относятся, например, такие функции, как достижение социальной солидарности или отторжения, передача опыта новому поколению или предсказание поведения других людей по аналогии с событиями своей жизни. Люди часто объединяются вокруг общих воспоминаний о прошлом, что отражается даже в названиях многих общественных организаций, например общество «Мемориал». К группе интрасубъективных функций относятся, например, такие функции, как построение и выбор целей и тактик поведения или управление настроением (когда нам грустно, мы можем вспомнить радостный эпизод прошлого и развеселиться). Экзистенциальные функции в наибольшей степени затрагивают основные пласты личности. Среди экзистенциальных функций автобиографической памяти можно выделить:

- функцию самопознания;
- функцию самоопределения (формирования целостной стратегии жизни);
- функцию определения смысла жизни;
- функцию культурной, исторической и социальной отнесенности (например, «быть человеком своего времени»);
- функцию осознания уникальности своей жизни;
- функцию структурирования самосознания во времени на основе интервалов самоидентичности личности (субъективной оценки изменений личности на протяжении жизненного пути);
- функцию финальной интеграции личности.

Функция финальной интеграции личности представляет собой, наверное, самую загадочную функцию автобиографической

памяти. В критической ситуации, когда возникает угроза самому существованию, происходит виртуальное проживание заново всей жизни человека. Этот феномен получил название «*вся жизнь прошла перед глазами*». Интеграция личности перед завершением физического существования человека оказывается важнее прямого выживания, а иногда позволяет личности максимально сконцентрировать все ресурсы для продолжения физической жизни. Возможно, что этот механизм закреплен на биологическом уровне. Именно в момент приближения катастрофы интегрально срабатывают механизмы автобиографической памяти как особого вида памяти, и человеку открывается его истинная судьба, «зачитывается послание», над расшифровкой которого мы бьемся всю жизнь.

Исследователь предельных переживаний личности Р. Моуди (1991) пишет, что умирающий человек «пытается оценить свою жизнь, и этот обзор (прошлой жизни) можно описать только в терминах воспоминаний, хотя некоторые черты отличают его от обычных воспоминаний. Прежде всего — необычайная скорость. Эти воспоминания, когда их описывают в наших обычных временных выражениях, следуют быстро, одно за другим, в хронологическом порядке. Несмотря на то что воспоминания крайне выразительны, все, пережившие этот опыт, полагают, что этот обзор прошлого совершился буквально за одно мгновение».

Феномены автобиографической памяти крайне многообразны. Автобиографическое воспоминание может актуализироваться как в форме конкретного *яркого эпизода* прошлого (*flashbulb* — «яркая вспышка»), так и в форме лишенного наглядности *воспоминания о важных и судьбоносных событиях* или даже в обобщенной форме *представления о своей жизненной истории и судьбе*. Удобно представить структуру автобиографической памяти в виде пирамиды (рис. 61), горизонтальные сечения которой — это эпизодическая и семантическая память, а вершина — концепция Я, принадлежащая личности. Грани пирамиды представляют собой оси времени, уровня обобщенности, опыта (знаю — помню) и отнесенности к Я. От основания пирамиды к вершине показатели по осям обобщенности и отнесенности к Я нарастают, показатели по осям опыта снижаются, а показатели по оси времени скачкообразно изменяются. Данная модель была создана на основе представления об уровненом иерархическом строении автобиографической памяти, разработанного Дж. Скулером, Д. Германом, М. Конвеем и др. (J. Schooler, D. Herrmann, 1992, M. Conway, 1996).

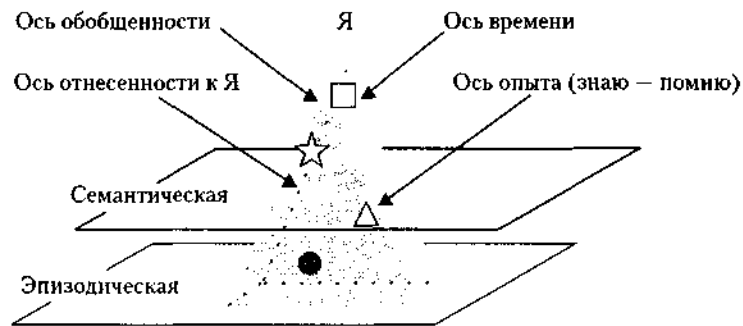

Рис. 61. Модель автобиографической памяти личности

Усл. обозначения:

О — воспоминание о ярком событии прошлого;

Д — воспоминание о важном событии;

Q] — воспоминание о переломном событии;

-fc— судьба человека как автобиографическая память

С помощью данной модели можно описать любой феномен автобиографической памяти. Например, представьте себе эпизод из детства. Скорее всего ваше воспоминание — это *яркая, полная деталей картина*, в которую вы буквально можете перенестись, как говорят психологи, «погрузиться» (максимум опыта, минимум обобщенности). Практически всегда яркие воспоминания, относящиеся крайнему детству, вызывают недоумение по поводу того, почему тот или иной эпизод так глубоко врезался в память. Этот эпизод пришел вам в голову случайно, так что он не отражает полноты вашей личности, хотя, безусловно, и является фрагментом вашей жизни (минимум отнесенности к Я). Время представлено в этом воспоминании через изменения видимых объектов — пространственных отношений, конкретных действий участников ситуации. Интерпретации, которые сообщаются по поводу яркого события, всегда следуют после непосредственного воспроизведения, представляющего собой по существу повторное проживание эпизода. Они возникают отдельно, из позиции Я-настоящего и не включены в структуру самого автобиографического воспоминания. Являясь комментариями к образу памяти, интерпретации жестко не связаны с ним и могут легко меняться. На рис. 61 воспоминание о ярком событии прошлого изображено кружком.

Другой специфической формой представления в сознании воспоминания о жизненном событии является «*важное событие*». Основное содержание воспоминания о важном событии составляет

описание результатов и последствий события, «взгляд на прошлое из сегодняшнего дня». В автобиографической памяти важное событие погружено не в ситуативный, а в смысловой контекст истории жизни. В рассказе о важном событии превалирует слой интерпретаций, в то время как детали и событийная канва, напрямую не связанная со смыслом события, не присутствуют в поле сознания. Вспоминая о таком важном событии прошлого, как, например, «*поступление в институт*», человек будет в первую очередь рассказывать о том, какую роль это событие сыграло в его дальнейшей жизни. В отличие от непрерывности яркого события важное событие может быть прерывным, собираться и конструироваться из разнесенных во времени фрагментов. В этом случае в качестве события выступает не дискретный момент, а то, что можно назвать событийным этапом жизни. Фактор времени в автобиографическом воспоминании такого типа должен быть изолированным от содержания самого события и абстрактным (время перестает быть производной от непосредственных изменений внешней ситуации). При выполнении инструкции «вспомнить важное событие» из автобиографической памяти «вызывается» целый жизненный этап, смысловым центром которого является конкретное событие — «ключ» к важному этапу. На рис. 61 воспоминание о важном событии обозначено треугольником.

Переломное событие — это особый тип события, отличающееся критической важностью и вызывающее кардинальные изменения в личности человека. Структура воспоминания о переломном автобиографическом воспоминании строится из содержательного сопоставления того, что было «до» и «после» этого события. Например, человек может сказать: «я был равнодушным к бедам других людей, а это событие перевернуло мое отношение». Именно личностные изменения становятся маркером для временной локализации переломного события в автобиографической памяти. В рассказе о переломном событии часто образный компонент отсутствует вовсе. Воспоминание о переломном событии тяготеет к полюсу «знаю», а не «помню», поэтому значения по оси «опыт» оказываются для него низкими. На рис. 61 воспоминание о переломном событии отмечено звездочкой.

И, наконец, возле самой вершины «пирамиды автобиографической памяти» располагается *пласт воспоминаний*, которые человек определяет словосочетанием «*моя судьба*». Обычно в данное «жизненное» понятие включается всего несколько событий, однако в каждом из них воплощается личность человека как единое недели-

мое целое. Вершина «пирамиды автобиографической памяти» проникает в ядро личности, где Я-отнесенность максимальна («это и есть Я»), знания и опыт становятся неразличимы, абстрактность достигает высшего уровня, а время превращается в вечность. Судьба человека как достояние автобиографической памяти изображена на рис. 61 в виде квадрата.

Одним из важнейших парадоксов автобиографической памяти является то, что, несмотря на уникальную значимость для личности данного вида памяти, личные воспоминания достаточно легко поддаются искажениям. Признание значительной роли конструктивной составляющей в работе памяти приводит к выводу о высокой гибкости и пластичности воспоминаний. Обширная литература посвящена проблеме как *спонтанных*, так и *намеренных искажений воспоминаний*¹.

В эксперименте Элизабет Лофтус (1995), посвященном исследованию подверженности автобиографической памяти манипуляциям, принимали участие пары братьев и сестер. Старший рассказывал младшему случай, которого в действительности не было. Через несколько дней тестировалась память младшего члена пары относительно рассказанного ложного события. Самым известным стал случай Кристофера и Джима. 14-летнему Кристоферу было рассказано, как в возрасте пяти лет он потерялся в большом универсальном магазине и был обнаружен пожилым человеком только спустя несколько часов. Во время опроса Кристофер представил исследовательнице полную деталей версию ложного происшествия (в воспоминании упоминались «фланелевая рубашка», «слезы матери» и т.д.). В следующей серии экспериментов Лофтус с коллегами удалось достичь 25% уровня внушения испытуемым вымышленных событий из их детства. Для внушения ложных содержаний памяти были разработаны различные приемы: апелляция к личностным проблемам испытуемого («ваш страх может быть результатом пережитого в детстве нападения собаки»), «толкование» сновидений («ваш сон говорит мне, что вы перенесли погружение на большую глубину»). Еще больший внушающий эффект оказывают «документы». Их визуальная очевидность заставляет испытуемых фальсифицировать автобиографические воспоминания высочайшей степени субъективной достоверности. Так, в работе Уэйда, Гарри, Рида и Линдсея (2003) с помощью ком-

пьютерной программы PhotoShop была произведена компиляция личных детских фотографий и контекста вымышленной ситуации (полет на воздушном шаре). Большинство испытуемых «вспоминало» обстоятельства «воздушной прогулки» и сообщало множество подробностей (рис. 62).

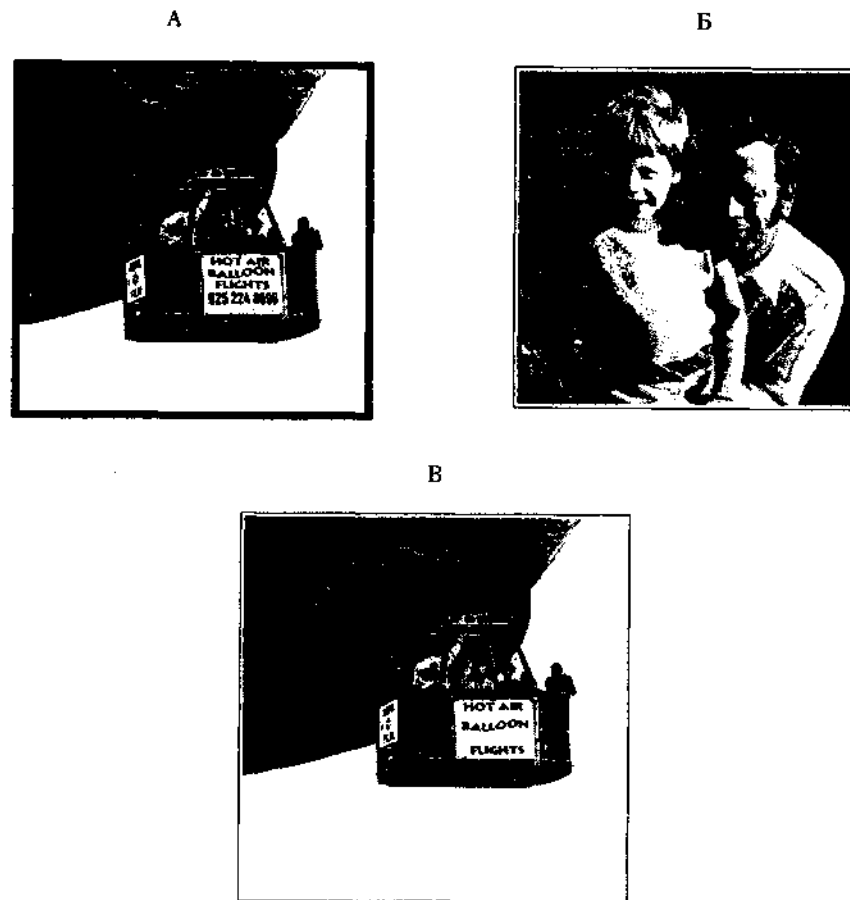

Рис. 62. Материалы, использованные в исследовании К. Уэйда, М. Гарри, Дж. Рида и Д. Линдсея. Balloon Study Wade, Garry et al, 2002. (Публикуется с любезного разрешения авторов.) А и Б — реальные фотографии, В — фотография, полученная в результате монтажа в программе PhotoShop

¹ См.: Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д. Основы психологии, 2001; Нуркова В. Сверхненное продолжается, 2000.

В описанных технологиях создается ситуация диссонанса между утверждением авторитетного для субъекта источника о наличии определенного факта жизни и феноменальным отсутствием воспоминания о нем. Диссонанс снимается за счет «имплантации» ложного воспоминания в автобиографическую память.

Случается и так, что человек достаточно аккуратно воспроизводит содержание воспоминания, но затрудняется в установлении обстоятельств получения информации. В данном случае автобиографическая память, для нормального функционирования которой критически важна рефлексия по поводу источника (Кто? Где? Когда?), начинает работать по принципу семантической памяти, нейтральной к происхождению своих содержаний. Создается иллюзия «знакомости» материала, которая ложно представляется как «воспоминание» о пережитом опыте. Большую роль в этом процессе играет воображение. Э. Хайманом с коллегами (1995) на основе опроса родителей студентов колледжа о событиях в жизни их детей был составлен список нереальных событий («во время свадебного застолья пролил праздничный пунш на платье невесты», «был госпитализирован ночью с острым отитом» и т.д.). При первом интервью факт воспоминаний о подобных событиях отрицался испытуемыми. Затем им давалась инструкция максимально ярко представить описанные ситуации. При повторном опросе до 30% испытуемых утверждали, что помнят данные события. Дальнейшие исследования подтвердили значительную роль воображения в возникновении ложных воспоминаний.

В цикле исследований, посвященных искажениям автобиографических воспоминаний, отдельно рассматривается *проблема ошибок времени*. По существу, исследователи не слишком далеко ушли от положения, высказанного В. Джеймсом в 1890 г. в его учебнике «Психология»: «В целом, время, наполненное разнообразными и интересными событиями, проходит быстрее, но кажется долгим, когда мы вспоминаем о нем. С другой стороны, незаполненное событиями время тянется долго, но оказывается коротким в ретроспекции». В ряде работ описаны эффекты, которые способны оказать влияние на временные аспекты воспроизведения автобиографического материала. В первую очередь упоминается *циклический календарный эффект*, который заключается в том, что культурно и естественно детерминированная метрика времени (недели, месяцы, годы) заставляет субъекта впадать в регулярную ошибку относительно точной даты события (помнить день недели — не помнить месяц, помнить время года — не помнить год и т.д.). «Телескопиче-

ский эффект» удаляет или приближает события на субъективной оси времени в зависимости от их личностной значимости. Человеку кажется, что важные для него события произошли недавно, а не слишком важные — давно. Описан также эффект «ника» воспоминаний, который заключается в том, что взрослые люди вспоминают большое количество событий, относящихся к возрасту юности.

Таким образом, современное представление о структуре памяти включает в себя описание многочисленных подсистем, каждая из которых обладает своими функциями и спецификой и формирует сложные взаимосвязи как между блоками внутри целостного процесса памяти, так и с другими психическими процессами (рис. 63).

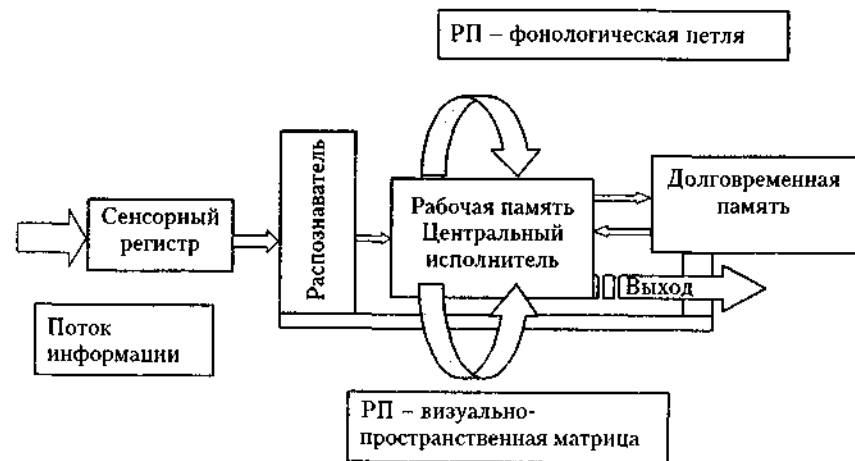

Рис. 63. Структурная модель памяти

2) КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что такое «искусство памяти»? Какие принципы лежат в основе развития «искусной памяти»?
2. Как связана память с другими познавательными и регулятивными процессами психики? Что происходит при избыточном развитии памяти или ее дефиците?
3. Что мы запоминаем лучше — плохое или хорошее? Почему?
4. С чем связывают явления забывания представители психоаналитического подхода?
5. В каком смысле можно говорить о памяти как о процессе точного воспроизведения запечатленного материала?
6. В каком смысле можно говорить о памяти как об активном конструктивном процессе?

Ф ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

1. С помощью какой гипотетической фигуры изображается закон, суть которого заключается в том, что развитие высших знаковых форм памяти идет по линии превращения внешне опосредствованного запоминания в запоминание внутренне опосредствованное?

- А. Рефлекторное кольцо Бернштейна.
- Б. Параллелограмм развития.
- В. Пирамида Маслоу.

2. Какое название получил факт того, что люди непроизвольно лучше фиксируют в памяти то, что относится к делам, которые им по каким-либо причинам не удалось завершить?

- А. Эффект Истоминой.
- Б. Эффект Левина.
- В. Эффект Зейгарник.

3. С какими факторами теория уровневой переработки информации связывает качество запоминания?

- А. С глубиной переработки информации.
- Б. Со степенью организации информации.
- В. С количеством времени, отведенным на решение задачи.

4. Какие компоненты не включает в себя структурная модель памяти в современной когнитивной психологии?

- А. Долговременная память.
- Б. Уровень перцептивной обработки.
- В. Сенсорный регистр.

5. Каким образом происходит поиск информации в кратковременной памяти?

- А. Путем последовательного полного перебора.
- Б. Путем параллельного полного перебора.
- В. Путем последовательного самопрекращающегося перебора.

6. К какой подсистеме долговременной памяти относится информация типа «Волга впадает в Каспийское море»?

- А. Эпизодическая память.
- Б. Автобиографическая память.
- В. Семантическая память.

Ш ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. *Андерсон Д.Р.* Когнитивная психология. С.-Пб., 2002.
2. *Бэддели А.* Ваша память. М., 2001.
3. *Зинченко П.И.* Непроизвольное запоминание и деятельность // Хрестоматия по психологии / Психология памяти. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.Я. Романова. М., 1998.
4. *Зинченко Т.П.* Память в экспериментальной и когнитивной психологии. С.-Пб., 2002.
5. *Леонтьев А.И.* Развитие высших форм запоминания // Хрестоматия по психологии. Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.Я. Романова. М., 1998.

Дополнительная

1. *Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д.* Основы психологии. С.-Пб., 2001.
2. *Жане П.* Эволюция памяти и понятие времени // Хрестоматия по психологии. Психология памяти. / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.Я. Романова. М., 1998.
3. *Йейтс Ф.* Искусство памяти. С.-Пб., 1997.
4. *Лурия А.Р.* Маленькая книжка о большой памяти // А.Р. Лурия. Романтические эссе. М., 1996.
5. *Майерс Д.* Психология. Минск, 2001.
6. *Нуркова В.В.* Свершенное продолжается. М., 2000.
7. *Платон. Федон.* Собр. соч. в 3 т. / Под ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Т. 2 М., 1970.
8. *Солсо Р.Л.* Когнитивная психология. Ч. 2,3. М., 1996.
9. *Фрейд З.* Психопатология обыденной жизни. М., 1996.

Глава 9

МЫШЛЕНИЕ И РЕЧЬ

«Я не уверен, можно ли действительно понять чудо мышления.»
*(Из беседы Альберта Эйнштейна с основателем
гештальтпсихологии Максом Вертгеймером)*

9.1. Общая характеристика мышления

Эйнштейн был не одинок в своих сомнениях относительно перспектив науки в открытии законов человеческого мышления. Другой не менее известный физик Нильс Бор, когда его спросили: «Можно ли понять атом?», ответил, что, пожалуй, можно, но сначала мы должны узнать, что означает слово «понимание». Почему же великие ученые говорили о принципиальных ограничениях в объективности изучения мышления человека? Ситуация совпадения субъекта и объекта познания, т.е. познания мыслью самой себя, казалась парадоксальной с точки зрения классической естественно-научной парадигмы. Однако психологи, вопреки постоянным философским спорам о познаваемости мышления, с самого начала развития экспериментальных исследований смело взялись за эту тематику, сделав предметом своего анализа различные феномены и закономерности мышления, включая самую сложную его форму — творчество. И тому были весьма веские причины.

Во-первых, способность мыслить отражена в самом названии человека как особого вида — *Homo sapiens sapiens*, что переводится с латыни как «человек разумный-разумный». Декарт, определив человека как «вещь, которая думает» и провозгласил: «Мыслю, следовательно, существую», признал уникальность статуса человека в эволюционном процессе. Только человеку открыта возможность осмысливать факт своего существования и подвергать сомнению истинность своих представлений и знаний о мире и о себе. В продолжение этой традиции известнейший современный философ Карл

Поппер, анализируя фундаментальные проблемы развития цивилизации, большое внимание уделял роли различных форм человеческого мышления. Он писал: «Именно твой разум делает тебя человеком, позволяет тебе быть чем-то большим, чем просто суммой потребностей и желаний, именно он делает из тебя самодостаточного индивида... Преодолевая подчинение, искушение опереться на других и, таким образом, быть счастливыми, мы должны продолжать двигаться в неизвестность, неопределенность, опасность, используя имеющийся у нас разум, чтобы планировать, насколько возможно, нашу безопасность и одновременно нашу свободу».

Во-вторых, изучение мышления наряду с важным общегуманитарным (философско-экзистенциальным) значением для понимания сущности человека имеет и сугубо практический смысл. Сложные формы мышления позволяют человеку не только эффективно адаптироваться к новым изменяющимся условиям жизни, но и преобразовывать тот мир, в котором он живёт, а главное, создавать (творить) новые миры — мир науки, техники, искусства. Зная, как осуществляются мыслительные процессы, можно:

- предвидеть типичные ошибки и предотвращать их (например, подробный анализ хода мышления персонала Чернобыльской АЭС, приведший в результате к возникновению аварии, дан немецким исследователем Дитрихом Дернером в книге «Логика неудачи»);
- проводить психологические экспертизы решений (например, в политике, экономике, бизнесе, военном деле и т.д.);
- совершенствовать мышление с помощью различных тренингов (например, «эффективного принятия решений», «развития творческого мышления», «активизации интеллектуального потенциала» и др.);
- проектировать новые массовые технологии обучения (в качестве примера можно обратиться к истории концепции «проблемного обучения», разработанной в конце 1960-х гг. Б. Скиннером, или к «идеальной модели креативного образования», предложенной А. Маслоу).

Знания о принципах организации мышления человека важны и для рождения перспективных идей в области дальнейшего развития систем «искусственного интеллекта». Ведь компьютеры пока еще не воспроизводят многие достижения человеческого мысли и, конечно же, не превосходят человека в способностях к творческому мышлению. Машины не могут разумно работать с новыми, нестандартными задачами, правила решения которых неизвестны человеку.

В словарях и энциклопедиях мышление характеризуется как «высшая, наиболее сложная форма познания». Задумаемся над эти-

ми словами. Почему мышление всегда представлялось одной из величайших загадок? Ведь мышление — это то, что доступно каждому из нас. Не зря же еще в XVII в. французский писатель-моралист Ларошфуко заметил: «Все жалуются на свою память, но никто не жалуется на своей ум». Действительно, мы постоянно думаем о самых разных вещах, и остановить ход наших мыслей практически невозможно.

В повседневной жизни слово «думать» имеет множество значений. Оно может быть использовано в широком смысле для обозначения любой осознаваемой психической активности. Например, мы говорим: «Я уже давно не думаю о нем», имея в виду отсутствие воспоминаний, или «Как ты можешь не думать о своих родителях!», подразумевая, что необходимо больше заботиться о своих близких. Иногда «думать» употребляется как синоним слов «верить» («Я думаю, нечистая сила все же существует»), «мечтать» («Я думаю выиграть миллион и поехать на Канары»), воспроизводить известные факты («Я думаю, что Москва дальше от Лондона, чем Париж» или способы действия («Я думаю, что пятью пять — двадцать пять»). Однако для психологии мышления важно выделить специфику тех процессов, которые являются «собственно мыслительными» (именно они рассматриваются в этой главе), и говорить о мышлении в узком смысле слова.

Начиная с работ В. Джеймса, считается, что «мышление» проявляется только в тех случаях, когда субъект сталкивается с новой ситуацией (задачей), в которой недостаточно просто воспроизвести готовый стереотип действия, а необходимо создать новый эффективный способ действия (найти новый путь решения). Для этого необходимо уметь выделять и анализировать существенные, но, как правило, не данные непосредственно в чувственном плане (не воспринимаемые наглядно) свойства предметов и явлений, устанавливать закономерности их взаимосвязей. *Мышление — это процесс обобщенного и опосредствованного познания, состоящий в открытии отношений между предметами и явлениями действительности и их преобразовании.* Таким образом, в узком значении слово «думать» выступает как синоним «решать новые задачи», «принимать решения», «оценивать», «анализировать», «вырабатывать новые знания», «понимать», «рассуждать», «размышлять», «прогнозировать» и т.п.

Мышлением занимается не только психология, но и ряд других наук: философия, логика, социология, культурология, физиология и др. Психологический подход к изучению мышления отличается особым ракурсом анализа — главным становится реальный процесс-

движения человеческой мысли, где успехи переплетаются с трудностями, ошибками и отклонениями от правильного пути. При этом результаты мышления (как достижения, так и заблуждения) приобретают значение в глазах психолога только в связи с исследованием породивших их процессов.

Мышление как психический процесс предстает перед психологом как особая феноменологическая и поведенческая реальность. Человек, захваченный движением мысли, особенно в момент, когда происходит открытие нового («инсайт» по терминологии гештальт-психологов), находится в особом состоянии сознания -- вдохновения, озарения, творческого экстаза. Гуманистические психологи назвали такие состояния «пиковыми переживаниями» (peak-experience). Испытывая их, Архимед, согласно преданию, открыв суть закона гидростатики, выскочил из ванны и голым побежал по улице Сиракуз с криком: «Эврика!».

Включенность в процесс мышления для человека всегда феноменологически бесспорна: факт рождения и движения мысли в сознании легко дифференцируется самим субъектом от течения других психических процессов. Однако не весь ход мышления развертывается на уровне сознания и осуществляется в произвольной форме. Важную роль, особенно в творчестве, играет *интуиция*. За понятием «интуиция» для ученых (в отличие от мистиков) открывается большой пласт разнотипных неосознаваемых механизмов мышления. Работа неосознаваемых (интуитивных) мыслительных процессов формирует результат, который, достигнув сознания в готовом виде, часто оказывается настолько неожиданным и непонятным для самого автора, что кажется «навеянным свыше». Развитие технических средств, применяемых в экспериментах (запись движения глаз, физиологических реакций), позволяет сегодня изучать эти неосознаваемые, невербализуемые, произвольные процессы мышления.

Человек, поглощенный мыслительной деятельностью, безошибочно опознается окружающими. Психологи бихевиористского направления выделяют два варианта изменений внешнего поведения при переходе к мыслительным процессам. Отмечается или полное прекращение двигательной активности при значительной активизации работы мозговых структур (лучшее воплощение «задумчивости» — скульптура Родена «Мыслитель», рис. 64), или, наоборот, усиление внешней активности, развертывание так называемого поискового поведения, но не хаотичного, а связанного с исследованием условий задачи (ориентировкой). При этом человек может ходить «из угла в угол», размахивать руками и т.д.

Рис. 64. Опост Роден.
«Мыслитель». Бронза. 1888.
Музей Родена. Париж

Следовательно, психолог в отличие от других ученых изучает мышление как «живой психический процесс» (термин В.П. Зинченко), осуществляемый конкретным субъектом (животным, человеком или группой людей). Для психологического анализа важны индивидуальные особенности мыслящей личности: мотивы, эмоции, смыслы, знания, когнитивный стиль и др. Помня высказывание Л.С. Выготского: «Мыслит не мышление. Мыслит человек», психологи все больше обращаются не только к вопросу «Как человек мыслит?», но и к вопросу «Ради чего человек мыслит?» и обнаруживают, что ответы на эти вопросы закономерно взаимосвязаны.

Таким образом, мышление обеспечивает переход от незнания к новому знанию. Это новое знание может заключаться в открытии новых свойств и закономерностей мира, выработке

новых способов и правил поведения, создании новых материальных и идеальных объектов (технических устройств, произведений искусства, теорий, знаковых систем и т.д.). Человек мыслит, чтобы понять окружающий мир и себя в этом мире, а также использовать эти знания о мире и о себе для изменения окружающей действительности и управления собственным поведением.

9.2. Мышление как процесс вывода нового знания

Наличие мышления позволяет жить и разумно действовать в постоянно изменяющемся мире, обнаруживая в нем устойчивые существенные свойства, связи, отношения и закономерности. Новые знания могут быть получены человеком не только из непосредственного опыта взаимодействия с миром (через ощущения и восприятия), но и опосредствованно — с помощью *выводов*. Так, например, увидев надвигающиеся тучи, мы приходим к выводу, что будет

дождь. А утром, выглянув из окна и обнаружив мокрый асфальт, мы понимаем, что ночью прошел дождь. Выводы делаются с помощью *рассуждений*, цель которых состоит в том, чтобы определить, какие новые знания следуют (могут быть получены) из уже имеющихся исходных предпосылок или положений. *Истинность* наших выводов, т.е. степень их соответствия действительности, зависит от того, насколько нами освоены правила логических рассуждений и/или процедуры житейских («естественных») рассуждений и насколько истинны факты, на которых они основываются.

Мы постоянно слышим о «железной логике» политиков, «женской логике», логике событий, логике характера и т.д. Складывается впечатление, что существует много разных логик. Возможно ли это? Сталкиваясь в обычной жизни с нарушением правил рассуждений, мы говорим об отсутствии у собеседника логики (хотя иногда и не замечаем этого факта). Так что же такое логика? Слово «логика» употребляется и как название самостоятельной науки, и как характеристика процессов мышления. Мы говорим о логичном и нелогичном мышлении, имея в виду его определенность, последовательность, доказательность и т.п. «Быть может, он безумец, — говорит один из героев рассказа Г.К. Честертона, — но в его безумии есть логика».

9.2.1. Логика и психология мышления

Отличаются ли, с вашей точки зрения, два следующих утверждения: «Все гениальное просто» и «Все простое гениально»? Если вы согласны признать истинным первое утверждение, то логично ли будет согласиться и со вторым? По данным Б.А. Кулика, специалиста по моделированию рассуждений, подавляющее большинство сегодняшних студентов затрудняется уверенно ответить на эти вопросы и уж тем более корректно обосновать свои ответы. Хотя любой выпускник старой русской гимназии, в которой логика была обязательным предметом, ответил бы не задумываясь. На самом деле выполнить это задание можно с помощью правил формальной логики (тогда ответ будет однозначным и категоричным — «нет»), а можно — на основе «логики естественных рассуждений». Так и действуют большинство студентов. Приводя подтверждающие или опровергающие примеры, они приходят к выводу об относительности истины, содержащейся в обоих высказываниях, и этот вывод кажется вполне логичным, несмотря на его противоречие законам формальной логики.

В чем же суть формальной логики и как она связана с «логикой естественных рассуждений»? Каковы преимущества познания, осуществляемого логическим мышлением?

С IV в. до н.э. существует наука логика (от греч. *logos* — слово, понятие, рассуждение, разум), которая занимается законами правильного мышления.

Задача логического исследования — обнаружение и систематизация определенных схем (законов) правильного рассуждения.

Логика, как достаточно сложная (но в то же время весьма полезная для каждого) наука, во многом способствовала в XX в. бурному развитию информационных технологий, поскольку на законах логики основывались алгоритмы, заложенные в компьютерные программы. Безупречная логическая правильность (не путать с разумностью!), четкость и скорость преобразования информации даже породила у многих иллюзию превосходства «мышления» компьютера над человеческим.

Основные законы классической логики описал еще Аристотель. В настоящее время развиваются идеи новых неклассических, логик (логика умолчаний, логика веры, нечеткая логика и т.д.). От классической логики они отличаются тем, что в них не соблюдаются некоторые из законов, которые до XX столетия считались в логике основными (*закон тождества, закон двойного отрицания, закон исключенного третьего* и др.). Поясним разницу между ними на примерах. В классической логике, следуя закону двойного отрицания, истинным будет являться утверждение «враг моего врага — мой друг». В неклассическом варианте предполагается, что «враг моего врага может быть и моим врагом». Хорошей иллюстрацией закона исключенного третьего является текст из сказки про Буратино. Помните высказывание «больной скорее жив, чем мертв»? Согласно аристотелевской логике, если имеются два взаимоисключающих утверждения «больной жив» и «больной мертв», то одно из них истинно, а другое обязательно ложно (однако, какое является истинным, а какое ложным, логика определить не может). Убрав из числа аксиом закон исключенного третьего, неклассическая логика допускает, что больной может быть одновременно «и жив, и мертв» и названия «Живой труп» и «Мертвые души» не являются абсурдом. Дж. Оруэлл, писатель, создавший антиутопию «1984», в качестве парадоксального литературного приема часто использовал нарушение закона тождества, например: «война — это мир», «свобода — это рабство».

Во второй половине XIX в. значительный вклад в развитие логики как науки и понимание значимости логики как способа мышления внес известный всему миру автор «Алисы в стране чудес» и

«Алисы в Зазеркалье» Льюис Кэрролл, который был не менее талантливым ученым, чем писателем. Заметили ли вы, что все, происходящее с Алисой, есть порождение мира с особой логикой? Вспомним, например, как, настаивая на казни Чеширского Кота, Король Червей доказывал, что все, что имеет голову, может быть обезглавлено, включая и Чеширского Кота, который в тот момент состоял из одной головы. Без знания логики и психологии логического мышления суть произведений Льюиса Кэрролла непостижима.

Понять процессы мышления невозможно, если не знать логических методов построения рассуждений и способов аргументации, которые используют люди. Если логика как наука занимается определением правил (законов) формальных рассуждений и правил логически обоснованной трансформации высказываний (вспомним, пример: «Все гениальное просто» — «Все простое гениально»), то психология исследует:

- как люди строят естественные рассуждения с использованием логических законов;
- как люди решают логические задачи;
- как люди оценивают истинность (ложность) утверждений.

Логические процедуры являются культурными нормами организации процессов мышления. Они представляют собой социальные устойчивые технологии (формы) мышления, которые интериоризируются, превращаясь в «орудия» (средства, по Л.С. Выготскому) индивидуального мышления. Мышление «окультуривается», становится высшей психической функцией и начинает существовать в формах «логического мышления».

Различают *дедуктивное рассуждение, индуктивное рассуждение и рассуждение по аналогии*. Дедуктивное рассуждение основано на правиле перехода (умозаключении) от общего знания (истинных суждений о целом классе объектов) к частному случаю. Если «все металлы тонут в воде» (большая логическая посылка), а «золото — металл» (малая посылка), то с помощью логических правил легко получить новое частное знание — логический вывод: «золото тонет в воде». Индуктивное рассуждение позволяет сделать общий вывод (закономерность) из ряда повторяющихся частных случаев. В индуктивном умозаключении связь посылки опирается на факты. Индукция дает только вероятные или правдоподобные умозаключения, которые нуждаются в дальнейшей проверке.

Рассуждение по аналогии предполагает переход знания внутри одного уровня общности (от общего к общему, или от частного к частному) и позволяет из сходства двух объектов в одних признаках сделать вывод об их сходстве в других признаках. Аналогии часто используются в объяснениях, доказательствах, решениях задач.

В фило-, социо- и онтогенезе мы обнаруживаем дологические стадии развития мышления — практическое («ручное») мышление высших приматов (см. гл. 3), мистическое мышление у примитивных народов (Л. Леви-Брюль), дооперациональная стадия и стадия развития конкретных операций у детей (Ж. Пиаже). Начнем с изучения развитых форм логического мышления современного взрослого человека.

9.2.2. Формально логические и естественные рассуждения

Всегда ли люди мыслят логично? Бенджамин Спок, известный специалист в области воспитания детей, сформулировал, казалось бы, удивительный тезис: «Люди — самые нелогичные существа». Подтверждается ли это экспериментами?

На первых этапах становления психологии интерес исследователей, принадлежащих к разным направлениям, сосредоточился в основном на правильных формах логического мышления (В. Джеймс, Дж. Уотсон, Дж. Дьюи). Главной задачей был поиск путей совершенствования логических рассуждений (особенно путем обучения). Современная когнитивная психология, изменив ракурс анализа, снова вернулась на время к забытой тематике. Главной задачей стал поиск различий между «психологической логикой» (логикой «естественных» рассуждений) и формальной логикой. Активное внимание к этой проблеме вызвано стремлением разрабатывать «искусственный интеллект, близкий к естественному». Ведь процессы формально логических выводов легко моделируются в компьютерных системах, а человеческая логика оказывается гораздо сложнее и разнообразнее. Как же строится реальное рассуждение? Отличаются ли логические процессы, функционирующие как часть целостной системы человеческого мышления, от тех идеальных нормативных моделей, которые описываются логикой?

Многие циклы исследований зарубежных авторов (Дж. Эванс и др., 1995) были посвящены изучению правильности разных видов логических выводов. В качестве примера рассмотрим один из вариантов эксперимента. Испытуемым давались утверждения, построенные в модусе условных высказываний: «Если дано А, то имеется Б» (например, «Если у меня поднимется температура (А), то я не пойду на лекцию (Б)»). Менялись содержание второй посылки и, соответственно, вопрос, на который надо было дать логичный ответ, следовали выводы. Такой вид выводов называется *импликацией*.

Оказалось, что лучше всего испытуемые (исследовались разные контингенты: студенты, менеджеры, юристы и др.) справляются с решением логических задач, когда «А дано» и надо определить «Имеется ли Б?» Эта форма логического высказывания называется *modus ponens*.

Дано: 1. «Если у меня поднимется температура (А), я не пойду на лекцию (Б)».

2. «У меня поднялась температура».

Правильность вывода почти не зависит в этом случае от содержания той предметной области, к которой он относится, — больше 95% ответов верны («Значит, я не пошел на лекцию»). Хотя, поданным К. Джилхули (K. Gilhooly, 1988), испытуемые были более точными, когда силлогизм задавался конкретным примером (как у нас), нежели абстрактным.

Количество правильных выводов резко снижается (около 40% неверных ответов), когда вторая посылка дана в форме «Не имеется Б» и нужно сделать вывод, касающийся А. Такая логическая форма называется *modus tollens*.

Дано: 1. «Если у меня поднимется температура (А), я не пойду на лекцию (Б)».

2. «Я пошел на лекцию».

Правильный ответ («У меня нет температуры») получен примерно от 60% испытуемых. Причем для этого типа рассуждения возможность проверки получаемого вывода опытом реальной жизни оказывается более важным условием. Подчеркнем еще раз, неправильные ответы («Невозможно сказать, есть температура или нет» и «У меня может быть температура») дают 40% участников эксперимента.

Около 20% современных людей с хорошим образованием устойчиво делает ошибки, когда вторая посылка дана в форме «Имеется Б» и нужно сделать вывод, касающийся А (*утверждение консеквента*).

Дано: 1. «Если у меня поднимется температура (А), я не пойду на лекцию (Б)».

2. «Я не пошел на лекцию».

В 80% случаев испытуемые отвечают правильно: «Невозможно сказать, есть температура или нет». Однако каждый пятый (20%) уверен, что «Температура есть». Точность этого вида вывода, так же как и предыдущего (*modus tollens*), во многом зависит от конкретного содержания исходных посылок: если логически полученный вывод при соотнесении со «здравым смыслом» (опытом жизни) и «логи-

кой морали» («Нельзя пропускать лекции без уважительных причин») не опровергается, то он выступает для субъекта как логичный.

Последний из исследованных вариантов, где утверждается, что «Не имеется А» (*отрицание антецедента*) оказывается самым трудным для формулирования правильных выводов.

Дано: 1. «Если у меня поднимется температура (А), я не пойду на лекцию (Б)».

2. «У меня не поднялась температура».

Правильно отвечают («Неизвестно, пошел я на лекцию или нет») меньше 40% испытуемых, неправильно («Значит, я пошел на лекцию») — свыше 60%.

Какие же факторы влияют на точность логических выводов? Почему в процессе логических выводов может возникать ложное знание? Эксперименты, посвященные влиянию событий повседневной жизни на логические выводы, показывают, что «*эффект снижения логичности*» можно усилить, используя *содержание* явно конфликтующее «*со здоровым смыслом*», *ценностями* или *мотивацией*. По данным М. Гейса и А. Цвикки (М. Geis, А.М. Zwicky, 1971), процент ошибок существенно повышается, если такая же логическая конструкция, как была рассмотрена выше (отрицание антецедента), противоречит «жизненной правде».

Дано: 1. «Если ты пострижешь газон, я заплачу тебе».

2. «Ты не постриг газон».

Неправильный ответ («Значит, я не заплатил тебе») получен более чем в 80% случаев, а логически правильный («Нельзя определить, заплатил ли я») дают меньше 20% людей. Однако в реальном общении способ вывода, демонстрируемый подавляющим большинством испытуемых, вполне убедителен.

Экспериментальные данные этого цикла доказывают, что у нас параллельно действуют два типа логик — формальная и «житейская». Формально логический ход рассуждений корректируется оценкой реалистичности («жизненной правды») полученного вывода. Если они совпадают, то возрастает *параметр уверенности в ответе*. При их противоречивости из имеющихся логических посылок может быть выведено ошибочное умозаключение, т.е. предпочтение может быть отдано «логике здравого смысла», тогда проявляется *эффект сдвига определенности и правдоподобности результата*.

Дж. Эванс с коллегами (J.St.V.T. Evans et al., 1983) детализировали представления о механизмах взаимодействия описанных выше формальных и неформальных процедур вывода. Они просили испытуемых определять правильность выводов (не посылок!) из силлогизмов (например, послылки: «Все политики умные», «Все члены

Европейского парламента — политики», вывод: «Следовательно, все члены Европейского парламента умные»). Было обнаружено, что 40% испытуемых сосредоточиваются только на содержании заключения, и еще 30% сначала изучают заключение и только потом обращаются к посылкам. Авторы считают, что существует тенденция к определенной реакции: если заключение правдоподобно, то с ним просто соглашаются. Если же оно неправдоподобно («политики не кажутся умными»), то испытуемые переходят к изучению посылок и пытаются найти логическую ошибку в выводах. Эта тенденция названа *пристрастностью предубеждения* и очень заметна в дискуссиях.

Наряду с формальной логикой и «логикой здравого смысла» («житейского правдоподобия») в последнее время активно исследуется «*логика морали*» (В. Лефевр, В.В. Знаков). Правила в формальной логике, как мы уже знаем, не зависят от конкретного содержания *истины* и *лжи* и определяют *алгебру логики*. Лефевр пришел к мысли, что существуют правила оперирования с *добром* и *злом* и, исследовав их, написал книгу «Алгебра совести» (2003). Еще Нильс Бор заметил, что истины бывают глубокими и поверхностными. Как же мы мыслим о глубоких истинах, основанных на «логике морали»? Можно ли о хорошем и плохом рассуждать последовательно и непротиворечиво? Вытекают ли из одних оценок и норм какие-то иные оценки и нормы? Могут ли два человека, рассуждающие о хорошем и должном, противоречить друг другу? Очевидно, да, и мы постоянно сталкиваемся с таким несогласием мнений. Но как узнать, какое из них логично?

В экспериментах В. Лефевра испытуемым, относящимся к разным культурам (американской и русской), предлагалось сказать, истинно или ложно каждое из двух взаимоисключающих утверждений.

Например: «Можно послать шпаргалку, чтобы помочь близкому другу на конкурсном экзамене» и «Нельзя посылать шпаргалку, даже чтобы помочь близкому другу на конкурсном экзамене». Первое утверждение считают истинным 62% россиян и только 8% американцев, второе — 90% американцев и 37,5% россиян. Или другой пример: «Можно дать ложные показания на суде, чтобы помочь невиновному избежать тюрьмы» (согласны 65% россиян и около 20% американцев) и «Нельзя давать ложные показания на суде, даже чтобы помочь невиновному избежать тюрьмы» (признают истинным 82% американцев и 42,5% россиян). Разница существенна! Эти данные позволили В. Лефевру признать, что представители западной культуры строят моральные рассуждения, исходя из принципа

«Компромисс добра и зла есть зло», а представители восточной культуры рассуждают по правилу: «Компромисс добра и зла есть добро».

В.В. Знаков показал, что понимание истинности определенного утверждения, когда осмысление происходит в «логике морали», воспринимается как правда или неправда и оценивается как справедливость или несправедливость (кстати, «*логика оценок*» разрабатывается сейчас как отдельная проблематика). Так, рассуждая на тему: «Правильно ли делать достоянием гласности факты из личной жизни (или судебную информацию)», люди приходят к выводу, что это может навредить человеку (несмотря на то, что речь идет о фактически истинной информации), т.е. будет несправедливым и потому неправильным.

Эти закономерности мышления в «логике морали» устойчиво определяют суждения людей в самых разных ситуациях.

Преобразованное логическими средствами мышление может разворачиваться в осознанных процессах рассуждения (*логическое дискурсивное мышление*) или, автоматизируясь, происходить без контроля сознания (логическое интуитивное мышление). Дискурсивное мышление (от лат. *discursus* — рассуждение) может осуществляться как по формально логическим законам, так и по «житейской логике» («логике здравого смысла»). Интуитивное мышление как собирательный термин для разнообразных неосознаваемых процессов мышления ни в коем случае не ограничивается только использованием логических процедур, ставших автоматизированными, т.е. превратившихся из действий в операции (по А.Н. Леонтьеву).

9.2.3. Источники ошибок в логических рассуждениях

Могут ли возникать серьезные ошибки в логических рассуждениях? Если да, то каковы их причины? Этот вопрос ставили еще древние философы; его специально исследовал В. Джеймс, З. Фрейд, затем в 1930-х гг. А.Р. Лурия и другие авторы. Рассмотрим только часть из известных на сегодня причин.

Во-первых, для того, чтобы вывод был истинным, необходима истинность большой посылки, а она строится индуктивно. В ней может быть отражен опыт конкретного человека (тогда она менее надежна), но может содержаться и опыт всего человечества (хотя и в этом случае знания могут быть неполными). Наш пример с утверждением «Все металлы тонут» был верен до открытия легких металлов, поэтому вывод, например, об алюминии, сделанный логиче-

ски корректно, тем не менее окажется ложным. Обратите еще раз внимание на терминологию, принятую в этой области исследований: рассуждение может быть *правильным*, т.е. *выполненным по логическим законам*, но не истинным, и наоборот, — истинным (разумным, соответствующим действительности), но *неправильным*, т.е. *осуществленным с нарушением законов формальной логики*.

Джеймс показал, что большая посылка требует «полноты и обилия знаний». Бертран Рассел подробно анализировал виды фактов и способы их проверки (число положенных в основу суждения случаев, их разнотипность, происхождение и др.), но, очевидно, никакие правила логики без привлечения дополнительных знаний из опыта не позволяют установить истинность исходных суждений.

Во-вторых, как утверждал В. Джеймс, поскольку «мышление заключает в себе анализ и отвлечение», человеку важно иметь *проницательность*, т.е. уметь так формулировать содержание малой посылки, чтобы в ней было представлено существенное для решения задачи свойство объекта (*атрибут*). Ведь логический вывод предполагает *абстракцию*. В малую посылку включается из всего множества свойств объекта одно, а остальные исключаются из рассмотрения. «Нет ни одного свойства, которое можно было бы признать абсолютно существенным... Свойство, которое в одном случае является существенным для данной вещи, становится для нее в другом случае абсолютно неважной чертой». Приводя в качестве примера воду, Джеймс подчеркивает, что наша *цель* и *личный интерес* будут определять, что является ее существенным атрибутом — способность утолять жажду, или возможность растворять сахар, или химический состав. *Гений* отличается именно проницательностью и развитыми ассоциациями. Только в этом случае логические процедуры позволяют привлечь к своим индивидуальным знаниям общий фонд знаний человечества и прийти к правильному (разумному) выводу.

Если задуматься, чем так привлекают нас произведения Конан Дойля, то все согласятся, что их главный герой Шерлок Холмс — яркая демонстрация практической мощи проницательного логического мышления. Не сталкиваясь реально с объектом (опасным преступником), а только на основе интуитивной логики (опосредствованно), он узнает то, чего не знает никто. Кстати, Шерлок Холмс, определив свой метод рассуждений как дедуктивный, серьезно ошибался (ведь логику как науку он специально не изучал).

Третий источник ошибок может быть связан с такой процедурой вывода, которую американский философ и математик Чарльз Пирс назвал *абдукцией*. Воспроизведем ход мышления героини романа

М. Булгакова «Мастер и Маргарита» во время ее беседы с Азazelло: «Сводники приглашают женщин к иностранцам. Этот человек приглашает меня к иностранцу. Следовательно, он сводник». Это рассуждение выглядит безупречным дедуктивным выводом, достойным Шерлока Холмса. Однако оно является стопроцентно нелогичным с позиций формальной логики. Абдукция — это, можно сказать, дедукция, поставленная с ног на голову, когда вывод делается от следствия к посылке. В случае абдукции рассуждение имеет следующую форму: «Все люди смертны. Сократ смертен. Следовательно, Сократ — человек». Может показаться, что все правильно, но смертны не только люди, но и кошки, собаки, так что совсем не обязательно в данном случае речь идет о человеке. Изменив конкретное содержание примера, но сохранив ту же форму рассуждений, мы убеждаемся, что получается полный бред: «Все тигры с четырьмя лапами. Собака имеет четыре лапы. Значит, собака — это тигр». Р. Гратхоф (R. Grathoff, 1989) показал, что подавляющее большинство наших умозаключений в обычных повседневных ситуациях строится по модели абдукции, которая отражает «житейскую логику». И как ни странно, таким неправильным путем мы часто приходим к истинным заключениям. Пирс назвал абдукцию *гипотезой* и считал, что этот «своеобразный метод угадывания» хоть и ненадежен, но абсолютно необходим в новых ситуациях. Абдуктивная гипотеза, по Пирсу, возникает как озарение, соотнося новый факт с имеющимися представлениями. Ведь булгаковская Маргарита, услышав странные речи своего нового знакомого, на основе представлений о типах людей и их мотивах, сформировавшихся у нее индуктивным «способом обработки» данных «житейского опыта», делает логически необоснованный, хотя интуитивно вполне убедительный вывод. В результате она готова действовать: встать и уйти.

Кстати, по данным Гратхофа, абдукция широко представлена в мышлении следователей, суть «логики» которого лаконично сформулировал Бернард Шоу словами главной героини «Пигмалиона»: «Кто шляпку украл, тот и тетку пришил».

Четвертая причина связана с «пристрастностью психики» и определяется *мотивационно-аффективными механизмами регуляции мышления*. В рассказе Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича» есть эпизод, имеющий прямое отношение к мотивационному искажению логики мышления. Иван Ильич видел, что он умирает, и был в постоянном отчаянии. В мучительных поисках он ухватился за мысль: «Тот пример силлогизма, которому он учился... «Кай — человек, люди смертны, потому Кай смертен», казался ему правильным только по отношению к Каю, но никак не к нему..... В уме, не охвачен-

ном ужасом, такое предположение не может возникнуть. Как бы ни были нежелательны следствия наших рассуждений, они должны быть приняты, если приняты исходные посылки.

Влияние мотивов на логичность выводов в травмирующих Эго ситуациях подробно описал еще З. Фрейд. Его пациенты демонстрировали настолько удивительную «логику», выполняющую функцию психологической защиты, что Фрейд вообще отказывался признавать рациональность мышления и ввел термин «рационализация» (см. гл. 10). По Фрейду, предназначение мышления состоит в социально приемлемом снятии конфликта между Оно и Сверх-Я. При рационализации ход рассуждения осуществляется как бы в обратном направлении — от уже имеющегося мотивационно обусловленного результата к его обоснованию. Этим рационализация и отличается от нормального процесса рассуждения, предполагающего, что сначала анализируются исходные посылки и лишь на их основе формируются выводы. Вспомним «Лису и виноград»: если бы лиса, до того как попытаться съесть виноград, увидела, что он зеленый, и сделала разумный вывод о вреде незрелых фруктов для организма, то это было бы правильное логическое рассуждение. Но «логика рационализации» иная: я очень хочу винограда, но не могу его достать, значит, он мне не нужен, а почему он мне может быть не нужен? Да потому что он зеленый, а незрелые фрукты вредны.

Сторонник фрейдовского психоанализа Эйген Блейлер (E. Bleuler, 1911) ввел даже специальный термин *аутистическое мышление* для описания такого вида мышления, которое «не обращает внимания на противоречия с действительностью». Мысли в этом случае подчиняются не логике и жизненному опыту, а аффективным потребностям (желаниям, страхам и т.д.), т.е. «*принципу удовольствия*». Поэтому Блейлер противопоставляет аутистическое мышление реалистическому. Самые яркие примеры взяты автором из психиатрии (шизофрения). Но мышление существует и у здоровых людей, проявляясь в мечтах, фантазиях, воображении. По мнению Блейлера, воображение может как создавать культурные ценности, так и порождать суеверия.

Впечатляющие результаты *влияния мотивации на логику рассуждений* обнаружены нами в юридической практике. В статье 96 Жилищного кодекса РФ указывается, что «при переселении если наниматель имел право на дополнительную площадь и фактически пользовался ею, то жилое помещение должно предоставляться ему с учетом норм дополнительной площади». Решая в судебном процессе (не в лабораторном эксперименте!) логическую задачу, содержащую отрицание antecedента («следует ли давать человеку на

20 кв. м больше жилплощади, чем у него было»), профессиональные юристы в 100% случаев совершают ошибку, считая, что «названным законом запрещено предоставлять дополнительную площадь тем, кто раньше ею не пользовался». В ситуации высокой ответственности за принятое решение даже опытный профессионал проявляет *«мотивационный сдвиг рациональности»*, т.е. нарушает законы логических выводов (по сути выдает желаемое за действительное).

Пятая причина определяется степенью *освоения приемов логического мышления*. В исследованиях А. Р. Лурия испытуемые, малограмотные взрослые, должны были решать логические задачи (*силлогизмы*), содержание которых иногда противоречило имеющемуся у них житейскому опыту. Например, «Далеко на севере, где всегда лежит снег, все животные белого цвета. Новая Земля находится далеко на севере. Там живет медведь. Какого он цвета?». С помощью логических правил легко получить новое знание — «этот медведь белый» и быть абсолютно уверенным в истинности этого логического вывода. Подчеркнем еще раз, что если логическое мышление уже сформировано, то мы настолько доверяем чужому опыту, на котором основана большая посылка, и социальному средству (усвоенным правилам вывода), что практически не задумывается о возможности ошибки. Однако в эксперименте А. Р. Лурия неразвитость логического мышления людей другой культуры проявилась в следующих феноменах:

- недоверии к исходной посылке, отказе принять ее и исходить из нее, как из реального основания для дальнейших рассуждений («Я на севере не был, какие там животные, не знаю», — говорили испытуемые);
- отсутствии понимания всеобщего характера большой посылки («Раз там живут белые медведи, могут жить и бурые. Вдруг тот, кто там был, их просто не встретил»);
- несвязанности структуры силлогизма: предъявляемый текст воспринимался как три отдельных предложения, не образующих единую логическую систему, испытуемые не видели в этом тексте задачу и не понимали сути инструкции (экспериментатор зафиксировал такие ответы: «Чтобы сказать, какие там медведи, надо поехать и посмотреть» или «Спросите тех, кто там был»).

А.Р. Лурия обнаружил также и переходную форму мышления, носители которой уже были способны оперировать логическими правилами вывода. Эти испытуемые отличались тем, что при совпадении содержания, о котором шла речь в силлогизме, с их опытом и образом жизни, ответы внешне выглядели как полученные на основе логических рассуждений. Но если вывод, сделанный за счет ло-

гических процедур, не находил подтверждения (*верификации*) в их жизненном опыте, то испытуемые демонстрировали *феномен недоверия к результатам собственного логического мышления*. С точки зрения логики они сопровождали правильный ответ лишними комментариями типа: «там медведь должен быть белым, но надо все-таки поехать посмотреть» или «металлический предмет должен утонуть, но лучше его бросить в воду и проверить». Аналогичные результаты получил американский исследователь Мартин Коул в Либерии при исследовании вождя одного из племен.

В качестве последней причины назовем целенаправленное искажение логических рассуждений с целью «интеллектуального мошенничества» (обмана собеседника, введения его в заблуждение, манипуляции его действиями). Конкретные приемы таких искажений и способы «защиты» от них для обеспечения «психологической безопасности» подробно описаны в практической литературе.

9.3. Мышление как процесс решения задач

Большинство исследователей изучает те формы мышления, которые проявляются в процессах решения задач, анализируя влияние различных условий (их называют также факторами), помогающих или препятствующих успешности решения. Принято делить эти условия на *объектные*, связанные с внешними причинами (и в первую очередь с содержанием и формулировкой задачи), и *субъектные*, которые определяются психологическими особенностями человека, осуществляющего процесс мышления.

Задача — это цель, данная в определенных условиях (определение А.Н. Леонтьева). Это широкое определение, подходящее к любым задачам (двигательным, перцептивным, мнемическим, учебным и др.), требует существенных уточнений, когда речь идет о мыслительных задачах. Напомним также, что *«цель - это предвосхищаемый субъектом результат будущего действия»*, ее роль состоит в регуляции хода выполнения действия и при необходимости его корректировки. Когда речь идет о целевой регуляции мышления, мы сталкиваемся с парадоксом, замеченным еще в Древней Греции. Он звучит так: «Если я знаю, что ищу, то зачем мне еще искать, а если не знаю, то как я могу искать».

Разрешением этого парадокса является процесс постоянного изменения цели по ходу развертывания процессов мышления. Таким образом, в ходе мышления мы одновременно и реализуем цель, и

порождает новую, которая становится регулятором следующего шага процесса поиска решения. Этот процесс развертывания целеобразования по ходу мыслительной деятельности объективно зафиксирован с помощью регистрации траекторий движения глаз (О.К. Тихомиров, Э.Д. Телегина, В.А. Терехов). При решении шахматных партий удалось установить, что при подготовке очередного хода шахматист анализирует не только те зоны шахматной доски, на которых разворачивается действие, а активно просматривает в разных комбинациях те поля и фигуры, которые войдут в содержание следующих целей. Причем для того, чтобы результаты этой ориентировки превратились в сознаваемую цель, эмоции должны дать соответствующий сигнал (он фиксируется по падению гальванического сопротивления кожи — КГР) к началу процессов вербализации. Прежде чем цель будет осознана самим шахматистом, экспериментатор по расшифровке движений глаз и моменту падения КГР может предсказать, какая это будет цель. Такие же данные получены при записи осязательной активности слепых шахматистов.

Условия и цель могут быть представлены человеку с разной степенью *полноты, определенности* (ясности, однозначности) и *обобщенности*. Различают хорошо определенные задачи и плохо определенные задачи. В хорошо определенных задачах все элементы достаточно ясны и однозначны. Мышление в этом случае только должно найти, как говорят когнитивные психологи, *«метод решения, преобразующий исходную ситуацию в целевую ситуацию»*. Примером может служить конкретная шахматная позиция, где «белые начинают и дают мат в два хода». С разработки программ (алгоритмов и эвристик — правил, сокращающих процесс полного перебора вариантов) для решения таких задач началось создание систем искусственного интеллекта.

В качестве примеров открытой (или плохо определенной) задачи приведем вслед за О.К. Тихомировым следующие: «Как сохранить жизнь на Земле? Как сделать всех людей счастливыми?». Изучением решения плохо поставленных задач впервые стали заниматься гештальтпсихологи (К. Дункер, М. Вертгеймер). Они предлагали испытуемым открытые задачи (*творческие проблемные ситуации*). Такая задача объективно имеет множество решений, что дает испытуемому больше свободы для развертывания разнообразных вариантов процесса поиска.

К. Дункер и М. Вертгеймер впервые проследили в экспериментальных условиях динамику развертывания *продуктивного мышления* — стадии решения творческой задачи. При этом испытуемый должен был рассуждать вслух. Наиболее известной стала задача

Дункера с X-лучами (1945). «Дано: у человека неоперабельная опухоль желудка. Мы знаем, что если использовать определенные лучи достаточной интенсивности, то опухоль может быть разрушена. Проблема состоит в том, как применить эти лучи требуемой силы, чтобы они не повредили здоровые ткани, окружающие опухоль?».

В полученных *методом рассуждения вслух* протоколах К. Дункер выделил функционально различные стадии:

- анализ материала;
- понимание (осознание) конфликта;
- нахождение функционального решения;
- нахождение окончательного решения.

Эти стадии могут многократно и в разной последовательности повторяться в реальном процессе решения. На первой стадии складывается *«первичный гештальт»*, т.е. *целостное представление о проблемной ситуации*. Происходит понимание условий и цели в их взаимоотношении между собой, «структурирование поля», т.е. выделение значимых в контексте задачи в целом условий (по существу «поле задачи» преобразуется в «фигуру и фон»). В результате этого явным для решающего становится конфликт между тем, что дано исходно, и тем, что требуется получить в конце. В задаче с X-лучами правильное содержание осознаваемого конфликта таково: «Воздействующие лучи должны быть *одновременно* и высокой интенсивности (достаточной для разрушения опухоли), и слабой интенсивности (здоровые ткани нельзя травмировать)». На первой стадии возникает только общее смутное впечатление о правильном направлении движения к решению, «где его надо искать», но «не что конкретно надо делать». В сознании появляются одна из идей типа: 1) «избежать столкновения лучей со здоровыми тканями», 2) «снизить чувствительность здоровых тканей к воздействию лучей», 3) «уменьшить интенсивность лучей, когда они проходят через здоровые ткани» (рис. 65). Осознание внутренней противоречивости и незавершенности ситуации как целостной структуры (в этом и состоит суть конфликта!) запускает механизмы переструктурирования проблемного поля в направлении этой общей идеи для получения «хорошего гештальта». Наступает переход к следующей стадии — *возникновение функционального решения*. Обратите внимание, что характеристики «хорошего гештальта», постулируемые в этом направлении психологии как универсальные для любого восприятия (см. гл. 7), автоматически переносятся и для объяснения динамики мышления (простота, прегнантность, завершенность и др.).

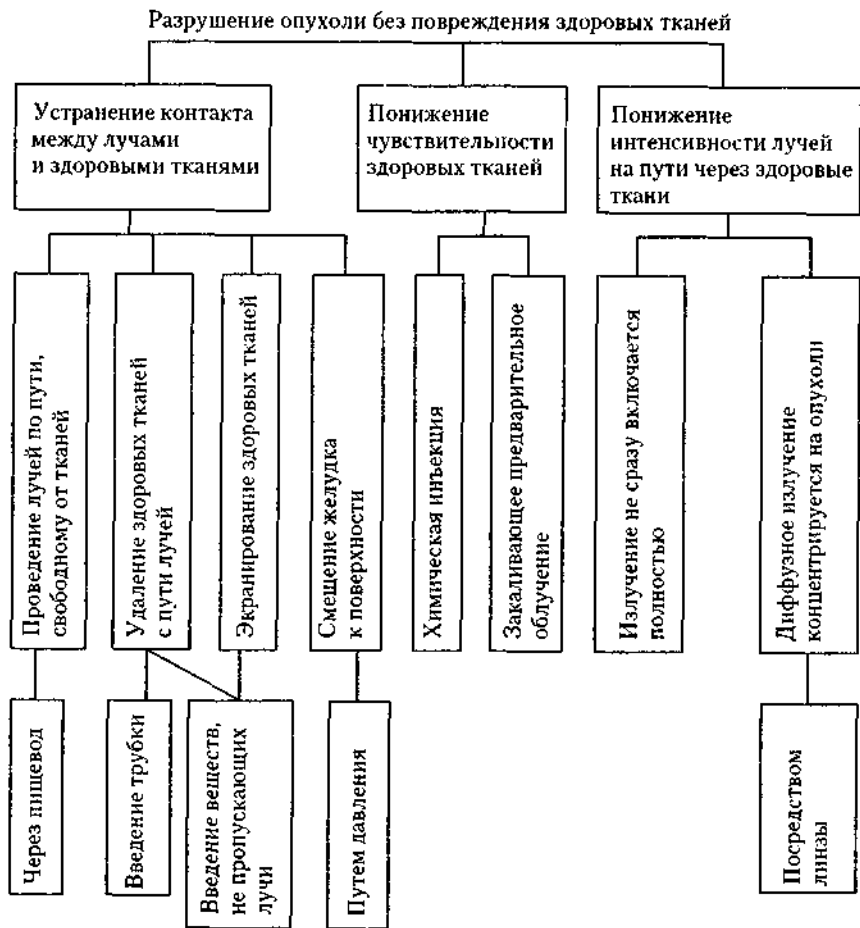

Рис. 65. «Дерево поиска решений» задачи на X-лучи

Стадия функционального решения проявилась в этих исследованиях как мгновенное («инсайтное») осознание принципа решения. Вернемся снова к рис. 65, на котором изображен процесс движения мыслей решающего эту задачу человека. Испытуемому, если в его сознании была идея 1, «вдруг приходит в голову мысль», что «можно путь лучей к желудку освободить от здоровых тканей», а если была идея 3, то содержание инсайта будет другим — «подавать слабые лучи на поверхность тела и достигать их высокой концентрации в том месте, где находится опухоль». Механизм инсайта с позиций

гештальтпсихологии объясняется, подчеркнем еще раз, спонтанным переструктурированием проблемной ситуации (по собственным законам преобразования «психологического поля»!). В этом поле возникают новые функциональные значения элементов задачи. Это происходит за счет их включенности в целостную структуру. Обнаруживаемое функциональное значение служит основой предлагаемого принципа решения (в терминах гештальттеории — функционального решения).

На третьей стадии продукт предыдущей стадии (функциональное решение) разрабатывается, конкретизируется и превращается в окончательное решение. Так, если мысль испытуемого движется по правильному (по мнению Дункера — третьему) пути, то он называет способ (предмет), который позволит сделать лучи более слабыми на поверхности и собрать их в мощный пучок на опухоли. «Нужно использовать линзу!» — звучит окончательный ответ. Кстати, впоследствии гештальтпсихологи стали говорить о множественности инсайтов (может быть, не так ярко переживаемых как основной, описанный выше), но сейчас считается, что переход от стадии к стадии всегда обеспечивается механизмом переструктурирования гештальтов, результаты которого открываются сознанию субъекта как инсайт.

Анализ «разумности» полученного решения, т.е. его адекватности условиям (сформулированным непосредственно в тексте задачи и более общим), его реалистичности (легкости выполнения), оптимальности (проверка — «нет ли возможности найти еще лучшее решение»), не представлен в стадиях, описанных Дункером. Причина отсутствия в этой модели процесса специальной стадии проверки может быть понята нами, если мы обратим внимание на особенности используемых в эксперименте творческих задач. Они таковы, что если обнаружен принцип, то можно сказать: «задача решена».

Творческое мышление — это процесс целеобразования, длящийся в течение всего поиска решения. Посмотрите с этой точки зрения на последовательность решений, полученных в экспериментах Дункера (рис. 65). Вы видите, как переход от стадии к стадии связан с конкретизацией содержаний целей. И если конкретная цель оказывается недостижимой (например, повысить иммунитет тканей путем адаптации), то осуществляется переход на другую ветвь, и там целеобразование продолжается.

Важный аспект влияния различий в формулировке цели на то, как мы решаем задачу, продемонстрировал другой представитель гештальтпсихологии Л. Секели (L. Szekely, 1950). В его экспериментах на столе перед испытуемым находилось много разных предме-

тов, среди которых были деревянная призма и планка. Планку клали на грань призмы так, чтобы она находилась в равновесии. Требовалось сообразить, как, используя только данные предметы, сделать так, чтобы спустя несколько минут один конец планки автоматически опустился. Решение должно было быть следующим: взять свечу, расплавив с помощью спичек один ее конец, прилепить ее к планке, затем любым набором предметов, положенным на другой конец планки, уравновесить свечу. А что же дальше? Нужно зажечь свечу, стораая, она будет терять вес, и конструкция (сама!) выйдет из состояния равновесия. Здесь, как пишет автор, цель состояла в том, чтобы создать *изобретение*.

Для другой группы испытуемых на столе стояла призма с лежащей на ней планкой. На одном ее конце была горящая свеча. Конструкция находилась в состоянии равновесия. Испытуемый должен был сказать, что произойдет через некоторое время. (Правильный ответ: равновесие нарушится.) Следовательно, содержанием цели было *предсказание*. Третья группа испытуемых наблюдала эту ситуацию и видела, как равновесие стало нарушаться. Им задавалась цель — дать *объяснение* происходящему. Оказалось, что специфика каждого из вариантов постановки цели определяет не только траекторию движения мыслительных процессов, но и их эффективность: легче всего испытуемые Сексили справлялись с заданием «объяснить», труднее было «предсказать», а цель «изобрести» (создать, сотворить) достигли только очень немногие. А ведь эти три ситуации могут показаться одинаковыми, поскольку мышление должно базироваться на одном и том же знании — «свеча при горении теряет вес»!

Вся наша жизнь состоит из решения самых разных задач. Но влияют ли они друг на друга? Безусловно, скажут бихевиористы, ведь мы приобретаем «умственные навыки» (привычки), которые могут быть перенесены в новые условия. Если эти новые условия в своих существенных моментах совпадают с теми, где формировался навык, то мы называем это умным поведением, а если нет — глупым. Отчасти такое рассуждение правильно, но достаточно ограничено. Действительно, использование принципа и/или способа решения одной задачи при решении другой встречается. Это называется *решение по аналогии*.

Важно различать два случая: 1) решение путем использования аналогии за счет знаний, извлекаемых из долговременной памяти по ассоциации или общего признака (закономерности этого процесса описаны в гл. 8); 2) решение на основе аналогии, формирующейся «здесь и сейчас», т.е. в едином мыслительном процессе взаимосвя-

занного анализа ряда задач. Ко второму варианту бихевиористское рассуждение не подходит.

Интересные закономерности использования подсказок для снятия барьеров, препятствующих решению, обнаружены в исследованиях Я.А. Пономарева и Ю.Б. Гиппенрейтер. Чтобы лучше понять результаты этих авторов, попробуйте сами решить следующие задачи. Первая: «Даны 9 точек, расположенные по 3 в каждом ряду. Зачеркните их четырьмя линиями, не отрывая карандаша от бумаги». Вторая: «Сложите из 6 спичек 4 равносторонних треугольника с длиной стороны, равной длине спички». Исходные условия даны на рис. 66.

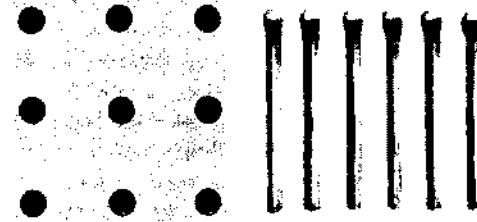

Рис. 66. Условия задач «9 точек» и «6 спичек»

Представление условий в наглядном плане помогает преодолеть неопределенность словесной формулировки (особенно для задачи с точками). Вам понятна цель? Вы скажете, что в общем, да, понятна, только вся проблема в том, как зачеркнуть точки и как сложить спички. В этих задачах искомым является способ действий.

Начните действовать и постарайтесь следить за динамикой своих целей. Чем более точно происходит анализ условий в их отношении к требованию задачи (это конечная цель высокой степени неопределенности), тем адекватнее формирующиеся промежуточные цели, которые, как путеводная нить, ведут к результату.

У большинства испытуемых эти задачи решались далеко не сразу. Они предпринимали множество безуспешных попыток, причина которых кроется в неправильном истолковании цели. В цель произвольно (и неосознанно) включается дополнительное ограничение, которое снижает уровень общности цели и закрывает перед испытуемым возможность движения в направлении правильного решения. В задаче со спичками все попытки осуществляются на плоскости, а этого ограничения нет в формулировке цели! Надо выйти в трехмерное пространство и сложить тетраэдр. Аналогично для задачи с точками надо осознать произведенное «доопределение» (неадекватную конкретизацию) цели, отказаться от него и провести линии вне контуров фигуры, намеренных девятью точками (рис. 67).

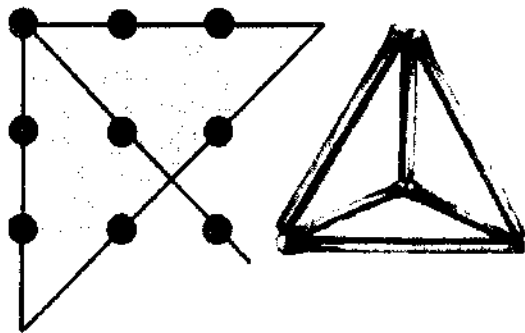

Рис. 67. Решение задач «9 точек» и «6 спичек»

пользование готового тетраэдра в качестве пробки для отверстия; 3) размещение на ограниченной площади ряда коробок, которые надо поднять из горизонтального в вертикальное положение, чтобы они поместились на отведенном участке. Я.А. Пономарев для подсказки в задаче «соединить 4 точки тремя линиями» давал игру типа шашек, где траектория руки испытуемого копировала требуемый основной задачей рисунок, или просил вписать квадрат в четырехугольник.

Эксперименты показали, что аналогия принципа решения возникает не случайно, а только в определенных условиях. Максимально выражен эффект переноса принципа решения с «наводящей» задачи на «основную» при следующей последовательности задач и действий. Сначала человек пробует решить экспериментальную задачу («основная» задача). Его безуспешные действия должны продолжаться до тех пор, пока он не реализует все доступные ему попытки решения. При этом интерес к задаче и желание ее решить должны сохраняться. Тогда экспериментатор на время прерывает работу над основной задачей и дает наводящую, в которой должен быть тот же принцип решения, что и в основной, но представленный в другом материале. Наводящая задача должна быть субъективно легче основной. Испытуемому не сообщается о связи этих задач между собой. При возвращении к прерванному решению подсказка «срабатывает» и возникает «инсайт». Соотнесите экспериментальные выводы о действенности подсказки с фактами открытий, сделанных «с помощью случая» (например, Кеккуле открыл цикличность структуры молекулы бензола, увидев ожерелье на шее жены), и вы убедитесь, что эти якобы «случайности» работают в полном соответствии с закономерностями психологии мышления.

В экспериментах применялись подсказки в виде решения «наводящих» задач. А.Н. Леонтьев и Ю.Б. Гиппенрейтер для задачи с 6 спичками (см. рис. 67) в качестве подсказки принципа решения — выйти из плоскости в трехмерное пространство — использовали:

1) введение в поле зрения вертикально стоящих предметов; 2) использование

Таким образом, экспериментаторы, предлагая разные косвенные подсказки (решение наводящих задач, имеющих тот же принцип решения), выяснили, что главное — это готовность испытуемых к пониманию сути подсказки. Эта готовность максимальна, когда уже все собственные идеи исчерпаны, но интерес к задаче еще остается на высоком уровне.

Значимость последовательности решения задач можно проиллюстрировать другим экспериментом. Ответьте последовательно на следующие вопросы: «Может ли два плюс два быть не равно четырем?», «В каких условиях два плюс два может быть не равно четырем?», «Способны ли вы привести не меньше трех случаев (примеров), когда два плюс два может быть не равно четырем?», «Что получится, если к двум каплям жидкости добавить еще две?». Задайте эти же вопросы кому-нибудь другому, но в обратном порядке, начиная с последнего вопроса. Результат должен оказаться намного лучше. Влияние последовательности предъявления задач — это важный ситуативный фактор. Конечно, его надо рассматривать с учетом содержания цели (об этом мы упоминали выше).

Если выше рассматривались эксперименты, где при удачной последовательности решаемых задач, продуктивность нашего мышления возрастает, то теперь остановимся и на возможности обратного эффекта. А. Лачинс (A.S. Luchins, 1942) предлагал решать серии задач, в которых надо было придумать довольно сложную последовательность действий по отмериванию определенного количества воды с помощью кувшинов разного объема. В каждой задаче конкретные значения объемов были разными, а последовательность действий — одна и та же. Обнаружив принцип решения и несколько раз повторив его, испытуемые решали «критическую» задачу тем же сложным способом, что и предыдущие, хотя она имела более простое решение.

Интересной проблеме самоинициации мышления посвящен большой цикл исследований Д. Б. Богоявленской. Разработав специальные методики «Креативное поле» (например, цилиндрические шахматы — доска склеивается и вместо плоскости представляет собой цилиндр), Д.Б. Богоявленская создала возможность для проявления в эксперименте феномена «интеллектуальной активности». Испытуемые должны были решать предложенные экспериментатором задачи, но сама предметная область стала новой и приобрела такие свойства, что часть испытуемых (они были названы креативы) прекращала решение «чужих» задач, выдвигала собственные «исследовательские цели» и начинала самостоятельную познавательную деятельность, направленную на понимание новой реальности (свойств цилиндрических шахмат).

Таким образом, эффективность решения зависит от способа формулировки условий и цели, в своем единстве образующих психологическую структуру задачи. Вспомните, кстати, суть рассказа Оноре де Бальзака «Шагреновая кожа». Ошибка, о которой идет там речь, мотивационно-когнитивного (мыслительного) плана. Существуют психологические тренинги для обучения людей правильной постановке и пониманию целей и задач. Уточнив все существенные условия и представив их как взаимосвязанную систему, а также преодолев искажения в понимании содержания цели, следует превратить задачу в «хорошо сформулированную», что повысит успешность ее решения.

9.4. Мышление в реальных процессах творчества

«Мышление — это всегда искание и открытие существенно нового», — писал А.В. Брушлинский (1977). Такое понимание мышления позволяет уже не использовать для выделения его специфики среди других умственных процессов прилагательные «продуктивное», «творческое».

Тайна механизмов этого движения к новому представляет интерес не только для психологов, но и для людей, добившихся признания обществом результатов своей мыслительной деятельности (творцов). Именно поэтому А. Эйнштейн часами рассказывал М. Вертгеймеру о том, как он работал над созданием теории относительности. Ученые А. Пуанкаре и Ж. Адамар написали книги о процессе своих математических открытий. Многие творческие личности в мемуарах пытались отразить, что же привело их к выдающемуся результату, в чем причина того, что именно им удалось сделать новый решающий шаг на пути познания мира.

Психологи используют существующий биографический материал наряду с анализом продуктов мыслительной деятельности (дневники, письма, зарисовки, схемы, чертежи, проекты, тексты и, конечно, сами изобретения) и данными лабораторных экспериментов. Это позволяет понять макроструктуру процесса реального мышления (от зарождения идеи до получения результата) и описать отдельные фрагменты мыслительного процесса, которые можно затем подробнее исследовать в эксперименте (переход к микроанализу). К сожалению, воспроизвести в лабораторных условиях настоящее открытие или рождение произведения искусства невозможно. При изучении психологических процессов такого уровня сложности, как творческое мышление, очень легко повторить ошибку, которой посвящена притча про слепых и слона. Идя по дороге, слепые встретили слона и попытались узнать «Что это

такое?». Каждый взялся ощупывать какую-то часть животного, но одному достался хобот, другому — нога, третьему — туловище, четвертому — хвост. Из представлений об исследованных (причем тщательно!) частях не удалось синтезировать истинного знания о слоне.

При психологическом анализе обязательно учитывается тот факт, что мышление реализуется не только осознаваемыми, но и неосознаваемыми процессами, которые не могут найти своего отражения в воспоминаниях и рефлексии (самоанализе). Определенная часть процессов мышления плохо поддается вербализации, поскольку связана с динамикой и взаимодействием смыслов. К тому же биографическая информация об уже осуществившихся процессах мышления искажается в памяти, где действуют свои законы конструирования воспоминаний и забывания (см. гл. 8). Случается и так, что иногда человек невольно выдает желаемое за действительное.

Существует много свидетельств гениальных людей о том, что мысль о направлении поиска или о принципе решения пришла им в голову «как-то сама собой» и им оставалось только записать ее (периодическая система химических элементов Д.И. Менделеева, формула бензольного кольца Кеккуле). Однако этот яркий момент инсайта (озарения, открытия) при тщательном анализе данных самонаблюдения оказался только центральной, кульминационной точкой длительного процесса работы над проблемой. Американский психолог Грэхэм Уоллес (1926) предложил схему из четырех стадий творческого мышления: подготовка, созревание, озарение, проверка. Первая стадия (подготовка) состоит в длительном, трудоемком анализе проблемы, накоплении информации, осуществлении многочисленных сознательных попыток решения, которые не приводят к успеху. Вторая стадия (созревание) характеризуется отсутствием сознательной работы, когда кажется, что процесс мышления на время прекратился и человек начинает заниматься другими делами, но внезапное наступление третьей стадии (прорыв в сознание идеи решения) свидетельствует о том, что это не так, — работа не прекратилась, а просто вступили в действие неосознаваемые механизмы мышления. Затем снова требуется участие сознательных механизмов. Проверка, критика, контроль составляют содержание четвертой стадии, после успешного прохождения которой уже можно сообщать миру о новом открытии (транслировать результат).

Вертгеймер, как мы помним, занимался и экспериментами на лабораторных творческих задачах. В результате им был создан собирательный образ творческого процесса, состоящего из пяти стадий.

1. Возникновение темы. Человек переживает чувство необходимости начать работу, «направленную напряженность», которая мобилизует его творческие силы.

2. Восприятие темы, анализ ситуации, осознание проблемы. На этой стадии складывается целостный образ проблемной ситуации, отыскивается ведущее противоречие, конфликт, подлежащий разрешению, возникает предощущение будущего развития решения.

3. Осуществление попыток решения, часто трудных и мучительных. Проблема «захватывает» человека. Она постоянно находится в сознании, появляются также косвенные свидетельства, что работа происходит и на неосознаваемом уровне, идет выдвижение, проверка и отвержение гипотез, но «так необходимая блестящая идея не приходит в голову».

4. Возникновение новой идеи (принципа, замысла) решения. Природа этого момента таинственна и непонятна для самого субъекта мыслительного процесса. Отсюда возникают мистические концепции творчества.

5. Исполнительная, «техническая» стадия, когда решение конкретизируется, дорабатывается, уточняется, проверяется и оформляется в соответствии с социально принятыми требованиями.

Таким образом, мы видим, что процессы мышления, составляющие в целом ход решения новых задач, разнообразны по особенностям протекания и функциональному вкладу в достижение итогового результата. Исследование закономерностей перехода от проблемы к получению нового знания требует усложнения методик и объяснительных схем.

9.5. Язык, речь, мышление

Язык как система знаков служит средством осуществления человеческого *общения* и *мышления*. Эта система знаков относительно независима от индивида (мы рождаемся и живем в конкретной языковой среде). Освоение языка ведет к развитию речевой и мыслительной деятельности, открывая возможность понимать, осмысливать и использовать знания, полученные другими людьми и составляющие культуру, основывать свое поведение преимущественно на социальном опыте, а не только на индивидуально приобретенном и видовом, что характерно для животных.

Многие важные свойства обозначаемого предмета фиксируются в самой структуре слова. Проанализируем в качестве примера структуру слова «чернильница» и его значение. Допустим, что некто никогда не видел этого предмета (в эпоху господства компьютеров это несложно себе представить). Сможет ли он догадаться, что такое «чернильница»? Оказывается, что структура слова содержит ряд

подсказок. Корень слова «черн» явно обозначает темный цвет; первый суффикс «ил» — признак орудийное™ (зубило, белила); второй суффикс «ниц» свидетельствует о предмете, в который что-то кладут (сахарница, пепельница, пудреница). Рассуждая таким образом, можно прийти к выводу, что «чернильница» — это вместилище для красящего вещества, которое используется при осуществлении деятельности. Значит, форма слова, а иногда и его звучание (прислушайтесь к словам «шепот», «шорох», «шуршанье») связаны со значением. Овладевая языком, мы приобретаем средство анализа мира.

Язык как социальное явление является условием возникновения и развития речи, как явления психологического. Речь имеет две взаимосвязанные функции: коммуникативную и интеллектуальную. Речь, с одной стороны, представляет собой особую форму деятельности — коммуникативную, называемую также общением. Общение имеет собственные мотивы, цели и операции (см. гл. 11) и использует язык как средство. По этому поводу Л.С. Выготский писал: «Общение, основанное на разумном понимании и на намеренной передаче мыслей и переживаний, непременно требует известной системы средств, прототипом которой была, есть и всегда останется человеческая речь». Кстати, знаки как средства не обязательно должны иметь звуковую форму, они могут быть любой физической природы: жесты, танцы, рисунки, письменность, символы, формулы, схемы и т.д. Безусловно, в зависимости от носителя потенциальная информационная емкость знаковой системы различна. Например, популярный в салонах XIX в. «язык цветов» мог донести до собеседника очень ограниченный объем информации (от «я испытываю к вам расположение» до «я увлечена другим»). В этом плане самыми мощными и принципиально неисчерпаемыми средствами для обозначения новых содержаний являются звуковая речь и письменность.

С другой стороны, речь как носитель системы значений различного типа определяет способ формирования, формулирования и понимания мыслей. Это означает, что между речью и мышлением существуют очень сложные взаимоотношения и взаимопереходы.

Значения являются одновременно: 1) предметом процесса мышления (содержанием того, о чем мы мыслим); 2) средством мышления (знак выполняет функцию «орудия», позволяя выделять свойства объекта, фиксировать их и устанавливать новые отношения); 3) продуктом мышления (в результате мышления вырабатываются новые значения).

Для разъяснения этого положения наблюдайте за ходом своих рассуждений при решении следующей задачи: «Необходимо одной линией разделить четырехугольник на четыре треугольника».

Прервите на минуту чтение и постарайтесь найти ответ. Какой четырехугольник вы рассматриваете? Квадрат? Прямоугольник? Ромб? А линию? Прямую? Кривую? Ломаную? Все еще не получается? Тогда задумайтесь, на каком значении понятия «четырёхугольник» вы строите свое решение? Не ограничились ли вы себя только выпуклыми фигурами? А что если взять класс вогнутых четырёхугольников? Уже решение намечается: вогнутый четырёхугольник легко делится одной прямой линией, на три треугольника! Задумайтесь теперь над тем, с каким значением слова «делит» вы действуете. Если «делит» означает, что при сложении площадей полученных треугольников должна получиться площадь исходного четырёхугольника, то вы не решите задачу. Если же слово «делит» означает «образует контуры», имея в виду, что один из нужных нам треугольников не находится на площади четырёхугольника, да и во второй треугольник также входит эта «пустота». Теперь получилось? Сравните свое решение с правильным ответом, изображенным на рис. 68.

Почувствовав влияние значений на ход собственного мышления (в качестве и предмета, и средства его организации), давайте осознаем, что при этом происходило также и изменение (развитие) значений. Теперь вы являетесь носителем широкого значения слова «четырёхугольник» (это и есть продукт) и будете пользоваться этим значением в дальнейшем.

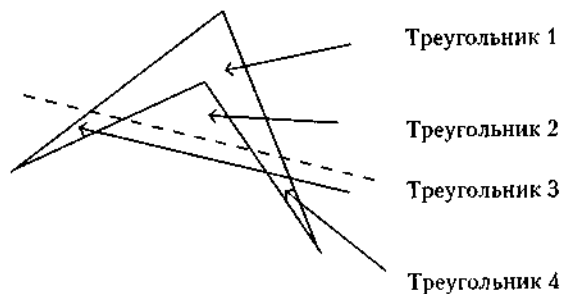

Рис. 68. Визуальное решение задачи: «Необходимо одной линией разделить четырёхугольник на четыре треугольника»

Повторим еще раз идею Витгенштейна «Неназванное не существует» и добавим — «в первую очередь для человеческого мышления». Ведь предметом мышления могут стать только те аспекты реальности, которые отражены в значениях. Согласно гипотезе

лингвистической относительности, высказанной еще в 1950-е гг. двумя американскими этнографами Э. Сепиром и Б. Уорфом, структура языка определяет мышление, т.е. ассоциации, интерпретации мира, и даже понимание одинаковых событий должны различаться у людей, владеющих разными языками. Известно, что в примитивных языках можно иногда обнаружить более дифференцированную систему значений, чем в развитых, для обозначения тех предметов, которые активно включены в деятельность. Например, в языке эскимосов существует около 40 названий для таких состояний снега, которые мы даже не различаем, отсюда следует заключение, что носители эскимосского языка думают о снеге иначе, чем мы с вами. Значение слова «снег» для них богаче.

Правда, структура этих значений, отражающая способ мышления, который применяется для выделения общего основания, позволяющего обозначать разные предметы одним словом или знаком, зачастую оказывается совсем не такой, как у нас, и, с нашей точки зрения, нелогичной. Например, отсталые племена могут использовать одно и то же слово для называния людей — членов племени и определенного вида животных. «Мы — красные попугаи», говорят они европейцам, чем ставят их в тупик. Такую же технологию называния мы видим в фильмах про индейцев, вождь которых называет себя «Горным орлом», «Смелым волком» и т.д. Однако если знать, что данное животное является для племени предметом поклонения (тотемом), то общее название перестает восприниматься как абсурдное, оно просто отражает факт проживания на одной территории, и наличие общей черты — смелости, хитрости, неуязвимости, которая в мистическом мышлении как бы передается через название к предмету. В реалистическом мышлении, наоборот, свойство должно быть объективно присущим предмету, тогда на него распространяется определенное название. Например, чтобы мы назвали нечто «столом», необходимо, чтобы была горизонтальная гладкая поверхность, может быть, ножки и т.д., а главное, чтобы на этом предмете можно было располагать другие вещи, есть, писать и сидеть возле него самому. Об этом подробно писал Леви-Брюль в книге «Первобытное мышление», а Л.С. Выготский и А.Р. Лурия проинтерпретировали описанные факты как проявление вариативности (разнообразия) присущих человеку структур значений.

Приведенный нами пример свойственного примитивному мышлению типа обобщений называется «фамильное имя». Такие значения отчасти сохраняются в языке и мышлении развитых культур. Какую информацию мы извлекаем из сообщения, что перед нами семья Ивановых? Мы думаем, что они живут в одном месте, пыта-

емя установить, в каких конкретно родственных отношениях они состоят, какие чувства испытывают друг к другу, задаемся вопросом: «А может быть у них есть общий существенный признак?». Очевидно, что даже если все объекты, названные «семья Ивановых», не обладают ни малейшим сходством и не живут в одном месте, то и тогда такой способ присвоения названия правомерен, поскольку все они являются кровными родственниками.

Согласно культурно-исторической теории Выготского, в качестве единицы анализа высших форм мышления, отличающих человека от животных, следует выбрать значение слова, отражающее «единство общения и обобщения». Линии развития двух психических функций — мышления и речи, которые в животном мире были независимы друг от друга, у человека пересекаются. В животном мире и самом раннем детстве человека обнаруживаются «доречевая стадия» мышления и «доинтеллектуальная стадия» речи. Однако уже на втором году жизни в ходе процесса социализации начинает складываться новая психологическая реальность — мышление как высшая психическая функция (произвольная, опосредствованная и системноорганизованная — см. гл. 2). Это значит, что мышление становится «речевым» (можно сказать шире — знаковым, символическим), а речь становится «интеллектуальной».

Речевому мышлению предстоит пройти долгий путь развития: от синкретической стадии к комплексной, а затем к понятийно-логической, прежде чем оно обретет привычную для нас форму мышления взрослого цивилизованного человека. Таким образом, осмысленная человеческая речь является началом движения к абстрактным знаниям о мире, полученным с помощью понятийно-логического мышления.

Действительно, для животного общение с себе подобными и решение задачи — абсолютно не связанные между собой процессы. Животное не может «думать» и «говорить» одновременно. У человека, наоборот, при возникновении трудной задачи, не решаемой по известному правилу, усиливается речевая активность. Ее можно объективно зафиксировать, записывая электромиограмму (ЭМГ) — величину электрических токов мышц голосового аппарата (исследования А.Н. Соколова). Даже у взрослого речевая активность, возрастая, может стать видимой (шевеление губами) и перейти в план внешней речи (шепот).

Эксперименты Ж. Пиаже и Л.С. Выготского обнаружили у младших дошкольников существование непонятной для окружающих формы речи, названной эгоцентрической или «речью для себя», которая является носителем развертывающихся процессов мышления.

В это время мышление еще только вступает на путь интериоризации (перехода во внутренние, свернутые формы — см. гл. 2).

О природе, функциях и судьбе эгоцентрической речи Выготский горячо полемизировал с Пиаже, доказывая, что эгоцентрическая речь — это не просто звуковой аккомпанемент внутреннего процесса мышления, который сопровождает движение мысли. Эта странная речевая реальность и есть единственная форма существования (рождения и развития) мысли ребенка, и другого, параллельного, чисто умственного размышления у ребенка на этом этапе просто нет. И только пройдя эту стадию, мышление в ходе дальнейшей интериоризации будет постепенно превращаться в умственный процесс, преобразовываясь во внутреннюю речь. Главными особенностями внутренней речи являются ее сокращенность, фрагментарность, предикативность, редуцирование фонетических моментов, преобладание смысла слова над его значением. Смыслы слов, более динамичные и широкие, чем их значения, обнаруживают иные законы объединения и слияния друг с другом, чем словесные значения. Этим и объясняется сложность воплощения мысли во внешней форме звуковой речи, «речи для других».

Для уточнения функциональной неоднозначности взаимоотношений мысли и слова обратимся еще к одному высказыванию Л.С. Выготского: «Мысль не выражается в слове, но совершается в слове». С первого взгляда, это положение может показаться не совсем верным. Действительно, не все мысли, которые проносятся в нашем сознании, облечены в слова. Более того, все мы испытывали «муки слова», когда трудно найти подходящие слова, чтобы точно выразить свою мысль. Это противоречие разрешается, если различать два аспекта анализа речи: внутренний, смысловой, семантический и внешний, звуковой, которые образуют единство, но не тождество. Их развитие идет в противоположных направлениях. Внешняя сторона речи развивается у ребенка от одного слова к сцеплению двух или трех слов, затем к простой фразе и сцеплению фраз, еще позже к связной речи, состоящей из развернутого ряда предложений. Но по своему значению первое слово ребенка — это целая фраза. Звук «ма» может на самом деле означать «мама, иди сюда, я хочу есть».

В развитии семантической стороны речи ребенок начинает с целого предложения и только потом переходит к овладению отдельными смысловыми единицами (значениями отдельных слов), расчленяя свою слитную мысль на ряд словесных значений. Таким образом, смысловая сторона речи идет от целого к части, а внешняя сторона — от части к целому. Значение опосредствует мысль

на пути к словесному выражению. В процессе понимания речи движение происходит от внешней звуковой формы к внутренней семантической (слова превращаются в мысль), а в процессе порождения речи, наоборот, мысль разворачивается в словесные формы.

9.6. Виды обобщений

Л.С. Выготский и А.Р. Лурия экспериментально обосновали положение, согласно которому типы (или уровни) речевого мышления характеризуются видами обобщений, которые фиксируются в слове. Другими словами, о типе мышления человека можно судить по структуре функционирующих в его речи значений. Тогда этапы развития значений (и в социогенезе, и в онтогенезе) дают название формам мышления: *синкретическое, комплексное и понятийное мышление*.

Самое примитивное обобщение — *синкрет* (синкретическое объединение) заключается в группировке предметов на основе случайного признака (объективного или субъективного). Так, совпадение предметов во времени и/или пространстве может стать основанием (особенно для ребенка) к применению единого названия. «Бяка» — так говорит ребенок о самых разных предметах, которые не имеют ничего общего, кроме того, что все они вызывают его неудовольствие. «Пассажиры автобуса № 5» — говорим мы о тех, кто и сейчас едет в этом автобусе, и вообще каждый день ездит на нем на работу, и, может быть, когда-нибудь поедет.

Более сложным (и генетически более поздним образованием) является *комплекс* (комплексное обобщение). Слово «кря» может означать в детской речи (и мышлении) и утку («крякает»), и плавающих птиц других видов («плавают, как утка»), и любые жидкости (сходство с поверхностью воды, по которой плавают утка), и большую блестящую пуговицу (похожа на озеро, где плавала утка, — круглая и блестящая) и т.д. Главным принципом, по которому обобщаются предметы и явления в комплекс, является непостоянство основания (критерия), его неустойчивость и несущественность. Выготский выделил комплексы цепные, ядерные, диффузные и коллекционные. Каждый член комплекса всегда имеет сходство хотя бы по одному признаку с другим членом, но если исключить несколько членов из этого ряда, то, не зная истории формирования комплекса, невозможно понять, почему все эти предметы называются

одинаково (в нашем примере — почему пуговица — это «кря?»). В основе комплексов лежит эмпирический опыт субъекта, и мы часто пользуемся такими обобщениями, когда решаем жизненные задачи на «уровне здравого смысла». Например, называя своего знакомого Васю «жадиной», мы основываемся на ряде наблюдений над его поведением, игнорируя мотивы, стоящие за тем, что он поступал так, а не иначе.

По мнению О.К. Тихомирова, классификация видов мышления в современной психологии также является комплексом, поскольку используются разные основания (учтем это при изучении данной темы), аналогично тому, как «объединяются» вещи в чемодане, когда мы собираемся в дорогу.

Попробуйте дать определение словам «хорошие люди», «счастье», «жизнь», и вы увидите, что чаще всего в результате получаются комплексы. Если вы вспомнили, понятие «жизнь», которое вы изучали в школе на уроках биологии, — «жизнь — это способ существования белковых тел», то вряд ли вы сочтете его подходящим для понимания таких выражений, как «жизнь прожить — не поле перейти», «я мечтаю о красивой жизни», «образ жизни современного человека». Может быть, для решения нашей задачи больше подойдет определение жизни, основанное на ее ценности, которое в 1927 г. предложил А.А. Ухтомский: «Жизнь — асимметрия с постоянным колебанием на острие меча, удерживающаяся более или менее в равновесии лишь при устремлении, при постоянном движении»?

Высшим (самым социализированным и генетически позднейшим) согласно этой классификации является *мышление в понятиях*. В обобщениях, построенных по понятийному типу, дифференцируются видовые и родовые признаки, т.е. фиксируются логические отношения между классом объектов и его представителем. Признак понятия является устойчивым (должен присутствовать во всех объектах), абстрактным (хотя уровень абстрактности может быть разным — сравните математические понятия «перпендикуляр» и «линия») и существенным. Понятия легко поддаются словесным определениям и являются осознанными. Если на вопрос: «Что такое трамвай?», вы отвечаете: «Трамвай — это вид наземного общественного транспорта, движущийся по рельсам и приводимый в движение за счет электрической энергии», то это понятийное представление реальности. А ответ: «Трамвай — это то, на чем ездят», свидетельствует о комплексном функциональном обобщении. Владеть понятием, мы оказываемся способными четко и однозначно структурировать знания о мире и транслировать свои мысли (общаться

с людьми устно и письменно). В случае если наш собеседник (читатель) также работает в понятийной системе, то мысль будет понята им правильно (обратите внимание на значение слова «правильно», т.е. по правилам понятийного мышления).

Функциональные обобщения отражают опыт деятельности и вполне адекватны для решения практических задач, но они могут оказаться недостаточными для ситуаций, требующих более глубоких различений и не встречавшихся субъекту ранее. Так, пользуясь функциональным определением, легко можно перепутать трамвай и троллейбус, трамвай и поезд метро. Именно это и происходит с ребенком, если он знает только слово «трамвай». Однако, когда он овладевает значением всей подсистемы понятий, относящихся к общественному транспорту, он приобретает устойчивое универсальное (идентичное с другими людьми) средство анализа и осознания этой части окружающего мира.

Л.С. Выготским была специально изучена проблема взаимоотношений научных понятий и житейских и показано, как они «прорастают друг в друга», образуя сложные, многоуровневые системы значений, которые и образуют содержательное пространство нашего мышления. Чтобы лучше понять это, остановимся еще на одной форме обобщений, которая является переходной от комплексов к понятиям и называется «псевдопонятие». Интересной особенностью псевдопонятия является практически полное в условиях обыденной жизни и общения совпадение круга объектов (денотатов), относящихся к этой форме обобщения и к настоящему понятию, поэтому без специальных исследований их трудно различить. Например, если дать ребенку множество геометрических фигурок — треугольники, прямоугольники, квадраты, ромбы, круги и попросить разложить их так, чтобы в каждой группе были одинаковые фигуры, то в определенном возрасте (примерно в 5 лет) нам может показаться, что ребенок вполне справляется с этим заданием — ведь он не только не путает формы, но и правильно называет их. Но, спросив ребенка, почему все треугольники лежат в одной кучке, мы услышим в ответ «потому что они одинаковые, они похожие». Сформулировать (и значит, ясно осознать), что у этих фигур — 3 угла и 3 стороны, а не 4, как у других, ребенок еще не способен. Значит, в основе псевдопонятия лежит наглядное обобщение чувственно воспринимаемого признака (можно сказать, «нерасчлененный гештальт формы»). Так ли это важно? Усложним задание. Добавим к тем остроугольным треугольникам, которые уже группировал ребенок, внешне непохожие — прямоугольные и тупоугольные треугольники (рис. 69).

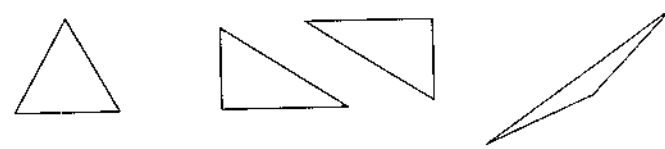

Рис. 69. Различные виды треугольников

Вы, наверное, удивились. Как же непохожие, если все эти фигуры — треугольники? Но похожи они для тех, кто мыслит понятиями. С позиций псевдопонятийного мышления, опирающегося на наглядные, а не абстрактные признаки, треугольники с тупым углом должны и называться иначе, и подчиняться другим закономерностям. Учителям известно, какие трудности встречает применение формулы $S = A \times h/2$ для тех треугольников, где опущенная из вершины высота попадает «в пустоту», а не на противоположную сторону.

Приведем еще один пример. Попросим ребенка (а может быть, и некоторых взрослых) показать все перпендикуляры в печатных буквах русского алфавита. Если значение слова «перпендикуляр» представляет собой псевдопонятие, то горизонтально расположенные перпендикуляры не будут опознаваться как отвечающие требованиям предложенного задания (т.е. в букве Ш будет показано три перпендикуляра, а в букве Е — один). Эти факты говорят о несовпадении понимания мира носителями разных форм обобщений. Отметим также, что в отношении определенной части мира мы с необходимостью остаемся на уровне псевдопонятий. Попробуйте четко и однозначно сформулировать с помощью речи, чем лист клена отличается от листа дуба. Мы легко опознаем эти объекты и правильно называем, но абстрактного признака, который может быть положен в основу соответствующих понятий, просто не существует. Если вы подумали, что листья отличаются формой, то как человек, владеющий понятийным мышлением, вы вышли на такой уровень абстракции, который не применим для выполнения данного задания (признак «форма» нуждается в конкретизации для дифференцировки листьев дуба, ясеня, липы, клена и т.д.). А теперь ответьте на вопрос: «В чем состоит различие следующих архитектурных стилей: готики, барокко, классицизма?». Видимо, опять ответ не на уровне понятий, что-то вроде следующего: «Готические постройки — острые и высокие, барокко — закругленные и «пышные», а классика — строгий стиль». Тем не менее, если бы вы были архитектором, то, преобразуя эти обобщенные представления, вы могли бы стать при наличии таланта творцом новых архитектурных форм.

Чувственный опыт эмпирически обобщается по модели прототипа (см. гл. 7) и может, оставаясь понятийно неоформленным (но означенным с помощью речи!), функционировать как псевдопонятие. Это происходит в случаях объективной невозможности выйти на уровень понятий («материал сопротивляется»). Обобщения такого типа служат материалом для *наглядно-образного мышления*. У взрослых этот вид мышления еще называется *визуальным*, если обобщаются зрительные впечатления, а в качестве продукта мы имеем новую структуру образа (например, мышление живописца, архитектора, наконец, парикмахера). Предметом мышления может выступать материал, относящийся и к другим сферам, — звуки (мышление композитора), запахи (мышление парфюмера). Образное мышление человека также связано с речью: образ структурирован системой значений.

Чтобы увидеть, насколько важна форма представления материала для хода мышления, обратимся к следующей шуточной задаче. В шкафу на полке стоит собрание сочинений выдающегося писателя. Первый том этого собрания сочинений имеет 300 страниц, второй — 200 страниц. В шкафу завелся книжный червь, который прогрыз оба тома: от первой страницы первого тома до последней страницы второго тома. Сколько всего страниц попортил червь? Обычно в нашем понятийном мышлении сразу возникает ответ — 500 страниц, но это слишком просто! Тогда начинается размышление о понятии страница. В книге нумерация страниц идет с двух сторон листа. Может быть, задаем мы вопрос, страница здесь понимается в другом смысле, как физическая реальность, т.е. как лист? Получается, что 500 надо разделить на 2, ответ — 250 страниц. «Ответ неправильный», сообщает экспериментатор. А может первую и последнюю страницы не считать? Тогда — 248. Опять неверно. Правильный ответ — червь не прогрыз ни одной страницы (ответ — 0). Правильность такого решения очевидна для тех, кто вместо мышления в понятиях обратился к мышлению в образах. Достаточно мысленным взором «увидеть» книжную полку, где тома стоят в обычном порядке — слева направо корешками наружу. Действительно, создав этот обрач. т.е. превратив словесную инструкцию в конкретную ситуацию, мы понимаем, что переплет, к которому примыкает первая страница первого тома, соприкасается с той стороной переплета второго тома, к которому примыкает последняя страница. Червь прогрыз только переплеты томов, но не страницы. Эта задача путем сложных рассуждений могла бы быть решена и на основе понятийного мышления, но насколько более подходящим оказалось в данном случае мышление в образах. Известный исследова-

тель визуального мышления Р. Арнхейм приводит множество примеров, где образное мышление обладает преимуществом перед понятийным, несмотря на то, что генетически оно является более ранней ступенью в развитии мышления.

Тип используемых обобщений является настолько существенной характеристикой нашего мышления, что задания, предназначенные для его диагностики, входят во многие интеллектуальные тесты. Кроме прямого определения понятий (эта методика пригодна только для обобщений, достигших высшего уровня своего развития — осознанных и произвольных) используются косвенные методы. В методике «сравнение понятий» испытуемый должен указать общие существенные признаки для двух пар понятий: золото — серебро, воробей — соловей, танк — самолет, тарелка — лодка (вы, видимо, уже заметили, что экспериментальный материал по мере приближения к концу ряда все больше провоцирует испытуемого к отказу от поиска понятийных обобщений).

Еще один вариант методик этого типа состоит в том, что на предъявляемое слово необходимо быстро отвечать противоположным по значению, например «большой — маленький». Если человек безошибочно выполняет эту инструкцию, в ответ на «холодный» отвечает «горячий», на «любовь» — «ненависть», «враг» — «друг» и т.д., то он демонстрирует четкую понятийную структуру значений. Если же он допускает различные ошибки (например, на стимульное слово «холодный» отвечает «снег», на «враг» — «война» и т.д.), то, очевидно, что непонятная, «размытая» система значений будет определять его мышление (кстати, при поиске новых подходов к решению проблем это бывает чрезвычайно полезно) и влиять на успешность коммуникации с другими людьми (можно прогнозировать трудности и ошибки понимания).

Методика «*исключение лишнего*» требует из ряда стимулов (это могут быть слова, рисунки, графические изображения) исключить самый неподходящий. Например, в ряду: красный, голубой, черный, блестящий, желтый — лишнее слово «блестящий». В 1930-е гг. А.Р. Лурия использовал эту методику для исследования неграмотных жителей отдаленных районов Узбекистана. Из четырех предметов — молоток, пила, полено, топор — убрать какой-нибудь как лишний представлялось этим испытуемым невозможным: «Ведь все нужно!». Тогда А.Р. Лурия сам давал правильное решение, говоря: «А вот один человек сказал, что лишнее — полено, потому что молоток, пила и топор — инструменты, а полено — нет», и просил испытуемого прокомментировать такой ход мысли. «Наверное, у этого человека было много дров!» — объяснил предлагаемое решение

человек с несформированным понятийным мышлением. Конкретные практические обобщения вполне обеспечивали необходимый ему уровень понимания окружающей действительности.

Для изучения обобщений непонятной природы или исследования образных и понятийных компонентов испытуемого просят не объяснить, а изобразить значение слова (или выбрать подходящее из множества готовых изображений). Например, попробуйте рассказать, что такое красивый цветок. Выполнить эту инструкцию практически невозможно. А нарисовать — реально.

В методике «прогрессивные матрицы» Равена от испытуемого требовалось закончить ряд фигур, следуя логике изменения объектов по горизонтали и по вертикали. Интересно, что задачу такого рода можно решить, опираясь как на образное, так и на словесно-логическое мышление (рис. 70).

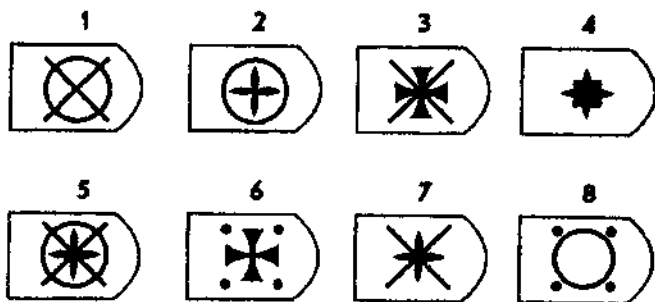
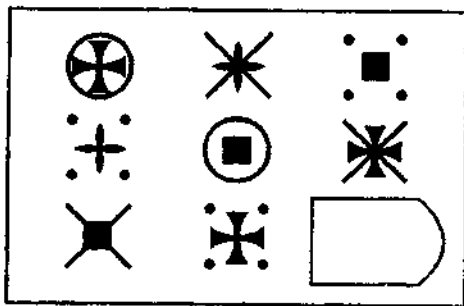

Рис. 70. Прогрессивные матрицы Равена. Выберите недостающий элемент и закончите матрицу

Таким образом, мышление человека представляет собой обобщенный и опосредствованный речью способ познания существенных свойств и взаимоотношений объектов и явлений действительности.

9.7. Интеллект

При проведении самых разных экспериментов по изучению общих закономерностей процесса мышления всегда проявляются и индивидуальные различия. Их прежде всего пробуют объяснить особенностями интеллекта. Интеллект можно понимать как внутреннюю структуру, которая отбирает, организует и преобразует информацию.

Ж. Пиаже и Д. Векслер добавили к этому нейтральному определению прагматический критерий. Интеллект — это приспособление для адаптации, поскольку его наличие позволяет разумно действовать, быстро адаптироваться к изменениям и обучаться. Первые диагностические процедуры для измерения интеллекта были предложены А. Бинэ и Х. Симоном в 1904 г. В них предлагалось оценивать интеллект суммарно, одним показателем — *коэффициентом интеллекта* (IQ — intelligence quotient). Впоследствии показатель получил название «общий интеллект» (Ч. Спирмен, 1927). Однако среди исследователей по сей день ведутся споры: сколько у человека «интеллектов»? Один, как думали Бине, Симон и Спирмен, или несколько? Суть этого вопроса в том, что один и тот же человек может оказаться гением, например, на литературном поприще и абсолютным бездарем в математике; многие выдающиеся люди страдают полной неспособностью к практическим делам: вбить в стену гвоздь для них — труднейшая проблема.

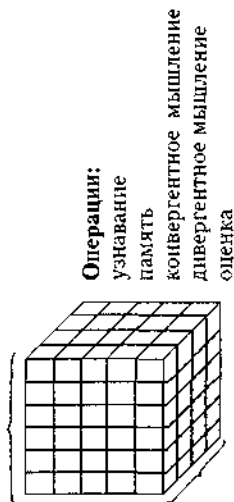
Если верной является гипотеза о множественности интеллекта, то и измерений должно быть несколько. Например, Д. Векслер считал необходимым отдельно измерять вербальный и невербальный интеллект, Р. Стенберг выделял вербальный, творческий и практический интеллект. Пока все-таки следует признать, что в зависимости от целей, для которых мы измеряем интеллект (для общей ориентировки или ответственного подбора персонала), мы можем выбирать, к какой из научной версии примкнуть.

Максимальное число — 120 интеллектуальных способностей и способностей, обеспечивающих творческое мышление, — представлено в модели Дж. Гилфорда (рис. 71). Модель Гилфорда представ-

ляет собой куб, где по одну ось образуют различные типы содержания материала, которым оперирует мышление, другую — познавательные операции, а третью — получаемые в процессе мышления продукты. Каждый сектор куба — это отдельная интеллектуальная способность. Гилфорд разработал тесты, которые измеряли каждую из выделенных им интеллектуальных способностей. Перечислим некоторые из них.

Тест «рассыпанные слова» (узнавание — символическое — элементы) включает в себя задачу переставить буквы в бессмысленных наборах слов так, чтобы получились слова. Например, КОХЙЕК, СНИНЕТ, ОЖИВТ, ЛУФОБТ. Тест на продуцирование высказываний (дивергентное мышление — символический — системы) заключается в требовании написать как можно больше предложений по фиксированной форме, например Д_____у_____в_____к_____. Задача на дедукцию (конвергентное мышление — символический — отношения) предполагает решение логических задач типа «Вася младше Пети, Петя старше Бори. Кто старше Боря или Петя?». Задача на аналогию (узнавание — семантический — отношения) направлена на установление отношений между понятиями, например «поэзия относится к прозе так же, как танец: к 1) музыке, 2) ходьбе, 3) пению, 4) разговору».

Продукты:
единицы
классы
отношения
системы
трансформации
импlications

Материал:
образный
символический
семантический
поведенческий

Рис. 71. Куб Гилфорда (1959)

Существует и много других тестов (Г. Айзенка, Д. Векслера, Р. Кеттэла, Дж. Равена, Р. Амтхауэра, Е.П. Торранса и др.), предназначенных для оценки интеллекта и творческого мышления, однако далеко не всегда подтверждается однозначная связь между измеряемыми характеристиками и успешностью решения конкретных мыслительных задач. Точно установлено лишь, что низкие баллы по интеллекту (1Сниже 90 баллов) действительно проявляются в интеллектуальной дезадаптации — человек не справляется с требованиями внешнего мира.

2) КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Чем психологический подход к изучению мышления отличается от подхода других наук: философии, логики, социологии, культурологии?
2. Всегда ли мышление и речь сопутствуют друг другу? Что такое «доречевая стадия» мышления и «доинтеллектуальная стадия» речи?
3. Что такое эгоцентрическая речь и какую роль она играет в развитии ребенка?
4. Для представителей каких профессий наглядно-образный тип мышления является наиболее важным?
5. Чем визуальное мышление отличается от вербального?
6. Какие факторы влияют на эффективность решения задачи?

ф ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Почему в языке эскимосов существует около 40 слов, обозначающих состояния снега?
 - А. Зрительный аппарат эскимосов идеально приспособлен к различию оттенков белого.
 - Б. Они заимствовали слова, связанные с погодой у всех путешественников, которые приходили на их территорию.
 - В. В практической деятельности эскимосов крайне важно ориентироваться в состоянии снега, по которому можно предсказать погоду, направление миграции животных и т.д.
2. Если на вопрос: «Что такое семья?» человек дает ответ: «Это — муж, жена и дети», какой тип обобщения он демонстрирует?
 - А. Понятие.
 - Б. Комплекс.
 - В. Синкрет.
3. Какая стадия решения задачи, по Дункеру, реализуется в тот момент, когда вас «озаряет» и вы понимаете, каким способом можно решить задачу?
 - А. Нахождение окончательного решения.
 - Б. Анализ материала.
 - В. Нахождение функционального решения.

4. С каким типом задания в экспериментах Л. Секели испытуемые справлялись хуже всего?

- А. Задачи на изобретение.
- Б. Задачи на предсказание.
- В. Задачи на объяснение.

5. При какой последовательности предъявления задач подсказка окажется максимально эффективной?

- А. «Наводящая» задача должна предшествовать «основной».
 - Б. Человек должен исчерпать все доступные ему способы решения «основной» задачи, затем ему предъявляется «наводящая» задача.
 - В. «Наводящая» и «основная» задачи предъявляются вместе.
6. Интеллект - это...
- А. Набор отдельных психических процессов.
 - Б. Единая универсальная способность.
 - В. Устойчивая структура когнитивных способностей, которая обеспечивает разумное поведение.

III ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М., 2000.
2. Тихомиров О.К. Психология мышления. М., 2002.
3. Психология. Комплексный подход / Под ред. М. Айзенка. Минск, 2002.
4. Общая психология. Сб. текстов / Под ред. В.В. Петухова. Вып. II. М., 1998.
5. Выготский Л.С. Мышление и речь. Собр. соч. в 6 т. Т. 2. М., 1982.

Дополнительная

1. Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.
2. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М., 1996.
3. Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д. Основы психологии. С.-Пб., 2001.
4. Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей. М., 2002.
5. Знаков В.В. Понимание в познании и общении. Самара, 2000.
6. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. М., 2003.
7. Стенберг Р. Практический интеллект. М., 2001.
8. Халперн Д. Критическое мышление. М., 1998.
9. Ивин А.А. Логика. Учебн. пособ. 2-е изд. М., 1998.

Глава 10

Психология личности

Тогда Бог, поставив его в центре мира, сказал: «Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам сформировал себя в образе, который ты предпочтешь». О, высшее и восхиительное счастье человека, которому дано быть тем, кем хочет!

Пико делла Мирандола

В предшествующих главах мы рассматривали вопросы о мотивации, эмоциях, ощущении, восприятии, внимании, памяти, мышлении. Но желают, чувствуют, воспринимают и т.д. не психические процессы сами по себе, а их носитель — человек. Более того, наши знания о психических процессах приобретают смысл только тогда, когда мы учитываем, ради чего они осуществляются, и рассматриваем психические процессы в качестве системы функциональных органов целостной личности. Но что же такое личность? На сегодняшний день не существует единого, общепринятого определения личности. Один из выдающихся исследователей проблем теории личности Г. У. Оллпорт (1897—1967) выделил различные аспекты рассмотрения личности: *теологический, философский, юридический, социологический, поведенческий и собственно психологический*. Очевидно, что каждый автор в рамках разделяемой им дисциплинарной матрицы выбирает то или иное представление о личности. Так, для юриста главным атрибутом личности будет ответственность за совершенные деяния, для теолога — то, насколько конкретный человек способен воплотить божественный замысел, для социолога — те функции, которые люди выполняют в общественных процессах. Неоднородность психологического знания приводит к тому, что и внутри нашей науки личность понимают по-разному. Множество существующих теорий личности различаются способами ответа на ряд ключевых вопросов: какова природа человека? Что представляет собой мотивационное ядро лич-

ности, ее движущие силы? Каков тип взаимосвязи личности и социального окружения? Что является оптимальным состоянием личности? Каков путь развития личности?

При многообразии возможных ответов на эти вопросы все теории личности сходятся в том, что, во-первых, всех людей объединяет нечто общее, то, что можно назвать «сущностью человека», во-вторых, каждый человек по-своему, более или менее удачно, реализует свою «сущность» на протяжении жизненного пути и, в-третьих, можно описать наиболее типичные способы функционирования личности. Еще одной важной чертой психологического взгляда на проблему личности, в отличие от трактовки личности в других дисциплинах, является *постулат о динамическом характере личности*. Хотя в каждый момент времени мы имеем дело с некоторой устойчивой системой, которую можно назвать личностью, все-таки более уместно говорить о личности как о процессе, а не о результате. «Личность — это форма существования человека», — пишет Д.А. Леонтьев.

Полипарадигмальный характер современной психологии не позволяет нам с уверенностью сказать, какая из теорий личности «верная». Скорее следует считать, что каждая из теорий задает свой вопрос к неисчерпаемому богатству бытия человеческой личности и таким образом схватывает интересующий ее аспект.

Исходя из этого, можно дать следующее рабочее определение личности: *Личность — это уникальная динамическая система психологических и физиологических свойств человека, в которой воплощается универсальная суть индивидуума как представителя человеческого рода, реализующего свой индивидуальный жизненный путь в определенном социокультурном пространстве.*

Развивая мысль Д.А. Леонтьева, можно выделить три иерархических уровня в функционировании личности. Во-первых, это *ядро личности*, представляющее собой совокупность мотивационных структур, которые задают направление «движения» личности. Ядро личности может быть описано с формальной (структурной), функциональной и содержательной точек зрения. Во-вторых, это *периферия личности*, определяющая конкретный способ реализации мотивационного ядра. Периферию личности составляют личностные смыслы, черты, системы конструкторов, социальные роли, в которые включен субъект, его личная история. На этом уровне обсуждения возможно проведение типологии личности. В-третьих, это *уровень индивидуальных предпосылок существования личности*, которые по существу безличны. Индивидуальные предпосылки (например, пол, возраст, строение и свойства нервной системы, характер нейро-гуморальной

регуляции и др.) сами по себе не информативны по отношению к личности, но определяют особенности взаимодействия личности с миром и с собой. Другими словами, зная лишь о возрасте человека, мы не можем сказать, что он за человек. Но располагая сведениями о его ценностях, например любви к Родине, мы можем предположить, что на поведенческом уровне молодой человек с большей вероятностью пойдет защищать Родину с оружием в руках, а пожилой человек останется в тылу.

Уровни функционирования личности носят соподчиненный характер. Более высокие уровни формируются на основе ниже лежащих, но по мере развития все в большей степени управляют их функционированием. Оптимальный путь развития личности видится в наиболее полном раскрытии личностного ядра и проявлении во всех формах осуществляемой человеком активности, когда периферический и индивидуальный уровни функционируют в гармонии (конгруэнтно) с определяющим сущность личности ядром и обеспечивают достижение внутреннего тождества человека с самим собой. Видение жизни человека как нарастания автономии личностного ядра отражено и в бытовых представлениях. Так, например, первый вопрос, который задают родителям новорожденного: «мальчик или девочка?» (индивидуальное свойство). Взрослого же человека обсуждают обычно уже в терминах периферии личности (хороший или плохой, успешно осуществляющий свои социальные функции или не очень). О наиболее ярких представителях человечества говорят как о Личностях с большой буквы, которые максимально выразили универсальную сущность природы человека.

В современной психологии насчитываются десятки теорий личности. Как правило, конкретные теории основываются не только (и не всегда) на эмпирическом знании, но с необходимостью включают в себя аксиоматическое допущение о том, «что есть человек». Эти допущения едва ли могут быть строго доказаны (часто они заимствованы из различных направлений философии, например, прагматизм, экзистенциализм, марксизм и др.), и только взятые в совокупности они способны объяснить (и лишь изредка предсказать!) внутренний мир и поступки конкретного человека. При этом одна и та же личность в одной ситуации или на одном из жизненных этапов может быть успешно проинтерпретирована исходя из *образа «человека нуждающегося»*, созданного психоанализом, в другой ситуации более адекватным будет привлечение *образа «человека самореализующегося»* и положений гуманистической психологии, в третьей — окажется необходимым использовать представления о *«человеке активном»*.

Для продуктивного обсуждения теорий личности необходимо провести классификацию многообразия «образов» («моделей») психологического облика человека. Одним из возможных критериев классификации является следующая альтернатива: представляется ли человек системой, стремящейся к *гомеостазу* (равновесию), или системой, стремящейся к *гетеростазу* (нарушению равновесия, нарастанию напряженности). Другим критерием для ориентации в теориях личности являются допущения авторов о «природе человека». По этому критерию можно указать как минимум четыре различные позиции относительно «природы человека»: 1) человек от природы плох и одержим примитивными импульсами. В таком случае конфликт между обществом и субъектом неизбежен. Причем в интересах всех, чтобы общество победило эгоистическое начало в человеке; 2) человек от природы хорош, а общество искажает его позитивную естественную сущность. В этом случае, неизбежен конфликт между «хорошим» человеком и «плохим» обществом. Однако допускается, что можно построить идеальное общество, которое будет соответствовать природе человека и раскрытию всех потенциально присущих ему свойств; 3) человек по природе неоднозначен (и хорош, и плох одновременно). Общество может только способствовать развитию хорошего и подавлению плохого в человеке (или наоборот). В данном случае конфликт не является неизбежным и не носит тотального характера; 4) человек по природе нейтрален. Он *tabula rasa*, которую социум формирует по своим законам и своему подобию. Естественно, в такой версии конфликт отсутствует.

В связи с этим классификации теории личности можно разделить на четыре основных типа: гомеостатические, ориентированные на конфликт; гомеостатические, ориентированные на согласие; гетеростатические, ориентированные на конфликт и гетеростатические ориентированные на согласие.

Гомеостатические теории, ориентированные на конфликт, предполагают, что наличие конфликта является «бременем» человека, в течение всей своей жизни безуспешно пытающегося разрешить заданный ему собственной природой конфликт и вернуться в безмятежное состояние равновесия. Типичным примером такой трактовки личности является классическая психоаналитическая теория З. Фрейда. Конфликт здесь неизбежен не только в связи с исходной «испорченностью» человека, но и потому, что при отсутствии конфликта исчезает источник динамики личности.

Гомеостатические теории, ориентированные на согласие, придерживаются нейтральной трактовки человеческой природы. Примером являются теории, рассматривающие личность как систему,

моделирующую изменяющийся внешний мир с целью адаптации к нему (бихевиоральный и когнитивный подходы).

В теориях *гетеростатического типа* акцент делается на самодетерминации усложнения и совершенствования личности в ходе ее становления (для обозначения этого процесса используется термин «личностный рост»). Такие теории признают естественной сущностью личности «бескорыстную» (неадаптивную) активность и постоянное стремление развиваться и изменяться («выходить за пределы самой себя»), но могут включать в себя и представления о различных конфликтных, кризисных ситуациях как дополнительных механизмах развития (*гетеростатические теории, ориентированные на конфликт*). Личность оказывается тогда постоянно «незавершенным проектом». Естественно, возникает вопрос об источнике данного идеального проекта личности. В ряде гетеростатических концепций источником, идеалом, к которому стремится личность, служит некоторый естественный универсальный проект (модели самореализации гуманистической психологии), в то время как в других теориях этот проект признается не заданным изначально, а формирующимся в различных деятельности личности (деятельностный подход). *Теории гетеростатического типа, ориентированные на согласие*, предлагают однозначно оптимистический взгляд на природу человека и его жизненный путь, а ориентированные на конфликт возлагают ответственность за проект развития и исход его реализации исключительно на самого человека.

Остановимся подробнее на теориях, представляющих каждый из указанных типов.

10.1. Гомеостатические теории личности: ориентация на конфликт

По мнению С. Мадди, конфликт, лежащий в основе функционирования личности, может быть *психосоциальным* (когда мотивационное ядро личности противостоит требованиям общества) или *интрапсихическим* (когда мотивы-антагонисты ведут борьбу внутри мотивационного ядра).

Хронологически первым автором, в теории которого присутствуют оба типа конфликта, является З. Фрейд. Причем эта теория личности до сих пор не утратила своего влияния. Для З. Фрейда основной мотивационной доминантой жизни личности является *стремление максимизировать удовлетворение врожденных влечений и одновременно минимизировать наказание (внешнее и внутреннее) за это удовлетворение*.

Рис. 72. Зигмунд и Анна Фрейд, 1913. Из собрания музея Фрейда (Лондон)

Фрейд считал, что существует единый перечень врожденных влечений (*trieb*), которые являются общими для всех людей и не поддаются изменению. Влечения вынуждают действовать в направлении определенных объектов без участия сознательного размышления. Все влечения имеют четыре составных элемента: *источник* (определенная часть тела, где возникает напряжение), *цель* (действия, которые приводят к ослаблению напряжения), *стимул* (количество энергии, вызывающее реализацию влечения) и *объект* (предмет, с помощью которого напряжение переходит в разрядку). Объект удовлетворения влечения, по Фрейду, может быть основным или парциальным (частичным). Так, например, бутерброд — это основной

объект для удовлетворения голода, а жевательная резинка — парциальный, так как она может облегчить напряжение голодного человека, но не удовлетворяет потребность организма в питательных веществах.

Фрейд описал три вида влечений: *влечения жизни* (биологические потребности выживания), *сексуальные влечения* (они тоже биологические обусловлены, но не связаны напрямую с выживанием субъекта) и *деструктивные влечения*. Деструктивные влечения, или влечение к смерти, были описаны Фрейдом достаточно поздно. В выделении влечения к смерти гомеостатический характер теории Фрейда достигает своего апогея, так как цель этого влечения — достижение окончательной разрядки любого напряжения, которой можно добиться, только прекратив свое существование. Деструктивные влечения находятся в оппозиции к влечениям жизни и сексуальным влечениям. Поэтому, обсуждая позицию Фрейда, мы говорим об интрапсихическом конфликте. В норме жизнеутверждающие влечения оказываются сильнее деструктивных. С возрастом или при

неблагоприятных ситуациях развития влечение к смерти может возобладать и найти свое выражение в различных патологиях личности (фобиях, неврозах, агрессии).

Вместилищем влечений является *Оно (Id)* — *ядерная и онтогенетически наиболее ранняя структура личности*. Младенец, личность которого сводится к Оно, эгоистичен и враждебен всему, что может ограничить его влечения. По словам Фрейда, Оно существует согласно принципу удовольствия и не принимает в расчет интересы окружающих людей. Однако ребенок не может самостоятельно реализовать свои влечения, он нуждается в опеке и уходе взрослых. Поэтому ребенок вынужден приспосабливаться к своему социальному окружению.

По мере вступления в социальные отношения развивается следующая *ядерная структура личности* — *Я (Ego)*. Функция Эго заключается в том, чтобы обеспечить человеку возможность удовлетворения своих влечений во внешнем мире. Становление Эго связано с сознанием. «Мы могли бы сказать, что Эго символизирует разум и здравый смысл, тогда как Ид символизирует необузданные страсти», пишет Фрейд. Эго функционирует по принципу реальности, т.е. старается примирить необузданность влечений с реальными условиями (и, главное, ограничениями) их удовлетворения.

Дальнейшее развитие личности предполагает возникновение новой структуры, вырастающей из Эго. Эта структура получила названия «*Сверх-Я*» (*Super-Ego*). Существование Суперэго воплощает психосоциальный конфликт. Человек по природе эгоистичен, а общество должно сдерживать людей, обеспечивая каждому примерно равные шансы на удовлетворение влечений. Родители — первые люди, которые начинают наказывать ребенка за неприемлемые в данном обществе проявления влечений. Так как родители сильнее ребенка, а общество в целом сильнее отдельного человека, Эго принимает путь подчинения социальным требованиям как единственно возможный способ сохранить себя. Таким образом, *Суперэго* — это *вместилище социальных правил, норм и запретов (табу)*. Фрейд описал три функции Суперэго: *совесть, самонаблюдение и формирование идеалов*. В теории Фрейда совесть представляет собой память о прошлых наказаниях, так что, совершая асоциальный поступок, человек испытывает чувство вины, даже если объективно никто его не осуждает.

Как известно, в обыденном сознании имя Фрейда прочно ассоциируется с тематикой сексуальности. Действительно, Фрейд уделял большое внимание данной теме. Однако связано это прежде всего с тем, что, по его мнению, сексуальное влечение сталкивается с

наибольшим противостоянием общества. Отсюда именно сексуальное влечение оказывается максимально конфликтным.

Итак, основная функция Эго заключается в интеграции Оно и Сверх-Я для обеспечения необходимой связи с внешним миром. Однако Эго обладает еще одной важной функцией, реализующей механизм, посредством которого слишком «строгое» Сверх-Я может быть «обмануто», а удовлетворение влечения достигнуто без переживания вины. Этот механизм называется *психологической защитой*. Психологическая защита облегчает существование личности, так как ослабляет интенсивность конфликта. Защита позволяет осознавать только часть влечения (или вовсе перестать его осознавать) и найти для влечения такой парциальный объект, который является социально приемлемым. Конкретные виды психологических защит будут описаны ниже. Пока ограничимся примерами защитного поведения. Старшеклассник испытывает сексуальное влечение к учительнице. Понятно, что это влечение не может быть реализовано напрямую. Психологическая защита делает так, что подросток не осознает своих истинных желаний, вместо этого он ни на шутку увлекается предметом, который преподает эта учительница. Такое защитное поведение одобряется как окружающими, так и его Сверх-Я. С другой стороны, он получает частичное удовлетворение влечения, так как может проводить время с учительницей после уроков, общаться, участвовать в ее кружке и т.д. Другой пример связан с деструктивными влечениями. Человек, обуреваемый влечением к смерти, под влиянием психологической защиты не осознает своего желания погибнуть, однако выбирает определенные рискованные формы поведения. Он может заняться экстремальными видами спорта или начать употреблять наркотики. Интересно, что в концепции Фрейда проявление действия психологической защиты не редкость. Более того, все поведение носит защитный характер. Другое дело, что существуют защитные механизмы, которые «до неузнаваемости» искажают реальность влечения, и механизмы, которые делают это в меньшей степени. Эффективность функционирования личности зависит от того, насколько механизмы психологической защиты справляются со своей задачей «оградить Эго от конфликтных содержаний» и какими способами это достигается.

Теория личности Фрейда имеет одно важное последствие. Если все поведение носит защитный характер, значит, личность не осознает своих истинных влечений, чувств и целей. Она постоянно находится в заблуждении относительно своей сущности и причин поведения и, соответственно, из этой теории на вопрос о свободе лич-

ности, возможности ее самодетерминации следует однозначно отрицательный ответ.

Влечения, составляющие мотивационное ядро личности в концепции З. Фрейда, являются, безусловно, врожденными. Однако на протяжении жизни меняются их объекты и способы удовлетворения. В основу периодизации личностного развития Фрейд кладет изменение способа удовлетворения сексуального влечения. Каждая стадия развития личности характеризуется своим типом конфликта между присущей этому возрасту формой сексуального влечения и запретами общества. Соответственно сути конфликта вырабатывается определенная стратегия психологической защиты. Нормальный путь становления личности — пройти через все стадии психосексуального развития и достичь зрелости. Если по каким-то причинам человеку не удастся преодолеть ту или иную стадию развития, происходит фиксация, т.е. задержка развития. Фиксация развивается по двум противоположным причинам: или из-за неудовлетворительного разрешения конфликта, или в связи с тем, что пребывание на той или иной стадии оказывается слишком приятным. Может случиться так, что взрослый человек, задержавшийся на одной из «детских» стадий развития, демонстрирует инфантильный способ жизни и психологической защиты. Уточним, что большой вклад в развитие концепции психологической защиты внесла дочь Зигмунда Фрейда, известный исследователь Анна Фрейд (1895-1979).

Оральная фаза развития начинается с момента рождения и продолжается в течение первого года жизни. Удовольствие, которое испытывает ребенок на этой стадии, связано с полостью рта. Складывается первый конфликт с социумом: ребенок хочет постоянно сосать грудь, а мать ему этого не позволяет. Ребенок тянет в рот различные предметы, а его за это наказывают. На оральной стадии формируются психологические защиты по типу отрицания, проекции и интроекции. Под *отрицанием* понимается отказ признавать события, которые вызывают дискомфорт. Так, мать, обвиненная в том, что избивала своего ребенка, может заявлять: «Во-первых, я его и пальцем не тронула, а, во-вторых, он сам напросился!». Как мы видим, психологическая защита по типу отрицания отрицает и саму логику, так что наблюдателю она часто кажется абсурдной. *Проекция* заключается в том, что человек приписывает другому лицу или предмету качества и намерения, которые в реальности переживает сам. Например, беспричинно утверждая «Вы меня ненавидите!», человек на самом деле проецирует на партнера свои истинные табуируемые (запрещаемые социумом) чувства, т.е. по существу он

говорит: «Я ненавижу вас!». *Интроекция* — это психологическое слияние с другим человеком (включение его в свое Я) с целью избежать исходящей от него угрозы. Так, например, известно, что жертвы, захваченные в заложники с целью получения выкупа, часто впоследствии оправдывают своих мучителей и даже влюбляются в них. Показателен в этом плане сюжет известного фильма Л. Кавани «Ночной портье», в котором главная героиня — бывшая узница нацистского концлагеря — узнает в портье отеля своего тюремщика и не находит в себе сил расстаться с ним, бросает мужа и в конце концов погибает. Фиксация на оральной стадии развития приводит к преобладанию описанных механизмов защиты во взрослом возрасте, а также к закреплению орального способа получения удовольствия. Например, такие люди склонны к курению, болтливости, причмокиванию губами и т.д.

Анальная фаза развития продолжается на втором и третьем году жизни ребенка. По мысли Фрейда, в этом возрасте главное удовольствие в жизни ребенка связано с опорожнением кишечника. Суть конфликта на этой стадии в том, что родители требуют от ребенка соблюдения гигиенических правил и стараются приучить его к туалету. В зависимости от того, насколько жестко ведут себя родители, у ребенка развиваются те или иные черты личности. Если родители излишне потакают ему и не требуют соблюдения социальных правил, предполагающих самоконтроль над естественными импульсами дефекации (это приобрело широкое распространение в связи с использованием памперсов), то вырастает человек, характеризующийся щедростью, уступчивостью, нечистоплотностью, склонностью к нарушениям дисциплины, рассеянностью. И, наоборот, излишнее давление на ребенка при приучении его пользоваться туалетом приводит к формированию «анального характера» — скупости, упрямства, аккуратности, пунктуальности и педантичности. Защитными механизмами, развивающимися на анальной стадии и сохраняющимися при фиксации на ней, являются *рационализация, изоляция и образование реакции* (reaction formation). При рационализации человек, не осознавая истинную причину своих действий, заменяет ее на другую, достаточно логичную и нетравмирующую, а потому более приемлемую для Эго. Ярким примером рационализации является известная басня Крылова «Лиса и виноград». Лиса, желающая полакомиться виноградом, наталкивается на непреодолимые препятствия — «висят они высоко: хоть видит око, да зуб неймет». Чтобы снять конфликт, Лиса прибегает к рационализации: «Ну что ж! На взгляд-то он хорош, да зелен — ягодки нет зрелой: тотчас оскомину набьешь». *Изоляция* предполагает разде-

ление ситуации на травмирующую и нейтральную составляющие; травмирующая часть, становясь «мишенью защиты», подавляется («вычеркивается» из сознания и в дальнейшем существует в бессознательном), а на сцене Эго присутствует только нейтральная часть. При действии этого типа защиты наблюдатель видит, что явно травмирующая ситуация описывается человеком безо всяких эмоций, как будто она происходит с кем-то другим. *Образование реакции* подразумевает замену неприемлемого для Сверх-Я чувства или поведения на прямо противоположное. Например, родитель, на самом деле бессознательно испытывающий ненависть к своему ребенку, будет проявлять подчеркнутый интерес к его делам и всячески демонстрировать силу своей любви. При этом именно навязчивость такой опеки и заботы, согласно психоаналитической трактовке, служит симптомом проявления вытесненной агрессии.

Фаллическая стадия разворачивается на 3—5 году жизни ребенка. Фрейд назвал данную стадию фаллической, так как с нее начинается развитие психологических различий между личностью мальчиков, испытывающих одновременно гордость оттого, что они обладают пенисом, и страх его лишиться, и девочек, естественно, не обладающих таким органом и поэтому, по мысли Фрейда, переживающих жгучую зависть к мальчикам. Согласно Фрейду, единственно продуктивный путь преодоления зависти к мужчинам для женщины — это выйти замуж и родить сына, отказавшись от собственных профессиональных амбиций.

Позиция Фрейда по отношению к женской личности была подвергнута жесткой критике со стороны выдающейся представительницы неортодоксального психоанализа Карен Хорни (1885—1952). Она упрекала Фрейда в том, что он рассматривает женщину как неполноценную личность, страдающую от биологической ущербности по сравнению с мужчиной (идеология зависти к пенису). Основываясь на концепции психологической защиты, она предположила, что, поскольку мужчины испытывают желание принизить женщин, именно они демонстрируют защитное поведение, за которым кроется зависть к потенции материнства. Мужчине требуется постоянно подтверждать свою мужественность, в то время как у женщины нет необходимости подтверждать свою женственность (принцип дополнительности мужчины). Социальная активность мужчин, по мысли Хорни, также является защитным ответом на страх природного женского превосходства. Впоследствии Хорни стала уделять все большее внимание культурным факторам, которые заставляют девочку чувствовать себя существом второго сорта и отводить мужчинам слишком большое место в своей жизни. «Мы должны пере-

стать интересоваться тем, что же на самом деле является женственным. Стандарты мужественности и женственности — искусственны. Различия между двумя полами, разумеется, существуют, но мы не сможем определить, в чем именно они заключаются, если сначала не разовьем нашего потенциала, как просто человеческие существа», — пишет К. Хорни.

На фаллической стадии разворачивается центральный для фрейдистской интерпретации личности конфликт, названный Фрейдом «*эдипов комплекс*». Суть «эдипова комплекса» заключается в том, что мальчик желает обладать своей матерью и испытывает ненависть к отцу, как к сопернику. Таким образом, его влечение принимает форму стремления к инцесту (вступлению в половые отношения с кровными родственниками), который пресекается во всех человеческих культурах. На фаллической стадии происходит формирование Сверх-Я. Позитивный путь разрешения данного конфликта состоит в идентификации с родителем противоположного пола, что ведет к желанию стать взрослым и начать половую жизнь. Основной механизм психологической защиты на фаллической стадии — вытеснение, т.е. процесс удаления из сознания влечений, вызывающих тревогу.

Латентный период продолжается с 5—6 лет до начала подросткового возраста. В этот период сексуальность не развивается, и энергия «либидо» направлена на овладение различными навыками, необходимыми для взрослой жизни.

Генитальная стадия начинается в подростковом возрасте и продолжается до смерти. Человеку, находящемуся на генитальной стадии развития, общество предлагает приемлемый способ удовлетворения сексуального влечения (брак), поэтому интенсивность психосоциального конфликта снижается. Конфликт генитальной стадии может быть смягчен за счет самой продуктивной, по мнению Фрейда, психологической защиты — *сублимации*. Сублимация — это процесс замещения объекта сексуального влечения на другой, социально поощряемый, что позволяет канализировать «запретную энергию» в другое русло. Часто, по мнению психоаналитиков, такими объектами становятся профессиональные достижения и творчество. «Силы, которые можно использовать в культурной деятельности, высвобождаются благодаря подавлению того, что называют «нездоровыми» элементами сексуального возбуждения», — пишет Фрейд. Человек, которому удалось успешно достигнуть генитальной стадии развития, хорошо адаптирован и полезен обществу.

Современный читатель может прийти к выводу, что в концепции развития личности Фрейда делается избыточный акцент на

становление сексуальности в ущерб реализации других, выделенных самим Фрейдом, влечений — влечений жизни и деструктивных влечений. Этот упрек кажется вполне справедливым. Однако следует учитывать социальный контекст создания данной теории. Пуританская мораль начала XX в. действительно жестоко подавляла и строго регламентировала сексуальную сферу жизни человека. Любые проявления интереса к сексу до достижения половой зрелости, равно как и нетрадиционные формы сексуальных отношений в зрелом возрасте, признавались патологией. Возможно, в том, что у современных людей, принявших сексуальность как естественную сторону жизни, периодизация развития личности, предложенная Фрейдом, вызывает удивление, и есть основная заслуга данного автора.

Г.А. Мюррей внес ряд дополнений в теорию З. Фрейда. Во-первых, он считал, что Оно включает в себя не только перечисленные Фрейдом влечения, но и *базовую потребность в любви*. Во-вторых, он предположил, что Сверх-Я формируется не только в раннем детстве под воздействием родительских наказаний, а продолжает развиваться в течение всей жизни, интегрируя опыт взаимодействия со многими людьми и ситуациями. В-третьих, Мюррей считал, что далеко не все поведение носит защитный характер, и в отсутствие конфликта функцией Эго становится рациональное мышление и точное восприятие. Таким образом, он зафиксировал когнитивный характер Эго, что, по существу, вводит в систему мотивационного ядра личности еще одну потребность — потребность в бескорыстном познании. Концепция Мюррея отчасти перекликается с когнитивным направлением в исследовании личности и с идеями Э. Эриксона.

Разделяя представления Фрейда о сущности ядра личности, Э. Эриксон (1902—1994) обращает внимание на один из явных недостатков его теории — ограничение периода развития личности детством и подростковым возрастом. Очевидно, что личность развивается и дальше и может претерпевать изменения на протяжении всего жизненного цикла. Если модель Фрейда предполагает допущение о природе человека первого типа из указанных выше четырех (человек сам по себе плох), то Эриксон склоняется скорее к допущению третьего типа (человек и плох, и хорош). Кроме того, он заимствует у Мюррея предположение о познавательной мотивации как одним из дополнительных содержаний Оно.

Эриксон предложил другую периодизацию личностного развития в рамках психоаналитической традиции. Основной принцип периодизации развития личности Эриксона хорошо поясняет

понятие кризиса, которым он активно пользуется. «В китайском языке слово «кризис» состоит из двух иероглифов, обозначающих опасность и возможность», — замечает Эриксон. Таким образом, каждая стадия развития включает в себе кризис, который, с одной стороны, таит в себе опасность психопатологии, а с другой — содержит возможность дальнейшего продуктивного развития. «Кризисы — это особые моменты человеческой жизни, моменты выбора между прогрессом и регрессом, интеграцией и отставанием», — пишет он далее. Каждая стадия в концепции Эриксона характеризуется особым психологическим кризисом и задачей развития. Эта задача заключается в достижении баланса между полюсами.

Если Фрейд говорит о психосексуальном развитии, то Эриксон — о психосоциальном развитии. Изменение термина подчеркивает не только внутреннюю конфликтность, но и необходимость взаимодействия личности и социального окружения.

Первые три стадии Эриксона совпадают со стадиями Фрейда. Это — оральная, анальная и фаллическая стадии. Суть конфликта первой оральной стадии — это базисное доверие к миру против базисного недоверия. Здесь главную роль играют взаимоотношения с матерью. Если мать довольна своим собственным детством и хорошо относится к ребенку, то конфликт данной стадии решается позитивно. Позитивное решение конфликта оральной стадии заключается в возникновении надежды или способности с оптимизмом смотреть на жизнь. Негативным полюсом разрешения конфликта является замкнутость, изоляция от мира. Анальная стадия характеризуется конфликтом между автономией и стыдом. Ребенок учится произвольно удерживать и отдавать значимые для него объекты, т.е. формируется сила воли. Недаром на этой стадии ребенок очень часто произносит слово «нет!». Негативный исход конфликта анальной стадии — это развитие стыда и сомнения, когда ребенок переживает неуверенность в своих силах и страх действовать самостоятельно. На фаллической стадии складывается конфликт между инициативой и чувством вины. Ребенок способен делать то, что «нельзя», и поэтому должен научиться сдерживать свои импульсы, одновременно оставаясь субъективно «хозяином ситуации».

Четвертая стадия развития личности, по Эриксону, суть конфликта которой составляет *противоборство компетентности и неполноценности*, соответствует латентному периоду в классификации Фрейда. Ребенок покидает семью и попадает в школьную среду. На этой стадии школьник должен показать, на что он способен.

Важной становится оценка результатов его обучения. Если ребенок плохо учится или становится объектом насмешек сверстников, может закрепиться чувство неполноценности. В дальнейшем человек не станет браться за решение трудных задач и не будет эффективен в жизни.

Пятая стадия совпадает с подростковым возрастом (началом генитальной стадии у Фрейда) и включает в себе центральный конфликт всего жизненного цикла. Это *конфликт между достижением идентичности и смешением идентичности*. Термин «идентичность» является крайне важным для понимания модели Э. Эриксона. Эриксон выделяет несколько аспектов идентичности:

- индивидуальность — сознательное ощущение собственной неповторимости и собственного отдельного существования;
- тождественность — переживание внутренней непрерывности на протяжении жизни, преемственности жизненных этапов;
- единство — ощущение целостности личности;
- социальная солидарность — переживание внутренней солидарности с идеалами своей социальной группы и общества в целом.

Достижение идентичности — функция Эго. В этот период должно произойти согласование уникальных свойств личности с имеющимися возможностями их реализации. Современный автор Дж. Марча (J. Marcia, 1980) предложил рассматривать два пути формирования идентичности, основываясь на характеристиках преданности (commitment) и исследовательской активности (exploration). Различные способы реализации идентичности были названы им статусами идентичности (табл. 15). Сначала подросток не обладает определенной идентичностью (диффузная идентичность). Затем перед ним открываются две возможности: или некритично принять идентичность членов своей семьи (блокировка идентичности), или вступить в фазу психосоциального моратория, во время которой происходит экспериментирование с социальными ролями и поиск своей уникальной идентичности. С первой стратегией можно столкнуться тогда, когда подросток без специального обдумывания выбирает профессию только потому, что она принята в семье (трудовые династии). Важность психосоциального моратория имплицитно подразумевается во многих культурах. В европейской культуре для молодого человека выделяется особый жизненный период, так называемые «годы странствий» (wanderjahre), когда ему позволено в широком диапазоне экспериментировать с социальными ролями. «Годы странствий» помогают обрести истинную оригинальную идентичность.

Таблица 15

Различные статусы идентичности, по Дж. Марча, 1980

Статусы идентичности	Исследовательская активность	Преданность
Диффузная идентичность	-	-
Блокировка идентичности	-	+
Психосоциальный мораторий	+	-
Достижение идентичности	+	+

Шестая стадия развития личности в модели Э. Эриксона наступает в ранней зрелости (22—30 лет) и характеризуется *конфликтом между интимностью и изоляцией*. В этом возрасте происходит выбор партнера и создание семьи. По мнению Эриксона, только на данной стадии возникает способность по-настоящему любить другого человека, признавая его ценность и в то же время не сливаясь с ним. Негативным исходом стадии интимности — изоляции — может стать психологическое одиночество, которое в современной литературе получило название «интимифобии» (страха близости с другими людьми).

На седьмой стадии развития личности перед человеком стоит *задача разрешения конфликта между продуктивностью и стагнацией*. На этой стадии человек должен проявить свое творческое начало, которое может воплощаться в «дело жизни», а также в заботе о подрастающем поколении. При негативном ходе событий человек может впасть в «застой», прекратить свое развитие и полностью сосредоточиться на воспроизводстве достигнутого на предшествующих стадиях. Главная опасность стадии продуктивности — стагнация — это психологическое ощущение «потолка» жизни, когда кажется, что все самое значительное уже в прошлом и созидательные ресурсы исчерпаны. Седьмая стадия продолжается всю социально активную часть жизни человека.

Восьмая, заключительная, стадия жизненного цикла названа Эриксоном *«интеграция против отчаяния»*. Это период старения человека, когда он встает перед лицом смерти и конца жизни. Благополучие на данной стадии предполагает переживание значительности совершенного в прошлом, чувство гордости прожитой жизнью, переосмысление событий в русле целостности жизненного пути. Исследования Л.В. Бороздиной людей пожилого возраста показали, что на данной стадии функционирования личности наблюдается преобладание ориентации на прошлое. Прожитое приобретает для пожилого человека абсолютную значимость, «функциональную автономность». Реальностью становится понятие, режу-

щее слух молодому человеку, ожидающему свершения своей судьбы в будущем, — «жизнь в прошлом». При этом должна сохраниться перспектива, связанная с выходом за пределы личного существования. Позитивным качеством, которое приобретает человек на данной стадии, является мудрость. Если человек не испытывает удовлетворения прожитой жизнью, его может охватить отчаяние.

Стадии развития личности, по Э. Эриксону, представлены в табл. 16.

Таблица 16

Восемь стадий развития личности, по Э. Эриксону

Стадии развития личности	Содержание конфликта	Значимые отношения	Позитивный исход	Негативный исход
Оральная	Базовое доверие против базового недоверия	Мать	Надежда	Замкнутость
Анальная	Автономия против стыда и сомнения	Родители	Воля	Стыд
Фаллическая	Инициативность против чувства вины	Семья	Активность	Пассивность
Латентная	Компетентность против неполноценности	Школа	Мастерство	Инерция
Юность	Идентичность против смещения идентичности	Группа сверстников	Осознанный выбор судьбы	Конформизм
Первая зрелость	Интимность против изоляции	Партнер	Любовь	Одиночество
Вторая зрелость	Продуктивность против стагнации	Широкий круг людей	Забота и развитие	Застой и неприятие нового
Старость	Интеграция против отчаяния	Человечество	Мудрость	Страх смерти

10.2. Гомеостатические теории личности: ориентация на согласие

Гомеостатические теории личности, ориентированные на согласие, предполагают, что основной задачей человека является достижение равновесия со средой, причем исходно природа человека нейтральна (человек не плох и не хорош). Лучшее для человека — это

познать мир, освоить социальный опыт человечества и существовать в соответствии с ним. Принцип гомеостаза, лежащий в основе данного типа теорий, так же как и в случае классического психоанализа, не допускает свободы личности. В качестве примеров теорий личности данного типа, построенных на образе «человека, познающего окружающее и адаптирующегося к нему», мы рассмотрим *теорию личностных конструктов* Дж. Келли и *социально-когнитивную теорию* А. Бандуры.

Основной мотивационной доминантой жизни личности как в концепции А. Бандуры, так и в концепции Дж. Келли является *стремление максимально приспособиться к требованиям социального мира и минимизировать вероятность конфликта с ним*. Однако авторы значительно расходятся в том, каким образом происходит приспособление человека к окружающей среде.

Дж. Келли (1905—1966) предполагал, что человек пытается предсказывать и контролировать те события, которые происходят в его жизни, за счет создания все более адекватной психической модели внешнего мира, и таким образом адаптируется к нему. По его мнению, на протяжении жизни человек действует как ученый, который выдвигает гипотезы относительно мира, проверяет и уточняет их.

Единицами объяснения мира и одновременно структурными элементами личности являются *конструкты* — *абстракции, сделанные человеком на основе личного опыта*. Процесс создания конструкта начинается с того, что человек объединяет сходные по какому-то параметру события и противопоставляет их тем, которые по этому параметру отличаются. Например, чтобы создать конструкт «твердый — мягкий», человеку требуется заметить, что, допустим, дерево и металл сходны по твердости и противостоят чему-то мягкому, допустим, тополиному пуху. Конструкт по определению включает в себя два полюса и представляет собой категории мышления. Разные люди пользуются разными конструктами при описании одних и тех же объектов. Содержание конструктов определяет, что человек ожидает от различных сфер жизни. Например, ребенок замечает, что Маша и Катя обычно мирно играют в свои куклы, а Петя часто ломает игрушки и дергает Машу за косички. Основываясь на данном наблюдении, ребенок может создать конструкт «миролюбивый — агрессивный», который впоследствии он будет использовать для оценки различия между мужчинами и женщинами. В конечном итоге человек будет думать, что агрессивные существа — это мужчины, а миролюбивые — женщины. Соответственно, с мужчинами надо держать ухо востро, а женщинам можно доверять. Или, например, у ребенка, растущего в моноэтнической среде, отсутствует опыт различения людей по цвету кожи. Тогда конструкт, связан-

ный с полюсами, допустим, «эмоциональный — сдержанный» не будет у него формироваться применительно к различению представителей этнических групп. В будущем он, скорее всего, попадет в ситуацию неопределенности, когда попытается предсказать, какого поведения ожидать от русских или от кавказцев. С одной стороны, это, конечно, приведет к определенному дискомфорту, но, с другой стороны, он не будет делать слишком обобщенных предположений относительно людей другой национальности. Правда, человек может некритично использовать внешний конструкт, полученный, например, из средств массовой информации, и сделать предсказание на основе такого ненадежного конструкта. В данном случае велика вероятность ошибки.

Личность в концепции Келли характеризуется и содержанием, и структурой конструктов. Например, человек, различающий людей по параметру богатства — бедности, иной, нежели тот, для кого важен параметр красоты — уродства. Любой конструкт соотносит воспринимаемое явление с какой-либо потребностью личности, и поэтому по используемым человеком конструктам можно определить, что для него важно в окружающем мире и в самом себе. Поскольку основной тенденцией личности в теории Келли является стремление наиболее полно приспособиться к окружающему миру за счет создания адекватной системы его описания, то путь нормального развития личности состоит в возрастании степени дифференцированное™ и точности системы личностных конструктов в их отношении к реально происходящему вокруг (теория Келли вводит специальное измерение для сравнения людей — «психологическая сложность личности»). Если оказывается, что тот или иной конструкт плохо описывает ситуацию, человек испытывает тревогу и старается создать новый, более адекватный конструкт. Тревога — это «осознание того, что события, с которыми человек столкнулся, находятся за пределами возможностей применения его конструктивной системы». Человек стремится редуцировать тревожное напряжение за счет совершенствования системы конструктов, т.е. действует гомеостатически.

Важным в концепции Келли является понятие центральной роли. Центральная роль (центральная структура) представляет собой конструкт, выражающий основополагающий взгляд человека на жизнь. Обычно центральная роль формируется в раннем детстве на доречевом уровне (человеку трудно сказать, что на самом деле для него самое главное), и поэтому данный базовый конструкт с трудом поддается коррекции.

Процедура определения содержания конструктов была названа *ролевым репертуарным тестом* (или репертуарными решетками

Келли). Суть процедуры заключается в том, что человеку предъявляют список значимых для него людей (например, мать, отец, брат, любимый учитель, злейший враг и т.д.) и просят оценить, в чем каждая из возможных пар схожа и отличается от каждого из оставшихся персонажей. Например, требуется указать, в чем мать и отец похожи между собой и одновременно отличаются от брата; в чем брат и мать похожи, но отличаются от бабушки; в чем бабушка и учитель похожи между собой, но отличаются от лучшего друга и т.п. Например, в первом случае человек дает ответ «возраст», а во втором — «громкий голос». Значит, в системе личных конструктов данного человека присутствуют конструкты «молодой — старый» и «обладатели громкого голоса — обладатели тихого голоса». Согласно Келли, следует предположить, что в каждодневной жизни человек оценивает людей по данным параметрам. Очевидно, что в репертуаре человека может быть много или мало конструктов, они могут отражать действительно значимые или более или менее случайные аспекты действительности. В нашем примере конструкт «молодой — старый», скорее всего, действительно схватывает нечто важное в мире, а конструкт «тихий — громкий голос» не слишком информативен. Стратегии функционирования личности могут заключаться в расширении системы конструктов, т.е. развитии психологической сложности личности, или в защитном ограничении, когда человек

цепляется за простоту и иллюзорную предсказуемость своего мирка, игнорируя то, что выходит за его рамки. В результате второй стратегии возникает враждебность к миру.

Главный упрек, справедливо адресованный взглядам Дж. Келли, — это неоправданное ограничение исследований личности только рациональной составляющей человеческого существования.

Социально-когнитивная теория А. Бандуры (род. 1925) предполагает в качестве мотивационного ядра личности *стремление максимально приспособиться к требованиям социального мира и минимизировать вероятность*

Рис. 73. Альберт Бандура

моделей поведения.

По мнению Бандуры, человек — это продукт научения (см. гл. 3). Так как при викарном научении субъекты осознают последствия действий, которым они подражают, можно утверждать, что ядро личности в понимании Бандуры имеет когнитивный характер. Основную роль в нем играют *процессы восприятия, оценки и саморегуляции поведения*. Саморегуляция поведения включает действие трех факторов: самонаблюдения, процесса вынесения суждений и активной реакции на себя. Самонаблюдение представляет собой постоянный внутренний мониторинг жизненных ситуаций и наших реакций на них. Процесс вынесения суждений происходит как на основе социальных, так и на основе личных стандартов. Например, преподаватель может оценить себя, сравнивая, насколько его действия совпадают с тем, что делают «хорошие» преподаватели (социальный стандарт). При использовании личного стандарта сравнивается уровень выполнения какого-либо действия с уровнем, обычным для человека. Активная реакция на себя заключается в эмоциональном переживании расхождения требований личного стандарта с реальным поведением. Например, если студент, который обычно получает пятерки на экзамене, ответит на четыре, он будет огорчен. Если же закоренелый троечник получит четверку, он будет вне себя от радости.

Важным для теории Бандуры является предположение о том, что разрядка напряжения доставляет личности настолько интенсивное удовольствие, что при определенных условиях личность стремится к временному нарастанию напряжения. «Люди побуждают себя к действию, ставя перед собой цели, которые создают положение неравновесия, а затем мобилизуют свои способности, чтобы достичь цели», — пишет он. Введение понятий викарного научения, саморегуляции поведения и временного наращивания напряжения позволяют А. Бандуре преодолеть радикальный бихевиоризм: значение «движущих сил» приобретают не только внешние воздействия, но и представления человека о самом себе.

Периферию личности в модели А. Бандуры составляют конкретная реализация *принципа реципрокного (взаимного) детерминизма*, процесс выборочной активации и отключения внутреннего контроля, отражающих уровень самоэффективности личности.

Согласно принципу реципрокного детерминизма бытие человека в мире определяется действием трех переменных: *окружающей среды (О), поведения (П) и личностных особенностей (Л)*. Рассмотрим действие этого принципа на примере взаимодействия студен-

та и преподавателя. Преподаватель слушает ответ студента на экзамене. Естественно, студент старается вызвать у преподавателя желательную для себя поведенческую реакцию — изображение цифры «5» в зачетке. Этот сегмент взаимодействия можно описать формулой $O = \$ P$, так как для преподавателя студент — это агент окружающей среды. Однако преподаватель, хотя и осознает намерения студента, не торопится ставить пятерку, он думает: «Если я поставлю ту оценку, которую хочет студент, он решит, что хорошо знает предмет, а ведь это не так». Данный момент взаимодействия можно выразить формулой $O \Rightarrow L$. Поразмыслив, преподаватель ставит «4» ($L \Rightarrow P$; $P \Rightarrow O$). Так как данный поступок кажется преподавателю справедливым, он оказывает влияние на его представление о себе, подтверждая мнение о себе как о принципиальном преподавателе ($P \Rightarrow L$). В описанной цепочке не хватает взаимодействия типа $L \Rightarrow O$, так как, на первый взгляд, преподаватель воздействует на студента посредством оценки. Однако на самом деле это влияние также имеет место, поскольку сам вид решительного преподавателя воздействует на студента еще до того, как он поставил оценку ($L \Rightarrow O$). Реципрокные триады, в которые включается человек на протяжении своей жизни, определяют привычные для него паттерны поведения и формируют личностные особенности. Бандура употребляет в своей модели термин «детерминизм». Однако оговоримся, что он придавал большое значение случайности. Случайное событие может изменить любой из элементов реципрокной триады, что определит и весь характер взаимодействия.

Выборочная активация и отключение внутреннего контроля отражает процесс действия более общего *механизма саморегуляции*. Данный механизм объясняет, почему люди не всегда поступают в соответствии со своими личными стандартами. В том случае, когда ситуация воспринимается однозначно и отсутствует внешнее давление, саморегуляция в формах самонаблюдения, вынесения суждения и активной реакции на себя включена. Человек ведет себя в соответствии с требованиями личного стандарта. Если же ситуация содержит двусмысленность или оказывается внешнее давление, потенциальный конфликт снимается с помощью отключения внутреннего контроля. Отключение внутреннего контроля может осуществляться разными способами. Во-первых, отключение внутреннего контроля происходит при помощи переопределения поведения. Переопределение поведения осуществляется путем морального оправдания («вообще-то стрелять в человека нельзя, но в целях самообороны это допустимо»), оправдывающих сравнений («конечно, я

не подготовился к семинару, но другие-то вообще на него не пришли») или созданием словесных ярлыков (киллер договаривается не об убийстве, а об «исполнении условий контракта»). Во-вторых, отключение внутреннего контроля достигается смещением или распылением ответственности, когда ответственность за негативные результаты поступка атрибутируется другому лицу или разделяется между несколькими лицами. В-третьих, конфликт может быть снят за счет дегуманизации жертвы или возложения на нее вины за случившееся. Например, многие американские колонисты, которые вели себя в отношениях с европейцами на уровне самых высоких личных стандартов, но при этом совершали преступления против индейского населения, оправдывая свое поведение тем, что «индейцы — не люди» (подробнее о механизмах смещения ответственности и дегуманизации жертвы см. гл. 11).

Важнейшей личностной характеристикой А. Бандура считает «*самоэффективность*». «Убеждения человека относительно его способности управлять событиями, воздействующими на его жизнь (самоэффективность) влияют на то, какой способ действия он выберет, как много будет прилагать усилий, как долго он устоит, встречаясь с препятствиями и неудачами, насколько большую пластичность он проявит по отношению к этим трудностям», — пишет А. Бандура. Понятие самоэффективности близко понятиям *локуса контроля и самооценки*. По концепции А. Бандуры, *самоэффективность — это главная детерминанта выбора человеком той или иной деятельности*.

На уровень самоэффективности оказывают влияние несколько факторов.

- Достиженные результаты. Успех в аналогичной деятельности в прошлом повышает самоэффективность относительно данной сферы деятельности в будущем.
- Косвенные переживания. Наблюдение за деятельностью людей в сходных условиях могут понижать или повышать самоэффективность. Например, когда вы видите, что другой человек с легкостью взобрался на вершину холма, вы, скорее, решите, что также способны это сделать.
- Словесное убеждение. Самоэффективность повышается, когда авторитетное для вас лицо выражает уверенность в том, что вы способны справиться с задачей.
- Стресс. Стрессогенная ситуация снижает уровень самоэффективности.

Имеются экспериментальные доказательства того, что высокий уровень самоэффективности оказывает реальное влияние на успех

деятельности. Например, в группе лиц, желающих бросить курить, максимального результата добивались те, кто обладал высокой самооэффективностью (С. Диклиментэ, S. DiClemente, 1985).

10.3. Гетеростатические теории личности: ориентация на конфликт

Гетеростатические теории личности: ориентированные на конфликт, подразумевают, что личность не стремится к снятию напряжения между собой и миром, а наоборот, наращивает его. Более того, именно *конфликт, складывающийся в этом взаимодействии, является основной движущей силой развития личности*. Данный тип понимания личности представлен в деятельностном подходе.

Деятельностный подход рассматривает личность как «открытую систему», он не предполагает оценочной интерпретации природы человека. Согласно этому подходу основанием формирования и изменения личности (генетический аспект рассмотрения проблемы) является деятельность. «Личность производится деятельностью», — утверждает А.Н. Леонтьев, и далее: «Личность - это дериват деятельности (т.е. производное от деятельности)». Поэтому и для понимания личности следует «смотреть на нее через призму» системы деятельностей, в которую включен человек. Так как любая деятельность детерминирована своим мотивом, *основная тенденция ядра личности совпадает с иерархической структурой соподчиненных мотивов ее деятельностей*. В рамках этого подхода можно сказать, что личность и есть иерархия мотивов. Поэтому для описания личности критически важно выяснить, что именно в наблюдаемом поведении того или иного человека является операцией, что — действием с осознаваемой целью, а что — мотивом, и является ли этот мотив сознательным или нет. Например, вы видите бегущего человека. Какой смысл имеет для него бег? Может быть, он спортсмен, который бежит на марафонскую дистанцию (в отдалении вы замечаете табличку с надписью «Финиш»)? В данном случае его мотив ясен для вас. Вы составляете мнение об этом человеке как о спортсмене, который озабочен высокими достижениями и хочет стать лидером забега. Безусловно, если это действительно так, вы можете много сказать о его личности. Однако может оказаться, что бегун стремится прийти к финишу первым только потому, что тем, кто войдет в тройку сильнейших, руководство спортивного клуба пообещало недельный отпуск домой. А наш герой ужасно скучает по своей семье. То есть бег для него — действие, которое подчинено моти-

И.И. Гетеростатические теории личности: ориентация на конфликт

ву встречи с любимой семьей. Эта существенная дополнительная информация создает в вашем воображении образ совсем другой личности — мягкого, нежного человека, который, возможно, не слишком доволен тем, что ему пришлось выбрать карьеру спортсмена. А теперь представьте, что этот человек и вовсе случайно попал на беговую дорожку, он бежит просто так, ни с кем не соревнуясь, мечтая о чем-то приятном. Он вообще не обращает особого внимания на то, как и куда бежит. Опять ваше понимание личности этого человека изменилось.

Личность, по А.Н. Леонтьеву, является поздним продуктом общественно-исторического и онтогенетического развития человека. Главный тезис: личностью не рождаются, личностью становятся. Когда же начинает складываться личность? Леонтьев предлагает считать в качестве отправной точки формирования личности конкретный момент в развитии психики ребенка. Это момент, в который мы можем эмпирически зафиксировать, что *два мотива — социальный и биологический — стали обнаруживать иерархическую зависимость, т.е. социальный мотив подчинил себе биологический*. Исследовательская процедура строится следующим образом: взрослый кладет на стол перед сидящим ребенком конфету. Задача ребенка — достать конфету, не вставая со стула. Ребенок пытается дотянуться до конфеты, но конфета лежит слишком далеко от него (задача не имеет решения в рамках предложенной инструкции). В какой-то момент исследователь выходит из комнаты. Как поведет себя ребенок? Трехлетний без всяких сомнений хватает конфету и запикивает в рот. Младший школьник терпеливо ждет возвращения взрослого и не совершает никаких видимых «запретных» действий. Для фиксации момента «рождения» личности важно понаблюдать за тем, как поступает в аналогичной ситуации старший дошкольник. На первый взгляд, он делает то же самое, что и более младший ребенок — берет конфету и съедает ее. Но что происходит, когда взрослый снова заходит в комнату? Он хвалит ребенка за успешное решение задачи и дает ему еще одну конфету — в награду. Малыш радостно берет и вторую конфету. Старший же дошкольник в ответ на похвалу начинает горько плакать. Как образно выражается Леонтьев, сладкая конфета стала для него «горькой». Вроде бы мы наблюдали одно и то же действие — пока взрослый не видел, ребенок взял «запрещенную» конфету. Однако в случае трехлетнего биологический мотив (съесть конфету) не встретил сопротивления. У старшего дошкольника произошел конфликт двух противоположных мотивов — биологического (съесть) и социального (слушаться взрослого). И хотя сначала победил первый мотив (ребенок своим

поведением нарушил правило решения задачи), по возвращении взрослого второй мотив оказался более сильным. Изменился личностный смысл только что совершенного действия. Напомним, что личностный смысл определяется как отношение мотива к цели действия. В нашем примере мотив сотрудничества со взрослым породил такой личностный смысл действия, нарушающего запрет, что конфета потеряла всю свою былую привлекательность, стала «горькой». Можно сказать, что в ребенке «заговорила совесть». Социальное требование стало реально действующим мотивом его личности, мы присутствуем в начале пути формирования иерархии мотивов, главенствующим стал мотив социальный, а подчиненным — мотив биологический.

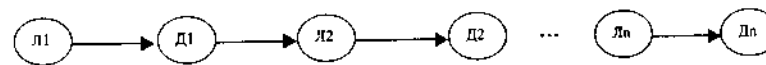
Правда, существуют и другие предложения, как обнаружить момент рождения личности. Рассуждая также в логике доминирования социальной регуляции (особенно при конфликте), А.В. Петровский считает, что *о рождении личности свидетельствует первое альтруистическое действие, т.е. действие во благо другого и в ущерб себе*. Пока личность не начала складываться, ребенок не только не выполняет просьбу: «Дай своего любимого мишку тому мальчику, который горько плачет», но и не понимает связи между состоянием души сверстника и своим действием. Принятие (и выполнение) решения о том, чтобы по доброй воле расстаться с такой ценной вещью, как любимая игрушка, предполагает, что перед нами уже личность, правда, еще в самом начале своего развития. Чтобы социальные мотивы побеждали, по концепции А.В. Петровского и В.А. Петровского, во внутреннем мире должен быть представлен другой человек, т.е. личность должна нести в себе «отраженную субъектность» и ориентироваться на нее.

Леонтьев утверждает, что за первым «рождением» личности в дошкольном возрасте следует второе, которое происходит в подростковом возрасте — *человек становится способным к осознанию личной иерархии мотивов*. До этого о структуре мотивационной сферы ребенку сигнализировали эмоции. Так, наш испытуемый, вдруг ощутивший психологическую «горечь» недавно желанной конфеты, не может объяснить причину своих слез. Подросток учится решать задачу на личностный смысл, т.е. он может провести рефлексию того, что для него на самом деле важно и, следовательно, приобрести свободу выбора действий в соответствии со своими мотивами, а затем и свободу осознанно перестраивать иерархию значимых мотивов. Он теперь может идти против социального давления и против своих импульсивных желаний, он становится «сознательной личностью» в полном смысле этого слова.

Личность определяется природой порождающих ее социальных отношений, в которые человек вступает в процессе деятельности. Личность поэтому представляет собой системное интегральное («внечувственное», по терминологии А.Н. Леонтьева) качество «системы Человек — Общество».

Как всякая система, согласно общей теории систем Л. фон Берталанфи, система Человек — Общество характеризуется следующим: 1) целостностью — несводимостью системы к сумме образующих ее частей. Другими словами, личность нельзя вывести не из структуры общества, не из изолированного человека; 2) структурностью — существованием определенных связей между элементами системы; 3) взаимосвязью с другими системами и 4) иерархичностью. Функционирование системы подчиняется трем основным принципам. Первый принцип заключается в том, что эволюция системы предполагает *противоборство двух тенденций — тенденции к сохранению и тенденции к изменению*. Второй принцип, следующий из первого, утверждает, что необходимым условием развития системы является *конфликт между адаптацией и избыточной активностью*. Третий принцип предполагает, что в любой эволюционирующей системе функционируют *избыточные неадаптивные элементы, относительно независимые и обеспечивающие саморазвитие системы*. Действие этих общих принципов, согласно А. Г. Асмолову, необходимо раскрывать и наполнять конкретным психологическим содержанием при создании теории личности.

Возникновение личности как системного качества обусловлено тем, что *человек в совместной деятельности изменяет мир*. Но как только человек включается в социально организованную предметную деятельность, тезис оборачивается: *личность начинает изменять и развивать саму себя*. «Внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет», А.Н. Леонтьеву. Эту мысль можно проиллюстрировать следующей схемой (рис. 74).

Здесь Л1, Л2, Лn означают изменения личности, Д1, Д2, Дn — реализуемые деятельности.

Рис. 74. Изменение личности посредством включения в деятельность

Безусловно, возникновение новой формы организации и интеграции психических процессов, их существование в качестве лично-

сти предполагает, что, вступая в деятельность, личность выполняет функцию регуляции этой деятельности. Но важно, что при этом личность не остается неизменной, она сама развивается в процессе деятельности. Деятельность формирует новообразования «на полюсе субъекта и на полюсе объекта» — так сформулировал эту мысль А.Н. Леонтьев. Выраженность этих новообразований, т.е. степень различия между Л1 и Л2, будет тем больше, чем более значимый и творческий характер носит осуществляемая деятельность. Таким образом, *личность формируется в деятельности, проявляется и развивается в ней.*

Тезис о том, что деятельность является источником развития личности, верен и для взрослого, и для ребенка. Однако если для взрослого открыто широкое пространство возможных деятельностей (напомним, что под термином «деятельность» понимается любая мотивированная целенаправленная активность и внешне проявляемая, и внутренняя «умственная»), то для ребенка главное условие развития — внешняя деятельность с реальными предметами, несущими в себе мир человеческих значений и смыслов.

Ребенок вовлекается в совместную деятельность со взрослым, что означает создание «социальной ситуации его развития» (по Л.С. Выготскому). Вместе со взрослым, который владеет культурным опытом реализации деятельности (правилами и средствами), ребенок как бы «забегает вперед» доступной ему в данный момент формы выполнения деятельности — под руководством взрослого он делает то, что пока еще не может сделать сам. Л.С. Выготский назвал эту возникающую во взаимодействии перспективу «*зоной ближайшего развития*».

Таким образом, представители деятельностного подхода считают, что личность формируется и развивается на протяжении всей жизни, пока человек включен в динамику социальной деятельности. Эта динамика может определяться как социальными законами (например, перестройка в России), так и создаваться самим человеком, ведь, преобразуя формы своей деятельности, он может сам задавать траекторию своего личностного развития.

Личность характеризуется *надситуативной активностью*, т.е. стремлением действовать за границами требований ситуации и ролевых предписаний. Один из феноменов, иллюстрирующих надситуативную активность, был описан В.И. Лениным. Схема его исследования повторяла ту, в которой изучался феномен «горькой конфетки», только возле ребенка помещалась палка, с помощью которой можно было достать нужный объект. Маленькие дети после нескольких проб справлялись с заданием и бывали весьма до-

вольны результатом. Однако когда аналогичное задание предъявлялось старшему ребенку, он начинал демонстрировать странное поведение — ерзать на стуле, оглядываться по сторонам, не обращая внимания на инструмент, позволяющий легко выполнить задание. Когда ребенка спрашивали, почему же он не берет палку, тот презрительно отвечал: «Так каждый сможет!». Данный эффект был назван *«интеллектуальной инициативой»*. Другими словами, вопреки инструкции, у ребенка возник мотив не просто решить задачу, а решить ее своим оригинальным способом («сверхзадача»). К проявлениям активности, не связанной с необходимостью адаптации, относятся феномены *«бескорыстного риска»* (В.А. Петровский), сложные виды *интеллектуальной инициативы* в познавательной деятельности, когда человек существенно усложняет решаемую задачу, чтобы узнать и понять больше, чем от него требуется (Д.Б. Богоявленская) и т.д. Это и есть те избыточные неадаптивные элементы, существование которых предсказывает теория систем.

Личность характеризуется *направленностью* — *устойчивой системой доминирующих мотивов, задающей главные тенденции поведения человека*. Близким вариантом анализа личности является концепция В.Н. Мясищева (1893—1973). Мясищев полагал, что ядро личности кроется в системе отношений к внешнему миру, к людям, к своему делу и к самому себе. В данной теории структурной основой личности является не иерархизированная система мотивов, а иерархизированная система отношений.

Единицы анализа функционирования личности могут быть представлены *устойчивыми смыслами* значимых объектов и явлений, отражающих отношения человека к ним, а также личностными ценностями, которые вместе с потребностями являются источником этих смыслов (Д.А. Леонтьев). Другими словами, смысл для человека приобретают те объекты, которые имеют отношение к реализации его потребностей и ценностей. В отличие от потребностей личностные ценности не ограничены текущим моментом, наличной ситуацией, они устремлены в будущее.

Конкретные свойства личности также формируются в деятельности. Например, учебная деятельность формирует в личности ребенка такие качества, как настойчивость, любознательность и т.д. При этом список потенциальных свойств личности ограничен только многообразием возможных форм деятельности.

В рамках деятельностного подхода наиболее разработаны представления о *периодизации развития личности* лишь в младенческом, детском и подростковом периодах жизни человека. Д.Б. Эльконин (1904—1984) выдвинул концепцию периодизации

развития личности на основе *«ведущей деятельности»*, т.е. деятельности, осуществление которой определяет формирование основных психологических достижений определенной ступени развития личности (табл. 17). Деятельностно-опосредствованный тип взаимоотношений, который складывается у ребенка с наиболее значимой группой или лицом, является ведущим фактором его развития. Понятно, что при таком подходе развитие личности изначально социально. Движущей силой развития служит внутреннее противоречие между растущими потребностями и реальными возможностями их удовлетворения. Этот конфликт не только неустрашим, но и содержит в себе «энергию» развития личности. При этом в постоянном взаимодействии находятся деятельности, обусловленные предметно-вещественными мотивами, и деятельности, обусловленные мотивами общения. Ребенок активно включен во взаимодействие с «миром вещей» и «миром людей». На разных этапах развития то один, то другой «мир» занимает доминирующее положение в направленности ребенка. Когда на передний план выходит коммуникативная деятельность, происходит преимущественное развитие мотивационной сферы, а когда коммуникативная деятельность сменяется предметно-интеллектуальной, то в основном развивается познавательная сфера.

Ведущая деятельность младенца — это *непосредственно-эмоциональное общение со взрослым*. Примером такой деятельности служит «комплекс оживления», возникающий на третьем месяце жизни. Для того чтобы удовлетворить потребность общения со взрослым, ребенку приходится овладевать различными средствами, и прежде всего речью. На границе перехода к следующей стадии складывается конфликт между мотивационной готовностью к предметной деятельности и недостатком инструментальных навыков. Психологически ребенок готов эмансипироваться от взрослого, но объективно этого сделать еще не может. Всем знакомо настойчивое требование ребенка: «Я сам!».

В раннем детстве ведущей становится *предметно-орудийная деятельность*. Ребенок активно манипулирует предметами, овладевает различными орудиями. Типичным примером активности ребенка на данном возрастном этапе являются игры с песком, складывание пирамид и т.д. То есть игра носит предметный характер. Много исследований посвящено рассмотрению развития познавательной сферы ребенка в данный период. Так, Ж. Пиаже указывал, что в возрасте 2—3 лет формируется так называемый «ручной» интеллект (см. гл. 9). Общение на данной стадии представляет собой средство «деловой» коммуникации со взрослым.

Ведущей деятельностью дошкольного возраста является *ролевая игра*. Девочки играют в «дочки-матери», мальчики — «в войну», дети обоих полов — «в школу», «в больницу» и т.д. Особенности ролевой игры является принятие на себя роли взрослого, развертывание в игровой форме последовательности целостных ситуаций, их обозначение и планирование, использование предметов-заменителей, воображаемых предметов. Так, скальпель хирурга может быть изображен с помощью палочки, конфета — с помощью камешка и т.д. Важно, что роль взрослого, которую принимает ребенок, содержит в себе ролевые правила и требования. На стадии ролевой игры опять на передний план выходит общение. Предметные действия, освоенные ребенком ранее, включаются в новый контекст человеческих отношений.

Ведущей деятельностью младшего школьника становится *учеба*. Взаимодействие с другими людьми затеняется, все силы брошены на развитие познавательных способностей. В подростковом возрасте снова происходит чередование предметной и коммуникативной типов деятельности. Для подростка важно установить доверительные отношения со сверстниками. Он учится дружить и любить. Наступает период страстной дружбы и первых влюбленностей.

Таблица 17

Периодизация личностного развития, по Д.Б. Эльконину (1974)

Возрастной период	Ведущая деятельность	Система отношений
Младенчество	Общение со взрослым	Человек — Человек
Раннее детство	Предметная деятельность	Человек — вещь
Дошкольный возраст	Ролевая игра	Человек — Человек
Младший школьный возраст	Учебная деятельность	Человек — вещь
Подростковый возраст	Личностное общение со сверстниками	Человек — Человек
Юношеский возраст	Учебно-профессиональная деятельность	Человек — вещь

Если логично продолжить данную линию развития личности и в более поздние возраста, тогда ведущей деятельностью молодости, вероятно, являются межличностное общение и поиск брачного партнера (человек — человек), затем на первый план выступает профессиональное становление (человек — вещь) и впоследствии наблюдается возвращение к ведущей роли межличностного общения в семье (человек — человек). Как мы видим, в дополненном виде кон-

цепция Эльконины имеет общие черты с кругом феноменов, рассматриваемых Э. Эриксеном. Преимуществом периодизации Эльконины является принцип «маятника»; объективная смена ведущих деятельностей определяется противоречиями в развитии мотивационной и познавательной-инструментальной сфер личности.

10.4. Гетеростатические теории личности: ориентация на согласие

Гетеростатические теории личности, ориентированные на согласие, признают в качестве основания личности *одну силу, которая, стремясь получить максимальное развитие, усложняет и совершенствует личность*. Поскольку эта сила едина и присутствует в личности с рождения, ее реализация не подразумевает конфликт. Хотя некоторые авторы, например А. Маслоу и Э. Фромм, указывают на то, что в современном обществе многое препятствует гармоничному развитию личности; предполагается, что общество можно улучшить таким образом, чтобы ничто не мешало личностному росту, т.е. в этих теориях конфликт не является движущей силой развития личности.

Позиция К. Роджерса (1902—1987) представляет собой наиболее яркий вариант такого типа теорий. Для Роджерса *тенденция ядра личности заключается в том, чтобы актуализировать потенциальные возможности человека*. Роджерс считает, что человек по природе хорош и не нуждается в сдерживании своей сущности со стороны общества (допущение о природе человека второго типа по нашей классификации). Роджерс воздерживался от перечисления конкретных свойств ядра личности, настаивая на уникальности каждой личности. Дело для него не в том, чтобы описать личность или привести ее к некоему стандарту. Наоборот, важно лишь воспитывать то, что заложено в естественном проекте развития человека, и тогда личность достигнет полной актуализации. Таким образом, тенденция актуализации дана человеку от природы. В отличие от тенденции к актуализации, присущей всему живому, Роджерс называет человеческое стремление к раскрытию своего потенциала *самоактуализацией*. Самоактуализация отличается от актуализации ведущей ролью сознания. Другими словами, человек старается раскрыть не все свои возможности вообще, а те, которые он осознает и принимает в себе. Для того чтобы Я-концепция (то, как человек видит свой потенциал) была адекватной и продуктивной, необходимо удовлетворение двух особых потребностей личности — потребности в позитивном безусловном внимании и потребности в самопринятии.

Потребность в позитивном безусловном внимании должна быть удовлетворена в первую очередь родителями ребенка. Отличие безусловного внимания от условного заключается в том, что в первом случае ребенок принимает и поддерживает независимо от того, каков он, а во втором — проявляют любовь к ребенку, только когда он поступает в соответствии с их пониманием, «что такое хорошо и что такое плохо». Поскольку ребенок стремится добиться любви родителей, он вслед за ними начинает отвергать некоторые стороны своей натуры. Формируется защитное поведение, которое, по Роджерсу, помогает человеку выжить, но препятствует открытию его истинной природы.

Человек, который принимает себя полностью, не ориентируясь на внешние запреты, называется К. Роджерсом *«полноценно функционирующей личностью»*. Образ жизни такого человека характеризуется рядом особенностей.

Во-первых, полноценно функционирующий человек демонстрирует *открытость к переживаниям*, которая противоположна использованию психологической защиты. К. Роджерс пишет об этом свойстве так: «Человек становится способен лучше прислушиваться к себе, к переживаниям, которые происходят внутри него. Он более открыт к ощущениям страха, разочарования, боли. Он также более открыт к ощущениям мужества, нежности и благоговения. Он свободно субъективно проживает свои чувства и также свободно осознает их наличие».

Во-вторых, полноценно функционирующий человек реализует *«экзистенциальный» способ жизни*. Роджерс подразумевает под этим стремление наиболее полно проживать каждый момент, не уходя от настоящего в воспоминания о прошлом или в мечты о будущем.

В качестве третьей особенности полноценно функционирующего человека Роджерс вводит понятие *«организмического доверия»*. Под организмическим доверием понимается способность опираться в решении проблем на интуицию, полагаться на внутреннюю очевидность того, что правильно или неправильно для человека в данной конкретной ситуации.

Четвертое свойство полноценно функционирующего человека — это *«эмпирическая свобода»*, т.е. субъективное переживание свободы выбора, которое порой может вступать в противоречие с объективной детерминированностью поступков человека.

Последняя характеристика — это высокий уровень проявления *творческой способности*.

Безусловно, К. Роджерс понимал, что полноценное функционирование — это некое идеальное состояние личности, к которому

следует стремиться в противовес «суженному существованию», которое влачит большинство реальных людей. Он пишет об этом: «Я думаю, стало понятно, почему для меня такие прилагательные, как «счастливый», «веселый», «радостный», не вполне подходят для общего описания процесса, который я назвал хорошей жизнью, несмотря на то, что в ходе этого процесса человек в соответствующие моменты будет испытывать все эти чувства. Прилагательные, которые подошли бы в более широком смысле, — это такие прилагательные, как «улучшающий», «волнующий», «полезный», «перспективный», «значимый». Я убежден, что процесс хорошей жизни не для трусливых. Он включает в себя растущую и увеличивающуюся реализацию врожденных потенциальных возможностей человека».

Концепция А. Маслоу также может быть отнесена к гетеростатическим концепциям, ориентированными на согласие. Тенденция ядра личности, заключающаяся в возможно более полном раскрытии внутреннего потенциала человека, разворачивается, по Маслоу, на двух ступенях. Первая ступень — это *актуализация физиологического стремления к жизни*, присущая человеку как живому организму, а вторая ступень — *собственно самоактуализация*. Иерархическая уровневая модель потребностей, разработанная А. Маслоу, оказала огромное влияние на психологию мотивации (см. гл. 4), поэтому мы не будем останавливаться здесь на ней подробно. Зафиксируем только принципиальное для Маслоу разделение на *потребности дефицита* (низшие потребности) и *потребности роста* (высшие потребности). На первой ступени личность функционирует гомеостатически, и только на второй начинает действовать *принцип гетеростаза*. Потребности роста ведут к нарастанию напряжения, так как, по его словам, «они относятся к стремлению обогатить существование, расширить жизненный опыт, повысить наслаждение от ощущения себя живым».

А. Маслоу провел анализ личностных особенностей людей, которые, по его мнению, достигли высокого уровня самоактуализации. Среди них были как современники ученого — его знакомые и студенты колледжа, так и знаменитые личности, достигшие мирового признания в различных сферах, например: философы Гете, Дж. Рассел, Спиноза; писатели Шолом-Алейхем, У. Уитмен, Дж. Ките; ученые А. Эйнштейн, В. Джеймс, М. Вертгеймер; композитор Гайдн; политические деятели А. Линкольн, Дж. Вашингтон, Б. Франклин, Т. Джефферсон; художники К. Писсаро, П. Ренуар и др. На основе изучения биографий «самоактуализированных» людей А. Маслоу выделил 15 характеристик, которые являются существенными для

понимания «модуса жизни» человека, мотивированного к самоактуализации:

- 1) реалистичное восприятие реальности;
- 2) принятие себя, других и природы;
- 3) спонтанность, простота и естественность;
- 4) служение (сосредоточенность на решении проблем мира, а не на удовлетворении эгоистических потребностей);
- 5) потребность в уединении;
- 6) автономность, независимость, воля и активность;
- 7) свежий взгляд на вещи;
- 8) мистические и высшие переживания, которые не обязательно связаны с религией;
- 9) чувство единения с человечеством (Gemeinschaftsgefühl, по А. Адлеру);
- 10) чувство близости с любимыми людьми;
- 11) демократические ценности;
- 12) умение отличать средства от целей, добро — от зла;
- 13) философское чувство юмора;
- 14) творческое восприятие мира;
- 15) нонконформизм (в это понятие Маслоу вкладывает внутреннюю независимость от социальных влияний, а не обязательно открытую борьбу с ними).

Интересно, что, несмотря на то, что объектом описания А. Маслоу стали выдающиеся личности разных времен, он не ставит знака равенства между самоактуализацией и творческими достижениями. Так же как и для К. Роджерса, для него воплощение ядерных тенденций личности — это не результат, а особое качество процесса жизни (в русском языке есть выражение «уметь чувствовать вкус жизни»). Возможно, поэтому А. Маслоу не включил в свой список, например, В. Моцарта, который, по мнению автора, достиг феноменальных творческих результатов, однако прожил жизнь, далекую от идеала самоактуализирующейся личности.

Позиция Г. Оллпорта во многом схожа с позицией А. Маслоу. В качестве тенденций ядра личности им утверждается *стремление функционировать таким образом, чтобы выжить физически и в то же время выразить свою самость*. Г. Оллпорт предложил концепцию уровневого строения личности и выделил три типа диспозиций (от лат. dispositio — расположение), определяющих личность. *Кардинальные диспозиции* являются реально действующими у немногих людей, которые живут главной идеей своей жизни. *Центральные диспозиции* (близкие к периферическим в нашем понимании) — это

конкретные черты личности. *Вторичные диспозиции* — это менее важные и устойчивые свойства личности, которые могут меняться в зависимости от условий жизни (возникающих ситуаций, силы воздействия окружающих и т.д.).

Самость — это ядро личности, некоторый индивидуальный и трудно поддающийся описанию потенциал, для обозначения которого Оллпорт ввел специальный термин «проприум» (от лат. *proprius* — собственный). В проприум входят только те аспекты жизненного опыта человека, которые он сам считает важными. Функциями проприума являются *ощущение тела, расширение самости, самоидентичность, самоуважение, рациональное управление самим собой, создание образа себя и проприативное стремление*.

Оллпорт выделяет ощущение тела как важную функцию проприума, так как полагает, что наше переживание границ своего тела оказывает влияние на принятие жизненных решений. Для иллюстрации своей мысли он приводит несколько шокирующий пример. Представьте, что вы несколько раз сплевываете в стакан и выпиваете его содержимое. Скорее всего, вообразив такую ситуацию, вы почувствуете отвращение. Но ведь та же самая слюна постоянно находится у вас во рту, и вы не испытываете в отношении нее никаких негативных эмоций! Что же произошло? В первом случае вы отчуждаете часть своего организма от своей личности и таким образом противопоставляете себя ей. Расширение самости есть противоположный процесс. Человек стремится стать «больше себя» за счет психологического включения в свою личность объектов внешнего мира. Так, например, в исследовании немецкого психолога Урса Фюхрера (1999) испытуемым предлагалось с помощью фотографий, сделанных аппаратом Polaroid, представить свою личность. 48% испытуемых «расширили свой проприум» за счет других людей (из них 15% — супруги, 16% — родители, 12% — дети и 5% — друзья); 32% испытуемых представили себя с помощью различных зданий и географических объектов; 20% включили в свою личность предметы, в первую очередь автомобили. Как замечает сам Оллпорт, для некоторых людей вмятина на крыле автомобиля является не менее болезненной, чем удар по лицу. Включая в перечень функций проприума рациональное управление самим собой, Оллпорт указывает на то, что человеку крайне важно думать о проблемах и задачах и разрешать их логически. Проприативное стремление подразумевает активность и ориентацию на будущее. Другими словами, это внутренний двигатель выражения проприума.

Г. Оллпорт называет жизнь человека, который ориентируется только на потребности биологического выживания, оппортунистическим существованием. В противоположность этому проприативное функционирование характеризует зрелую личность. Оллпорт описал *критерии зрелой личности*: широкое «Я», способность устанавливать теплые отношения с окружающими, самопринятие и эмоциональная устойчивость, реалистическое восприятие, ориентация на решение проблем, способность к самопознанию и чувство юмора, целостная жизненная философия с четко определенными ценностями ориентациями, дифференцированное религиозное чувство и совесть.

10.5. Факторные модели личности

В отличие от перечисленных выше теорий личности, заключающих в себе как определенные допущения о природе человека и принципах его функционирования, так и четкие представления о ядерных и периферических структурах личности, факторные модели основаны на *статистическом подходе*. Суть данного подхода заключается в том, что на первом этапе производятся наблюдения над многими людьми. Затем данные наблюдений выражаются количественно. Например, рост кодируется в сантиметрах, вес — в килограммах, способности — баллами, набранными по соответствующим тестам и т.д. Затем вычисляется коэффициент корреляции между переменными. Высокий коэффициент корреляции показывает, что переменные проявляются совместно, низкий — присутствие одной переменной исключает проявление другой, а нулевой — зависимости не выявлено. Например, может оказаться, что длина ступни положительно коррелирует с ростом человека и отрицательно — с принадлежностью к женскому полу. Это означает, что человек, который носит большой размер обуви скорее всего будет мужчиной высокого роста. Связанные между собой переменные объединяются в факторы. Таким образом, факторный анализ позволяет свести большое количество переменных к меньшему числу более фундаментальных величин (рассчитывается также и вклад каждой переменной в тот или иной фактор). Например, мы обнаружили высокую позитивную корреляцию между оценками по русскому языку, по литературе, беглостью речи и скоростью запоминания иностранных слов. Образовавшийся фактор можно назвать фактором В (вербальных способностей). Аналогично с помощью факторного анали-

за некоторые авторы пытались выделить основные свойства личности, к которым можно редуцировать все многообразие проявлений человека.

Р.Б. Кэттел (1905—1998) считал, что лучший способ охватить личность в целом — это изучить лексический состав языка. Он предположил, что каждое слово, обозначающее то или иное свойство человека, потенциально представляет собой черту личности. Оказалось, что в английском языке с описанием личности связано 18 тыс. слов. Исключив синонимы, редко употребляемые и устаревшие слова, Кэттел составил список из 171 слова. Кэттел определяет черту личности, как «то, что позволяет предсказать действия человека в определенной ситуации». Важно заметить, что Кэттел начинал свою работу, не имея никакой определенной «модели» личности, т.е. он не делал предположений относительно сути личности (ядра) и движущих сил ее развития. На деле он использовал обратную стратегию: описывая периферию личности, он надеялся совершить восхождение к ядру. В связи с этим он провел разделение на поверхностные (те, что можно наблюдать) и основные (глубинные) черты личности. Факторизуя поверхностные черты, он надеялся обнаружить основные. Логика Кэттела была такова: если несколько поверхностных черт проявляются в виде группы, значит, существует какая-то общая черта, которая стоит за ними.

Для своих разработок Кэттел использовал три типа данных. Во-первых, это *данные, полученные наблюдением над людьми в естественных условиях* (L-данные). Примером L-данных служит информация о том, сколько мест работы сменил человек или отзывы о нем коллег по службе. Во-вторых, это *данные, полученные с помощью опросников* (Q-данные). Например, ответ на вопрос «Часто ли вас посещают мрачные мысли?» — это типичные Q-данные. В-третьих, *информация, полученная посредством объективных тестов* (например, количество решенных задач) составляют корпус T-данных.

В результате факторного анализа Кэттел выделил 35 первичных черт, из которых 23 являются характеристиками нормальных людей, а 12 относятся к патологическим отклонениям. Исключив из 23 нормальных первичных черт 7 (их так и называют «семь недостающих факторов»), Кэттел создал один из самых популярных до настоящего времени инструментов для измерения свойств личности, получивший название «16-факторный личностный опросник Кэттела» (16 PF). Первичные черты, измеряемые опросником 16 PF, представлены в табл. 18.

Таблица 18

Нормальные первичные основные черты личности, измеряемые 16 PF

N	Код	Отрицательный полюс	Положительный полюс
1	A	Сизотомия Скрытный, держится обособленно, не интересуется делами других	Аффектотимия Добросердечный, открытый, беспечный, принимает участие в заботах других людей
2	B	Низкий интеллект	Высокий интеллект
3	C	Слабое «Я» Эмоциональный, легко расстраивается, изменчивое поведение	Сильное «Я» Эмоциональностабильный, реалистичный, спокойный
4	E	Конформность Послушный, робкий, позволяет другим руководить собой, покорен обстоятельствам, легко приспособливается	Доминантность Настойчивый, агрессивный, упрямый, склонный к соперничеству
5	F	Desurgency* Здравомыслящий, молчаливый, серьезный	Surgency Энтузиаст, невнимательный, беззаботный
6	G	Слабость «Сверх-Я» Пренебрегает правилами и моральными стандартами общества, потворствует своим желаниям	Сила «Сверх-Я» Совестливый, упорный, высокоморальный
7	H	Threctia Застенчивый, робкий, сдержанный, чувствительный к угрозам	Parnia Искатель приключений, нечуткий, смелый в общении с людьми
8	I	Harria Реалист, не поддается иллюзиям	Premisia Мечтательный, чувствительный, зависимый, осторожный
9	L	Alaxia Доверчивый, принимает мир таким, каков он есть	Protension Подозрительный, ревнивый, догматичный
10	M	Praxernia практичный	Autia Мечтательный, рассеянный
11	N	Natural Forthrightness Прямой, открытый, простые вкусы	Shrewdness Проницательный, изысканный, вежливый, умеет вести себя в обществе
12	O	Гипертимия Самоуверенный, безмятежный, довольный собой	Гипотимия Боязливый, неуверенный, озабоченный, склонный обвинять себя

Окончание табл. 18

N	Код	Отрицательный полюс	Положительный полюс
13	Q1	Ригидность Не любит перемен, уважает традиции	Гибкость Любит экспериментировать, мыслит свободно, ничего не принимает на веру
14	Q2	Зависимый от группы	Самодостаточный
15	Q3	Импульсивность Низкий самоконтроль, руководствуется своими сиюминутными желаниями	Самоконтроль Контролирует свое поведение, обладает силой воли, дисциплинированный
16	Q4	Расслабленность Спокойный, не напряжен	Фрустрированность Напряжен, раздражительный, не удовлетворен

* Примечание. Кэттел придумал оригинальные (непереводимые) названия полученных факторам, так как хотел, чтобы они рассматривались вне связи с привычным значением слов.

Поскольку опросник предназначен для быстрой диагностики черт личности, в него включены Q-данные, прошедшие проверку на устойчивость с помощью данных других типов.

Г. Айзенк (1916—1997), пользуясь факторным анализом, создал *четырёхуровневую иерархическую модель личности*. Айзенк предположил, что нижний уровень — это уровень *специфических действий или мыслей*. Он может быть достаточно случаен и не свидетельствует о свойствах личности. Второй уровень — это уровень *привычных действий или мыслей*. Этот уровень более диагностичен относительно личности в целом. Третий уровень — это *черты личности*. Айзенк определил черту как «важное, относительно постоянное личное свойство». *Черта представляет собой пучок взаимосвязанных привычных реакций*. Данный уровень примерно совпадает с 35 первичными чертами в концепции Кэттела. Четвертый, высший уровень, — это *уровень типов*. Тип формируется из нескольких связанных между собой черт. По сути, типы в концепции Айзенка — это результаты факторизации первичных черт.

Все три фактора, выделенных Айзенком, являются перпендикулярными друг другу (т.е. не коррелируют между собой). Это значит, что каждый из типов отражает независимую характеристику личности или одно из ее измерений. Взятые вместе, они образуют трехмерное пространство. Каждый человек может быть охарактеризован точкой в данном трехмерном пространстве, координатными осями которого являются *факторы экстраверсии — интроверсии; невротизма — стабильности и психотизма — Сверх-Я* (рис. 75).

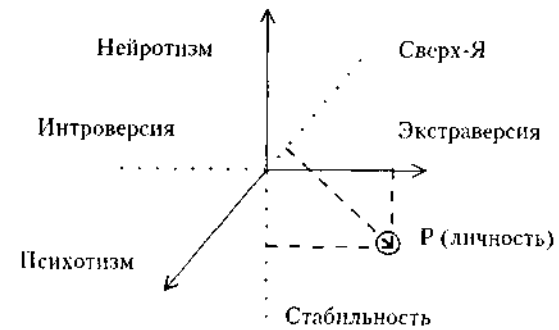

Рис. 75. Трехмерное пространство, иллюстрирующее три независимых измерения личности в модели Г. Айзенка

Фактор Экстраверсия/Интроверсия (E) включает в себя общительность, живость, импульсивность, оптимизм, активность, доминантность, уверенность в себе, беззаботность, смелость на положительном полюсе. Негативный полюс данного фактора включает замкнутость, пессимизм, пассивность, неуверенность в себе, задумчивость, хороший контроль над поведением. Айзенк считал, что главная причина различия между экстравертами и интровертами — это разный уровень возбудимости коры головного мозга. Поскольку у экстравертов этот уровень ниже, они менее чувствительны к сенсорной стимуляции. Экстраверты ищут острых впечатлений, чтобы повысить возбуждение, а интроверты, наоборот, стараются избегать ситуаций, которые могут вызывать слишком сильное возбуждение. Можно предсказать, что экстраверты будут получать удовольствие от таких занятий, как быстрая езда на автомобиле, прыжки с парашютом, путешествия, употребление стимулирующих веществ. Интроверты же предпочтут спокойные занятия, такие как чтение, спокойные прогулки и т.д.

Фактор Нейротизм/Стабильность (N) на позитивном полюсе включает в себя высокую тревожность, подавленность, низкую самооценку, склонность к сильным реакциям на стресс, частые боли психогенного характера. На отрицательном полюсе данного фактора находится низкая тревожность, высокая самооценка, устойчивость к стрессу.

Фактор Психотизм/Сверх-Я (P) включает в себя на положительном полюсе эгоцентризм, эмоциональную холодность, агрессивность, враждебность к окружающим, подозрительность и часто склонность к асоциальному поведению. Отрицательный полюс

данного фактора описывает склонность к сотрудничеству с другими людьми, просоциальные моральные нормы, стремление заботиться.

Поскольку, как уже излагалось выше, факторы Г. Айзенка независимы, личность в целом можно описать, только учитывая вклад всех трех факторов. Так, личность человека, схематически представленного на рис. 75, характеризуется высоким уровнем экстраверсии, высоким уровнем эмоциональной стабильности и сильным Сверх-Я. Другими словами, это активный, общительный человек, не склонный тревожиться по пустякам, с высокой самооценкой и твердыми моральными принципами.

В отличие от Кеттела Г. Айзенк рассуждал не только индуктивно (обобщая эмпирические наблюдения), но и дедуктивно (конкретные наблюдения направлялись теоретическими построениями). Он установил четыре критерия, необходимых для того, чтобы фактор был принят: 1) психометрическое подтверждение существования фактора; 2) фактор должен наследоваться; 3) фактор должен иметь смысл с точки зрения теории; 4) фактор должен быть социально уместен, т.е. иметь отношение к социальным явлениям, например достижениям на профессиональном поприще, стабильностью брака и т.д. Как видно из второго критерия, Айзенк делал особый акцент на биологических предпосылках личности, считая, что три выделенных им типа являются генетически обусловленными и прижизненный опыт не оказывает на них большого влияния. Можно считать, что типы Айзенка — это формальные характеристики функционирования личности, поэтому они описывают скорее не собственно ядро или периферию личности, а ее индивидные безличные предпосылки.

Таким образом, *описания личности как совокупности отдельных (иногда коррелирующих между собой) черт отражают генерализованные, относительно устойчивые, инструментальные способы реагирования на разные классы ситуаций.*

10.6. Индивидные предпосылки функционирования личности

Индивидные свойства присущи человеку как представителю вида homo sapiens. Эти свойства биологически заданы и служат фундаментом, на котором строится психологическое здание лично-

сти. В последнее время для объяснения роли индивидных свойств часто прибегают к «компьютерной метафоре», сравнивая психологическую систему, называемую личностью, с программным обеспечением (software), а организм человека тогда видится аналогом материального носителя, на котором функционируют компьютерные программы (hardware). А.Г. Асмолов дает следующую классификацию индивидных свойств человека (табл. 19).

Таблица 19

Индивидные свойства человека, по А.Г. Асмолову

Индивидные свойства человека				
Возрастно-половые свойства		Индивидуально-типические свойства		
Возрастные стадии индивидуального развития	Половые особенности	Конституция	Нейродинамические свойства нервной системы	Функциональная асимметрия мозга

Выявление роли индивидных свойств в общем строе психической деятельности представляет собой трудную научную задачу: их влияние «замаскировано» (продолжим компьютерную аналогию) теми управляющими воздействиями, которые идут с уровня личностной регуляции. Индивидные свойства можно обнаружить только в снятом виде, если исключить из рассмотрения весь содержательный аспект жизни личности, поскольку он формируется, как мы уже знаем, в социально-культурном пространстве и зависит от деятельности. Поэтому, говоря дальше об этой проблеме, мы будем основываться на общепринятом в психологии утверждении, что *индивидные свойства человека характеризуют формально-динамические особенности функционирования личности.* Можно сказать, что тенденции ядра личности, образуя конкретную периферию, воплощаются во внешние и внутренние формы активности, используя ту конфигурацию индивидных свойств, которой располагает человек. Совокупность динамических индивидных свойств называется темпераментом. К динамическим свойствам относится темп (скорость), чувствительность, энергетические характеристики (выносливость, утомляемость), инерционность или пластичность, эмоциональность и др. Темперамент определяется свойствами нервного субстрата психики.

В этом разделе мы сначала рассмотрим, что известно науке о влиянии отдельных индивидуальных свойств — пола, конституции, а затем перейдем к анализу таких системных образований, как способности, характер, индивидуальный стиль деятельности, где также прослеживается роль индивидуальных свойств.

10.6.1. Половые различия

Принято думать, что различия между мужчинами и женщинами в психологическом плане носят фундаментальный характер. Предопределенность «мужского» или «женского» способа жизни порой принимает статус догмы (например, в классическом психоанализе З. Фрейда). Однако непредвзятый анализ показывает, что большинство черт, традиционно трактованных как типично мужские или типично женские, на самом деле статистически независимы. Поэтому шкалы маскулинности (*мужественности*) и феминности (*женственности*) в современных личностных тестах являются не биполярными (или-или), а дополнительными (и-и). Более того, показано, что высокий уровень феминности у женщин при отсутствии маскулинных черт связан с повышенной тревожностью и пониженным самоуважением. Высокий уровень маскулинности у мужчин при отсутствии феминных черт также связан с высокой тревожностью, низкой уверенностью в себе и слабой выраженностью лидерского потенциала. Наиболее психологически благополучными оказываются люди, имеющие высокие баллы как по маскулинным, так и по феминным свойствам (так называемые «андрогинные личности»). Они отличаются богатым поведенческим репертуаром и высоким уровнем творческих способностей. Э. Маккоби и К. Джеклин (1973) критически проанализировали и обобщили большой массив психологических исследований о половых различиях. Установлены достоверные различия между полами по некоторым психологическим свойствам: 1) мальчики после двухлетнего возраста демонстрируют более высокий уровень агрессии в речи, играх и фантазиях; 2) девочки проявляют более выраженные эмоциональные реакции; 3) девочки демонстрируют более высокий уровень речевых способностей как в плане применения речевых навыков, так и в плане сложности используемых речевых конструкций; 4) начиная с подросткового возраста юноши более успешно справляются с задачами, требующими пространственного мышления.

Несмотря на устойчивость выявленных различий, многие авторы считают, что основной вклад в них вносят не индивидуальные свой-

ства, присущие полам биологически, а специфика воспитания. Например, установлено, что родители больше разговаривают с новорожденными девочками, а мальчиков чаще поощряют к занятиям точными науками. В последние годы в массовых исследованиях наблюдается постоянное уменьшение психологических различий, обнаруживаемых между полами.

10.6.2. Конституциональные различия

В обыденном знании взаимосвязь между внешностью человека и его личными характеристиками не подвергается сомнению. Нам часто кажется, что толстяк, например, обязательно должен быть добродушным человеком, худой — обидчивым, а брюнет — более эмоциональным, чем блондин. «По внешнему виду не судят только самые непроницаемые люди», — остроумно заметил Оскар Уайльд. Установить взаимное соответствие между физиологической организацией человека и его личностью пытаются и ученые.

Первый подход к решению данной проблемы можно назвать *конституциональным*. Термином «конституция» в анатомии называются морфологические и функциональные особенности организма животных и человека, сложившиеся на основе наследственных и приобретенных свойств, которые выражаются в определенных формах телосложения и других признаках. Задача психолога, который хочет придать точный смысл понятию телесной конституции, сводится к установлению соответствия между определенными типами конституции и психологическими особенностями людей. Понятно, что для решения такой задачи одних бытовых наблюдений недостаточно.

Немецкий психиатр Э. Кречмер (1888—1964) в книге «Строение тела и характер» (1921) выделил четыре основных типа телосложения (конституции), которые, по его мнению, тесно связаны с предрасположенностью к определенным психическим заболеваниям. Первый тип был назван астеническим и характеризует хрупкое телосложение, узкие плечи, вытянутое лицо, длинные и худые ноги. Второй тип телосложения — атлетический — связан с сильным развитием мускулатуры, широкими плечами и узким тазом. Третий тип — пикнический — характеризуется округлой фигурой и выраженной жировой прослойкой. Четвертый тип — диспластичный — представляет собой образец уродства с неправильным бесформенным строением тела. Типичным представителем астенического типа телосложения является знаменитый американский актер и режис-

сер Вуди Аллен, атлетического — кумир подростков Арнольд Шварцнеггер, а пикнического — российский актер Евгений Леонов (рис. 76).

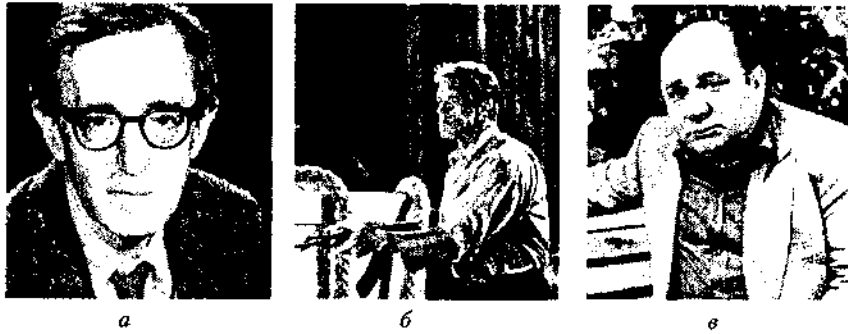

Рис. 76. Астенический, атлетический и пикнический типы телосложения:

- а) астенический тип телосложения. Актер и режиссер Вуди Аллен;
- б) атлетический тип телосложения. Актер Арнольд Шварцнеггер;
- в) пикнический тип телосложения. Актер Евгений Леонов

Кречмер исследовал 260 пациентов с различным типом телосложения и заключил, что существует связь между маниакально-депрессивным психозом и пикническим типом, шизофренией и астеническим типом, эпилепсией и атлетическим типом. Конечно, тем или иным типом телосложения обладают не только больные, но и здоровые люди. Однако и у них наблюдаются черты, сходные со специфическими для данного телосложения патологиями. Так, *шизотимики* (нормальные люди с астеническим типом телосложения) погружены в себя, замкнуты, склонны к абстрактному мышлению, плохо адаптируются в социуме. *Циклотимики* (нормальные люди с пикническим типом телосложения) общительны, страдают резкими перепадами настроения, открыты новым впечатлениям. *Иксотимики* (нормальные люди с атлетическим типом телосложения) сдержанны, не склонны к открытой демонстрации эмоций, скрупулезны в мелочах, не обладают богатым воображением.

У. Шелдон (1899—1977), отталкиваясь от концепции Кречмера, разработал более тонкие процедуры описания соматических типов человека и соответствующих им типов темперамента. Он был согласен с Кречмером в том, что структура тела — это важнейшая детерминанта личности человека. Шелдон использовал технику фотогра-

фии, предполагавшую изображение человека в трех проекциях: в фас, анфас, профиль. Проанализировав более 40 тыс. снимков, Шелдон выделил три компонента классификации структуры тела. Первый компонент получил название *эндоморфность*; второй — *мезоморфность*, а третий — *экторморфность*. Содержание этих компонентов близко пикническому, атлетическому и астеническому типам соответственно.

Для оценки индивида по каждому из параметров было определено 17 антропометрических показателей, каждый из которых представлял отношение диаметра той или иной части тела (например, окружности шеи или окружности груди) к росту. Впоследствии Шелдон свел трудоемкое измерение 17 показателей к трем индексам: индексу веса (рост / кубический корень веса), индексу тела (окружность груди / окружность живота) и индексу роста (рост). Индекс веса позволял присвоить индивиду определенный рейтинг по шкале эндоморфности, индекс тела — по шкале мезоморфности, индекс роста — по шкале эктоморфности. Рейтинги присваивались в диапазоне от 1 до 7. Гипотетически на основе такого рода измерений можно представить 343 (7x7x7) соматических типа, однако реально Шелдон идентифицировал только 76 отчетливых типов. Для удобства в дальнейшем будут рассматриваться только крайние типы, т.е. те случаи, когда человек набирает 7 баллов по одной из шкал и 1 по двум другим.

После описания трех компонентов телесной организации индивидов перед Шелдоном встала задача установления связи соматических типов и типов темперамента. С помощью факторного анализа из списка 50 наблюдаемых поведенческих особенностей человека были выделены 22, формирующие три фактора. Как и у Айзенка, важным требованием для выделения фактора была его независимость от двух других. Первый фактор назван Шелдоном *висцеротония* (от лат. *viscera* — внутренности). Человек с высокими показателями по фактору висцеротонии характеризуется стремлением к расслаблению, любовью к комфорту, ненасытностью в еде, общении и привязанностях. Его реакции медленны, он терпим к окружающим и эмоционально уравновешен. Такого человека можно назвать «человеком желудочным». Как пишет сам Шелдон: «Пищеварительный тракт царствует в жизни висцеральной личности». Второй фактор назван Шелдоном *соматония* (от лат. *soma* — тело). Высокие оценки по этому показателю сопровождаются любовью к приключениям, риску, потребностью в физических упражнениях, стремлением к власти. Такой человек агрессивен, безразличен к чувствам других, шумен и смел. Нагляд-

но представить себе этот психологический тип помогает его обозначение как «человека телесного». Третий фактор назван Шелдоном *церебротония* (от лат. cerebrum — мозг). Высокие оценки по фактору церебротонии говорят о том, что человек сдержан, застенчив, боится людей, лучше всего чувствует себя в замкнутых пространствах. Он очень быстро реагирует на новую информацию, плохо спит, предпочитает одиночество. Шелдон назвал такого человека «умственным человеком».

После проведения этого титанического труда Шелдон сопоставил ряд структурных особенностей группы людей с их функциональными психологическими свойствами. Такое сопоставление стало результатом пятилетнего изучения 200 мужчин (1942). Полученные коэффициенты корреляции представлены в табл. 20.

Таблица 20

Корреляция между компонентами телосложения и компонентами темперамента, по У. Шелдону, 1942. R — коэффициент корреляции

Соматотип N = 200	Висцеротония R	Соматотония R	Церебротония R
Эндоморфность	+0,79	-0,29	-0,32
Мезоморфность	-0,23	+0,82	-0,58
Эктоморфность	-0,40	-0,53	+0,83

Данная таблица показывает, что с человек с высокими баллами по шкале эндоморфности будет демонстрировать висцеротонический тип поведения; с высокими баллами по шкале мезоморфности будет демонстрировать соматотонический тип поведения; человек с высокими баллами по шкале эктоморфности будет демонстрировать церебротонический тип поведения. Проще говоря, тот, кого Кречмер называл пикником, — плотный господин с выдающимся брюшком, статистически достоверно окажется медлительным дружелюбным и эмоционально уравновешенным симпатягой; атлет — агрессивным авантюристом с лидерскими замашками, а астеник — скрытным, вялым и непредсказуемым человеком «себе на уме». Казалось бы, стоило ли тратить столько времени, чтобы еще раз подтвердить правильность того, что и так «всем понятно»? Отметим, что мы привели лишь самую упрощенную схему, так как сравнивали только «чистые» соматотипы и типы темперамента. Результаты Шелдона гораздо более точны и изящны. Таким образом, работа Шелдона не опровергла представления обыденной психологии, но значительно расширила и обогатила их.

10.6.3. Способности

Важной предпосылкой становления личности являются способности. *Способность* — это психологические особенности индивида, заключающие в себе потенциал успешного выполнения определенных видов деятельности.

В понятии способности, по мысли Б.М. Теплова, заключены три идеи. «Во-первых, под способностями понимаются индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого... Во-вторых, способностями называют не всякие вообще индивидуальные особенности, а лишь такие, которые имеют отношение к успешности выполнения какой-либо деятельности или многих деятельности... В-третьих, понятие «способность» не сводится к тем знаниям, навыкам или умениям, которые уже выработаны у данного человека.»

Существуют *общие* и *специальные* способности. К общим способностям относят, например, интеллект, креативность (способность к творчеству), обучаемость. Примером специальных способностей являются математические, музыкальные, литературные и т.д. способности. Формирование способностей происходит на основе задатков. *Задатки выступают как врожденные предпосылки и неспецифичны по отношению к способностям.* Неспецифичность задатков означает, что один и тот же задаток (например, хорошее развитие зрительных зон коры) может в зависимости от социальных и индивидуальных условий развития ребенка реализоваться в совершенно разных способностях (в нашем примере доминирование образного типа кодирования информации важно и для развития способностей к рисованию, и для коммуникативных способностей — память на лица). Заметим, что при неблагоприятных условиях имеющиеся задатки вообще могут остаться только потенциями, не воплощенными в развитые способности.

А. Адлер предложил парадоксальный взгляд на роль способностей в функционировании личности. По его мнению, высокий уровень врожденных способностей не только не помогает, но и тормозит развитие личности в соответствующем направлении. «Важно не то, с чем человек родился, а то, как он этим распоряжается», — писал он. Согласно Адлеру, травмирующее переживание своей неполноценности в какой-либо области может стать стимулом для достижения успеха именно в этой области. Процесс преодоления «комплекса неполноценности» Адлер назвал сверхкомпенсацией, т.е. активностью, не просто компенсирующей дефект, а поднимающей

функционирование на качественно новую высоту. В качестве иллюстрации своей теории Адлер приводит пример Демосфена, который в детстве был косноязычным. Путем длительных упражнений он не только преодолел этот недостаток, но стал одним из самых великих ораторов древности. Более общим понятием, фиксирующим уникальный способ личности выстраивать достижение своих жизненных целей на основе различного сочетания индивидуальных средств, является понятие стиля жизни.

Широкий взгляд на жизнь человека приводит к выводу, что люди могут достичь больших успехов практически вне зависимости от того, какими индивидуальными свойствами они обладают. Так, известно, например, что Бальзак работал быстро, взахлеб, а Толстой — крайне медленно. Объяснить данный парадокс помогает понятие «индивидуального стиля деятельности» (Е.А. Климов). Климов выделяет следующие признаки индивидуального стиля деятельности: а) устойчивая система приемов и способов деятельности; б) обусловленность этих приемов индивидуальными свойствами; в) эффективность выработанной системы приемов для приспособления к объективным требованиям действительности. Индивидуальный стиль деятельности призван компенсировать ограничения эффективности деятельности, накладываемые индивидуальными свойствами. «Индивидуальный стиль деятельности есть индивидуально своеобразная система психологических средств, к которым прибегает человек в целях наилучшего уравнивания своей типологически обусловленной индивидуальности с внешними условиями деятельности», — пишет Е.А. Климов.

10.6.4. Характер

Характер — это индивидуальное сочетание устойчивых психических особенностей человека, воплощающееся в типичных для него способах поведения. В проявлениях характера мы сталкиваемся с интеграцией содержательного (личностного) и формально-динамического (индивидуального). В структуре характера особенно выделяют волевые качества. В этом смысле говорят о слабохарактерном человеке или человеке с сильным характером. Отношения между характером и личностью фиксируются в формуле: личность в своем развитии «отменяет» характер, преодолевает те его черты, которые неприемлемы для личности. Смысл данного утверждения состоит в том, что описание зрелой личности предполагает переход с языка черт характера на язык свойств личности. Неоднозначность связи между личностью,

определяющей, ради чего живет человек, что для него важно, а что безразлично, и характером, определяющим, как именно реализуется процесс взаимодействия с миром, очевидна. Ведь не зря же существует выражение «Хороший человек с плохим характером», и наоборот, подлец и предатель может обладать прекрасным характером.

Слишком яркое проявление того или иного характера принимает патологическую форму. Согласно критериям П.Б. Ганнушкина, характер можно считать *патологическим*, если он, во-первых, стабилен на протяжении длительного времени, во-вторых, тотален в своих проявлениях (например, человек проявляет вспышки гнева по отношению к членам семьи, коллегам, посторонним людям на улице) и, в-третьих, вызывает социальную дезадаптацию. А.Е. Личко (1977) разработал классификацию патологических характеров, названных им «акцентуациями личности» (табл. 21). Акцентуированная личность — это еще не больной человек, но его личность уже настолько «искажена» характером, что и он сам, и окружающие испытывают большие трудности.

Таблица 21

Тип акцентуаций характера, по А.Е. Личко

Тип акцентуации характера	Описание
Гипертимный	«Взрывной» характер, кипучая энергия, подвижность, болтливость, склонность к панибратству, всегда приподнятое настроение
Циклоидный	Периодическая смена настроения, переход от периодов подъема к депрессии, раздражительность и апатия сменяется приступами энтузиазма
Лабильный	Крайняя изменчивость настроения под влиянием ничтожных стимулов
Астено-невротический	Беспокойный сон, плохой аппетит, плаксивость, утомляемость, раздражительность, склонность к ипохондрии (поиску у себя различных заболеваний)
Сенситивный	Пушливость, робость, застенчивость, замкнутость с новыми людьми, плохая устойчивость к стрессу, чрезмерная впечатлительность, чувство неполноценности, глубокая привязанность в дружбе
Психастенический	Склонность к рассуждениям, самоанализу, мнительность, образование навязчивых страхов, педантизм, формализм, нетерпеливость
Шизоидный	Замкнутость, отгороженность от окружающего, холодность, неумение понимать чувства других, склонность к фантазиям, необычные увлечения, подчеркнутая независимость

Тип акцентуации характера	Описание
Эпилептоидный	Склонность к вспышкам гнева, инертность мышления, садистские склонности, жадность, аккуратность, угодничество перед начальством, «приземленные» интересы
Истероидный	Жажда постоянно быть в центре внимания, демонстративное поведение, показательные попытки самоубийства, обостренное самолюбие, склонность к симуляции заболеваний, лживость
Неустойчивый	Тенденция «плыть по течению», слабоволие, отсутствие настойчивости, любовь к развлечениям
Конформный	Готовность подчиняться, ханжество, уступчивость

В психологии существует достаточно большое разнообразие классификаций характеров (Э. Фромм, К. Леонгард). Известная типология Шелдона, которую мы уже рассмотрели, также может быть отнесена к выделению типов характера. В целом характер как проявление инструментального аспекта поведения во многом определяется теми формами общения, которые задают ребенку окружающие. В заключение можно сказать, что особенности характера и формируются, и проявляются, и корректируются в общении.

2) КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что имел в виду З. Фрейд, говоря о защитном характере поведения человека?
2. В чем основные отличия между психосексуальными стадиями развития личности, по З. Фрейду, и психосоциальными стадиями развития личности, по Э. Эриксону?
3. В чем заключается смысл термина «самоэффективность», предложенного А. Бандурой?
4. Как А. Маслоу описывает самоактуализирующиеся личности? Видите ли вы вокруг себя людей, которых можно назвать самоактуализирующимися?
5. С чем связаны кризисы 3, 7 и 14 лет в развитии личности, согласно гипотезе Д.Б. Эльконина?
6. Как вы понимаете утверждение «личность рождается в деятельности»?

2) ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Какова тенденция ядра личности в моделях, разделяющих гетеростатический взгляд на функционирование личности?
 - А. Стремление максимально приспособиться к требованиям социального мира и минимизировать вероятность конфликта с ним.
 - Б. Стремление максимизировать удовлетворение врожденных влечений и одновременно минимизировать наказание (внешнее и внутреннее) за это удовлетворение.
 - В. Стремление актуализировать свои потенциальные возможности.
2. Какой статус, по Дж. Марче, характеризует начальную стадию формирования идентичности, когда подросток еще не обладает ясным представлением о том, какую судьбу избрать?
 - А. Психосоциальный мораторий.
 - Б. Диффузная идентичность.
 - В. Блокировка идентичности.
3. Согласно концепции А.И. Леонтьева, первое «рождение» личности происходит в тот момент, когда...
 - А. Складывается иерархия мотивов.
 - Б. Происходит осознание структуры мотивов.
 - В. Человек включается в производственную деятельность.
4. Какой фактор в модели Г. Айзенка включает в себя такие полюса, как оптимизм — пессимизм и общительность — замкнутость?
 - А. Нейротизм / Стабильность (N).
 - Б. Психотизм / Сверх-Я (P).
 - В. Экстраверсия / Интроверсия (E).
5. Какие различия между детьми мужского и женского пола считаются достоверно установленными?
 - А. Мальчики лучше владеют оружием.
 - Б. Девочки демонстрируют более высокий уровень развития речевых способностей.
 - В. Девочки лучше учатся.
6. Какой тип темперамента связан с атлетическим (мезоморфным) типом телосложения в концепции У. Шелдона?
 - А. Соматотония.
 - Б. Церебротония.
 - В. Висцеротония.

SU ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. Асмолов А.Г. Психология личности. М., 1990.
2. Леонтьев А.И. Лекции по общей психологии. М., 2000.
3. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М., 1997.
4. Мадди С. Теории личности. Сравнительный анализ. С.-Пб., 2002.
5. Фрейд Зигмунд, Фейдимен Д. Личность. Теории, эксперименты, упражнения. С.-Пб. - М., 2001.

Дополнительная

1. *Климов Е.Л.* Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань, 1969.
2. *Мельников В.М., Ямпольский Л.Т.* Введение в экспериментальную психологию личности. М., 1985.
3. Общая психология. Тексты в трех томах. Т. 1. Введение / Под ред В.В. Петухова, Ю.Б. Дормашева, С.А. Капустина. М., 2001.
4. Психология индивидуальных различий / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова, М., 2000.
5. Психология. Комплексный подход / Под ред. М. Айзенка. Минск, 2002.
6. *Холл К.С., Линдсей Г.* Теории личности. М., 1997.
7. *ХвёллД., ЗиглерД.* Теории личности. С.-Пб., 1997.

Глава 11

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Если бы ты и хотел этого, ты не можешь отделить твою жизнь от человечества. Ты живешь в нем, им и для него. Мы все сотворены для взаимодействия.

Марк Аврелий

В «Книге джунглей» Д.Р. Киплинга (1894) описана история жизни человеческого детеныша Маугли, выросшего среди дикой природы. Фантазия писателя рисует романтический образ юноши, который чужд лицемерию цивилизации и следует принципу равенства всех живых существ «Мы с тобой одной крови». Однако мало кто знает, что литературный вымысел был подвергнут строгому суду реальной истории. В 1920 г. в Индии были обнаружены две девочки, названные Камала и Амала. Их нашел английский миссионер в логове волков и доставил в приют для сирот. В книге «Дети-волки и дикие люди» Дж. Сайн и Р. Зингг дают портреты этих несчастных детей: «Эти девочки обладали физическими качествами человеческих существ, но вели себя во многом подобно волкам. Они передвигались на четырех ногах, могли есть только молоко и мясо и, прежде чем взять в рот пищу, тщательно ее обнюхивали. Их сенсорные органы были необычайно хорошо развиты: они могли хорошо видеть в темноте и чувляли запах свежего мяса на расстоянии около 70 метров. Дети обнаруживали сильный страх перед огнем и убегали в угол всякий раз, когда оказывались на виду. Единственным звуком, который дети могли издавать, был громкий вой. Они никогда не смеялись». За шесть лет, проведенных в приюте, Камала приобрела словарный запас всего в 30 слов. Настойчивые усилия воспитателей по приобщению детей-волков к хотя бы минимальным навыкам человеческого общежития потерпели крах. Камала и Амала так и не смогли адаптироваться к жизни среди людей и через несколько лет умерли.

Человек по-настоящему становится человеком только в мире людей. Даже оставаясь наедине с собой мы думаем, чувствуем и ве-

дем себя в соответствии с правилами, которые воспитало в нас социальное окружение. На протяжении всей жизни, находясь в постоянном диалоге с другими людьми, мы стараемся понять социальный мир вокруг нас и включены в многочисленные формы взаимодействия с ним. Само человеческое сознание по своему происхождению есть социальный феномен (см. гл. 3). Как вы уже знаете, сознание с необходимостью возникает в процессе совместной деятельности людей.

Другой фундаментальный факт, который определяет проблематику социальной психологии, — это факт принципиальной несводимости поведения, мыслей и чувств группы людей к простой сумме индивидуальных проявлений каждого из членов этой группы. Люди, объединенные в группу, ведут себя не так, как вел бы себя в аналогичной ситуации каждый по отдельности. Членство человека в группе оказывает влияние даже на протекание его физиологических реакций. В 1920-е гг. В. Меде исследовал изменения чувствительности к боли испытуемых, которые находились в одиночестве или в группе. В условиях соревнования участники выдерживали на 13% более интенсивный болевой стимул, чем в контрольных условиях. А если им давали возможность выбрать партнера, то порог болевой чувствительности повышался на 37%!

Собравшись вместе, люди приобретают некое, как сказали бы представители гештальтпсихологии, «качество целостности». В криминальных колонках газет часто можно встретить истории о том, как компания, состоящая из нескольких вполне законопослушных подростков, буквально на глазах превращается в агрессивную банду, готовую на противоправные действия. Недаром, наверное, Уголовный кодекс назначает более суровое наказание за преступления, совершенные группой. С другой стороны, объединившись «в едином порыве» с другими людьми, не слишком смелый человек способен на героические поступки. Очевидно, что данное особое качество группы, которое нельзя редуцировать к свойствам ее участников, нуждается в отдельном анализе.

Историю социальной психологии принято возводить к нескольким источникам второй половины XIX в. «Журнал психологии народов и языкознания», созданный в 1860 г. М. Лацарусом и Г. Штейнталем, печатал на своих страницах исследования проявлений «народного духа». Выход в свет десяти томной «Психологии народов» (Volkerpsychologie) В. Вундта (1900—1920) ознаменовал разделение психологии на две ветви — экспериментальную и социальную. Предметом психологии народов стал анализ продуктов человеческой культуры (в том числе язык, мифы, обычаи, законы, мораль-

ные нормы). Огромное влияние на формирование социальной психологии как самобытной отрасли знания оказала «Психология масс» Г. Лебона (1841—1931), интересовавшегося закономерностями коллективного поведения, в частности феноменом понижения личной ответственности человека, включенного в толпу. Под иным углом зрения проблемное поле социальной психологии задавалось появившимися в то же время многочисленными описаниями различий в психической деятельности представителей «цивилизованных» и «примитивных» народов. Достоверное установление того факта, что самые фундаментальные психические функции находятся в прямой зависимости от характеристик той или иной культуры, дало значительный толчок исследованиям в данной области. Особое значение имела работа Л. Леви-Брюля «Первобытное мышление». Леви-Брюль увидел существенные различия логического мышления современного западного человека и мистического мышления человека первобытного общества (см. подробнее гл. 9).

Итак, *человек является субъектом социального мира, и именно этот план его бытия изучает социальная психология.* Предмет социальной психологии — фундаментальной специальной отрасли психологии (см. гл. 1) — крайне многопланов. В рамках социальной психологии выделяется социальная психология личности, социальная психология общения, психология социального познания и социальная психология групп.

11.1. Социальная психология групп

Социальный мир состоит из общностей людей, объединенных совместной деятельностью. В каждый момент времени человек действует в кооперации с другими людьми. Даже в том случае, когда человек выполняет какую-то деятельность в одиночку, можно предположить, что ее результат будет разделен с другими людьми.

Вклад участников совместной деятельности в общее дело может быть как одновременным — группа учащихся убирает школьный двор (такая группа называется контактной, поскольку действует в едином пространстве и времени), так и последовательным и разнородным (для написания этого учебника авторы пользовались результатами исследований ученых, многие из которых живут в других странах). Таким образом, *основным критерием существования группы является не простое присутствие людей, а их включенность в общую деятельность.*

Важной характеристикой социальной группы является наличие групповых норм. *Групповые нормы* — это правила функционирования группы, на которые должны ориентироваться все ее участники. В составе групповых норм выделяются явные (писанные) и неявные (неписанные) нормы. Так, например, любая организация имеет свой устав, в котором сформулированы цели и задачи ее деятельности. К писанным нормам можно отнести правила движения, законодательство, религиозные предписания. Вместе с тем у сотрудников организации могут быть нигде не зафиксированные специально, но вместе с тем обязательные для выполнения правила поведения.

Для слаженного функционирования группы крайне важно, чтобы все ее члены в действительности прониклись групповыми нормами. Поэтому в большинстве групп практикуются особые ритуалы посвящения. Люди, проходящие ритуал посвящения, должны продемонстрировать знание групповых норм и заявить о своей приверженности им. Так, солдаты после обучения азам воинской специальности, принимают присягу; абитуриенты, успешно выдержавшие экзаменационные испытания, проходят ритуал посвящения в студенты; свадебные торжества служат ритуалом вхождения в семейную группу. Ритуалы подобного рода обычно наполнены символическими действиями: новобранец целует знамя в знак верности Родине, молодожены обмениваются кольцами, чтобы показать, что теперь они навеки «звенья одной цепи», и т.д.

Групповые нормы обязательно включают в себя ценностный аспект, который может быть не представлен непосредственно в деятельности, но стоит за ней. Например, члены церковной общины, занимающейся сбором пожертвований на благотворительные нужды, разделяют ценностное представление о том, что «душа спасается добрыми делами». В противном случае их деятельность потеряла бы всякий смысл.

При ошибке в следовании групповым нормам человек подвергается санкциям. *Санкции* можно определить как особые нормы, принуждающие к соблюдению других норм. Санкции могут быть разделены на формальные и неформальные; позитивные и негативные. Примером формальной позитивной санкции является вручение правительственной награды, формальной негативной — заключение в тюрьму, неформальной позитивной — устная дружеская благодарность, неформальной негативной — бойкот одноклассников.

В группах может выделяться специальный человек, который следит за выполнением норм и осуществляет санкции по отношению к «отступникам». Члены группы испытывают противоречивые чувства к лицам, которые реализуют негативные социальные санкции. С одной стороны, они понимают, что от неотвратимости и суровости негативных санкций во многом зависит стабильность группы, а с другой стороны, жестокость, свойственная негативным санкциям, приписывается личности исполнителя. Так, например, в большинстве стран палач должен закрывать лицо, обыватели не допускают его к участию в общих праздниках и даже хоронят за пределами городского кладбища.

Согласно Д. Картрайту и А. Сандеру (D. Cartwright, A. Zander, 1968), групповые нормы выполняют следующие функции в жизни группы.

- Сохранение группы.
- Создание соответствующего сектора социальной реальности.

Например, министерство образования разрабатывает образовательные стандарты, которые описывают, каким конкретно объемом знаний и навыков должен владеть человек, чтобы получить диплом психолога. Если бы такого стандарта не было, психологом мог бы называть себя практически любой человек, прочитавший популярную книжку по психологии.

- Социальное продвижение группы в целом и ее членов. Нормы помогают группам стабильно реализовывать свои цели, так как в них закрепляются наиболее успешные стратегия и тактика деятельности. Вернемся к примеру высшего образования. В нормах получения образования зафиксирован оптимальный путь продвижения в данной сфере: трехлетнее обучение для получения диплома бакалавра, затем двухлетнее обучение для получения диплома магистра, затем трехлетнее обучение в аспирантуре и т.д. Хотя, конечно, может случиться и так, что ученый-самородок выдвинет готовый труд на соискание ученой степени, но обычно человек проходит через все нормативные ступени.

- Определение взаимоотношений с социальным окружением. Нормы предписывают, как членам группы следует относиться к другим людям. Степень регламентации такого рода отношений может быть как достаточно мягкой, так и предельно жесткой. Например, членам некоторых религиозных сект строго запрещается вступать в какие-либо контакты вне секты. В связи с этим люди, попавшие в секты, прерывают связи даже с самыми близкими родственниками.

Важной групповой характеристикой является уровень групповой сплоченности, отражающей степень приверженности группе ее

членов. При высокой сплоченности в группе наблюдается феномен «ингруппового фаворитизма», который заключается в том, что при прочих равных предпочтение всегда отдается члену своей группы. Примером ярко выраженного ингруппового фаворитизма могут быть семейные отношения: пусть на свете есть много более талантливых и красивых детей, но мать едва ли поменяет своего ребенка на кого-либо из них.

В качестве *показателей групповой сплоченности* рассматривают два фактора: 1) степень привлекательности группы для ее членов. При этом чем больше в группе тех, кто удовлетворен своим пребыванием в группе, тем сплоченнее группа; 2) уровень взаимной симпатии членов группы. Уровень сплоченности тем выше, чем большее количество членов группы предпочитают друг друга в качестве партнеров для различных форм деятельности.

Для измерения характеристик межличностных отношений в группе используют *социометрический метод*, предложенный Дж. Морено (1892—1974). Суть метода социометрии заключается в том, что человек ставится в ситуацию выбора членов группы по тому или иному критерию. Например, для выявления структуры классной группы каждому члену группы можно задать вопросы такого типа: «С кем из класса ты бы хотел пойти в поход?», «С кем ты бы хотел сидеть за одной партой?», «С кем бы ты хотел вместе готовить домашние задания?» и т.д. Отвечая, нужно называть имена в порядке убывания значимости. На основе обработки полученных выборов делают вывод о том, какое место занимает конкретный человек в системе отношений данной группы, имеет ли группа лидера (или лидеров), насколько «плотными» и «непротиворечивыми» («я тебя выбираю, а ты меня нет») являются взаимоотношения между участниками, т.е. определить степень сплоченности группы и зоны конфликтов. Число и значимость (называют ли его на первом месте или ближе к концу) выборов, которые получает каждый человек от других членов группы, характеризует его «социометрический капитал». Результаты социометрии представляются в виде социограммы (рис. 77). В данном примере социограмму прошла группа из семи человек. Место каждого члена определяется количеством выборов, сделанных в его пользу. Центральная окружность — это позиция лидера группы (5—6 выборов), во второй окружности те, кто получил 3—4 выбора, в следующей — получившие 1—2 выбора, а за пределами самой большой окружности располагаются изгои. Стрелки показывают, кто именно сделал выбор в пользу того или иного участника группы.

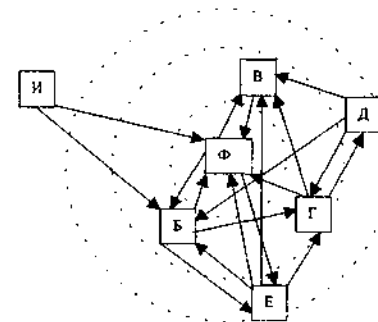

Рис. 77. Социограмма

Внимательно рассмотрев данную социограмму, можно много сказать о том, как устроена исследуемая группа. Так, Ф — безусловный фаворит группы, его желают видеть в качестве партнера почти все члены группы, однако он сам не слишком «щедр» в своих выборах (только 3 выбора из 6 возможных). Изгой «И» психологически отвергаем группой, его не выбрал никто, но, поскольку он сам сделал 2 выбора, можно предположить, что он ждет встречных выборов от этих людей и еще не совсем субъективно дистанцировался от жизни группы. Социометрический метод оказывается очень полезным для диагностики состояния группы, но тем не менее не может ответить на вопрос, как и почему сложилась существующая система отношений.

В целом социальные группы можно классифицировать по различным основаниям. По *общественному статусу* выделяют *формальные* и *неформальные группы*. Формальные группы имеют заданную извне структуру и юридически фиксированный статус. Примером формальной группы является университет, так как он включает в себя систему факультетов, определенное количество студентов и преподавателей, строго иерархическую систему подчинения и допуска в группу новых членов и т.д. Неформальные группы образуются на основе личных предпочтений и характеризуются большей структурной гибкостью, например межкафедральная исследовательская группа, работающая над определенной научной проблемой. Неформальные группы, развиваясь, могут превращаться в формальные. В нашем примере группа коллег со временем может стать формальной структурной единицей университета — лабораторией.

По *уровню развития* выделяют *высокоорганизованные* и *низкоорганизованные (диффузные) группы*. Диффузные группы в отличие

от высокоорганизованных, являются более или менее случайным объединением людей, которые еще не развернули совместную деятельность. По мере разворачивания деятельности происходит все большая дифференциация членов группы, формируются устойчивые межличностные отношения, вырабатывается общая стратегия функционирования группы, устанавливаются групповые нормы, т.е. группа развивается.

По наличию непосредственного контакта между членами группы различают *первичные* и *вторичные группы*. В первичных группах люди реально сопresentствуют во времени и пространстве, а во вторичных группах контакт между участниками поддерживается через ряд опосредствующих звеньев. Примером первичной группы служит спортивная команда. Яркий пример вторичной группы — дипломатический корпус государства: послы государства находятся в разных уголках земного шара, но при этом совместно осуществляют внешнюю политику государства.

По *совпадению ценностей* специально выделяют *референтные* для человека *группы*. Можно входить в одну реальную группу, разделяя ценности совсем другой, которая и будет референтной. Например, девушка может работать секретарем в конторе (реальная группа), но мечтать стать знаменитой актрисой (референтная группа). Понятно, что только часть людей достигают реального членства в своих референтных группах (например, студент, ставший известным ученым). Чем больше зазор между реальной и референтной группами, тем большую неудовлетворенность своим статусом испытывает человек.

По *численности* группы разделяют на *большие* (народ, класс, толпа) и *малые группы* (семья, трудовой коллектив). Показано, что психологические эффекты специфичны для больших и малых групп. Основания классификации социальных групп представлены кратко в табл. 22.

Таблица 22

Основания классификации социальных групп

Критерий классификации	Виды групп	
	По общественному статусу	Формальные
По уровню развития	Высокоорганизованные	Диффузные
По наличию непосредственного контакта между членами группы	Первичные (контактные)	Вторичные
По ценностным характеристикам	Референтные	Нереферентные
По численности	Малые	Большие

Динамику становления личности в рамках социальных групп различного типа хорошо иллюстрирует биография одного из самых успешных предпринимателей современности Билла Гейтса. Билл Гейтс (полное имя — Уильям Генри Гейтс-третий) родился в 1955 г. Уже в средней школе он проявил незаурядные математические способности, увлекся компьютерами и вместе со своим другом Полом Алленом стал разрабатывать простейшие программы (малая первичная неформальная группа членства). В старших классах друзья создали свою первую компанию Traf-O-Data, занимавшуюся продажей программ для определения интенсивности дорожного движения (малая первичная формальная высокоорганизованная группа членства). По окончании школы Билл поступил в Гарвардский университет, где он готовился стать правоведом, как его отец. Однако его душа не лежала к этой профессии (вторичная формальная высокоорганизованная нереферентная большая группа членства). В 1975 г., бросив университет, Гейтс совместно с Алленом основал компанию Microsoft. В 1980 г. Microsoft разработала операционную систему MS-DOS, ставшую к середине 1980-х гг. основной операционной системой на американском рынке компьютеров. В 1986 г., выпустив акции компании в свободную продажу, Гейтс в возрасте 31 года стал миллиардером. К концу 1990-х гг. около 90% всех персональных компьютеров в мире были оснащены программным обеспечением Microsoft (создана вторичная формальная высокоорганизованная большая референтная группа сотрудников компании и вторичная формальная высокоорганизованная большая референтная группа пользователей Windows). В 1995 г. он выпустил книгу «Дорога в будущее», а в 1997 г. возглавил список самых богатых людей в мире.

Таким образом, Билл Гейтс не только участвовал в деятельности различных групп и добился того, что его референтная группа стала группой членства. Он создал новую большую социальную группу -- виртуальную общность пользователей его программного продукта.

11.1.1. Продуктивность групповой деятельности

Поскольку люди включаются в уже сложившиеся или создают новые группы для того, чтобы действовать сообща, необходимо рассмотреть, действительно ли групповая деятельность более эффективна, чем индивидуальная.

Сведения по данному вопросу носят достаточно противоречивый характер. Описаны как явления *социальной фасилитации* (от англ. facilitate — облегчать), т.е. улучшения выполнения деятельности в присутствии других, так и явления *социального торможения*,

т.е. ухудшения выполнения действия в присутствии других. Рассмотрим сначала простейший случай, когда человек выполняет действие в одиночку, в то время как за ним наблюдают другие люди.

Р. Зайонц в 1965 г. вывел общее правило влияния наблюдателей на протекание деятельности: *в том случае, когда задача проста и субъект ожидает, что хорошо справится с ней, наблюдается социальная фасилитация, а в том случае, когда задача сложна и субъект не уверен в успехе, наблюдается социальное торможение*. С чем же связан этот эффект? По мнению Р. Зайонца, присутствие публики вызывает у субъекта общее неспецифическое возбуждение, которое, в свою очередь, усиливает проявление доминирующих реакций (готовых, заученных реакций). Поэтому легкие задания выполняются на публике «на одном дыхании». На выполнение же сложных заданий повышение возбуждения оказывает негативный эффект. Объяснение Зайонца схоже с моделью «оптимума мотивации», предложенной Йерксом и Додсоном (см. гл. 4). Н. Коттрелл (N. Cottrell) в 1968 г. ввел пояснение в гипотезу Зайонца. Он считал, что присутствие людей активизирует субъекта не само по себе, а в связи с тем, что он ожидает оценки своей деятельности от других. Боязнь негативной оценки нарушает процесс выполнения сложного задания.

Более глубокое объяснение можно предложить на основе модели автоматической и контролируемой переработки информации Р. Шиффрина (см. гл. 6). Присутствие оценивающей публики заставляет субъекта перевести часть потока информации, которая обычно обрабатывалась автоматически, на контролируемый, сознательный уровень. Естественно, что качество выполнения таких заданий повышается. Однако подобная стратегия ведет к недостатку ресурса внимания для выполнения сложных сознательных действий (ограниченная емкость контролируемой части системы уже занята), и, соответственно, наблюдается снижение качества выполнения сложных заданий.

Теперь перейдем к ситуации, когда группа не просто наблюдает за действиями субъекта, а имеет место по-настоящему совместная деятельность. Я. Штейнер (J. Steiner, 1976) поставил продуктивность совместной деятельности в зависимость от типа решаемой задачи. Штейнер разделяет следующие задачи.

- *Аддитивные задачи*. При решении аддитивных задач индивидуальные вклады участников суммируются. Примером аддитивной задачи является перетягивание каната.

- *Компенсующие задачи*. Решение компенсирующих задач требует выведения среднего из индивидуальных решений членов группы. Например, группу просят принять решение о температуре в

комнате или о дате Бородинской битвы. Вероятно, кто-то из них допустит ошибки, но средний результат при этом окажется верным.

- *Дизъюнктивные задачи*. При решении дизъюнктивной задачи группа должна выбрать одно решение из группового «фонда». Примером решения дизъюнктивной задачи служит телевизионная игра «Что? Где? Когда?». Игроки генерируют и обсуждают версии, но после удара гонга капитан команды выбирает только одну из них (часто не ту, к которой склонялись сами игроки).

- *Конъюнктивные задачи*. При решении конъюнктивных задач каждый член группы должен внести свой специфический вклад. Например, в бригаде по ремонту квартир должен быть специалист по укладке паркета, электрик, маляр, клейщик обоев, сантехник и т.д. Задача будет решена правильно (т.е. заказчик останется доволен ремонтом) только в том случае, если каждый из членов бригады выполнит свою работу качественно и в правильной последовательности. Ошибка одного, например оклейка обоев до того, как установлена электропроводка, приведет к срыву всей деятельности.

Так как при решении аддитивных задач индивидуальные вклады суммируются, логично предположить, что их совместное решение гарантирует наилучший результат. Однако это не всегда так. Более ста лет назад немецкий профессор Рингельманн открыл интересную закономерность. Будучи молодым человеком, он участвовал в соревнованиях по перетягиванию каната в одиночку и командах из двух, трех и восьми человек. Он измерял момент приложения силы с помощью динамометра. Когда субъекты действовали поодиночке, они тянули канат со средней силой 63 кг. Однако двое людей вместе тянули канат не с силой 126 кг, как можно было бы предположить, а только с силой 118 кг (потеря 8 кг); трое — с силой не 189 кг, а 160 кг (потеря 29 кг) и т.д. Группа из восьми человек прикладывала силу на 256 кг меньше своих потенциальных возможностей! Таким образом, потеря производительности, происходящая на каждого члена группы, возрастала по мере увеличения численности группы. Обратное отношение между числом людей в группе и индивидуальным вкладом в совместную деятельность получило название «эффекта Рингельманна». *Эффект Рингельманна* наблюдается во всех типах аддитивных задач и связан с двумя факторами: фактором мотивации и фактором координации. Мотивационный фактор проявляется в том, что люди в целом склонны переложить на окружающих выполнение работы, плодами которой они в таком случае могут воспользоваться даром. Снять подобную паразитическую мотивацию можно, заявив участником группового решения, что в расчет будет приниматься активность каждого, а не только ко-

нечный результат. Фактор координации состоит в том, что участники совместной деятельности попросту мешают друг другу. В случае с перетягиванием каната, например, члены команды могли приложить индивидуальные усилия честно, но чуть-чуть под разными углами или не одновременно, что и привело к итоговой потере.

Эффект Рингельманна усложняет понимание одного из крайне популярных на сегодняшний день методов активизации мышления – метода «мозгового штурма» (brainstorming). Мозговой штурм предполагает генерирование идей группой, без их «критики», т.е. обсуждения и отсева. Дж. МакГрафом (McGrath, 1984) показано, что для названных типов задач каждый из изолированных субъектов продуцирует больше идей, чем те же люди, соединенные вместе.

При решении *компенсирующих задач*, групповой результат которых представляет собой среднее индивидуальных мнений, совместная деятельность оказывается весьма эффективной. Компенсирующей задачей, для которой преимущество группового решения официально признано, является, например, судейство в таких видах спорта, как фигурное катание, художественная гимнастика и т.д.

При решении *дизъюнктивной задачи* группа должна сделать выбор, какой из ответов верен. Как вы знаете, команды знатоков далеко не всегда выигрывают у телезрителей. Особенно обидно бывает, когда правильная версия звучит за игровым столом, но в итоге побеждает другая. Такие моменты обычно специально подчеркиваются ведущим. Для того чтобы совместная деятельность по решению дизъюнктивной задачи была эффективной, необходимо соблюдение трех условий: 1) правильное решение должно возникнуть хотя бы у одного участника; 2) участник, нашедший правильное решение, должен иметь достаточно высокий личный статус, чтобы его мнение было услышано, и 3) он должен обладать достаточно сильной мотивацией, чтобы добиваться принятия своего решения. Если все эти условия действуют, то мы действительно видим ситуацию, когда «один ум хорошо, а два — лучше».

Решение *конъюнктивных задач* требует групповой деятельности. Собственно говоря, совместная деятельность высокого уровня возникает в рамках решения конъюнктивных задач. Можно даже сказать, что «расширение категориального и смыслового» аспектов сознания как социального феномена является побочным продуктом решения задач данного типа.

Еще одним важным фактором, оказывающим влияние на продуктивность совместной деятельности, является способ зависимости членов группы от результатов деятельности. В том случае, когда все участники заинтересованы в одинаковом исходе деятельности, говорят о *кооперативных группах*. Когда же имеет место

столкновение интересов, говорят о *конкурентных* (сопоставительных группах). Как показал Г. Кромбад (H. Crombad, 1966), в кооперативных группах выше уровень психологического комфорта. Деятельность кооперативных групп является более продуктивной, считает М. Дойч (M. Deutsch, 1968).

Когда наблюдается конфликт между общностью интересов и сопоставительностью, говорят о смешанной мотивации по типу *социальной дилеммы*. Подобная ситуация описывается с помощью так называемой «дилеммы узника» (рис. 78). Допустим, задержаны два подозреваемых в совершении совместного преступления. Их помещают в разные камеры и допрашивают отдельно. При этом у следователя нет прямых улик против подозреваемых. Тот, кто сознается, будет обвинен, но получит минимальный возможный срок заключения, если второй не обвинит его и не даст следствию дополнительных улик. Тот, кто не сознается, но будет обвинен другим, получит средний срок. Если же оба обвинят друг друга, срок будет максимальным для обоих (групповое преступление). У каждого из задержанных, назовем их А и Б, есть два варианта поведения — сознаться в преступлении или свалить вину на другого.

Какая стратегия является оптимальной для каждого? Оказывается, и тот и другой ответ приобретают смысл только в соотношении с ответом другого подозреваемого. Вариант «обвинить другого» сулит как максимальный выигрыш (если второй подозреваемый взял вину на себя, то обвиняющего отпустят), так и максимальный проигрыш (если оба задержанных обвинят друг друга, они получат максимальный срок за групповое преступление). Более надежной стратегией является сознаться в преступлении, тогда подозреваемый при любом поведении второго подозреваемого получает минимальный или средний срок.

		Подозреваемый А	
		Признался (сотрудничество)	Обвинил другого (соперничество)
Подозреваемый Б	Признался (сотрудничество)	А — 3 года Б — 3 года	А — свобода Б — 5 лет
	Обвинил другого (соперничество)	А — 5 лет Б — свобода	А - 10 лет Б - 10 лет

Рис. 78. Дилемма узника (например, если Б сознается, а А обвинит его, Б получит срок 5 лет, а А выйдет на свободу)

Дилемма узника ясно демонстрирует, что индивидуально выгодные стратегии часто ведут к коллективному проигрышу. Например, водонапорная башня, построенная на средства членов садоводческого товарищества, может добывать в день 1000 ведер воды. В товариществе 100 членов, так что каждый должен вычерпывать не более 10 ведер в день. Но кому-то приходит в голову мысль: «Если я сегодня вычерпаю 20 ведер, ничего страшного не случится. В конце концов это всего лишь 1 % от общего запаса воды». Беда, если так подумают сразу многие. В результате источник быстро истощится, и все товарищество останется без воды. Н. Керром (N. Kerr, 1983) показано, чем больше участников вовлечено в ситуацию типа дилеммы узника, чем больше вероятность того, что каждый из них выберет эгоистичный способ поведения. Таким образом, эффективность совместной деятельности при смешанной мотивации напрямую зависит от того, насколько члены группы осознают взаимозависимость результатов своих действий.

11.1.2. Социальная роль как функциональная единица группы

Очевидно, что любая группа состоит из отдельных индивидов. Однако трудно найти такую группу, которая бы полностью вовлекала человека в свою орбиту. Мы как бы «путешествуем» из одной группы в другую, задерживаясь в одних из них надолго и быстро меняя другие. Например, проснувшись утром, вы сначала действуете как участник своей семейной группы, потом, по дороге на работу, вступаете в общность пассажиров муниципального транспорта, а ваш супруг обычно становится участником группы раздраженных автомобилистов, попавших в пробку. Затем вы действуете в качестве члена профессиональной группы, а в обеденный перерыв превращаетесь в члена группы посетителей кафе. Вечером вы можете стать частью группы зрителей театральной постановки или посетителей бассейна. Во время отпуска вы вливаетесь в туристическую группу, заболев, перемещаетесь в группу пациентов и т.д. Таким образом, каждая из групп охватывает только сегмент вашей жизнедеятельности. Сама же группа складывается из сегментов жизнедеятельности ее участников, каждый из которых можно назвать *социальной ролью*. Социальная роль, которую играет индивид, являющийся участником той или иной группы, служит функциональной единицей анализа социального мира.

Понятие социальной роли введено в оборот науки в начале XX в. социологами М. Вебером и Э. Дюркгеймом. Позднее оно начало функционировать как собственно психологический термин.

Рольевые концепции личности являются господствующими в современной социальной психологии. «Весь мир — театр / В нем женщины, мужчины — все актеры. / У них свои есть выходы, уходы, / И каждый не одну играет роль», — замечает герой В. Шекспира в пьесе «Как вам это понравится». Суть данного подхода заключается в том, что человек понимается, прежде всего, как исполнитель предписанной ему обществом роли. *Социальная роль — это совокупность требований к поведению, общению и способу осмысления мира, которую общество предъявляет субъекту, занимающему определенную «ячейку» социальной жизни (социальную позицию)*. Например, роль «учащегося» предполагает, что он: 1) посещает учебное заведение, сдает экзамены (поведенческий аспект); 2) не выражает явного несогласия с позицией преподавателя, отвечает на его вопросы (коммуникативный аспект); 3) уверен, что «знание — сила», а получение образования — достойное занятие (мировоззренческий, ценностно-смысловой аспект).

Роли могут быть определены как шаблон взаимных прав и обязанностей членов группы. *Рольевые требования* (обязанности) — это то, что человек считает нужным делать, исходя из той роли, которую он выполняет, чтобы не обмануть ожидания других людей. Если человек эффективно играет свою роль, то он вправе ожидать, что другие члены группы будут так же выполнять свои обязанности по отношению к нему. Например, если посетитель дорогого ресторана располагает необходимой суммой денег, он вправе рассчитывать на то, что блюда будут отменного качества, а обслуживание — на высшем уровне. В свою очередь, официант этого ресторана, следующий ожиданиям клиента, рассчитывает, что получит чаевые. Тот же человек, оказавшись в дешевом кафе, спокойно воспримет то, что пища подается на бумажной посуде, а на столах нет накрахмаленных скатертей. Сотрудник же такого заведения не ждет, что посетитель будет одет в вечерний костюм и заплатит что-то сверх счета.

Нормальное функционирование группы подразумевает взаимную согласованность рольевых обязанностей. В исследовании Якобсона (1936) проводился опрос 100 разведенных и 100 счастливых семейных пар. Участников исследования спрашивали о том, какими, по их мнению, должны быть мужья и жены. Разница между средними оценками (несогласованность) разведенных пар в четыре раза превосходила разницу между оценками счастливых пар! Таким образом, благополучие брака зависит в первую очередь не от индивидуальных психологических свойств мужа и жены, а от сходства их представлений о рольевых обязанностях супругов.

Исполнение роли заключается в том, чтобы выполнять обязательства, накладываемые ею. Физическое присутствие в группе само по себе не гарантирует должного исполнения роли. Важно, чтобы человек сознательно принял на себя обязанности, накладываемые ролью. Для выявления внутренней психологической иерархии социальных ролей используется тест «20 утверждений». От испытуемого требуется 20 раз подряд ответить на вопрос: «Кто я?». В списке обычно появляются не только ролевые, но и качественные характеристики, однако на основании последовательности ролевых утверждений судят о том, какие социальные роли являются для человека субъективно более важными.

Например, для исследования вы можете выбрать двух молодых людей, которые ведут примерно одинаковый образ жизни: ходят в институт, проживают с родителями, встречаются с девушками, занимаются спортом. Вы предлагаете им тест «20 утверждений» и получаете следующие данные: один из них составляет список: «Я — студент, отзывчивый, сын, футболист, высокий, удачливый, путешественник и т.д.», а другой: «Я — жених, влюбленный, программист, умный, вежливый и т.д.». Предполагается, что ваш первый респондент психологически максимально включен в учебную деятельность и во взаимоотношения с родителями. Именно членство в этих социальных группах для него наиболее значимо. Второй же респондент, очевидно, весь в мыслях о предстоящем браке и о том, сможет ли его профессия достойно обеспечить семью.

Содержание социальной роли фиксируется в перечне как *позитивных* (каким быть, что делать), так и *негативных* (каким не быть, чего не делать) *ожиданий*. Так, ожидания от исполнителя социальной роли врача нашли свое формальное позитивное отражение в знаменитой клятве Гиппократа.

По сложившейся в медицине традиции вот уже 24 столетия, со времен Гиппократа, врачи дают клятву перед обществом о нормах врачебного поведения и отношении к больным и их родственникам. За многовековую историю в текст клятвы не раз вносились сокращения. Однако суть ее остается прежней и включает в себя аспекты поведения, взаимодействия с больным, мировоззрения и описание позитивных и негативных санкций: «Клянусь исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу и письменное обязательство: Я направлю режим больных к их благу, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости. Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство. Чтобы при лечении — а также и без лечения — я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не сле-

дует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной. Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена; преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому».

Принятие социальной роли может происходить не только по свободному и сознательному выбору, но и под давлением внешних обстоятельств. Причем часто роль, которую человек предполагал только «примерить», накрепко «прирастает» к нему. Филипп Зимбардо (1971) задался вопросом: с чем связана жестокость людей, которые работают в тюремной системе? Возможно, что данную профессию выбирают жестокие люди? Или сами роли охранника и заключенного изменяют личность? Из добровольцев-студентов Зимбардо составил две группы: группу «охранников» и группу «заключенных». «Охранникам» раздали униформу, дубинки, свистки и ознакомили с правилами тюремного распорядка. «Заключенных» поместили в тесные камеры и одели в лохмотья. В первый день эксперимента все его участники с юмором относились к игре. Однако уже на третий день и «охранники», и «заключенные» стали «заигрываться». «Охранники» начали унижать «заключенных», те сначала бунтовали, но вскоре впали в апатию и безропотно подчинялись новым унижительным правилам (рис. 79).

Рис. 79. Кадр из кинофильма «Эксперимент», сюжетом которого стал эксперимент «охранники и заключенные» Ф. Зимбардо (Германия, 2002)

Дело стало принимать опасный оборот, так что Зимбардо пришлось прервать эксперимент на седьмой день, хотя изначально задумывалось, что он займет две недели. Зимбардо так описал происходившие события: «Эта тюрьма, которую мы сами создали, стала поглощать нас как часть своей собственной реальности». Таким образом, несмотря на то, что, скорее всего, неразумно сводить все многообразие проявлений личности к проигрыванию социальных ролей, безусловно, исполнение роли накладывает отпечаток на личность человека. В эксперименте М. Занна и С. Пэк (1975) студенткам предлагалось составить брачное объявление. Причем одной группе студентов говорили, что читать их объявления будут мужчины, для которых идеалом женщины является домохозяйка, а другой группе — что их адресаты — мужчины, предпочитающие успешных в карьере женщин. Студентки первой группы не только описывали себя как «домашних» женщин, но и при последующем тесте на решение задач показали результаты на 20% ниже, чем девушки из второй группы. И это несмотря на то, что тест проводился после того, как составление объявлений было завершено, а объявления «разосланы»!

Поскольку исполнение роли имеет смысл только как часть более общей скоординированной «пьесы», роли находятся в тесной взаимосвязи и образуют систему. Конечно, одни роли более важны для успешной деятельности группы, чем другие. Поэтому образуется иерархия статусов социальных ролей. *Социальный статус* — это положение роли в системе группы, оценка группой вклада носителя той или иной роли в совместную деятельность. Можно выделить *социальные роли высокого статуса* и *социальные роли низкого статуса*. Высота социального статуса проявляется как в распределении обязанностей, прав и привилегий, так и в интенсивности санкций, относительно данной роли. Например, с одной стороны, менеджер кампании получает более высокую зарплату, чем уборщица. С другой стороны, его ответственность перед компанией так велика, что он буквально «не может позволить себе» заболеть или взять отгул.

Высокий или низкий статус той или иной роли не определяется произвольно, а зависит от господствующей в данном обществе *системы ценностей*. Большое значение здесь имеет престиж и мода. Временный взлет популярности некоторых профессий (например, фотомодели) трудно объяснить с рациональных позиций. Колебания моды относительно различных социальных ролей проявляются в уровне конкурсов в профильные вузы, в количестве публикаций в прессе, посвященных той или иной теме, и т.д.

Различается *социальный статус* и *личный статус*. Первый связан с принадлежностью субъекта к той или иной группе, а второй — с местом, которого он добился внутри группы. Социальный и личный статус могут не совпадать. Например, личный статус карманного вора в преступном мире очень высок. Однако его социальный статус как криминального элемента — низок. Наиболее высоким статусом обладает лидер группы. При этом *формальный лидер* обладает максимальным социальным статусом среди всех членов своей группы, а *неформальный лидер* — максимальным личным статусом.

Но почему именно тот, а не другой человек принимает на себя роль лидера (и, что не менее важно, почему группа признает его лидерство)? На этот счет существует несколько теорий. *Теория «великой личности»* предполагает, что все эффективные лидеры обладают общими универсальными чертами. Однако сама роль лидера неоднородна. Согласно Р. Бейлсу, нужно различать целевого и социального лидера. *Целевой лидер* ориентирован на решение деловых проблем, на достижение продуктивной цели. *Социальный лидер* заинтересован, прежде всего, в человеческих отношениях, он акцентирует свои усилия на сплочении группы, улаживании конфликтов, оказании эмоциональной поддержки, обеспечении комфорта участников группы. Таким образом, универсального лидера не существует.

Более эвристична *функциональная теория лидерства*. Лидер в данном понимании является продуктом требований ситуации: чтобы стать лидером, претенденту надо превосходить других только в одном качестве, но именно в том, которое востребовано в данной ситуации. Однако человек, которому удалось хорошо исполнить роль лидера в конкретной ситуации, увеличивает свои шансы занять лидерскую позицию и в других ситуациях. Постепенно группа обретает уверенность в том, что человек, проявивший себя эффективным лидером, обладает универсальными лидерскими качествами. Формируется *лидерская харизма*. Харизма (от греч. charisma — подарок) — это наделение личности свойствами, вызывающими преклонение перед ней и безоговорочную веру в ее возможности. Харизматическому лидеру приписываются постоянные победы, и даже явный провал истолковывается как достижение («мудрое заманивание врага в глубь территории» вместо «постыдного бегства», «непостижимая человеческим разумом мудрость» вместо «абсурдных заявлений»). Е. Хартли была предложена модель, объясняющая превращение ситуационного лидера в харизматического (рис. 80).

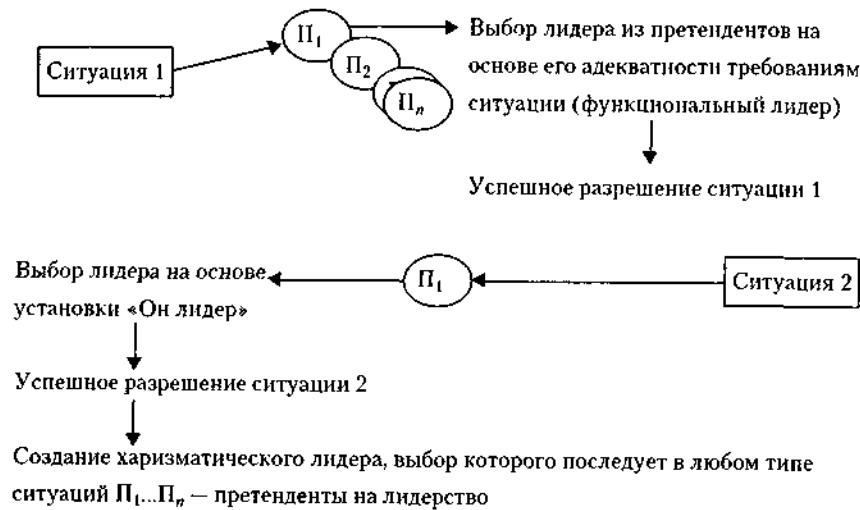

Рис. 80. Трансформация функционального лидера в харизматического

Историческим примером трансформации функционального лидера в харизматического служит судьба Наполеона. Наполеон начал службу в войсках в 1785 г. в чине младшего лейтенанта артиллерии; сделал кавыру в период Великой французской революции. Назначенный начальником артиллерии в армию, осаждавшую занятый англичанами Тулон, Бонапарт осуществил блестящую военную операцию. Тулон был взят, а сам он получил в 24 года звание бригадного генерала (1793). После термидорианского переворота Бонапарт отличился при разгоне роялистского мятежа в Париже (1795), а затем получил назначение командующим Итальянской армией (функциональный военный лидер). После первых же побед Наполеон стал претендовать на самостоятельную роль. Харизматический потенциал Наполеона позволил ему в ноябре 1799 г. совершить государственный переворот (18 брюмера), в результате которого он стал первым консулом, фактически сосредоточившим в своих руках с течением времени всю полноту власти. Конституция Наполеона была одобрена народом на плебисците (около 3 миллионов голосов против 1,5 тысяч) (1800). Позже Наполеон провел через сенат декрет о пожизненности своих полномочий (1802), а затем провозгласил себя императором Франции (харизматический лидер).

Системная теория лидерства полагает лидерство конкретного члена группы не ответом на объективные требования ситуации, а продуктом группового взаимодействия. Другими словами, лидером

становится тот, кого согласно видеть в качестве лидера наибольшее количество участников группы. Подобная «согласительная» стратегия выбора лидера включает в себя возможность парадоксальной ситуации. Допустим, у нас есть два претендента на роль лидера в группе из семи человек — А и Б. А пользуется горячей поддержкой трех членов группы, в то время как двое оставшихся — резко против него. Если выразить эту ситуацию в цифровой форме получим: $+5 + 5 + 5 - 4 - 4$. Скорее всего, А — яркая личность, человек, который имеет собственное мнение. Б — менее яркая личность, и поэтому все участники гипотетического голосования относятся к нему почти нейтрально: $+2 + 2 + 2 + 2 + 2$. В результате ничем не проявивший себя Б набирает 10 баллов и становится признанным лидером, а А набирает всего 7 баллов и остается аутсайдером. Системная теория лидерства объясняет, почему ничем не примечательные, а порой и просто недалекие люди достигают высоких постов и иногда оказываются у руля государств.

Теория ценностного обмена Кричевского предполагает, что лидером, наоборот, становится не тот, на чье лидерство может согласиться рационально мыслящее большинство, а тот, кто наиболее полно воплощает собой ценности группы. В соответствии с данной концепцией президентом страны имеет больше шансов стать не грамотный экономист, а человек «из народа», «такой, как все».

Управлять людьми можно по-разному. Китайский мудрец Лао Цзы говорил о правителях так: «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которых народ любит и возвышает. Еще хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает». К. Левин выделил три основных стиля лидерства: *авторитарный*, *попустительский* и *демократический*. Авторитарный лидер практикует жесткие способы управления, пресекает инициативу снизу, не допускает обсуждения своих решений. Попустительский лидер, наоборот, в минимальной степени регулирует инициативу членов группы. Лидер, который придерживается попустительского стиля, быстро теряет ресурс доверия в связи с тем, что деятельность группы становится все менее продуктивной. Демократический лидер поощряет инициативу и принимает решения коллегиально, однако не допускает анархии. Можно сказать, что при демократическом стиле руководства каждый член группы обладает правом голоса, но лидер обладает правом «нескольких голосов» и финального решения.

К. Левин с коллегами (1943) изучал эти три стиля лидерства в группах мальчиков. Было сформировано три группы, во главе кото-

рых были поставлены взрослые руководители. Каждый из руководителей последовательно действовал в рамках одного из стилей лидерства. Полученные данные показали, что в группе с авторитарным стилем руководства наблюдалась организованность и четкость при выполнении заданий. Однако мальчики в группе были враждебно настроены друг к другу и выражали недовольство своим положением. Группа с попустительским стилем руководства показывала худшие результаты в выполнении заданий. В группе с демократическим стилем руководства мальчики с симпатией относились к лидеру, старались выполнять его поручения наилучшим образом и испытывали дружеские чувства.

Ролевое функционирование личности в социальном мире, с одной стороны, значительно упрощает социальное взаимодействие, а с другой — приводит к смыканию человека и его роли. Возникает *эффект ролевого стереотипа*. Интересный способ демонстрации ролевых стереотипов предложил Д. Олсон (1990). Группе студентов, рассаженных по кругу, раздавали головные повязки, на каждой из которых была написана его «роль». Например, «китаец», «солдат», «больной СПИДом», «учитель» и т.д. Каждый из участников демонстрации не видел, что написано на его повязке и, соответственно, не знал, какую роль он играет. Однако надпись видели остальные участники группы. Участники могли задавать вопросы каждому из членов группы. Уже после 3—4 вопросов большинство правильно отгадывало свою роль, так как структура вопросов содержала ролевой стереотип относительно игрока. «Когда бьют по сюртуку, то удары приходятся и по человеку, на котором надет этот сюртук», — заметил Г. Гейне. Под «сюртуком» здесь, конечно, имеется в виду социальная роль человека. Слепое следование ролевым стереотипам во взаимодействии с другими людьми приводит к неоправданному огрубению восприятия многообразия окружающего мира.

Форма является отличительным признаком исполнителя роли. Человек в форменной одежде как бы заявляет о своей безличности, о том, что он действует только от имени «роли» (американцы говорят в таких случаях: «nothing personal!» — «ничего личного»). Даже самый застенчивый человек не испытывает стеснения, раздеваясь перед врачом, — «человеком в белом халате». Многие военные надевают форму на праздничные мероприятия и в частной жизни, так как чувствуют, что наличие формы повышает их авторитет в компании. В экспериментах Б. Бушмана (B. Bushman, 1984) показано, что, когда человек в форме обращается к людям с просьбой, те выполняют ее охотнее, чем когда тот же человек одет обычным образом.

Очевидно, что обнаруженный эффект наблюдается потому, что лицо в форме представляет не самого себя — незнакомца, а важную службу, отзываясь на требования которой, человек помогает лучшей работе общества в целом.

Альтернативой выделению ролей как функциональных единиц социального мира является *концепция социального характера* Э. Фромма. Э. Фромм предложил понятие социального характера, который складывается в ответ на конкретную структуру требований того или иного общества. *Социальный характер — это модальная структура личности, характеризующаяся всеобщностью, адаптивностью и стабильностью*. Перечисленные характеристики означают, что индивидуальный характер каждого члена общества содержит в себе ядро типичного социального характера, что он наиболее эффективен для приспособления к условиям жизни в данном обществе и с трудом поддается изменениям.

Фромм описал пять типов социального характера: *рецептивный (зависимый), эксплуатирующий (агрессивный), накопительский (консервативный), рыночный и продуктивный*. Лишь последний из них, по мнению Фромма, может расцениваться как здоровый и отражает свободную сознательную активность субъекта. Позже Фромм ввел дополнительное различие на *некрофильные* (стремление к смерти) и *биофильные* (стремление к жизни) *социальные характеры*. Ярким воплощением некрофильной ориентации Фромм считал Гитлера. Каждый конкретный человек может быть носителем сочетания компонентов различных социальных характеров. В 1967 г. Э. Фромм провел в Мексике масштабное исследование с целью выявления господствующих социальных характеров в деревенской популяции. С помощью опросников были выявлены три основных типа: продуктивно-накопительский, продуктивно-эксплуатирующий и непродуктивно-рецептивный. К первому типу оказались отнесены земледельцы, ко второму — деловые люди, к третьему — бедные работники.

Важным аспектом социализации является обретение *идентичности* (от лат. *identicus* — одинаковый, тождественный). Согласно Э. Фромму, возможны два типа идентичности: *идентичность по бытию* («быть кем-то») и *идентичность по принадлежности* («принадлежать группе»). Реализуя первый тип идентичности, человек с помощью творческих усилий достигает уникальности своей индивидуальности, а во втором случае происходит *деиндивидуализация* (это означает, что личность человека полностью исчерпывается его социальной ролью).

11.1.3. Динамические процессы в малых группах

Непосредственное взаимодействие индивида с миром осуществляется в рамках малых групп, где люди напрямую контактируют друг с другом. Однако, как уже было отмечено выше, группа — это не просто сумма индивидуальных «Я» ее участников. Деятельность в группе оказывает влияние на каждого из ее членов, а те, в свою очередь, вносят вклад в функционирование группы в целом. Процесс взаимодействия участников группы называют *групповой динамикой*. Социальные психологи описывают несколько наиболее значимых закономерностей групповой динамики. Среди них выделяются явления *конформизма, неконформизма, поляризации, огруппления мышления и подчинения*.

Конформизм и влияние меньшинства на большинство. *Конформизмом называют процесс изменения поведения и мнения участника группы в соответствии с поведением и мнением большинства.* В основе явления конформизма лежат две причины. Во-первых, люди стремятся принять правильное решение или вести себя правильно. В реальности велика вероятность того, что несколько людей обладают более полной и адекватной информацией о предмете, чем один. Поэтому в большинстве случаев человеку разумно принять точку зрения большинства. Тип конформизма, который обусловлен признанием более высокого «качества» общего мнения, называют подверженностью информационному влиянию. Во-вторых, люди хотят сохранить сплоченность группы и добиться признания. Поэтому они стараются максимально соответствовать группе. Тип конформизма, обусловленный мотивацией «шагать в ногу» с группой, называют подверженностью нормативному влиянию. *Нормативный конформизм* иногда называют уступчивостью, так, соглашаясь с чужим мнением, чтобы угодить большинству, человек в душе может остаться верен себе (вспомните знаменитые слова Галилея: «А все-таки она вертится!»). М. Дойчем и Г. Жерердом (1955) было высказано предположение о том, что *информационный конформизм* связан с истинной переменной убеждений.

Саломон Аш (1956) поставил классический эксперимент, в котором продемонстрировал подверженность людей нормативному конформизму. Участнику эксперимента сообщали, что работа посвящена исследованию зрительного различия. Кроме него в группу входило еще шесть человек. На самом деле они были помощниками экспериментатора, но испытуемый, конечно, об этом не догадывался. Задача заключалась в следующем: в 18 пробах испытуемый должен был определить, какая из трех предъявленных линий равна

стандартной (рис. 81). Испытуемые отвечали по очереди, так что сначала слово давалось помощнику экспериментатора, а настоящий испытуемый отвечал шестым.

Рис. 81. Стимульный материал в эксперименте С. Аша

В контрольной серии все испытуемые легко справлялись с заданием. В экспериментальной серии ситуация менялась. Сначала в течение нескольких проб помощники экспериментатора отвечали правильно. Однако начиная с седьмой пробы они стали единодушно давать неверные ответы. Какой ответ, по вашему мнению, давал испытуемый Аша? Полученные результаты убедительно продемонстрировали огромное влияние очевидно неправого большинства на мнение единственного испытуемого. В 37% случаев испытуемые соглашались с вопиюще ложным мнением большинства группы! В данном случае можно говорить именно о нормативном влиянии, так как неизвестно, что думали испытуемые на самом деле, а впоследствии они не теряли способности адекватно оценивать размеры предметов. Аш варьировал размеры группы и выяснил, что высказывание одного человека не оказывало влияния на мнение испытуемого, высказывание двух вызывало 13% ошибок, а трех — уже было достаточно для полного проявления эффекта. Дальнейшее увеличение группы уменьшало приращение эффекта.

Однако далеко не всегда группа следует за мнением большинства. Меньшинство способно порой проявлять неконформизм, т.е. противостоять влиянию большинства. Существует множество примеров того, как мнение людей, первоначально находившихся в явном меньшинстве, в конце концов побеждало. В своих исследованиях С. Московичи продемонстрировал, как меньшинство меняет позицию большинства, и дал объяснение этого явления. Схема одного из ранних экспериментов, проведенных в этой области, во многом сходна с классическим опытом Аша. Группе из шести испытуемых, из которых двое (меньшинство) были помощниками экспериментатора, демонстрировали слайды голубого цвета. При этом сообщники Московичи заявляли, что слайды зеленого цвета. Через некоторый промежуток вре-

мени 8,5% ответов настоящих испытуемых поменялись с «голубого» на «зеленый». При этом треть испытуемых хотя бы раз согласилась с заведомо ошибочным мнением меньшинства. Согласно Московичи, *меньшинство имеет шанс на успех в том случае, если оно будет демонстрировать постоянство, четко заявлять о своей позиции и вместе с тем показывать готовность к разумному компромиссу.*

Дальнейшие эксперименты Московичи показали, что влияние меньшинства на большинство не только имеет место, но и оказывается более эффективным, так как носит информационный характер. Для проверки гипотезы о том, что конформизм продиктован уступчивостью, а неконформизм — реальной сменой убеждений, в 1980 г. был проведен изящный эксперимент. Испытуемым показывали серию из пяти голубых слайдов. Они должны были назвать цвет слайда, а также цвет возникающего у них послеобраза (правильная пара голубой — желтый). Сначала испытуемые выполняли задание поодиночке. Естественно, что в большинстве случаев они называли правильную пару. Затем одну половину испытуемых помещали в ситуацию давления большинства, которое утверждало, что слайды имеют зеленый цвет. Другую половину помещали в ситуацию давления меньшинства, которое также давало неправильные ответы. Вопросы о послеобразе в этой серии не задавались. В обоих условиях часть испытуемых поддавалась давлению и соглашалась, что слайды на самом деле зеленые. На третьей стадии эксперимента анализировались только ответы тех испытуемых, кто изменил первоначальную позицию, согласившись с большинством или с меньшинством. Испытуемые снова действовали в одиночку. Оказалось, что примкнувшие к большинству испытуемые назвали неправильный цвет слайда (зеленый вместо голубого), но правильный цвет послеобраза (желтый). Испытуемые, которые оказались под влиянием меньшинства назвали не только неверный цвет слайда (зеленый), но и тот цвет послеобраза, который соответствует переживанию зеленого цвета (красный). Таким образом, Московичи пришел к выводу, что послушание большинству наблюдалось только на поведенческом уровне, т.е. было нормативным. Послушание меньшинству проявлялась и на поведенческом уровне, и на уровне восприятия, т.е. было информационным (эти испытуемые действительно «видели» слайды зелеными!).

Московичи связывает данный эффект с различием механизмов, лежащих в основе влияния большинства и влияния меньшинства. В первом случае действует механизм социального сравнения, когда субъект сравнивает свое мнение с мнением других и старается формально приспособиться к нему. Во втором случае большинство как бы задумывается над вопросом: «Почему они настаивают на своем,

несмотря на то, что нас больше? Может быть, в их мнении есть рациональное зерно?». Другими словами, большинство начинает пытаться понять суть альтернативного мнения. Подобная мыслительная активность способствует истинной смене убеждения.

Наиболее конформными в группе являются участники со средним личным статусом. Люди с высоким или низким личным статусом склонны к неконформному поведению. Однако это обусловлено разными причинами: первые имеют достаточный статусный ресурс, чтобы противопоставить себя группе, а вторым просто нечего терять.

Таким образом, *в совместной деятельности группы имеет место как влияние большинства на меньшинство, так и влияние меньшинства на большинство.* Первый тип воздействия более распространен, однако примыкание к большинству часто оставляет в неприкосновенности систему убеждений субъекта. Второй тип взаимодействия встречается реже. Но если меньшинству удастся утвердить свою позицию, то изменения носят глубинный характер.

Поляризация и огруппление мышления. В 1961 г. аспирант Дж. Стоунер провел эксперимент, ставший классикой исследований *процесса принятия решения в малой группе.* Стоунер решил проверить расхожее мнение о том, что группа более осторожна в своих суждениях, чем изолированный индивид. Стоунер предлагал испытуемым сначала поодиночке, а затем в группе задачи по типу дилеммы узника. Испытуемых просили дать гипотетическому персонажу совет, насколько рискованную тактику поведения выбрать (шансы на успех могли составлять 1 : 10, 2 : 10, 3 : 10 и т.д.). Парадоксально, но оказалось, что решения, принятые группой, были более рискованные, чем индивидуальные решения ее членов. Стоунер назвал данный феномен *«сдвиг к риску».*

Со временем выяснилось, что групповое решение не всегда принимает сторону более рискованного. Сдвиг может наблюдаться и в сторону повышения осторожности. Общая закономерность, выведенная С. Московичи и М. Завалони (1969) сводится к следующему: групповая дискуссия приводит к усилению первоначального мнения участников группы. Мнение как бы двигается к полюсу. Эффект был назван *«эффектом групповой поляризации».* Поясним действие данного эффекта на примере. Все сотрудники некоторой фирмы считают, что у них недостаточно высокая зарплата. Если знакомый с эффектом поляризации начальник будет назначать встречу каждому сотруднику отдельно, тот с радостью согласится на 10% повышения. Если же он примет делегацию сотрудников, то, скорее всего, речь пойдет уже о 15% повышения. Майерс и Бишоп (1970) опрашивали группу студентов на тему расовой сегрегации, в частности по вопросу о том, можно ли разрешить кондоминиумам не продавать жилье

представителям некоторых этнических групп. Студенты были разделены на две подгруппы в зависимости от того, к какой точке зрения они склонялись. Далее им была предоставлена возможность обсудить тему в группе единомышленников. Как и предсказывала гипотеза поляризации, после раздельного обсуждения разрыв между подгруппами увеличился. Те, кто считал, что расовая нетерпимость недопустима, еще больше укрепились в своем мнении, а те, кто был уверен, что жильцы домов имеют право выбирать себе соседей по расовому признаку, усилили расистские установки. Таким образом, в процессе группового принятия решения наблюдается не просто приведение мнения всех членов группы в соответствие с мнением большинства или меньшинства, но и усиление доминирующего мнения.

Как известно, принятое группой решение не всегда оказывается эффективным. Ирвин Джанис (I. Janis, 1982) проанализировал причины провалов в деятельности группы, которые он назвал «огрупплением мышления». Он рассмотрел такие катастрофические ошибки руководства США, как игнорирование информации о предстоящей бомбардировке Перл-Харбора в 1941 г.; вторжение на Кубу в 1961 г.; войну во Вьетнаме в 1964—1967 гг. Джанис предположил, что подобные ошибки связаны со стремлением группы избежать разногласий и сохранить сплоченность. Кроме того, группа рискует оказаться жертвой огруппления мышления и в том случае, если она изолирована от критики и имеет авторитарного лидера, навязывающего свое решение большинству. Схема процесса огруппления решения представлена на рис. 82.

Рис. 82. Условия, симптомы и признаки огруппления решения (Janis, Mann, 1977)

По мнению Джаниса, для преодоления огруппления мышления важно, чтобы над проблемой работало несколько независимых групп, а в рамках одной группы была выделена специальная роль «адвоката дьявола» (термин взят из церковной практики канонизации, когда один из участников процедуры должен был говорить от лица дьявола, выискивая причины, почему претендент не достоин канонизации).

Подчинение. Исследования конформизма и неконформизма показывают, насколько люди готовы следовать чужой точке зрения. Однако в большинстве исследований, посвященных данной проблематике, испытуемые выражают мнение относительно предметов, которые не затрагивают их базовых ценностей. Действительно, жизнь участников экспериментов Аша или Московичи не изменилась от того, что они заявили, что одна линия короче другой или что слайд зеленый, а не голубой. Другое дело, когда воздействие предполагает поступки, которые вступают в противоречие с мировоззрением субъекта. Будет ли и в этом случае сохраняться тенденция к подчинению?

Американский психолог еврейского происхождения Стэнли Милграм (1933—1984) был поражен тем фактом, что многие мирные немецкие обыватели, в биографиях которых не было опыта насилия, тем не менее активно принимали участие в уничтожении евреев в годы Второй мировой войны. Почему они подчинялись приказам нацистов? Только ли в связи с тем, что опасались за собственные жизни? Милграм решил воспроизвести ситуацию безнравственного приказа в лабораторных условиях (1965, 1974). Через газетные объявления он набрал добровольцев для исследования «научения». За участие в эксперименте им выплачивалась незначительная сумма в 4 доллара. Экспериментатор объяснял испытуемым, что речь идет об эффективности наказаний при научении. По жребию якобы случайно распределялись роли «учеников» и «учителей». На самом деле «учителями» оказывались истинные испытуемые, а «учениками» были актеры. «Учеников» усаживали в кресла и прикрепляли электроды. Инструкция для «учителей» обязывала испытуемых задавать «ученикам» вопросы и в случае неверного ответа наказывать провинившегося ударом тока. Величина разряда варьировалась от 15 вольт (пороговый раздражитель) до 450 вольт (смертельный удар). «Учителям» говорилось, что с каждым следующим неверным ответом наказание должно быть увеличено. Для того чтобы убедиться, что «учителя» понимают, как субъективно переживаются удары током, им наносили пробный удар интен-

сивностью в 45 вольт. Актер-имитатор часто допускал ошибки в ответах, вынуждая испытуемого наносить все более болезненные удары. Всякий раз, когда испытуемый колебался, стоящий рядом экспериментатор подбадривал его приказами: «Продолжайте!», «Необходимо, чтобы вы продолжали!». Сначала «ученик» тихо ворчал, потом начинал вскрикивать, потом кричал в полный голос, в конце концов издавал хрипы агонии и затихал. Милграм обнаружил, что, несмотря на видимые страдания «учеников», 63% испытуемых доводили интенсивность наказания до смертельной отметки. Приказа экспериментатора было достаточно, чтобы победить нравственные установки испытуемых, и даже зрелище и стоны агонизирующих жертв не заставили их прервать эксперимент. Участники эксперимента Милграма не были садистами (в контрольных условиях они не превышали силы разряда в 75 вольт), они просто выполняли приказы. «Я только выполнял приказы», — пытался оправдаться нацистский преступник Эйхман на Нюрбергском процессе.

Подчинение было наивысшим (при объединении всех условий достигало 93%), когда: 1) человек, который отдавал приказ, был рядом и воспринимался как представитель власти; 2) мучителю ничего не было известно о личности жертвы; 3) жертва находилась на расстоянии; 4) испытуемый не видел примеров неподчинения приказу.

Дж. Фридман и С. Фрейзер (1966) провели исследование приемов, которые провоцируют подчинение. Феномен «нога в двери» заключается в том, что человека сначала склоняют к небольшой уступке (в нашем случае слабый удар тока), а потом требования все повышаются. В исследовании Фридмана и Фрейзера исследователи звонили домохозяйкам и просили ответить на несколько безобидных вопросов о сортах мыла. Через несколько дней им звонили снова и просили разрешения прийти к ним домой и составить подробный перечень всей утвари. В контрольной группе на это соглашалось 20% домохозяек, а среди тех, в чьей «двери» уже была «нога» экспериментатора, уже 50% выражали согласие. Метод «нога в дверь» эффективен потому, что незначительная просьба формирует установку относительно просящего «он не требует от меня слишком много!».

Другой метод называется «*захлопнутая дверь*». В этом случае первая просьба совершенно неприемлема. Когда после отказа следует вторая, менее существенная просьба, шансы, что человек согласится, повышаются. В одном исследовании (Р. Гиалдини, R. Gialdini, 1975) исследователи останавливали на улице прохожих и спрашивали, не согласятся ли они бесплатно проконсультировать группу труд-

ных подростков на протяжении ближайших двух лет. Конечно, следовал отказ. После этого прохожих просили о менее энергоемкой услуге — отвести группу подростков на экскурсию в зоопарк. 40% прохожих с легким сердцем соглашались! Скорее всего, в такой ситуации человек чувствует неловкость за первый отказ и поэтому соглашается на второе требование.

Еще один прием получил свое название от часто используемой в рекламе фразы «*и это еще не все!*». Потенциальному покупателю расхваливался товар, и когда тот уже начинал колебаться, ему делали дополнительное предложение: «И это еще не все — в подарок к нашей чудо-резке вы получите прекрасный коврик для ног!» Покупатель повержен. Обратная технология называется «подача низкого мяча». Здесь покупателя склоняют к выгодной, на первой взгляд, сделке, но когда он уже внутренне принял решение о покупке, выясняется, что цена предмета значительно дороже заявленной. Покупатель испытывает дискомфорт, если отказывается от уже принятого решения, и поэтому соглашается на дополнительные условия. Конечно, все описанные трюки применяются не только в торговле. Методику Милграма, например, вполне можно отнести к манипуляции по типу «нога в дверь». Вовлечение в тоталитарные секты часто строится по принципу «низкой подачи»: сначала человеку обещают заботу и душевный комфорт, бесплатное образование и спасение души, но вскоре становится ясно, что расплатой станет квартира, семейное благополучие и т.д.

Таким образом, люди постепенно подчиняются *манипуляциям*. Только категорический отказ от участия в любой форме деятельности, которая противоречит личным нравственным установкам, гарантирует стабильное противостояние злу. Однако иногда манипуляции преследуют и нравственные цели. Например, формирование «экологического сознания» или редукция расовых предрассудков также разворачиваются с помощью типичных приемов манипулятивного воздействия.

11.1.4. Динамические процессы в больших группах

Вы можете вообразить себе одинокого футбольного фаната, который после проигрыша любимой команды в гордом одиночестве крушит витрины магазинов? Или представить поклонника рок-музыки, который один ломает стулья на концерте своего кумира? Еще Г. Лебон в 1894 г. описал явление преступной безответственной толпы, которая приводится в движение самыми низменными побужде-

ниями. По мнению Лебона, эмоциональная жизнь толпы крайне примитивна. *Эмоциональное заражение* происходит на психофизиологическом уровне. Эмоции циркулируют внутри толпы и усиливаются по мере вовлечения в нее новых людей. Так, страх становится паническим ужасом, враждебность — желанием убить. По словам Лебона, человек в толпе — это «песчинка среди песчинок, судьбой которых распоряжается ветер».

Психика человека в толпе претерпевает разительные перемены. Во-первых, пребывание внутри толпы интенсифицирует как созидательные, так и разрушительные импульсы (усиление доминирующей реакции, по Зайонцу). Во-вторых, включенность в большую группу вызывает эффект размывания ответственности. Человеку кажется, что он не отвечает за происходящее и расплываться будет кто-то другой. В-третьих, физическая анонимность члена толпы создает иллюзию личной безнаказанности и снимает запреты конвенциональной нравственности. В одном из экспериментов Ф. Зимбардо (1970) была повторена процедура, которая применялась в исследовании подчинения Милграма. В эксперименте принимали участие женщины, половине из которых выдали специальные халаты и колпаки, скрывавшие их лица. По сравнению с контрольной группой эти женщины быстрее достигали максимальной силы ударов и держали палец на кнопке электрошокового устройства в два раза дольше. Можно предположить, что физическая анонимность позволяет полностью отвлечься от собственной личности и раствориться в ситуации. Действительно, если белые колпаки в исследовании Зимбардо, которые ассоциируются с агрессивным поведением кук-клукс-клановцев, заменить на униформу медсестер, результаты получаются обратными. Группа «медсестер» ведет себя менее агрессивно, чем контрольная группа, в отличие от группы «ку-клукс-клан».

Три этих фактора, взятые вместе: *интенсификация крайних эмоциональных состояний, размывание ответственности, иллюзия личной безнаказанности и свободы от нравственных запретов* — приводят к «деиндивидуализации человека в большой группе». Причем чем больше группа, тем ярче проявляется *феномен деиндивидуализации*. Деиндивидуализированный субъект теряет представление о цели своих действий и способен на иррациональное поведение.

Выделяют четыре основных вида толпы: 1) *случайная толпа*, связанная любопытством к неожиданно возникшему происшествию (зеваки); 2) *экспрессивная толпа*, совместно выражающая общее эмоциональное состояние (радость, горе, протест); 3) *конвенциональная толпа*, собравшаяся для участия в заранее объявленном массовом мероприятии (зрители спортивного соревнования) и 4) *действующая*

толпа. Действующие толпы, в свою очередь, подразделяются на: 1) *агрессивную толпу*, объединенную ненавистью (погромщики); 2) *стяжательную толпу*, вступающую в конфликт за обладание какими-либо ценностями (пассажиры, врывающиеся в электричку); 3) *повстанческую толпу* и 4) *паническую толпу*, стихийно спасающуюся от реального или воображаемого источника опасности.

Важным свойством толпы является то, что она достаточно легко переходит от одного типа к другому. Так, например, агрессивную толпу можно превратить в экспрессивную, просто включив ритмичную музыку! Повстанческая толпа может стать стяжательной, стоит кому-либо закричать: «Вот оно! Хватай!». Особенно большую опасность представляет паническая толпа. Известно, что при массовой панике количество людей, пострадавших в давке, значительно превосходит число жертв непосредственного источника угрозы. Для того чтобы остановить паническую толпу, необходимо воздействовать на нее как на физиологическом уровне (шокирующий стимул, заставляющий толпу замереть, например, выстрел), так и на информационном уровне (разъяснение истинного положения дел и возможностей совладать с угрозой). Причем информационное воздействие должно следовать непосредственно за физиологическим.

Толпа — это яркий пример неорганизованной большой группы. Однако жизнедеятельность современного общества зависит от эффективного функционирования организованных больших групп: государств, этносов, организаций. *Организация — это большая ассоциация людей, действующих на основании ролевых связей для достижения общей цели*. Если этносы и государства во многом складываются стихийно на протяжении столетий, организации проектируются намеренно. Большинство современных организаций являются бюрократическими. Бюрократия (от фр. *bureaucratie* — власть чиновников) включает в себя четкую иерархию власти, установленные правила, определяющие поведение должностных лиц и разделение обязанностей между ними. На всех уровнях организаций, а также между ними устанавливаются неформальные сети. Таким образом, человек, включенный в организацию, на самом деле реализует свою деятельность в рамках малых групп, входящих в структуру больших.

11.2. Социальное познание

Успешное взаимодействие с социальным миром подразумевает адекватное знание о нем. Человек, попадающий в другую культуру, часто испытывает культурный шок, так как не только не имеет на-

выков поведения в чужой этнической группе, но и не способен правильно распознать сигналы, исходящие от людей. Что означает «голливудская» улыбка американца? Готов ли он помочь или это просто привычка? Почему итальянцы присвистывают вслед проходящей девушке? Хотят ли они оскорбить ее или выражают восхищение? Мы сталкиваемся с необходимостью объяснить себе происходящее вокруг нас не только в экстремальной ситуации смены группы. Каждый день перед каждым человеком стоит множество задач социального познания. Как мы познаем социальный мир? Почему происходят ошибки в социальном познании?

Представьте себе несколько ситуаций. Студент провалился на экзамене. Кто виноват в этом — придирчивый преподаватель, приятели, которые отвлекли от подготовки к экзамену, или он сам? Ваш сосед возглавил фирму. Это его заслуга или просто игра случая? Для того чтобы разобраться в случившемся, очень важно знать, где источник события — в самом человеке или во внешней ситуации. *Каузальная атрибуция* — это субъективное приписывание причины события тому или иному источнику. Теория атрибуции, описывающая закономерности приписывания причин событий или внутренним условиям, или ситуативным факторам, была впервые выдвинута Фрицем Хайдером (1958). Г. Келли считал, что атрибуции по преимуществу рациональны. По его мнению, результат атрибуции складывается из трех факторов: постоянства, исключительности и сходства. Например, вы узнали, что ваш знакомый Петр получил двойку на экзамене по психологии. Вы задаетесь вопросами: часто ли он получает двойки по психологии (постоянство)? Получает ли он низкие оценки и по другим предметам (исключительность)? Как группа в целом сдала экзамен (сходство)? Если Петр уже получал двойки по психологии, у него низкая успеваемость по другим предметам и в группе было много студентов, которые сдали экзамен на пять, вы, скорее всего, сделаете вывод о том, что Петр — ленивый человек (внутренние причины события). Если же Петр обычно получал хорошие оценки по психологии и может похвастаться высокой успеваемостью по другим предметам, кроме того, мало кому из группы удалось сдать экзамен хорошо, то вы решите, что виновата ситуация.

Однако нельзя согласиться с тем, что люди выносят суждения об окружающих на основе исключительно рациональных соображений. Процесс атрибуции включает в себя ряд скрытых допущений, которые могут привести к значительному искажению результата атрибуции.

Во-первых, мы склонны полагать, что *наблюдаемые поступки людей соответствуют их личным качествам*. В работе Дж. Улман (1989) испытуемым предъявляли предложение «Библиотекарь переносит через дорогу сумку старушки». Позже их просили вспомнить предложение. Большинство утверждало, что речь шла о «добром» человеке. Хотя можно придумать десяток причин, по которым библиотекарь нес сумку (вдруг он ее украл у бедной женщины?), студенты с готовностью приписывали персонажу свойство доброты. Очевидно, что свой вклад внес в данном случае и ролевой стереотип. Вообще-то библиотекари действительно достаточно редко промышляют воровством.

Во-вторых, *людям свойственно отыскивать взаимосвязь между событиями, которые на самом деле не связаны между собой*. Многие исследования показывают, что люди легко ошибаются, воспринимая случайные события как подтверждающие их убеждения. Например, людям часто кажется, что предсказания гороскопов в действительности оправдываются. Гороскоп обещает вам получение денег в конце недели, и вы действительно получаете их, забыв, что в этот день месяца всегда получаете зарплату. Такое явление можно связать с фактором произвольного интеллектуального внимания по классификации В. Джеймса (см. гл. 6), когда совпадения связываются с тем, что человек обращает внимание на то, о чем думает и чего ожидает.

В-третьих, *людям свойственна «вера в справедливый мир»*. Людям хочется думать, что добро торжествует, а зло всегда получает по заслугам. Для сохранения веры в справедливый мир необходимо думать, что те, кого постигло несчастье, сами виноваты в этом. Р. Янофф-Бульман (1985) провела исследование, иллюстрирующее тенденцию приписывать жертве преступления ответственность за случившееся с ней. Испытуемым показывали видеозапись с эпизодом свидания. В одной группе эпизод заканчивался изнасилованием. В другой группе сцена изнасилования отсутствовала. От испытуемых требовалось оценить поведение героини эпизода. Люди из первой группы говорили, что женщина сама спровоцировала насильника, в то время как те, кто смотрел благополучно завершившийся эпизод, не замечали в поведении женщины ничего провокационного.

В-четвертых, один из важных факторов в восприятии окружающего мира получил название «*предрасположения в свою пользу*». Так, например, большинство взрослых детей уверены, что заботятся о своих пожилых родителях больше, чем их братья и сестры; большинство водителей считают себя осторожнее, чем другие

участники дорожного движения; большинство бизнесменов думают, что их нравственный уровень выше, чем у других людей, занимающихся бизнесом; большинство студентов обвиняют преподавателей в том, что те ставят им незаслуженно низкие оценки (R. Sherperd, 1993).

Совокупное действие всех этих четырех факторов приводит к феномену, являющемуся одной из самых широко обсуждаемых проблем социальной психологии — *фундаментальной ошибке каузальной атрибуции*. Фундаментальная ошибка *атрибуции первого типа* (П. Росс, 1977) заключается в том, что люди склонны недооценивать ситуационные факторы и переоценивать личностные в поведении окружающих и, наоборот, переоценивать ситуационные факторы и недооценивать личностные в отношении себя, когда речь идет о негативных событиях. Фундаментальная ошибка *атрибуции второго типа* заключается в том, что люди склонны переоценивать ситуационные факторы и недооценивать личностные в поведении окружающих и, наоборот, недооценивать ситуационные факторы и переоценивать личностные в отношении себя, когда речь идет о позитивных событиях. Другими словами, если злоумышленники угонят вашу машину, то, по вашему мнению, это произойдет потому, что местные власти плохо следят за порядком, а если будет угнана машина другого человека, то виной тому — его беззаботность (надо было установить сигнализацию). В данном случае наблюдается ошибка первого типа. Если же вам предложат хорошую работу, вы сочтете, что причина этого в ваших превосходных личных и профессиональных качествах, а если эту же работу предложат вашему соседу, вы подумаете, что ему просто повезло (ошибка второго типа).

В одном из экспериментов Л. Росс с коллегами продемонстрировала действие ошибки первого типа в лабораторных условиях. Из группы случайным образом выбирали пару студентов, один из них должен был задавать вопросы, а другой — отвечать на них. По окончании процедуры (отвечающий, естественно, не смог ответить на все вопросы, так как находился в заведомо проигрышной позиции — второй-то знал ответы!) наблюдателей спрашивали, кто из участников опыта умнее. Наблюдатели приходили к ошибочному заключению, что тот, кто задавал вопросы, на самом деле, умнее того, кто отвечал.

Фундаментальная ошибка атрибуции оказывает существенное влияние на принятие судебных решений. Обвинение обычно настаивает на том, что преступление совершено по причине порочности

обвиняемого (тенденция первого типа), а обвиняемый настаивает, что пал жертвой обстоятельств (тенденция второго типа).

Однако степень проявления ошибки атрибуции во многом зависит от значения еще одной личностной переменной — *локуса контроля* (Дж. Роттер, 1973). Понятие локуса контроля отражает внутреннее устойчивое убеждение человека в том, кто является причиной происходящих с ним событий. Одни люди воспринимают себя как «кузнецов своего счастья» (*внутренний локус контроля*), а другие — как «жертв обстоятельств» (*внешний локус контроля*). Люди с внутренним локусом контроля более социально успешны, однако чаще страдают психосоматическими заболеваниями (инфаркт миокарда, язва желудка, гипертония). Очевидно, что люди с внутренним локусом контроля реже подвержены ошибке первого типа и более демонстрируют ошибку второго типа. Люди же с внешним локусом контроля в меньшей степени подвержены ошибке второго типа и чаще — первого.

Важной частью социального познания являются *установки* — *обобщенные суждения о группах людей, включающие в себя когнитивные (убеждения), аффективные (оценки) и поведенческие (поступки) реакции* (А. Игли, С. Чайкен, 1993). Например, если мы уверены, что все цыгане склонны к воровству (убеждение), мы почувствуем недоверие к цыганке, которая звонит в дверь нашей квартиры и просит воды (оценка), и не пустим ее внутрь (поступок).

Установки, безусловно, влияют на поведение людей, однако для того, чтобы это влияние было явным, необходимо, чтобы: 1) влияние внешних факторов было сведено к минимуму; 2) установки были осознанны; 3) установки не были слишком общими (например, установка «все люди — братья» едва ли окажет влияние на ваше реальное поведение, а вот установка «пожилые люди нуждаются в помощи на улице» может помочь вам перевести старушку через дорогу).

В свою очередь, поведение формирует наши установки. Эксперименты показали, что люди, которым приходится делать то, что расходится с их точкой зрения, постепенно меняют свои установки. Так, например, со времени принятия Верховным судом США решения об отмене раздельного обучения белых и цветных американцев число одобряющих совместное обучение приблизилось к 100%, хотя до принятия этого решения больше половины белых американцев высказывались против. Законодательное ограничение скорости движения на дорогах привело к тому, что автовладельцы уверены, что скорость, лишь чуть-чуть превышающая норму, является оптимальной.

11.3. Общение

Основа существования группы — это взаимодействие. Взаимодействие немислимо без коммуникации (от лат. *communico* — связываю). В строгом смысле *коммуникация* — это связь, входе которой происходит обмен информацией между системами. Поэтому в том случае, когда коммуникация происходит между людьми, используют термин «общение».

Американский ученый Г.Д. Лассуэл (Lasswell) (1902—1978) предложил *модель акта коммуникации*, состоящую из семи компонентов: КТО (*коммуникатор*) — ЗАЧЕМ (*мотив и цель*) — сообщает ЧТО (*содержание*) — по какому КАНАЛУ связи — на каком ЯЗЫКЕ (*код коммуникации*) — КОМУ (*реципиент*) — с каким ЭФФЕКТОМ (*результат*). Рассмотрим перечисленные компоненты коммуникативного акта.

КТО. В акте коммуникации могут взаимодействовать группы людей, участники группы как носители своих социальных ролей и уникальные личности. В соответствии с тем, кем является коммуникатор, выделяют соответственно *ролевое* и *межличностное общение*. Данные виды общения следует рассматривать как уровни общения, так как в зависимости от обстоятельств один и тот же человек может общаться с другим человеком как на ролевом, так и на межличностном уровне, причем эти уровни могут меняться по ходу общения. Например, врач может начать прием больного от имени своей роли. Тогда он увидит в существе, которое вошло в кабинет, «больного», а не человека. Скорее всего, он начнет разговор с ним свысока, в назидательном тоне, так как социальный статус больного ниже, чем социальный статус врача. Однако во время приема пациент как-то высказыванием может задеть врача «за живое». Ролевое общение превратится в межличностное.

Концепция Г. Тэджфела (H. Tajfel, 1978) предсказывает, по какому пути — ролевому или межличностному — пойдет коммуникация, исходя из трех факторов. Первый фактор — это четкость и различимость категорий членства в группах и границ между ними. Если границы «прозрачны», возникнет эффект межличностного общения. Например, общение скорее будет ролевым между представителями разных рас, чем между представителями одной расы; между мужчиной и женщиной, чем между двумя женщинами или двумя мужчинами; между людьми разных поколений, чем между ровесниками и т.д. Второй фактор — это вариабельность или единообразие поведения партнеров по общению внутри тех групп, к которым они принадлежат. Член группы со строго регламентиро-

ванным поведением (например, военный) будет с большей вероятностью практиковать ролевое общение, чем человек из группы с более свободными ролевыми предписаниями (например, студент). Третий фактор — это степень схожести поведения человека с типичным поведением, которое ожидается от членов его группы. Например, учительница, которая, войдя в класс, вспрыгнет на стол, имеет больше шансов реализовать межличностный уровень общения со своими учениками, чем та, что воплощает своим видом роль традиционного педагога.

Наиболее рельефно соотношение ролевого и межличностного общения проявляется в *ситуации межгруппового конфликта*. Один из известных авторов в области межгруппового взаимодействия М. Шериф предположил, что стиль отношений между людьми, принадлежащими к разным группам, зависит от того, как соотносятся цели, которые преследуют данные группы. Если их цели конкурируют, то будет иметь место формальное ролевое общение и конфликт. Если их цели совпадают, то сложится позитивное межличностное общение. Чтобы проверить достоверность данной гипотезы, М. Шериф провел эксперимент, включающий в себя три стадии: формирование группы, межгрупповой конфликт и разрешение конфликта (1953). На первой стадии эксперимента 24 мальчика в возрасте 12 лет вывезли в летний лагерь. Мальчики быстро подружились между собой. Через несколько дней ребят разделили на две группы, причем друзей намеренно распределили в разные группы. Группы получили названия «Гремучие змеи» и «Горные орлы». Затем было объявлено, что будут проведены соревнования между группами и каждый член победившей группы получит перочинный ножик (мечта каждого мальчишки). Таким образом, цели групп стали конкурировать. Вот как авторы описывают наблюдавшуюся картину: «Если на первой стадии члены групп мирно сосуществовали, то теперь они превратились в две враждебные фракции, не упускающие малейшей возможности высмеять противников, а то и подражаться с ними». Причем бывшие друзья вредили друг другу с таким же упоением, как те, кто не имел до этого дружеских отношений. Другими словами, межгрупповой конфликт привел к тому, что ролевое общение целиком вытеснило межличностное. Каждый мальчик видел в представителе чужой группы не конкретного Джека или Сэма, а лишь Змея или Орла. На следующей стадии исследования психологи ввели кооперативные цели в деятельность групп. Так, однажды грузовик, везущий детей в лагерь, застрял в яме, и им, чтобы успеть к обеду, нужно было вместе его вытащить. После ряда специально организованных событий такого типа в общении ребят

наступила значительная перемена. Они перестали проявлять агрессию к членам другой группы и возобновили межличностные контакты.

Однако не всегда межгрупповые отношения зависят от реально-го столкновения интересов групп. Во-первых, негативный опыт соперничества может закрепиться и приобрести форму *предубеждения* против другой группы. Во-вторых, порой агрессия, вызванная неудачами группы, выплескивается не на истинного конкурента, а на более слабую группу. В одном исследовании группе молодых людей, находящихся в летнем лагере, сообщали, что они в воскресный день отправятся в город. Они с радостным нетерпением предвкушали поездку, но вдруг им сообщали, что поездка отменяется. До и после объявления об отмене желанной поездки выясняли мнение этих молодых людей о национальных меньшинствах. После разочарования, вызванного отменой поездки, участники исследования демонстрировали большую нетерпимость к национальным меньшинствам, чем до него. Очевидно, что на самом деле данные группы не имели никакого отношения к поездке. Они просто стали своеобразными «козлами отпущения».

Важным диагностическим критерием типа общения может быть *дистанция между партнерами*. Хотя в некоторых ситуациях явно ролевое взаимодействие происходит на минимальной дистанции (рукопашный бой, медицинские манипуляции), в целом чем более интимно-личностный характер имеет общение, тем меньше расстояние между партнерами. На рис. 83 изображены расстояния, соответствующие различным видам ролевого и межличностного общения для европейской и североамериканской культур.

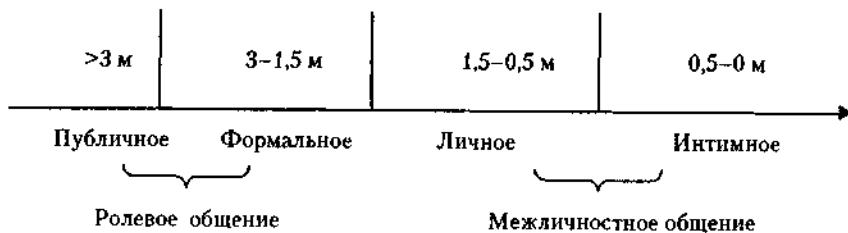

Рис. 83. Дистанция между партнерами при различных видах общения

Зона публичного общения (более 3 м). Публичное общение наблюдается, например, в ситуации чтения лекции. Лектору нельзя пожать руку, похлопать его по плечу, задать спонтанно возникший вопрос. Телекоммуникация также является примером публичного общения, когда коммуникатор может находиться за сотни километ-

ров от реципиента. При публичном общении преобладает односторонняя коммуникация в форме монолога.

Зона формального общения (1,5—3 м). На такой дистанции ведут деловые переговоры. Формальное общение всегда носит ролевой характер, так как при нем важно «соблюдать» дистанцию и исключить личностный компонент из взаимодействия.

Зона личного общения (0,5—1,5 м). На такой дистанции общаются хорошо знакомые люди, которые представляют друг для друга не только ролевой, но и личностный интерес.

Зона интимного общения (0,5 — непосредственный телесный контакт). На таком расстоянии общаются родители и дети, влюбленные, супруги, близкие друзья. Исследования показывают, что степень благополучия супружеских отношений можно установить в том числе, обратив внимание на обычную дистанцию между партнерами. Привычное расстояние при разговоре между супругами, удовлетворенными своим браком, на 30% меньше, чем между супругами, которые несчастливы в браке (Г. Кранэ, Н. Сгане, 1988).

ЗАЧЕМ и ЧТО. Разделяют *управленческую, информативную, эмотивную и фатическую функции общения*. Коммуникация с ведущим мотивом управления имеет форму приказа, убеждения, внушения, просьбы. Если ведущей мотивацией общения является информативная, основным содержанием сообщения становится передача сведений. При эмотивной мотивации предметом коммуникации становится эмоциональное состояние. Часто эмотивное сообщение «маскируется» под информативное. Если реципиент не умеет разгадать истинную мотивацию коммуникатора, возникают обиды и конфликты. Например, жена приходит с работы и видит мужа, который сидит перед телевизором. «Я принесла две полные сумки продуктов», — говорит она. Муж может расценить высказывание как информативное и согласно покивать головой «да-да, я принял это к сведению». Жена в такой ситуации скорее всего, расстроится и почувствует себя недооцененной. Ведь она имела в виду совершенно иное! Она хотела отправить эмотивное послание: говоря о сумках, она на самом деле подразумевала «я очень устала, прояви ко мне внимание». Фатическая мотивация предполагает коммуникацию с целью установления и поддержания контакта. С фатической мотивацией связаны многие ритуалы общения, начиная со знаменитого «Как дела?», которое не допускает развернутого ответа, до разговора о погоде.

КАНАЛ и ЯЗЫК сообщения. Можно разделить виды общения по наличию или отсутствию специально выделенного канала связи. Общение «лицом к лицу» предполагает наиболее естественное те-

чение общения. При опосредствовании общения всегда происходит потеря или искажение ряда компонентов сообщения. Так, например, письменная речь лишена интонационной составляющей. В телефонном разговоре исчезает мимика и пантомимика. При коммуникации через Интернет часто наблюдается принятие партнерами по общению игровых ролей, не соответствующих их истинному положению. Например, взрослый мужчина может общаться от имени студентки, а молодая девушка — от имени пенсионера.

Речевое сообщение может быть адекватно понято только при учете *контекста сообщения и неречевых факторов*. Например, возглас «Попа!» приобретает совершенно различный смысл в устах охотника, только что выстрелившего в дичь, или абитуриента, который изучает список зачисленных в вуз.

В рамках коммуникации идентичное сообщение может быть передано с помощью различного кода. Например, содержание «я понял» можно выразить сленговым «въехал», английским «I understand» и даже знаком из жестовой речи глухих. В данном случае значение передается поднесением указательного пальца к брови, при этом удовлетворенность результатом понимания дополнительно подчеркивается символическим «потиранием рук» после исполнения основного жеста (рис. 84). Для успешной расшифровки сообщения требуется, чтобы реципиент владел тем языком, на котором отправлено сообщение.

Рис. 84. Исполнение глагола «понял» с помощью знака жестовой речи глухих, по Г.Л. Зайцевой

По языку (коду) сообщения традиционно различают *вербальную и невербальную коммуникацию*. Для описания вербальной коммуникации важны денотация и коннотация включенных в сообщение вербальных единиц. Денотацией называют словарное значение слова, например лиса — это млекопитающее семейства псовых. Однако, когда человеку заявляют: «Ну ты лиса», понятно, что речь идет о природной хитрости и изворотливости этого животного. В понимании данного высказывания играют роль *коннотации*, т.е. вторичные ассоциации, связанные со словом. Многие слова имеют четко выраженную позитивную или негативную коннотацию. Сравните, например, пару: «выдум-

щик — лжец». Словарное значение этих слов практически совпадает, и в том и в другом случае имеется в виду человек, который излагает факты, не соответствующие действительности. Однако у слова «выдумщик» — позитивная, а у слова «лжец» — негативная коннотации. Многие слова обладают также качеством *полисемии*, т.е. имеют несколько значений.

Невербальной коммуникацией называют взаимодействие между людьми с помощью неречевых средств. В этом смысле к невербальной коммуникации можно отнести, например, произведения живописи и музыки. Чаше, говоря о невербальной коммуникации, подразумевают обмен сообщениями, которые не могут существовать помимо передающего их человека и происходят «здесь и сейчас». Невербальные сообщения могут быть закодированы посредством выразительных движений тела (и лица), звукового оформления речи, организации предметного контекста ситуации (профессор Плейшнер должен был знать, что цветы на подоконнике обозначают провал явки).

Невербальные сообщения могут дополнять, замешать, регулировать или опровергать вербальное сообщение. При конкуренции вербального и невербального кодов, предпочтение обычно отдается невербальному. Так, если человек сквозь слезы сообщит вам, что «у него все отлично», вы вряд ли примете его слова на веру.

ЭФФЕКТ. Эффективность акта коммуникации зависит от *фактора односторонности* или *взаимности*. При изучении односторонней и взаимной коммуникации было установлено, что односторонняя коммуникация не столь надежна, так как могут быть допущены неточности и ошибки понимания (вспомните игру в «испорченный телефон»), однако помогает сэкономить время (Г. Левит, Ф. Теш, Н. Leavitt, 1951, Ф. Tesch, 1972). Односторонняя коммуникация практикуется обычно с целью управления. В том случае когда в коммуникации принимает участие несколько человек, образуются *коммуникационные сети*. Г. Левит (1951) исследовал вопрос, какие из коммуникативных сетей обеспечивают наиболее эффективное решение задач в группе и связаны с психологическим удовлетворением участников процесса общения. В его экспериментах испытуемые рассаживались за круглым столом, разделенным вертикальными перегородками. Левит варьировал, с кем из членов своей группы мог общаться тот или иной испытуемый, открывая одни и закрывая другие рукава перегородок (рис. 85).

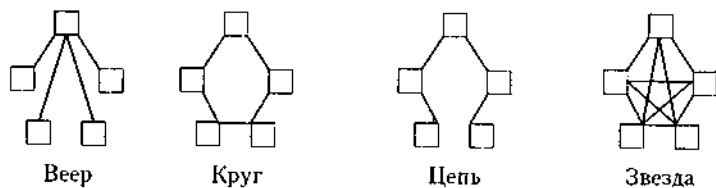

Рис. 85. Виды сетей коммуникации

В коммуникационной сети *по типу веера* все сообщения стекаются в один центр, который, в свою очередь, распределяет информацию между другими участниками группы. По данным Левита, человек, находящийся в центре «веера» получает наибольшее удовлетворение от коммуникации, в то время как другие члены группы не слишком довольны, так как чувствуют себя беспомощными и не способными оказывать влияние на ситуацию. Однако централизованная сеть типа веера оказывается высоко эффективной при решении задач, особенно после того, как группа приобрела устойчивость и произошло распределение ролей. Децентрализованная сеть коммуникации *типа звезды*, в которой каждый может общаться с каждым, менее эффективна при решении задач, но все участники группы, включенные в такую сеть, испытывают психологический комфорт, так как чувствуют свое равенство в распределении потоков информации. В конечном счете децентрализованные сети могут оказаться более продуктивными, потому что в них поддерживается высокая мотивация и дружеская атмосфера (табл. 23).

Таблица 23

Свойства различных сетей коммуникации

Свойства		Наличие центра	Психологический комфорт	Продуктивность
Тип сети коммуникации	Веер	↑	↓	↑
	Круг			
	Цепь			
	Звезда			

На эффективность коммуникации большое влияние оказывает *стиль общения*, которого придерживаются партнеры. Дж. Виеманн (Wiemann, 1985) различает *влиятельный* и *беспомощный стили*

общения. Различные стили характеризуется выбором *формы обращения к партнеру* (сравните обращения «эй, дружок» и «уважаемый Петр Петрович»), *уровнем контроля над очередностью высказываний* (перебивание партнера или терпеливое ожидание своей очереди), *особенностями невербального поведения* (например, смотреть в глаза партнеру или отводить взгляд). Беспомощный стиль включает в себя уклончивые фразы («Мне кажется, что»); лингвистическое заикание («Ну, это, так сказать»); вопросы-концовки («Ну так вы придете завтра, да?»); слова-усилители («очень», «действительно»).

Для того чтобы добиться запланированной цели общения, лучше следовать влиятельному стилю, однако во всем нужна мера, так как в противном случае может возникнуть эмоциональное неприятие слишком доминантного собеседника, и общение будет прервано.

© КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какова основная функция ритуалов посвящения в члены группы?
2. Каким образом можно выяснить, какая из исполняемых человеком ролей наиболее важна для него?
3. Какой стиль лидерства, по вашему мнению, окажется наиболее успешным при выработке стратегии развития предприятия? А при спасении людей на пожаре?
4. При каких условиях меньшинство имеет шанс изменить позицию большинства?
5. Почему действия человека в толпе часто носят иррациональный и агрессивный характер?
6. Почему в исследовании М. Шерифа мальчики, которые еще недавно были друзьями, превратились во врагов?

(Т) ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Что является главным критерием выделения социальной группы?
 - А. Внешнее сходство.
 - Б. Совместная деятельность.
 - В. Непосредственный контакт.
2. Студент, мечтающий стать «великим ученым», хочет присоединиться к...
 - А. Формальной высокоорганизованной первичной малой группе членства.
 - Б. Неформальной высокоорганизованной вторичной большой референтной группе.
 - В. Неформальной диффузной вторичной большой референтной группе.
3. Эффект социального торможения наиболее ярко выражен при групповом решении...

- А. Аддитивных задач.
 Б. Конъюнктивных задач.
 В. Дизъюнктивных задач.
4. Сколько испытуемых в эксперименте Милграма по исследованию подчинения авторитету довели силу удара током до смертельной отметки?
 А. Никто.
 Б. 17%.
 В. 63%.
5. В чем заключается фундаментальная ошибка атрибуции причин событий?
 А. В том, что люди склонны недооценивать роль обстоятельств, когда судят о поступках других.
 Б. В том, что люди часто проводят аналогию с прошлым и поэтому неверно понимают события.
 В. В том, что люди слишком сильно доверяют телевидению и рекламе.
6. В коммуникационной сети какого типа люди испытывают максимальный психологический комфорт...
 А. Веер.
 Б. Цепь.
 В. Звезда.

III ЛИТЕРАТУРА

Основная

1. *Андреева Г.М.* Психология социального познания, М., 2000.
2. *Андреева Г.М.* Социальная психология, М., 1994.
3. *Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погорьша В.М.* Межличностное общение. Учебник для вузов. С.-Пб., 2001.
4. *Майерс Д.* Социальная психология. С.-Пб., 1997.

Дополнительная

1. *Зимбардо Ф., Лайтне М.* Социальное влияние. С.-Пб., 2000.
2. *Крысько В.Г.* Социальная психология. Схемы и комментарии. М., 2001.
3. Перспективы социальной психологии / Под ред. М. Хьюстон, В. Штребе, Д. Стефенсон. М., 2001.
4. *Шибутани Т.* Социальная психология. Ростов-на-Дону, 1998.

Ответы к тестовым заданиям

- Глава 1:* 1 В; 2 Б; 3 В; 4 Б; 5 В; 6 А.
Глава 2: 1 Б; 2 А; 3 В; 4 А; 5 В; 6 Б.
Глава 3: 1 В; 2 Б; 3 А; 4 Б; 5 В; 6 А.
Глава 4: 1 Б; 2 В; 3 В; 4 Б; 5 А; 6 Б.
Глава 5: 1 В; 2 Б; 3 А; 4 Б; 5 В; 6 В.
Глава 6: 1 А; 2 В; 3 Б; 4 В; 5 В; 6 Б.
Глава 7: 1 В; 2 А; 3 В; 4 А; 5 А; 6 А.
Глава 8: 1 Б; 2 В; 3 А; 4 Б; 5 А; 6 В.
Глава 9: 1 В; 2 Б; 3 В; 4 А; 5 Б; 6 В.
Глава 10: 1 В; 2 Б; 3 А; 4 В; 5 Б; 6 А.

Предметный указатель

Автобиографическая память 307,309—316
Адаптация 81,250
Аксон 107-110
Акцент Уация 415, 416
Альтруистическая мотивация 153—156
Амнезия 124,281
Анализатор 240—243
Анальная фаза развития личности 374,375
Анорексия 142
Антикваризм 40,41
Антилокализационизм 115—117
Антропсихизм 80,81
Апперцепция 61,218
Архетип 67
Астенический тип 409,410
Атлетический тип 409,410
Аттенюатор 228,229
Аффект 175
Бессознательное 65—67
Бессознательных умозаключений теория 275
Бинокулярный параллакс 204,257
Биопсихизм 80
Бихевиоризм 68, 69
Брока зона 115, 118
Булимия 142
Быстроволновой сон 123
Бытийные ценности 75, 156
Ведущая деятельность 74, 171, 172,393-396
Верникезона 118
Викарное научение 99, 100
Волевое внимание 222,223
Вторичное внимание
Высшие переживания 75

Высшие психические функции 71, 72
Генитальная стадия развития личности 376
Гештальт 63,339
Гидромеханическая модель мотивации 157
Гипотеза лингвистической относительности 350, 351
Гнев 187, 188, 197, 198
Групповая поляризация 445, 446
Групповая сплоченность 424
Групповые нормы 422, 423
Декларативная память 305,306
Дедуктивное рассуждение 327
Дендрит 107-109
Дилемма узника 431, 432
Динамической системной локализации теория 117, 118
Единства сознания и деятельности принцип 73
Иерархия потребностей 162, 163
Изоляция 374,375
Имплицитная память 293
Импринтинг %
Индивидуальный стиль деятельности 414
Инсайт 65, 88, 101
Инстинктивное поведение 88, 157—160
Интеллектуальная инициатива 345,393
Интеллектуальная стадия развития психики 88—90
Интерриоризация 72, 235, 237
Интроверсия 67, 405
Интроспекция 34,36,50,53,57,58, 61, 62
Интуиция 323
Йеркса — Додсона закон 165
Каузальная атрибуция 452, 454, 455
Квази-потребность 169
Клетки-детекторы 254,255
Когнитивный диссонанс 170, 171
Комната Эймса 264, 265
Комплекс (тип обобщения) 354,355
Комплекс неполноценности 67, 413, 414
Комплекс оживления 146
Константность восприятия 65,275, 276
Контраста эффект 250, 251
Конформизм 442—445
Коэффициент интеллекта 361
«Кривая забывания» 297

«Кривая научения» 305,306
Либи́до 135, 167
Лидерство 437—439
Личностный смысл 95
Личный статус 436
Локализационизм 115
Локус контроля 455
Магнито-резонансная томография (МРТ) 114, 120,121
Майевтика 45, 46
Медленноволновой сон 121, 122
Межполушарная асимметрия 117—119
Мнемотехника 279,280
Монокулярные признаки расстояния 264—266
Мортидо 135, 167
Мотив 73,92,95, 129-133, 163,207-209,388-390
Навык 88, 102, 103
Надситуативная активность 392,393
Настроение 175
Научение 95-97, 103, 104
Нейромедиатор 109, 110
Нейрон 107-110
Нейропсихизм 80
Нейротизм 405
Обусловливание второго порядка 97
Объем внимания 217,218
Объем памяти 227
Объем сознания 216,217
Огруппление мышления 445,446
Оно (Id) 66,371
Оперантное научение 69,96,97
Операция 73, 74, 87, 88
Оптима мотивации закон 165
Опыт «потока» 214,215
Оральная фаза развития личности 333,334
Ощущение 61, 63, 84,240,242-245
Панпсихизм 80
Параллелограмм развития памяти 283, 284
Перцептивная психика 87
Перцептивный цикл 261
Пикнический тип 409, 410
Подчинение 447, 448
Позитронно-эмиссионная томография (ПЭТ) 121

Познавательная потребность 149, 150, 163, 164
Половая потребность 142—145
Порог ощущений (абсолютный и дифференциальный) 245—248
Послеобраз 255
Потребности невротические 135
Потребность в аффилиации 147
Потребность в достижении 152, 153
Потребность в общении 146, 147
Потребность эстетическая 150—152, 164
Презентизм 40, 41
Преперцепция 220
Принцип близости 223,267
Принцип выделения фигуры из фона 267
Принцип замыкания 267
Принцип непрерывности 267
Принцип простоты (прегнантности) 267
Принцип сходства 267
Принципы организации феноменального поля 267
Проблемная ситуация 338,339,441
Промежуточные переменные 69, 76
Проприум 400
Прототипа гипотеза 271,358
Процедурная память 305—307
Псевдопонятие 356,357
Психологическая защита 372—375
Психотизм 405
Психофизика 245
Психофизиологическая проблема 104—106
Раздражимость 82
Рассеянность 215,216
Рационализация 374
Реактивное научение 96
Репертуарные решетки Келли 383,384
Ресурсная модель внимания 232,233
Референтная группа 426, 427
Рефлекторного кольца модель 102
Ролевой стереотип 440, 441
Самоактуализация 75,398,399
Сверх-Я (Super-Ego) 66,371, 404
Сдвиг мотива на цель 74, 160
Сенсибилизация 250
Сенсорная психика 84—87, 106

Синапс 108
Синдром госпитализма 147
Синестезия 251
Синкрет (тип обобщения) 354
Сознание 60-62, 91-95, 121
Социальная роль 432—436
Социальная фасилитация 427
Социальное торможение 427, 428
Социальный статус 436, 437
Социальный характер 441
Социометрия 424, 425
Сравнения с эталоном гипотеза 268—270, 272, 273
Стадия достижения идентичности — смешения идентичности 379
Стиль жизни 67
Страх 187, 188, 198
Стресс 202, 203
Сублимация 145, 167, 376
Схема 260-263, 272
Счастье 187, 188, 198-200
Тематический апперцептивный тест (ТАТ) 160
Тест 36, 37, 362, 363
Толпа 450, 451
Уровень притязаний 170
Уровни переработки информации 77
Условный рефлекс 68, 96, 371, 404
Фаллическая стадия 375
Феноменальное поле 225, 267
Фи-феномен 63, 64, 264
Функциональная система 116
Харизма 437, 438
Цель 73, 92, 337
Черт гипотеза 268, 270, 272, 273
Чувственная ткань сознания 93
Чувствительность 82—84
Чувство 175
Эгоцентрическая речь 352, 353
Эдипов комплекс 376
Экзистенциальный вакуум 75
Экологическая теория восприятия 275, 276
Эксперимент 35—37, 119
Эксплицитная память 293
Экстраверсия 67, 405

Электроэнцефалография (ЭЭГ) 120—122
Эпизодическая память 307—309
Эффект генерализации 102
Эффект Зейгарник 288
Эффект конгруэнтности настроения 255, 286
Эффект неосознаваемой установки 294, 295
Эффект оружия 286
Эффект предшествования 294
Эффект Рингельманна 429, 430
Эффект фон Ресторф 29 7, 298
Я (Ego) 66, 371
Язык 381

Персоналии

Августин Аврелий (354—430) — один из отцов христианской церкви. Главный автобиографический труд психологического содержания — «Исповедь», где развернут интроспективный анализ становления личности.

Адлер Альфред (1870—1937) — австрийский психолог, создатель индивидуальной психологии. Индивидуальная психология, во многом наследуя классическому психоанализу З. Фрейда, делает акцент на процессах, связанных с Эго.

Айзенк Ган Юрген (1916—1997) — английский психолог, пользуется факторным анализом, создал четырехуровневую иерархическую модель личности, которая включает уровень специфических действий или мыслей, уровень привычных действий или мыслей, уровень черт личности и уровень типов. Каждый человек может быть охарактеризован точкой в данном трехмерном пространстве, координатными осями которого являются факторы экстраверсии — интроверсии; невротизма — стабильности и психотизма — Сверх-Я.

Алкмеон Кротонский (VI в. до н.э.) — древнегреческий врач и натурфилософ, первым предположил, что органом души является головной мозг.

Анаксагор (акме — ок. 462—432 до н.э.) — древнегреческий философ, предполагал наличие отдельной субстанции — «ум» («нус»), которая входит в состав живых существ и отличает их от неживой материи.

Анохин Петр Кузьмич (1898—1974) — советский физиолог, автор теории функциональных систем.

Аристотель (384—322 до н.э.) — древнегреческий философ. Сочинения Аристотеля охватывают все отрасли античной науки. Автор сочинения «О душе», понимал душу как «форму тела», т.е. как функцию и вместе с тем причину телесной организации человека. Выделял различные типы души: разумную и неразумную (растительную и страстную).

Асмолов Александр Григорьевич (род. 1949) — российский психолог, специалист в области психологии личности, деятельности и

безсознательного; автор историко-эволюционного подхода к изучению поведения человека и животных.

Бандура Альберт (род. 1925) — американский психолог, создатель социально-когнитивной теории личности, которая отводит центральную роль в формировании личности vicarному научению (научение через подражание социальным образцам).

Бартлетт Фредерик Чарльз (1886—1969) — английский психолог. Известен своими исследованиями о влиянии социальных факторов на память, в которых показал, что память является конструктивным процессом.

Бекеши Джордж (1899—1972) — венгерский физик, лауреат Нобелевской премии (1961), разработал выдвинутую Г. Гельмгольцем локализационную теорию слуха, согласно которой высота звука кодируется при помощи активации определенных участков основной мембраны улитки.

Бергсон Анри (1859—1941) — французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни. В работе «Материя и память» выделил два типа памяти: память тела и память духа.

Бернштейн Николай Александрович (1896—1966) — советский психофизиолог, создатель концепции физиологии активности.

Блонский Павел Петрович (1884—1941) — советский психолог, предложил генетическую классификацию видов памяти, которая отражает путь развития памяти у ребенка.

Божович Лидия Ильинична (1908—1981) — советский психолог, специалист в области психологии развития и психологии личности.

Брентано Франц (1838—1917) — австрийский философ. Создал вариант психологии сознания, полагая единицами психики элементарные психические акты.

Брунер Джером (род. 1915) — американский психолог, один из основателей когнитивной психологии.

Бэддели Аллан (род. 1934) — американский психолог, автор модели рабочей памяти.

Бэкон Фрэнсис (1561 — 1626) — английский государственный деятель и философ, предложил реформу научного метода — очищение разума от заблуждений («идолов», или «признаков»), обращение к опыту и обработка его посредством индукции, основа которой — эксперимент.

Вебер Макс (1864—1920) — немецкий социолог, историк, экономист и юрист.

Вертгеймер Макс (1880—1944) — немецкий психолог, один из основателей гештальтпсихологии, открыл «фи-феномен», разрабатывал теорию продуктивного мышления.

Вундт Вильгельм (1832—1920) — немецкий психолог, создатель психологии сознания. Вундтом открыта первая психологическая лаборатория в 1879 г. в университете г. Лейпцига (Германия). Определял психологию как науку о «непосредственном опыте». Полагал единицами психики элементы сознания: ощущения, представления и чувствования.

Выготский Лев Семенович (1896—1934) — советский психолог, создатель культурно-исторического подхода в психологии. Различал «натуральные» и «культурные» психические функции. Натуральные психические функции преобразуются в культурные с помощью механизма присвоения культурного опыта, объективированного в знаковых системах.

Гален (ок. 130 — ок. 200) — древнеримский врач. В классическом труде «О частях человеческого тела» дал первое анатомо-физиологическое описание целостного организма, установил роль нервной системы как «проводника» воздействий души на тело.

Галь Франц Йозеф (1758—1828) — австрийский врач, создатель френологии. Предложил теорию локализации психических функций в коре больших полушарий головного мозга.

Гальперин Петр Яковлевич (1902—1988) — советский психолог, автор концепции планомерного формирования умственных действий.

Ганнушкин Петр Борисович (1875—1933) — российский психиатр, создатель учения о психопатиях.

Гартли Дейвид (1705—1757) — английский мыслитель, один из основоположников ассоциативной психологии.

Гельмгольц Герман Людвиг Фердинанд (1821—1894) — немецкий естествоиспытатель, автор фундаментальных трудов по физике, биофизике, физиологии, психологии. Автор основополагающих трудов по физиологии слуха и зрения. Обнаружил и измерил теплообразование в мышцах, изучил процесс сокращения мышц, измерил скорость распространения нервного импульса.

Гераклит Эфесский (акме — 500 до н.э.) — древнегреческий философ. В основе мироздания, по Гераклиту, лежит огненный Логос — вечный и неизменный творческий принцип. Считал душу сопричастной Логосу. Провел первую типологию души (сухие и влажные души).

Геринг Эвальд (1834—1918) — немецкий физиолог, автор одной из теорий цветового зрения.

Гибсон Джеймс (1904—1979) — американский психолог, создатель «экологической оптики», оказавшей большое влияние на современную психологию восприятия.

Гилфорд Джой Пол (1897—1987) — американский психолог, предложил структурную модель интеллекта, так называемый «куб Гилфорда».

Гиппократ (460—370 до н.э.) — древнегреческий врач, реформатор античной медицины, материалист, разработал учение о четырех темпераментах: сангвиническом, холерическом, меланхолическом и флегматическом.

Гоббс Томас (1588—1679) — английский философ-материалист, трактовал психику как эпи-феномен (явление, сопутствующее другим явлениям и не имеющее собственных функций).

Дарвин Чарльз Роберт (1809—1882) — английский естествоиспытатель, создатель дарвинизма. В основном труде «Происхождение видов путем естественного отбора», обобщив результаты собственных наблюдений и достижения современной ему биологии и селекционной практики, вскрыл основные факторы эволюции органического мира. В книге «Происхождение человека и половой отбор» (1871) обосновал гипотезу происхождения человека от обезьяноподобного предка.

Декарт Рене (1596—1650) — французский философ, математик, физик и физиолог, дуалист. Атрибутом идеального считал мышление, а атрибутом материального — протяженность. По мнению Декарта, тело действует по принципу рефлекса. Все функционирование организма человека и животного определяется движением «животных духов».

Демокрит (акме — ок. 420 до н.э.) — древнегреческий философ, один из основателей античной атомистики. По Демокриту, существуют только атомы и пустота. Атомы — неделимые материальные элементы (геометрические тела, «фигуры»), вечные, неразрушимые, непроницаемые, различаются формой, положением в пустоте, величиной; движутся в различных направлениях, из их «вихря» образуются как отдельные тела, так и все бесчисленные миры.

Джеймс Вильям (1842—1910) — американский философ и психолог, основатель прагматизма. Автор двухтомного труда «Принципы психологии» (1890). Сознание, по Джеймсу, — это слитный, недифференцированный поток мыслей, непосредственных ощущений и впечатлений (stream of thought). Джеймс создал периферическую теорию эмоций, трактующую эмоциональные переживания как результат интерпретации физиологических изменений в организме.

Дильтей Вильгельм (1833—1911) — немецкий историк культуры и философ, ведущий представитель философии жизни, основатель философской герменевтики, духовно-исторической школы в литературоведении. Развил учение о понимании как специфическом

методе наук о духе (в отличие от наук о природе), интуитивном постижении духовной целостности личности и культуры.

Дункер Карл (1903—1940) — немецкий психолог, исследовал своеобразие творческого мышления, используя метод рассуждения вслух.

Жане Пьер (1859—1947) — французский психолог и психопатолог, разработал учение о культурной обусловленности психических процессов.

Зейгарник Блюма Вульфовна (1900—1988) — советский психолог, начинала свою научную деятельность под руководством берлинского психолога Курта Левина; одна из основателей факультета психологии МГУ, создала новую научную область — экспериментальную психологию.

Зимбардо Филипп (род. 1933) — американский психолог, специалист в области социальной психологии, широко известны его работы по исследованию застенчивости.

Зинченко Петр Иванович (1903—1969) — советский психолог, утверждал, что основная форма произвольного запоминания является продуктом целенаправленной деятельности, не мнемической по своему характеру.

Иванников Вячеслав Андреевич (род. 1940) — российский психолог, специалист в области психологии воли.

Изард Кэрролл Е. (род. 1923) — исследователь эмоциональных процессов, предложил перечень из десяти фундаментальных эмоций: интерес — возбуждение, удовольствие — радость, удивление, горе — страдание, гнев — ярость, отвращение — омерзение, презрение — пренебрежение, страх — ужас, стыд — застенчивость, вина — раскаяние.

Канеман Дэвид (род. 1934) — американский психолог, лауреат Нобелевской премии (2002). Создатель ресурсной теории внимания. В последние годы занимается проблемами принятия решений.

Кедров Бонифатий Михайлович (1903—1985) — философ, химик, историк науки; основные труды — по материалистической диалектике, философским вопросам естествознания, науковедению, классификации наук.

Келер Вольфганг (1887—1967) — немецкий психолог, один из лидеров гештальтпсихологии, в опытах над высшими приматами экспериментально показал роль инсайта как принципа решения задач.

Келли Джордж Александр (1905—1966) — американский психолог, автор концепции «личностных конструктов», согласно которой человек действует как «исследователь», строящий свой образ

реальности посредством индивидуальной системы категориальных шкал — личностных конструктов.

Коффка Курт (1886—1941) — немецко-американский психолог, один из основателей гештальтпсихологии.

Крейк Фергюс (род. 1935) — канадский психолог и психофизиолог, совместно с Р. Локхардом сформулировал теорию уровней переработки информации психикой человека, в которой центральным фактором является «глубина» переработки, зависящая от типа задачи, решаемой субъектом.

Кречмер Эрнст (1888—1964) — немецкий психиатр и психолог, разработал учение о связи основных типов конституционного телосложения с определенными типами темперамента.

Кун Томас (1922—1996) — американский физик, философ и историк науки. Выдвинул концепцию научных революций как смены парадигм — исходных концептуальных схем, способов постановки проблем и методов исследования, господствующих в науке определенного исторического периода. Основной труд — «Структура научных революций» (1962).

Кэннон Уолтер (1871—1945) — американский физиолог, автор таламической теории эмоций, согласно которой вегетативные изменения в организме сопровождают развитие эмоциональных состояний, поскольку они биологически целесообразны. Ситуация, вызывающая эмоции, несет в себе определенный «призыв» к совершению действия, а телесные изменения служат настройке организма на эффективную реакцию. По мнению Кэннона, вегетативные изменения соседствуют с субъективным переживанием, но не вызывают его.

Кэттел Раймонд (1905—1998) — американский психолог, автор факторной модели личности (16 PF Кэттела).

Ланге Николай Николаевич (1858—1921) — русский психолог. Создал одну из первых в России экспериментальных психологических лабораторий, разработал моторную теорию внимания.

Леви-Брюль Люсьен (1857—1939) — французский этнограф и психолог. Создал теорию господства «пралогического мышления» в первобытную эпоху.

Левин Курт (1890—1947) — немецко-американский психолог, разработал концепцию личности, в основе которой — понятие «поля» (заимствованное из физики) как единства личности и ее окружения. Один из основоположников экспериментального исследования мотивации и психологии групп (так называемой групповой динамики).

Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716) — немецкий философ, математик, физик, языковед. Реальный мир, по Лейбницу, состоит из бесчисленных психических деятельных субстанций — монад, находящихся между собой в отношении предустановленной гармонии. В духе рационализма развил учение о прирожденной способности ума к познанию высших категорий бытия и всеобщих и необходимых истин логики и математики.

Леонтьев Алексей Николаевич (1903—1979) — советский психолог, выдвинул общепсихологическую теорию деятельности. На основе предложенной схемы структуры деятельности изучался широкий круг психических функций (восприятие, мышление, память, внимание), производилось исследование сознания и личности. Концепция деятельности Леонтьева получила развитие в различных отраслях психологии (общей, детской, педагогической, медицинской, социальной).

Локк Джон (1632—1704) — английский философ, основатель либерализма. В «Опыте о человеческом разумении» (1689) разработал эмпирическую теорию познания. Отвергая существование врожденных идей, утверждал: все человеческое знание проистекает из опыта. Развил учение о первичных и вторичных качествах и теорию образования общих идей (абстракций).

Лоренц Конрад (1903—1989) — австрийский зоолог, один из создателей этологии. Разработал учение об инстинктивном поведении животных и его развитии в онто- и филогенезе (совместно с Н. Тинбергеном); в некоторых трудах распространял биологические закономерности поведения животных на человеческое общество. Лауреат Нобелевской премии (1973, совместно с Н. Тинбергеном и К. Фришем).

Лурия Александр Романович (1902—1977) — советский психолог, один из основателей нейропсихологии, создал теорию системной динамической локализации высших психических функций, исследовал нарушения высших психических функций при локальных поражениях мозга.

МакДауголл Вильям (1871 — 1938) — американский психолог, понимал потребности как инстинктоподобные готовые способы реагирования, автор «гормической» концепции, согласно которой инстинктивное стремление к цели изначально заложено в природе животного.

Марк Туллий Цицерон (106—43 до н.э.) в работе «Об ораторе» детально разработал систему мнемотехники, основанную на методе «мест и образов».

Маслоу Абрахам (1908—1970) — американский психолог, один из лидеров гуманистической психологии. Создал иерархическую модель потребностей человека. В иерархии потребностей высшее место отводил потребностям в самоактуализации личности.

Милграм Стэнли (1933—1984) — американский социальный психолог, разработал проблематику подчинения.

Миллер Джордж (род. 1928) — американский психолог, один из основателей когнитивной психологии.

Морено Джекоб (1892—1974) — американский социальный психолог, создатель методов социометрии и психодрамы.

Мориц Карл Филипп (1756—1793) — немецкий ученый и писатель. Разработал одну из первых программ психологии.

Московичи Серж (род. 1928) — французский социальный психолог, специалист в области теории социальных представлений.

Мюллер Иоганнес Петер (1801—1858) — немецкий естествоиспытатель и физиолог, занимался проблемами физиологии центральной нервной системы и органов чувств, выдвинул гипотезу «специфических энергий органов чувств». Суть этой гипотезы состоит в том, что ощущения не отражают реальных свойств раздражителя, а лишь сигнализируют о состоянии наших анализаторов.

Мюррей Генри (1893—1988) — представитель психоанализа. Считал, что Сверх-Я формируется не только в раннем детстве под воздействием родительских наказаний, а продолжает развиваться в течение всей жизни, интегрируя опыт взаимодействия со многими людьми и ситуациями. Мюррей также считал, что далеко не все поведение носит защитный характер, и в отсутствие конфликта функцией Эго становится рациональное мышление и точное восприятие.

Найссер Ульрик (род. 1928) — американский психолог, один из создателей когнитивной психологии, разработчик экологического подхода в психологии.

Норман Дональд (род. 1935) — американский психолог, представитель когнитивного направления в психологии, специалист в области памяти, внимания и мышления.

Оллпорт Генри (1897—1967) — американский психолог, инициатор системного подхода к изучению личности, для описания личности вводит специальный термин «проприум». В проприум входят только субъективно значимые аспекты жизненного опыта человека.

Павлов Иван Петрович (1849—1936) — российский физиолог, создатель учения о высшей нервной деятельности. За труды по физиологии кровообращения и пищеварения удостоен Нобелевской премии (1904). С помощью разработанного им метода формирова-

ния условных рефлексов установил, что в основе психической деятельности лежат физиологические процессы, происходящие в коре головного мозга.

Пенфилд Уайлдер Грейвс (1891—1976) — канадский нейрохирург, один из основоположников современной нейрохирургии. Труды — по локализации функций, диагностике, лечению (в том числе хирургическому) эпилепсии, опухолей головного мозга.

Петренко Виктор Федорович (род. 1948) — российский психолог, один из лидеров нового направления в отечественной психологии — «экспериментальной психосемантики», теоретические основания которой лежат в рамках школы Л.С. Выготского.

Пиаже Жан (1896—1980) — швейцарский психолог, выдвинул концепцию стадийного развития когнитивных функций ребенка. Создатель эпистемологии.

Пифагор (570—500 до н.э.) — древнегреческий философ, религиозный и политический деятель, основатель пифагореизма, математик. Пифагору приписывается изучение свойств целых чисел и пропорций, доказательство теоремы Пифагора и др.

Платон (428—348 до н.э.) — древнегреческий философ. Познание, по Платону, есть анамнесис — воспоминание души об идеях, которые она созерцала до ее соединения с телом.

Плотин (204—270) — древнегреческий философ. В системе Плотина путь человеческой души — восхождение от чувственного мира к слиянию с Единым в экстазе.

Поппер Карл Раймунд (1902—1994) — философ, логик и социолог. Свою философскую концепцию — критический рационализм, теорию роста научного знания — построил как антитезу неопозитивизму. Выдвинул принцип фальсифицируемости (опровержимости), служащий критерием демаркации между наукой и «метафизикой».

Райков Владимир Леонидович (род. 1932) — российский психолог, гипнолог.

Рибо Теодюль Арман (1839—1916) — французский психолог и психопатолог, родоначальник экспериментальных исследований высших психических процессов: памяти, произвольного внимания, чувств и др.

Роджерс Карл Рэнсом (1902—1987) — американский психолог, один из лидеров гуманистической психологии, разработал систему психотерапии «центрированной на клиенте».

Рубинштейн Сергей Леонидович (1889-1960) - советский психолог и философ. Область научных интересов — теория и методология общей психологии, педагогическая психология, философия,

логика, психология мышления, история психологии, психология эмоций, темперамента, способностей. Одним из первых отечественных психологов сформулировал принцип единства сознания и деятельности — центральный в теории деятельностного подхода в психологии, разработал принцип детерминизма («внешние причины действуют через внутренние условия»), создал концепцию психического как процесса, автор одного из лучших отечественных учебников по общей психологии — «Основы общей психологии».

Саймон Герберт (род. 1916) — американский экономист и социолог. Исследования в области теории управления, моделирования социальных процессов. Лауреат Нобелевской премии (1978).

Селье Ганс (1907—1982) — канадский ученый, сформулировал концепцию стресса, ввел понятия адаптационного синдрома, болезней адаптации и др.

Симонид Кеосский (V в. до н.э.) — древнегреческий поэт, изобретатель первой известной в европейской мысли мнемотехники — метода мест.

Симонов Павел Васильевич (род. 1926) — российский физиолог, создатель информационной теории эмоций.

Скиннер Беррес Фредерик (1904—1990) — американский психолог, один из крупных представителей современного бихевиоризма. Выдвинул концепцию «оперантного», подкрепляемого научения. Выступал с проектами переустройства общества.

Смирнов Анатолий Александрович (1894—1980) — советский психолог, показал зависимость продуктивности произвольного запоминания от места запоминаемого в структуре деятельности.

Сократ (470—399 до н.э.) — древнегреческий философ, один из родоначальников диалектики как метода отыскания истины путем постановки наводящих вопросов, так называемого сократического метода.

Софисты (V—IV вв. до н.э.) — профессиональные учителя философии и красноречия (Протагор, Горгий, Гиппий и др.). Для софистов характерно перемещение интересов от поисков абсолютной истины о космосе и бытии к выработке прагматических рецептов поведения человека «без предрассудков» в обществе.

Сперлинг Дж. (род. 1960) — американский психолог, экспериментально обосновал модель сенсорного регистра как подструктуры в системе памяти.

Спиноза Бенедикт (1632—1677) — нидерландский философ, пантеист. Мир, по Спинозе, — закономерная система, которая до конца может быть познана геометрическим методом. Человек — часть природы, душа его — модус мышления, тело — модус протя-

жения. Воля совпадает с разумом, все действия человека включены в цепь универсальной мировой детерминации. Решает психофизиологическую проблему в духе единства.

Стернберг Саул (род. 1933) — автор так называемой исследовательской парадигмы Стернберга, основанной на допущении о том, что любой психический процесс требует времени и судить о его наличии возможно по времени реакции.

Теплое Борис Михайлович (1896—1965) — советский психолог, специалист в области психологии индивидуальных различий, разработал психологическую концепцию способностей.

Тинберген Николас (1907—1988) — нидерландский этолог и зоопсихолог. Разработал (совместно с К. Лоренцем) учение об инстинктивном поведении животных и его развитии в онто- и филогенезе. Лауреат Нобелевской премии (1973, совместно с К. Лоренцем и К. Фришем).

Титченер Эдуард Брэдфорд (1867—1927) — американский психолог, представитель интроспективной психологии, противопоставил «наивному» обыденному самонаблюдению «аналитическую интроспекцию».

Тихомиров Олег Константинович (1933—2001) — российский психолог, автор смысловой теории мышления, работал в области психологии творчества, проблем целеобразования и взаимодействия человека и компьютера, методологии и истории общей психологии.

Толмен Эдуард Чейс (1886—1959) — американский психолог, ввел посредствующее звено «промежуточные переменные» в схему бихевиоризма «стимул — реакция».

Торндайк Эдуард (1874—1949) — американский психолог, разработал методику исследования поведения животных при помощи «проблемных клеток» (клеток с секретом, механизм которого должно «открыть» само животное), сформулировал закон эффекта.

Трейсман Анна (род. 1935) — американский психолог, автор модели поэтапной переработки информации в психике человека, модели аттенюатора в системе внимания, модели множественной и гибкой селекции.

Узнадзе Дмитрий Николаевич (1886/1887—1950) — грузинский психолог и философ. Труды по психологии мышления, речи, восприятия и др. Созданная Узнадзе концепция установки и экспериментальные исследования в этой области положили начало школе установки в советской психологии.

Уотсон Джон Бродес (1878—1958) — американский психолог, основоположник бихевиоризма. Противопоставил интроспективной психологии программу перестройки психологии на базе

объективных методов. отождествляя поведение с системой видимых и скрытых моторных реакций, замыкал его исследовательской схемой «стимул — реакция». Основной задачей психологии считал изучение процессов научения.

Фабри Курт Эрнестович (1923—1990) — советский зоопсихолог, этолог, основная тематика его работ — онтогенез поведения и психики животных, эволюция психики, психическая деятельность приматов, этологические и биопсихологические предпосылки антропогенеза.

Фестингер Леон (род. 1919) — автор концепции когнитивного диссонанса.

Фехнер Густав Теодор (1801—1887) — немецкий физик, психолог, философ-идеалист, сторонник панпсихизма и психофизического параллелизма. Основатель психофизики (закон Вебера — Фехнера о зависимости между ощущениями и раздражителями), способствовал внедрению экспериментально-математических методов в психологию, а также в эстетику.

Фома Аквинский (1225—1274) — философ и теолог, систематизатор схоластики на базе христианского аристотелизма. Сформулировал пять доказательств бытия бога.

Франкл Виктор (1905—1997) — австрийский психолог, создатель концепции логотерапии, призванной помочь клиенту в поисках смысла жизни.

Фрейд Анна (1895—1982) — психоаналитик, дочь З. Фрейда, разработала теорию психологической защиты, создала детский психоанализ.

Фрейд Зигмунд (1856—1939) — австрийский врач-психиатр и психолог, основатель психоанализа. Считал бессознательные влечения основной детерминантой психической жизни человека. Создал структурную модель психики, включающую в себя три «инстанции»: Эго, Супер-эго и Оно, теорию психосексуального развития личности.

Фромм Эрих (1900—1980) — немецко-американский философ, психолог и социолог, представитель неопрейдизма. Опираясь на идеи психоанализа, экзистенциализма и марксизма, стремился разрешить основные противоречия человеческого существования — между эгоизмом и альтруизмом, обладанием и бытием, негативной «свободой от» и позитивной «свободой для». Пути выхода из кризиса современной цивилизации видел в создании «здорового общества», восстановлении гармонии между индивидом и природой, личностью и обществом.

Хомский Аврам Ноам (род. 1928) — американский лингвист. Основатель теории порождающей (генеративной) грамматики, теории формальных языков как раздела математической логики.

Хорни Карен (1885—1952) — американский психолог, представитель неопсихоанализа, основу мотивации человека усматривала в «базальной тревоге», которую переживает ребенок, столкнувшись с потенциально враждебным миром.

Хьюбел Дэвид Хантер (род. 1926) — американский врач, нейрофизиолог. Основные работы — в области нейрофизиологии зрения. Совместно с Т. Визелом раскрыл принципы переработки информации в нейронных структурах мозга, воспринимающих внешние сигналы. Лауреат Нобелевской премии (1981, совместно с Т. Визелом).

Шелдон Вильям (1899—1977) — американский психолог, отталкиваясь от концепции Кречмера, разработал гораздо более тонкие процедуры описания соматических типов человека и соответствующих им типов темперамента.

Шеррингтон Чарльз Скотт (1857—1952) — английский физиолог, автор фундаментальных открытий в области нейрофизиологии, создал учение о рецептивных полях. Разработал концепцию интегративной деятельности нервной системы. Лауреат Нобелевской премии (1932).

Эббингауз Герман (1850—1909) — немецкий психолог, представитель ассоциативной психологии. Положил начало экспериментальным исследованиям памяти.

Эльконин Даниил Борисович (1904—1984) — советский психолог, его работы посвящены проблемам теории и истории детства, его периодизации, психического развития детей разных возрастов, психологии игровой и учебной деятельности, психодиагностики, а также вопросам развития речи ребенка и обучения детей чтению.

Эпикур (342—270 до н.э.) — древнегреческий философ. Девиз Эпикура — живи уединенно. Цель жизни — отсутствие страданий, здоровье тела и состояние безмятежности духа (атараксия); познание природы освобождает от страха смерти, суеверий и религии вообще.

Эрикссон Эрик (1902—1994) — американский психолог, создатель эпигенетической концепции развития личности. Развитие личности, по Эрикссону, включает в себя восемь стадий, важнейшей из которых является стадия «достижение идентичности — смешение ролей».

Юнг Карл Густав (1875—1961) — швейцарский психолог и философ, основатель «аналитической психологии». Развил учение о коллективном бессознательном, в образах которого (архетипах) видел источник общечеловеческой символики. Оказал влияние на культурологию, сравнительное религиоведение и мифологию.

Юнг Томас (1773—1829) — английский ученый, один из основоположников волновой теории света. Объяснил аккомодацию глаза, разработал трихроматическую теорию цветного зрения.

Учебное издание

Березанская Наталия Борисовна,
Нуркова Вероника Валерьевна

ПСИХОЛОГИЯ

Учебник

Генеральный директор *В.Ю. Ильин*
Руководитель издательства *А.В. Пустое*
Главный редактор *Г.Л. Гуртова*

Руководитель гуманитарного направления *В.П. Рогов*

Зав. редакцией *Е.Л. Журко*

Редактор *Т.В. Астапина*

Корректор *Т.Ю. Шаманова*

Компьютерная верстка *И.В. Соколова*

Подписано к печати 27.10.03. Формат 60X90'/1В- Бумага газетная.

Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,5.

Тираж 5000 экз. Заказ № Я-830

Издательство «Юрайт-Издат»

105037, Москва, городок им. Баумана, д. 3, кори. 4, стр. 10.
Тел.: (095) 165-91-10. E-mail: publish@urait.ru. www.urait.ru

Отпечатано в типографии ГУП ПИК «Идел-Пресс» в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов.
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.